

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

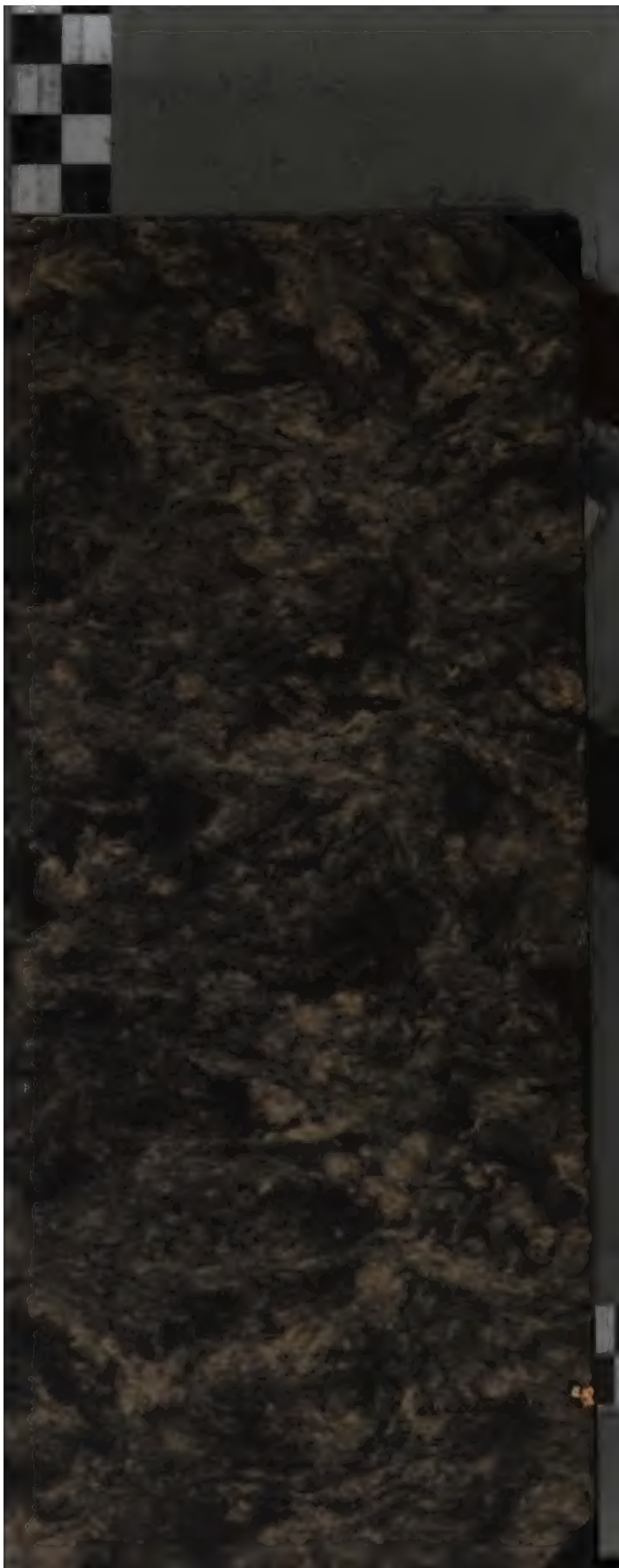
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Pishchenich, Semen Stepanovich.

ИЗВѢСТІЕ О ПОХОЖДЕНІИ

СИМЕОНА СТЕПАНОВИЧА

ПИШЧЕВИЧА

1731 — 1785.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. Чл. Пела Попова.

МОСКВА.

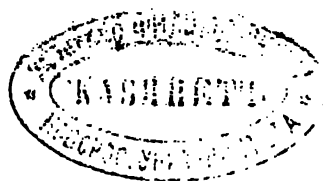
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

DK 23

35'

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при
Московскомъ Университетѣ 1881 г. кн. 1-я, 1882 г. кн. 2-я и 1883 г. кн. 2-я.

Д. К.

1367

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1867 году, во время прїѣзда Славянъ на Московскую этнографическую выставку, д. чл. Общества, профессору Н. А. Попову стало извѣстно, что въ фамиліи Пишчевичей, предки коихъ переселились въ прошломъ столѣтіи изъ Венгріи въ Россію, сохранилось нѣсколько рукописныхъ сочиненій историческаго содержанія, составленныхъ лицами, принадлежавшими къ первымъ тремъ поколѣніямъ названной фамиліи послѣ ея переселенія въ наше отечество. Вскорѣ послѣ того Н. А. Попову доставлено было рукописное сочиненіе генераль-маіора Семена Степановича Пишчевича подъ заглавіемъ: „Книга о націи Сербской, о государяхъ, паряхъ, короляхъ, князяхъ и деспотахъ, такожъ и о прочихъ всѣхъ бывшихъ дѣлахъ, кои съ народомъ Сербскимъ случались“. Это сочиненіе, представлявшее не всегда полный сводъ извѣстій о судьбѣ Сербскаго народа съ начала среднихъ вѣковъ до XVIII столѣтія, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ, заключало въ себѣ также свѣдѣнія о положеніи Сербовъ въ Венгріи до реформъ Маріи-Терезіи, коснувшихся ихъ быта, и происшедшемъ оттуда волненіи и переселеніи недовольныхъ въ Россію. Свѣдѣнія эти носили характеръ фамиліальныхъ преданій и личныхъ наблюденій. Н. А. Поповъ воспользовался ими въ своей статьѣ: „Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи“.

и Россіи“, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1870 г., № 7; а свѣдѣнія, заключавшіяся въ этой рукописи о церковныхъ дѣлахъ австро-венгерскихъ Сербовъ, напечатаны имъ во 2-й книгѣ сборника „Родное Племя“ (подъ заглавіемъ: Изъ рукописи „Сербская Исторія“ Пишчевича, конца XVIII вѣка, стр. 124—131). Самая рукопись передана была въ Сербское Ученое Дружество въ Бѣлградѣ. Но наиболѣе интересныя для русской собственно исторіи сочиненія Пишчевичей остались тогда неизвѣстными.

Въ прошломъ 1879 году потомокъ вышепомянутаго Пишчевича, Александръ Павловичъ Пишчевичъ, доставилъ Н. А. Попову рукописныя сочиненія своего прадѣда, вышереченнаго Семена Степановича и дѣда Александра Семеновича, съ просьбой представить ихъ въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія ихъ въ „Чтеніяхъ“ на условіяхъ, существующихъ на такіе случаи въ Обществѣ, и въ сроки, какіе Общество найдетъ возможными.

Разсмотрѣвъ эти сочиненія, Н. А. Поповъ высказалъ о нихъ слѣдующее мнѣніе:

1. „Извѣстіе о походженіи Симеона Степанова сына Пишчевича, генерала-маіора и кавалера ордена св. Георгія, о его рожденіи, жизни, воспитаніи, наукъ, зачало службы, преселеніе въ далнюю страну, происхожденіе дѣлъ военныхъ и о случившихся съ нимъ по судьбамъ разныхъ частей и несчастій; писалъ самъ собственною своею рукою, собиралъ изъ разныхъ прежнихъ своихъ записокъ и продолжалъ до 1785 года“, состоитъ изъ трехъ частей. Первая, писанная на 47 листахъ, заключаетъ въ себѣ любопытныя извѣстія о первой службѣ Пишчевича въ Австрійской арміи, объ участіи его въ войнѣ Австріи съ Франціей, о походѣ въ Баварію, о возвращеніи изъ него, о семейныхъ дѣлахъ фамиліи Пишчевичей о преобразованіи Сербскихъ военныхъ поселеній въ гражданскія, которое послужило къ выселенію Сербовъ въ Россію, и о поѣздкѣ самаго Пишчевича въ Россію въ 1763 году. Вторая часть, писанная на 80 листахъ, обнимающая 14 лѣтъ

пребыванія Пишчевича въ Россіи, чрезвычайно любопытна по многочисленнымъ подробностямъ, относящимся къ служебнымъ, общественнымъ и частнымъ связямъ автора до 1769 года. Третья часть, писанная на 18 листахъ, но не оконченная, содержитъ въ себѣ разсказъ объ участіи автора въ походѣ русскихъ войскъ противъ польскихъ конфедератовъ. Изъ предисловія къ этой части можно думать, что авторъ хотѣлъ разсказать въ ней также свое участіе въ первой Турецкой войнѣ и наконецъ свою жизнь по выходѣ въ отставку; но въ самой рукописи этого разсказа нѣтъ“.

2. „Продолженіемъ къ сочиненію Семѣна Пишчевича служитъ другая рукопись: „Жизнь Александра Пишчевича, имъ самимъ писанная“. Авторъ, сынъ предшествовавшаго сочинителя, родился уже въ Россіи 31 мая 1764 года. Его автобіографія состоитъ также изъ трехъ частей. Въ первой, писанной въ листъ на 131 страницѣ, говорится о годахъ ученія автора, о выходѣ отца изъ службы, о поступленіи самаго Александра Пишчевича въ армію, о походѣ его въ Крымъ и о присоединеніи этого полуострова къ Россіи, о службѣ на Кавказской линіи, поѣздѣ въ Грузію и жизни въ Георгіевской крѣпости до 1787 года. Во второй части, занимающей также 131 страницу въ листъ, описаны пребываніе автора въ Екатеринославской арміи, возвращеніе въ Георгіевскъ и походъ къ Анапѣ, участіе во второй Турецкой войнѣ, пребываніе въ Бендерахъ и Яссахъ, послѣдняя служба по Кавказской линіи и гоненіе претерпѣнное отъ Гудовича, служба въ Саратовѣ и положеніе Саратовскаго намѣстничества, бунтъ Донскихъ казаковъ и переводъ автора на службу въ Нарвскій карабинерскій полкъ въ 1794 году. Третья часть, писанная на 102 страницахъ въ листъ, заключаетъ въ себѣ описаніе службы автора въ Нарвскомъ полку, поѣздки въ Москву и въ Петербургъ въ 1796 году, искательствъ новой службы въ военной коллегіи и при Гатчинскомъ дворѣ, уничтоженія Вознесенскаго войска и поѣздки автора въ Тульчинъ, перехода автора въ гражданскую службу по воцареніи Императора Павла, скорого оставленія ея и жизни въ Вѣлорусскихъ имѣніяхъ. Разсказъ останавливается на 1798 году“.

„Уже предложенный краткій обзор содержанія обѣихъ рукописей показываетъ, насколько оно можетъ быть любопытно, а мѣстами и важно для исторіи царствованія Екатерины II. Оба сочиненія суть не что иное, какъ мемуары отца и сына, служившихъ въ Россіи въ это царствованіе. Помимо разсказа о служебной дѣятельности авторовъ, въ этихъ мемуарахъ разсыпано не мало свѣдѣній о тогдашней общественной и частной жизни, а также о разныхъ лицахъ, съ которыми Пишчевичамъ приходилось вступать въ сношенія или въ столкновенія. Эти подробности придаютъ всему изложенію оживленный характеръ и дѣлаютъ чтеніе названныхъ сочиненій чрезвычайно занимательнымъ“.

Надзоръ за печатаніемъ „Извѣстія о походе С. С. Пишчевича“ имѣлъ д. ч. Н. А. Поповъ“.

Нѣ благосклонному читателю.

Мнѣ завсегда приятно было оказывать своей націи какую нибудь услугу, и коя бы могла принести хотя малую пользу обществу, для чего мысли мои непрестано мнѣ о томъ напоминали, почему сколько возможность моя досегать могла то потому я и не оставлялъ самымъ действиемъ доказать; предъ самъ издалъ я отъ моего труда на светъ сочинѣние, состоящее въ одной книгѣ о націй сербской, о государяхъ, царей, королей, князей и деспотахъ, такожъ и о прочихъ всѣхъ бывшихъ делахъ кои съ народомъ сербскимъ случались, что уповаю и будетъ моими одно-национальными знакомъ усердія моего принято; а таперь приступаю о самомъ себе говорить не краснорѣчіемъ или лишними какими прибавками, а просто такъ какъ во все время моей жизни приключеній со мною встречались и происходило счастьемъ и несчастіемъ, и поставлю все сие дело въ трехъ частяхъ.

Первое будетъ о всѣхъ произхожденіяхъ бывшихъ отъ юности моей и въ наукахъ обращенія моего, и по вступленій въ австрійскую службу даже до выезда моего въ Россію.

Вторая часть состоятъ будетъ въ томъ, какъ о выездѣ моемъ въ Россію и по вступленій въ службу что происходило

и со мною случалось, даже до похода моего въ 1767-мъ году въ Польшу.

Третья часть изъяслять будетъ походъ и конфедерацію полскую и о воинѣ и сраженіяхъ с ними, изъ чего напоследокъ родылась преужасная и долголѣтняя съ Россією турецкая война; а въ заключеніе по продолженіи моей долголѣтней службы и о моемъ покое, при коемъ успѣлъ я пресмотреть и пребрать всѣ свои прежніи записки, кои подали мнѣ способъ къ сочиненію ~~этого~~ ~~дома~~.

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЕ

СИМЕОНА СТЕПАНОВА СИНА ПИШЧЕВИЧА ГЕНЕРАЛА МАИОРА И КАВАЛЕРА.

Родился я на светъ какъ родители мои мнѣ сказывали въ 1731-мъ годе сентября 14-го дня, отецъ мой былъ Степанъ Гавриловъ сынъ Пишчевичъ изъ фамилій стариной шляхетской, какъ о томъ въ описаніи родословной довольно показано есть, у меня братѣвъ и сестеръ было и старее и моложе меня, а всѣхъ насъ у отца и матери четырнадцать детей отъ перваго ихъ брака состояло, я былъ имъ четвертое дитя, родители мои воспитавали меня весьма въ добромъ порядкѣ, домъ нашъ гдѣ я родился состоялъ въ Славоніи въ местечкѣ Шиде¹, а место сие было военное принадлежащее къ подунайской тогда бывшей ландъ-милиціи, въ которомъ отецъ мой былъ капитаномъ и командиромъ того места.

Отъ юности моей былъ прежде нежели я самъ себя помню, какъ мать моя мнѣ разказовала, былъ я весьма резовъ, родители мои старались какбы наилучше въ наукахъ меня наставить, для чего и зачали на пятомъ годе моего возраста обучать меня грамотѣ славенскаго природнаго языка, приставленъ былъ ко мнѣ учитель, при коемъ я сперва успевалъ такъ какъ обыкновенно ребята маленькие учутца, однако охотно принимался за свою азбуку, и что далѣе то лучше, и

¹ Шиде торговое мѣстечко въ жупаніи или комитатѣ Сремскомъ, имѣетъ теперь болѣе 3,400 жителей, изъ коихъ до 2000 православныхъ Сербовъ и около 400 униатовъ, сверхъ того нѣсколько католиковъ другихъ національностей. Мѣстечко лежитъ почти на одинаковомъ разстояніи между рѣками Савой и Дравой, и въ далекомъ разстояніи отъ православныхъ монастырей западной окраины Фрунжской Горы.

такъ дашолъ въ томъ содержаніи до восьми лѣтъ моего возраста, потомъ отвезли меня мои родители въ городъ называемы Петроварадинскии шанацъ къ дядѣ моему оберъ капитану Секули Витковичу, куда онъ тогоже года преселился и принялъ командованіе полкомъ ландъ-милицій подунаиской²; въ томъ городе было учреждено училище для наукъ младеничества, для чего и я туда привезенъ былъ, я въ томъ училище зачалъ сперва продолжать науку своего природнаго языка, а потомъ и полатине, напоследокъ сталъ я часто хврать, почему взяли меня мои родители опять дамой гдѣ и пробулъ несколько месяцевъ, между тѣмъ отъ части проронилъ я свое ученье а особливо по латине, однакъ какъ скоро въ состояние прежняго моего здоровья я пришолъ, то и опять, отвезли меня въ Петроварадинскии шанацъ, гдѣ по прежнимъ науку продолжать сталъ, и успѣлъ поправить и достигнуть тѣмъ было укосилъ, потомъ какъ дядя мой оберъ капитанъ Секула Витковичъ отъехалъ по надобности въ столычной городъ Виену, то и отослазы меня мои родители спитъ въ Виенужъ, для науки немецкаго языка, куда по приездѣ отъдалъ меня дядя мой въ пансіонъ, онъ потомъ тамъ въ Вѣне не болѣе полугода бавился и получа чинъ подполковничи отъправился дамой, а я для продолженія своей науки тамъ остался и былъ три года, учился я спрлежностію и достигъ знаніемъ того немецкаго языка довольно хорошо, я ужъ безънужди говорилъ, читалъ и писалъ, также танцовать, рисовать, арихметику выучилъ и часть диометрій зачалъ было понимать, между тѣмъ мать моя жестоко заболѣла, по притчинне что дети меншии меня братья и сестри мои померлы и по такой жалосты въпала она въ болезнъ, и какъ болѣе дѣтей неосталось кроме что я одинъ, то потому и послазы за мною и привезли меня дамой.

Приезду моему мать моя чрезвычайно обрадовалась а притомъ какъ увидѣла она и отецъ мой что уже я довольно хорошо поемецкии

² Петроварадинъ, пошѣм. Peterwardein, помадлярски Pétervárad, существовалъ по времена римскаго владычества подъ именемъ Ascupinacum; средневѣковыи преданія связываютъ его нынѣшнее названіе (городъ Петра) съ именемъ Петра пустынника. Въ 1526 г. имъ овладѣли турки и держали въ своихъ рукахъ до 1687 г.; 25 июля (5 авг.) 1716 г. принцъ Евгеній Савойскій одержалъ знаменитую побѣду надъ турками, приведшую къ Пожаревациному міру. Петроварадинъ всегда считался сильнѣйшею изъ крѣпостей Австріи; лежитъ на правомъ берегу Дуная, на равномъ разстояніи отъ впаденій въ него Сава и Дравы, нѣсколько выше впаденія Тиссы, противъ города Новаго Сада (по шѣм. Nou—Sad, по мад. Új Vidék) у восточнаго склона Фрушкой Горы. Теперь изъ крѣпости не остается нѣтъ болѣе 2,600 жителей, болѣею частію католиковъ.

говорить умѣю, и сталъ преводить разные присилаемые немецкіе высьми, такожь и откоманды къ отцу моему ордера, то тѣмъ весма родители мои были довольни; я ужъ живу дома месеца четыре и провожу время въ чтеній и пысаній, а тѣмъ временемъ мать моя получила отъ болѣзны облекчение, потомъ разсудили родители мои чтобы еще по молодимъ моимъ летамъ къ достиженію совершенства въ зачатой моей науке не утратитъ удобнаго времени, для чего отецъ мой отвезъ меня въ городъ Сегединъ³ съ намереніемъ чтобы поставить меня въ тамошнюю гимназію, въ которой предаются разные науки, сие училище состоитъ подъ управленіемъ тамошняго духовенства патровъ пияристовъ называемыхъ, и какъ отецъ мой старшему того училища о принятій меня во оное подалъ на писме свою прозбу, на которую резолюція положена такъ, какде во оной гимназій студентовъ детей господскихъ закона другаго не состоятъ окроме рымско католикаго, то ежели къ тому мы согласитца хотимъ чтобы мнѣ въ оной законъ вступитъ, то и принять буду въ то училище а иначе нельзя; отецъ мой видя такую невозможность весма оскорбился, и ужъ не зналъ что болѣе дѣлать, какъ что поставить меня у одного тамъ въ городе немецкаго учителя въ пансионъ, самъ возвратился дамой а я остался: учитель мой былъ человекъ приятенъ и весма на всѣ науки учонъ, онъ меня въ достиженій совершенствомъ немецкаго языка болшою частию наставлялъ і исправлялъ регулно говорить и пысать, также я у него и всѣ части математики приобрелъ, содержалъ онъ меня такъ какбы я въ своемъ доме былъ; въ томъ городе и у того учителя былъ я года полтора, а потомъ приехалъ отецъ мой ко мнѣ и взялъ меня дамой стѣмъ намереніемъ, чтобы отъдать меня для практики судебныхъ и другихъ военныхъ пысленныхъ дѣлъ, кои производятца на немецкомъ языкѣ въ крепосты Есекъ⁴ въ тамошній гене-

³ Сегединъ (Szeged, Segedinum) лежитъ противъ устьевъ р. Мароша, сливающейся съ среднимъ теченіемъ р. Тиссы, которая впадаетъ въ Дунай слѣва ниже Петроварадина въ мѣстности подвергающейся разливамъ называнной рѣки. Городъ старинный, бывшій уже не малымъ во время нашествія татаръ. Съ 1551 до 1686 г. былъ въ рукахъ турокъ, построившихъ въ немъ крѣпость; теперь имѣетъ болѣе 60.000 жителей, между коими число православныхъ Сербовъ занимаетъ лишь ничтожную долю.

⁴ Подъ властію римлянъ Margia, потомъ Осекъ съ небольшою крѣпостью, построенною въ 1091 г., по нѣм. Essek, съ 1535 по 1683 въ рукахъ турокъ, переходилъ до конца прошлаго столѣтія среди болотъ у праваго берега Дравы, не доходя до впаденія ея въ Дунай на три мил. Въ 1775 г. главныя части города

рала губернаторской канцелярій, для того что мы Сербы по природе нашей ни до чего болѣе оклонности не имѣемъ какъ до военнаго ремесла, и потому чтобы ужъ я и зачало свое предпринялъ, отецъ мой неупуская времени отъвезъ меня туда, (крепость сия состоитъ въ Славоніи) и приехавши явился тамошнѣму генералъ губернатору, назывался маркизъ де Гвадани ¹, объявыгъ ему отецъ мой о своемъ намереніи и просить о принятіи меня въ оную канцелярію и обопределеніи для практики къ писмѣннымъ военнымъ дѣламъ, но чина мнѣ отецъ мой никакова не просилъ, а только такъ партикулярно и на своемъ содержаніи чтобъ я тамъ былъ до времени, генералъ губернаторъ такое отца моего дело похвалылъ и обещалъ сделать.

Тогоже дня пашолъ отецъ мой и меня взялъ съ собою къ состоящему въ той крепости и при канцелярій главному директору, производящему всѣ какъ военные такъ и судебные писменные дела, назывался чиномъ и по фамиліи хофъ крингсъ ратъ конценъстъ фонъ Малеръ, чинъ сен тамъ великъ почитаетца, и значитъ военнаго совета оберъ секретарь; сен господинъ былъ отцу моему издавна знакомъ, отъкрылъ ему отецъ мой свое намерение и пресказалъ что ужъ и генералъ губернаторъ о томъ извѣстенъ, прося его чтобы онъ принялъ меня на содержаніе къ себе въ домъ, яко управление писменныхъ дѣлъ при канцелярій отъ него зависитъ, и что я будучи при нѣмъ могу во всемъ лучшее наставленіе приобрести, за какову его милость обещаетъ отецъ мой принести свою благодарность и признавать будетъ навсегда его великимъ своимъ приятелѣмъ, сен господинъ на ту прозбу отца моего охотно склонился и меня къ себе принялъ.

И потомъ какъ отъ генерала губернатора о употребленіи меня къ деламъ приказано, а отецъ мой совершивши свое желаніе поехалъ домой а я остался.

Господинъ фонъ Малеръ содержалъ меня не иначе а какбы точно

оттесены отъ болотистыхъ береговъ. До турецкаго завоеванія это былъ главный городъ въ Славоніи, за тѣмъ его торговое значеніе упало, но военное сохранялось долго; теперь опять поднялся, имѣетъ до 15.000 жителей, изъ коихъ до 12.000 католиковъ хорватскаго и нѣмецкаго происхожденія и болѣе 2.000 православныхъ Сербовъ.

¹ Маркизъ, потомъ возведенный въ графы, Александръ *di Guadányi* былъ генераломъ австрійской службы уже при Леопольдѣ I. Его племянникъ гр. Іосифъ Гвардъстенъ, какъ первый въ свое время мадьярскій водевилистъ и сатирикъ (род. 16 окт. 1725, ум. 21 дек. 1801).

роднаго своего, и я отъ него много ползи въ наставленій получилъ, у него я былъ всегда на одномъ столе и квартиру мнѣ определялъ возлѣ себя въ другой комнате, водилъ онъ меня всегда съ собою праздничными днями къ генералъ губернатору и случалось несколько крѣтъ, что я у генерала у стола кушать оставался, также бывало часто когда господинъ фонъ Малеръ по вечерамъ поидеть куда, къ тамошнимъ господамъ для провождения времени въ кампанію и на балъ, а часто праздничными днями въ загородные сады прогуливатца куда и многие тамошние господа для увеселения съезжаютца, то всегда меня съ собою бралъ, и тѣмъ подавалъ мнѣ въ обхожденіи съ людьми спосѣбъ къ просвѣщенію.

По прошедствіи времени немного болѣе одного года получилъ господинъ фонъ Малеръ повелѣніе чтобы ему ехать въ Выену и что онъ определенъ будетъ къ другому вышшему мѣсту, почему онъ и поехалъ, я его проводилъ до первой почти и будучи въ дорогѣ говорить онъ мнѣ: какде я таперь мои любезни Симонъ отъезжаю, а самъ еще незнаю куда определенъ буду и уже де мнѣ сюда болѣе невозвращатца, то де советую тебѣ чтобы ти о моемъ отъездѣ своего отца уведомишь, и что онъ соизволить стобю, оставатца тебѣ еще при канцеляріи или ехать домой и въ томъ какъ онъ залучше разсудитъ.

Я выпроводивши моего господина фонъ Малера и простясь снимъ съ слезами возвратился назадъ въ городъ, и пишу къ отцу что я остался и что господинъ фонъ Малеръ уехалъ въ Выену; почему онъ спустя несколько дней приехалъ ко мнѣ сказывая, что онъ командированъ въ походъ противъ французовъ и что намеренъ и меня съ собою взять.

Тогожъ дня пашолъ отецъ мой къ генералу губернатору благодарить за его высокую мылость и объявляетъ при томъ: какде таперь продолжаетца съ французами война и я командированъ, говорить отецъ мой, въ походъ то де и сына моего намеренъ взять съ собою, чтобы повидеть чужие края, а при томъ какъ по природе нашей неинаково ему оставатца, а должно въ военномъ дѣлѣ привыкать и въ службѣ зачало учинить; генералъ губернаторъ таково отца моего намерение весьма похвалилъ и меня отпустилъ.

Потомъ въскоре въ томже 1744-мъ годѣ на веснѣ армія цесарская изъ своихъ винтеръ-квартиръ стала выступатьъ въ полъ подъ предводительствомъ принца Карла Лутрингскаго, въ томъ числѣ и полудунайской ландмилиціи адинъ пехотной полъ.

Я теперь здесь стану нарочно для любопытства читателю писать о семъ войске какъ тогда оно было. Сия подунанская ландмилиция состояла въ двухъ тысящахъ салдатъ пехоти, но не весь тогда въ походъ выступилъ, а осталась большая часть онаго въ своихъ жилищахъ у прикрытія границы отъ стороны турецкой, а только въ походъ пошло восемь сотъ человекъ редовыхъ! Правда что всѣ выборные люди были, хотя въ то время оны почитались войскомъ не регулярнымъ, однако всегда большъ службы носили нежелъ другие, мундиръ, ружья, и всю амуницію должны были имѣть свое собственное и на своемъ коште исправлять, потому что сей народъ по силе ихъ привелегій никакъ другой подати не давали и состоять отъ всего воины, и для того въ военномъ порядкѣ въместо другихъ податей и кварталей, должны были себя исправлять своимъ коштомъ, что имъ ни мало тягости не приносило и оны охотно на томъ положеніи аставались, ружья и амуницію имѣли оны свое собственное, а ктому сабля и пара пистолетъ въ кожаномъ невеликомъ чехлѣ пристегнути къ левому боку тела, при чемъ ножъ или кинжалъ въ полъ аршина длинн; у всякаго то должно было быть и во всякой исправности чего оны самы всегда наблюдали, и другъ предъ другомъ исправностию и чистотою щеголяли.

Мундиръ обыкновенной свои в томъ оны и дома ходили, но однако простое а все одного манера покрою и цветомъ, на голове были у всѣхъ кивера чорные съ короткими обрезанными крылами ничемъ не обкладены, разве что у некоторыхъ офицеровъ такимижъ короткими крылами шитие сребромъ были, въ томъ числѣ я первой себя здалъ и белое перо носилъ; это такой видъ дѣлало что лстился всякъ имѣть, кто только былъ въ состояніи себя исправить, а впротчемъ у офицеровъ были и шляпы.

Сие Славонское войско ⁶ и Тренковъ полкъ ⁷, что изъ лѣсовыхъ раз-

⁶ Въ то время Сербы, какъ издавна поселившіеся въ Венгрію, такъ въ особенности переселившіеся изъ Турціи въ 1691 г. при патріархѣ Арсеніи III Чарношичѣ въ числѣ 40.000 семействъ и въ 1737 году при патріархѣ Арсеніи IV Шкабичѣ въ небольшомъ числѣ, занимали въ качествѣ военныхъ поселеній всю юго-восточную Венгрію и большую часть Славоніи, имѣли постоянно подъ оружіемъ 20.000 человекъ, платили въ камеральную кассу ежегодно 48.000 флоринъ, и раздѣлены были на три военныхъ округа: Сегединскій, Арадскій и Петроградскій, въ коихъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ или шанцовъ считалось 45, но изъ нихъ не болѣе пяти имѣли свыше тысячи жителей, платившихъ ежегодно по 10 флор.

⁷ Баронъ Францъ Тренкъ родился 1 янв. 1711 г., былъ сыномъ полковника

бойниковъ тогда былъ на вербованъ; какъ французы первой разъ противъ себя въ сраженіяхъ увидѣли то прозвали ихъ пандурамы, каково имя прилепыло въ потомъ за нихъ такъ, что и многие другіе по невѣдѣнію, что сие значить, такимъ же именемъ называть стали, однако неправо сказано: ибо то имя пандуръ совсѣмъ иныхъ людей значить кои нисколько не военные, таковы пандуры содержатца въ Славоніи у гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ какъ для содержанія караула при тюрьмахъ, такъ и для разсилокъ въ сборе поголовныхъ денегъ и для собранія съ земли провианта и фуража къ магазейни принадлежащаго, а также и помещики въ деревняхъ своихъ таковыхъ пандуровъ содержатъ для содержанія ночныхъ карауловъ, у коихъ имѣются также и ружья, сабли и пистолеты и такаяжъ одежда какъ и у служивыхъ, ибо въ Славоніи весь народъ обыкновенно въ одинаковой одеждѣ ходитъ.

Теперь возвратимся назадъ, стану говорить о виступленіи полка въ походъ, который арьеранъ былъ подъ командою майора Вукъ (или волканъ) Исаковича.

Мы виступили на веснѣ и въ томъ же годѣ какъ выше значить и назначено было всѣмъ ротамъ сборное мѣсто куда, и отецъ мой съ своею ротою на томъ срокѣ спешилъ и меня уже съ собою взявъ,

австрійской службы, перешедшаго въ оную изъ Пруссіи, началъ свои военные подвиги, прославившіе его имя въ Европѣ, тѣмъ, что вышелъ въ 1738 изъ Мюнхена съ тремястами добровольцевъ, набранныхъ между южными славянами, и участвовалъ въ руско-турецкой войнѣ, но дважды подвергся военному суду за дерзкое обращеніе съ начальниками и только крайняя отвага его спасла отъ строгаго наказанія; затѣмъ, возвратившись въ Славонію, гдѣ у него было имѣніе, набралъ особое ополченіе изъ людей разнаго, но преимущественно южнославянскаго происхожденія, предводительствовалъ ими въ войнахъ съ Баваріей и Пруссіей, сталъ даже лично извѣстенъ Фридриху II, нагнавъ страхъ на мирное населеніе средней Германіи грабежами и насиліями своихъ пандуровъ; нѣсколько разъ былъ судимъ въ самой Австріи за своеволие и презрѣніе къ дисциплинѣ и, будучи приговоренъ къ заточенію, притворился умершимъ и такимъ способомъ получилъ свободу, благодаря содѣйствію баронессы Лестоукъ съ которой и бѣжалъ въ Голландію, но потомъ вернулся въ Австрію, снова судился за наемъ будто бы поднимать возстаніе въ Славоніи, былъ посаженъ въ моравскую крѣпость Шпиллербургъ, гдѣ и умеръ въ концѣ 1749 г., оставивъ по себѣ записки, изданныя тогда же подъ заглавіемъ: «Merkwürdiges Leben und Thaten des Freiherrn Franz von der Trenk (Leipzig, 1748). О немъ потомъ было писано много. Его имя оставило по себѣ память и между южными славянами. На хорватскомъ языкѣ есть книжка о немъ Луки Илича: «Baron Franjo Trenk i Slavonski Panduri» (U Zagrebu, 1845).

и тако соединившись все роты на томъ назначеномъ мѣстѣ, и по пресмотрѣ майоромъ оныхъ, велѣлъ приказомъ чтобы називатца полкомъ Славонскимъ Подунайскимъ и учиня майоръ подлежащій свои распоряженій, выступили въ свою путь далѣ.

Анѣмъ днемъ на разлаху наполю отецъ мой къ майору и меня съ собою взялъ представляя меня говорить чтоде ето сынъ мой, онъ посие время былъ на науке, а таперде взялъ я ево съ собою въ походъ волонтеромъ, чтобы светъ и чужие края повидеть, а при томъ о службѣ и о действияхъ военныхъ повяние могъ приобрести и приучитца тому ремесству въ каковомъ и я самъ состою; яде вамъ ево. говорить отецъ мой, представляю и прапу, чтобы позволить ему быть при полковой канцеляріи при письме, а также и другое по полку что приказано будетъ онъ исправлять можетъ.

Майоръ прозбу отца моего весьма склонно принялъ и радъ былъ, причеиъ еще и благодарилъ отцу моему за ево такъ къ нему отъзывъ, обещавъ старатца въ случаи помогать; оборотясь потомъ майоръ ко мнѣ проговорилъ понемецки, спрашивая умеюль я тѣмъ языкомъ говорить, начто отвечалъ я что умѣю и что готовъ служить і исполнять его повелѣній *; майоръ тотъ часъ приказалъ къ себе призвать пол-

* Сколько нипѣшняго времени въ народѣ нашемъ Сербскомъ уже повиходили ученихъ на разныхъ языкахъ людей, столкомъ в то время былъ въ томъ недостатокъ, и ето редкость была когда кто понемецки только умѣлъ говорить, а о другихъ какихъ наукахъ и слыху вовсе небыло.

Насъ тогда въ полку которые понемецки говорить умѣли было всего три человека, майоръ первый да поручикъ Николичъ другой, и я третьей, однако въ точности приличнаго знанія мнѣ право давали.

Таково неананіе ни отчего болѣе непроизсходило какъ отъ того, что отцы синовъ своихъ на науки не отдавали, убегивая слѣпо отъ просвещенія, а наиболѣе чрезъ сохранение положеныхъ постовъ, воображая что ежели сына отъдать въ науку и отослать изъ дому въ какие дальніе училища, то будучи тамъ должно будетъ дитя всегда мясо есть, и тѣмъ будто потѣряетъ вѣру и законъ свой, и будетъ иѣмецъ (или ионакъ) а потомъ чрезъ науку до экономіи домашней будетъ неспособенъ; но какими недостатками въ учоныхъ людяхъ а особливо молодые господские дети вѣстунннше въ службу тѣрали свое счастье; и весьма трудно въ чины происходили и оставались многие во весь векъ свой въ одномъ только чинѣ и едва кто до капитанства доходилъ, я знаю довольно что по недостатку изъ учоныхъ немечнаго языка людей принуждено было держать какъ при главной командѣ у генераловъ, такъ и при полкахъ талмачовъ, исчего великіе затрудненій происходили, и нинити въ ротѣ какъ случитца, что иному на немецкомъ языке

коваго квартирмейстера; онъ былъ немецъ приказалъ ему, чтобъ онъ въ канцеляріи имѣлъ меня при себѣ и употреблялъ въ письменныхъ делахъ, квартирмейстеръ сталъ давать мнѣ къ сочиненію табелей, списковъ и другихъ дѣлъ, кои тогда къ главному смотру приготавливались, ибо мы ужъ не далеко отъ города Печуя⁸ где оберъ кригсъ комысаръ (по фамиліи фонъ Клейнъ назывался) дожидаетца и будетъ смотреть полкъ, мы продолжали наши марши далѣ и вышли ужъ изъ Славоніи, переишедъ реку Драву пошли въ Венгрію и приближаемся къ тому городу где смотръ будетъ.

И препорученное мнѣ дело въ препыске табелей и списокъ ис-

письмо или ордеръ отъ команды пришлѣтца, то и бегаешь со онимъ во все стороны шцетъ, кто иное прочетъ и прескажетъ ему что тамъ напысао.

И на такомъ основаніи оставались дѣстари сколько десятковъ дѣтъ, покуда уже на послѣдокъ тѣ ландъ-милиціи преформировани на другой штатъ и учреждены изъ нихъ полки регулярные (о чемъ въ переды въ своемъ мѣстѣ еще буду я говорить), и все письменные дела отпращиваца стали по-немецки, также и офицеровъ немцовъ почти половина часть къ нимъ определено, почему уже и наши отворили глаза и стали немецкаго языка учица, и теперь многие тѣмъ воспользовались, что хорошими людьми и офицерами практикованными по происхожденію и вѣдомствъ полкахъ состоятъ.

Правда была и то что въ первые вѣки немцы также не были такъ просвѣщены, какими нынѣшняго времени состоятъ, оны въ канцеляріяхъ даже и по военнымъ деламъ писывали и свои отпращиванія дѣлали по обычаю древности римской на языкѣ латинскомъ, что также не только намъ сербамъ но и самимъ немцамъ приносило большое затрудненіе, яко оны и самы не все такъ учили были и всякъ того языка разуметь не могъ, покуда на послѣдокъ оны отъ того отстали и нынѣшняго времени по военнымъ деламъ уже на своемъ природномъ немецкомъ языкѣ отпращивать стали, и латинской остался болше въ гражданскихъ и въ судебныхъ делахъ въ употребленіи, а особливо венгры того держатца.

⁸ По сербски Печуи, по хорв. Ресѣн, по мадьярски Pécs, по чешски Pětiko-stelъ по нѣм. Fünfkirchen, въ средніе вѣка Quinque Ecclesiae s. Basilicae, во времена римлянъ Sorana, — одна изъ обильнѣйшихъ по археологическимъ находкамъ мѣстностей, лежащая недалеко отъ Дуная и границъ Славонскихъ. Этотъ городъ уцѣлѣлъ даже во время великаго переселенія народовъ и былъ уже значительнымъ во время прибытія Мадьяръ въ придунайскія земли. Св. Стефанъ основалъ здѣсь епископскую кафедру въ 1009 г.; Людовикъ I въ 1367 г. основалъ здѣсь академію, въ которой число слушателей въ 1525, въ годъ битвы при Могачѣ, передавшей Венгрію въ руки турокъ, доходило до 2000 и болѣе 300 изъ нихъ пало въ этой битвѣ. Во время турецкаго владычества городъ упалъ, но послѣ завоеванія австрійцами въ 1686 г. сталъ подниматься, вслѣдствіе сѣльнаго наплыва нѣмецкихъ колонистовъ. Теперь жителей въ немъ считается около 20.000 и между ними болѣе 18.000 католиковъ мадьярскаго и нѣмецкаго происхожденія.

появился поспешно и начал выносить из комнаты квартирмейстеру вещи, которые должны были быть переданы майору, на что квартирмейстер поспешно вышел из комнаты и вышел из комнаты.

То же самое случилось и тогда, когда майор с себе обер-командиром начал говорить о том, чтобы расположить по квартирам.

Его антимоний был вынесен из комнаты для майора на назначенное место. Майор был передан из комнаты верхом, а на правом плече поставлены были тоги и был передан подготовленные к тому же майору положены. Это потому, когда майор начал верхом обер-командиром и приближился к входу, услышал ему майор честь из барабанных боев.

Обер-командир начал из комнаты, чтобы через шеренги пешеходов и вышел к правому плечу, был за стол, был шляпой, а потом без тоги на ногах и без шляпы. Однако потом сказал майору, что по полковому командиру сам обер-командирские чины в службе исторической имеют во время смотров особливую честь, и так как майор знает, что еще больше нежелать в других помещениях, когда майор не дело есть известно; он при смотре сидя за столом берет особливую имбцию и авторитет и представляет себя во образе государя в великом майоре и власти.

Смотр полку нашему начался и стала поднимать прекликива, на первом роты майором, а то майором оном подступила рота отца моего, где старшего капитана, на которое время от той роты фуражиры ротного командира на лицо не случилось, он был послан впереди как обыкновенно по очереди таковы для всего полка поспешно для приготовления квартир и фуража, то и прекликивать людей в рот отца моего не было другого, а я на то время как стоял по близости стола; то майор и говорить мне: возьмите список от роты батальона вашего и начинайте прекликивать людей, я то сделал и стал прекликивать, а как дошло до имени ротного фуражера тогда говорить обер-командир камысарь оборотом лицом ко мне спрашивает меня тогда; на тот же спрос майор вставши докладывает, что фуражер несли впереди для приготовления квартир, а обо мне сказал, что де этот молодой человек есть сын сего господина капитана, коего он взял с собою в поход волонтером для практики военного дела и чтобы повидеть чужие края; господин обер-командир камысарь взглянув на отца моего похвалил его.

дело, поднявши несколько свою шляпу говорить: желалбы де я видѣть чтобы по сему образцу и всѣ прочіе ваши націоналіе такъ дѣлали, потомъ поворотясь къ майору спрашиваетъ обо мнѣ умѣютъ я говорить по-немецки, на что отвѣчалъ майоръ чтоде онъ и говорить и писать умѣетъ и показиваетъ списки что я писалъ; оберъ крингсъ камысаръ посмотря на письмо моеи руки—показалось ему хорошо, зачалъ со мною говорить и спрашиваетъ где я учился, на что отвѣчалъ я что въ Виенѣ и в другихъ городахъ, онъ моимъ ответомъ былъ доволенъ, спрашиваетъ майора какие въ полку состоятъ ваканцыи, майоръ отвѣчалъ что никакой другой не состоитъ кроме адъютантской, тогда господинъ оберъ крингсъ камысаръ поворотясь ко мнѣ поднималъ шляпу, говорить мнѣ поздравляю васъ тѣмъ адъютантскимъ чиномъ, и на томъ мѣстѣ въ табель въ ту ленту что порожая была записалъ своею рукою мое имя, я будучи вдругъ такимъ чиномъ пожалованъ почти спужался незная где стою и всего меня жаръ обнималъ, едва опомнися и господину оберъ крингсъ камысару и майору поклонился и благодарилъ, а потомъ зачалъ продолжать ту прерванную до конца.

Сей чинъ былъ мнѣ по моимъ тогда молодымъ лѣтамъ сперва сколько лестенъ столкнѣ и труденъ, для чего отецъ мой выпросилъ у майора, чтобы ево роты фуриера никуда болше въ посылкѣ неупотреблять, а билбы онъ моимъ помощникомъ, майоръ ту прозбу уважилъ и приказалъ на томъ быть, и тако я с моимъ помощникомъ а лучше сказать дядкою былъ неразлучно, я отъ него во всемъ порядкѣ пользовался много, ибо того рода чини тамъ въ службѣ австрійской должни быть во всемъ знающіе, какъ по канцеляріи въ писме и въ счетахъ, такъ и по должности военной службы также и въ судебныхъ делахъ въ место аудитора бываютъ употребляемы; онъ со мною всегда и вездѣ ездилъ, ему отецъ мой и лошадь верховую подарилъ а сверхъ того и другимъ награждалъ его хорошо, чрезъ что онъ охотно и служилъ, и прямо сказать что по приятелски наставлялъ меня, а смотрѣлъ чтобы при моемъ зачале службы по должности моеи немогло ничто быть упущено, и тѣмъ я мало по мало самъ въ должность службы вошелъ и оную узналъ.

По окончаніи же въ томъ городе нашего полковаго смотра и будучи еще въ полю на смотровомъ мѣстѣ, приехалъ къ намъ посланной отъ тамошняго католицкаго архіепископа, объявляетъ господину оберъ крингсъ камысару: какде и вчера въ вечеру просили всѣхъ господъ на севоднѣшній день къ оберу, тоде онъ с тѣмъ и таперъ присланъ просить.

Полякъ распущенъ по квартирамъ, а мы всѣ пошли на прошеной обедъ и приближаемся уже ко двору, говорить оберъ кригсъ камысаръ нашему маіору, что де надобно учинить честь господину арцибыскупу по обычаю подонтигъ всѣмъ поцеловать руку, маіоръ о томъ всѣмъ намъ объявлялъ, и вошедши уже въ домъ арцибыскупна дождалъ онъ насъ въ залѣ, маіоръ подошолъ къ нему къ руке, что и мы всѣ сделали; однакъ онъ руки целовать не давалъ а только благословлялъ насъ, потомъ повелъ насъ далѣ въ другіе покои и просилъ сѣсть, продолжалъ онъ съ оберъ кригсъ камысаромъ и съ маіоромъ разговоры, умѣлъ онъ и пославенски говорить, потому что въ той странѣ есть много уніатовъ, то и языкъ славенски надобно поставляемымъ на то место арцибыскупамъ знатъ, сій разговоры продолжались о разныхъ матеріяхъ, между тѣмъ и на столѣ блюда поставлены, о чемъ какъ ему данно знатъ, то встали и пошли въ столовую, и сѣлы по своимъ мѣстамъ за столъ, при чемъ ево придворная музыка играла на разныхъ инструментахъ и продолжала во все время нашего за столомъ сидения.

По окончаніи стола пошли всѣ въ другой покои, где былъ поставленъ десертъ и поднесено кофе, а по окончаніи и того между прочими разговорами господинъ оберъ кригсъ камысаръ докладываетъ арцибыскупу указывая на меня говорить, чтоде сеи молодой афицеръ сево дня пожалованъ чиномъ и похваляетъ моего родителя о томъ, что онъ меня съ собою взялъ въ походъ, арцибыскупъ тоже самое похвалялъ и говоритъ мнѣ, какде вы таперъ новы афицеръ, то и еквиваждъ новой имѣтъ надлежитъ, для чего чтобы тѣмъ зачало учинить при вступленіи вашемъ вслужбу—дарую вамъ верховую лошадь, кою и приказалъ привести, она была мастыю темно серая, хотя невеликаго росту да очень хороша и доброежа, я оную съ благодарностью принялъ; мы еще тутъ у арцибыскупна бавились до подь самой вечеръ, а потому отклонясь пашли и проводили господина оберъ кригсъ камысара до квартиры, откуда пошли прочіе по своему квартирамъ, а я съ отцомъ моимъ проводилъ маіора дамой.

Приказъ отданъ отъ маіора что еще и завтрашній день тутъ раздахъ будетъ и чтобы служивые во всякомъ порядке были и обходились съ хазяевами смирно, таковъ приказъ я принявши записалъ въ свою книшку, потомъ пашолъ въ канцелярію, где сержанты собравшись были коимъ тоже я отдалъ, и осмотра обозъ и караулъ пошолъ на свою квартиру.

На завтрашній день рано въ часу шестомъ пришли всѣ сержанты.

жанти съ благополучнымъ рапортомъ, и я потомужъ отърапортовалъ своего маиора, мало спустя потомъ пришли афицера къ маиору и докладывали, о чемъ кто по ротѣ имѣлъ какую надобность, а затемъ пошли всѣ хадытъ по городу и въ лавки къ купцамъ где и скупалъ всякъ что кому было надобно, а я увидевши въ одной лавке белое перо (султанчикъ) прасылъ батюшку своего, чтобъ оное мнѣ купить, онъ сего удовольствія мнѣ здѣлать не отказался и получа оное я тотъ часъ задѣлъ за свои шитой киверъ и счолъ, что ужъ ничего лучше и пригожее быть не можетъ; въ вечеру тогожъ дня приказъ отъданъ что завтра будетъ маршъ, къ чему все по обыкновенію и изготовленно состояло, и рано по утру по пробытіи генералъ маршъ выстопылъ полкъ и в походъ, маіоръ еще зашолъ къ господину оберъ крингсъ комысару, ktorои также рано выехать хатѣлъ навстречу по другой дороге марширующимъ полкамъ; въ марше водылъ полкъ батюшка мой яко старши капитанъ, мы на марше останавливались раза два дожидаясь маіора, но какъ онъ насъ не догналъ, то ужъ мы и въ квартири где ночлегъ назначенъ вѣступали, потомъ ужъ и маіоръ приехалъ, я ему о благополучномъ маршированіи и что полкъ въ квартири свои вѣступылъ отърапортовалъ, после того принявши о завтрешнѣмъ марше отъ маіора приказъ и отдавши оной сержантамъ пашолъ я на свою квартиру, и такимъ порядкомъ продолжали мы наши марши чрезъ Венгрію и дошли къ немецкимъ граныцамъ до Штеирій, первой намъ былъ той земли городъ Рахеншбургъ⁹, въ томъ городе имѣли раздахъ и потомъ помаршировали далѣ.

Сія штеирская земля есть весма гориста, но при всемъ томъ дорога хараша, она делана видно давнихъ временъ, что безъ всякой опасности чезелимы возамы люде ездить куда кому надобно; дорога идетъ между горъ и где каменій препятствовало, то тѣ места ламани порохомъ и всио сравнено, чрезъ тѣжъ гори течетъ рѣка Мура, кою случалось намъ въ день разовъ по четыре и по пять преходить; ибо оная течение свое имѣетъ чрезъ самыя тѣ места какъ большая дорога лежитъ и великыя кривинамы завороты своя имѣетъ, для чего где чрезъ нее есть преходъ, то тамъ вездѣ каменные мости поделаны съ высокими дугамы, дабы судни проходить свободно могли.

⁹ Radkersburg (Radgona) на р. Мурѣ, берущей свое начало въ Зальцбургѣ, протекающей чрезъ Штирію въ юго-восточномъ направленіи и впадающей въ Рейнъ въ Драву.

Въ Штенріи лесовъ и железныхъ заводовъ есть очень много, тамъ въ тѣхъ заводахъ работаетца железо помощно водяныхъ машинъ, я много кратъ ходилъ ту работу смотреть; куда какъ вондешь, то не иначе представляетца въ глаза человеку, а точно какъ говоритца адъ, ибо очонъ чрезъ вычайвою жестокостью горить и уголья трещать, и работники всѣ въ кожаной одежде черные какъ черти, стукъ и шумъ превельчайши, и кто сперва туда вондетъ то отъ того духу и жару многие наши с непривички доставали головную болѣзнь, я и самъ однажды одъ того заболѣлъ было и потомъ въ такие места хадить престагъ; въ сихъ заводахъ делаетца весьма хорошее железо и развозятъ купщи оное во всю Австрію Венгрію, Славонію и въ другіе места того государства; тамъ делаютца косы сенокосные особливый искусствомъ и доброты, каковыхъ въ другихъ местахъ нигде нѣтъ, отъсель и въ Россію великое множество косъ ежегодно вывозятъ купщи, нарочно за тѣми приежающіе, спосობомъ той реки Мури кою въ падаетъ въ реку Драву, а Драва въ Дунай, и Дунаемъ препровождаютца судна въ море Черное, и потомъ въ удобныхъ местахъ выгружаютъ и возютъ сухимъ путемъ куда кому надобно.

Въ скорѣ пришли мы той земли въ главный городъ называемы Гратцъ,¹⁰ городъ сей есть весьма стариною, однако въ немъ состоятъ все хорошее каменное строение и дома по три и по четыре этажа имѣютъ лежить оной надъ рекою Мурую въ широкой между горы далыне, съ адной стороны надъ городомъ подошла высокая каменная гора мысомъ, на коемъ построены крепкой цитадель; сюда прислаютца иногда преступники осужденные въ силу, въ то время былъ тамъ сосланон Сербской дворянинъ Іосифъ Іоановичъ провизоръ, онъ обвинѣнъ якобы имѣлъ некакіе прѣшиски съ приежающимъ изъ Россіи вонжиромъ княземъ Кантакузеномъ; въ семъ городе бывають ярмарки и торговли великіе на разные тамошніе продукты а особливо на дѣланіе железные всякіе вещи.

Земля сия Штенріи мнѣ весьма понравылась и надобно быть здоровому воздуху отъ лесовъ всегда выходящего, болотже и гнилыхъ мѣсть нѣтъ, води здаровые и стекающіе изъ горъ источниками, скота

¹⁰ Gratz или Grätz, по славянски Nemški Gradec, въ отличіе отъ мѣстечка Windischgrätz, называемаго Slovenski Gradec, былъ не большою крѣпостью еще во времена Римлянъ. Въ 1281 Рудольфъ Габсбургскій далъ ему городскія привилегіи. Грацъ не разъ былъ осаждаемъ Мадырами и Турками, а въ 1809 г. Французами; теперь считаетъ болѣе 80.000 жителей.

животъ довольно, лошадей хотя нѣтъ со измѣществомъ, но тѣ кои тамъ плодотца весьма хорошии, а тамъ видѣлъ такихъ жеребцовъ въ плугу по четыре запряженне и мужикъ съ седла поганяетъ и землю пашетъ, за таковыхъ платилъ бы охотники для заводу въ Россіи верно по двести и по триста рублен, хлеба имѣеть та земля достаточно и овощъ всякую, мясо и другіе съестные надобности продаетца ценою умереною, только что одного вина тамо мало родить и в томъ есть недостатокъ, а что есть то привозють изъ Австрій и то дорого, однако тотъ недостатокъ награждаетъ тамошнѣе хорошее пиво, с коимъ я былъ доволенъ и о винѣ не спрашивалъ.

Въ семъ городе Гратце простоялы мы дня три, а теми днями мамонинъ мой припомнилъ мнѣ, чтобъ я зачалъ водить журналъ обо всемъ, говорить онъ мнѣ какде вы зачинаете служить и в такой должности, что можетъ иногда случитца о чомъ либо васъ командиръ спросить, то чтобъ вы знали чѣмъ отвѣчать.

Я сей советъ принялъ за наставленіе и потому зделалъ тетрадь и сталъ свои журналъ вести, въписывалъ я всею что ни случалось видѣть и что происходило, также марши и раздихи где были и чрезъ которые мѣста и провинцій проходили и писалъ всякую всячину, того неопослѣдокъ зделалось много и связка большая, а по прошедствіи потомъ нѣсколихъ лѣтъ, какъ оное вошло у меня въ обычаи и я не преставалъ писать обо всемъ и вездѣ что только случилось, то умножилось у меня таковыхъ записокъ въ великомъ количестве и тако неопослѣдокъ на досуге временемъ сталъ я пребывать и все съ зачала пресматривать и что слѣдовало одно за другимъ связивать, ис коихъ лѣтъ были ужъ погнаны а другіе неопредались, то я сожалѣя бросить, зачалъ мало по мало переписывать и зделалъ новыя тетрады кои разсудилъ хранить, подумалъ что можетъ быть после меня потомкамъ моему или кому другому приятно будетъ оное читать, а далѣ какъ еще прибавилось и умножилось таковыхъ записокъ, а кому и лѣта мои подошлы, въ которые по службѣ и по многимъ военнымъ трудамъ случалось дела и достопамятныя, для чего не хотя оставить бывшее мое время въ туфъ и зделалъ изъ всего того одну новестъ.

Чтоже до моеи тогда должности принадлежало, то я такъ прилеженъ былъ и старался всегда службою угодить своему командиру, что никогда ни въ чемъ за мною упущенія не было, а кому пособлялы мнѣ много отъ моего помощника наставленій (о коемъ я више говорилъ), сей честномъ человекъ такъ меня любилъ, а и я его, что нигде адинъ

безъ другаго быть не могли, онъ былъ природно немецъ самъ. Якоже Хехеръ, былъ онъ мнѣ и помещикъ и наставитель во всемъ.

Повернемся теперь къ нашему маршу, которой продолжалъ чрезъ Штеирию и приближаемся уже по минованіи несколькихъ дней къ границе верхній Австрій и вступя во оную увидѣлы мы совсѣмъ уже другой край.

Въ сей землѣ всего изобильно и вино родить, земля ровная довольно, хотя и есть горы, но все низкое и плодныя насажены садами и овощами, чрезъ сию землю маршировали мы съ великимъ увеселеніемъ, охотились въ марше съ борзими собаками за зайцами, какихъ тамъ превеликое мездѣ множество, у меня были собаки отъменно хороши, коихъ я какъ чрезъ Венгрію такъ досталъ иныхъ, а другихъ по обыкновенію охотничьему съ собою и такъ принашивъ, съ конныя я веселился и едучи возлѣ полка по дозволенію командира, а къ тому изъпрашивалъ позволенія у помещиковъ, чрезъ чьи владѣнія проходили, ибо самовольно никому въ немецкой землѣ зверей и птицъ стрѣлять и собаками тровить не дозволяется и на то право великое тамъ есть, имѣлъ я в полку друзей офицеровъ кои хотя всѣ старше лѣтами меня были, однакъ любили меня и всякъ желалъ моей дружбы.

Мы собираемся бывало иногда поперекъ полка въ марше верхами, скачемъ и резвимся на лошадяхъ, носимъ поемъ, табакъ куримъ, тутъ я зачалъ оне ремесло учить дружку курить, за что неоднократно отъ отца получалъ я репреманды, понеже въ родѣ нашемъ курить табашнаго прежде не было окроме меня, и тако я къ сему приахъ много, что и по сей день отъстать отъ того не могу.

Намъ въ марше на ночлегахъ и на раздѣлахъ часто случалось бывать у тамошнихъ господъ помещиковъ, онъ насъ всегда принимали ласково и обходились с нами не прителомъ; бывало иногда что да насъ и балы давали и собирали свою околншнюю родню и прителовъ, при какой хорошей компаніи и танцировали, а такъ же нѣмъ говорить умѣлъ и при томъ делалъ нѣтъ въ танцованіи удовольствіе почему мнѣ отменное пріятельство оказывалъ и бывало такъ что на некоторыхъ местахъ и съ нѣмъ разставались, хотя не хотѣли отъ насъ слышать что я имъ хорошъ и пріятель и желалъ бы, чтобы я и навсегда с ними былъ; тутъ я зачалъ слышать колебаніе крови по натуре человѣческоу, однакъ еще стыдъ и молодость мнѣ воспрещало, что не доходило ни до какого искушенія, въ самомъ дѣдѣ я былъ очень выдѣнъ собою, ростъ мой былъ болѣе средній мери, а лицомъ белъ, волосы на головѣ предлинной и густой, а черной какъ уголь, меня иногда на

посмарать наряжали барини въ девичьское убранство и одевали въ шауровки и чубы въ чанцахъ и увеселенныхъ иногда молодые ребята не зная прелщались (зашло я нѣсколько симъ въ ошибку описывая самъ себя просунуло опять къ маршруту).

Продолжалась путь наша чрезъ Верхнюю Австрию весьма хорошимы и увеселительными местами, дома и палацы господские все каменные, сады овощные и цветные украшены разными искусствами, статуи, иныя мраморныя, а другія дикаго камня искусно изсечение, фонтаны воду высоко бьющие, вся земля устроена порядкомъ благопріятнѣйшимъ, однимъ словомъ сказать, что ни попадетца въ глаза увидишь, то всякая вещь пріятность человеку изъясляетъ.

Приблизились мы къ городу Кремъ Минстеръ называемомъ, сей городъ лежитъ въ низине на плоскомъ месте при речке Кремъ, хотя окруженности своею и не есть городъ очень великъ, да строение домовъ у себя иметъ весьма хорошее, надъ городомъ подошла съ одной стороны гора, на коей предогромной монастырь состроенъ, преукрашенной всякими избытками и достопамятными вещми, въ немъ состоятъ католическаго закона духовные чины, называюща бенедиктины, надъ коими старшина имевуща прелатъ или архимандритъ, до тогожъ монастыря и городъ тотъ принадлежитъ. Мы не доходя до него мыли за две, представили уже очей глазамъ нашимъ и потомъ въскоре была намъ отътуда встреча, едетъ посланной отъ прелата форштмейстеръ или старшій надъ егерями, у коего въ ведомствѣ вся округа грунтовъ и лесовъ того города и монастыря состоитъ, тоже зверинцы, пруды, и другіе въ рѣкахъ рыбныя ловли отъ негоже зависятъ, онъ ехалъ верхомъ и за нимъ четыре челоуѣка егерей верхамы жъ и съ ружьями, порядочно и богато одѣтые, подъѣхавъ онъ къ намъ спрашиваетъ о начальнике полка, и какъ на то время самъ майоръ попередъ полка верхомъ ехалъ, то и отвечаемъ что онъ есть самъ командиръ, тогда сей посланной снявъ свой съ головы зеленой бархатной съ белымъ оуланчикомъ картузь, объявляетъ поклонъ отъ прелата съ прозбоу, дабы не стрелять зверей и птицъ, но сей прозбе майоръ тотчасъ пріимаетъ, чтобы ни что не перенуло стрелять и ванцовъ сабаками не травить, оказавъ притомъ намъ мнѣры, что онъ все до порядна принадлежностей будучи въ ономъ городѣ того монастыря владение сохранять будетъ и обязывается тѣмъ, что обидъ никакихъ не будетъ.

А офицеръ нашъ у каю борзые сабаки были, тотчасъ велѣлы по привязывать, тоже самое и я съ своими сдѣлалъ и велѣлъ слуге пойдти на дворъ, и подлинно естлибы сабакъ не привязывали, тобы могли

На заутренней день помаршировали, да и продолжали дуть через Верхнюю Австрию до дождю удовольствий и увеселений и дошли къ границамъ къ землѣ, что называется Римски Рейхъ и владения курфиртские въ разныхъ округахъ достоящихъ, изъ коихъ первое курфирство Баварское намъ довелось входить, кое почиталось уже тогда земля неприятельская, яко той земли курфирстъ владетельни Карлъ Альбрехтъ помочию Французовъ было зделалъ себя цесаремъ и коронованъ подъ названіемъ Карлъ седмы, но вскоре потомъ скончался.

Земля сия Баварія стала быть уже не такъ, какъ Австрія, хотя города и местечки довольно хороши, но народъ на бедность походить, живутъ несколько скупо и какъ бы съ недостаткомъ хлеба у нихъ не очень слышкомъ, стады намъ показывали места гористые и леса, а дороги трудныя узкія, и естли куда нибудь съ большою дороги сойти, то уже нехорошо вездѣ топотъ и балото, и такимъ образомъ дошли мы до крепости Енгельштата, которая лежитъ надъ рекою Дунаемъ, тутъ застали мы много уже собраннаго нашего воиска и полковъ, между прочими были потиской ландмилиции сербскихъ два полка, одинъ пехотной, а другой гусарской подъ командою подполковника Арсенія Вучица.

Вскоре потомъ и поморишской ландмилиции пехотной полкъ къ намъ пришолъ подъ командою майора Ивана Хорвата, онже и Шимовъ назывался, симъ именемъ прозвали его Венгрии потому что отецъ его назывался своимъ именемъ Самуилъ.

Я всякой день изъ лагера ездилъ по утру въ часу десятомъ въ крепость къ генералу тамо каманду имѣющему, у коего на то время всѣ полки въ каманде состояли, принимая отъ его адъютанта пароль и приказъ приносилъ къ своему майору.

Въ той крепости знатнаго не было чего видѣть, кроме что укрѣпленіе состояло знатное и лежитъ на хорошемъ местоположеніи, въ ней центхаузь правда что хорошъ, и какъ строеніемъ огроменъ такъ разнаго рода военныхъ припасовъ въ немъ видѣть было можно, стояли мы подъ тою крепостію недели две, а потомъ помаршировали да и черезъ Баварской предѣлъ приближились къ другому отъ Рейха княжеству или герцогству, называемы Виртенбергски, Штутгардски красть.

Марше имѣли мы недалеко той земли стольчнаго города называемаго Штутгардъ, владение сей земли принадлежитъ герцогу Виртенбергскому, отъ котораго прежде былъ владетельнымъ цесаревъ фельдмаршалъ принцъ Александръ Виртенбергскій, онъ во время цесаря

Карола шестаго былъ въ Белиграде и надъ Сербьскъ генераломъ губернаторомъ, потомъ какъ онъ тамъ скончался, то супруга его герцогиня съ синомъ своимъ тогда малолетнимъ прешли въ свою землю въ Виртенбургъ и тамъ она до високой своей старости жила.

Герцогиня, какъ тогда услышала, что войско сербское маршируетъ и синъ ее герцогъ уже въ болшомъ возврсте и владѣтъ тою землею, выехала она при своей старости съ синомъ своимъ герцогомъ на ту дорогу, куда войско маршируетъ и дожидаетца въ адномъ имъ принадлежащемъ местечке, послала она на встрѣчу къ нашимъ полкамъ просить командира, чтобъ къ ней заехать, на тожъ время при превоздѣній сихъ полковъ не было особливаго командира изъ генераловъ, а только самы полковые командири по поданнымъ имъ маршру тамъ свои полки вели къ зборному месту на реке Ренну.

На ту присланую отъ герцогини прозбу съ некоторы афицерамы полковые командири пошли къ ней.

Герцогиня жъ о цотискомъ и поморишскомъ ландьмылицяхъ въ бытность ее въ Белиграде хотя и знала что оны есть, но какъ тѣ полки у покойника герцога въ каманде не стоялы, то и небыло ей ни ково изъ ныхъ знакомаго, а только одѣхъ подунаискихъ она знала, да и маіоръ наѣхъ какъ о себе сказалъ, каторои въ то время въ Белиграде былъ поручникомъ и случался былъ часто у герцога на ординанцій, то она тутъ припомнила его и в томъ приятность изъывляла, что еще техъ самыхъ людей дождалась видѣтъ, кои подъ командою супруга ее служилы и говорить къ маіору, а бы де васъ никакъ таперъ узнать не могла, вы ужъ поостарѣлы, спрашиваетъ герцогиня о протчихъ афицерахъ, кто онѣ по фамиліямъ и какъ называютца и в какихъ чинахъ состоятъ.

Маіоръ на сей спросъ обо всѣхъ зачалъ пресказовать, а какъ отца моего упомянулъ что Пищевичъ, то она встала съ стула говорить: о Боже мой! не техъ ли Пищевичевъ, что у покойника мужа моего былъ флигель адютантомъ и тѣмъ именемъ називался, и како маіоръ и батюшка мой объявыли, что техъ самыхъ и что тотъ былъ батюшки моему братъ двоюродни, и подошедъ батюшка мой къ ней поцеловалъ руку, а потомъ и меня маіоръ представылъ герцогинѣ, указывая на батюшку моего говорить, что и сей есть той фамиліи и синъ сего господина капитана онъ у насъ адютантомъ въ полку служить, причомъ и я подошедъ поцеловалъ герцогинѣ руку, вся ее свита стонтъ и смотритъ на насъ, герцогиня поворотясь къ сину своему герцогу и въ протчихъ говорить: видите оныхъ господъ, это де такие люди вер-

нїе и достойнїе всякой чести и похвалы, анѣ де у покойника мужа моего были въ каманде и какую оны имѣли любовь и привязанность къ намъ и. възаимствіе, того и мужъ мой будучи надъ ними главнымъ командиромъ имѣлъ всегда къ нимъ отъменную любовь и добрую обмысль.

Потомъ поворотясь къ маіору и къ протчимъ афицерамъ говорить: я де сей день за особенное свое удовольствіе почитаю что дождалась еще тѣхъ самыхъ видѣть, каторіе во всякихъ случаяхъ были къ намъ доброжелательны и послушны, и как де она еще всѣ удовольствїи и веселости тѣ понннть, какне въ тѣхъ мѣстахъ будучи имѣла, при сихъ словахъ какъ ей довелось часто упоминать нмя покойного герцога супруга своего, то и прослезилась несколько.

Потомъ поднесено въ стаканахъ на подносе сребреномъ вино и герцогиня у подпошника адною рукою за поднось приняла, просить маіора и всѣхъ афицеровъ выкупать, мы приняли по стаканчику и за здоровье ее выпили, тѣмъ она насъ тутъ потчовала и просила сесть, а потомъ мы встали отклонясь пашли въ лагерь, сие было послѣ похощенїа под вечеръ.

На завтрашнїй день герцогиня предъ выездомъ своимъ въ резиденцію дала къ намъ въ лагерь знать, что она мымоездомъ намерена и нашъ лагерь видѣть, мы расположились было подъ тѣмъ местечкомъ въ адномъ весьма редкомъ лѣсе и имѣли раздахъ.

Маіоръ нашъ извѣстася о томъ, что гости къ намъ въ лагерь будутъ, для чего чтобы всю было чисто и люде одети приказалъ, но не фрунтомъ становитца людамъ, а такъ ходилыбъ въ своихъ ротннхъ улицахъ и безъ ружьевъ и стаялыбъ где кто хочетъ.

Въ часу десятѣмъ по утру, едетъ герцогиня со всею своею свитою и подѣхавъ къ нашему фрунту остановилась, вышли всѣ изъ каретъ, вошли хланть по всему лагирю, маіоръ нашъ встрѣтилъ герцогиню съ афицерамы предъ фрунтомъ и ходылъ с нею по всемъ ротннмъ улицамъ по мажлу падаюкъ.

Герцогиня мыхоходомъ, что ни увидитъ стоящихъ кучамы людеи то д. останвитца смотря на ныхъ, оказывая имъ свое удовольствіе что нхъ видѣть.

При отъездѣ герцогиня какъ маіоръ съ афицерамы проводылъ ее до карети, то она объявила маіору, что де въ знакъ прїяетства приказала она сфему того местечка камысару вынести въ лагерь для служивыхъ мясо и пиво въ подарокъ, также и для господъ афицеровъ

на столъ живности, вина и водки, и съ тѣмъ прастившимся герцогиня съ нами поехала въ свою дуть.

Спустился после того часъ места едетъ къ намъ коммисаръ и вѣсто, что отъ герцогини приказано, доставлено въ лагерь, оны привналь рогатаго скота несколько штукъ и барановъ, также бочки съ пивомъ вывезены, а для афицеровъ птицъ, вина, водки, и всякой огородной зелены.

Завтрешняго дня отътуда помаршировали мы далѣе чрезъ ту землю и приблизились къ реке Рейну и прибыли подъ местечко Штукштатъ, около коего въ близости былъ редкой лесъ, въ которомъ и лагерь мы имѣли и простояли тутъ недѣлю две, куда уже и весь авангардны корпусъ собрался, назначенной подъ команду генерала лейтенанта барона Пернклау.

Напротивъ насъ за рекою Рейномъ были французскіе форпосты, а пониже того местечка за полыми противъ одного, поближе къ той неприятельской сторонѣ лежащаго, острова былъ французской шанецъ съ некоторымъ числомъ пехоти и съ двумя пушками, толко какъ на той сторонѣ за рекою весь тотъ берегъ большимъ лесомъ прикрытъ, то и не можно было видѣть и узнать силу и число неприятеля, для чего и надобно было въ томъ островѣ, коего окружаетъ глубокой текущи изъ Рейна рукавъ, намъ занять и выкопать противъ Французовъ редутъ и поставить во оной отъ войска своего команду.

Мы зделали то весьма скоро, первее преправылась ночью на лодкахъ изъ нашихъ ландмылицовъ сборная команда съ лопатками чрезъ реку Рейнъ и заняли тотъ островъ, которой также весь густымъ лесомъ былъ покрить, и Французы той преправы видѣть не могли, но какъ наши подошли поближе къ берегу того залива и стали копать редутъ, а Французы усиливши отуть, на которой съ своей стороны жестокой огонь изъ пушекъ и изъ ружей производить начали и старались не допустить до того, однакъ оборонить острова не могли и наши место занятое удержали.

На завтрешни день поставлены съ нашего берега чрезъ реку въ островъ понтони и мостъ зделанъ, Французы о томъ уведавъ усугубили было свое сопротивление, но какъ островъ довольно длинъ а также и лесъ пособлялъ, то такимъ прикрытиемъ не могли работѣ на мосту никакова препятствія зделать и мостъ тотже день поснѣлъ.

Редутъ копать наши днемъ никакъ не могли и принуждены лежать на землѣ за деревьями, спасаясь отъ сильной и непрестанной стрельбы французской, а болѣе работа происходила ночью покудова въ-

копавше поглубе земле и на третью ночь уже совершили, при чемъ потѣрали мы человекъ болѣе двадцати убитыхъ и только же было и раненыхъ.

Въ тотъ островъ уже чрезъ наведенной мостъ посылалась изъ нашего лагера всякой день команда на перемену первымъ, и должно было изъ лагера позады пригорковъ въ право и несколько кругомъ итти до моста, а прямо по берегу реки нельзя, ибо берегъ съ нашей стороны противъ того места былъ голой и чистой песокъ, почему всякаго человека, кто только покажется, Французы съ той стороны не пропускали, чтобъ изъ итущихъ своихъ чрезъ речу не стрелять по немъ, отъ чего несколько человекъ сперва мои туда берегомъ ходили и рани получали, я видѣлъ что одинъ пехотный капитанъ тамъ убитъ, онъ посланъ былъ съ плотниками для пачинки одного мосточка лежащаго чрезъ небольшой ручей вливающи въ Рейнъ, и какъ сей капитанъ надъ работниками былъ и вышолъ только на берегъ смотрѣлъ на реку, то отътуда по нѣмъ учинѣно несколько выстреловъ изъ коихъ одинъ попалъ въ голову, а разве кто посмѣдитца и верхомъ по берегу проскачетъ, но и тотъ не останется, чтобъ не былъ проводимъ выстрелами.

А однимъ днемъ венгерскихъ полковъ гусарской полковникъ, назывался Венцель, онъ полюбилъствоваться быть въ островѣ и того нашего редута видѣть, для чего поехалъ съ своими ординарцами верхомъ, оставя лошадей у моста, самъ и еще съ двумя своими чрезъ мостъ пошли пешкомъ, и вошедъ въ редутъ хадилъ въ задъ и въ передъ пресматривалъ, а далѣ захотелось ему еще чего нибудь видѣть, не говоря ни съ кѣмъ ничего възашолъ на верхъ редута, какъ на то время престрелка была утихла, онъ чего туда глядеть хотѣлъ того не сказовалъ никому, а только вдругъ какъ съ той стороны по нѣмъ выстрѣльно и онъ уже безъ духу упалъ въ редутъ, то всѣ выдели.

Я на то время съ моимъ батюшкою, какъ онъ туда былъ командированъ, то выпросился я у моего маіора, чтобы с нимъ итти, и тотъ случай что съ полковникомъ сделалось я видѣлъ, коего тотже часъ на носилкахъ вынесли изъ острова чрезъ мостъ, а тамъ положенъ на возъ и отвезенъ въ лагерь, а на завтрашній день учинѣно ему похоронъ, а потомъ весь его экипажъ и лошади распродано съ полотка.

Мой маіоръ также вздумалъ было туда поехать, куда и меня съ собою взялъ, далъ мнѣ и лошадь свою оседланую, мы по за пригорками ехали хорошо до моста, глядѣли на церемонию какъ команда

сѣменялась, после чего какъ маіоръ отменилъ итти въ внутрь въ островъ, а говорить поедомъ де назадъ въ лагерь, и въ место того чтобы первую дорогою ехать, то онъ пустился скакать прямо берегомъ что и я за нимъ зделалъ, какже изъ за реки болѣе десяти выстреловъ по насъ выпалили и некоторые пулы и подъ ноги лошадиніе попадали, а другіе мимо уши просфистивали, то на томъ самомъ одномъ мѣстѣ стало подо мною на лошады седло выварачиватца и пришло ужъ упасть на землю.

Я сталъ кричать, чтобъ остановился хоть маіорской слуга, однако моего крика оны слышать не хотѣли, а прибавили шюри лошадины усакалы далѣ, на тотже часъ, какъ я с лошадию вертелся и не могъ седла самъ выправить и только что упасть, то счастливы мои: бѣжить одинъ солдатъ пешкомъ на встрѣчу, онъ былъ нашего полка и увидевши меня закричалъ не бойся, подбѣжавъ ко мнѣ и подхвативъ меня руками, выправилъ и седока и седло на свое мѣсто.

Салдаты отъ меня побѣжали туда къ мосту, а я ужъ сталъ покрепче балансъ держать ногами, поспешалъ къ лагеру, и тѣмъ случаемъ могъ спастись, что салдаты мнѣ пособили, а то бы конечно или быть ранену или убиту, какъ непрестано выстрелы отътуда изъ за реки по мнѣ дѣлали и пули кругъ меня летели и пылъ подъ ногами конскими поднимали, того салдата я знавалъ и батюшка мой за ту учинѣнную мнѣ помощь подарилъ его, и выпросилъ у маіора ему чинъ капралски, однакъ я болѣе туда не ездилъ.

Спустя потомъ несколько дней получилъ нашъ корпусной командиръ повелѣніе, чтобъ учинить преправу на ту сторону за реку Рейнъ, онъ поднялся ночью с того лагера, оставя во ономъ часть войска и все палатки и обозъ, прибавилъ въ островъ команду, давъ имъ провианта на шесть дней, и приказалъ въ лагере ночью огни умножать и быть зорю какъ обыкновенно, и с тѣмъ пашолъ далѣ.

Маршировали мы всю ту ночь поспешно и пришли предъ светомъ между леса къ одной небольшой речке, тамъ остановились и днѣвали, однакъ со всякою тихостию и безъ огня, въ вечеру тогожъ дня привезено къ намъ порохъ въ патронахъ с дули готовое, то все тотъ часъ разделено салдатамъ, ту же ночь пашли далѣ и пришли также предъ светомъ въ лесніе мѣста, тамъ остановились и днѣвали, куда за нами на четыре дня привезенъ провиантъ, коего генералъ не приказалъ болѣе людямъ раздавать какъ на два дни, а остальной возилы за нами.

Генераль отдалъ приказъ кто охотникъ на преправу за реку Рейнъ на ту сторону, но не болѣе съ офицерами какъ триста человекъ, и чтобы отъ лодокъ о таковыхъ учинить списку и представить къ генералу.

Сия экспедиція приказано чтобы была на лехке, а тутъ видѣть что весь нашъ полкъ хотѣлъ итти, однако позволено не избрано подлежащее число изъ всехъ ротъ и сделана одна команда.

Въ вечеру тогожъ дня уже въ сомеркъ та команда пошла, а остальные на томже мѣстѣ остались, коимъ приказано чтобы огни класть и несколько шумѣть въ лагирѣ; какъ тамъ берегъ реки Рейна въ близкомъ разстояніи состоитъ, то чтобы изъ того Французы могли подумать, что корпусъ весь тамъ ночуетъ или лагерь на то мѣсто пренесли.

Съ тою командою батюшка мой пошелъ, для чего и я у майора отпросился чтобы въ той экспедиціи быть.

Предъ тою командою былъ предводителемъ самъ нашъ генераль, шли мы ту ночь широкими шагами и пришедъ въ одинъ невеликой лесокъ, чрезъ которой прошли и стали на самомъ берегу реки Рейна, слышимъ мы на той сторонѣ кричать французы свои дозунги, я подошелъ въ периодъ, спрашиваю проводниковъ, коихъ было четыре человека, что это за крикъ и где мы находимся теперь, проводники мнѣ говорятъ, что де мы противъ города Майнца и то Францускіе салдати на берегу реки въ шалцахъ кричатъ.

Мало после того спусти велѣно намъ податца въ верхъ по реке берегомъ, куда весьма скоро бежали и, отоидя с того мѣста такъ прицѣломъ на два ружейныхъ выстрела, нашли мы тамо лодки насъ ожидающіеся, на которыхъ были наши пантонеры и афисеръ с ними отъправленой; а откудова тѣ лодки пришли того мнѣ разспрашивать времени не было, ибо приказано чтобы немедленно въ лодки садитца и чтобы весьма тихо дело делалось безъ шума и стуку, лодки были большіе и всѣхъ двенадцать.

Генераль, предевшись прежде еще въ лагирѣ въ лехкое простое мундирное платьѣ, сѣлъ въ переднюю лодку, гребцы на лодкахъ тѣ самые пантонеры также и салдати грести помогали, отъвалили мы отъ берега чуть только что заря, однакъ еще темно было, прошли по азъ двумя не болшими островцами и выплыли на реку чистую и далѣ уже до половины, но какъ река Рейнъ довольно широка и при томъ весьма быстро течетъ, то и снѣде переднихъ две лодки несколько по-

ннѣ, изъ коихъ въ одной лодкѣ генералъ былъ и нанесло ихъ на мель. Тутъ салдати новыскакивали некоторые въ воду хотъ неглубоко те было, однакъ чтобъ скорѣе исправить дело и покудова, оны тамъ управлялись, то другіе поплыли мимо и гребли проворнѣе, и приближась къ берегу тутъ ужъ утаится было не можно.

Французы приметили и слышать шумъ водяной отъ весель, тотъ часъ закричали своими лодкомъ, на тожъ время и тѣ две лодки уже поспѣлы, слышимъ мы, что на тотъ французской окрыкъ въ отвѣтъ весьма громко изъ нашихъ съ стороны лодокъ отозвался голосъ: Марія Терезія, сие имя есть ся величества императрицы и королевы Венгеро-Бохемской, также на тотъ отъзывъ (которой, какъ мнѣ послѣ сказовали, самъ генералъ то закричалъ) вдругъ и наши салдати и Французы залпомъ адынь по другому выпалили, тутъ я ужъ своихъ хотъ еще не разсвело однакъ видѣлъ и мертвыхъ и раненыхъ человекъ несколько.

Наши повыскакивали изъ лодокъ на сухо, подъяды преужасной крикъ, пошли атакою просто на шанцы, а я остался въ своей лодке, сидѣть я въ оной весьма ниско чрезъ реку при корме, испужался было до крайности, батюшку своего не вижу, онъ какъ выскочилъ изъ лодки такъ и пошелъ с протчими, а мнѣ что дѣлать не сказалъ ни слова, и потому остался я на своемъ месте.

Тамъ въ переды стрѣла преужасная и крикъ происходитъ и ужъ отдаленность отъ берега, подалеко, между тѣмъ уже и светъ сталъ, а я еще въ лодке сижу и не знаю что дѣлать, напоследокъ вышолъ на берегъ и хажу възадъ и впередъ, увидѣлъ нашихъ некоторыхъ мертвыхъ да ранѣныхъ пять человекъ, трое сидело стонуть, а два лежали, кои скоро тутже скончались.

Я бы тутъ у берега еще и далъ остался, естлибы не приполъ посланой отъ батюшки моего салдатъ, онъ меня нашолъ и повелъ по большой дорожке на гору.

Сей салдатъ мымоходомъ повелъ меня въ тотъ французской шанецъ что наши атаквали, я тутъ видѣлъ первое действие военное и какъ горкую чашу салдатъ пить повиненъ, лежало въ томъ шанце и нашихъ и Французовъ довольно адинъ на другомъ мертвые.

Пошелъ я отътуда съ моимъ проважатимъ на гору далъ, и нашолъ батюшку моего, живаго однакъ раненъ, тронула его плуца на скось по ребрахъ, захватило немного шкури, да на мышкѣ въ левой рукѣ контузія.

Я далъ его увидѣть, что рука привязана и онъ раздѣтъ въ плаще

сидитъ, то жестоко и неловко и сталъ плакать, на что онъ сталъ говорить: о семъ плакать нечего, учись и привыкай къ военному дѣлу, видишь какой хлебъ солдатскій и какъ честь заслуживать должно, а я де говорю, онъ слава Богу не великую контузію на руку нёсъ и то скоро пройдетъ, а что онъ по ребрахъ пудъ тронуть, о томъ мнѣ не сказываютъ и кровь плащомъ закрилъ, чтобъ я какъ увижу боли еще не спужался.

Я тутъ съ нимъ говорю вижу, что лекаръ нашъ идетъ съ своею сумою, батюшка видно поселялъ его искать, онъ какъ пришолъ то велѣлъ мнѣ батюшка, чтобъ я отошолъ протѣть немного, покудава его лекаръ привяжетъ.

Потомъ велѣлъ себя по маленьку вестъ въ состоящей тамо поблизи на большой дорогѣ домъ, а то была карчма, но ничего въ ней не было окроме одной старухи, батюшка мой велѣлъ себѣ подъ окошкомъ у того двора на улицѣ подослать саломы, а отъ той старухи что во дворе взяли одну подушку, тутъ какъ плащъ батюшкинъ немножко развернулся, увидалъ что у него рубашка въ крови, отъ чего я еще болѣе спужался и сталъ плакать, не зная какъ опасенъ и великаль та рана.

Лекаръ меня уверяетъ, что ни мало оба места не опасны и что чрезъ несколько дней можно ему будетъ верхомъ ехать, я сему немного верилъ, покудава меня батюшка самъ о томъ не уверилъ и что онъ болѣе великой не слышитъ.

Салдаты наши какъ за Французами по той горѣ гнались, и дошли подъ самую крепость, то генералъ остановилъ ихъ и велѣлъ воротитца всѣмъ на большую дорогу по ближе къ лодкамъ своимъ и отискивать раненыхъ.

Генералъ воротился а за нимъ и салдаты иде бывши въ барабаны звать, смотритъ мы идеть генералъ прямо къ той карчмѣ, отъ струю я, лекаръ и несколько человекъ салдагъ, генералъ какъ увидалъ лежащаго ранена, спрашиваетъ, кто его лежить; онъ до того времени еще батюшку моего не знавалъ и батюшка мой подыавшись немножко отвѣчаетъ: я де капитанъ Пищевичъ подунайскаго полка, и плащъ какъ немножко отирисъ и увидалъ генералъ рубашку въ крови, говоритъ, умиръ онъ немножко по маляцки коть да криво, но разуметь можно, приказываетъ чтобъ скорѣе лекаръ искать для привязки раны, а тутъ отвѣчалъ ему по немецки указавъ на лекаря, что ужъ рана приязана на двухъ местахъ, а опасныя говорю я того не знаю.

Генералъ, услышавъ мой отвѣтъ, поворотясь ко мнѣ спрашиваетъ а ты кто таковъ, я отвѣчалъ что сынъ сего господина капитана служу адъютантомъ въ подунайскомъ полку, на то говоритъ генералъ браво отецъ и сынъ вмѣстѣ при такой славной экспедиціи; а потомъ поворотясь къ батюшке моему говоритъ: я о всей той храбрости и усердіи къ службѣ, что сей день въ моемъ присутствіи люди ваши оказали, а особливо объ васъ и что вы раны получили не оставлю несправедливосты донести главно-командующему арміею, и вы можете надѣяться къ полученію особенной милости, и приказалъ генералъ тутже и быть батюшке моему въ той карчмѣ покудова и обещанное придетъ.

По собраніи туда къ той карчмѣ всей нашей командѣ прирешено было пленныхъ французскихъ солдатъ челоуѣкъ до тридцати и два офицера а прочіе Французы, которые были въ городѣ, видя что ихъ камандъ разбита и шанцамы при реке мы овладѣли, то недожидаясь ушедши городъ оставили.

Отъ нашей стороны уронъ былъ убытихъ и отъ ранъ умершихъ тридцать два человека да ранѣнныхъ сорокъ три, кои однако отъ подлѣжнаго въ госпиталь отходить не хотѣли.

Городъ сей состоитъ въ Еласіин, принадлежащей къ Франціи, онъ есть весьма великъ и хорошъ, владѣетъ онымъ арцибыскупъ Майнцски.

Къ генералу изъ города пришли послание чины, бургомейстеръ съ другими еще мещанами и одинъ с ними духовной начальникъ явились генералу объявляя, что со всякою покорностію остаются что городъ сей есть неутралиной, и такъ поддѣргаетъ себя подъ власть ея величества королевны.

Прошлую же ночь маршировало за нами несколько полковъ и кавалеріи, которые предъ полдень за нами на берегъ и мостъ и фронтъ на той сторонѣ противъ города показались, для конной возни за ними пантони стали на реку наводить и весьма скорое дело делали, такъ что тогожъ дня подъ вечеръ мостъ совсѣмъ готовъ былъ, чрезъ которой въ наступившую ночь и полки на нашу сторону перенести могли...

Мы расположились по утру тамъ по близости города лагеремъ куда тогожъ день и всѣ прочіе полки пришли и уже весь авангардъ корпусъ соединился на томъ месте.

Подъ тѣмъ городомъ стояли мы дня три, покудова армія приготовилась и пошли всѣ въ Еласію.

За нашу экспедицію отъ предводителя армій принца Карла данъ въ армію писменой приказъ съ великою похвалою, а салдатамъ, кои притомъ были и живы остались, подарено на каждого по одному гулдину, афицерамъ же по рекомендаціи генерала въ собраніи отъ самаго принца Карла за ихъ храбрость и хорошее своихъ салдатъ предводительство, а особливо батюшки моему объявлена благодарность.

На томже лагере на наши авангарднаго корпуса полки вывезено изъ города пиво, скотъ на мясо, и водка, и раздано салдатамъ въ порцію.

Къ намъ тѣмы днями, покудова мы на томъ лагере были, набегивали партиями французскіе гусаре и престреливались съ нашими отводными форпостами, однакъ наши всегда ихъ проганивали.

Изъ подъ сего города корпусъ нашъ пошелъ далъ во внутрь Еласіи, батюшки моему рана и контузия стало лучше, уже онъ въ каласке могъ сидеть, мы приблизились къ городу называемомъ Вурмусъ и, проходямъ чрезъ адно местечко, отъпросился я у маиора чтобъ для прековки своей верховой лошады на малое время въ томъ местечке остатся и со мною еще два афицера остались, зашли мы въ адинъ трактиръ велѣлы хазяину, чтобъ намъ подаль чего покушать, у негожъ въ верхнѣмъ етажѣ прежде насъ было также изъ проежихъ афицеровъ собралось несколько чловѣкъ и ожидали обеда, иние съ женами а другіе холостіе, хозяинъ просить насъ, чтобы и мы тудажъ напередъ пошли, сказавъ что тамъ уже и столъ накриваютъ и кушанѣ уже готово.

Мы пашли на верхъ, видимъ что компанія изърядна и пригласили насъ къ себе ласкаво, также хозайка тамъ съ двумя дочерми на столъ набираютъ, отозвались и оны къ намъ ласкаво, между тѣмъ вижу я, что на одномъ въ стороне столике лежатъ музыкалнне инструменты, какъ обыкновено въ немецкой землѣ музыканти при трактирахъ бывають и тѣмъ приобретають свой заработокъ, вскоре потомъ и блюда на столъ поставлены; мы отобедали изърядно, и далъ какъ музыканти во время нашего стола по своей доброй волѣ играли и насъ своими хорошими штучками веселили, то и подали намъ охоту не много еще позабавица ис чего и танци завелись, я какъ дотого охотникъ то и не хотель оставить чтобъ господамъ не зделать моего учтивства, протанцовалъ я съ тѣми кои до того волю имѣли и съ тѣмъ хотѣлъ было павитить и свое дело исправить, но по прозбе хозайки а особливо ее дочерей, кои были очень недурные и на-

школѣни видно комплементи строить и великие танцерицы были, оны такъ ласкавыми словами увернулись около меня, что я тутъ слышкомъ забавылся и дождался уже вечера, товарищи мои видятъ, что у меня уже изъ кармана червончика три пошло, то по расчете за обедъ, то музыкантамъ, то за понесеной отъ хозяйки кофе и лимонадъ, посажалѣлы мои товарищи обо мнѣ, стали усиловать меня чтобъ ехать, я ужъ и самъ вижу что протчие разъехались и что надобно и мнѣ ехать, хотъ дочерамъ хозяйнымъ не было то приятно, однакъ должны были на томъ остатца, и простившись я с ними паехалы мы искать своего лагеря; день тотъ былъ не много пасмуренъ и подь вечеръ какъ мы поехали стала наводитца туча большая, а не много погоды подынялась буря страшная съ великимъ громомъ и блискотнѣю, а затѣмъ пашолъ пресилний дождъ и настигла уже ночь.

Ехалы мы сперва покудова еще видно было въслѣдь куда корпусъ маршировалъ, а послѣ какъ темно стало то ужъ и не знали куда едемъ, напоследокъ збылись с пути и принуждены остановица.

Товарищи мои пеняють на меня и на мои танци, бранятъ хазяйку и ее дочерей, я то принужденъ слушать и молчать, покудова ихъ сердце прошло; далѣе говорю я имъ, что же мы стоимъ, недлучшѣль искать какъ нибудь дарогу и ехать, оны согласилысь отъ ехать всякъ въ свою сторону, а я съ слугою аднымъ чтобы на томъ мѣстѣ стоялъ и кричалбы не престано, по чему оны будутъ столко отъдалятца, сколько оны голосъ мой слышитъ будутъ.

Я ту комысию охотно исполнить принялъ на себя, чтобъ толко успокоить ихъ и не сердилисбы на меня, оны всякъ въ свою сторону поехали по сторонамъ а я тотъ часъ зачалъ кричать такъ, какъ часовый свои лозунги (слушай).

Скоро адинъ съ левой стороны и не далеко отозвался сюда, сюда, здѣсь дорога, ему подала способъ молния ту дорогу увидить, но куда она идетъ того не знаемъ.

И тако мы собрались на ту дорогу, берегли ее прилежно чтобы не потѣрять, молния намъ на то много пособляла.

Отъехавъ несколько по той дороге увидѣлы предъ собою большой каменной домъ, тамъ у воротъ остановилысь и кричать и стучать зачалы.

Но надобно знать, что дождъ еще непрестано идетъ и рубахи наши всѣ водяни стали.

Едва могли дозватца челоѡѡка онъ насъ спрашиваетъ чрезъ у воротъ не большое окошечко, кто мы таковы и чего мы хотимъ, я тутъ с нимъ сталъ говорить, спрашиваю: а ето что за домъ, онъ отвѣчаетъ что трактиръ (тутъ надобно было сего человека обмануть, а иначе воротъ намъ онъ не отворилбы и мы не моглибъ его въ проводники съ собою взять).

Говорю я ему, добро мы того ищемъ, отвори пожалуй, чтобъ намъ отъ дожда где нибудъ подыклонитца и пробудемъ тутъ до света, а ти намъ за денги дашъ для нашихъ лошадей овса и сена, онъ какъ услышилъ, что за заплату требуетца, отворилъ намъ ворота.

Мы въехавши туда говорю я ему: ти лы самъ хазяинъ или кто другой, онъ отвѣчаетъ что де я слуга дворовой, потомъ спрашиваю я ево, давноль наше войско прошло, на то говоритъ онъ что войска я не видалъ, а сказивалы де наши во дворе что шли по большой дороги въ праве отъ селъ лежащей и стали лагиремъ при городе Вурмусе, я говорю ему: а Вурмусъ далече ли, онъ отвѣчаетъ что нѣтъ и не далъ какъ маленькой польмыли, такъ говорю я: идижъ ти веи насъ туда въ лагерь, онъ сталъ было противитца, однакъ какъ его мы понудили то итытъ согласился, говоритъ: разве де виведу васъ вотъ заразъ есть прекрестная дорога, которая прямо васъ въ вашъ лагерь приведетъ; добро говорю я идижъ поведи насъ на ту дорогу, онъ отвелъ насъ отъ трактира за выстрелъ ружейни, показиваетъ намъ дорогу и хочеть назатъ воротитца изъговариваясь, что онъ слуга дворовой и что оставилъ ворота отъперти и зато можетъ быть предъ хазяиномъ своимъ виновать.

Добро говорю я ему, что всио то хорошо что ты свою должность наблюдаешъ, но между тѣмъ ти не погнѣваешся, что поступлю я с тобою несколько неучтиво, меня ваши братья учили что не предъ меня уходили и я безъ проводника оставался, такъ хочу я таперъ тебя съ вязать, что бы и ты также от меня не ушолъ, однакъ не опасайся говорю я ему, тебы худова ничего не будетъ, а какъ приведешъ насъ въ лагерь, то я тебя отпущу и притомъ еще на пропойкъ подарю.

Онъ бедной какъ услышилъ мое слово что его вязать хочу, спужался и сталъ было плакать и просить, чтобы съ нимъ того не дѣлать, я де охотно с. вами пойду и вотъ и лагерь не естъ далеко однакъ я етимъ ево словамъ не поверилъ, а отпущалъ у лошады отъ недоуздка конецъ, зделалъ петлю, положилъ ему на шею, таперъ говорю ему, веижъ насъ въ лагерь.

Мы приехали до лагеря, коего по темноте ночи и что дождь еще идетъ не можемъ познать съ какова краю приехали, а только видимъ то, какъ молнія блиснетъ что обозъ и лошады стоятъ, а полатокъ тогда разбитыхъ не было по чему и нелзя угадать, где полкъ нашъ стоитъ.

Адинъ изъ товарищей моихъ подъехалъ къ часовымъ, кои тамъ стоялы и отъкликивалы лозунги у ныхъ, осведомились что полкъ нашъ на другомъ фланге расположился, мы поехали по предъ фрунта и всѣ рядомъ часовыхъ о полку спрашивалы и ужъ нашли своихъ.

Салдати всѣ безъ палатокъ лежать въ грязи обвернувшись своими мокрыми плащами, кричатъ и бранятъ что иному лошадыю на ногу наступышь.

Я помочию сияния молній увидель и узналъ свой обозъ, при коемъ стоялы батюшки моего верховие лошады, предъ коими слуга лежалъ, проводникажъ нашего я отпустилъ и подарилъ его денгамы, онъ тѣмъ былъ доволенъ просить, чтобы ему позволить до света пробуть тутже у моего обоза.

Слуга батюшки моего, какъ услышилъ что я приехалъ, всталъ съ земли, я его спрашиваю где батюшка, на что отвечаетъ что еще съ маршу заехалъ на каляске своей съ лекаремъ въ городъ и тамъ ночуетъ.

Я повернулся на всѣ стороны выбираю гдебъ лечь, однако постеля была везде одинакова и вездѣ грязь, а я весь мокрой въ водѣ и ужъ меня дрожь взяла, хотѣлъ было хоть мало прилечь чтобы згретца и заснуть.

Слуга пашель принесъ съезды съ палуба не много мокрого сена, положилъ на землю и далъ мнѣ две конские мокрые попони, я подослалъ адну подь себя, а другую поверхъ плаща, окутался и положился на свою постелю.

Я бы могъ и въ свою калясочку, которая тамо у меня была въ-меститца и было бы можетъ быть получше, но у меня тогда была борзая сука съ маленькими щенками коя тамо въ калясочке лежала, то жалъ было ее выкидать.

Лежание мое на той постелѣ не долго было я не могъ и згретца, а колми заснуть какъ уже светъ сталъ и въ барабани генераль маршь быть стали.

Вскочилъ я поскорее, пошелъ предъ фрунтъ, отобралъ отъ сержантовъ утренне рапорты, поспешилъ къ своему майору, онъ спра-

шиваетъ меня! когда я приехалъ и что забавился, я отвѣчаю какбы поглаже, что забавился не много покудова лошадь успѣла прековатьъ (а то была не правда), а приехалъ говорю я скоро за вами и еще съ вечера, но какъ очень было темно а притомъ шолъ дождь, то потому я не являлся къ вамъ, майоръ моимъ словамъ поверилъ жалуетца и онъ, что весь мокръ и что ему ночь очень была безъпокойна.

Спрашиваю я майора о марше что приказать изволить, онъ говоритъ я де поеду въ городъ къ генералу, а вы отдайте приказъ капитану Антоновичу, чтобъ онъ с полкомъ маршировалъ, а полки будутъ идти тѣмже порядкомъ, какъ что и вчера шли, и потомъ иржежай говорить майоръ за мной въ городъ.

Я поспѣшилъ скорѣе тотъ приказъ капитану объявилъ и вернулся въ слѣдъ за майоромъ, коего близъ городскихъ вородъ догналъ.

Въехавши мы въ городъ какъ день сталъ ясной и дождь престалъ, то и показался намъ городъ очень хорошъ, стали мы въ томъ трактире, где и баюшка моя былъ, майоръ пашелъ къ генералу а я остался, и тотъ часъ сталъ раздеватца, чтобъ просушить платье, но какъ сего на солнце не скоро дождатца было можно, то я пашолъ на кухню, где большой огонь былъ разъкладенъ, разделся поскорѣе, слуга мой помагалъ мнѣ скоро раздетца, онъ сушилъ у огня платье, а я поварачивался тутже съ моею мокрою рубашкою покудова ее высушилъ, хазййка была такъ ласкова смотря на меня, а особливо на мои долги чорные волосы дивовалась, коихъ я расчесалъ и принужденъ былъ оныя также просушить, стала хазййка сожалѣть говорить мнѣ: какъ вы еще молодъ а такую нуждъ снести можете, зготовила она скоро кофе тутже въ кухнѣ напоила меня, спрашиваетъ не прикажутъ я чего еще себе подать, я ей отвечаю что всего лучше какбы кушать чего было, она на то говоритъ что вотъ мы около того заходимся, тотде офицеръ что на верху ранѣной лежитъ приказалъ что обедъ готовить, такъ и вы съ нымъ можете вмѣстѣ отъкушать, она не знала что то есть мой отецъ, а какъ я о томъ сказалъ, то она еще болшъ сожалѣть стала и пеняетъ на батюшку моего, за что онъ меня такъ молодого въ такую нужду съ собою взялъ, между тѣмъ платье мое просохло и я одевшись пашолъ на верхъ, где ужъ и столъ надкривать стали, майоръ пришолъ и мы сѣли кушать, лошадей своихъ тамъ также покормили и потомъ поехали.

На половини дороги нашего марша догналы мы свои полки, а въ остановившись при адной речке, тамъ былъ и заездной большой дворъ, салдати разослали свои плащи на солнце сушить, а офицеры

всѣ въ томъ дворѣ также сушатъ свои мундиры и кушаютъ, хазяинъ лично съподѣвался гостямъ, для чего и было у него довольно всего заготовлено.

Генералъ въ слѣдъ за нами почтою прискакалъ и велѣлъ маршировать, а самъ поехалъ въперёдъ къ городу Шпаеру, куда и мы подъ вечеръ поспели и расположились лагеремъ, тамъ отъданъ приказъ, что на томъ мѣстѣ будетъ раздахъ и чтобы въ полкахъ и палатки были разбиты.

Отъ сего города помаршировалъ корпусъ далѣ и дошли къ крепости фортъ Луи, тутъ мы опять Французовъ увидѣли, анѣ насъ встрѣтили партия не велика конницы, имѣли съ нашими передовыми препалку и потомъ вернулись въ крепость.

Мы не далеко отъ той крепости заняли лагерь, но какъ въ тѣхъ мѣстахъ все полѣ засеяно было хлебомъ, то на тѣхже хлебахъ и лагерь сталъ.

Намъ казалось что до крепости разстояніемъ довольно далеко, однако какъ насъ отътуда встрѣчать стали пушканы, то некоторые ядри и въ лагерь доставали, для чего принуждено было тотъ флангъ преместить несколько заворотомъ назадъ.

Командующій нашъ генералъ аднѣмъ дномъ поехалъ рекогносцировать положеніе мѣста близъ крепости, однако какъ отътуда встрѣтили его пушечными выстрѣлами, то скоро вернулся назадъ.

Потомъ приказано во всехъ полкахъ, чтобы заготовить фашины изъ привезеннаго нарочно для того на возахъ хвороста, то было чрезъ день готово, а тогожъ дня учинѣнъ отъ всѣхъ полковъ нарядъ, чтобы итти подъ крепость поближе и копать апрожъ и батарею, сие предпринято въ наступившую ночь: всякъ солдатъ взялъ по одной фашинѣ, шли на назначенное мѣсто весьма тайно, Французи однакъ скоро такихъ гостей приметили, для чего на разсвѣтѣ учинили изъ крепости выласку при сильной изъ пушекъ канонадѣ, хотя съ нашей стороны и былъ уронъ боѣе отъ того, что бомбы изъ мартиръ въ шлангъ къ намъ попадали, однако выжить насъ с того мѣста не могли, ибо мы ужъ довольно глубоко въкопались въ землю и пушки на батарею поставили и тѣмы, а также и солдатскими ружейными выстрѣлами встрѣтили Французовъ и отбыли назадъ.

Мы совершивши апрожъ, хадыла туда всякой ночи въновь наряжаемая команда на премену первыхъ и зачала было крепость бомбандировать однакъ всеу, ничего не сделали и Французовъ выгнать не могли.

Сня крепость лежитъ на плоскомъ мѣстѣ весьма крепка, имѣеть съ одной стороны реку Рейнъ а воокругъ съ другой стороны глубокой и широкой ровъ и болото.

На такихъ ежедневныхъ между собою престрелкахъ прошло время дней несколько, напоследокъ умыслили Французы своею хитростию какбы насъ отыгелъ отогнать, заперлы оны воду въ томъ глубокомъ рве, въ каторой изъ реки стремительно вода вътекаетъ, оны имѣлы видно давно для такова дела нарочито зделанные слюзи, толко тѣмъ ошиблись, что рано по своему намеренію дело зачали, а какбы по позднѣе и в ночь, то бы бѣди и урону великаго наделалы.

Тотъ ровъ какъ оны съ низу заперли, а вода изъ реки въ него стремительно текла и наполнившись стала по болоту разливатца, а далѣе какъ еще изъ реки прибавилось, то и взяла вода свое течение во всѣ стороны такъ сильно, что въ мало минутъ уже нашъ апрожъ и батарею затопыло.

Салдати изъ апрожа вискочивши, несмотря на силніе изъ крепосты по ныхъ пушечные выстрелы, побежали въ батарею подхвата на себя пушки и ящики, едва со оними спастись могли.

Вода непрестано прибавлялась и текла великимъ стремленіемъ стеною въ вышину аршина на два съ грязію смѣшана, и обняла весь нашъ лагерь такъ скоро, что воокругъ насъ стоящие на нывахъ хлеба потопыло, а палатки наши въ лагере посривало, возы понесло, лошадей, коихъ не скоро могли успѣть отъвязать, многихъ тамже полавилло, и такую тревогу намъ наделало что незналы куда деватца, все поле кругъ насъ было водою покрыто, и люде безъ всякаго порядка бредыли по водѣ, куда кто могъ вытѣчь на пригорокъ и тѣмъ спасались, стоя однако въ водѣ по колѣна.

Еслибы та напасть по позднѣе и въ ночь къ намъ пришла, тобы всекомечне превеликой вредъ причинило и весь бы лагерь и съ людьми пропасть могъ, однако и тутъ многіе убытокъ великъ понесли, что возы попревертивало, поламало и экипажи такою грязною водою премочило, отъ чего уже не годились, а другіе при такомъ случаи разькрадены и вовсе пропали.

Я успѣлъ сестъ на лошадь свою и поспешалъ съ протчимы къ ближшему пригорку, аднакъ премочился весь а пуще было досадно, что на мени жолтые новые гусарскіе сапоги пропали, и тако чрезъ всю уже наступившую ту ночь былъ корпусъ въ разныхъ кучахъ разьдробленъ безъ всякаго порядка, ибо устроить въновь другой

лагерь въ ночное уже время, и что всякъ искалъ своего спасенія, никакъ было не можно.

Завтрешни день имѣлы мы всѣ довольно работи, какъ вода несколько поопала и могли хадить по грязи, отыскивать своихъ экипажей и подымать и збывать палатки, коихъ понаносила вода въ разные места и лежалы кучами, а подь вечеръ пашолъ корпусъ отъ туда протчъ и расположился отъ крепосты подаль лагеромъ, но опять на посеяныхъ хлебахъ, кои уже почти были совсѣмъ къ жатве поспѣлы, одьнако пропалы по резону что будучи на первомъ лагере, приказъ былъ хлебовъ окроме занятаго подь лагеромъ что есть, а болѣе воокругъ лежащаго не топтать и не косить а охранять въ целости, а какъ Французы самы своихъ хлѣбовъ не пожалѣлы и потопыли оной водою, то ужъ и сего на новомъ лагере храныть ни для чего, и позволяетя полкамъ фуражировать.

Мы противъ сей крепосты простоялы еще несколько дней и видя, что нѣтъ способа достать оную, илы можетъ быть и надобности въ томъ не состояло, оставя ее уже къ адной сторонѣ себя за спиною, пашли далѣ къ столычному той земли городу Шрастьбургу.

Городъ сей, илы главная въ Елсасьсіи крепость, есть весма велика и строениемъ хараща, какъ о томъ вездѣ есть известно, хотя мнѣ и не случилось быть во оной, однако о ее великолѣпную довольно слышиаъ, я сей городъ всякой день изъ далы видѣаъ, въ немъ было воиска французскаго тогда много, ис того то приметить было можно, что стоящей подь крепостию ихъ лагерь отъ нашихъ форпостовъ чрезъ трубу зрительную намъ хорошо былъ виденъ.

За намы въскоре и вся наша армія пришла и разположилась лагеромъ къ нашему правому флангу, а фрунтомъ къ крепосты.

На семъ лагере армія наша стояла много дней, а тѣмъ временемъ происходили препыски, о чемъ всякой почти день было видно, что съ нашихъ форпостовъ проводятъ присланаго изъ крепосты трубача, коему на форпосте нашемъ завяжутъ платкомъ глаза, взявши за поводъ его лошадь, отводють къ нашему главно-командующему арміею, и такимже образомъ обратно оныхъ провожаютъ, но при томъ деиствіи военные не преставаы и гусаре французскіе часто на наши форпосты нападаы, а иногда и совсѣмъ съ места събываы, чрезъ что у насъ въ лагере делалась часто тревога.

А чтобы тѣмже и Французамъ отвечать, то посылалась отъ насъ туда къ нымъ партіямъ и также на форпосты ихъ нападеніе делалы, избывалы, отъ чего было кровавыхъ головъ много.

Таковы ежедневные почти происхожденіи подали мнѣ охоту чтобы поехать съ нашими партезанами, и видѣть ихъ дѣйствій, и поползоватца хотя зрениемъ такова дѣла, для чего несколько разъ отпрашовался я у маіора своего, а отецъ мой давалъ мнѣ къ охранению надеждныхъ людей и на добрыхъ лошадяхъ.

Мы ездили съ нашими партиями, где и были случаи даволные присмотретца мнѣ дѣйствиемъ нашихъ наездниковъ; у насъ были на то люде искусные и храбрые, кои таково дѣло весма проворно дѣлать умѣлы, а особливо наши сербскіе потиской ландъмылицій гусаре отъменно хорошо действовали, при какихъ случаяхъ въ практикѣ военной, хотя тогда по моимъ молодымъ лѣтамъ только зрениемъ однимъ примечалъ, но то самое зачало послужило мнѣ потомъ навсегда въ пользу много.

И такимъ образомъ часто будучи въ такихъ партяхъ, при чемъ когда удавалось что наши збывали французскіе форпосты, то я с протчимъ осмеливался въперіодъ далѣ, и доежалы въ такую разстояніемъ до лагера дистанцію, что намъ во ономъ чрезъ трубу зрительную и люде были видни и могли всю длину лагера и крепость съ предстоящей отъ насъ стороны обозреть хорошо.

Аднѣмъ дномъ будучи на такой прогулкѣ, только что мы было выехали и стали приближатца къ неприятелскому форпосту, увидѣлы что изъ лагера ихъ стали полки, какъ пехота, такъ и кавалерія выходить и становится въ строй, мы, увидя сие оставивъ на томъ мѣстѣ несколько человекъ для примечанія, вернулись назадъ къ нашему форпосту, вожидаясь тамо что еще далѣ будетъ, афицеръ нашъ форпостной о томъ далѣ тотъчасъ въ дежурство знать.

Мало потомъ спустя зачалась сильная во весь округъ крепосты пушечная палба, я всѣ тѣ вистрелы шчиталъ и начелъ ихъ ровно триста, лышь только оная престала, то зачался изъ строеваго фрунта изъ мелкаго ружья беглой огонь и обходилъ три раза.

О семъ что оно значило узналы мы на завтрешни день отъ одного ушедшаго къ намъ отътуда солдата, котораго я въ дежурствѣ выдѣлъ и сказывалъ, что король самъ почтою въ крепость приехалъ и мало бавылся, поехалъ опять назадъ.

Потомъ зделалось у насъ съ Французами премиріе и происходили частіе чрезъ присилаемыхъ трубачей препыски, а при томъ отъ нашего главнокомандующаго армьею изданъ приказъ, чтобы подъ смертною казнью не осмелылся никто по деревнямъ и селамъ дѣлать грабежа даже оwoщъ и зеленъ въ огородахъ была запрещена, а буде

кто въ противность того въ чомъ либо пойманъ будетъ, тотъ уже безъ всего дальнего лишень будетъ живота, и что определенъ въ разъездъ грандъ профось.

Сей чинъ тамо почитаетца великъ, съ коимъ определена команда изъ коньници также попъ и палачъ.

По сей строгости и надлежить уже всякому себя беречь, ибо въ противномъ случаи ежели тотъ разъездъ каво въ чомъ либо застанеть, то не деля никакихъ болѣе допросовъ а толко спросить, кто онъ таковъ имя и прозвище и котораго полка и тотже часъ попъ исповедаеть, приобщаетъ, а палачъ какъ случитца на дереве или на заборе вешаетъ оставя при немъ часоваго, а потомъ чрезъ три часа снимають мертваго и заривають въ землю.

Я потомъ видѣлъ некоторыхъ такихъ несчастныхъ действительно высыащихъ на деревьяхъ овоцныхъ.

Каковъ несчастливой часъ было одному нашего полку служивому случился, салдату такому, которой былъ отъмено храберъ и видень собою и на многихъ местахъ противъ неприятеля образцомъ между протчими оказывалъ себя, и раны две три на теле своемъ имѣлъ, какою храбростию и на тотъ часъ отъ злосчастной смерти самъ себя избавывъ.

Онъ какъ съ капраломъ своимъ и съ двумя еще товарищи ходыль въ близъ лежащую деревню за водою и набравъ воды въ котель, увиделъ въ адномъ огороде мужика работающаго землю, купыль у него немного зелены капусты, и репы себы на варение, завязавъ оное въ платокъ носыль съ собою, и вышедъ изъ деревны шли по дороге къ лагеру, на тожъ время наехала на ныхъ та разъездная каманда и увидя у того одного носимую капусту, окружили ихъ и тотчасъ приступили было къ нему къ исполнению надъ нимъ того смертоноснаго штрафа, онъ бедной изъговорился что капусту и рену купыль, однакъ того что онъ говорить не слушала и добываютца уже за него, тогда онъ выхвата свою саблю сталъ оборонятца и проправшись помежду ногъ лошадиныхъ съ великою скоростью добежалъ до случившагося тамо по близости копаного въ длину посеяныхъ конопель рва, и прескочивъ оной на той сторонѣ съ своею голою саблею сталъ, повторяя свою невыность, толко грандъ профось столко былъ свирепъ, что закричалъ на своихъ драгунъ чтобъ словить его, кои и догналысь до того рва, но какъ оной былъ слышкомъ глибокъ и довольно широкъ, то ни одна лошадь не осмелылась скакать чрезъ ровъ,

а тотъ бедной стоитъ на своемъ мѣстѣ и говоритъ я де вамъ сказалъ что невыновать и капусту купылъ, а вы ежели хатите моей смерти конечно выдѣтъ, то позволяю честно себя отъ васъ застрелыть, а палачу себя живой не дамъ въ руки и безъчестною смертию умереть не хачу, потомъ поворотясь пашолъ протчъ и спрятался въ конопли.

Грандъ профось оставя уже далъ его отыскивать, положи тѣхъ другихъ на землю былъ жестоко палками и потомъ отослалъ ихъ въ главное дежурство, коихъ тамо по допросе усмотрено что невыни, для чего доложена объ нихъ главнокомандующему арміею, отъ коего приказано послать за нашимъ маіоромъ.

Маіоръ туда поехалъ и меня съ собою взялъ, мы явились у дежурнаго генерала, отъ коего узнали что с нашими салдатамы случилось и потомъ дежурной генералъ представилъ маіора къ принцу Карлу.

Принцъ спросилъ маіора также о томъ, что воспослѣдовало и что ушедшей не пойдети иногда со страху къ неприятелю.

Маіоръ на то отвѣчалъ, что тотъ ушедши есть адынъ храбростию и постоянствомъ изъ первыхъ его въ полку салдатъ, и что не точно онъ къ неприятелю не поидеть, но надѣтца что конечно онъ по своей невыности самъ явытца будетъ въ полкъ, а также и сіи, говорилъ маіоръ, что за карауломъ отъ разъездной каманды въ дежурство присланы и штрафъ тамо безъвыно понесли суть такіежъ надеждные люди, на коихъ я въ полку всякую доверенность возлагаю и во всякихъ военныхъ действияхъ отменно себя оказывали и никогда ни в какихъ штрафахъ до сего времени не бывали, что де мнѣ таперъ о семъ, то съ ними воспослѣдовало давольно есть прискорбно, и прошу вашу светлость, повторялъ маіоръ, учинить надъ ними мылость и отпустить въ полкъ.

Принцъ слушалъ отвѣтъ маіора, былъ тѣмъ доволенъ и велѣлъ тѣхъ исподъ караула привести предъ себя, поласкалъ ихъ словами и подарилъ каждому по одному червонцу и с тѣмъ отпустилъ въ полкъ.

Нашъ ушедшій отъ смерти пришолъ въ самомъ деле тую же ночь въ полкъ, о коемъ по утру какъ мнѣ отъ сержанта той роты отърапортовано и я по томужъ маіора рапортовалъ, то маіоръ велѣлъ явшагося призвать, и спрося его о капусте и о репе, за кою онъ мало жызнь свою не положылъ, взявъ его съ собою и мнѣ также ехать приказалъ, поехали первее къ нашему корпусному генералу, и

по спросе явшагося, генералъ смотра на него и на его ответы выговорилъ, было би де вечно жалъ такова салдата и на баталій потѣрять, а колми паче такою смертию, какую ему было приуготовили чтобъ умереть.

Потомъ поехалъ генералъ къ главно-командующему арміею принцу Карлу и насъ съ собою тудажъ взялъ.

Принцъ и велѣлъ явшагося къ себе представить и посмотра на его отъменную позитурку и хорошей ростъ, а к тому какъ сей сталъ говорить и свою невинность изъяснять показывая на раны свои доставшіе противъ непріятели, и что онъ служить такъ какъ честному салдату принадлежить, а за всио де то довелось было умереть безъчестною смертию, и я де за то точно самъ явился говорилъ салдату, чтобы предъ вашею светлостію принесть свою невинность, и служить такъ верно хочю какъ что и прежде служилъ.

На таковы бодріе отъ салдата слова, принцъ гледѣлъ и говорить я де въ семъ салдате примечаю отъменное достоинство и жалбы было такова потерять, вынувъ изъ кармана пять червоныхъ подарилъ ему, и при томъ пожаловалъ его ундеръ-афицерскимъ чиномъ и съ тѣмъ отпустилъ въ полкъ.

После сего случая уже разъездная команда палача и попа немѣла, а обходилось дело когда каво въ чомъ поймаютъ штрафомъ палкамы.

Наше учинѣное съ Французами премирие по мынованій несколькихъ толко дней кончилось безъполезно, и зачалось съ обеихъ сторонъ военные деіствіи, хотя главной баталіи и небыло однакъ награждало то частіе съ партіями сраженій.

Между тѣмъ въ адынь день приказано, чтобы отъ нашихъ сербскихъ ландъмылицкихъ полковъ учинить нарядъ числомъ восемь сотъ человекъ пехоти да одинъ ексадронъ отъ полка потискихъ гусаръ, а другой отъ кроатскихъ, конныхъ.

Подъ вечеръ тогожъ дня собравшись вся та команда на левомъ флангѣ нашего лагера, предъ коими былъ камандиромъ при гусарскихъ ексадронахъ майоръ Марковичъ, а при пехотѣ подполковникъ адынь, коимъ приказано было чтобы итти поближе къ лагеру непріятельскому и съкрытца пехотѣ въ удобномъ мѣстѣ, а ексадронамъ гусарскимъ на разсвѣтъ ударить на форпостъ французски и зделать тамо тревогу, и ежели будетъ на ныхъ погонка, то чтобы препалывались и отходомъ подавались назадъ и тѣмъ старатца навѣсть непріятеля на нашу пехоту.

Съ такимъ наставленіемъ команда наша въ наступившую ночь выступила и шли всѣ вмѣстѣ знакомыя уже прежде мѣста и пришедъ близъ половины дороги ихъ лагера тамо остановились.

Я самъ хателъ быть в тои партіи однако батюшка мой недозво-
лялъ, и велѣлъ остатца при полку въ лагере.

На томже мѣстѣ, где команда наша остановилась, былъ давнѣй
кирпичной заводъ, при коемъ остались рвы и ямы, изъ коихъ для кир-
пичей работники копали землю, и было мѣста довольно по обѣимъ
сторонамъ дороги, куда могла наша пехота съкритца.

На тожъ время батюшка мой уже отъ своей прежней контузій
и раны выздоровѣлъ, и былъ с тою партией командированъ, при чемъ
взялъ съ собою и верховую свою лошадь, подполковникъ что над пе-
хотою пригласилъ батюшку моего, чтобъ поехать съ ескадронами въ
периодъ для обозрѣнія неприятскаго движенія и чтобы въ случаи
погонки возвратитца съ извѣстіемъ скорѣе назадъ и потомъ стать
къ своему мѣсту.

Батюшка мой къ тому согласился и поехалъ при тѣхъ ескадро-
нахъ съ маіоромъ Марковичемъ вмѣстѣ.

Оны на разсвѣтъ напали на неприятски главни форпостъ коего
избыли, и препалками своими надѣлали въ неприятскомъ лагере
тревоги довольно, и шермицировали тамо съ французскими гусарами
часа два и тѣмъ походило несколько дѣло на выгришъ, а какъ противъ
нашихъ силы великой сперва не выходило, а то малое число гусаръ
противъ ихъ что было оны прогнали, то и осмелились наши въ пе-
риодъ еще далѣ и подъехали къ лагеру разстояніемъ весьма недале-
комъ, тогда увидѣли что изъ лагера стала выежать конница въ числѣ
слышкомъ великимъ, кои выступивши тронулись маршировать въ
периодъ.

Наши жъ увидя сие, а также и съ стороны и почти несколько
позады себя что пылъ велика подынялся, тогда могли уже узнать о
намереніи неприятскомъ, и недожидая болѣе, подались назадъ въ
ретираду, однако было то уже поздно, ибо та съ стороны пылъ до-
кралась къ нимъ ложиною такъ скоро, что въдругъ открылось толпа
велика конницы, коя уже и дарогу пресечь успѣла, а тѣ что изъ ла-
гера также поспѣшили въ погонку, и тако будучи наши окружены
съ двухъ сторонъ, и выдя себя въ великой опасности не осталось бо-
лѣ ничего къ ихъ спасенію, кроме что отважитца на прорубъ чрезъ
неприятеля.

Оны то дѣлали уже отчаяною атакою и пробылись на свою да-

рогу, однако потѣрялы нѣсколько человѣкъ и лошадей и на послѣдокъ безъ порядка искали своего спасенія.

Батюшка жѣ мой пробывшись также чрезъ непріятеля пустился скакать полѣмъ на простецъ, спешилъ поскорѣе достигнуть до своей пехоти но тщетно, ибо заехалъ за одинъ предлинной ровъ, копаной вокругъ сенокосныхъ лукъ, которой былъ столько глубокъ и широкъ, что прескочить онаго лошадыю никакъ было не можно, а за нимъ увязалось скакать въ догонку шесть человѣкъ французскихъ гусаръ, кои и не допустили выпровитца ему назадъ на дорогу и тѣмъ отделили его совѣмъ прочъ въ другую сторону.

Хотя оны не такихъ под собою лошадей имѣли чтобы догнать могли, но видя его отъделѣнаго одного и что по известности имъ тѣхъ мѣстъ могутъ его нагнать на рвы и поймать живаго, какъ оно и сделалось, для чего и не отставали и гнались прилежно за нимъ.

На послѣдокъ батюшка мой, будучи совѣмъ отрезанъ и отъдалѣнъ уже въ сторону, принужденъ отъважитца нагнать на тотъ ровъ свою лошадь, она протянулась чтобъ прескочить, болшъ половины на той сторонѣ была, но заднимъ ногами не могла туда достигнуть повалилась на бокъ, тогда уже гусаре наскочили и взяли его живаго въ полонъ.

При сихъ гусарахъ былъ поручикъ адынь, ундеръ-офицеръ адынь и четыре человѣка гусаръ, парутчикъ былъ Венгеръ и столю могъ спросить о чинѣ батюшку моего, и узнавъ что капитанъ оставивъ при нѣмъ ундеръ офицера и три человека гусаръ, взявъ съ головы батюшки моего новую шляпу, а надѣлъ на него свои ветхой киверъ, также кошелюкъ съ денгами и часы взялъ къ себе, и о тѣмъ ускоркалъ въперіодъ, а оставшимъ приказалъ въ слѣдъ за собою ехать поспешно.

Подъ однимъ гусаромъ была лошадь несколько поутомлѣна то онъ пременялъ оную, далъ ее подъ батюшку моего, а батюшкину взялъ подъ себя и тако возвратились назадъ къ своему лагерю.

Между тѣмъ покудова то с нами происходило, то конница наша будучи разбита доскакала въ не порядке до нашей пехоти, и мыновавъ оную оставили свободную дарогу стремящемуся за ними въ погонъ непріятелю, кой вогнавшись къ нашей пехотѣ встречены были сильными по оныхъ выстрѣлами отъ чего многихъ побито и преранены, напроотивъ того и оны яко въ превасходнѣй силѣ оборотятся учинили также изъ своихъ карабиновъ и пистолетъ по нашимъ выстрѣлы, и тѣмъ причинили уронъ давольно великъ. Но какъ тѣ рвы и ямы по-собило нашими много, и могли успѣвать свои ружья заряжать и

стрелять безъ остановочно, чѣмъ напоследокъ и привелы неприятеля до смятения и обратился бежать.

Тѣмъ же временемъ покудова дело съ пехотою происходило, то собралась въ порядокъ наша конница и были въ готовности увидѣвъ уже неприятеля разбита и бегущаго, напали въслѣдъ за нимъ и гнались къ самому почти ихъ лагеру, и воротясь назадъ увидѣлы въ сторонѣ едущихъ къ лагеру неприятелскому несколько человекъ конныхъ, конихъ и сочлы не от своего войска быть людямъ, какъ и въ самомъ деле оны были неприятелы, и тѣ самые кои отца моего съ собою водють. А тѣ также увидя таково большое число конницы и отъ стороны своего лагеря едущихъ сочлы за своихъ, незная что ихъ партия уже разбита, поворота под собою лошадей просто къ нашимъ, а наши увида ихъ остановились, а какъ стожа блиско подъехали, что ужъ легко могли свою ошибку видѣть, то брося поводъ отъ лошады водимой подь атцомъ моимъ вѣдались бежать, однако наши ихъ перенялы и поймали живыхъ.

Лошадь подь отцомъ моимъ заступивши ногами за поводъ упуталась и вертѣлась на одномъ мѣстѣ и покудова онъ сълѣзъ съ нее и отпуталъ поводъ и опять успѣлъ сестъ на оную и къ своимъ прискочилъ, тѣмъ временемъ адинъ кроатски афицеръ, какъ онъ того неприятелского гусара поймалъ, подь коимъ лошадь собственая отца моего была, то онъ ту лошадь взялъ къ себе яко добычную отъ неприятеля, и тотъ часъ отделился самъ уехалъ просто въ лагерь.

Отецъ же мой съехавшись съ своими и нашедъ майора Марковича благодарить его за свое избавление, при чемъ спрашиваетъ о своей лошады, и пресмотря во всей каманде что нѣтъ ее и не зналъ никто кудабы она пропала, а какъ о всѣхъ чинахъ выправились и каво на лицо нѣтъ, кои тутже были, то и оказалось что того кроатского афичера нѣтъ, почему и догадались что конечно онъ и лошадь взялъ, какъ тогожъ дня къ вечеру у него лошадь и найдена.

Та команда какъ отыправилась къ вечеру и утрешни день съ неприятелѣмъ имѣлы дело, о чемъ више сказано то мы оставшие въ лагере болѣе ничего не знали, а только тотже день съ утра десятого часа слышно намъ было въ отъ далы ружейная палба, ис чего и могли мы разумѣть что то не иное что, а конечно наша команда съ Французами имѣеть сражение.

Во второмъ же часу споль дня привезено къ намъ въ лагерь несколько человекъ нашихъ раненихъ, я какъ то увидѣлъ падошолъ скорѣе туда, сколько таковыхъ нашего полка будетъ чтобъ отърапортовать майору, и велѣтъ поскорѣе лекарю привязивать, междуужъ прот-

чимы выжу я тамо барабанчика отъ роти отца моего, сидитъ съ за-
вязанною рукою, а какъ меня увидѣлъ то всталъ.

Я ево спрашиваю, что ти конечно ранѣнъ и где батюшка мой, с-й барабанчикъ былъ немношко закивать а притомъ еще плачетъ, то я долго дожидался покуда онъ выговорилъ что не знаетъ, а большъ де думаетъ что мой батюшка не живъ, я де говорить онъ какъ рану получилъ пашолъ въ сторону, а господина капитана вашего батюшки съ нами и не было, онъ какъ съ вечера съ нашею гусарскою камандою поехалъ въперіодъ, то уже къ намъ большъ и не возвращался, а гусаре наши какъ были разбиты и къ намъ опрметомъ прискакали, то де еще тогда господина капитана съ нами не было.

Болѣе уже я ево, услыша сие, ни о чомъ не спрашивалъ, залылся слезами, всякъ поверить можетъ какова мнѣ та жалостна вѣсть на сердце была, я оцепенѣлъ почти и не зналъ что въдругъ отъ меня зделалось, меня обморокъ ушибъ и возлѣ одной салдатской палатки съ ногъ съвалился, сталъ жестоко плакать.

Мой помощникъ о томъ известясь прибежалъ скоро ко мнѣ и какъ разумной человекъ сталъ меня унимать, взявши подъ руку говорить: пойдемъ къ майору объявимъ ему, и вамъ надобно говорить онъ ехать на то боевое место, отыскать тело и похоронить, мы пашлы къ майору, о семъ донесли и по моей прозбе отпустилъ меня и далъ еще со мною адного надежднаго сержанта.

Поспешилъ я скорѣе туда севши на свою лошадь, взялъ съ собою одного слугу, далъ также и подъ сержанта другую свою лошадь, бежалы рысью до самого нашего форпоста, тамъ не хотѣлъ было насъ афицеръ форпостны пропустыть, однако на мою прозбу и увидѣвъ также что я плачу, то съжалылся и поверилъ моимъ словамъ, велѣлъ нашимъ часовымъ насъ пропустыть.

Намъ попадались некоторые изъ той команды на встречу, но какъ были отъ другихъ полковъ и незнакомы, то оны чего я у нихъ спрашивалъ не знали, а толко то сказали что де каманда собиралась итить отътуда прочь, но не в лагерь а куда того незнають, я прискакавши на то боевое место думалъ тамо ихъ еще застать, но уже ихъ не было.

Тудажъ на то боевое место посланою при афицере изъ дежурства командою согнаны были изъ деревенъ мужики, чтобъ хоронить мертвые теда, я скорѣе туда къ нимъ подъехалъ, спрашиваю не похоронилилы оны таково афицерское мертвое тело, описывая имъ выдъ и позитурю и платъ батюшки моего, но что отвѣчали что де мы толко

сюда сей часъ пришли и не хоронили еще ни одного, а пашпортъ носилъ по всему тому плацу, присматривалъ и выжу мертвыхъ людей довольно, но вдвое большъ Франгузовъ, попалъ было мимоходомъ на несколькихъ мертвыхъ отъ нашихъ, между коими былъ одинъ—кого я узналъ что отъ роти батюшкиной, я тутъ думалъ и тело отца моего наитить, вездѣ въздѣ и въперёдъ объехавши глѣдѣлъ и на всякого мертвого, конхъ мнѣ случилось наехать, присматривалъ, но нѣтъ того каво я ищу.

И тако объехавши все тое место поехали мы еще несколько въперёдъ и становились и стали разсуждать что дѣлать.

Сержантъ сталъ мнѣ говорить: ви де увидите что барабанчикъ неправду намъ сазалъ, ево какъ ранили то и укланился онъ въ сторону и господина капитана, вашего батюшку онъ и не видалъ, а какъ де та команда отъсюдова пошла далѣ, то конечно и батюшка вашъ со оною пошолъ, и такъ не изволите говорить сержантъ ни о чемъ болѣе сумнѣватца, оно такъ верно будетъ, а мы де поедемъ назадъ въ лагерь, тамъ уже надобно быть обо всемъ верному известию.

Сии сержантовы слова меня несколько поощрили, сталъ и я тоже думать, однакъ говорю я ему поедемъ еще вотъ туда въ левую сторону къ тому двору, не найдемъ ли тамъ каво нибудь изъ нашей команды и можетъ быть что случится чего слышать.

Мы согласились и поехали къ тому двору, котораго приехавши усмотрели, что то былъ увеселительной господской дворъ безъ никакова другаго жилья, и стоитъ въ ту сторону поближе несколько къ городу, день тотъ какъ весьма былъ жаркой, а мы много скакали на лошадяхъ, то я жестоко пить води хателъ и думаю что при томъ дворе напытца, а потомъ какъ время уже спольдня гаразда къ вечеру наступило, то и вернутца въ лагерь назадъ.

Мы приехавши туда не нашли во дворе ни души, все было заперто наглухо, хотъ мы у воротъ и стучали однакъ все, никто намъ не озивался; потомъ поехали вокругъ двора, где показался намъ прекрасной садъ, въ коемъ увидѣли колодезь съ насосомъ подъ искусно сделаную крышкою стоящи.

Въ томъ же саду овощниа деревья, всѣ съ своими спѣлыми плодами обвѣшены и не знаешь отъ прелестнаго того вида, на какое дерево прежде глаза свои бросить, мнѣ ужъ тутъ захотѣлось и води пить и тѣхъ прекрасныхъ фруктовъ покушать, а войти въ садъ нельзя, то и согласилсъ мы уже оставить должное той дщоти сохра-

нение, хотя приказъ и есть такъ строгой, чтобъ въ садахъ и въ селеніяхъ шкоды не дѣлать, но какъ сей дворъ съ садомъ состоитъ за нашимъ форпостомъ, то и можемъ къ нашему намеренію приступить, и тако съѣзды мы съ лошадей далой привязавъ оныя за окрашеную состоящую кругъ сада решедку и отступя несколько шаговъ подавъ, възялись около той решедки майстерить виниматоную, однако признатца надобно что большъ ламалы, и зделалы такъ широко проломъ, что лошады свободно было въехать можно.

Нашу работу мы весма скоро зделалы, я прежде всего побежалъ къ колодезю напылся той холодной воды, что и другіе мои сотоварищи зделалы.

Слуга же мой подвезъ тудажъ въ садъ къ колодезю и лошады коихъ также напоилы, но всио то дѣлалось очену скоро и проворно несмотря на то что прекрасіе тѣ цветники лошады потоптали, чтоже дѣлать хотъ опосля за то хозяйинъ и бранить будетъ, но въ то время такъ зделать требовала нужда.

А чтобы въ случае какой либо опасности легче и скорѣе выйти изъ саду могли выскочить, то мы сѣлы на лошадей и такъ ушли подъ тѣ фруктовіе деревья подъѣхалы, я первее подыступилъ подъ персики кои были особливо величины, но еще не совсѣмъ спѣлы, однако имѣлы вкусъ хорошъ. я ихъ елъ, и клалъ въ кармани что слуге дѣлать велѣлъ, чтобъ онъ ихъ также набралъ, онъ говоритъ меня де вотъ есть конская овсяная торба, я де въ нее накладу, мы и другіе деревья также посетили а наиболѣе паргамотовъ и другіхъ большихъ грушъ жолтыхъ какъ воскъ у коихъ вкусъ былъ отмененъ, при томъ нашемъ хозяйствѣ позабавились мы въ томъ саду не болѣе полъ часа, а потомъ выехали; смотримъ кудабы на простецъ въ дорогу къ лагеру могли выехать, какъ уже день горазда къ заходу солнешнему приближаетца и чтобы могли заранѣе къ нашему форпосту поспѣть, однако отъехали насъ разніе воокругъ того двора лежащіе огорожи и забори несколько въ медленіе, и не было уже другога места къ выходу о кроме что опять, тудажъ выехали было надобно откуда приехали, между тѣмъ увидѣлы въ сторонѣ подалеко едущихъ троихъ чловѣкъ верхамы, кои ужъ насъ минули едутъ просто къ нашему лагеру, мы стали кричать и шапками имъ въ ныхъ махать, но оны не слышатъ, мнѣ тутъ какбы нѣчто особливо подадо желанность, что тѣхъ людей догнать и выдѣть кто они таковы, для чего пустился я за ними полемъ скакать и кричу чтобы остановились.

Оны какъ услышавъ мой крикъ и видать, что я съ своими спутниками престо къ нимъ скачу, поостановились было но оныгъ поехали, а тутъ чтобы ихъ конечно догнать прибавилъ скачку порезвее и кричу, почему уже оны остановившись повернулись лицомъ къ намъ, а приблизившись къ нимъ узналъ тотчасъ своего батюшку, но то чудно мнѣ показалося что у него на голове киверъ а не шляпа, с косю онъ въ ту командировку панголь, да и лошадь подъ нимъ чужая а не своя.

Я бросился къ батюшке моему сталъ ему целовать руку и зашакать, онъ говоритъ мнѣ что ти плачешь и спрашиваетъ где я былъ, а на то ему обо всѣмъ сталъ пресказывать, что мнѣ барабанщикъ объявилъ и что я ездилъ на то боевое место ево искать.

Батюшка мой покудова до лагера доехавъ сталъ мнѣ обо всемъ томъ, что и какъ съ нимъ тотъ день случилось и какъ ево майоръ Марковичъ нечаяно избавилъ, пресказивать о чемъ я выше писалъ, и также говоритъ батюшка мой что ево лошадь пропала, и надобно де ей быть въ кроатскомъ лагере, а ета де лошадь говоритъ онъ, что подо мною худая и заморена, есть добычная французская.

Подъехавши мы уже възаходъ солнца къ нашему лагеру, говорить мнѣ батюшка мой, заежай де ти въ кроатски помятъ, тамъ можетъ быть сищенъ нашу лошадь, а я де поеду прямо къ своей ставке.

По сему приказанию я и повернулъ въ лагерь кроатски и скоро туда въехалъ, увидѣвъ изъдалы нашу лошадь, подынала голову и стоитъ привязана у коновези съ другою лошадью, сталъ я требовать оную, однако тотъ афицеръ зачалъ спорить и не даетъ, почему принужденъ я паитить къ ихъ полковнику и о томъ просить, пресказавъ ему обо всѣмъ, что съ батюшкою моимъ случилось и что тотъ афицеръ лошадь взялъ.

Полковникъ приказалъ съ другимъ афицеромъ лошадь отослать къ нашему майору и спрашивать о томъ, и буде точно такъ какъ я требую то и отъдать лошадь намъ, кою мы по свидѣтельству и получили, а ту добычную французскую отъдалъ батюшка тому афицеру.

Я засталъ майора сидящаго съ батюшкою моимъ и онъ майоръ пресказиваетъ о своемъ въ тотъ день случившемся приключеніи.

Насъ удержалъ майоръ у себя ужинать и я къ ужину принесъ майору техъ собранныхъ въ саду фруктовъ, кои несколько отъ скачки лошадиной въ торбе падалились было, однакъ за весьма хорошие приняты были, и смѣялись какъ мнѣ при жалости прѣшло на умъ фрукты

сбывать, я на то отвечалъ представляя имъ нужду что жестоко пить воды хатѣлъ, а между тѣмъ говорю и фруктовъ набралъ.

На семь лагере были мы еще четыре дня и потомъ пошли далѣ въ правую сторону къ городу называемомъ Елсасъ Цабертъ, корпусъ нашъ шолъ въперіодъ а за ними и вся армія помаршировала, но она остановилась и расположилась лагеромъ въ другомъ мѣстѣ, а нашъ корпусъ только одинъ подъ Цабертъ подступылъ, где встретила насъ партия не велика французской конницы, однакъ ничего съ нами не зачиналы а только что увидя насъ вернулись назадъ.

Въ томъ городе былъ войска французскаго корпусъ довольно великъ, оны сперва изъ крепости попротивились намъ и зачали было пушками съ бастионовъ по насъ стрелять, но потомъ или оны уже не въ силахъ были устоять, или у нихъ что нибудь другое было, ибо какъ скоро мы подвезлы нашу артиллерию и стали по городу стрелять то ихъ кононада престала, а наша не преставала и сильную стрельбу производили, отчего скоро увидѣлы мы что французская пехота на другую сторону города стала выходить и подниматца по большой дороге на гору, и тѣмъ открылы намъ что ихъ сила противъ насъ и половиной части не составляла.

Оны какъ на гору стали подниматца, то мы наилучше силу ихъ, по цветамъ мундирнымъ, полки и зборніе баталіони увидѣть и узнать могли.

Ворота городовые съ нашей стороны какъ были пушечными драмы разбиты, то тотчасъ войска наши вошли въ городъ, и пошли поспешно въ догонку за неприятелемъ, коего еще на выходе города полные улицы были и маршировали въ своемъ порядкѣ прикрывая свою ретирату отъступнимъ боемъ, отстреливались весьма крепко, и сколько вреда оны зделали намъ, столко еще жители того города изъ домовъ своихъ чрезъ окошкѣ что по насъ стрелялы, отчего у насъ было много убитыхъ и раненыхъ.

Я при семъ случаи имѣлъ довольно оказію видѣть, что есть дѣйствіе военное въ моемъ зачале тогда службы и въ такихъ молодыхъ еще летахъ, будучи съ полкомъ въ сильномъ томъ сраженіи.

Французы хотя и ретировались, но однако ни мало своимъ отступомъ не спешили, а непрестано производили плотоножную по насъ палбу, способъ имъ къ тому подавала широкая въ городе улица, а за городомъ еще вдвое шире дорога, по коей какъ оны подниматца стали на гору, то занималы фрунтомъ поперекъ всю ту дорогу и удваивалы свои батальоны.

Здесь у нихъ было конницы невеликое число кои по периоду уехали, они намъ видни были издали, а что въ городе была на площади каменная большая церковъ съ высокою колокольнѣю, изъ которой много вреда своею стрелбою жители намъ зделали, то какъ сие усмотрено и командующему генералу о томъ сазано и онъ приказалъ изъ пушки туда быть, такъ ужъ отътуда большъ стрелять по намъ престалы и на колокольни отъ нашихъ ядеръ великіе дыры показались, отчего потомъ едвамы ее починить было можно.

При семъ сраженіи убитъ потискомъ ландмилиціи капитанъ Рако (или Ракославъ) также и другихъ афицеровъ и нижнихъ чиновъ убито и ранено отъ нашихъ много, въ томъ числѣ славонской ландмилиціи капитанъ Ефимъ Любобратичъ ранѣнъ жестоко * и по продолженіи сего сраженія несколькихъ часовъ подоспѣла уже и вечеръ и тѣмъ дело кончилось.

Командующій нашъ генералъ баронъ фонъ Перниклау командировалъ для учинѣнія еще и большъ надъ неприятелѣмъ поиска полковника барона Тренка съ его пехотнымъ полкомъ (полкъ сей есть тотъ самый что набранъ былъ изъ лесовыхъ разбойниковъ о коемъ я прежде говорилъ), и потому приказанію пашолъ Тренкъ еще тогожъ

* Сей храбрый афицеръ заслуживаетъ ту честь чтобы об немъ на долгіе мѣки поминалось, для чего и не хотѣлъ я оставить яко о своемъ адонациональномъ чтобъ не пояснить. Онъ былъ Сербинъ и дворянинъ природи а родомъ изъ Требыня города что въ Илыріи, былъ онъ въ молодіе свои лѣта въ Венеціи и изучился тамо италянскаго и немецкаго языковъ, вышолъ потомъ въ Цесарию гдѣ принятъ въ службу и дослужасъ до капитанскаго чина, ростъ и сво позитура была отменна; тогда какъ онъ раненъ было ему лѣтъ около тритцаты, сей злой случай принесть ему бедному великую болѣзнь и убытокъ, кость полувынная въ своей руке у самой мышки была пугбю раздроблена и покудова всѣ тѣ часты ноглы быть выняты, то онъ лечился долго і издержалъ на то послѣднѣе что нѣтъ и мало и жизни не лишился, напослѣдокъ хотя и вылечился однакъ тою рукою владѣть могъ мало, но по усердной къ службѣ ревности не отъставалъ отъ оной, и былъ потомъ еще на многихъ баталіяхъ, и дослужился до генеральскаго чина, женатъ былъ на вдове Черноевичевой, княжнѣ дочери полковника князя Афанасія Рашковича, и потомъ по сво великимъ по службѣ дѣламъ былъ пожалованъ отъ ея величества императрицы королевны венгеро-бохемской Маріи Терезіи барономъ и кавалеромъ терезіанскимъ орденомъ, а напослѣдокъ уже подъ некую старость проавведенъ генераломъ фельтцабгменстеромъ и определенъ на покой въ должность оберъкоменданта въ Италию въ городъ Кремону, принадлежашій дому австрійскому, где прошедшаго 1783 года и скончался, но толко то олю жалъ что послѣ его не осталось детей, и тѣмъ сей достойной герой жизнь свою окончилъ.

сбывать, я на то отвечалъ представляя имъ нужду что жестоко пить воды хатѣтъ, а между тѣмъ говорю и фруктовъ набралъ.

На семъ лагере были мы еще четыре дня и потомъ пошли далѣ въ правую сторону къ городу называемомъ Еласъ Цабертъ, корпусъ нашъ шолъ въперіодъ а за ними и вся армія помаршировала, но она остановилась и расположилась лагеромъ въ другомъ мѣстѣ, а нашъ корпусъ только одинъ подъ Цабертъ подступилъ, где встретила насъ партия не велика французской конницы, однакъ ничего съ нами не зачиналы а только что увидя насъ вернулись назадъ.

Въ томъ городе былъ войска французскаго корпусъ довольно великъ, оны сперва изъ крепости попротивились намъ и зачали было пушканы съ бастионовъ по насъ стрелять, но потомъ или оны уже не въ силахъ были устоять, или у нихъ что нибудь другое было, ибо какъ скоро мы подвезли нашу артиллерию и стали по городу стрелять то ихъ кононада престала, а наша не преставала и сильную стрельбу производили, отчего скоро увидѣли мы что французская пехота на другую сторону города стала выходить и подниматца по большой дороге на гору, и тѣмъ открыли намъ что ихъ сила противъ насъ и половиною части не составляла.

Оны какъ на гору стали подниматца, то мы наилучше силу ихъ, по цветамъ мундирнымъ, полки и зборніе батальионы увидѣть и узнать могли.

Ворота городовые съ нашей стороны какъ были пушечными драмы разбиты, то тотчасъ войска наши вошли въ городъ, и пошли поспешно въ догонку за неприятелемъ, коего еще на выхъ города полные улицы были и маршировали въ своемъ порядкѣ кривая свою ретирату отступнимъ боемъ, отстреливались вѣ крепко, и сколько вреда оны зделали намъ, столко еще жители города изъ домовъ своихъ чрезъ окошка что по насъ стрелялы, у насъ было много убитыхъ и раненыхъ.

Я при семъ случаи имѣлъ довольно оказію видѣть, что существо военное въ моемъ зачале тогда службы и в такихъ еще летахъ, будучи съ полкомъ въ сильномъ томъ сраженіи.

Французы хотя и ретировались, но однако ни мало ступомъ не спешили, а непрестано производили плотную палбу, способъ имъ къ тому подавала широкая въ городъ а за городомъ еще вдвое шире дорога, по коей какъ матца стали на гору, то занималы фрунтомъ попереку рогу и удваивалы свои плотонги.

была заперта, онъ выпросилъ у хазяйки чтобъ меня на малое в ту да въ ее спальню въвести, покуда мнѣ лекарство приправ чаю напыюсъ, она столю была ласкова, что не поспорила въ ни мало, спальню свою отъперла и меня туда въвела, съжалы надо мною, не дала намъ чаю варить, а сама скоро свой чай несла, баба молодая и не дурна собою, между тѣмъ лекаръ далъ нечто изъ его составленнаго лекарства выпить, такъ приятное к самой лучшей дыкорѣ, я то принялъ и потомъ чаемъ запилъ, тутъ и зборъ въ барабанъ ударили и корпусъ поднялся, хозяйка за по и за чай ничего отъ насъ взять нехотѣла, а сожалѣла что меня болного повела и въ каласку положила, я поблагодаря ей за т ласку, поехали далѣ, какже спустя мало времени после моего пр подействовало лекарство и понесло меня рвать самая желчь, я малъ что и кишки выдутъ вонъ, браню я лекаря что такъ слыш крепкое лекарство мнѣ далъ, а онъ смеютца говорить: дабро, ет рошо, здоровъ будетъ, и тако пришли мы около полденъ на то м где лагерь занять, на поляхъ засеяныхъ хлебами, кои уже жалы мужики возють и спешать убратъ оной къ своимъ домамъ, на месте было целыми нивами табаку много посеяно и некоторая ч подъ лагерь было занято и пропагъ.

На семъ лагере имѣлъ корпусъ ночлегъ адынъ, а на завтра часу десятомъ по утру пошли далѣ и мнѣ уже лехче стало и я верхомъ ехатъ при полку.

Мы маршировали отътуда малыми маршами, покуда армія периодъ успеть могла чрезъ реку Рейнъ преправитца назадъ въ ихъ, уже въ немецкую землю.

При вступленіи арміи нашей въ Елсасъ, какъ я выше говор былъ у насъ для преправы чрезъ реку Рейнъ наведенъ адынъ м и казалось, что переходъ нашъ былъ поспешенъ довольно, а та у обратномъ марше зделали два моста на судахъ адынъ воза гаго, да и тѣ показались тесно и мало, сіи мосты были наведены деревнѣю називаемая Пеинхеймъ въ лесистомъ мѣстѣ съ об береговъ реки Рейна, и зделано съ стороны нашего прихода з ной редутъ, предъ которымъ по краямъ волчьи ямы и въ каждой яме ударенъ вострой колъ въ вышиину на ровнѣ съ землѣю, и по ронамъ того редута учинѣни изъ состоящего тамо леса большіе секи, позады коихъ у берега съкладено было множество вязан соломяныхъ кугѣй.

Корпусъ сталъ лагеремъ безъ палатокъ при той деревнѣ на

подъ самымъ лесомъ отъ мостовъ за полъ мыли разстояніемъ, и прикрывали преправу.

Черезъ тотъ день и чрезъ наступившую ночь наша армія и весь обозъ успѣли на ту сторону чрезъ мосты преправитца, и поставлено повеленіемъ главнокомандующаго на томъ берегу по краямъ мостовъ две батареи съ пушками и съ прикрытіемъ пехотной команды, а корпусъ нашъ предъ светомъ пришедъ къ мостамъ заняли въ томъ редутѣ, что на сей сторонѣ, и въ засекѣ место особо на то наряженною командою, а протчіе весьма поспешно шли на мосты и переходили на ту сторону.

Мы только что преправлятца зачали, то услышали ужъ позады престрелка происходить и зделалась у насъ маленькая тревога, а то было что изъ крепосты фортъ Луя, коя состояла въ сторонѣ не весьма въ дальнѣмъ отъ нашей преправы разстояніи, и видно что захотѣлось было Французамъ насъ потревожить и напасть въ тылъ за нами на преправу, ихъ конница настигла и зачали съ нашимъ арьергардомъ малую препалку, а потомъ какъ пехота поспѣла то ужъ пѣлба стала посилнѣе и наперли на насъ болшимъ приступомъ, отчего нашъ арьергардъ поспешилъ къ мостамъ въ ретираду.

На тожъ время команда наша, что въ редутѣ была, стали скоронные носить тѣ соломяніе кулы съ берега и бросать на засеку, а другіе отъстреливали и удерживали неприятеля, покуда всѣ наши чрезъ мосты на ту сторону убрались, а затѣмъ и та последная команда запаливши салому и засеку побежали на мостъ, при чемъ также изъ батеріевъ и наши пушечные выстрелы пособили, что Французы не могли на берегъ и къ мостамъ приступить, одно то что засека около редута загорелась, а друго наши какъ со всѣмъ на ту сторону пребрались, то на мостахъ лежащія по сторонамъ соломяніе кулы и смоляніе доски зажгли, отчего уже и весь мостъ згорѣлъ и тѣмъ наша преправа кончилась.

Я здесь о той землѣ Елсаси, изъ которой мы вышли, хочу несколько упомянуть, что она есть весьма хороша по большой части ровная и плодородная, заселена городами и селами частими, виноградовъ очень много и всякаго рода фруктовъ изобильно, но что земля очень народна, то тѣмъ кажетца для жителѣй несколько тесно, однако во всякомъ порядкѣ все устроено, скотъ имѣютъ для своихъ нуждъ достаточно, но только лошадей мало да и тѣ коихъ оны имѣютъ суть негодные, а ослы держутъ много.

Армія наша помаршировала во внутрь Райха далѣ, продол-

жалы марши умерение, а неприятеля въ слѣдъ за нами не было, Французи остались на своей границе за рекою Рейномъ и не пошли далѣ, а Баварци самы собою действовать были уже не въ состояніи, и тако по наступившему осенѣму времени ученѣно о винтеръ квартирахъ распоряженіе, где и въ какихъ провинціяхъ арміи расположитца.

Нашему корпусу довелось быть въ землѣ неприятельской, въ Баваріи и въ оберъ Фалцу, куда маршъ свой и повернули и пришли въ Баварию къ городу Шартингу, отъколъ уже стали наши полки по своимъ назначеннымъ квартирамъ разходытца, а нашему полку довелось быть въ оберъ Фалце, куда и послано въперіодъ для заготовленія квартиръ и фуража, а полкъ на другой день выступилъ.

Въдругъ тоежъ утро при выступленіи объявленъ отцу моему посланнымъ отъ генерала приказомъ арестъ и тутъ ему въ городе остатца что и зделано, сей ударъ былъ мнѣ весьма чувствительнымъ, а большъ что мнѣ съ нымъ растатца, не зная сему никакой притчины. полкъ нашъ и я с полкомъ помаршировали, а квартиры наши какъ сказываютъ еще далеко и что разве седмымъ днемъ туда поспѣтъ будетъ можно, сътревожило меня ето дѣло чрезвычайно я сталъ майора своего просить, чтобъ меня уволнить обратно и быть у отца несколько дней покудова увыжу, что съ нымъ воспослѣдуетъ далѣ, майоръ меня уволнилъ.

Я возвратясь назадъ въ городъ Шартингъ лышь толко что приехалъ выжу, что батюшку моего хотятъ возить назадъ еще мыли три въ замокъ называемы Сумъ.

Главнокомандующій арміею принцъ Карлъ поехалъ въ Виену ко двору, а препоручилъ армію фелтмаршалу графу Бадяны, коего и квартера въ томъ замке Сумъ быть назначена.

Отца моего туда привезши поставленъ под караулъ возлѣ хаубтъвахта, и приставлены два часовыхъ, тутъ содержался онъ недели две и я при немъ былъ безъотлучно.

После сего стали над нымъ производить слѣдствие и такихъ делъ отъ него спрашивать, чего онъ и во снѣ не снивалъ, будто онъ подыгаваривалъ салдаты, чтобы о недоимочномъ жалованіи бунтовались и чтобы оставляли службу і бежалыбъ.

На сіи запросы батюшка мой отвечалъ чисто и доказивалъ, что онъ о такой продерзости не токмо не знаетъ, но никогда ничего чтобъ салдаты имѣлы какое въ недоимочномъ жалованіи неудовольствіе отъ нихъ не слыхалъ, да и такое ихъ жалованье пропасть не можетъ какъ уже оны то и получили, а конечно де говорилъ батюшка

мой такое дѣло на него от каво нибудь по злобе нанесено (какъ о семъ ниже въ своемъ мѣстѣ изъяснено будетъ).

Сии допроси и что на оныя батюшка мой отвѣчалъ представлено отсюда къ фельтмаршалу, но потомъ поступлено съ батюшкой моимъ еще строжае, заковали его въ железа: хотя то тамъ въ цесарской службѣ и есть въ обычай, что почти за безделицу скуютъ афицера въ железа и посадютъ подъ арестъ къ профосу, но однако какъ такая строгость надъ отцомъ моимъ воспослѣдовала, не зная человекъ за собою никакой вынноты, то конечно досадно.

Фельтмаршалъ приказалъ то учинить потому, что считая конечно батюшка мой въ вынѣ своей не хочетъ признатца, и чтобы его такую строгостию принудить, и велѣлъ въновъ вопросни пункта учинить и по онымъ его спрашивать.

По сему повелѣнію какъ присутствующіе собрались и велѣлы батюшку моего такъ въ железахъ привести туда, и потомъ стали его спрашивать не токмо, что о томъ прежднѣмъ, но еще с прибавкою новыхъ пунктовъ, каторіе ему наперіодъ всѣ прочлы, а затѣмъ по каждому порознь спрашивать стали, на что батюшка мой объявлялъ, что онъ таперъ ни на что отвѣчать не можетъ яко некоторые ево дела, кои онъ имѣетъ къ своему оправданію, остались при полку въ его эквишаже и просить времены недели на две, покуда онъ туда въ полкъ отъ себя пошлѣтъ нарочного и подлежащія дела ему отътуда принесть, и чтобы ему съ тѣхъ запросныхъ пунктовъ дали конюю, а по выходе двухъ недель онъ самъ въ свое оправданіе отвѣтъ представить имѣетъ.

На сие объявление презесъ того слѣдствія и оберъ аудиторъ въ-стали съ своего мѣста и велѣлы батюшки моему вытѣть въ другую горницу, оны посовѣтовали между собою и пошлы оба къ фелтмаршалу о томъ доложить.

Мало спустя потомъ возвратились, и батюшку моего опять въ присутствие призвали объявивъ ему, что господинъ фелтмаршалъ по его прозбе велѣлъ срокъ на две недели отложить и копыю съ вопросовыхъ пунктовъ дать приказалъ.

Батюшка мой, получа такову копию, отведенъ былъ по прежднѣму въ свое мѣсто, куда пришедъ сказиваетъ мнѣ и подаетъ тѣ пункта по немецки писаніе, я ему оныя читалъ и превелъ на сербски.

Того же дня отъправляетъ меня батюшка въ полкъ и пишетъ къ майору и къ протчимъ афицерамъ, приложѣ и ту копию съ вопросовыхъ его пунктовъ, просить майора и афицеровъ, чтобы ему при-

славы атестать о службѣ, такожь свидѣтельство, что онъ по тѣмъ запроснымъ пунктамъ винимъ не состоитъ.

Я тотъ часъ отъправился въ дарогу съ аднымъ толко слугою верхамы, дня два ехалъ я Баварию а потомъ вошелъ въ оберъ-Фалцъ и поспѣлъ въ полкъ въ шесть дней, меня какъ скоро наши увидѣлы, всякъ скорые желалъ со мною говорить и спрашиваютъ, что и какъ съ батюшкою моимъ зделалось, я майору моему явившись подаю ему и къ протчимъ до кого слѣдовало привезенные мною письма съ объявленіемъ обо всемъ, сколько мнѣ по тому делу было сведомо.

Майоръ собралъ всѣхъ афицеровъ, читалы тѣ присланные запросные пункта, сожалѣлы о невинности и страданіи батюшки моего, стали писать атестать и свидѣтельство с такимъ выраженіемъ, что естли кто нибудь доказать можетъ, чтобы въ такомъ деле капитанъ Пищевичъ, въ каковомъ на его донесено, былъ чемъ либо вынень, то оны всѣ подвергаютъ себя штрафу и ручаютца за то своею честию, а то де не иное что какъ конечно отъ какихъ нибудь злоумышлѣнниковъ на него донесено съ неправдою, и онде потому напрасно страдаетъ.

Сие свидѣтельство и атестать о службѣ подписали майоръ и всѣ афицеры, о кроме двухъ капитановъ немцовъ, кои недавно въ томже походѣ были толко на время въ полкъ причислѣны, оны съ зачала вступления тотъчасъ хотѣлы быть въ полку старшими капитанамы и непрестано съ батюшкою моимъ о томъ споръ имѣлы, тѣ оба капитана при подписке того свидѣтельства и атестата руки своей къ подписке приложить не хотѣлы, изъвыняя себя что оны недавно къ полку причислѣны и другой націи люде, а ктому по новости де нашей не знаемъ еще въ точность его состоянныя и для того де подписать того свидѣтельства и атестата не можемъ.

Таковъ поступокъ сихъ двухъ капитановъ и подалъ притчину объ ныхъ сумнѣватца, всѣ афицеры тутъ зашумѣлы и стали обейхъ тѣхъ укарять и улычать, что де конечно вы тѣ самые, кои нашего товарища оболгали и чрезъ васъ де онъ страдаетъ, когда вы подписатца с нами вообще не хотите, такое дело тутъ произошло было что едва майоръ утолытъ могъ, на тожь время какъ салдати о такой подписке свидѣтельства услышали, то почти вся батюшкина рота, какъ она тамо въ близости на квартирахъ была, прибежала и доложили о себе майору что прозбу имѣють, майоръ съ афицерами самъ къ нымъ вышелъ, оны всѣ стали говорить и просить: какъ де мы слышимъ, что нашъ господинъ капитанъ страдаетъ и терпытъ арестъ невяно, а мы его

любя и почитая скорбымъ по нѣмъ, и мы де безъ его какъ овцы безъ пастиря печалымся, что ево здесь пред нами нѣтъ, то и просимъ всѣ вообще дабы отъ стороны нашей салдатской прозбу на пысьме принять и представить, ибо де мы безъ его весь свой куражъ тѣряемъ, а онъ де страдаетъ напрасно и мы всѣ жизнью нашею за него ручаемся, что онъ ни вчомъ невиненъ и того ничего не было что на его донесено.

Майоръ и велѣлъ принять на пысьме ту выраженую отъ ныхъ прозбу и засвидѣтельствовать отъ той роты афицерамы, а кой были ундеръ-афицеры и капралы грамотные а некоторые и редовые, то тѣ самы за себя подписались, и тако совершивши все сие, зделалъ майоръ особое еще отъ себя къ фелтмаршалу представленное, отправили меня обратно.

Взялъ я свою тутъ поспешно тоужъ прежнѣю дорогою и прибылъ къ тому замку, где фелтмаршальская кварта была, но ужъ не засталъ тамо никаво, фелтмаршалъ прешолъ въ сторону своею квартирою въ другой господской домъ, кой былъ весьма огроменъ и украшенъ великолѣпно, назывался Санктъ-Мартинъ, я неупуская времени хотя и весьма было холодно и снега, и морозы великие, однакъ поспешалъ и другимъ днемъ туда прибылъ.

Батюшка мой какъ меня увидѣлъ обрадовался, тогожъ дня и срокъ двунедѣли что отъ слѣдственной камыси было отложенъ мынулъ, батюшка мой распечатавъ пысьми увидѣлъ все то чего желалъ, я ему пресказываю что майоръ нашъ особое еще пысьмо къ фелтмаршалу писалъ, и о прочемъ также пресказалъ, что при подписке свидѣтельства отъ техъ двухъ капитановъ произошло и какъ всѣ афицеры мало съ ними не подрались.

На завтрешны день рано посылаетъ меня батюшка мой къ оберъ аудитору объявить, что онъ свои дела къ отчиске своей уже имѣетъ въ готовности и что желаетъ, дабы оныя отъ него были приняты, почему оберъ аудиторъ тотъ часъ пошолъ къ фелтмаршалу доложить а я тѣмъ временемъ зашолъ въ трактиръ и дождался тамо адинатцать часовъ, потомъ пашолъ къ фелтмаршалу чтобы ему отдать свое-ручно то пысьмо, каторое къ нему майоръ писалъ, а притомъ какъ мнѣ батюшка приказалъ просить отъ стороны своей по пристойнству о освобожденіи отца своего.

Вошедъ я во дворъ фелтмаршалски спросилъ стоящихъ у воротъ часовыхъ куда наверхъ ходють, анъ указали мнѣ большую лестницу и ту сторону куда итѣтъ надобно, вошолъ я въ большой залъ,

тамъ были ординарци и слуги, тѣ показали мнѣ двери дагѣ итыть ежелы мнѣ надобно, я по тѣмъ словамъ пашолъ прямо чрезъ два пакоя и остановился тамо предъ спалнѣю, у коей были адна половина дверей несколько отворены.

Фелтмаршалъ какъ прохаживалъ по покою, то чрезъ отворение двери меня увидѣлъ и позвалъ къ себе, онъ еще меня не зналъ, а также и я съ нимъ никогда прежде не говорилъ, я подошедъ взялъ его руку поцеловалъ, подаю письмо майорское, онъ сталъ распечатывать, а я оборотя голову увидѣлъ на канапею сидить графиня фелтмаршалша, о которой я прежде слышалъ но не видалъ, держала она въ рукахъ некое дамское рукоделье—показалось мнѣ что кошелекъ вяжетъ, я подошедъ къ ней и также руку поцеловалъ, а потомъ сталъ противъ фелтмаршала, графиня на меня прилѣжно смотрела однакъ ничего неговорила, между тѣмъ фелтмаршалъ письмо прочолъ и говорить ко мнѣ: кто вы таковъ и какое ваше дело, я отвечалъ что я адютантъ ландъ-мылицкаго подунайскаго полка, и что я сынъ того несчастнаго капитана Пищевича, которой здесь въ железахъ подъ арестомъ содержитца, и выговоря сие припалъ къ нему, сталъ просить о освобожденіи отца моего, причемъ и прослезился.

Я толко что свою прозбу представилъ, какъ вдругъ графиня стала къ фелтмаршалу говорить: ахъ Боже мой какъ сего молодчика слезы и нѣжная его прозба меня тронуло, зделай мылость надъ нимъ беднымъ и утешь его; я услышивъ отъ графини такой отъзывъ падошолъ скоряе къ ней и поцеловалъ руку, сталъ ее просить представляя отца своего невинность и что онъ обнесенъ отъ злоковарныхъ и ненавистныхъ людей, и носить такое несчастие по напрасну, графиня отвѣчаетъ мнѣ насмѣявшись: будь надеженъ что фелтмаршалъ вамъ зделаетъ справедливость, а я буду твой стряпчей.

Потомъ фелтмаршалъ сталъ меня спрашивать где я учился и давнолъ служу, на сие я отвечалъ что стараниемъ отца моего учился въ Выентъ и в другихъ городахъ, а таперъ говорилъ я какъ отецъ мой пошолъ въ сей походъ, то для практики и чтобъ повидеть светъ и чужие края, а при томъ по нашей природе, чтобъ и въ военныхъ действияхъ въ моихъ еще молодыхъ летахъ приобрести привычку, взялъ онъ меня съ собою и былъ съперва волонтеромъ, а потомъ что при главномъ смотре г-мъ оберъ крингс камысаромъ фонъ Клейномъ произведенъ въ сей чинъ.

Послѣ сихъ разговоровъ говорить мнѣ фелтмаршалъ, я де приказалъ своему адютанту, чтобъ онъ дело отца твоего принесъ ко мнѣ,

а вы будьте спокоенъ, отцу де твоему все то сделаетца, что по справедливосты надлежитъ, и с тѣмъ меня отпустилъ, я поклонясь фелтъмаршалу и графинѣ, повторяя при томъ мою прозбу, пошелъ прочь.

Скоро я вышелъ изъ квартиры фелтъмаршальской, зашелъ къ оберъ-аудитору пресказываю ему, что фелтъмаршалъ сказалъ, на что онъ говоритъ поежайте вы скоряе и принесите все дѣла отца вашего, какия онъ представить къ своему оправданію имѣетъ, сюда ко мнѣ, мнѣ де уже о томъ приказано чтобъ въ часу четвертомъ после подьденъ подьнесть на разсмотрение.

Я после того скоряе поскакалъ обратно къ батюшке моему (а было то место небольшая деревня, где онъ содержался разстояніемъ отъ туда за маленькіе польмыли), сказавъ ему обо всемъ и забравши всѣ дѣла отнесъ оныя къ оберъ-аудитору, онъ принявши все то сталъ читать (а оныя были въ полку сочинѣны полковымъ квартирмейстромъ по немецки) и говоритъ оберъ-аудитору, добро вы имѣетею завтра терпение, я де севодни понесу все и представляю фелтъмаршалу, съ тѣмъ я и уехалъ назадъ.

Утрешни день въ десетъ часовъ поехалъ я къ оберъ-аудитору, онъ меня встрѣтилъ видомъ приятнымъ и говоритъ: пойдите таперъ вы къ господину фелтъмаршалу, онъ вамъ скажетъ резолюцію.

Я поспешилъ скоро туда и войдя по прежнему въ залъ и далъ въ другіе пакон, фелтъмаршалъ меня увидѣлъ и позвалъ къ себе въ спальню, тамъ и графиня была, я имъ обоимъ поклонился и сталъ, фелтъмаршалъ подошедъ ко мнѣ положилъ свою руку на мое плечо говоритъ: пайди скажи твоему отцу что онъ севодни будетъ выпущенъ, а графиня также тутъ сказала, видишь я де тебѣ вчера съ говорила, что я твой стряпчи буду, таперъ спокоенъ лы ты, я поблагодаря за высокую мылость поклонясь поцеловалъ обоимъ руку, вышелъ отътуда сѣвъ на лошадь, поехалъ скоро къ батюшке моему, онъ какъ меня чрезъ окошко увидѣлъ что я на лошады скачу, догадался что конечне весты будутъ приятныя, вышелъ къ дверямъ встрѣчаетъ меня и говоритъ что естлы мылость, я отвечаю ему: слава Богу дело кончено и вы севодня будете выпущены.

Съпустя часа полтора едетъ фелтъмаршалски флигель-адъютантъ, несетъ батюшки моего саблю и объявляетъ ему освобождение исподъ ареста, тутже при нѣмъ съ батюшки и железа снялы.

Мы тотъ часъ убрали свои екипажъ въ каляску и верховыхъ лошадей поседлали, коихъ батюшка мой при себе на другомъ дворе содержалъ, подаривъ караульныхъ переехали къ фелтъмаршальской

квартире въ состоящій тамо трактеръ, тамъ особливую горницу взял и велѣлы хазяину датъ намъ покушать.

После полдня под вечеръ нашоу батюшка мой и я съ ны къ оберъ аудитору, поблагодаря ему за ево оказанную помощь и трудъ, и на томъ тотъ день прошолъ.

По утру въ обыкновенное время убравшись мы въ свои новы мундиры нашли къ фелтмаршалу, я ужъ тутъ былъ батюшки моего провожатимъ, шолъ я пред нимъ показывая куда итти надобно, вошедъ въ залъ и далъ, тамъ былъ одинъ лакей сидѣлъ у окошкѣ, хозего мы попросили чтобъ об насъ доложилъ, онъ то сделалъ и насъ въ спальню въпустилъ.

Батюшка мой по немецки не могъ чисто говорить, для чего представлялъ фелтмаршалу свою благодарность за выпускъ исподъ арестъ и говорилъ о своей невинности своимъ природнымъ сербскимъ языкомъ, я ужъ тутъ служилъ переводчикомъ и изяснялъ все то, что батюшка мой говорилъ.

На сии слова фелтмаршалъ выдъ довольно приятно показалъ даетъ батюшки моему въ руку запечатаной конвертъ на имя нашей корпусного генерала барона фон Перьклау, сказываетъ при томъ что де я его пишу къ генералу объ васъ, что вы исподъ ареста освобождены, и что выности никакой неподвержены, и чтобы по прежнимъ командованымъ роты вамъ принять, тотъ конвертъ батюшка мой принял и сталъ говорить, сделайте ваше сиятельство надо мною ели одну милость, скажите мнѣ за что я былъ подъ арестомъ и кто меня обвинилъ, я будучи говорилъ батюшка мой стою долгое время на службе, никогда небылъ ни в какихъ порокахъ и служилъ всегда честно и верно, а теперь подъ такимъ стыдомъ и петномъ чтобъ остатокъ считаю то за великую себя обиду.

Фелтмаршалъ выслушалъ чрезъ мой переводъ сии слова осмелся говорить: слушай оставте вы то требовать, честь де ваша и мало тѣмъ что вы претенды неможеть вредима быть, а человекъ всякъ подверженъ претерпѣвать и сносить зло и добро, и с тѣмъ остантесъ вы с покоемъ.

Батюшки моему за симъ болѣе не оставалось чего говорить, и клонился поблагодаря и графиню поцеловавъ ей руку, поплы готвитца къ своему отъезду.

У насъ какъ всю было готово, то по утру поехали въ свой путь къ полку, но первее надобно было заехать къ корпусному генералу, чтобы подать тотъ фелтмаршалски конвертъ и объявить о себѣ

батьшки что онъ выпущенъ, для чего и взяли мы дарогу чрезъ прежній городъ Шартингъ, было то немного въ сторону, куда приехавъ остановились въ трактирѣ гдѣ и преночевали, а генералъ былъ еще далѣ въ городѣ Пасау.

Какъ можетъ быть что ужъ не доведетъ судьбина болѣе въ сей землѣ бывать, то между прочимъ не хачу пропустить, чтобъ о семъ городѣ Шартингѣ не упомянуть, его положеніе состоитъ на плоскомъ мѣстѣ близъ реки Дуная съ полуденной стороны, городъ самъ собою не очень великъ но довольно хорошъ, а строения все каменное и дома этажа въ два и въ три есть, и купечества имеетъ довольно.

Мы изъ Шартинга по утру рано выехали и продолжали свою путь снѣгами великими и с трудностію до города Пасау, куда приехавши явились корпусному нашему генералу; батюшка мой объявляетъ ему, что онъ исподъ ареста освобожденъ и подаетъ конвертъ Фельтмаршалски, генералъ принявъ оной распечаталъ, и читалъ, показывая при томъ ласковой намъ прикомъ, говорить что онъ много тому радъ о оказанной батюшки моему фельтмаршалской милости, и что сожалѣетъ о его понесеномъ арестѣ, и приказываетъ своему секретарю писать по силѣ фельтмаршалскаго повелѣнія къ нашему майору ордеръ.

Батюшка мой началъ говорить, представляя ему какъ онъ считаетъ то за великую себя обиду, что напрасно терпѣлъ арестъ, и что сие конечно на него нанесено злоковарными людьми, и какъ онъ не сумнѣваетца чтобъ о тѣхъ людяхъ его превосходительство не зналъ, то и просить чтобъ учинить великую милость объявить ему чтобы они таковы были, (у генерала былъ переводчикъ которой съ сербскаго языка переводилъ, потому что все сербские ландмилицкіе полки въ походе находящіеся состоялы у него въ камандѣ, и безъ такова переводчика обоитица было никакъ нельзя, каторой и тогда что батюшка мой говорилъ, генералу переводилъ, а я на то время стоялъ слушалъ что говорить).

Генералъ отвѣчаетъ, что это де правда, я хоть и знаю о томъ и могъ бы тебѣ объявить, но зная васъ Сербовъ и ты захочешь за то отмыслить, такъ или убьешь или срубишь человека, чрезъ что можешь еще болѣе несчастья на себя навестъ и тако лучше будетъ говорить генералъ, что ни ты о томъ спрашивай ни я буду сказывать, а бросимъ де то дѣло въ забвеніе; послѣ того какъ болѣе делать было нѣчего, то отклонясь у генерала пашлы въ трактиръ, гдѣ еще и въ слѣдующую ночь преночевали, и завтрашніи еще день пробулы,

хадили по городу и были въ лавкахъ и купали кое чего что намъ надобно было.

Городъ сей Пасау есть великъ довольно, лежитъ между двумя реками въ вылахъ, съ правой стороны онаго течетъ река Дунай, а сѣввой река Ина, и обе тѣ реки имѣютъ чрезъ себя мосты на судахъ по берегамъ къ средине города, сѣи обе реки соединяютца ниже города вмѣстѣ и ужъ Ина тѣряетъ на томъ устьѣ свое имя, а пошолъ далѣ Дунай и течетъ на востокъ, городъ хорошъ, народенъ, дома всѣ каменные, улицы чистіе и купечества довольно за рекоюжъ пошли превеликіе каменистіе горы и другая уже земля называемая оберъ-Фалцъ что выше я говорилъ, и где полкъ нашъ свой кварталы имѣтъ.

На другой день оставили мы сей городъ и землю Баварию поехали оберъ-Фалцомъ къ полку, путь наша была очень трудна, что горы и леса великіе, то бы еще въ такое зимнѣе время сносно было если бы где порядочно было захватить и преночевать, а то села такіе бедніе и народъ скуденъ, избы всѣ черныя и нечисто, что на некоторыхъ мѣстахъ и вовсе туда войтить было невозможно, чрезъ что принуждены были ехать съ прибавкою далѣ изискивать, гдѣбъ чрезъ ночь полкнитца могли, а хлебъ у тѣхъ бедныхъ людей весьма неприятенъ и человѣку непривичну вовсе есть и в пищу употребить не можно, въ немъ смешано весьма малая часть рожы а къ оной прибавлено овесъ, горохъ, и бобы большіе, и всѣ то вмѣстѣ смолото и хлебъ спеченъ, котораго оны очень велика делаютъ и покудова теплою, то еще несколько будто есть можно до и то намазавши масломъ, коего а также и мясо имѣютъ достаточно способомъ горъ и лесистыхъ мѣстъ, где скотъ водить могутъ.

На противже того где въ той землѣ города и местечки состоятъ, хотъ оны не весьма часто лежатъ, но ужъ тамо и строение хорошее и всякая выгода проежему можетъ быть, и всио достать, хотъ слышкомъ дорого да есть, кроме одного вина нѣтъ и того не спрашивай, а веселись хорошимъ пивомъ, и такимъ образомъ по той трудной дароге едва мы двенатцатымъ днемъ къ полку прибыли.

Тотже самой день нашего приезда было у майора собрание и случились всѣ афицеры тамо при штапквартеры, какъ скоро увидѣли что мы приехали тотчасъ пришли и всѣ рады, целуютъ батюшку моего сожалѣя о ево страданіи, и стѣмъ всѣ пашли вмѣстѣ къ майору, онъ также весьма радъ былъ что батюшка освободился, батюшка мой поблагодаря майору и всѣмъ афицерамъ за присланой ате-статъ и свидѣтельство, причѣмъ зачалъ говорить, что де я довольно при-

метить могъ изъ словъ господина фелтмаршала, а также и нашего корпуснога генерала что между нами въ полку есть злоковарные люди, кои по ненависти меня обнеслы и я безъвыинно страдалъ, хотя де сие говорилъ батюшка мой и не можетъ меня безъчестнымъ учинить что я претерпѣлъ, яко не по винѣ моей и напрасно, однако пропустить такъ не могу, чтобы о семъ при собраніи таперъ не объяснить, хотя тѣ злоковарные люди и не вышли на публику, но однако—рано или поздно не оставлю доказатъ тѣмъ какъ честь моя мнѣ дорога, на сіи слова всѣ афицеры тоже повторялы, при чемъ и тѣ два капитаны были, кои послѣ сего всячески старались завести дружбу съ моимъ батюшкою, и видя напоследокъ что имъ тутъ места нѣтъ, препроводились въ другие полки куда и преведены.

Афицеры на другой день всѣ разехались, также и батюшка мой поехалъ къ своей ротѣ, гдѣ и квартера ему уже готова была, я ево туда проводилъ, а на третей день возвратился къ майору въ штабъ квартеру къ своей должности, а помынованіи несколькихъ дней приехалъ ко мнѣ нашего полка капитанъ Антоновичъ, какъ онъ былъ со мною очень друженъ, просить онъ меня чтобы я съ нимъ на ево квартеру поехалъ и тамбы у него чрезъ всю зиму и стоять, яко отъ штабъ квартеры онъ всего разстояніемъ съ польмыли состоялъ, я на сию прозбу согласился, просилъ майора о увольненіи, на что получа дозволеніе, но съ тѣмъ чтобы для сочинения семыдневныхъ рапортовъ приехать всякой суботы въ штабъ, и тако я съ моимъ другомъ капитаномъ Антоновичемъ поехалъ, онъ стоялъ квартерою въ одномъ селѣ прозываемомъ Мылдахъ въ доме у барона Шенбрунъ, домъ весьма изрядной каменной и обширенъ довольно, на хорошемъ местѣ надъ рекою называемою Регнъ, мы скоро вошли въ пакой где баронъ съ женою насъ встрѣтили ласкаво, а капитанъ Антоновичъ сталъ говорить (онъ немного понемецки говорить разумѣлъ): вотде господинъ баронъ мой братъ, о коемъ я вамъ много кратъ пресказовалъ и вы его видѣтъ желалы, потомъ оборотаясь къ баронесе говорить, ви де сугарница великая охотница къ танцамъ а братде мой тоже, такъ таперъ сошлась пара.

Мнѣ отведена особливая комната возлѣ моего друга, а тутже близости чрезъ сенци толко и баронъ съ женою спальню свою имѣлы, потомъ я съ ними скоро познакомился и такъ что стали меня обое отмено любить.

Мы чрезъ всю зиму проводили время весело въ танцахъ и въ машкарадахъ, хазяинъ собиралъ къ себе часто своихъ сосѣдовъ и

свойственныковъ, а также и мы къ нимъ въ гости ездили и такими забавами чрезъ всю зиму время проводили.

Ездили мы иногда верхами въ полѣ на охоту, а баронеса за нами на санихъ и нигде отъ насъ отстать не хотѣла, у насъ также въ соседстве былъ городокъ небольшой назывался Камъ, мы и туда на санихъ по тамошнѣму обычаю зимою сколоколчиками для прогулки иногда ежали.

Въ адынъ день катѣлъ я ехать къ своему майору отклонясь у барона и у баронеси обещавъ имъ, что тогоже дня въ вечеру возвратитца назадъ, съ тѣмъ пашолъ въ низъ где уже и моя верхова лошадь была подведена (у меня была еще и другая верховая лошадь отмено доброежа), я тогда на ее селъ и поворотылъ, хотѣлъ было сделать баронеси удовольствие, какъ она на окошке стояла и глядѣла, чтобъ пропарадировать, а тотъ день на дворе было очень сколко, я несмотря на то (какъ обыкновенно молодые люди ни что при такихъ случаяхъ не уважаютъ) тронулъ свою лошадь немного шпорою, она стала передними ногами подниматца сделала разъ и другой небольшие попривычке курбеты, а на тотъ часъ скознулася задними ногами и повалилася со мною бокомъ на землю, и придавило мнѣ стремя ногу такъ болно, что меня на силу подняли и почти на рукахъ люди на верхъ понесли, я отъ сего испужался очень что нога крепко распухла, для чего послали скорее за нашимъ лекаремъ, онъ приехалъ и сталъ делать припарки и спиртомъ мазать, хотъ то посабыло мнѣ много однакъ болшъ недели еще храмалъ, а пуще досадно было что дождо танцовать немогъ.

Наше таково увеселение прекратилось скоро и время таково прошло какъ адынъ день, и мы я стоварищемъ моимъ принуждены съ нашими хазяиномъ и съ хазяйкою проститца и ужъ на веки разлуку отъ нихъ понести съ собою, ибо время тогожъ 1745-го года уже къ веснѣ приближилось, а армия наша чрезъ ту зиму къ военному действию дѣлала свои приуготовленія, о чемъ и в корпусе нашѣмъ повелѣние было, чтобы вси состояло къ выступленью въ готовности, яко съ Французами а также и съ новымъ цесаремъ курфирстомъ баварскимъ Карломъ седмымъ еще мыра небыло, каторой изъ своей земли уклонился и жилъ въ Франкфуртѣ съ самаго того времени, какъ онъ тамо короновался, и былъ нашей королѣвы Маріи Терезіи воевѣмъ противень, чрезъ что наиболше и война сия произошла, онбы можетъ быть на то самъ собою не отважился, еслибы его Французы къ тому невозбуждали и помочь свою далы, а дабы Марія Терезія удержать въ на-

слѣдствіе свое право и слѣдуемую по отцу своему Карле шестомъ цесарскою короною овладѣть, то и было ее о томъ намеренные чтобы еще далѣе противъ учинившагося цесаремъ Карла седмого въ его баварскомъ курфирствѣ и противъ Французовъ продолжать войну, къ чему и для командованія арміею уже было пришло съ супругъ королевы Маріи Терезіи великаго герцога тошканскаго Франциска перваго, которой вступивши къ реке Рейну предпринялъ противъ Французовъ военныя дѣйствія, однако все сие прекратилось тѣмъ, что новы цесарь Карлъ седмы тамъ въ Франкфортъ тогожь 1745-го года скончался, а на его место владѣтельнымъ въ курфирствѣ баварскомъ герцогомъ вступилъ его наслѣдникъ Максимилианъ Іозефъ, которой выдалъ свою державу курфирство Баварское чрезъ происшедшую сколко лѣтъ войну уже почти все разорено, а дабы и вовсе народъ и землю свою въ погубелъ не подвергнуть, то и пожелалъ могущіе еще быть худіе слѣдствія чтобы утѣлить и прекратить, прибегъ онъ съ прозбою къ королевы Маріи Терезіи и подвергаетъ себя въ покровительство, отступаетъ отъ всего того что отецъ его было предпринялъ, и полагаетъ свой голосъ на выборъ цесарской короны на супруга королевы Маріи Терезіи великаго герцога тошканскаго и лутрингскаго Франциска перваго, и потому, уже всѣ военныя дѣйствія въ его землѣ оставлены и учинены съ нимъ миръ, а Французы хотя еще воевать не преставали однако на послѣдокъ и оны успокоились, осталось только (окроме что въ Италіи противъ Гишпанцовъ) еще съ королемъ прускимъ Фридрихомъ вторымъ которой противъ Маріи Терезіи съ великимъ числомъ своей арміи было въ Бохемію вошелъ и уже столычнн той земли городъ Прагу взялъ, чрезъ что с нимъ были великіе и кровопролитные въ Слезіи баталіи, по какимъ обстоятельствамъ требовало тогда надобность чтобы войски наши состоящія въ Баваріи поспешали туда противъ Прусака, для чего и было велѣно нашимъ ландъмылицкимъ полкамъ чтобы въ мае мѣсѣ изъ своихъ зимнихъ квартиръ выступить. *

Мы по сему повелѣнію въ томъ же мае мѣсѣ выступили и только что оберъ Фалцъ прошли и выступили въ Баварію и мыслили маршъ свой продолжать въ Бохемію, но вдругъ получили повелѣніе

* Я уже здѣсь прекращаю что далѣе происходило яко сие есть особливая исторія, а стану говорить о самъ себѣ и о полкахъ нашихъ, что съ ними воспо- слѣдовало и какаѣ оныя реформа учинѣна, ктому же, о той бывшей съ Французами и съ Баварцами войнѣ обстоятельно ведать желаетъ, тотъ можетъ удовольствіе свое илучить въ универсальной о Германіи исторіи,

чтобы нашимъ полкамъ маршировать къ своимъ границамъ въ Славонию.

Сему повелѣнію всѣ наши были рады и пошли полки въ разнѣ по поданнымъ маршрутамъ къ Австріи прямо, нашижъ марши отъ зачала выступленія изъ кварталъ продолжались весьма худою пагодою, провожали насъ ежеденные и непрестанные дожди, и такую распутицею вошли въ Австрію; примечать было въ семъ марше чего достопамятного время и худая погода того не позволяла, я ежеденно при полку на марше будучи весь отъ дожда мокръ, радъ и тому былъ когда только могъ чрезъ ночь плацъ посушить и часъ другой заснуть и отъпочинуть, и такую дорогою вступили мы въ Венгрію, и прошедъ оную уже въ іюль мѣсѣце вошли въ нижнюю Славонию.

Полкъ нашъ со всѣми ротами маршировалъ весь вмѣстѣ еще несколько дней, а потомъ на марше разпущены роты всякая въ свои жилищи, где каму ближе и способнѣе дорога была.

Меня уволилъ майоръ на несколько дней съ отцомъ паехать дамой, и велѣлъ потомъ къ себе приехать, мы вступивши въ свои жилищи слышимъ поговорку между людьми, что наша ландмилиция такожъ и всѣ другіе будутъ раскасированы и зделаютца изъ того же народа новые поселенные регулярные полки, хотя симъ наслышамъ мы сперва верить не хотѣли, однакъ на послѣдокъ зделалось точно такъ.

Я поехалъ съ отцомъ моимъ къ нашему майору а отъѣзъ къ полковому настоящему командиру подполковнику Секулы Витковичу (дяди моему о коемъ еще съперва я упоминалъ), мы тамъ будучи узнали о томъ точно, что всѣ ландмилицкіе Сербскіе полки будутъ касированы, а вместо оныхъ изъ тогоже народа учреждены будутъ регулярные поселенные полки, и что для такова учреждения уже назначена отъ двора комысія.

У насъ того года остальные мѣсѣцы и зима прошла еще безъ никакова по той камысії зачала.

А въ слѣдующій 1746-и годъ на веснѣ приехалъ означеной отъ двора для такова учрежденія камысаромъ генералъ фелтмаршалъ лейтенантъ баронъ фонъ Енгельсхофенъ въ Славонию и взялъ свою квартиру въ крепосты Петроварадине, куда и всѣмъ штабъ и оберъ афицерамъ нашего подунайскаго полка собратца велѣно.

При томъ собраніи генералъ камысаръ какъ о касированіи всѣхъ ландмилиціевъ такожъ и о учрежденіи новыхъ регулярныхъ полковъ объявлялъ, и велѣлъ чрезъ секретаря прѣводъ на сербскомъ языкѣ съ

даннаго ему отъ императрицы королѣвы Маріи Терезіи * предъ всѣми читать публично, въ коемъ написано что ея величество объявляетъ всѣмъ бывшимъ какъ подунайской, такъ и прочимъ Сербскимъ ландмилициямъ отъ самаго большаго чина даже до нижняго военослужащимъ свое благоволеніе и благодарность за ихъ всегдашнюю и верную службу, съ коею ея величество всегда была довольна, а притомъ симъ повеленіемъ изъявляетъ всемыслостивѣише, что высочайшии интересъ въ пользу государства требуетъ того, дабы учредить на границе турецкой по Саве реке поселенные регулярные полки, изъ того же Сербскаго народа въ техъ местахъ живущихъ, а для такова учрежденія поручена и возложена камысія на господина генерала фельмаршаль лейтенанта барона фонъ Енгельсхофена обчемъ всѣмъ и всякому да будетъ известно.

Прежніи же ландмилиціи яко оныи остаютца во внутре земли то для того ихъ касировать, но стѣмъ однако ежели кто изъ бывшихъ ландмилицкихъ полковъ отъ солдатъ пожелаетъ въ тѣ вновь назначенные военные места преселитца, таковымъ безпрепятственно позволяйтца и время даетца на три года, чтобы тѣмъ временемъ могли успѣть въ своихъ прежнихъ жилищахъ грунта и дома свои продать и прейтти къ куда и въ каторіе места кто пожелаетъ, кто же по прошедствіи трехъ лѣтъ не перейдетъ, тотъ уже изъ нижнихъ чиновъ долженъ будетъ на томъ прежнемъ своемъ жилищѣ остатца въ поданствѣ въ казенномъ ведомствѣ подъ камарою Венгерскою.

После сего генераль объявилъ всѣмъ афицерамъ, что ежели кто по старости лѣтъ своихъ, а другіе по нуждамъ домашнимъ не могутъ переходить въ новые места и желаютъ отъ службы отъстать, то чтобы таковы подавали свои прошеніи, которіе будутъ къ ея величеству императрицѣ представлены на разсмотрѣніе.

Междужъ тѣмъ какъ генераль еще въ Петербургѣ бавился и свои дела заготовлялъ и списки по службѣ о афицерахъ сочинялись, то всякой почти день у него было собраніе.

Ему было нужно узнавать афицеровъ, для чего самолично онъ со всякимъ кто по немецки умѣлъ, а съ другими чрезъ переводчика го-

* Тогда уже герцогъ Тосканскіи и Лутрингскіи супругъ королѣвы Маріи Терезіи былъ коронованъ цесаремъ Римскимъ и принялъ власть на престолѣ австрійскомъ, и потому писалась Марія Терезіи въ титулѣ императрица и королева Венгеро-Бохемская.

ворилъ и спрашивалъ то и другое, дѣлалъ притомъ свои отъметки, на послѣдокъ дошло дѣло до меня, какъ я съ прочими офицерами тамъ стоялъ и меня генералъ увидѣлъ, то спросилъ кто я таковъ и какой фамиліи, на что отвѣчалъ ему дядя мой тогда бывшій подполковникъ Секула Витковичъ указывая на отца моего, что я его сынъ и состою въ полку адъютантомъ и былъ въ чужихъ краяхъ и въ прошломъ французскомъ походѣ, а притомъ далъ говорилъ дядя мой что имѣю надежду на его господина генерала, что при нинѣшней формираниіи новыхъ полковъ не оставленъ буду ево милостию.

Сие генералъ выслушалъ что дядя мой ему докладывалъ съ удовольствіемъ, яко генералу по службѣ, прежнихъ, временъ бывшіе дела прапредковъ моихъ были известны, а также и отца моего довольно зналъ, почему и далъ знакъ своимъ ответомъ, что мнѣ можно было надѣяться и ожидать отъ него милости, какъ онъ вскоре потомъ в самомъ дѣлѣ то и сдѣлалъ.

Генералъ окончивши съ дядѣю моимъ свою речъ подошелъ ко мнѣ, зачалъ меня по немецки самъ спрашивать упомыная, умѣю ли я тѣмъ языкомъ говорить, и где я учился и получаю отъ меня на все свои вопросы тѣмъ же немецкимъ языкомъ ответы (что в то время у насъ Сербовъ была редкость, кто по немецки и другимъ какимъ языкамъ говорить умѣлъ, а еще болше кто былъ учонъ другимъ математическимъ наукамъ).

Изъ сего перваго случая понравился я моему генералу, почему и приказалъ онъ, чтобы мнѣ оставатца при нѣмъ, а потомъ были часто случаи, что генералъ при свободномъ времени со мною говорилъ и продолжалъ разные запросы, кои касались иныя до науки моей а другіе до разговоровъ и обстоятельствъ по его камыси, при чемъ такъ удачно мнѣ было, что я ему всегда по мыслямъ отвечать могъ, чрезъ что еще и болше вошелъ я къ нему въ милость и приобрелъ совершенно отъ него слѣдующую къ счастью моему склонность, для чего и представилъ онъ отъ себя особливо обо мнѣ съ хорошею рекомендаціею къ ея величеству императрицѣ Маріи Терезіи свою прозбу, и назначилъ меня въ чинъ поручика.

Потомъ какъ генералъ поехалъ во всѣ роты въ селеніи бывшей Подунайской ландмилиции, тогда уже и я при немъ вездѣ былъ, онъ во всякомъ военномъ мѣстѣ где роты состояли велѣлъ собирать всѣмъ военослужащимъ, объявляя имъ то самое высочайшее повелѣніе что и офицерамъ сказано, изъ чего въ народѣ произошло было велики мятежъ, потому что о касированіи ландмилиціевъ и что оста-

вѣща въ поданствѣ у Венгровъ и преселятца и разорять свои дома, сочли себя за великую обыду и нарушение ихъ привелегій; однако напоследокъ какъ нѣчимъ инымъ таково определение было можно применить, то и остались на томъ:*) мнѣ ничто не было такъ приятно какъ то, что я съ моимъ генераломъ вездѣ ездилъ, мы прошли и другіе въ Славоніи ландмилиціи какъ Посавскую, такъ Бродскую и Градишканскую и дошли въ верхъ до границъ Кроатскихъ, осматривали по границе всѣ места, назначивали где карауламъ и главнымъ редутамъ на берегу Савы реки противъ турецкой страны быть, вымеряли чрезъ глухіе леса дистанціи, на коихъ велѣне дѣлать просѣки въ длину и въ ширину для разъездовъ, сочиняли новые планы, я при томъ деле будучи спознался съ правителемъ генеральской канцеляріи и съ прочими чинами въ его штатѣ состоящими, отъ коихъ приобрѣлъ къ себе любовь и пріязнь, имѣлъ доволны случай аккуратно узнать обо всемъ по той камысии происходящемъ, дѣлалъ я на случай надобности у себя о разныхъ делахъ записки, кои мнѣ полезныя объ томъ подали сведеній.

Генералъ мой въ наступившую осень возвратившись отъ туда выбралъ себѣ место въ нижней Славоніи въ городе Вуковарѣ, яко оной состоитъ о всей той страны посрединѣ, гдѣ весь свой штатъ вмѣстятъ, и покудова въ Славоніи камысія продолжатца будетъ, тамо и свое пребываніе быть назначилъ.

А въ наступившую зиму 1747-го года какъ генералъ получилъ повелѣніе, чтобы ему ехать ко двору въ Вѣну, то онъ всѣхъ своихъ тамо въ городе Вуковарѣ оставилъ взявъ только секретаря и адного писаря, съ коими хотелъ было и меня взять, но случай приключившійся мнѣ предъ тѣмъ воспрепятствовалъ мнѣ ехать, что въ дароги будучи лошады разбыли мою каляску на коей я седеаъ и тѣмъ жестоко было руку себѣ повредилъ, отъ чего принужденъ после него остатца, и что генералъ въ Вѣнѣ (по некоторымъ важнымъ отъ Венгровъ занесеннымъ къ императрицѣ яко своей королѣвы по той

* «О семъ деле чтобы теперь повторять и описывать какъ и что далѣ происходило, не нахожу за надобность, яко уже предъ симъ (изъ чего такое казенное ландмилиціи взялось, а также и о переходе народа сербскаго въ Россію) я въ моемъ особливомъ о сербской націи сочиненіи обстоятельно описалъ, въ которомъ читатель мой къ сведенію свое удовольствіе имѣть можетъ». — См. статью Н. А. Попова: «Военныя поселенія Сербовъ въ Австріи и Россіи», въ Вѣстникѣ Европы за 1870 г., № 7, составленную на основаніи указываемаго С. С. Пишеченъ сочиненія его.

реформе требованьямъ о мѣстахъ прежде бывшихъ военными, а особливо о Поморишской и Потиской ландъмылицяхъ) оставался даже до будущей весны, то тѣмъ временемъ прешолъ я къ дядѣ моему подполковнику Витковичу, каторой еще находился въ Петроварадинскомъ шанце на прежнѣмъ своемъ мѣстѣ, а отецъ мой преведенъ комендантомъ на время въ городъ Карловци, что въ Сирмыи, куда со всемъ домою уже преселился и жилъ тамо безъ мала два года.

Мое намерение было чтобы отъ предстоящего счастья не отставать и ползоватца по моимъ тогда молодымъ лѣтамъ тѣмъ случаемъ, каторое показовало мнѣ путь къ моему благополучию.

Я хотѣлъ ехать въ Виену къ моему генералу, но судьба все то упредила и приуготовила мнѣ преграду такую, отъ каторой все воспослѣдовавшие мнѣ несчастіи и разные приключенія моего страданія родились, и зачало тому отъ сего времени зделалось.

Выше сего я говорилъ, что по отъездѣ моего генерала прешолъ я къ дядѣ моему подполковнику Витковичу въ Петроварадински шанецъ, отъкуда въ скорѣ поехалъ къ отцу въ городъ Карловци, " (яко сии оба города разстояніемъ адинъ отъ другаго только въ двухъ мысляхъ состоятъ) съ тѣмы мыслямы, чтобы доложить отцу о томъ своемъ намерении, что въ Виену ехать хочу, однако сие отъвело меня въ другую сторону и отецъ, а паче матъ моя о той поездке моей слышити не хотѣлы, и велѣлы до приезда генеральскаго тутъ при нихъ быть.

Городъ же сей Карловци именуется общенародская столица и митрополита Сербскаго резиденция, где привелегіи народскіе и вся архива хранитца, а на то время былъ тамо выежы съ народомъ еще прежде во время цесаря Карла шестаго въ тогдашнюю съ туркамы войну въ 1737-мъ годе изъ турецкой области сербской патриархъ Арсеній Іоановичъ Шакабента, " онже и четвертымъ пысался, каторой на порожую тогда митрополитскую ваканцію туда определѣнъ былъ.

" Карловци стари или дольни, по нѣм. Karlowitz, подлѣ Петроварадина на правомъ берегу Дуная, прославились въ исторіи, какъ мѣсто заключенія мирнаго договора въ 1699 г. между Австріей, Польшей, Венгріей и Россіей съ одной стороны и Турціей съ другой, по которому Австрія получила всѣ земли, составляющія такъ называемый Банатъ и часть Трансильваніи. Въ то же время Карловцы стали мѣстопробываніемъ патриарха Австро-Венгерскихъ православныхъ Сербовъ, вслѣдствіе перехода изъ Турціи ипекскаго патриарха Арсенія Чарноевича.

" Арсеній Шакабентъ, послѣдній ипекскій патриархъ, изъ Сербовъ, пере-

Онъ тогда какъ отецъ мой преселился въ Карловци, былъ еще живъ въ высокой уже своей старосты, я къ нему часто хаживалъ и сделался ему такъ знакомъ, что онъ весьма меня полюбилъ, также и отецъ мой часто къ нему хадылъ, и онъ по своей доброй натуре былъ нашимъ визитамы весьма доволенъ и всегда за то благодарилъ.

У него же сестра родная за мужемъ за вышедшимъ съ нимъ же патриархомъ, за полковникомъ Афанасиемъ Рашковичемъ княземъ Сербскимъ (имѣвшимъ въ турецкой области свое владѣніе въ землѣ называемой Стари Влакъ и городъ Нови Пазаръ что въ Расціи, которое владение онъ оставилъ и вышелъ на вызывъ въ цесарскую державу).¹³

Онъ имѣлъ съ тою патриарховою сестрою детей, сына одного котораго уже капитаномъ служилъ, да еще четыре дочери изъ коихъ старша была, выщда замужъ за капитана Петра Шевича, а по нѣй осталась старшею вѣторая именемъ Дафина, оны приехали всею фамиліею иногда къ патриарху въ гости, где и былъ мнѣ случай ихъ всѣхъ видѣть.

Матъ же моя имѣла съ отцомъ моимъ четырнадцатеро детей и всѣ прочіе померли, кроме что остался я да меншой братъ мой Гаврила, после которыхъ жалостей за детмы, матъ моя стала весьма здоровыемъ своимъ слаба, для чего сердечно желала чтобы выдѣтъ меня женатого, и потому предприняла она съ отцомъ моимъ такое намереніе, чтобы конечно намереніе свое исполнить, о чемъ однажды на одинѣ матъ моя въ приятномъ разговорѣ зачала мнѣ говорить, отъ-

шолъ въ Австрію въ 1737 году и занялъ мѣсто Карловицкаго патриарха. Не да-
лѣе какъ за четыре года до повелѣнія о раскассированія сербскихъ милицій, ему
подтверждены были отъ Вѣнскаго правительства всѣ привилегіи Австро-Венгер-
скихъ Сербовъ, но Мадыры потомъ настояли на подчиненіи сербскихъ военныхъ
поселеній венгерскому управленію. Арсеній Шакабентъ умеръ въ 1748 году и по-
гребенъ въ Фрушкогорскомъ монастырѣ Крушедолѣ.

¹³ Рашка, отъ рѣки того же имени, юговосточная область средневѣковой
Босніи, съ главною крѣпостью Раза, впоследствии городъ Нови Пазаръ. Рашко-
вичи—старая фамилія, имѣвшая нѣкогда значительныя земельныя владѣнія въ
названной области. Афанасій Рашковичъ, какъ родственникъ патриарха Арсенія
Шакабента, участвовалъ въ переговорахъ его съ австрійскими властями, получилъ
чинъ полковника и привелъ съ собой 1500 хорошо вооруженныхъ людей, какъ
сербскаго, такъ еще болѣе албанскаго происхожденія, поселившихся въ низовьяхъ
Савы подъ именемъ Клементиновъ.

кривъ мнѣ то свое желаніе, и что она намерена сватать за меня ту полковника князя Афанасія Рашковича дочь Дафину, спрашивая при томъ моего на то согласія, и говорить что де ти девицу видѣлъ и что она есть фамиліи первой изъ нашего народа, а также и отецъ ее человекъ и господинъ есть великъ и можетъ во всякомъ случаѣ быть въ помочъ.

Я на таково извѣстие промолчалъ и ничего не отвѣчалъ, ибо въ то время о женидбѣ мнѣ ничево въ голову еще не входило, а толко то воображалось лошады хорошіе, мундиры новіе и экипажъ афисерски, надѣясь еще и чинъ большъ получить, чемъ я тогда весьма лстился и болѣе ни о чемъ не думалъ, какъ толко о томъ одномъ и тому подобномъ.

Но что я на учинѣную мнѣ пропозицію ни чего не отвѣчалъ, то и приметила матъ моя въ томъ мое несогласіе, стала какбы повелительно мнѣ говорить, спрашивая что же ти молчишь и не отвѣчаешь на мои слова ничего, твое де молчаніе предвѣщаетъ какое ни есть несогласіе, я и на то потупивши глаза молчалъ, тутъ она ужъ заплакала укоряя меня словами, что она какъ матъ то произвести намерена съ доброю надеждою, и что сколъ много понесла она за дѣтми жалостей, чрезъ что и здоровья своего лышилась, и какъ она и отецъ мой много старались о воспитаніи и о наукѣ моей, а ти де говорила она всю то презираешь неблагодарной, говорила тако мнѣ моя матушка, и не хочешь повиноватца моему желанію; я выслушавъ всѣ сн слова, прменялась толко со стыда краска въ лицѣ моемъ и видя пред собою льющую слезы родительницу свою, каторую я паче всево на свѣтѣ любилъ, съжалылось во мнѣ сердце мое, падошолъ я къ ней възавши руку поцеловалъ, говорю не положите въ гнѣвъ милостивая матушка моя, что я въ томъ предъ вами выновать и не далъ вамъ на запросъ вашъ тотчасъ отвѣта и довелъ васъ тѣмъ до того, что вы оскорбылись и слези предо мною пролили, мнѣ сие говорилъ я не толко что чувствительно есть, но и всю кровь мою тронуло, я вамъ милостивая моя матушка, продолжалъ я къ ней мои слова, донести хочу и прошу выслушать, что я всѣмъ вашимъ распоряженіямъ долженъ повиноватца и ни в чемъ не прекословить, но какъ говорилъ я еще толко что изъ детского возраста вышолъ и женидба мнѣ по моимъ еще молодымъ летамъ ни мало не пристала и я стужусъ назватца женатымъ, а ктому что я томко зачинаю служить и чинъ у меня маленькой, сверхже того говорилъ я есть нѣчто противное и будто предвѣщаетъ мнѣ, что изъ сего намеренія напоследокъ не вы-

летъ конецъ доброй*; она какъ услышала сіи последние мои слова говорить вотъ угадчикъ какой, ты ли то можешь знать что въ періодъ быть можетъ и какие пустие изговорки; поднявши она руку свою, ударила меня по щеке однакъ не с гнѣвомъ, но такъ какъ мать коя дитя свое любить, и притомъ ударе еще спрашиваетъ на чомъ и какъ чтобъ я объявиль.

Я не зналъ болѣе что, а говорю вы матушка можете со мною дѣлать всею то что вамъ угодно, и я прекословить ни в чомъ не долженъ.

Она видно о всемъ томъ что со мною говорила презкачала отцу моему, для чего онъ завтрешни день какъ сталъ мнѣ свою проповедь говорить, возпрещая мнѣ въ томъ противитца, то и положился я на томъ быть какъ ихъ родительская воля есть.

Родители мои скоро потомъ стали делать свои приуготовленія, хотя всею то делалось безъ дальнѣй публики и не объявляя еще ни кому своего намерения, однакъ люде примечать стали, и догадывались что такое приуготовление ни к чему болѣе какъ толко къ веселью принадлежить и что дело около меня идетъ, да на какой девыце и отъ кого въ томъ никто угадать не могъ.

Въ адинъ день слышимъ мы что у патриарха гости, приехалъ полковникъ Рашковичъ со всею фамилею, мы на другой день, отецъ мой и мать моя и я съ ними, паехали туда въ патриарши дворъ, где и квартера для полковника съ фамилиею на другой половине была отъведена: учинили имъ нашъ визитъ, коимъ оны были очень довольны, принялы насъ ласково, я при семъ случаи познакомылся съ сино́мъ полковничимъ капитаномъ, каторой думаю былъ десетмы летамы меня старше, но еще не женатъ, хотя прежде я съ нимъ и виделся, да знакомство дальнего между нами не было, такъ ужъ тутъ мы какъ сошлысь учинились познакомее, поцеловались адинъ съ другимъ, разговаривалы и прохажывалы по покоямъ, хадылы и туда къ патриарху на его половину, онъ насъ принялъ ласково, подчивалъ фруктамы и конфектамы, а патомъ пашли опять въ собрание.

Я съ моею назначеною невестою виделся, но ничево обое одно съ другимъ не говорили, адно по тому сие я оставиль что въ тог-

* Въ самомъ деле збылося такъ, что скоро мать моя скончалась и не дождалась видетъ совершенно того своего желанія, а друго ужасное со мною приключеніе и горкая смерть моей супруги (что во второй часты сего сочи́ѣнія).

дашнѣ время весмабы то было обычаю противно, когда съ девыцею хотелбы кто разговорами обходитца волно, хотябы еще я и могъ ту смелость на себя възять, какъ я съ братомъ ее прохаживалъ, чтобъ подоитить и спросить о здаровьи, тѣмъ оказать ей мое почтение, где и былби случай съ нею слово и другое поговорить, но сие не отважился я учинить по тому, дабы при первомъ случаи не подать старикамъ притчины помыслить о себе какова либо неудовольствія, однакъ при всемъ томъ възглядамы адно на другое глаза наши вѣстречалысь, и показалась мнѣ девыца приятна и лицемъ весма хороша, она летами была аднимъ годомъ меня моложе, а мнѣ тогда было семнатцать летъ отъ роду, таковъ то женихъ я еще былъ.

Старики мои и я бавилысь тамо до подъ самой вечеръ а потомъ поехали дамой, на завтрежъ рано по утру приходитъ къ отцу моему посланой отъ патриарха, просить насъ всѣхъ на тотъ день къ себе отобедать, отецъ мой благодарылъ и обещался быть, мнѣ приказала матъ моя чтобъ одетца въ лучшей своей мундиръ, а въ одинатцать часовъ поехали во дворъ къ патриарху, онъ насъ принялъ весма выдомъ приятнымъ, куда въскоре и полковникъ Рашковичъ со всею фамилею пришли и с нами поздравились, а затѣмъ какъ настолъ блюда были поставлены, то сели обедать.

Патриархъ при всей своей старосты жылъ очень великолепно, у него во всемъ было порядочно и служителей имель, какъ дворецкой такъ и протчие люди были по большой часты всѣ Немци, и какъ тотъ день былъ праздникъ его рожденія, то всѣ служащие его люди были въ богатой лывереи одѣты и музыка при столе играла.

По окончаніи стола нашлы мы всѣ въ другой пакой, что предъ спальнѣю, тамъ поставленъ былъ десертъ и поднесено кофи.

Къ намъ после обеда прибавылось еще гостей, приехалъ изъ Петроварадина постъдиректоръ Андреевичъ съ женою, сыномъ, и съ двумя дочерми, да еще два афицера Сербы отъ Будайна полку, для подравления патриарха празникомъ, что и сотворило у насъ компанию даволно велику и тѣмъ подало оказію въ тотъ день намъ быть веселимъ.

Патриарху угодно было чтобы мы танцовалы и просить начать и откритъ балъ, сие предпринялъ синъ полковничей а за нымъ послѣдовалъ я, тутъ ужъ побудила меня смелость, что поднялъ я свою назначеную невесту къ танцу.

Мы продолжалы время такими приятными забавами даже въ самую глубокою ночь, и старикъ патриархъ былъ отмено весельд и угодно ему было таково собрание по чему и резвилысь мы танцами

слышкомъ много, и тако тотъ день на томъ прошолъ, а полковникъ на третѣ день после того поехалъ дамой.

Спустя потомъ несколько дней призывалъ меня отецъ мой къ себе въ спальню, заставлялъ письмо писать къ полковнику Рашиковичу, онъ диктовалъ а я дышу умомыная между прочимъ, что естли судьбина божеская благословить и его господина полковника на то соизволеніе есть, то де намеренъ онъ заручить дочь ево господина полковника Дафину за меня, о чемъ буде согласитца то бы пожадовалъ учинить ответъ и назначить день, когда туда къ нему приехать; на сие письмо чрезъ тогожъ нашего нарочного господинъ полковникъ отвечалъ пріятнымъ отзывомъ и что онъ на то согласенъ, назначивъ время нашему приезду чрезъ две недели. (было то ужъ время предъ великимъ постомъ на масленой).

Отецъ мой получа таково ответное письмо поехалъ со мною къ мнѣ моему подполковнику Витковичу и объявляетъ ему о своемъ намереніи, показывая и то письмо полученное во ответъ отъ полковника, просить отецъ мой чтобъ на назначенной терминъ всѣмъ обще туда поехать (дядя мой такому отцу моего намеренію радъ былъ, но самъ ехать не могъ по притчине тогдашнѣго ево нездоровья, а обещалъ съ нами послать свою супругу а мою тетку).

Мы всѣ собравшись отъправились въ путь и приехали къ полковнику въ понедѣльникъ на масленой недели.

Толко мы того не знали что полковникъ къ такому предпріятию и патриарха къ себе просилъ, которой тогоже дня какъ и мы туда приехалъ.

Пріемъ и встреча намъ была отъ господина полковника очень пріятна, а на завтрашний день учинѣно условіе и мнѣ съ моею невестою обрученіе совершили, отложивъ свадьбу до после Светлого Воскресенія.

Пробулы мы тамъ чрезъ всю масленую неделю въ пріятности и въ веселости, а на первой день великаго поста отъправились въ свою путь обратно.

Съспустя после того неболѣе какъ дней десеть, пришло время зачаломъ скорбы, которое претворила злая судьбина все то наше предпріятіе въ великую мою жалость: ибо дражайшая моя родительница заболѣла жестоко и чрезъ четыре недели не могли отъ докторовъ и лекарей получить никакой позы жызнь свою скончала.

Всякъ можетъ поверить каково мнѣ въ то время было горестно, видя свою родительницу въ гробѣ лежащую, которая во всю свою жызнь

чего ждала видѣть того недождалась и оставила меня въ такомъ по себе состояніи, которое уже нанесло мнѣ большъ печаль и неждѣ от-
рады.

Я повинуясь ея воли согласился еще будучи въ детскихъ лѣ-
тахъ на женидбу, считая что мать будетъ всему наставителница, и мнѣ
бы ни о чемъ не старатца какъ только по службѣ своей итти къ предъ-
будущему счастью, но все сие вдругъ обратилось чуждымъ камнемъ
на мою голову.

Таковы умѣния тогда были размыслившіи, а притомъ воображалось
мнѣ въ голове ежеминутно ея будучи въ болѣзны нѣжныя слова, ка-
торіе она мнѣ говорила (видѣвши уже близкую свою кончину) о томъ
сжалѣніи, которое она обо мнѣ на сердце своемъ съ собою въ гробъ
понесетъ, требовала того чтобы я неотступно при ней у постели быть,
и с какою жалостію она духъ свой окончивала при всемъ своемъ до кон-
ца разумъ, держа меня заруку глазъ своихъ с меня ни мало не спускала
до послѣдняго конца своего, напоследокъ выговоря съ великимъ жало-
стнымъ стенаніемъ: оставайся съ Богомъ а я де въ свою путь иду, и
съ тѣмъ Богу духъ отдавала.

При семъ моемъ горестномъ ударе я думалъ, что съ нею вмѣ-
стѣ въ гробъ пойду, такъ сильно схватывала меня жалость, я упалъ
на ее мертвое и уже халодное лицо, обильвалъ оное слезами моими,
паверъ мои любезной читатель, что я и таперъ, какъ сталъ сие пы-
сать по прошедствіи уже болѣе тридцаты лѣтъ, вспомнилъ о семъ,
то едва отъ слезъ слова и строки выжу.

Отецъ мой тогда неменше меня въ жалосты будучи приказыва-
етъ мнѣ скоро пысать къ назначенному моему тестю полковнику Ра-
шковичу и уведомить его о несчастливомъ семъ случае и просить ево,
чтобы съ моею невестою приехать для отъданія преселывшейся въ
вечную жизнь послѣдняго целованія.

Я тотже часъ пысалъ письмо и отправывъ чрезъ нарочнаго, но тому
статца было не можно чтобы оны такъ скоро могли приехать, ибо только
туда съ поспешностію за два дни едва приехать можно, а тело мерт-
вое нельзя было такъ долго держать, то прочіе наши сродники кои
въ близости были и къ нашей жалосты съехали, а также и при-
дворной патриаршей архиерей, коего онъ для отправленія погребенія
прислалъ, присоветовалы чтобы не ожидать, почему и учинено приуто-
твление, и тело въ томже городе Карловци въ верхній церкви по
учинѣнномъ по долгу христіанскому церковномъ нѣнымъ положено въ зем-
лю, и похоронъ конченъ.

Между темъ какъ тотъ нарочно отъ насъ съ писмомъ посланой туда къ полковнику прибылъ, и увидѣвъ на кофверте черную печать услышавъ словестное притомъ о смерти матери моей уведомление, то какая тамо жалость происходила а особливо отъ невести моей, о томъ не хочу читать моего чтениемъ трудить, а довольно и того что отъ жалости моя невеста занемогла и лежала болна дни несколько, а приехала къ намъ уже после похоронъ адна только моя теща съ синомъ и съ меншою дочерью, оны проводили обща съ нами жалостные дни целую неделю и потомъ поехали дамой.

После сего дополнивавшего намъ жалостнаго удара я и отецъ мой оставались тутже въ городе Карловцы еще до мая месяца, тогда уже какъ на представление 1748 года отъ главнаго камысара господина генераль-фелтмаршалъ-лейтенанта баронъ фонъ-Энгелсхофена, пришло по команде о афицерахъ повелѣние, а также отъ ея величества о новыхъ регулярныхъ поселеныхъ полкахъ конфирмация, где и въ ка-
торыхъ местахъ онымъ быть подъ названіемъ 1-й Петроварадински пехотни, 2-й Сирмиски гусарски, 3-й Бродски пехотни, 4-й Славонски гусарски, 5-й Градишкански пехотни, тогда отцу моему сказано, что онъ причисленъ старшимъ ротмистромъ въ Сирмиской гусарской полкъ и патентъ новой ему присланъ, а роту свою имѣть на новомъ месте въ шанце Керчедине; а обо мнѣ прислано повелѣние что по представлению моего генерала особливо ея величество жалуетъ меня поручикомъ (лейтенантъ) въ тотже Сирмиской гусарской полкъ.

Въ сейже полкъ помещенъ тестъ мой полковникомъ же а подполковникомъ дядя мой Секула Витковичъ, что и было къ моему утешению несколько надежда, однако и то скоро прекратилось, ибо тогоже года сделалось опять изъ аднаго полка въ другой афицерамъ преводы, то меня генералъ мой превелъ въ Славонской гусарской, отъ коего онъ выхажеромъ или шефомъ пожалованъ, и получа я о томъ преводе ордеръ отправился къ полкъ, куда приехавши засталъ тамо своего новаго полковника назывался Петранды, онъ не былъ сербынь, но албанецъ (типро-
нацъ), переведенъ изъ венгерскихъ гусарскихъ полковъ къ намъ, да человекъ онъ былъ знающій и ученый на разныхъ языкахъ въ томъ числѣ и по славонски хорошо говорить.

Я у него явился также и у майора, каторой мнѣ весма знакомъ и отцу моему велькой былъ другъ, назывался Михайлъ Продановичъ.

Меня полковникъ мой принялъ ласково и тотже день остался я у него обедать, а назавтре получилъ я ордеръ что определитъ въ первую роту.

Сему я весьма радъ былъ, и болѣе тѣмъ что при штабъ-квартиры жить, где всегда люди и офицеры собираются и будетъ мнѣ весело съ ними время проводить.

У меня въ тойже ротѣ былъ корнетъ немного старше меня летъ, мы назывался Степанъ Янковичъ, каторой съ перваго раза нашего свиданія подружился со мною, и потомъ жили въ любви весьма согласно.

Я принявъ роту учинилъ о людяхъ списокъ, и табель привезенныхъ новымъ вещамъ, подалъ при рапорте своему полковнику и выступилъ въ свою должность.

Вскоре потомъ получилъ мой полковникъ повелѣніе чтобы ехать ему въ Виену, яко генералъ нашъ еще въ Виенѣ при учрежденіи при дворе о техъ новыхъ полкахъ военномъ советѣ целой годъ оставался.

Таковъ резонъ что полковникъ отъезжаетъ подалъ мнѣ способъ чрезъ майора выпроситца у моего полковника, чтобы до приезда ево отъехать къ отцу для исправления себе экипажемъ.

На ту мою прозбу полковникъ позволилъ, и я скоро полковника выпроводилъ, нымало немешкавъ поехалъ дамой къ отцу моему, коего я засталъ подлѣно въ жалостномъ состояніи, онъ будучи въ превеликой скуке не зналъ куда повернутца и что дѣлать, однимъ словомъ всю домашнее содержание стало было опадать, а управлять въ доме по внутренности хазяйствомъ нѣкому, чего онъ при покойной матери моей почти ничего не зналъ, а смотрѣлъ только свое дѣло по службѣ.

Проходить уже шестой мѣсяцъ после смерти матери моей, стали отца моего советовать о женидбѣ, и что онъ такъ не можетъ безъ хазяйки быть, къ чему наиболшъ дядя мой Витковичъ советы свои подавалъ.

Отецъ мой сперва къ тому никакъ не соглашался и такъ скоро траурное платье съ себя съдѣть не хотѣлъ и намеривался вовсе не женитца, но какъ непрестано о томъ стали ему говорить (или такъ сказать что на то и судьбына ево вела), то напоследокъ и далъ онъ дядѣ моему слово, а где и каво за себя сватать того и самъ онъ еще не зналъ, но дядя мой ему говорилъ я де самъ о томъ старатца буду и опосла де тебы скажу.

Смустя потомъ мало дней пишетъ дядя мой къ отцу моему писмо чтобы онъ къ нему приехалъ, куда и отъправился, онъ какъ скоро туда прибылъ то дядя мой показиваетъ ему писмо ответное отъ мдовы что за капитаномъ Арсениемъ Зоричемъ была, она въ ответъ на писмо:

дяди моего принять, что она ево съ отцемъ моимъ по ихъ намеренію въ себе въ домъ ожидаетъ и что на запросъ его согласна.

Вотъ тутъ узналъ я сей секретъ, ибо въ то время и я съ отцомъ моимъ тудажъ къ дядѣ моему было приехалъ, а прежде о томъ сватанью я ничего не зналъ, дядя мой самъ о томъ мнѣ открылъ, онъ какъ уже съ отцомъ моимъ условился, то позвалъ меня одного съ собою въ садъ, зачалъ о томъ пресказивать ласкавыми словами увещавая меня чтебъ я не оскорбился, на что я не могъ ничего отвѣчать окроме что залыся одежамы, дядяже мой кого я весьма боялся глянулъ на меня, говорить что ты плачешь, разве де лучше думаешь было бы когда отецъ твой останеца меженатымъ, какая бы тебы говорилъ онъ истого полза бѣда что упустить домъ и еканомую новсе къ разоренію, а сверхъ того ты де знаешь что и твое веселіе кончить надобно, а безъ настоящей въ доме хазяйки того предпринять и совершить неможно, такъ разсуждай говорить онъ какъ хочешь, я на то отвѣчалъ говорю ему что я не прекословлю нимало, но женидба батюшкина делаетца очень скоро, хотя бы по крайнѣй мере после смерти матери моей годъ одинъ прошолъ.

Онъ на то отвѣчалъ, что отецъ мой въ подобныхъ случаяхъ ни первой ни послѣдней, такъ де оно бывало и будетъ, а чему быть тому не миновать, и тако поедемъ де говорилъ онъ мы всѣ туда и дело кончимъ, я на то сказалъ извольте делать какъ угодно.

После сего чрезъ дней четыре поехалъ дядя мой съ отцомъ моимъ и тетка моя съ дочермы и съ невесткамы своими туда къ выше-сказаной вдове Зоричевой, было то всего отъ Петроварадинскаго щанца день одинъ езды разстояніемъ, тамъ уже отецъ мой с нею обденчался, а я на то время оставался въ доме дяди моего и ожидалъ ихъ обратнаго приезда, оны чрезъ несколько дней возвратились и тутъ у дяди моего гости были собраны и веселье повторялы.

А чтобы и меня успокоить, моя новая мать или мачиха, умела она весьма даружную политику производить и около меня сперва стала ласкатца чрезвычайно, старалась всячески привести скорѣ въ дѣйствіе и мою женидбу, зачалы к тому делать приуготовленіи уведомивъ о томъ также и тестя моего полковника Ращковича, и получа на то отъ него соизволеніе и назначивъ время къ настоящей туда поездке, и тако после женидбы отца моего на третьемъ мѣсѣе кончили и мою свадьбу.

Я ужъ сталъ женатъ, однако какъ я такъ и жена моя обое по нашей тогда молодости въ хозяйство ничего не знали, а в то время

всякой афицеръ въ тѣхъ новыхъ полкахъ долженъ былъ имѣть свою экономую, потому что въ штатѣ положено въ мирное время имѣть афицерамъ половину толко жалованые, а за другую половину определенъ всякому по чинамъ грунтъ, коего и должно было работать и ис того жить.

Хотя таково положеніе мнѣ и было извѣстно и грунтъ подѣжащій мнѣ отведенъ, но не тогдашній еще моеи молодосты, и нидкова зачала на томъ грунтѣ предпринять не уиѣль, а отъдаѣ оной другимъ людямъ въ малую весма цену подѣ занлату, для чего разсудилъ чтобъ на некоторое время оставить жену свою у отца моего въ домѣ, а самъ поспешалъ ехать въ полкъ чтобъ не пропустить орокъ, яко уже слышу что и полковникъ мой изъ Выени приехалъ.

Я приехавши въ полкъ тутъ скоро было извѣстно что я уже женатъ, и всѣ меня тѣмъ поздравляютъ и пеняютъ а особливо барини, за что оставилъ молодую свою жену и не привезъ ее съ собою, напоследокъ и полковникъ мой о томъ уведалъ, спрашиваетъ меня выдно что онъ и незналъ о томъ, что я давно былъ засватался и по какой притчинѣ отложена была моя женидба, а какъ ему майоръ Продановичъ въ подробностъ пресказалъ, а при томъ и я тутже повторилъ всю притчину женидбы моеи и какъ моя покойная матъ тому учинила зачало, а не дождалась привести ко окончанию, то полковникъ а особливо полковница весма сожалѣлы, и для того мой полковникъ такъ былъ великодушень, что тотъчасъ велѣлъ мнѣ ехать къ моеи молодой женѣ обратно.

Приездъ мой дамой сколько мнѣ былъ приятень, столко же нѣчто меня тронуло, что я нашолъ жену мою плачну и невеселу, хотя она притчины настоящей мнѣ и не сказала, а толко то что ей безъ меня скучно было, однако о томъ узналъ я опосля, что таперъ пропускаю мыма.

Чрезъ несколько дней поехали мы обое къ тестю моему и къ дядѣ Витковичу, какъ оны въ адномъ мѣстѣ соседствомъ квартиры имѣлы и прешли изъ прежнихъ жилищъ в полкъ, то я успевалъ всякой день у обеихъ бывать и тѣмъ время было намъ несколько весело, но поехавши обратно въ полкъ не взялъ я жены съ собою, а оставилъ ее у тощи своей съ тѣмъ толко намерениемъ, чтобъ на малое время она тамо была, покудова я въ ротъ своей квартиру новую поисправлю и чтобы уже совсѣмъ туда пребратца, однако таково мое намереніе превратилось на другіе дела и приближающа мнѣ на встречу другіе обстоятелства, ибо какъ я въ полкъ приехалъ

смыслу, что оные поляны будутъ переделки, а что и какъ того еще въ точности никто не зналъ, не потому была оказия, нѣ о томъ узнать (какъ ниже видно будетъ), что венгерские господа жестоко о тѣхъ земляхъ пограничныхъ полянахъ завидуютъ и стараются искоренить, а чтобы имъ не быть, представляя императрице яко своей королевѣ проектъ, что Венгерская земля даетъ войска въновѣ сорокъ тысячъ на оноемъ кѣшѣ, и содержать оныхъ будетъ по границе, где и въ ка-
 торыхъ мѣстахъ сказано, будетъ, построитъ для нихъ каменные казармы, а народъ Сербскій, состоящій въ Славоніи въ тѣхъ полянахъ обратитъ бы въ подданствѣ короны подъ власть венгерскую.

При всемъ же томъ что Венгры тому назадъ уже третій годъ то есть отъ 1746 года непрестанно работали, дожидались о казеніи въсѣхъ сербскихъ лавкинциновъ и унѣ номоришскихъ и гитискихъ прежде бывшій военныя мѣста овладѣли * и не были тѣмъ довольны, но еще и въ Славоніи новоучрежденное пограничное сербское войско чтобы уничтожить предприняли оноемъ замысли, къ чему было и довели императрицу Марию Терезію, чтобы на такие ихъ Венгровъ обещанія согласится и было бы действительно такъ и сделалось, естлибы ни взяло того дела самъ его величество цесарь супругъ Маріи Терезіи Францискъ первый, юмъ велѣлъ притѣнить нашему генералу съ своею камысией въ другой разъ въ Славонію, а къ нему определены были члены отъ стороны венгерской самъ первоначалны камаралны президентъ графъ Кражалковичъ да баронъ Вайи и графъ Шатачичъ, коимъ вообще данна доверенность чтобы объехать всѣ пограничныя мѣста и всѣ подки, также и планы вновь по всей границе снѣзать.

Въ 1749-го года сия камысія ездила вездѣ и по всѣмъ погранич-
 нымъ мѣстамъ, генералъ нашъ старался удерживать цѣлость полковъ,

* Черезъ что были тамо великие въ народѣ замѣшательства, и подало то са-
 мое разбѣ полковнику Ивану Хорвату съ фамиліею и со всѣми своими сродни-
 ками и братъ его Дмитрій Хорватъ съ фамиліею, и за тѣмъ подполковникъ Иванъ Шенечъ съ двумя младшими сынами Иваномъ и Петромъ съ фамиліею, да канстаны Николай и Федоръ Чорбы съ фамиліею и всеми сродниками, а къ тѣмъ еще и другіе согласившись подали отъ себя объявленіи что въ Россію преселиться хотѣтъ, коимъ вскоре потомъ (яко своего намеренія отменить уже не хотѣли) и вышпорты отъ двора даны, почему имъ обещанъ какъ Хорвату такъ и Шенечу чрезъ полномочнаго російскаго посла въ Венгъ находящагося по доведенію російской императрицы Елисаветъ Петровны чины генералскіе объявлены.

а Венгры всемы мерамы хотѣли и желали видѣть, чтобы полки и народъ подали какое нибудь о томъ новое учрежденіе свое недоволевши, дабы тѣмъ доказать что Сербы и сами не хотятъ быть военныя, а хотѣть остаться въ нѣмолѣ короныхъ подданыя, однако тѣмъ же господь Венгровъ желание осталось тщетно и варады никакова своего недовольства не объявляли.

Генералъ мой какъ скоро въ Славонію приехалъ, то меня опять къ себѣ взялъ и покуда онъ съ тою камысеною тако у насъ въ Славоніи находился, то я безотлучно при немъ былъ и вездѣ съ нимъ ездилъ, гдѣ и были даваемые случаи мнѣ обо всемъ томъ что по сей камысидъ происходило узнать.

Полки сихъ господъ камысаровъ вездѣ встрѣчались строгимъ и должковою церемонією, и продолжали даждь, и како окончили смотромъ, всю пограничность господъ венгерскихъ похажывали своимъ пути, а дану генералъ для подачи рапорта цесарю отъправился въ Виену, и потомъ полки остались на своемъ фундаменте, а прохаживать венгерскіе уничтожили.

А чтобы такое войско тѣхъ неучрежденныхъ полковъ самовольно ихъ вымѣстѣ цесарь и Марія Тереза увидѣть могли, то и велѣно было учредить лагеръ въ Венгрии подъ городомъ Пентою, куда отъ тѣхъ новыхъ полковъ командировано отъ наждаго пехотного по одному батальону, а отъ гусарскихъ по два батальона, конитъ велѣно на веснѣ туда съѣзжать.

Между тѣмъ той осени Петроварадинскаго пехотнаго полка въ Славоніи умеръ полковникъ Іосифъ Монастерлі, а за нимъ вскоре также и мой полковникъ Петранди скончался, и тако вдругъ въ нашихъ полкахъ уменьшились два полковничія ваканціи, на место конитъ не было еще другихъ определено, а только что преведенъ на место умершаго Монастерлі изъ Сирмыскаго гусарскаго въ пехотной Петроварадински тестъ мой Афанасій Рашковичъ, а за его отбытиемъ остались оба гусарскіе полка ваканцією безъ своихъ полковниковъ, а потомъ въскоре изъ сихъ обоихъ гусарскихъ назначено, что будетъ одинъ не въ двухъ частяхъ и на тѣхже местахъ где и прежде былъ, поды названіемъ однимъ Сирмыски Гусарски полкъ.

Я послѣ умершаго моего полковника Петрандїи оставался въ той же ротѣ въ которой и прежде былъ, однакъ фундамента своего не полагалъ, потому что ожидалъ видѣть кто у насъ полковникомъ будетъ, и какъ обыкновенно новые полковники, новые и распоряженіи свои дѣлають, то на случай таковъ, ежелибы захотѣлъ афицеровъ изъ одной роты

приведеть въ другую или иногда привести новыхъ новыхъ съ собою офицеровъ и захотеть тѣхъ при себѣ въ первой ротѣ удержать, и мнѣ бы делалось прискорбно въ другую, то дабы напрасно убытка не понести, а сверхъ того какбы и что мнѣ представляло, что и тамъ немалого еще останусь и будто ожидаю въ скоросты и никакой сомной времени, меня, подростана мысли, мнѣ о томъ тревожила.

Войже нѣкимъ приехалъ къ тестю моему зять его что старшину дѣтъ держать Петръ Шевитъ для свиданія, о комъ и прежде упоминалось, что отецъ его подполковникъ Иванъ Шевитъ получилъ увольнительный напертъ въ Россію, и какъ о приездѣ его мнѣ дано знать, то и я съ женою тудачъ къ тестю приехалъ, надобно знать что и моего свонка и свечники еще не выдалъ и тутъ былъ случай съ ними въ первое видѣніи и познакомити, правда что мы другъ друга полюбывали сердечнѣе и я въ женою потому друга великаго себя напобль.

Между тѣмъ въ разговорахъ о Россіи и повторяя оныя много кратъ возгорелась во мнѣ желаніе чтобы также итти въ Россію, о комъ я моему свонку и женѣ его о женой свончине подъ секретъ обывалъ, советую съ свонкомъ что и какбы дело о увольненіи зачать, ибе формою чтобы просить никакихъ резоновъ мнѣ не было, а кому и то что нѣтъ нашихъ свончонихъ пограничныхъ полковъ никто въ то время абинтовъ ни въ Россію и некуда не просить, и я какъ того зачнѣ трѣбовать то и буду первымъ, и чтобы иногда за образецъ такого зачала не подвергнуть себя какому либо несчастію, и будучи въ такихъ размышлѣніяхъ колебалась мыслямъ моихъ непрестанно, а чѣмъ далѣе то еще болѣе рождалось во мнѣ побужденіе, и будто нечто ведомъ меня и показывалъ нутъ къ смелости и сколько я таяла я своего намереніе, однако въ короткомъ времени открылось, ибо какъ обыкновенно жонки мои въ секрете недолго воздержатца могутъ, то и оное мое предпріятіе вышло наружу скоро.

Свончина моя сказала о томъ женѣ моему радуясь что будутъ вместе, а затѣмъ согласившись обе сестрицы сказали матери своей и моей тещѣ, а она тотчасъ, пресказала тестю моему и сину своему а моему шурину, вотъ тутъ попался я въ хорошее обстоятельство, меня атаковали дсѣ и одлачемъ и съ угрозами, тестъ мой представлялъ мнѣ всякой, могущій изъ того быть страхъ въ глаза, воспрещаютъ мнѣ о томъ не токмо что не предпринимать но и думать, о чемъ несколько и на свонка моего быть напускъ, обывная его тѣмъ что онъ мнѣ вселялъ мысли такіе въ голову.

И всѣ тѣ выговоры претерпѣлъ наговора въ отвѣтъ мнѣ ничего,

дабы тѣмъ отвѣсть нѣкъ къ усладоу, а од своего намеренія оди-
ко не отсуавалъ, къ чему бѣгъ: жена моя возымѣла: вѣлю и конфетамъ
къ скорѣйшему. предпрятію о полученіи усладоу нѣкъ мадоннама.

Своинке мой Шевичъ прожылъ тѣмъ у насъ еще мѣсяцъ деловъ и
что ему чрезъ меня былъ маленькой выговоръ, то ухъ ты оба пере-
стали явно о нашемъ деле говорить, а случаемъ наодитъ нѣтъ нѣтъ
ду собору разсужденіи, напоследокъ говорить оны мнѣ: а де о твоемъ
деле, чтобы можно было достигнуть до желанія, то. Нахожу, дружокъ
средства какъ только одинъ то, чтобы просить вашего генерала шефа,
онъ танерь, какъ известно что изъ Выемы приехалъ и, съ нѣтъ Теме-
шварскомъ, Банатъ генераломъ пубернаторомъ и отъ нашего дома веда-
леко, а прежде сего былъ отцу моему великой приятель, то де, а мамъ
приеду дамой, говорить своинкѣ мой дружка, о ланіемъ намереніи отцу
моему и онъ конечно поедетъ въ городъ Темешваръ и станеть о. усла-
неніи вашемъ генералу просить, а потомъ что въ резолюцію распо-
сѣдуетъ, то де я не оставлю вскорости васъ извѣститъ.

Мы оба на томъ согласившись и, одождъ мой въскоре поехалъ
обратно дамой, и отцу своему генералу Шевичу о томъ, что я намереніи
идти нѣтъ съ нѣтъ въ Россію объявилъ, таковы вѣсти ему были
весьма приятны, онъ поехалъ тотчасъ въ Темешваръ, къ моему ге-
нералу, шефу, коимъ принять былъ ласково, и между прочими раз-
говорами изыскалъ Шевичъ случай спросить о моемъ усладоу и о аб-
шита.

Генералъ мой оному весьма удивился, отвѣчалъ, какъ мой поруч-
чикъ Пиничевичъ хотеть въ Россію съѣзъ и просить абшита, оному де
неможно статца, чтобы онъ хотѣлъ оставить свое отечество безъ ни-
какова резона, и будучи онъ у меня въ полку въ орденомъ вѣтении,
а также я знаю говорилъ мой генералъ, что у него отецъ былъ нѣтъ дру-
гой родни и свойственниковъ много и еско господъ служить въ войска
и мода знатна, а особенно тестъ его полковникъ Рацковичъ, какъ ево
не допустить абшита просить.

На что какъ Шевичъ уверилъ моего генерала, что точно есть мое
желаніе о абшита, и что мнѣ въ томъ никто изъ моихъ свойствен-
никовъ препятствовать небудетъ, то тогда генералъ мой сказалъ: дабро
я де за нѣтъ пошлю приказъ чтобы онъ ко мнѣ явился, и буде онъ то-
чнѣ такое намереніе имѣетъ то я разсмотрю, и онъ де долженъ бу-
детъ просить формою своего абшита съ прописаніемъ своихъ резо-
новъ, а иначе сделать ему отпуску невозможно.

Своинкѣ мой по возвратѣ отца своего осведомилъ о резолюціи моего

апшита и узнавъ склонность моего генерала, тотчасъ чрезъ нарочитого далъ мнѣ знать и пишетъ обстоятельно о всемъ томъ что генералъ говорилъ.

Я получа сие известіе возчувствовалъ несколько въ себе радость, тѣмъ болѣе что ужъ зачало есть и воображалось мнѣ что ужъ получу скоро и совсемъ свое увольненіе, а о томъ немало не думалъ что изъ того далъ воспослѣдуетъ и какіе мнѣ беды къ понесенію навстрѣчу предстоятъ.

Я до сего часа о своемъ намереніи съ отцомъ моимъ еще не говорилъ и какъ ему такъ и дядѣ Витковичу не открывалъ, а таперъ уже осмелѣлся мнѣ обещать о томъ сказать, но къ моему удивленію оны оба на что были согласны и благословляютъ мое намереніе, а особливо дядя мой говоритъ мнѣ: ты де еще молодъ иды за своимъ участіемъ, перья Божь туго управить, яде же высокихъ фамилиевъ говоритъ старикъ ходять по свѣту и в чужихъ государствахъ бывають не всио по нужде а для притяжки и приобретения просвѣщенія, тамде и ты можешь тамо некоторое время быть и послужить, а потомъ буде захочешь далѣ оставатца возвратиши назадъ, и ты тамо говоришь дядя мой найдеши себе предстателя какъ и самому тебѣ известно, что братья мой двоюродни Степанъ Витковичъ есть в Россіи бригадиромъ и бѣть де верно твоему приезду радъ будетъ какъ и яоб тебе къ нему писать буду, а отецъ мой тоже повторыгъ съсылалось также на бригадера Витковича что есть в Россіи и что оны оба до отъезда онаго были въ дружбѣ и росли и учились грамотѣ вмѣстѣ, ибо Степанъ Витковичъ оставши после отца своего и матери въ сиротствѣ не имѣлъ уже друзей пристанища къ воспитанію, какъ что въ домѣ отца моего, которой былъ принять и содержался до настоящаго моего возраста и до отъезда въ Россію.

Мало дней спустя после того полученъ въ полку отъ генерала приказъ, чтобы меня отыправить къ нему въ городъ Темешваръ, почему я и поехалъ, причемъ имѣлъ я въ готовности уже челобитную на случай надобности, въ которой немного резоновъ о апшитѣ было писано, а только что по моимъ молодымъ лѣтамъ хоту свѣтъ видѣть и счастья далѣ искать и для того прошу апшита.

Приехавши я въ крепость Темешваръ явился къ моему генералу, онъ какъ скоро меня увидѣлъ, то позвалъ въ спальню и зачалъ меня спрашивать, говоритъ какъ вы слышу я хатите изъ службы апшита просить, скажите вы мнѣ какой о томъ резонъ имѣете и правдалы то, вы де человекъ еще молодой и въ ваши лѣта чинъ имѣете доволны, го-

воришь мнѣ генералъ. Васъ также въ полку, добить, всякъ и вѣрно де счастье ны мало васъ еще не оставляетъ и, вы можете надѣяться, что по заслугамъ вашимъ и впредь далѣ производимы будете, а сверхъ того говорилъ еще генералъ, что знаютъ о томъ вашемъ намереніи отецъ вашъ, также дядя Витковичъ и тестъ полковникъ Ращковичъ и позволяютъ ли онѣ вамъ, чтобъ ихъ оставить и итти въ чужое царство и чтобы изъ того не вышло какихъ затрудненій, я на то отвечаю, что какъ отецъ мой такъ и всѣ протчіе мои сродники оставили то на мою волю и препятствовать не будутъ, а мое увольненіе говорю, я состоитъ отъ милости вашего высокопревосходительства.

Генералъ выслушавъ мои слова началъ говорить, какъ должно и есть правда то что вы хатите сдѣлать службу и отечество свое оставить, я де не понимаю какъ вы безъ никакой вамъ досады могли на то мысли свои положить, разве не видите вы многихъ старее насъ дѣтаны въ полкахъ отъ націи вашей служащихъ офицеровъ, кои въ адномъ чинѣ понесколко лѣтъ остаются и тѣ объ обыде ниного не говорятъ, а почитаютъ за долгъ отечеству служить, а вы де предъ прочими многими получили свое произвождение и нисколько ни въ чемъ не можете сказать о какой либо вамъ обыде, и не будете на васъ нація ваша роптать и обвинять васъ тѣмъ, что вы отечество свое безъ всякой нужды оставляете и не хотите самовольно обществу и толккимъ многимъ тысячамъ военного народа отъ націи вашей состоящимъ быть въ полку, какъ вы молодые господа по природе вашей не иное что значите, а есте точніе наслѣдники всѣхъ тѣхъ чиновъ и достоинствъ, коими предки ваши пользовались и были обществу въ подкрѣпленіе, и не грехъи вечной вашимъ отходомъ вы на себе чрезъ то понесете, вы де сами знаете когда вы въ сей порутчичи чинѣ по моему представленію произведены именнымъ ея величества королѣвы повелѣніемъ, что въ патентѣ вашемъ написано, не упомянуто въ ономъ что за службѣ предковъ вашихъ чинѣ оей жалованъ вамъ и недовольно дѣлаетъ то честь фамыліи вашей, о семъ самомъ хачу я вамъ таперь признатца говорилъ генералъ, что тогда при зачале фармираціи полковъ въ Славоніи писалде я особно объ, васъ къ королѣвы съ объясненіемъ и справедливою похвалою, какъ давнихъ лѣтъ фамылія ваша двору австрійскому служить и что всегда отъ племены вашего выходили люде достойные, упомянувъ при томъ объ васъ что вы изъ тѣхъ самыхъ достойныхъ людей состоите отрослыю такою, что всякие въпредь къ службѣ касательные дѣла къ исполненію надежду велику предвѣщаютъ, и потому де вы таковую въ производствѣ высочайшею милость получили, что и

должно вамъ сие знакомъ особливаго монаршего благоволенія призна-
вати.

Вы не считайте совершенно счастливыми и тѣхъ господъ, продол-
жалъ генералъ свою рѣчь, кои изъ поморинской и потиской ландъ-
милициемъ какъ Хорватъ, Шевычъ, и протчіе съ ними согласившіесь
исключить имѣть резонъ, а только что погорячились противъ Венгровъ
оставили свое отечество и пошлы въ Россію.

Хотя де тѣ ландмилиціи и раскасированы, но нымало тѣмъ вол-
ность и привелегіи ваши ненарушены и Венгрии народу ничего ху-
дно повесить ихъ замысламъ и требованіямъ сделать не могли, какде
и вы сами при той тогда камисіи со мною были и выдѣли; слѣдова-
тельно и не доходило ни до какой еще крайности, чтобы отечество свое
бросить и преселитца въ чужое царство; можеть вы и то знать какъ
весма есть предъосудительно тѣмъ людямъ, кои изъ адного только прене-
бреженія а не по нужде оставляють свое отечество, и что оставшее
отъ націй общество ненадѣясь уже отъ ныхъ вечно никакой пользы не
имѣетъ, таковыя свои обратныя почитать, и не думайте вы, что
тѣ одишедни еще о своей поступке каютца не отагы.

Я не спорю, продолжалъ генералъ непрестано свои слова, чтобы
оны не были тамо хорошо приняты, въ томъ наблюдаетца политика, но
со временемъ всю то исчезнетъ и обратытца/иначе, а вьукамъ и пра-
вьукамъ ихъ не будетъ известно настоящаго произшедствія и тѣмъ
потѣряють водность своего природнаго названія, чего здѣсь никто
за веки нарушить и ту водность и преимущества касающіеся по при-
велегіямъ до націй вашей превратыть иначе не можеть, а въ протчемъ
о вьашемъ аишите можете делать по своей волѣ какъ вамъ угодно.

Такова отъ моего генерала учинѣнная мнѣ проповѣдь и подлинно
было меня тронуло такъ, что я самъ себя стидился и не зналъ что
говорить и чуть не отсталъ отъ своего намеренія, но какъ опомнился,
то зачалъ я съ учтивостью генералу моему говорить съ тѣмъ при-
знаніемъ, что во все время продолженія моей службы въ полку ва-
шаго превосходительства ничиво инова не знаю сказать окроме, что
быть вашимъ высокопревосходительствомъ отъменно любимъ, и пол-
зовался выскою вашею милостью много, а также и в полку гово-
рить я ни от кого никакыхъ обидъ или гонѣній не имѣлъ, и признат-
ца по справедливости должень, что болѣе ничто не побудыло во мнѣ же-
лаемость просить аишита, какъ что только хочу еще светъ выдѣть и свое
счастіе да въ пробовать, тутъ генералъ подхватылъ мое слово гово-
рить (Ja, das Glück probieren und Wind treiben) то есть да ща-

стие пробовать и ветеръ гнать, а ему полковникъ отъодръдъ ни-ничиво болѣе не говорю, а онъ ходитъ по покою възадъ и въпередъ, одъ несколько мынудъ молчитъ задумавшись, а потомъ оборотася до мнѣ сказавъ, добро ежели ужъ ти такъ положылся и хочешь конечно свои апшиты имѣть, то подай о томъ прощениа.

Я тотчасъ вынулъ оное ужо у меня запечатленное подаю ему, которое онъ развернувъ сталъ читать, и потомъ сказавъ завра до по-лучишь свое желаніе, съ тѣмъ я отклоняся цашодъ въ трактиръ, где и квартера моя была.

На завтрашни день пришлоу я къ моему генералу, онъ меня при-нялъ весьма ласково, подаетъ мнѣ апшитъ, въ коемъ именно прощася-но что уволенъ въ Россію, при томъ же и ордеръ въ полкъ за известіе, чтобы меня изъ полку выключить и удовлетворить заслуженнымъ заар-ваньемъ.

Тотже день удержалъ меня генералъ у себя къ обеду, а по окон-чаниіи онаго прашася я у моего генерала съ словами, причеиъ въ мен-чувства вострепеталы отъ тѣхъ изываемыхъ мнѣ отъ него при-во-следке наиприятнѣйшихъ словъ съ тыошцу счастливыишии мнѣ же-лательностей во всѣхъ моихъ предприиятиахъ, и потомъ отклоняся у него паехалъ.

Я взялъ путь мою не в полкъ, а заехалъ къ своему новому коман-диру генералу Шевичу, чтобы явытца и показать ему свой апшитъ и учинить условіе, на какой срокъ чтобы совсѣмъ къ нему пребрата и когда и в какое время движение пути нашего будетъ.

Шевичъ увидя меня и узнавъ что ужо я апшитъ имѣю, весьма былъ тѣмъ доволенъ, поздравляетъ меня чиномъ капитанскимъ, яко онъ въ томъ отъ состоящего въ Виенѣ полномочнаго російскаго ми-нистра графа Безтужева былъ уполномоченъ, чтобы едущимъ съ нымъ въ Россію афицерамъ даватъ по одному чину въ награждение, о чемъ и ордеръ онъ мнѣ далъ, побулъ я у Шевича дня три и условясъ что-бы въ наступившую осень въ сентябре месяце подожили такъ, что-бы и въ дарогу подынатца.

Съ тѣмъ паехалъ я въ полкъ, и скоро прибылъ первое явыиася къ дядѣ моему подполковнику Витковичу яко полковому командиру, за-сталъ я его несколько здоровьемъ по его старосты слаба, онъ коман-довалъ полкомъ, ибо у насъ еще настоящаго полковника послѣ смерти Петрандіи опредѣлно не было, дядя мой узнавъ отъ меня обо всемъ, что генералъ бывшии мой шефъ со мною въ Теменицарѣ говорилъ, и

прогнать, ордеръ о моей полку выключке, приказывать мнѣ, дѣлать оной къ майору и явитьца у него.

Узнавъ было тогда, какъ назначено, что изъ общаго гусарскихъ имевъ будетъ адмиралъ, то изъ состояла майоромъ два: первый: Прохорова, который на то время при полку не случился, а другой: бывший баронъ Рыббаргъ, фектъ же ему, какъ извѣстно, онъ прогналъ генеральской ордеру, что написано о моей полку выключке, стать человеку, вѣтъ себя, поверять, что это вы ко мнѣ приносите, а де самъ себе, что такъ не верю и не можетъ тому отатца, да и того де еще не знаю, что верилъ майору, можетъ ли нашъ генералъ самъ собою отогнать афицеровъ изъ полку въ чужие царства безъ дозволенія двора.

На то и майору отвѣчалъ, что генералъ конечно знаетъ, какъ да-же, вѣсть его престоиратца, и бытъ бы говорили, а веро мнѣ и нѣтъ подалъ, естли бы въ томъ вѣсть не имѣлъ, а насъ прору доказываю, а майору ю скорейшить носы отъкрашенны, майору генералъ въ томъ тако удивление много яратъ, онъ смотритъ на меня, говоритъ: скажи пожалуйста, что вы въ это въдумаете, не считутъ ли васъ неблагодарнымъ, вы были лѣвы, у насъ въ полку: изъ всехъ афицеровъ первымъ любящимъ, да и по чести вашимъ имѣете чинъ: каротъ * и азъ, что вы такъ сделали, туль какъ обратилось одно афицеровъ, то етъ, нападъ на меня словами такими жъ угаваривая, чтобы я ашните воздратылъ назадъ, а говорю мнѣ, что ужъ, сделано то да томъ и бытъ, а ашните воздратытъ нелая, ибо я его отыдалъ своему новому командиру генералу: Шадичу, а при себѣ имѣю только со оного, засвидѣствованную копыю.

Я объ ашните сказалъ нарочно, яко бы оной отыдалъ генералу Шадичу для важнѣхъ случаевъ, какъ оноемъ ниже видно будетъ (что и помяну ена послѣдокъ въ достиженомъ желаемого послужило мнѣ въ вѣнотъ много).

Майору отыдалъ приказъ въ полкъ за известіе, что и изъ полку выключитъ и требуетъ рапортовъ какъ не состоятъ ли на мнѣ какихъ долговъ, такожъ и о задаче мною роты другому афицеру учинилъ по-

Вѣсть о томъ что и будучи тогда въ молодые лѣты произведенъ поручикомъ было то трудно, и за редкость почитали, ибо въ австрійской службѣ чинъ лейтенантъ бываеъ обыкновенно уже сорока лѣтъ отъ роду, а капитанъ чинъ съ великими сдѣлками на голове, и старшинство тамъ мало смутитъ.

Сколько же лѣтъ онъ прожилъ.

вѣстие, а между тѣмъ приказалъ заготовить мое отъ посылки отъправ-
ленные.

Таковыя требуемыя рапорты отъ претъ поданы съ объясненіемъ,
что никакъ не должно поначесть по командующей мною роты не со-
срѣсти, и такъ, совершенно по праву, немедленно правленю, окромя того до-
водящегоъ получить заслуженное жалованье, яко при прѣизнаніи на то
время казны еще въ приводе было, темъ писано къ оберъ-крест-
камъсару Гармулу *, отъ кою на всѣ пограничныя посылки до его до-
стигшии подержавшая денежная рубли отъпускается, а то отъ моего
представленіе данно мнѣ, чтобъ я самъ туда къ нему, съездилъ и до-
водящегоъ къ получению мнѣ денегъ, отъ него потребовать.

Я поехалъ къ одному оберъ-крестъ камъсару въ крепость Петро-
градскую, гдѣ онъ съ своимъ камышникомъ тогда, находясь, ему подар-
ю представлению и требую, своего жалованья.

Онъ, прочитавши мое представленіе, возгорелся, жестикуля, казалъ
было, несколько по своей природной породе, шумѣть и требуетъ мно-
го ашита чтобъ ему показать, а на то отвѣчалъ что, аристократу
моя мѣсть и что оной отдастъ и моему новому командиру, а мнѣ
у себя, говорю я, отъ своего заавдательствовану копѣю.

Онъ на таковыя учтивыя отъ меня отвѣты осердился еще и
большо выговоря, что вамъ отъпуска денегъ нѣтъ, а я до отъѣзду
къ главному мѣсту о такой непозволительной отъ генерала вашего
поступке и вы де увидите что еще не того выйдетъ, потому отворо-
тись проворчалъ по немецки сіи слова (Ich werde Euch das nach
Moskau Reisen fergessend machen), что значить я де вамъ ту въ
Москву, ездю сделаю забвеню.

Сихъ его словъ я уи не могъ стерпеть, говорю ему, вы ге-
сударь мой большо отращаете моеи вашими угрозами нежелъ въ са-
момъ дѣле чего сделать можете, а я не пришолъ слушать всего что
вы говорите, но за моиы денгами, доихъ ажды, вы отпуститъ не
созволите, то хотя по пристоннству разонъ сказать можете, а не
кричать.

Онъ былъ цырюльникъ Грекъ родомъ отъ Приморья изъ города Корю,
былъ онъ учонъ на разные языки, и что переходъ въ законъ католическаго
исповѣданья, то за то былъ сурда определенъ ко суду, малыхъ отъпра-
вляемыхъ, а потому и къ сей должности удостоенъ, но для всѣхъ тѣмъ, была
чрезъ меру горды и прегрубая тварь, и к тому еще и великой гонитель на со-
стоящихъ въ законѣ Греческомъ.

моемъ коннѣ, езда наша продолжалась дня три, и прибывши въ ту крепость Есскъ (которая лежитъ въ нижней Славоніи на поудѣнной сторонѣ реки Дравы) мой провожатой пошелъ къ генералу губернатору съ докладомъ о прибытіи нашемъ, а я остался съ каласкою нашею у воротъ при первой стражи отъ крепосты, дожидаясь обратнаго прихода моего товарища, который возвратившись объявляетъ мнѣ что де господинъ генералъ губернатора приказалъ насъ представить къ нему, (но я безъ сабли).

И скоро отворилъ своей сундукъ вынулъ свой новый мундиръ потому пошелъ оба туда, и скоро я вошелъ поперекъ въ генеральские покои, и генералъ насъ увидя, то тотчасъ и узналъ меня, ибо еще какъ мой полковникъ Петранды штырь былъ и генерала сего раза два приглашалъ въ себя въ лагерь и представлялъ ему помыслы, тогда дзевречи и обратнаго препровождения съ конюшенъ присланы были, а также несколько работъ что была отъ полковника зделаны къ нему помысламъ, и потому онъ меня зналъ.

Человекъ онъ былъ еще въ силѣ въ своихъ ордныхъ летахъ, а притомъ въ речахъ и въ разговорахъ весьма суровому и несколько горды (какъ обыкновенно въ австрийской службѣ, и редко есть кто въ тѣхъ и въ штабскихъ чинахъ чтобы небылъ горды).

Генералъ говоритъ мнѣ по немецки: *Wie ich höre, dass er ein Moskowiter sein, ich denke aber, dass er das wird wohl bleiben lassen*; то есть, какъ я слышу что вы хавите Москальми быты, однако де я думаю что вы то оставите.

Немецъ въ Австрій мало когда въ разговорахъ упоминаетъ Россію, или Россіане, и обыкновенно говорятъ Москва, и Москвалы.

Не знаю какъ таперъ превратилось и прежде тако было, и несколько какбы съ пренебрежениемъ.

Такая встреча отъ генерала губернатора въ того человека мнѣ не очень приятно было, я свое сочелъ двояко: первое что можетъ быть и самъ отъ того намерения отъступу, а другое почелъ я за открытое угрозы, сиречь что доведу я тебя до того что ты то оставишь, каковы слова было несколько меня смешали, и я ожидалъ не станеть ли еще чего говорить, однако разговоръ былъ на томъ кончѣнъ, а только то прибавилъ, что велѣлъ указать мнѣ дорогу идти на гаубвахтъ, где и квартира мнѣ данна обще съ караульнымъ эфенеромъ въ адмонта павое.

По прошедствіи несколькихъ дней наложена была для меня собственная камыня, меня туда потребовали и проважзель былъ до при-

судетин и навадъ аднимъ ундеръ афицеромъ и аднимъ редовимъ салдатомъ безъ ружья.

Задачи мнѣ въ запросахъ давали разные съ великими выдумками, между коими вышли и тѣ вопросы, какъ и что и для чего я службу оставляю и апшита просить, и чтобы я тотъ данной мнѣ отъ генерала барона фон-Вителсъхофена апшить къ суду въ оригинале представилъ.

Я на все тѣ данные мнѣ запросные пункты отвечалъ сколько къ своему оправданью зналъ, а о апшите все одно говорю, что онаго у меня нѣтъ, а отдаю мною моему новому командиру, Россійскому генералу Шевичу, съ коимъ и я намеренъ былъ въ Россію ехать.

Комиссія потребовала отъ полка въ коемъ я служилъ известія о моемъ поведеніи, на что получила въ ответъ что я былъ въ ономъ полку не толико по службѣ исправенъ и поведенія хорошаго, но сверхъ того во всемъ изъ моихъ сверстниковъ субалдернъ-афицеровъ былъ первымъ.

Все мои ответы были въписиваны и такжежъ почты запросы ежедневно мнѣ повторяли, и думаю что нарочно и для того не примечать бы какова въ ответахъ моихъ разноречія, и крепко того добывались, и тѣли еще каво со мною въ согласіи, также и то кѣмъ я подготовленъ, чтобъ въ Россію итти и тому подобное.

И такимъ образомъ продолжалось то слѣдствие дней девять, на послѣдокъ какъ ничего болѣе изъ того слѣдствия вытти не могло окроме только то одно, что я службу оставилъ и апшить получилъ, о совершивши комиссія все то дело поднесла мнѣ тѣ учинные запросы и при оныхъ мои ответы, чтобъ я оныя подысаль.

Я взявши прочелъ и сталъ подписывать свое имя и новой своей чинъ рытмейстеръ Россійски, какъ вдругъ презесъ и оберъ аудиторъ подхватя ту бумагу у меня изъ рукъ не дали совѣмъ и дописать, говорятъ, что де вы должны подысатца тѣмъ чиномъ, какимъ вы въ службѣ нашей состоите а не чужей.

Я имъ на то отвечалъ, что я уже не поручикъ и отъ полка въ которомъ служилъ совѣмъ отправленъ и въ службѣ здѣсь не состою и тѣмъ прежнимъ чиномъ подписыватца мнѣ не слѣдуетъ, вынувъ при томъ ордеръ данной мнѣ отъ генерала Шевича, въ которомъ онъ меня пишетъ ротмистромъ и объявляетъ мнѣ сей чинъ, показывая мнѣ оной и говорю, вотъ изволите видѣть что вы имѣете у себя подъ арестомъ Россійскаго ротмистра а не здешній службы поручика, по-

...и

... ..

... ..

... ..

... ..

Продолжение моего в крепости Ессее ареста без решимости было причинено тем, что на то время был в Венгрии под городом Пеште учрежден от князя большой лагерь, где присутствовали сими величество императрица, королевна Мария Терезия с супругом своим императором Франциском первым, и потому доклад мой обо мне дело продолжалось, я было отчаялся и думал что ужь мне тут в той крепости и навсегда жилищем остатца, ибо то много многим людям последний конец был, однако видно что моя судьбина не преставила предо мною действовать и моним дѣломъ управлять и неча на то, чему еще съ мною събытца должно.

Генералъ губернаторъ напоследокъ получилъ отъ ховъ-кригс-рата повелѣние, чтобы меня не подь ареста освободить и велѣть чинить къ генералу фельдмаршалу лейтнанту барону фонъ Бнгельс-Хофену моему бывшему шефу, на коего де имя уже о моемъ дѣле ко докладу оного ховъ кригс-рата отъ ея величества королевны конфирмация поступована, что и будетъ мнѣ о томъ объявлено и что на томъ я вѣркомъ остатца въ службу по прежнему.

И тако окончившись я не подь ареста поехалъ немедленно въ

продолжалась дней пять, а какъ къ нему явился, то встрѣтилъ онъ меня сердцемъ жестокимъ, онъ дѣлалъ мнѣ такие выговоры что и по-
длинно не находилъ я чѣмбы предъ нимъ могъ оправдаться, а только
болше молчениемъ отбывалъ и терпѣлъ покуда его воля была го-
ворить, а какъ онъ приступилъ ко мнѣ своимъ требованіемъ, чтобы
я данной мнѣ отъ него апшитаъ возвратилъ; тогда ужъ зачалъ я го-
ворить повторяя все тѣ его мыслости, коими я много пользовался, го-
ворю съ понижениемъ духомъ: ваше высокопревосходительство не мо-
жете столько верить сколь много я скорблю о томъ, что вы чрезъ меня
понесли затрудненія, и что таперь чрезъ то выжу надъ собою вашъ
гнѣвъ, предъ каторымъ не могу никакъ чѣмъ инымъ оправдаться и
себя защититьъ окроме адною только вашею высокою мыслостию; я
ежели бы зналъ что таковы досады чрезъ меня вамъ моему благоде-
телю сделаны будутъ, то бы, говорилъ я, никогда нехотѣлъ приступать
къ такому дѣлу, хотя бы оно мнѣ самыя наилучшія щастія прино-
сило, какъ и таперь боюсь доложить вашему высокопревосходитель-
ству, дабы не подать еще и болше вамъ неудовольствія о семъ что
требовать изволите, апшита даннаго мнѣ отъ васъ я у себе его не
имѣю, а взялъ оной у меня Шевичъ (я ужъ и не смѣлъ Шевича гене-
раломъ упоминать), а имѣю только говорилъ я съ онаго апшита за-
свидѣствованую копию.

Ну тутъ досталась и Шевичу со мною вмѣстѣ хорошія пѣсни
и говоритъ генералъ, чтожъ ты таперь изъ того думаешь быть, что
апшита у Шевича остался, не думаешь ли ты еще о Москвѣ чего,
говорить, такъ ужъ тогда могъ бы ты путь свою и подлинно въ другую
какую сторону управить.

Я отвечаю что о семъ говоритъ мнѣ ужъ нѣчево, а я приехалъ
говорю съ тѣмъ только къ вашему высокопревосходительству, что мнѣ
велѣно у васъ явиться и о учинѣнной, по слѣдствию бывшему надо
мною, высочайшей ея величества конфирмаціи, чтобы получить отъ
васъ повелѣныя.

Генералъ будучи еще въ сердцахъ ходить по горнице говоритъ: да
конфирмація! ты ужъ недостойнъ того, для тебя бы не такая мыслость
надобна а другое что, чтобы тебя поуспокоить и вывести тѣ ветри
изъ головы, и на томъ тотъ день у насъ разговоръ кончился, было
то ужъ поздно подъ вечеръ, съ тѣмъ я вышелъ и пошелъ по дорож-
камъ, у своихъ знакомыхъ при свите генеральской что и какъ про-
водить.

Мнѣ показалъ директоръ канцеляріи, какіе моему генералу чрезъ

меня репреманды были и отвѣтъ требованъ о томъ, что онъ мнѣ ашигъ далъ, и что послѣ того посредствомъ придворной адной особы вынна ему прощена, и что вѣновь повелѣниємъ ея величества отъ хофъ-крисгс-рата къ нему уже склонностью о моемъ же дѣлѣ рескриптомъ писано и конфирмація въ пользу мою прислана.

Я того просилъ прочесть но не дали, а сказали что генералъ завтра самъ вамъ о томъ объявить.

Завтрашній день въ часу десатомъ поутру пашолъ я къ моему генералу, ему уже видно пресказали, что я жестоко скорблю о томъ что чрезъ меня ему послѣдовало, для чего отозвался ко мнѣ, посидѣнѣ и говорить, вотъ видите вы, сколько затрудненія чрезъ ваше дѣло произошло и доходило до худыхъ слѣдствій и твое дѣло, счастье, что еще на томъ обошло.

Потомъ приказалъ чтобы принесть изъ канцеларіи тотъ полученной рескриптъ, въ коемъ положена конфирмація обо мнѣ.

Директоръ канцеларіи пришолъ и тотъ рескриптъ принесть, генералъ взявши оной подаетъ мнѣ и говорить, я де подаю вамъ къ прочтению учинѣнную объ васъ конфирмацію и такову ея величества милость, какова редко кому другому случитца можетъ, и вамъ де советую я чтобы ни о чемъ болѣе не думать, а повиноватца высочайшему повелѣнію какъ вы здѣсь о учинѣнной вамъ милости къ произвожденію вашему усмотреть можете, которое вамъ при послѣдующемъ вѣскоре въ Славоніи всѣмъ полкамъ ревы (главной генеральной смотръ) данно будетъ, на чомъ вы съ благодарностью и спокоемъ остатца должны.

Рескриптъ я держалъ въ рукахъ и слушалъ покудова генералъ слова свои окончилъ, а потомъ сталъ читать, выжу я что для меня милость велика и въ конфирмаціи отъ ея величества положено мнѣ дать чинъ, я ужъ на то согласился, поклонясь генералу отъдаю рескриптъ ему обратно, представляя свою благодарность, говорю си слова что и при семъ случаи выжу свое назначеное счастье, что оно единственно отъ милости вашей произошло естъ, чѣмъ будучи много обвязанъ не нахожу столко словъ къ изреченію моей такъ великой благодарности, а заключаю толко симъ что на всѣ предбудущее время жизни моей долженъ чувствовать и признавать ваше высокопревосходительство своимъ благодетелѣмъ.

Генералъ приказалъ писать ордеръ въ полкъ о причисленіи меня по предидѣму въ службу съ изъясненіемъ о учинѣнной обо

и въ подтвержденіи, а съ того рескрипта приказать дать мнѣ копію, съ
коей для добротѣи читателя прилагаю при семъ на немецкомъ
языкѣ выписку такъ какъ она есть.

Eines an dem Herrn General Feldmarschal-Lieutenant Freyherrn
von Engelshofen erlassenen Rescripts.

Wohlgebohrner,

Sonders geliebter und geerter Herr Feldmarschal-Lieutenant, ob
der mit deszen Schreiben Nr. dato Temesvár den 20-ten Elapst an Uns
angeschickten Erklärung, dass bey seinen unterhabenden Syrmischen
Houszaren-Regiment bestellten Lieutenants Simeon Pischnevics ist
erschienen, warum er solch bekleidete Charge quittiren wolle, und
dazu die Erlaubniess neuer Dingen ersuche, gleich wie es aber bey
dem, was Wir dem Herrn Baron in dem ausgefertigten Rescripto
von 26 des letzt verflaszenen Monats Augusti zu erkennen gegeben,
dass nömlichen Hro Kays. Königl. Maj. keinesweges gesamt seyn diesen
Lieutenanten als dero Unterthanen in fremde Dienste treten, sondern
bey der demnachst resolvirten endlichen Regulirung derer Slavonischen
Gränitz-Regimenten auf seine Unterbringung den Bedacht nehmen,
auch eine Charge nachstimmender seiner Tüchtigkeit Ihnen ver-
leyhen und den hinreichenden Gehalt anweisen zu lassen, sein unab-
verlethes bewenden gewinnt, und eben andurch die Haupt-Ursach
der vorhabenden Quittirung sich von selbst aufhebet, also hat der
H. Feldmarschal-Lieutenant welches dem Wiederholten Lieutenanten
Pischnevics zu bedeuten seine Resignation nicht anzunehmen, sondern
dass er der jetzt bemerkten allerhöchsten Gesinnung sich füge mithin
seine Ubication in der Granitz continuire und darinnen die Anstellung
in dem Character als Hro Kays. Königl. May. für gut finden werden
geruhig und gelassen abwarthe, selben ernstlich anzubinden, sich
allwärts gegenwärtig zu halten. Joseph Graf von Garrach.

Ad Mandatum Sacrae Caes. Reg. Majestatis ex Consilio Reifico.
Wien den 3 Novembris 752 Jahr.

Aug. Thomas Edler von Wöber.

Я получаю отъ копия и ордера отъ моего генерала, коимъ пове-
щено причислить меня въ службу и поступать по прежнимъ дѣ-

должность, поехалъ въ полкъ и положился на томъ уже и быть и думать о Россіи стало у меня въ голове исчезать, не что у меня апшитъ лежитъ спрятанъ, то иногда напоминалось мнѣ въ мысляхъ, и будто предвещаетъ что еще чему нибудь быть изъ того дела.

Въ тоже время какъ жестоко Венгрии помогались о чемъ прежде я говорилъ, чтобы всѣ Сербскіе полки въ Славоніи состоящие раскисировать, а на ихъ места для охранения границы отъ стороны турецкой по Саве реке состоящей обещали оны дать войско на свои коште, что и было оны почти приклонили корольву на свою сторону, но цесарь Францискъ первый супругъ корольвы Маріи Терезіи взялся за то крепко и недопустилъ тому быть, для чего и велѣно учредить, какъ уже я о томъ выше говорилъ, въ Венгрии подъ городомъ Пештою отъ войска большой лагерь, куда для обозрѣнія ихъ ебенъ императорскихъ величествъ при своемъ присутствіи отъ того новоучрежденнаго по границе Сербскаго войска, коего Венгрии описали было неустройнымъ и ненадежнымъ, велѣно притытъ отъ каждаго пехотнаго полка по одному батальону, а отъ гусарскихъ по два эскадрона что и сделано, а къ онымъ туда же въ лагерь соединилось какъ Немецкіе такъ и Венгерскіе полки тамъ по близости состоящие, и безъ мала вся армія была въмести.

Лагерь былъ великолѣпенъ и маневры военные дѣлались, при чемъ батальоны и эскадроны Сербскіе соединили въ войска предъ противны, а особливо предъ Венграми своимъ превосходство и жидостію въ палбе и въ маневрахъ себя отыычили, что и засвидѣтельствовало довольно къ стыду венгерскихъ проектовъ кон. брочаши, и положено на томъ, чтобы сны въ Славоніи полкамъ быть доподобымо на той ногѣ какъ оны уже учреждены, а для укрепления ихъ определено учинить главни ревы (то есть генералы смотръ), къ чему определенъ былъ генералъ отъ кавалеріи графъ Сербодоны.

Ему во всемъ какъ смотръ дѣлать, такъ и въ прочемъ что только до сихъ полковъ касатца можетъ полная власть данна, онъ приехалъ въ Славонію въ крепость Ессекъ, яко сие место противъ середины всѣхъ тѣхъ военныхъ дистриктовъ состоитъ, куда на то время оныхъ пограничныхъ полковъ всѣ полковые командиры и прочіе штабъ афицеры собрались, въ томъ числѣ и я туда жъ поехалъ. //

Явился я къ сему главному инспектору генералу графу Сербелоны, подаю ему мою прозбу упоминая при томъ, что я уже имѣлъ свой апшитъ, и что повинуясь воли и соизволенію ея величества остаюсь по прежнему въ службѣ, и что рескриптомъ на конфирмацію

его величества всеимпериаторское повелѣніе меня при назначеніи въ ревизію и формалии награждать чиномъ, то и прену вашу графскую ексцелленцію, писалъ и такъ въ своей провѣ, не оставилъ по власти данной вамъ чиновъ меня награждать.

Генералъ принялъ мою прозбу и видно что онъ о томъ уже имѣлъ повелѣніе, для того что то мое письмо отдалъ своему правительству канцеляріи съ приказаніемъ выразитца, естли что между прочимъ обо мнѣ упомянуто въ той запискѣ, которая ему отъ его величества вручена.

Справка учинена и директоръ канцеляріи ту записку принесъ, показывая генералу состоящую во оной, обо мнѣ отметку.

Генералъ взглянулъ и обратился ко мнѣ объявляя мнѣ именомъ его величества чинъ капитанскій, и приказываетъ чтобы мнѣ являца у генерала губернатора графа Кайзрула для получения моего опредѣленія въ полкъ.

Такое повелѣніе было потому, что главной инспекторъ спеціалъ ехалъ въ верхъ къ границамъ Кرواتскимъ, для обозрѣнія всѣхъ тамо положеніемъ и состоящихъ смежностію къ верхній Славоніи мѣстъ, а потомъ зачѣтъ дѣлать смотръ полкамъ и учрежденіе военнымъ дистриктамъ въ Славоніи, а между тѣмъ прецоручилъ чтобы помещеніе присланныхъ изъ Вѣны немцамъ офицерамъ, и некоторымъ другимъ до того времени сверхъ комплекта состоящимъ учинить оному генералу губернатору распределение по полкамъ, яко генералъ губернаторъ былъ отъ Бродскаго пехотнаго полка шефъ, а при томъ и всѣ прочіе Славонскіе полки въ его губерніи состоящи были въ службѣ въ его командѣ, то такое распределеніе и положено на тотъ случай на него, для чего чтобы скорѣе учинить то могло быть, оставилъ генералъ инспекторъ некоторыхъ изъ своихъ канцелярскихъ чиновъ для списыванія и приуготовленія къ смотру всего дела, и потому съ оными чтобы туда къ нему спешить приказалъ, но койкъ уже онъ зачѣтъ отъ верхній страны и выѣзъ въ полкъ смотръ дѣлать.

Все сие сделано въ самой скорости и отыправлено, а я тамъ будучи получилъ отъ генерала губернатора повелѣніе что помощникъ въ компаніи капитаномъ въ Бродской полетной полкъ, о чемъ для ведома въ полкъ и ордеръ мнѣ данъ.

Такое опредѣленіе мнѣ причинило досаду велику, понеже о томъ я ни мало не думалъ, чтобы меня изъ Гусарскаго полка выключи-

чить, а считалъ что въ ономъ же по прежнему буду, для чего и не стараясь я о томъ пребы той вараще употребить, но какъ еще въ противность моей воли сделалось, то прошилъ я о томъ генерала губернатора представляя ему что въ пехоте быть и служить не желаю, а прошу и оставить меня въ томъ же полку въ коемъ я и прежде былъ.

Генералу то было противно, что въ его полку я быть воли не имѣю, отвѣчалъ мнѣ несколько съ неудовольствиемъ говорить: вы о томъ можете просить генерала инспектора, ибо дела и вѣдѣ сикомы уже имъ нему отыправлены, и мнѣ да пределать болѣе не можно.

Выжу я что со мною вѣстрѣчаются новыя досады и что какъ то болѣе рождаются хлопоты, не зная ни тотъ часъ ни другое делать какъ что согласился съ малярами своими ехать въ Бродской пехотной полкъ, и дожидать приездъ генерала инспектора тамъ.

Я приехавши въ тотъ Бродской полкъ явился у полковника барона Януса и подполковника барона же Рыта, оны какъ давно меня знали и много старались, чтобъ я къ нимъ въ полкъ перешолъ, то тогда принялы меня выдомъ приятнымъ и ласкою, говорятъ: ну вотъ сколько ты ни спесивился сперва, что не хотѣлъ къ намъ перейти въ полкъ, а таперъ де само собою на то пришло и вы таперъ нашъ, а въ томъ не хотѣлы признатца что оны тому притчиною, что мени генераль губернаторъ въ сей полкъ поместылъ, какъ я о томъ обшомъ узналъ.

Однако я имъ отвѣчалъ, что въ пехоте быть не желаю, вы говорите я самы знаете, каковъ я не форма гусарской экипажъ, имѣю каторой таперъ должнъ у меня остатца безъполезно, и я чрезъ то понесу такъ великой убытокъ по напрасу, а сверхъ всего говорите я несколько съ неудовольствиемъ; какъ скоро я не въ гусарской службѣ въ каторой я прежде былъ, то ужъ я и не могу ея величества такъ, какъ еще могъ быть и заслужить ту высочайшую милость, кторая надо мною оказана.

Сии мои господа употребили мои слова за подсмѣшку, говорятъ мнѣ чужды ли душаете разве не толико и слугъ у государя что гусары, нѣтъ оны де надежда и стена крепосты а вы за нами, я далъ ужъ и не хотѣлъ с ними диспутатца, оставилъ на томъ, думаю въ себе что не буду я у васъ долго пехотинцемъ въ томъ разуме, что препрошусь у инспектора по прежнему быть въ гусарскомъ полку, а также

и на своего бывшего шефа надеялся что онъ меня отъ пехоты вызовутъ, а о Россіи уже совсѣмъ у меня изъ мыслей вышло.

Послѣ сихъ разговоровъ опредѣлыть мнѣ полковникъ роту, кою до того времени командовалъ поручикъ, онъ былъ немецъ звался Горичка, но по большой части хварагъ, я туда въ то селение поехалъ и тому поручику о задаче мнѣ роты принесть ордеръ, тотъ день у насъ прошолъ такъ праздно, а на завтра зачали мы делать дѣло и людей по списку я осматрѣлъ.

Ту же наступившую ночь какъ квартера у порутчика была толко адна горница съ маленькою комнаткою и съ сенмы (коя то ужъ должна была быть моимъ въпредъ жилищемъ но неудалось), то мы оба я и порутчикъ положились въ горнице всякъ на своей постелѣ а въ комнатке у него была служанка и экипажъ не великой, человекъ онъ былъ доброй но очень беденъ, и толко всего добра что мундиръ да три лошады имѣлъ, кои стоялы тутже поблизосты въ несколько шагахъ по зады квартеры въ конюшнѣ, при коей и сараецъ маленькой для повоски.

Подъ сумеркъ взяла порутчика трести лыхорадка и онъ бедной потомъ въ превеликомъ жару безъ чувства почты лежалъ а я было уже заснулъ, какже вѣдрукъ нѣчто стало стучать. отъ чего я разбудылся и покудова опомнился изъ просоня прошла минута и другалъ, у насъ въ горнице поставленная на землѣ въ шандалѣ свеча еще горѣла, а тутъ опять со двора у ставни стучить стало непрестано и слышу голосъ отъ часового, что говорить вставайте вы погибли, я какъ скоро то услышилъ всталъ и кличу порутчика, однако всеу, онъ въ жару какъ мертвой лежить.

Добыраюсь я до своего ружья чтобъ оборонитца, ежелы кто какое нападение на насъ зделаетъ, какъ часовой крычалъ что погибли, каторой непрестано у ставни и у двери отъ сенѣй стучить и кричить, между тѣмъ зачала служанка въ комнате кричать и плачетъ, я скорѣе ее спросилъ что такое и что она кричить, отворивъ при томъ и дверы отъ комнаты; окошечко невелико у той комнаты было также заперто и что отъ свечи сияние изъ горницы туда въ комнату вошло, то я и не могъ приметить сперва что на дворе делаетца, а повторяю слова къ служанке что она кричить, на что она какъ встала съ постелы и прибираетъ свое платѣ, говорить мнѣ, мы згоримъ посмотрите чрезъ расчелыну вотъ у окошка, какъ на дворе пожаръ великъ.

Я отъ сихъ словъ бросился къ дверамъ отворилъ оныя а у сеношныхъ стѣлъ было сѣдаты ломать, почитая насъ еще спящихъ и подиго мало и на веки тамъ не заснулы, я дышъ толко что горнишнѣе двери отворилъ, алъ ужъ и въ сѣняхъ сталъ огонь показиватца, кровля была изъ тростника, которая весма буйно горѣла.

Двери сеношнѣе я отворилъ, кричу на сѣдаты чтобы скорѣе вынесли порутчика, оны кинулысь туда взяли его съ периною и со всѣмъ и вынесли вонъ, а онъ ничего того не чувствуетъ и покуда оны съ тѣмъ возилысь, то я успѣлъ взять свой мундиръ, а слуга мой подскочилъ подхватывать постель, и другіе стекшіеся сѣдаты хваталы, кто что могъ въ горнице, выносили и тѣмъ спаслысь, но бедного порутчика всѣ трое лошадей съгорѣло съ повоскою, ибо пожаръ изъ конюшни взялся, слуга его былъ пьянъ, положился съ трубкою въ сѣно и тѣмъ запалылъ, каторой полужареной едва изъ огня выскочилъ а вѣтръ великъ какъ поднялся и поломень понесъ на домъ, то отъ того и домъ скоро загорелся и всѣ безъ остатку зделалось пепеломъ.

Вотъ встреча какое предвещанье зделала, о чемъ было тамошнѣе жители стали угадывать, что де нашему новому капитану недолго здѣсь быть, оны чему нибудь иному такъ угадывали, а судьбына моя иное приуготовляла какъ на то всякъ человекъ итытъ повиненъ, и точно слѣпому подобенъ, куда его ведутъ туда онъ и идетъ.

Я роту принялъ и возвратился въ штабъ для донесения о томъ полковнику и между прочимъ приметылъ полковникъ, что я весма смутенъ спрашиваетъ меня здоровъ ли я и что такъ невеселъ, о чемъ какъ узналъ изъ словъ моихъ, что мнѣ въ пехотѣ служить неприятно, то и сталъ мнѣ говорить слушайте вы, я де вамъ советую престать отъ того, вы де чрезъ то потѣрять можете много, естлы станете противытца и вновь просить захотите, а служба де всео ровно въ какомъ бы то полку ны било.

По симъ обстоятельствомъ я ужъ и положылъ на томъ быть и ожидалъ приезда инспектора графа Сербелоны, но какъ тогда уже настигла зима и онъ не могъ далѣ по своей камыси хадить, окрѣме толко что адынъ Градишкански пехотной полкъ смотромъ кончилъ, то потому и продолжился приездъ его къ намъ даже до будущей весны.

Между тѣмъ отпросился я у полковника своего чтобы съездытъ къ отцу, нашолъ я его въ великой печалы тѣмъ болѣе, что при новой формираціи Славонскихъ полковъ, какъ я въпереды говорылъ, что изъ двухъ гусарскихъ зделанъ адынъ, то и вѣрно ему прѣнтытъ

оцать въ другое назначенное военное место и тамъ и другую роту принять где почти пустое место состоитъ, и надобно бы было совѣтъ вѣновь заводитца, отъчего а также и от прежнихъ частыхъ преселеніемъ съ адного места на другое. вовсе почты разорылся, тѣмъ весьма будуни огорченъ, а к тому еще и то что стали ежегодно съ моею новою матерью у него раждатца дѣты коихъ уже было шестеро, то и доложилъ отъ службы отъстать и просить отставки, что потомъ въскоре и зделалъ и прешолъ на жилище въ волной корольвской породѣ называемы Новы Садъ (противъ крепосты Петроварадина чрезъ реку Дунай толко разстояніемъ лежащій), где на время нанялъ домъ помудова шостроитца вѣновь или готовой купыть изищеть.

Потомъ поехалъ я съ женою къ тестю моему полковнику Рашковичу въ городъ Митровицъ, где онъ съ фамыліею жилище свое имѣлъ, обстоятельства со мною бывшіе были уже ему известны, и что на томъ такъ обошлось и дело кончено, то тѣмъ хотя онъ и былъ доволенъ, но не оставилъ онъ мнѣ великіе выговори учинить, и почти ежедено сколько я тамъ у него былъ всио о томъ принужденъ былъ я отъ него слышать, упоминая что и для чего безъ никакой нужды доводилъ я себя до того, представляя при томъ мнѣ въ глаза какъ я уже близъ погибелы былъ и что еще съчастія что могло на томъ обойтца, и что напоследокъ такой мылости какая со мною зделана еще никому не было, и то первая редкость со мною послѣдовала и чтобы я въпредъ безъ его воли никакихъ дѣлъ самъ собою не зачиналъ, на кренко мнѣ о томъ подтвердытъ, а что де ты тѣмъ недоволенъ что въ пехотной полкъ определенъ, то де еще можно будетъ, предедать или говорить онъ возму я тебя сюда въ свой полкъ, и стоитъ де толко ободномъ или о другомъ попросить инспектора какъ онъ приедетъ, что надѣюсь верно онъ и зделаетъ, я ужъ на всио сде согласился и обнадежилъ тестя моего, что конечно въпредъ обо всемъ его спрашиватца буду, на чомъ я думаю и осталосбы навсегда, естлибы другіе обстоятельства еще не родились, мое тогда свиданіе съ тестемъ было почти какбы на веки простыца съ нымъ.

Я всего у тестя моего бавылся дней шесть и потомъ поехалъ въ полкъ, всю ту зиму и до весны провелъ я въ великой скуке, и напоследокъ уже дождался приезда генерала инспектора графа Сербелы, онъ первее зачалъ Бродской пехотной полкъ смотрѣтъ, всѣмъ намъ съ перваго раза показался громомъ страшенъ, и мало почти съ нимъ говорилъ разве съ полковникомъ и то не много а толко о какомъ деле что спросить, онъ власть велику имѣлъ яко поверенная

особа отъ государя, дѣлалъ великіе въ штатѣ премены, всѣ трюм-талы предъ нимъ, а мнѣ то его просить о своемъ дѣлѣ было надобно не зналъ я какъ зачать, напоследокъ решился, взявъ на себя смелость изыскавъ случай за одинъ день прежде нашего смотра подъ вечеръ, такъ онъ вышелъ самъ адынь изъ горнишныхъ дверей на гангъ, а тутъ подъступыль подаю ему на писме мою прозбу, въ коей обьяснилъ все мое дѣло какъ я имѣлъ апшить въ Россію, и что меня подъ арестомъ держали, и какъ на рескриптъ хофъ-крисъ-рата и конфирмацію ея величества королевы я повиновался и остался въ службѣ, и чинъ капитански мнѣ данъ тѣмъ я и доволенъ, но что въ пехотной а не в гусарской полкъ опредѣленъ то тѣмъ остаюсь обижень, ибо служба пехотная мнѣ ны мало не сродна, и я имѣю весь свой офицерской экипажъ по формѣ гусарскаго полка, котораго нинѣ съ великимъ своимъ убыткомъ я потѣрять долженъ, и потому просилъ разсмотрѣнія и превода въ гусарской Славонской полкъ, въ коемъ я и прежде былъ.

Я сию прозбу что подалъ неспросясь тестя своего, почитая оное малостью чтобы его въ томъ трудить, а намеревался ежели не удастся, тогда уже возложитца на него и преитыть въ ево Петроварадинскій пехотны полкъ.

На завтreshни день было у генерала инспектора большое собраніе, и какъ нашего полка всѣ штапъ и оберъ афицеры, такъ еще и другихъ полковъ некоторые поприежали и всѣ стоялы въ залѣ поутру дожидальсь, покуда онъ къ намъ выдетъ.

Генералъ вышелъ въ превелькихъ тупоносихъ съ раструбаны сапогахъ и съ сталными шпорами при шпаге и въ своемъ мундирѣ, какъ онъ былъ адного киросирскаго полка шефъ, то по той формѣ и одевался, однако сапоги слышкомъ были грубые, въ коихъ онъ тупалъ и хадылъ по залѣ въ задъ и въ периодъ съ полчаса не говорены скѣмъ ни слова, напоследокъ между протчимы афицерамы увидѣлъ меня, остановился и подошедь смотря на меня, я думаю онъ глѣдѣлъ я лы тотъ что ему вчерась прозбу подалъ, ибо вчерашни день адѣтъ былъ я въ вицемундирѣ, а сево дня въ парадномъ, а какъ узналъ что я тотъ самой, то приступыль поближе и говорить по немецки (*dein Bitten ist billig*), то есть твоя де прозба есть справедлива, я ему за тѣ слова поклонился, а онъ отъворотясь пашолъ опять по залѣ хадыть.

На меня стали всѣ мои штапы и полковникъ смотрѣть, не зная что сие значить и какую прозбу я генералу подаю.

Мы долго ждали не начнет ли съ кѣмъ еще чего говорить, а какъ то молчаніе почти еще с полчася продолжалось, то приехавши на встрѣчу генералу отъ Петровградскаго пехотнаго полка майоръ баронъ Ланиусъ тамъ въ залѣ будучи (какъ онъ человекъ на все ливии вострой и ученой да только что несколько былъ втреновать), онъ былъ еще с перваго зачала у моего бывшаго шефа генерала барона фонъ Енгельсгофена адютантомъ, и мешался при формациі полковъ много въ кое какне проекты чѣмъ и навелъ на себя много роптанія, то только сво и сертило, а въпретчемъ былъ харошой надобной офицеръ и смелость велику въ себе имѣлъ, онъ тогда подошолъ къ генералу инспектору сталъ долаживать, что онъ приехалъ на встрѣчу для провожденія генерала до полка, и на какое время прикажетъ полку быть для смотра въ готовности.

Генералъ былъ природою Италианецъ и худо по немецки говорилъ а болше по французски и по италиански, видно онъ зналъ или слышалъ о Ланиусе, для чего какъ Ланиусъ къ нему подошолъ, то генералъ остановился и крикнулъ по немецки (still) то есть молчи, а далѣ громко говорить сталъ подынявъ свою руку въ верхъ сколько могъ выше сказалъ (Lanius so gross), а потомъ опустилъ вънизъ руку почти на пальаршина отъ земли сказалъ (ick maßen so klein) слова то сказанна накрыво, однако мы разумели что значить, то есть Ланиусъ де такъ великъ а я зделаю такъ маленькимъ и то выговоря пашолъ опять по залѣ ходить, а потомъ спросилъ нашего полковника по ваши полкъ готовъ, на что отвечалъ что готовъ и на какое время прикажетъ на плацъ выступить, генералъ приказиваетъ (ich will morgen um acht Uhr frie sehen) я де хочу завтра въ восемь часовъ поутру видѣть, и с тѣмъ насъ оставилъ, самъ пашолъ въ другіе пакон.

Ланиусъ только что мы изъ зала вышли, зачалъ меня мой полковникъ спрашивать что я генералу подагъ, и в чомъ моя прозба состоитъ, и какъ я могъ осмелитца чего подавать не сказавъ ему о томъ на периодъ, я пред полковникомъ сколько могъ изскузовался представляя ему мою невьность и что къ моей прозбе ни какой важности нѣтъ, а толко говорю я что то самое о чемъ и вамъ известно, что я въ пехотѣ служить охоти не имѣю, и просилъ перевода въ тотже гусарской полкъ въ коемъ я и прежде былъ.

Полковникъ на то съ сердцемъ отвечалъ: дабръ, я де тебы выведу гусарство изъ головы и выучу де я тебя по пехотному шагать,

и то, сказавъ, пошелъ отъ меня, протѣ, и потомъ въ самомъ дѣлѣ онъ началъ делать кое-какіе дитрихи и за самую маленькую безделицу делать мнѣ шikanстръ, адмакъ, а то онорилъ терпеливо съ утихлостію ладилъ мнѣ нѣмудро, такъ и въ подполковникъ барону Риту, да-терой, могу сказать, меня ласково всегда встрѣчалъ словами, но я не могъ никакъ на то вѣрнѣе, чтобъ въ нихъ долгу быть, а ожидалъ въ терпѣніи своего времени и, давая на мою прозбу, отъ генерала инспектора мнѣ резолюція будетъ.

Полку нашему завтрешніи день былъ смотръ; генералъ всякаго челоука по списку смотрѣлъ, и чрезъ смотръ при своей ротѣ пошелъ, а потомъ была инспекція, и всѣ сволучи съ полкомъ цѣлѣе покомъ.

Генералъ по окончаніи всего того бавыса у насъ еще дня три пресматривалъ всю амуницію, делалъ некоторымъ вещамъ кои были отпущены не по форме, премену, назначивалъ немогшихъ по старосты служить офицеровъ въ отставку и потомъ поехалъ далѣ въ Петроварадинскіи пехотни полкъ, въ коемъ какъ я выше упоминалъ, былъ тестъ мой полковникъ.

Я почиталъ, что на мою прозбу будетъ мнѣ въ преводе резолюція, надѣясь на отзывъ генерала инспектора, какъ онъ мнѣ сказалъ, что прозба моя есть справедлива; однако надежда вышла тщетна, ибо генералъ при своемъ отъездѣ далъ о томъ полковнику ордеръ съ промыслиемъ, что за немѣнѣемъ въ гусарскомъ Славонскомъ полку капитанской ваканціи, должно мнѣ оставца въ томъ Бродскомъ пехотномъ полку въ комплекте, какъ я въ ономъ и причисленъ состояю, о чемъ чтобы мнѣ дать знать.

Полковникъ призвалъ меня, даетъ мнѣ тотъ ордеръ, читаетъ, при чемъ повелѣваетъ, чтобы мнѣ отъ своего такова намеренія отъстать и быть при своей должности съ пакомъ, советуя при томъ бросить всѣ думки, кои болше вреда наносятъ нежели пользы, и что со временемъ я привыкну къ пехотной службѣ, самъ болше въ гусарахъ быть не захочу.

Мой отвѣтъ на то былъ учтивымъ образомъ, какъ обыкновенно и съ ними обходился духомъ смиреннымъ и тѣмъ отводилъ много отъ себя гоненій, и сказалъ, что уже и быть такъ, когда иначе быть не могло; но о томъ, что таковъ ордеръ на мою прозбу послѣдовать, показалось мнѣ сумнительнымъ, и, болше думалъ претчиною моихъ штаповъ, нежелъ, что генералъ самъ такую резолюцію положилъ, какъ и въ самомъ дѣлѣ опосля ихъ хитрость я узналъ, что полковникъ мой,

а особенно подполковникъ баронъ Рымъ, старалась упробить о томъ правытѣ канцелярии генералской, какъ обыкновенно таковы люди могутъ много и криво и добро здѣлать.

А дабы на томъ не осталось, то пожелалъ я ехать скорѣе къ тестю своему и тамъ съ нимъ посоветовать, чтобы онъ о моемъ преводе у генерала инспектора испросилъ или въ гусарской, въ коемъ я прежде былъ, или къ нему въ ево Петроварадинскій пехотный полкъ.

Я не терявъ времени, пошелъ къ полковнику прошу о увольненіи, меня на сколько дней онъ изволитъ, сказываю, что имѣю надобность выехать съ тестомъ какъ давно я его не выдаю, полковникъ подумавъ несколько, а потомъ сказалъ: хорошо изволите поехать, а срокъ вамъ даю на десять дней, на тоже время случился тамъ и мой подполковникъ баронъ Рымъ и видитъ, что меня полковникъ увольняетъ, поспѣвъ осмехнувшись къ полковнику: добро вы де ево увольняете, посмотрите, ежели тамъ не будетъ, что мы въ послѣдны разъ ево теперь видимъ и онъ конечно отъ насъ отойдетъ протѣ, я на то отвѣчая ему поклонясь говорю, не подумайте вы господинъ баронъ, чтобы я былъ столько лехкомысленъ и хателъ бы что либо зачинать не сказавъши моимъ командирамъ, какъ я давольно выжу къ себе вашу мыслость и что желаніе ваше имѣть меня въ полку есть для меня знакъ вашей приязни, и дѣлаетъ мнѣ честь, вы увидите говорытъ я къ вамъ, что я опять скоро возвращусь и къ вамъ буду, съ тѣмъ отклонясь вышолъ, и тотже день поехалъ въ свою дарогу.

И подлинно что я не о другомъ чомъ думалъ предпринимать какъ о томъ только что выше говорытъ, чтобы съ тестомъ о моемъ преводе посоветовать, въ чемъ и не состоимо ни какова секрета, но приуголовленное время мнѣ моею судьбою къ несоезину всего того что еще слично быть назначено уже приближилось.

Мнѣ надобно было ехать целые два дни покуда бы могъ доехать до мѣстечка Мытровки, где жескъ мой жилъ и подковая итастъ квартира была, для него тотъ первый день ехалъ я очемъ скорѣе, чтобы мнѣ можно было заатреннимъ днемъ туда поспѣть.

Тутъ первую ночь провелъ я въ полю на травѣ для корку лошадей и велелъ очень рано заарегши лошадей въ каласку поехать.

Спусти часть мѣста моей езды выжу и издали скачетъ человекъ въѣхавъ по дорожѣ мнѣ навстрѣчу, коего какъ онъ приближился узнать я, что онъ есть человекъ изъ служителей конюшеныхъ теста моего, и остановился что и онъ узнавъ меня также здѣлать, спра-

живаю я его куда едет, онъ ни чего болѣе не говоря, кроме, что изволите сударь скорѣе ехать вотъ де вамъ и нѣкому, я взялъ одно вижу по надписи что рука шурина моего, раскочеталъ скорѣе и сталъ читать, пышетъ уведомляя меня что батюшка нечаянно заболѣлъ и что ненадежно о его выздоровленіи, для чего чтобы я скорѣе поспешалъ и ехалбы просто въ село Купыново, где уже вся фамилия собралась въ томъ числѣ обѣ отца моего и о женѣ моей упоминаетъ что и оны тудажъ приехали.

Я еще слугу спрашивалъ не уместно чего сказать, на что отвѣчалъ что болѣе ничего не знаетъ какъ только что смотрѣ пожу уже конченъ, и генералъ де после смотра поехалъ въ низъ границой по надъ Савою рекою, куда и нашъ господинъ было поехалъ, но въ селѣ Купынове заболѣлъ и остался тамъ, для чего какъ пришло отътуда известіе третова дни, то наша госпожа полковница тотчасъ поехала, а письмо де сие отътуда вчерась во дворъ прислано съ приказаніемъ чтобы скорѣе съ онымъ за вами ехать, почему вотъ и еду и встрѣтился съ вами.

Таковы вѣсты каковы тѣ мнѣ были можешь мой читателю вообразить себе, я весь смутился отъ жалосты велѣлъ слуге поганять лошадей большою рысью, но тово дня мнѣ туда ни какъ поспѣть не можно, однако ехалъ с поспѣшностью даже въ глыбокую ночь, вижу что уже лошады приходятъ до усталы, принужденъ въ полю остановитца и покормить лошадей, а предъ светомъ предъпринялъ опять свою путь, и приехалъ въ то село Купыново после полдня въ часу шестомъ уже под вечеръ.

Меня встрѣтили всѣ съ великою жалостью сказываютъ, что тестъ мой уже при послѣднѣмъ издыханіи, я скорѣе туда вошелъ вижу его лежащаго въ великомъ стонаніи безъ языка и весь пременнелъ лицомъ, что едва я его узналъ, ужъ глаза помутылись.

Я подошелъ къ нему, целую его руку, объявляю что и приехалъ и не можетъ ли мнѣ чего сказать, тѣща моя также и протчие тоже повторяли стараясь, не могутъ ли тѣмъ моимъ приездомъ хоть мало въ чувство его привести (какъ онъ сказывалъ мнѣ, некуда еще говорить могъ несколько разъ обо мнѣ спрашивалъ и приказалъ за мною посдѣть нарочнаго), для чего тутъ непрестано ему всѣ говорили что ужъ я приехалъ и по многомъ о томъ упоминаніи повернулъ не много голову и хотѣлъ было руку поднять, я подхватилъ одну, держу, а онъ только что немного глаза отворилъ и погладилъ, но, говорить не

могъ ничево, и съ тѣмъ чрезъ четверть часа и Богу духъ далъ, оставивъ по себѣ вѣдѣмъ вечную жалость.

О смерти его данно тотъ часъ генералу инспектору знатъ, ка-
торой какъ по границе поехалъ находылся тогда въ городе Землине,
что противъ турецкой крепосты Бельграда лежитъ.

Генералъ приказалъ, чтобы къ погребенію весь полкъ туда со-
брался и церемонію по военному обычаю отъправыть, тело его ана-
томлено, ибо иначе нельзя было обойтѣца покудова весь полкъ собрался,
и потомъ понесли тело съ церемоніею великою въ манастиръ Кру-
шедолъ где положено въ землю, а генералъ инспекторъ о смерти та-
кова славнаго господина отъправыть съ извѣстіемъ ко двору нароч-
наго отъ себя куриера *.

* О притчинѣ смерти сего славнаго господина не могу оставишь, чтобы
не пояснить стѣлко, сколько мнѣ о томъ есть известно, по разговорѣ бывшѣмъ
тогда между людьми, о чемъ и онъ самъ покойникъ тотже часъ какъ заболѣлъ
отъчасты сказыль, какъ ниже видно будетъ. Я ужъ выше сего несколько разъ уоуны-
валъ о томъ что 1731 г. подъ городомъ Пештоу въ Венгріи былъ учрежденъ отъ войска
большой лагерь въ присудствіи обеихъ императорскихъ величествъ, цесаря и су-
пруги его Маріи Терезіи, куда и отъ славонскихъ полковъ войско пришло было и
соединены батальоны въ адно, предъ коимы былъ командиромъ нѣтъ умерши тестъ
мой полковникъ Афанасій Рашковичъ, и по счастливой удаче въ произвожденіи
всѣхъ аволюціевъ были ихъ величествы много даволны, для чего оноу тестю
моему оказано особливое предъ тѣмъ протчимы монаршее благоволеніе: его ихъ
величествы удостоили съ собою за столомъ обѣдать, где всѣ министры и протчіе
господа стоялы на ногахъ, а за столомъ седело толко цесарь съ супругою да
тестъ мой третей, где отъ ихъ величествъ ему изъясняемы были всякие ласки въ
словахъ съ похвалою народскою о ихъ всегдашней службѣ а паче великой во
всякихъ случаяхъ верности, съ обнадеживаніемъ какъ ему такъ и всему народу
высочайшей милости. Таковъ приемъ тестя моего обратилъ у некоторыхъ гос-
подъ въ ненависть, кои потомъ старались какбы сего предводителя искоренить:
дабы тѣмъ получить могли себе ползу, почему и приуготовили ему чашу смерти,
одно для того чтобы открытъ вышнцнень поболше какъ тогда великаго произвож-
денія въ штабские чины при тѣхъ въ Славоніи полкахъ ожидалы, а другое—и то
предметъ былъ—какъ такова предводителя, каковъ толко онъ аднытъ всего и былъ
(предъ народомъ у Сербовъ), не будетъ, то ужъ болѣе изъ протчихъ оставшихъ
не скоро кому на такой степени доведѣца быть, почему та слава и честь чрезъ
службу народа можетъ приписано быть имъ. Для чего таковъ душегубитель,
надевши удобной случай къ исполненію своего намеренія, въ то время когда
генералъ инспекторъ былъ провожаемъ многими генералами по границѣ того ди-
стрикта и будучи въ томъ селѣ Купынове былъ обѣдной столъ вообще, при ко-
емъ къ услуженію гакже разные тѣхъ господъ слуги были и послѣ обѣда под-

Мы всё что свои были после погребенія поехали изъ монастыря Крушедола въ местечко Мытровицу для препровожденія нашей жалосты, откогда писалъ я моему полковнику извѣщая его о приключившейся смерти тестя моего и что не могъ я на назначенной срокъ къ полку явитца, а находитца буду некоторое время у оставшейся вдовы тещи моей и въ томъ прошу позволѣнія.

Я въ Мытровицѣ у тещи пробую еще дней шесть и оставляю супругу свою тамо, дабы матеръ отъ той великой жалосты удерживать хотя словами, ибо она почти какъ безъ ума ходила и лежала, такъ сильная жалость ее обняла, а самъ я съ отцомъ моимъ поехали въ Новы Садъ, гдѣ уже онъ по отставке отъ службы совсѣмъ пребрался и живетъ тамо.

Тотъ день не могли мы еще туда поспѣть, а ночевали у знакомого пріятеля по пути, а назавтре поехали далѣ.

Тѣмыжъ днямы напали на меня разные думки и размышленія а наиболѣе тревожила приключившаяся смерть тестю моему, воображая о той учинѣнной съ нимъ душегубительной поступке, отъ чего вдругъ пришли мнѣ всѣ дѣла тамошныя въ омерзѣныя и стали мнѣ напоминать мысли мои некоторое сожалѣніе о томъ, что я отъ намеренія въ Россію отсталъ и что далѣ, то болшъ зачалъ я о томъ думать, и наполнилась тѣмы днямы полная моя голова таковыхъ мыслей, но что и какъ зачать, не могъ еще резолюціи себе положить, зная что формою просить уже никакъ мнѣ не можно и пропабы верно,

носила была кофѣ, кою чашку адну между прочими неизвестно чѣмъ то слуга былъ поднесъ тестю моему; онъ какъ скоро оную выпилъ, то спустя минутокъ несколько почувствовалъ великую колючку и режь на животѣ, отчего не могли тамъ болѣе въ собраніи былъ пашолъ на квартиру, и тотъ часъ стало его ревать и чрезвычайная боль за сердце его схватила, такъ что онъ преклинивался омерза на место, выговаривалъ только предъ тѣмы кон при немъ случилась, что де въ злой я часъ на путь сію поехалъ, а еще болше, что данную ему чашку кофѣ выпилъ; онъ хотѣлъ было ехать дамой но не могъ, съваляло его съ ногъ и привела та жестокая мука въ изнеможенныя; лекаръ хотя и случился тамъ, но ужъ и онъ ничѣмъ помочь немогъ, для чего и велѣлъ скорѣе за фамилію своею послать, кой какъ на другой день туда собрались наши его уже въ великомъ мученіи и мало что говорить могъ, отъ чего какъ я и выше говорилъ и жидитъ свою кончилъ. То самое, что онъ о несчастливой чашѣ кофѣ упомянулъ, засвидѣтелствовало, когда его анатомы и увидали, что вся внутренняя почернѣла и знаки видны были такіе каковы доказывали, что ему отъ того и смерть приключилась.

на послѣдокъ о ашпите имѣющимся у меня также сталъ я размышлять, какбы по немъ чего предпринять и не находылъ другога средства но чтобы ехать въ Виену и явытца къ находящемуся тамо Россійскому полномочному Министру и просить его о домогателстве моего увольнения, и то моглобы возымѣть успѣхъ думая естли бы мнѣ туда дозволено было ехать, ибо зналъ я то, что безъ особливаго дѣла по службѣ нлы какой отъ полка посылке никому изъ афицерскихъ чиновъ состоящихъ въ полкахъ въ Виену ехать быдо тогда непозволено.

Таковы мысли ожили у меня въ голове и воспламенилось о Россіи желаніе болшѣ еще перваго, для чего и положилъ себя на отвагу, что ехать въ Виену неупуская времени хотя и безъ дозволенія.

Я о такомъ своемъ намереніи никому нислова неговорю и будучи въ дороге тогда съ отцомъ моимъ, какъ я выше говорилъ, спрашиваетъ онъ меня говорить: чтожъ ты всио такъ жестоко задумавшася молчишь, я де примечаю вотъ сево дня да и вчерась ты ничего еще не елъ, ты де можешь отъ такихъ думокъ занемочь, такъ скажи мнѣ говорить отецъ мой о чемъ ты такъ много думаешь, ежелы о томъ что покойнику тестю твоему смерть приключилась и скорбышь погнѣвъ, какъ онъ тебя много любылъ, то что делать ето де уже возвращать нельзя. Я на то отцу моему говорить зачалъ представляя, что какъ время и обстоятельства превертаютца и выходятъ надежда человеческая всио на другое, нежелъ что человекъ чему быть полагаетъ, какъ и таперъ со мною худіе обстоятельства представляютца, была мнѣ говорю я надежда осталась толко на тестя, каторой бы могъ во всякихъ случаяхъ быть мнѣ въ помочь, такъ таперъ и того лишился.

При сихъ разговорахъ открылъ я отцу свое намерение, говорю что воображаетца мнѣ непрестано надежда, что я еще по моему ашпиту могу получить увольнение въ Россію и что решился учинить отвагу ехать самому въ Виену и просить пашпорта.

Отецъ мой подумалъ несколько и на мои слова отъвечалъ говорить дабро де, ето твое намереніе было бы и есть дѣло хорошее естлы удастся достигнуть того, и я де тебѣ въ Россію ехать благосюмляю, да опасаясь чтобы иногда непопастысь въ какое несчастье, и тогда де и я на светѣ живымъ быть не желаю, ты выдишь говорить мнѣ отецъ, что я ужо собираюсь къ старосты, и какая мнѣ полза изъ того, что таперъ стали дѣты у меня раждатца, ето де болшѣ къ ихъ и къ моему несчастью, а мнѣ де подъ старіе мои лѣта естлы оныхъ дожду толко что на тебя вся моя и надежда, да и дѣтямъ симъ еще

малолѣтнимъ, болѣе не на ково обныхъ стараны возложить какъ на тебя.

Ежели счастливо ты въ Россію выедешь, то ужъ конечно надобны старатца тебе самому, чтобы и насъ всѣхъ отсюдова вызволить, и чтобы совсѣмъ намъ тудажъ пребрatца, ибо инаково мнѣ адному здѣсь послѣ тебя остатца неможно, а чтобы я о своемъ увольненіи, говорить онъ, зачалъ искать, въ томъ какде и ты самъ знаешь что нѣтъ способа по сей строжайшей отъ двора здешняго учиненной недавно публикаціи и о Россіи запрещенія *, чего де я и боюсь и не смѣю того зачинать, а буду ожидать что Богъ дастъ, когда ты такъ уже вознамерился, чтобъ въ Виену ехать и по твоему апшиту дѣло оботпуске возобновить хочешь, для чего и небуду говорить отецъ мой ничего ни строить, ни грунтовъ здѣсь покупать.

Притомъ нашемъ разговорѣ просилъ я отца, чтобъ онъ о томъ моемъ намереніи ни мачихи моей и ныкому другому ничего не ска- зывалъ.

* Таково запрещеніе учинено отъ двора потому, что Хорватъ какъ въ Россію выехалъ вознамерился скоро послать въ Венгрію въ свои прежніи жилища отъ себя нарочнога, съ тѣмъ, чтобы вывести оттуда оставшихъ сродниковъ техъ людей, кои съ нимъ уже выехали, съсилаясь на повелѣныя королевы Маріи Терезіи, что при увольнении его Хорвата и снятъ еще другихъ чиновъ упомянуто отъустытъ съ ихъ фамиліями, почему Хорватъ и сочелъ такими фамиліями и тѣхъ кои остались, а состоятъ въ родствѣ адынь другому, можетъ быть даже и до десятаго колена, для чего и послалъ Хорватъ, для такова дѣла майора тогда бывшаго Николая Чорбу, каторой приехавши въ Венгрію, вступивъ въ свои прежніи жилища подъ видомъ другой надобности, а между тѣмъ назначилъ многихъ еще желающихъ къ выходу, упомянувъ ихъ фамилію тѣхъ, кои уже въ Россію вышли; но что таково уволенные инаково получить было не можно окроме что подать прозбу самой королевы, онъ поехалъ въ Виену напisałъ доношеніе, нашоу въ одинъ день рано во дворецъ, на которое время никакова собранья небыло, сталъ въ переднихъ покояхъ ожидая выхода королевы; тоужъ утро цесарь хотѣлъ выехать въ полѣ, и проходомъ своимъ чрезъ какой увидѣлъ стоящаго Чорбу, остановился спросилъ его, кто онъ таковъ и какое дѣло имѣетъ, Чорба отвѣчалъ о себѣ и что имѣетъ доношеніе къ поданію королевы, цесарь то доношеніе сталъ требовать, а Чорба не узнавъ цесаря яко былъ одѣтъ въ платьѣ егерскомъ, почитая его какимъ другимъ придворнымъ человекомъ, вѣдалъ доношенія а сказалъ, что онъ самъ изъ своей руки хочетъ королевы подати, цесарь осердившись выгналъ его изъ двора сповеленіемъ, что ежели въ два раза двадцать четыре часа за границу не выедетъ, то велѣтъ его повесить. Изъ сего самаго учинено такое строгое повелѣніе, что ежели кто въ Россію будетъ прѣсидца, тотъ будетъ казнѣнъ смертию.

Тотже день въ вечеру приехали мы въ Новы садъ и живу у отца уже дня четыре, приготавливаю мысли свои какъ намѣренныя свое зачать и въ дарогу ехать, и въ такихъ размышленіяхъ будучи объять, пашолъ проходытца по городу и зашолъ къ купцамъ въ лавки, люде были всѣ знакомые, седесть у одного и у другога, разговаривалъ и отбывалъ тѣмъ скуку, при чемъ увидѣлъ нечаянно мымондущаго полка нашего аднаго знакомова мнѣ ундеръ-офицера, позвалъ его къ себе, спрашиваю зачѣмъ и съ кѣмъ приехалъ, на что отвѣчаетъ, что присланъ отъ майора за кое какою покушкою, и что уже исправилъ свое дѣло хочетъ въ полкъ завтра ехать, я ево попросилъ чтобъ онъ поутру ко мнѣ зашолъ и возметъ у меня письмо къ полковнику, что и обещался онъ дѣлать, а я выставши пашолъ дамой, тутъ уже я решилъ что скоро выехать и тѣмъ скрыть свои сады, чтобъ неизвѣстно было гдѣ я обретаюсь, взялъ бумагу и перо сталъ писать письмо къ своему полковнику слѣдующее:

Высокородный Господинъ Баронъ

и Высокопочтены Господинъ Полковникъ

мой особливо благонадежни патронъ.

Я вашему высокородію изъ города Мытровицы предъ несколькими днями писалъ, что по приключившейся смерти тестя моего полковника Рашковича не могъ я на назначенной мнѣ срокъ къ полку прибыть, а также и таперь честь имѣю донести, что по моимъ обстоятельствамъ какъ и вамъ самымъ есть извѣстно, что определены въ пехотной полкъ остаюсь обыжениемъ и продолжать службу въ пехотѣ нымало охоты не имѣю, для чего и принужденъ изыскивать способъ изъ оной вытѣть, о чемъ симъ уведомляю васъ и къ полку для продолженія службы болѣе не буду, а развѣ для отъданыя щета, о ротѣ во свое время повиненъ буду явытца въ полкъ, между тѣмъ хотя мое место въ полку уже и ваканціею щитать изволяете, я о томъ прекословить небуду.

Затѣмъ съ моимъ всегдашнимъ къ вамъ высокопочитаніемъ пребываю!

Вашего Высокородія

пакорной слуга.

Слѣдующаго какъ завтрашніи день по утру тотъ ундеръ-офицеръ ко мнѣ явился, то я подаю ему оное сказавъ притомъ, чтобы самому

пожовнику вручилъ, а о себѣ говорю ему, что я исправлюсь здѣсь въ городѣ. нужнымъ мнѣ по формѣ пекотнаго полка эквипажомъ и мундиромъ (какова я ни мало не намеренъ было дѣлать) и что потомъ говорю ему въскоре въ полкъ буду; ундеръ офицеръ взявши тотъ отъ меня конвертъ отъправился тогожъ дня въ полкъ, а я нымало не медля пашолъ улыкою будто прохаживатца за городъ, а тамо былъ одинокъ знакомой мнѣ извозникъ, чаторой всегда въ равныя места и города нанимаетца людей возытъ куда кому потребно, подошолъ я къ двору его, спросилъ случившагося на улицѣ у воротъ мальчика дома лы Діока (такъ звали того извозника), мальчикъ отвѣчаетъ что де вотъ только что со двора пашолъ въ куаницу, и ежели вамъ надобенъ то я побегу и призову его, мнѣ то было и надобно послать мальчика за нимъ, а я тамъ прохаживалъ по муты къ нему на встрѣчу.

Діока идетъ, спрашиваетъ меня о надобности, я ему говорю, что ты мой давны знакомецъ, хочу тебя нанять чтобъ меня съвесты въ городъ Темешваръ и что просить хочешъ, онъ отвѣчаетъ, что въ ту сторону правда и де рука мнѣ ехать и давно уже несколько лѣтъ тамо не бывалъ, по притчине частыхъ преправъ и болотнистой иногда дарогѣ въ ту сторону отъ извоза отсталъ, однакде по вашей знакомости и что много я отъ васъ кое когда пользовался изволите я соглашаюсь съвестъ васъ туда, а цему говорить онъ для васъ не требую болшъ какъ четыре червонца.

Я тотъ часъ вынулъ одинокъ червонецъ, даю ему въ задатокъ и говорю, чтобъ онъ завтра рано ко мнѣ на дворъ приехалъ и завтра и въ дорогу поедемъ, съ темъ условясь съ нимъ пашолъ я дамой, и говорю въ слухъ, что мнѣ надобно скоро въ полкъ ехать а также болшую надобность имѣю побывать у моего благодетеля бывшаго генерала шефа барона фонъ Енгелсъ-Хофена, для чего говорю я и хочу завтра ехать къ нему въ городъ Темешваръ (отецъ мой приметилъ что то значить и говорить: да и надобно тебы у него побывать, ты де и такъ давно у него не бывалъ).

По утру рано извозникъ мой ко мнѣ на дворъ приехалъ я, нымало не медля и обеда не дожидаль, а толко такъ на скору руку не много поелъ и потомъ поехалъ, взявъ толко одного слугу съ собою (а эквипажъ всего одинокъ небольшой чамаданъ да сундучокъ съ мундиромъ).

Мы выехавши за городъ на полъ чистое где разные дароги раздѣляютца, съѣзъ я съ калясочки далой, пошолъ несколько шагомъ въ полъ позвавъ извозника за собою, а слуге велѣлъ стоять у лошадей,

говорю я извознику: слушай другъ мой Дюка, а вить не въ Темешварѣ еду, а хочу въ городъ Пешту ехать, куда тебѣ и дорога способнѣе и ты туда на извозѣ непрестанно едешь, а разстояние вси одно, то тебѣ я о семъ таверъ сказываю и мы должны въ Пешту ехать.

Извозникъ мой было о томъ задумался, и говоритъ мнѣ за чтожъ вы дарогу свою скриваете, и спрашиваетъ не зделалъ я чего худого (онъ разумѣлъ какъ иногда бываетъ, что чрезъ дуель убегаютъ иные и скриваютъ слѣды свои), я догадался словамъ его чего онъ мыслить быть, говорю, что нѣтъ другъ мой за мною дурнова ни чего нѣтъ, какъ и ты самъ меня давно знаешь (извозника сего я знавалъ по тому какъ для мой тамо въ Новомъ садѣ прежде жилъ, по часто онъ нанимался возить кое куда), а если въ темъ мои надобности говори я ему такая, какъ иногда бываетъ злые люди и воры приметютъ како куда отъ правяющагося въ дорогу, то выходить встречаютъ или доганяютъ и грабятъ, какъ и ты говорю я ему самъ о томъ знаешь, то для того я такъ зделалъ и въ городе некоторые думаютъ, что и подлино я въ Темешварѣ поехалъ.

Я тѣмъ словамъ моего извозника уговорилъ и онъ уже соглася вестъ меня въ Пешту, при чемъ однако просилъ прибавки на овесъ хотя полъ червонца, я ему и то обещаю и туюжъ вечеръ на ночете и даю.

Мы ехали почтой всю ночь, потому что днемъ покуда жаръ минулъ стоялы давольно, а предъ светомъ остановились у адного по большой дорогѣ заезднаго двора, покормя тамо лошадей поехали далъ.

Третий день прибыли мы благополучно въ предместье города Пешты, стали въ одномъ заездномъ дворе, где обыкновенно проежающіе становятца, въ томже городе былъ у меня одинъ купецъ весьма великой приятель, прозивался Георгій Раюславлевичъ, къ коему послалъ я тогда сказать, что я приехалъ, а самъ не пашолъ въ городъ, потому что у воротъ стоять нарауль и неравно меня остановить и станутъ спрашивать какъ обыкновенно, кто таковъ и куда еду а также и о пашпорте хотѣбы знать, между тѣмъ мало спустя времени идетъ тотъ мой приятель самъ ко мнѣ, я ему открылся и сказалъ всю правду моего туда приезда, и прошу его, чтобъ онъ мнѣ былъ въ помощь яко тамошній обыватель нашолбы способъ пронестъ въ городъ къ нему на домъ мой маленькой экипажъ, и на завтра также чрезъ

реку Дунай на ту сторону въ городъ Будимъ*; онъ охотно то сделалъ говорить мнѣ, пройдемте мы оба пешкомъ въ городъ, а экипажъ препоручу я хазяину, онъ де человекъ доброй и мнѣ знакомой а потомъ пошлю своихъ людей чтоб перенесли.

На сіи моего пріятеля слова я согласился, призвалъ моего извощика заплативъ ему уреченое и сверхъ того далъ еще два сибенценера (денга въ семнадцать копеекъ) на пропойку говорю ему, вотъ видишь какъ я тебя подарилъ, поезжай съ Богомъ назадъ да пожалуйста не сказывай ни кому, что ты меня сюда въ Пешту возылъ, а говори ежели кто спросить, что въ городъ Темешваръ и что я тамъ остался, извощикъ и обещался такъ сдѣлать.

Мой пріятель призвавъ хазяина отъдаетъ ему на руки мой чамайданъ и сундукъ, просить чтобъ цело было и говорить, что де я тотъ часъ пришло моихъ людей чтобъ оной взять.

Хазяинъ въ приеме моего экипажа согласился, а я заплатя ему за тотъ недолгой у него простой и что мнѣ онъ покушать далъ, надѣвши я на себя плащъ (вотъ уже буду я впредъ о плаще много говорить. какъ оной не токмо для дождя есть способенъ, но и на другіе потребности надобенъ) пашолъ я съ моимъ пріятеlemъ въ городъ и мынувъ стоящей у воротъ караулъ, насъ никто ни о чемъ неопрашивалъ почитая насъ, что тамошніе жители, какъ обыкновенно народъ много възадъ и въпередъ проходить, а слуге моему велѣлъ я итти за нами несколько въ отдалъ, который также въ плаще былъ и тако пришли мы въ домъ моего пріятеля, и прошли уже первое мытарство.

Пріятель мой посылаетъ своихъ людей за моимъ экипажемъ, коего скоро къ намъ и принесли, я тутъ у пріятеля моего преночевалъ, а на завтра какъ онъ имѣлъ надобность отъправлять по своему купечеству на ярмарокъ на ту сторону чрезъ реку Дунай въ городъ Будимъ свой воезъ съ товаромъ, то и велѣлъ людямъ своимъ по ставить тудажъ и мой сундукъ и чамайданъ, а мы оба пашли пешкомъ къ превозу, при чемъ я опять плащъ надѣлъ на себя, пришли мы мимо караула стоящего у другихъ воротъ, вошедъ на превозъ переправились на ту сторону въ городъ Будимъ благополучно, и пошли прямо форштатомъ на заездной дворъ, гдѣ Вѣенскіе извошки ста-

* Сей городъ лежитъ на правомъ берегу Дуная противъ города Пешты, разстояніе только теченіе той реки и оба славные и первые города въ Венгріи.

новятца; мнѣ послужило счастье, что засталъ одного фурманчика, каторой съ своею критою каляскою отъправлялся въ Выену и было еще попутчиковъ, однако и для меня на той же каляске место было, я уговорился съ фурманчикомъ, отдалъ ему по обыкновенію тамошнему мой сундучекъ и чамоиданъ на руки, а онъ то взявши увязалъ на зады каляскѣ, поехали еще тогоже дня въ свою дарогу.

Простясь я съ своимъ приятелѣмъ поблагодаря его за доброе его сердце, отъправылся въ свою путь.

Мы чрезъ несколько дней приехали къ столычному городу Выены, гдѣ первой караулъ состоитъ, что нынѣ называетца, тамъ для осмотра нашихъ экипажей насъ остановили, при чемъ какъ у всѣхъ моихъ попутчиковъ втомъ числѣ и меня о пашпортахъ стали спрашивать, тутъ ужъ я несколько пременылся и струсилъ, однакъ скоро своимъ отъветомъ оправылся и говорю тамошнему караулному афицеру, что я есмь апшитованой афицеръ и показавъ ему свой въ оригинале данной мнѣ отъ моего генерала апшитъ, и что еду въ городъ Выену для встребованія въ главномъ кригсѣ камысариате заслуженнаго мною жалованія.

Сему моему показанью сей доброй афицеръ поверылъ и говорить къ таможенному ундеръ-цолнеру, что я пропущенъ въ городъ; почему тотъ таможены осмотра наши экипажи далъ намъ о пропуске маленькой на карте значекъ, что заповедныхъ товаровъ у насъ нѣтъ.

Отъ сего перваго загороднѣго караула съ даннымъ намъ правожатымъ салдатомъ въехали мы въ городъ до другаго караула, где отъ насъ тотъ пропускной значекъ отобрали и пропустили въ городъ.

Я квартиру себы наполь въ одномъ известномъ мнѣ давно трактире на ульце (называемой Алтъфлейшъ маркъ), гдѣ по большой части иностранные купцы становятца и въ найомныхъ домахъ съ своими товарами живутъ, ту первую ночь я преночевалъ, аднакъ лучше сказать, что всю ночь не спалъ а разсуждалъ, что предпринять и какъ свое дело зачать, на послѣдокъ положылся такъ, чтобъ первее явитца Россійскому полномочному мынистру, разъяснить ему обо всѣмъ моемъ дѣлѣ, но не знаю где онъ живетъ, и что ни какова знакомства тамо при его свите ни скѣмъ неимѣю, о томъ безъпокоилы меня мысли мои много, на послѣдокъ въздумалъ я искать себы проважатаго, кто бы мнѣ въ томъ пособылъ и къ послу на дворъ повелъ.

О чемъ вспомнилъ я ободномъ купце тамо живущемъ, онъ былъ грекъ и банкиръ, каторой промыслъ свои имѣлъ толко аднимы денгами въ преводахъ въ разные государства, називался сей купецъ Дмитрия Хапса, человекъ онъ былъ честной и помагалъ людямъ много; я его на завтрешни день по утру нашолъ еще въ квартирѣ, хотя я ево прежде и знавалъ да не было снѣмъ далнего знакомства, однако онъ принялъ меня ласково; между прочими разговорами какъ мы толко были двое, то чтобы намъ приходомъ кто нибудъ не помешалъ, поспешалъ я поскорѣе съ нимъ о своемъ дѣлѣ поговорить (мало я не позабулъ сказать, что тотъ день какъ я изъ квартиры вышолъ, то и плацъ на себя надѣлъ не смотря, что день теплой и жаркой былъ).

На сей первой случай, что я сему честному человеку открылъ свое дѣло и просилъ его, чтобы мнѣ показать посолской дворъ, цо-собыло мнѣ довольно, и хотя онъ самъ по ево съ купцами обращению и не могъ изъ дому отлучитца и со мною туда итти, яко господа россійские далеко за городомъ на форштатѣ живутъ, а говорить мнѣ что де я тотъ часъ найду другава человекъ, каторой здѣлаеть вамъ удовольствие и сваи туда пайдетъ, и посилаеть слугу своего съ приказаніемъ, чтобы попросить того человекъ къ намъ, а между тѣмъ говорить мнѣ сей мой приятель советуя, чтобы неизвестно никому было о томъ, что я къ россійскимъ господамъ намеренъ въхожъ быть, какде таперъ, продолжалъ онъ разговоръ свой, о непрошеніи въ Россію увольнения учинѣно жестокое запрещенные, то дабы я иногда не могъ быть кѣмъ здесь въ городѣ познанъ и тѣмъ могу подвергнуть себя несчастію.

Мало времени въ нашихъ разговорахъ прошло, вотъ идетъ тотъ человекъ за коимъ мы послали, ему мой приятель по грецки прѣсказалъ обо мнѣ, что имѣю надобность видѣтца съ секретаремъ Россійскимъ и просить его, чтобы меня туда на посолской дворъ отвести, а мнѣ также мой приятель говорить: вы де не сумнѣвайтесь о семъ человеке, онъ васъ хорошо туда отведетъ и онъ есть купецъ изъ Россіи, изъ города Нѣжина, находитца здѣсь за долгами, изискиваетъ должниковъ своихъ и потому часто бываетъ у господъ Россійскихъ и у секретарей посольскихъ.

Я сего моего провожатаго сталъ также о томъ просить, чтобы потрудился и со мною туда бы сходилъ, онъ охотно къ тому согласился и говорить, хотъ сей часъ изволите я васъ туда по веду, и самое де къ тому время вотъ толко что десятой часъ предъпольдень, то

мы всѣхъ господъ еще въ квартерахъ застанемъ и можете съ кѣмъ вамъ есть надобность говорить сколько угодно, анъ де все люди ласковые и приятны, я сталъ его спрашивать о мынистре также кто при нѣмъ есть секретарь, на что отвечалъ, что де таперь другой здесь мынистръ графъ Кейзерлингъ, а тотъ преждни, что былъ графъ Безтужевъ отъправился въ Саксонию, аднакъ тѣ преждни легационскі секретари остальсь здесь.

После сего моего спрашиванья просилъ я моего проважатаго, чтобъ на часъ меня пообождалъ покудова я на квартиру схожу, онъ обещался то сделать, а я скорее пошолъ на квартиру, забралъ съ собою свой абшитъ и тотъ ордеръ, что мнѣ генералъ Шевичъ далъ, и возвращаюсь туда къ своему проважатому, онъ скоро меня увидѣлъ тотъ часъ пашолъ попередъ меня улыкою, а я своимъ плащемъ въ слѣдъ за нимъ.

Повелъ онъ меня просто чрезъ цесарской дворецъ, куда есть пропускъ для пешихъ людей идущихъ на форштаты за городъ и отътуда опять въ городъ.

Мы вышедъ, мимо караула во дворце цесарскомъ стоящаго, уже за городъ, и идучи тою ровною и широкою площадью къ форштатамъ, какъ всѣ тѣ места мнѣ давно знакомы были, говорю я моему проважатому, далече ли намъ будетъ ходыть до двора посолского, онъ отвечаетъ вотъ видите на Іозефъ-штату (такъ назывался тотъ форштатъ где посолъ живетъ) тотъ большой дворъ туда де намъ итыть надобно, было то еще подалеко, а чтобы идучи сократить время въ разговорахъ, то зачалъ я сего моего проважатаго спрашивать о самомъ господине послѣ, можно ли его всегда видѣть и съ нимъ говорить, также и о другихъ господахъ Россійскихъ тутъ находящихся; таково мое спрашиванье было мнѣ знатъ нужно, но во отвѣтъ на оное весьма мало могъ разуметь, понеже сей мой проважатый отвечалъ мнѣ языкомъ Мало-Россійскимъ, коего я уже съ своимъ природнымъ сводыть былъ долженъ, и приходило мнѣ во многомъ не сходно, а во многомъ вовсе не разумелъ, однакъ кое какъ повторяя речъ угадывалъ сколько было досегнутъ можно, между прочимъ давольно мнѣ было и того, что онъ мнѣ расхвалилъ секретаря Чернева, что онъ есть человекъ учтивой, ласковой, приятенъ въ разговорахъ, и вчомъ толко возможно, то де онъ всякому пособляеть и помочь подаеть.

Вошедши мы во дворъ посолской къ большой лѣснице, встрѣчаетъ насъ стоящій тамо по обыкновенію швайцаръ, каторой всѣхъ

приходящихъ у первомъ въходе принимаетъ, онъ былъ немецъ, спрашиваетъ, чего мы хотимъ и да ково надобность имѣемъ.

Праважатой мой говоритъ мнѣ, изволите съ симъ человѣкомъ итѣть онъ васъ поведетъ, а я де иду назадъ имѣю свое дѣло.

Я швайцару говорю по немецки, что надобность имѣю видѣцца съ господиномъ секретаремъ Черневымъ, на то отвѣчаетъ швайцаръ извольте за мною итѣть, пошли мы въ верхъ по леснице въ первой этажъ, говоритъ швайцаръ мнѣ, вы де конечно здесь у насъ въ первое, я на то говорю, что да такъ, онъ потомъ указываетъ мнѣ, что здесь въ евторомъ этаже самъ господинъ пасолъ живетъ, и повелъ меня далѣ на другую лѣсницу на второй этажъ и вошли въ передній пакой господина секретаря Чернева, говоритъ мнѣ швайцаръ, извольте здесь немного пообождать, покудова я господину секретарю объ васъ доложу, онъ стѣмъ пашоль далѣ и мало погодя идетъ ко мнѣ указывая, чтобъ итѣть во внутрь другихъ покоевъ.

По сему показанью прошолъ я еще адынъ пакой, а вдругомъ нашолъ господина секретаря Чернева сидящаго за столомъ нѣчто писалъ, а со всемъ убраннымъ, что толко выходить хатѣль, онъ какъ меня увидѣлъ, всталъ и подошедъ ко мнѣ спрашиваетъ, но какъ сие было спрашивано рускимъ языкомъ, то я ничево не зналъ чего онъ говорилъ, на что въ отвѣтъ по немецки я сказалъ говорю, что было бы то въ мое удовольствіе, если бы его мылость тѣмъ немецкимъ языкомъ хотѣлъ говорить.

Онъ тотъ часъ и зачалъ спрашивать, кто я таковъ и какое мое дѣло, я ему на сие отвѣчалъ объявивъ первое свое имя и чинъ, а потомъ зачалъ пресказивать всю по порядку, что со мною происходило, онъ всѣ мои слова выслушалъ съ примечаниемъ и говоритъ, чтожъ вы таперь хатите, на то я ему отвѣчалъ, что я взявъ на себя отъвагу безъ дозволенія своей каманды приехалъ сюда въ той надежде, что получу отъ васъ въ томъ моемъ намереніи мылость и защиту, и что вашимъ стараніемъ о свободномъ отъездѣ въ Россію, изходатайствуете мнѣ отъ двора здѣшняго пашпортъ. Отвѣтъ господина Чернева на мои слова былъ мнѣ великимъ ударомъ, какъ зачалъ онъ спрашивать, кто меня къ нему стакимъ дѣломъ прислалъ, и говорить еще далѣ, что де мы въ такие трудности вѣхадѣть не будемъ, а вы говоритъ онъ мнѣ, ежели имѣте намереніе ехать въ Россію, то старайтесь о вашемъ увольненіи самы, и когда получите, тогда можете ко мнѣ явыцца; а тѣ кои уволены оны уже и поехали, и таково увольненіе вѣновь зачинать при дворѣ здѣшнемъ и просить,

было бы то говорилъ онъ для васъ великимъ затрудненіемъ и совсемъ невозможность, и советуетъ меня что бы я о томъ болѣе къ нимъ не хадылъ, и то выговоря съ нѣкоторою досадою отвернулся отъ меня прочь. ✓

Я было подошолъ къ нему повторяя мою прозбу, но онъ прекратилъ мои слова, далъ мнѣ короткую резолюцію говорить, вы де я думаю слышали, каково есть отъ двора здешняго учинено строжайшее повелѣніе и опубликовано, чтобы никто о увольнении въ Россію изъ сего государства не просилъ, то потому мы и не можемъ въ ваше дѣло вступать, и стѣмъ говорить онъ изволите итѣть.

Такова встреча отъ господина Чернева тогда мало меня въ обидѣ не ушибла, не зналъ я гдѣ стою и болѣе какъ онъ не хотѣлъ со мною говорить не зналъ, что дѣлать какъ толко что поклонился ему вышолъ вонъ, и пашолъ на свою квартиру.

Я тотъ целый день ни елъ, ни пилъ, а былъ почти внѣ ума воображая, что я дѣлалъ самъ себя въ винѣ, для чего поехалъ въ Виену, а ктому приходится мнѣ на память и то, что не было для меня по моимъ молодымъ лѣтамъ и того довольно, что я имѣю чинъ капитански и свою роту, въ какихъ лѣтахъ изъ моихъ сверстниковъ тогда въ такомъ чинѣ не было ни одного, яжъ еще какъ былъ любимъ вполне ото всѣхъ, и таперъ какъ я исполку такимъ не позволеннымъ образомъ отлучился и что къ своему полковнику при отправленіи своемъ изъ Петроварадына письмо писалъ, та ужъ думаю я въ себе таперъ меня тамо вездѣ ищутъ, и какъ можетъ быть еще проведуютъ и узнаютъ что я здѣсь, то не иначе а напышутъ сюда и по тому меня здѣсь найдутъ, тогда уже я совсѣмъ не точию что чина лышусь, но и процесъ на меня навалитъ и могу со всѣмъ пропасть; въ каковыхъ размышлѣніяхъ будучи проклиная и себя и Шевича, и тотъ часъ когда вздумалъ въ Россію итѣть, тутже еще секретаря Чернева браню, приписывая ему жестокосердіе и нелюбовь къ людямъ, хотябъ говорю я самъ въ себѣ по крайнѣй мере онъ меня поучтивее и ласково словами своими встрѣтилъ, выдя что какое усердіе и ревность Сербы двору Россійскому оказали, оставя свое отечество и разорили свои дома безъ никакой дальнѣйшей нужды, хотя некоторые и распродали при отходѣ свое имущество ни за половину цены, а многіе и ни чего не получа бросили вовсе и такъ пошли, съ такою горячою желинностью поспешали и преодолевая всѣ встрѣчающіеся съ ними трудности, подвергая себя у двора цесарскаго въ немилость и учиня такую отъвагу вздумали выходить въ Россію,

употребя на такую дальную и трудную путь свое послѣднѣ иждивенные и великой убытокъ.

Все сие приписывалъ я тогда неблагодарность господина Чернева, и говорю самъ въ себѣ какъ онъ мнѣ показался тогда грубы и суровъ, что естлы и всѣ протчіе Россійскіе господа таковы суть то я незнаю какъ можно статца, чтобы между ими иностраніе люди жить могли. *

Таково разсужденіе во весь тотъ день и во всю наступившумъ ночь было великимъ сметеніемъ въ моей голове, напоследокъ положилъ на одно, чтобы пайтитъ еще и на завтра къ Черневу и просить его, что бы онъ по крайней мере хотя то для меня сдѣлалъ доложилбы обо мнѣ господину послу, и чтобы представить меня къ нему, у коего бы я самъ могъ просить, а буде и пасолъ не сдѣлаетъ мнѣ никакой помочи, тогда уже другаго средства нѣтъ окромѣ поспешать и какъ скоряе упредить, покуда не будетъ извѣстно что я здѣсь и подать прозбу ихъ величествамъ: цесарю и супругѣ его королевѣ Маріи Терезіи, объявя свою ошибку воззвать въ вынуду на свою молодость и донести, что я непозволительнымъ образомъ отъ полка отлучился, а что преступилъ высочайшее повелѣніе какъ въ рескрипте всемыслывѣйше обо мнѣ подтверждено, и что мнѣ чинъ данъ и рота, и какъ я хотѣлъ возобновить приездомъ моимъ сюда объ отпуске меня въ Россію прозбу, и раскаявшись признатца въ томъ, а также и данной мнѣ отъ генерала моего в оригинале абшитъ коего я тайлъ отъдать назадъ, и просить по тому объясненію всемыслывѣйшаго прощенья.

И тако положи я на томъ свое намереніе назавтре, надѣвъ на себя плащъ пашолъ на посолской дворъ, меня встрѣтилъ у лесницы швайцаръ, говорить доброй вамъ день государъ мой, ви де тотъ что вчерась здѣсь были, и хатыте конечно опять съ господиномъ секретаремъ Черневымъ видѣтца, говорю я ему, да хочу, онъ учтиво показываетъ на лесницу говорить извольте итѣть, таперъ нѣтъ надобно

* Однакъ я тѣмъ своимъ тогда размышленіями ошибся, ибо господи́нъ Черневъ со всемъ инова достоинства человекъ былъ, а также и всѣ прочіе Россійскіе господа тамо бывшіе, какъ я потомъ коротко ихъ узналъ, то пашолъ въ нихъ совершенно качества честныхъ людей; я имъ и всѣмъ мое обычныхъ размышленіе каково было пресказовалъ и преданими изъвынялся и особливо предъ господиномъ Черневымъ, о чемъ далѣе будетъ видно.

сты объ. васъ докладивать, можете и самы туда къ нему войтытъ; я швайцару отвечаю, какъ мнѣ безъ доклада туда войтытъ, можетъ быть что то не было бы господину секретарю угодно, на сеи мои слова отвѣчаетъ швайцаръ, что нѣтъ и не изволите ни мало въ томъ сумѣватца, ето де прелюбезной человѣкъ нашъ господинъ секретарь, онъ никогда ни о чемъ не досадуеть и внѣмъ де спеси нимаю нѣтъ, а тутъ на сіи швайцаровы слова сталъ въ пенъ, зная каковъ мнѣ вчерашній день отъ Чернева приемъ былъ, а опять что сіи швайцаровы слова съ вчерашнимъ ни мало не сходятвуютъ, говорю я швайцару, хорошо другъ мой благодарю тебя за такое мнѣ объявленные, но между тѣмъ пожалуй примы мой плащъ и положи туда въ твою избушку, покуда я ворочусь; онъ охотно снялъ съ меня плащъ и понесъ въ своей покоикъ, а я пошелъ въ верхъ по леснице, и вызошедъ на первой этажъ, иду мимо дверей посолскихъ покоевъ—выжу въ юридоре подъ окошкомъ двухъ лакеевъ одѣтыхъ въ богатой ливреи, чистятъ кафтанъ не знаю чій. Какъ скоро оны меня увидѣлы, тотъ часъ адынъ изъ ныхъ подошелъ ко мнѣ на встречу говорить сталъ по немецки, не изволитель къ господину послу, и поворотясь къ дверямъ хатѣлъ было отворить оныя, но какъ я сказалъ что нѣтъ, а нѣтю мадобность къ господину секретарю Черневу, то говорить далѣй указывая мнѣ въ верхъ на лесницу—изволите туда итытъ, я сказалъ ему что знаю, идучи я по сходцамъ на верхъ разсуждать сталъ о словахъ, что внизу швайцаръ говорилъ, а также и сихъ двухъ лакеевъ приятной ихъ видъ и учтивые слова, думаю самъ въ себе, что ето немцы, оны обыкновенно принимаютъ людей учтиво, а секретаря Чернева посмотрю каково онъ меня таперь вѣстренеть.

Я вошедъ въ передній къ секретарю пакой, нашолъ слугу его сядшаго у окошка, онъ всталъ спрашиваетъ меня также по немецки, что я отъ каво я присланъ, сего слугу я вчерашни день не выдавалъ, а онъ также видно не зналъ что я уже тутъ былъ, говорю я ему положи пажалуй господину секретарю обо мнѣ и скажи, что я тотъ афицеръ, каторой въчера съ къ нему приходылъ, слуга пошелъ, и идетъ скоро обратно ко мнѣ, указиваетъ итытъ вовнутрь далѣ, я отворилъ двери вошелъ къ господину Черневу, онъ подошелъ ко мнѣ спрашиваетъ не имѣюль я сказать чего новаго, отвечаю я ему, что всио старое и то самое о чемъ и вчерашнѣго дня вамъ я докладивилъ, а притомъ прошу выслушать мои слова; онъ говоритъ изрядно изволите, тутъ зачалъ я рѣчь симы словамы, вы государъ мой давольно извѣстны, сколь много мы Сербы зделалы и оказалы наше усердие ко

въпресвѣтлѣйшему престолу Россійскому, учинили отвагу объявляемъ что итытъ хотимъ въ Россію, и тѣмъ подверглы себя здѣшнему Австрійскому двору въ немилость, оставили многие свое отечество сказать такъ безъ никакихъ нуждъ, жили здѣсь мы и предки наши, говорилъ я господину Черневу, сколько вековъ, а таперь разорили самы свои дома, пошли многие въ такую далнюю страну, претерпѣлы толь великіе затрудненіи и понесли не малой убытокъ, поспешали толко изъ усердыя, несмотря ни на какіе препоны и на великой свой убытокъ, обращали мысли свои съ радостію, какъ бы толко поскорѣе достигнуть подъ крыло къ своимъ единовѣрнымъ, изъ числа которыхъ остался я адынъ какъ овца заблудшій, незная таперь какъ дорогу ко стаду найти, а вы государь мой, говорилъ я ему, будите пастырь и направите путь мой и дайте мнѣ помочь и утешены въ желаніи моемъ, ибо мнѣ уже здѣсь остатца и службу продолжать ни какъ нельзя для того, что было бы то уже мнѣ во всегдашнюю укоризну, и болшъ къ несчастію нежели къ ползе; вы же государь мой, говорилъ я господину Черневу, были при отъправленіи моихъ собратьевъ начальнымъ старателѣмъ и подали поводъ къ выходу, какъ мнѣ о томъ сведомо есть и я довольно слышалъ, а инаково бы никто о томъ не мыслилъ, да и дѣло мое, говорилъ я, конечно должно быть вамъ извѣстно, ибо мое имя у господина генерала Шевича по моему абшиту спротчимы отбѣжающими написано, почему и ордеръ отъ него я имею, котораго вчера съ я вамъ показывалъ. Для чего пришло, а и севодня васъ трудить и прошу вашего вспоможенія, какъ я уже въ то дѣло вошелъ, а не знаю куда судьбина моя меня ведетъ, но однако отъ своего намеренія не отстаю.

Хотя бы государь мой, говорилъ я Черневу, въчера съ я сказали мнѣ, чтобъ я самъ объ отпуске и о полученіи отъ здѣшняго двора пашпорта старался, но я къ тому не нахожу никакова средства, и зачатъ дѣло тою дорогою не смѣю, понеже обо мнѣ здѣсь уже отъ ея величества королѣвы подтверждено и я чинъ и роту получилъ, и стой конфирмаціи въчера съ я показывалъ вамъ я конію, кою таперъ здѣсь при себѣ имѣю, для чего прошу васъ говорилъ я ему, будте вы мнѣ ходатаемъ въ моемъ предъпріятіи дѣле, и участвуйте мѣня тѣмъ, чтобы я чрезъ васъ могъ господина посла выдѣтъ и съ нимъ говорить. Естли же вы государь мой и по симъ моимъ отъ усердыя моего представленнымъ вамъ словамъ меня безъполезно отърыните отъ себя, и я потомъ какимъ нибудь образомъ душевно и телесно себя потублю и подвергнусь какому либо несчастію, то пусть вы предъ Богомъ

отвѣтъ дадите, а я буду знать и по несчастныи могущемъ иногда быть, терпѣть, и буду образцомъ всѣмъ тѣмъ, кои бы еще дозنامه- ривались выходить въ Россію, и то будетъ имъ примеромъ къ ихъ воздержанію.

Сколько, я речъ мою продолжалъ и говорилъ, то секретарь госпо- динъ Черневъ не спустилъ глазъ своихъ съ меня, и стоялъ предо мною и слушалъ, напоследокъ какъ я окончилъ, то онъ зачалъ го- ворить, первое просить меня сестъ, что и онъ также здедалъ и возлъ меня сестъ, а потомъ сталъ спрашивать какой я націи, на что говорю ему, что я есмь природы Сербцынъ, и родомъ изъ Славоніи, онъ на то отвѣчаетъ, говоритъ: не погневайтесь вы, что я вамъ сказать хочу, а де тому и вчера удивлялся, а также и сего дня еще болше, что вы такъ по немецки хорошо говорите какъ немецъ природы, а тѣ госнода Сербы, даторыхъ а имѣтъ честь выдѣтъ, и въ Россію пошлы мало кто изъ ныхъ тѣмъ языкомъ говорить умѣлъ, а кои и говорили по мало и несовершенство, а вы конечно говорить господинъ Черневъ учились где, а можетъ еще и воижиrowали.

На сіи запроси я благодаря ему за такую похвалу говорю, что родители мои въ томъ старались и я учился и воижиrowалъ, онъ еще повторилъ другой вопросъ, какъ де есть некоторые отъ ваше сербской націи живущіе въ Славоніи и держатъ изъ давна законъ католицкой рымски, ты не истехлы и вы состоите.

Отвѣтъ мой былъ господину Черневу, что нѣтъ а законъ и вѣра есть моя православная Греческаго исповеданія, тогда зачалъ онъ ко мнѣ говорить учтиво и приятно, что де надобно вамъ взять терпение до завтра, а я между тѣмъ проищу дѣла генерала Шевича и пресмотрю, о всѣхъ тѣхъ кои съ нымъ пошлы и получили отъ здеш- няго двора уволенные, между коими не найдулы и ваше имя, а также не оставлю, говорить господинъ Черневъ, объ васъ доложить госпо- дину послу, и вы завтра въ начале одинадцатаго часа изволите ко мнѣ явытца, а де вамъ что мнѣ въ резолюцію сказано будетъ объ- явлю.

Вотъ тутъ успокоилъ я уже несколько духъ свой и хотѣлъ тол- ко что встать и отклонитца господину Черневу, какъ вдругъ от- ворились двери, и входятъ къ намъ двое господъ хорошо весьма одѣ- тые, стали кланятца господину Черневу, и онъ также имъ тѣмже от- вѣчалъ, я какъ съ стула всталъ такъ и стою, выжу что оны между собою завелы разговоръ своимъ рускимъ языкомъ, чего я ни мало не разую, а разве где какое слово сходное съ моимъ природнымъ серб- 17

снимъ попаду, а особливо какъ оны скоро говорятъ, то для меня очень чуждой и непонятной языкъ показался.

Господинъ Черневъ указываетъ на меня говорить къ нимъ по руски же видно, что объявлялъ имъ о моемъ намереніи, анъ оба поворотятся ко мнѣ говорить стали спрашивая умѣюлы я по руски, а какъ господинъ Черневъ въ место меня отвечалъ и бывъ прѣвотчикомъ сказалъ, чтобъ онѣ со мною говорили по немецки, то и зачалы оны оба меня одно и другое спрашивать, я одного изъ нихъ по наречію тотъ часть приметылъ, что надобно ему природному немцу быть, потому какъ я поосмелылся снимы въ разговорахъ, то сталъ я господину Черневу говорить, что вы государь мой на первой сей случай дѣлаетъ меня съ симы господамы знакомымъ, но не имею чести ихъ знать, онъ указываетъ на одного говорить ето де господинъ Волковъ и мой товарищъ и есть легационсъ секретаръ при посолствѣ, а тотъ другой при посолствѣжъ господинъ баронъ Ашъ (того то я и узналъ по наречію, что есть природни немецъ), а объ другомъ что Волковъ слышалъ я давно.

Сей первой случай, что я съ симы двумя господамы видѣлся, и хотя не много тогда знакомства съ ними зделалось, но потомъ въ слѣдующее время было мнѣ то много въ помощь.

Побулъ я еще немного у сихъ господъ и выжу, что господинъ Черневъ беретъ свою шляпу и хочетъ выходить, то я отклонясь пошолъ прочь идучи вниизъ по лѣстнице, нашолъ швайцара стоящаго у своего места, встѣчаетъ онъ меня приятнымъ выдомъ, и подаеъ мнѣ мой плащъ говорить, вы де позабавились на верху, и видѣлдыъ господина секретара, я ему отвечаю что у него то я такъ долго и проседелъ, на то говорить швайцаръ не таклы, какъ я вамъ сказывалъ, что онъ есть человекъ приятной, я ему отвѣчаю, что подлинно такъ и что я еще и завтра сюда буду, съ тѣмъ надѣвши я на себя плащъ панолъ своею прежднѣю дорогою въ городъ, что чрезъ дворецъ и мимо караула и часовыхъ.

Скоро я пришолъ на квартиру было то уже во исходе перваго часа велѣлъ подать себѣ отъ хозяина покушать, тотъ часъ то зделано было и поставлено на столъ, я покушалъ и вѣсталъ, хажу по горнице разсуждаю и собираю себе въ голову, ежелы господинъ Черневъ представитъ завтра меня къ послу, то что мнѣ ему говорить, и въ тѣхъ расмысленныхъ будучи вдругъ вошолъ ко мнѣ человекъ знакомой, а то былъ нашъ сербски при мытрополите общенародски секретаръ,

Павелъ Ненадовичъ * (сей чинъ почитаетца тамо великъ), онъ на то время тамо былъ въ Виенѣ для исходатайствованія по представлѣніямъ митрополитскимъ резолюціевъ.

Я изъумился какъ его увидѣлъ не зная, ктобъ ему о моемъ въ сей городъ приездѣ сказалъ, хотя онъ и блиско есть мнѣ знакомъ, но зная я что онъ къ Россійской сторонѣ противенъ и тѣхъ кой въ Россію пошлы осуждаетъ и ненавидитъ; онъ вошедъ ко мнѣ въ горницу отозвался своимъ комплиментомъ ласково, спрашиваетъ о здаровьи и давноль приехалъ; мнѣ ужъ надобно было свои предпріятыя мысли о послѣ россійскомъ пременѣнъ, что зачалъ было компоновать, что предникъ завтра говорить, а занялся я думать о семъ пришедшемъ ко мнѣ гостѣ, каторой естлы узнаеть о моемъ предпріятомъ дѣлѣ, моглобы для меня и опасно быть.

Чтожъ дѣлать надобно мнѣ было также ласкавыми словами комплиментовъ, я его пресилъ сестъ, и отвечаю ему на его о моемъ приездѣ запросъ, что вчерась приехалъ, онъ на то показалъ мыну несколько съ усмешкою, и завелъ другую матерію говорить, а я позадумался покуда онъ разговоръ продолжалъ и ожидаю что еще будетъ; а о своемъ же дѣлѣ я ему конечно не смелъ объявить и опасался, дабы иногда онъ кому нибудъ въ нызъ въ Славонию о томъ, что я въ Виенѣ не писалъ и какъ отъкроица, то бы отъѣлъ было сюда къ главному месту писано, и потому моглобы я себя въ великую опасность и въ несчастіе подвергнуть, для чего и надобно было мнѣ свое дело на некоторое время въ секретѣ хранить.

Хотя онъ о томъ что я отъ полка безъ дозволенія отлучился и не зналъ, но однако обо всемъ томъ, что прежде со мною происходило, довольно былъ сведомъ.

Между прочимъ спрашиваетъ онъ какая нужда привела меня въ Виену приехать, я ему отвѣчаю и пресказываю другіе кое какие резоны, на что говоритъ онъ, я де буду почитать себя за удовольствіе, естлы по вашему дѣлу возмогу вамъ оказать свою услугу, и конечно де постараюсь у владѣнныхъ господъ въ пользу вашу быть въ помощь, а ему поблагодаря за такой ко мнѣ отъзывъ и доверю, что конечно и я самъ о томъ васъ трудить и просить хачу, и етимъ дѣлами какъ съ своими дѣлами пособерусь, то и открою вамъ всю мою надоб-

* Такииъ же именемъ (Павелъ Ненадовичъ) и самъ нашъ тогда бывшій митрополитъ назывался и былъ сему секретарю родной дядя.

ность и съ тѣмъ окончили мы нашъ разговоръ, онъ побужъ еще тутъ у меня и потомъ всталъ и пошолъ протчъ.

На завтрешни день по утру рано послалъ я призвать парикмахера, заставилъ его убрать мнѣ волосы, одѣлся потомъ въ новой парадной отъ бывшаго Славонскаго государскаго полка мундиръ (а прежде я къ секретарю хадылъ въ старомъ мундире), надѣлъ однако на себя плащъ дорогою чрезъ дворецъ и пришелъ на посолской дворъ, оставилъ плащъ у швайцара, а самъ пошолъ въ верхъ къ секретарю; онъ какъ скоро меня увидѣлъ и въдругомъ уже убранстве, то понравился я ему очень, и принимаетъ меня гаразда ласковее противъ прежняго просилъ меня сестъ, а самъ одѣватца сталъ, между тѣмъ говорить мнѣ, что де я объ васъ докладивалъ господину послу, и пресказивалъ ему всѣ ваше дѣло, и господинъ пасолъ приказалъ мнѣ чтобъ васъ къ нему представить, я поклонясь господину Черневу за оказанную мнѣ мылость и предстательство, и какъ онъ одѣлся то говорить таперь де извольте поидемъ къ господину послу.

Пошли мы оба вьнызъ по леснице и вошедъ въ залъ говорить мнѣ господинъ Черневъ, остантесъ вы здесъ а я первее доложу объ васъ, малю потомъ погода идетъ лакей спрашиваетъ меня о имени, и какъ я ему оное объявиль, то говорить онъ, извольте иттыть васъ де господинъ пасолъ спрашиваетъ.

Я нашолъ, а лакей попередъ меня отворяетъ двери и вошедъ далъ въ спальню увидѣлъ я господина посла сидить въ кресле, а мой патронъ господинъ Черневъ стоитъ возлѣ его и нѣчто говорить, я полконился господину послу, и принявши отъ него ласковою встречу говорить мнѣ, я де объ вашемъ дѣле уже сведомъ, какъ господинъ Черневъ о вашемъ страданіи пресказивалъ, и будте благонадежны что я всѣми мѣрами въ пользу вашу старатца буду, и чрезъ два или три дня будетъ вамъ резолюція, при томъ сталъ господинъ пасолъ спрашивать обо всемъ, какъ о ново-учрежденныхъ регулярныхъ пограничныхъ полкахъ, такъ и о народѣ нашемъ, на какой ногѣ таперь по раскасованіи старыхъ ландмилициевъ народъ остался и какие обстоятельства при формированіи новаго войска происходили, на что я сколько мнѣ было сведомо пресказовалъ.

Господинъ пасолъ при отходѣ моемъ повторялъ свое обещаные обнадѣживая меня, что конечно не оставитъ въ моемъ предпріятіи помогать, и сказалъ, что де я буду съ канцлеромъ графомъ Каоницемъ говорить, и тутъ отъ меня взялъ и мой въ оригинале абшитъ къ себе.

Я вышедъ отъ господина посла и взявши свой отъ швейцара плащъ пошелъ опять тою же дорогою чрезъ дворецъ, и пришедъ на квартиру не выходя уже никуда, а на завтрашній день очень рано какъ я еще въ постелѣ лежалъ, вижу, что мимо окошка моего гангомъ пропихнулъ человекъ въ беломъ мундирѣ, показавъ мнѣ солдатъ какъ обыкновенно тамъ вся пехота въ белыхъ кафтанѣхъ ходитъ, думаю въ себя, что онъ такъ за чѣмъ нибудь въ трантиръ зашелъ, однако мало погоды стало стучать тихонко въ мои двери (по тамошнему обычаю ежели незнакомой войти хочетъ), я зная что то значить отъвѣчаю что изволь войди, онъ видно не дослушался моего отъзыву, попортилъ свой стукъ въ другой разъ, на что я погромче сказалъ, что изволь войди по чѣму и двери отворились, а какъ я увидѣлъ по значку, что онъ есть ундеръ офицеръ отъ дворцоваго караула, то и смотрю на него что будетъ и затрепеталъ весь, такъ жестоко меня тронуло зная что не напрасно онъ ко мнѣ пришелъ и думаю въ себе что вотъ доскалы уже меня.

Онъ немного комплиментовъ строилъ, а сталъ тотъ часъ говорить по немецки: «Mein Herr, ich bin geschickt von dem Herrn Capitain von der Burgwacht Sie aufzusuchen und zufragen, wer sind Sie, woher Sie gekommen und ob Sie in Dienst stehen, und unter was für Regiment, ihre Charge und Namen und was Sie hier zu thun haben», то есть государь мой, я посланъ отъ господина капитана отъ дворцовой стражи, васъ чтобыискать и спросить кто вы таковъ, откуда приехали, и вслужбѣ-ы вы, и въ которомъ полку, а дайте имя и чинъ, и какое ваше званіе здесь было.

Все снѣ запросилъ какъ онъ выговорилъ, то вынулъ изъ кармана свою записную книжку и держитъ въ готовности карандашъ записать то, что во отвѣтъ я буду говорить, вотъ я ужъ тутъ ежели когда въ жизни отчего спугался такъ было то въ тотъ часъ.

Я вдругъ зделался боленъ сталъ протирать глаза и голову, а на тотъ часъ слугу я было послалъ въ состоящей на улице кафейной домъ, чтобы мнѣ принесть кофе, и потому оставался въ горнице я одинъ, а какъ сей гость пришелъ то стало насъ два.

Скоро онъ свои слова кончилъ и дожидаетца что я отвѣчать буду, то я ужъ было со страху почты свою резолюцію въ голове потерялъ, и не зная что сказать, однако оправился тѣмъ, что поболше сталъ стонуть, указывая ему рукою на столѣй на окошке съ уксусомъ карандашныи (своей тамъ остался отъ ужина какъ хоранитъ мнѣ садать къ жаркому, приносилъ), говорю ему пожалуй давай любовь подай мнѣ

тотъ карафинчикъ съ окошка въ немъ есть укусъ, хачу голову примочить, я вотъ видишь боленъ лежу въ постелѣ а слуги при мнѣ нѣтъ, послали его за лекарствомъ.

Сей учтивой человекъ тотъ часъ подалъ мнѣ карафинчикъ, а я между тѣмъ собираю скоро на чаметъ что ему во отвѣтъ сказать, амы тотъ укусъ на платокъ и привязываю голову, тру руки, нюхаю укусъ въ носъ і стому, отдаю ему карафинчикъ назадъ, онъ взявши поставилъ опять на одно, а я чтобы его далъ не держать и не подать ему какой приметы говорю, поклонись твоему господину капитану, скажи что я Славонскаго гусарскаго полка рытмейстеръ Шиммоничъ (а также и в полку тогда былъ капитанъ той фамилии), я приехалъ говорю ему сюда предъ несколькими днями посланъ отъ полку за дѣломъ, и обо мнѣ ея величество королева и другіе господа знаютъ, сіи мои слова ундеръ-афицеръ тотъ часъ записалъ отклонясь говорить прощайте желаю вамъ скорейшаго отъ болѣзны обьлегченія, и стѣмъ вышелъ, опять мимо моего окошка гангомъ прошолъ.

Я видѣлъ что приходъ сего ундеръ афицера ко мнѣ предвѣщаетъ что нибудь худое, бросилъ платокъ помоченой укусомъ съ головы, всталъ спостелы скорѣе сталъ одѣватца и советѣмъ ночи былъ готовъ, покудава слуга мой пришолъ и за нимъ человекъ изъ кафейнаго двара носить на подносе кофе, молоко, и чашку надкрытое салфеткою, и ту кофу не знаю какъ пылъ скоро и заплативъ за оную отыправивъ человека с кафейнникомъ назадъ, а человекъ сей говоритъ мнѣ, что вы государь мой такъ поспешно извольте кофе пылъ, конечно до у васъ есть некакая екстра и куда дѣтуть хатите, я ему говорю да ты угадай другъ мой, я спешу чтобъ мнѣ застать еще въ домѣ того господина до коего надобность имѣю; съ тѣмъ онъ собравши свою посуду пашолъ прочъ, слуга мой тоже сметривъ что я такъ тороплюсь и что я ему приказываю скорѣе складать платъ въ сундукъ, и постелъ въ чамайданъ, говорю ему поскорѣе въкладай, мы сей часъ выезжать будемъ, а не сказываю ему ничего о томъ, что у меня ундеръ-афицеръ былъ и онъ также его не выдалъ, слуга сталъ въкладатца тутже и я ему помагалъ и зделалы выдрукъ всио готово, говорю я слуге пайди призовы хазяина чтобы ему за квартиру заплатить, онъ пашолъ и скоро возвратился, и хазяинъ идетъ.

Я говорю хазяину прашай другъ мой я отъезжаю, получилъ говорю я нысмо, что мнѣ немедленно надобно приехать въ городъ Прешбургъ тамъ найдено моего должника, а я чрезъ несколько дней опять сюда

къ тебѣ буду, а таперъ оставайся, адаровъ меня уже попутчики и фурманчикъ дожидаются, и что я вамъ видювать хочу заплатить.

Хазяинъ сожалѣть о моемъ такъ скоромъ отъездѣ, обывилъ свое и квартиру и за столъ требованья, я вынулъ и отчиталъ денги ему отдавъ, а слугѣ приказалъ привести трогора, тамъ такие люди есть то темъ ишемъ называютца, кои изъ дома на другой дворъ и куда удобно переносить, а таковыхъ людей вездѣ по трактирахъ и на ульмъ довольно есть.

Слуга мой пошелъ и ведетъ двухъ таковыхъ людей, я имъ указую, что везишь говорю одинъ изъ васъ этотъ сундукъ, а другой ча-манданъ и нести за мною.

Я вышедъ со двора иду просто ко двору того знакомова мнѣ куща, что банкеръ о коемъ я прежде говорилъ, засталъ его еще въ мие, онъ какъ увидѣлъ что я съ экипажемъ къ нему пришелъ и приметилъ изъ лица моего что я премеялся, говорить мнѣ чтобы это значило вы такъ рано встали, да и экипажъ свой съ собою носите.

Я ему отвѣчаю и прошу чтобы позволилъ мнѣ малое время экипажъ тутъ у него положить, и послѣ вамъ скажу что то значить.

Онъ охотно позволилъ и указываетъ людямъ, чтобы тутже въ то пакое положить, я тѣмъ людямъ что носили заплатить отпустилъ, а моего прителя взявъ за руку попросилъ въ другую горницу; тутъ я ему открылъ что со мною случилось, онъ выслушавши мои слова самъ задумался, и говорить, что это конечно ничто иное какъ кто нибудь объ васъ донесъ, или не приметилъ съ стороны васъ, что вы часто на дворъ къ Россійскому послу ходите, какъ о томъ таперъ по той строгой публикаціи запрещено, чтобы никто не отважился въ Россію уволенныхъ просить, и дѣлаютца о та-ковыхъ примечаніи.

Говорю я моему прителю, что не знаю кто бы обо мнѣ могъ что донесеть, ибо о моемъ намереніи никто въ городѣ не знаетъ. окромѣ васъ, а я крепко надѣюсь, что отъ васъ то не вышло, а разве то можетъ быть какъ обще-народски нащъ секретаръ Ненадовичъ находитца здесь и онъ меня видѣлъ и знаетъ мои обстоятельства, которые прежде о Россіи при полку со мною происходили, то не сказали онъ кому нибудъ что я здесь, ибо иначе какбы тотъ ундеръ афицеръ мою квартиру могъ знать, или не приметилъ и подлино меня, какъ я всегда въ плаще и безъ дожда проходилъ чрезъ дворецъ тою дорогою

на простѣхъ за городъ, кою пешей народъ обыкновенно приводитъ мимо караула и часовыхъ тамъ стоящихъ.

Мой приятель говоритъ мнѣ, что такъ точно, десуть, какъ рекъ таръ объ васъ, кому, оказалъ, ины примечалъ, васъ караулила, чтожь таперь хатите вы делать, я, говорю, ему, что за то и прѣдълся я къ вамъ, что есгды иногда опять кошарить меня искать и найдуть на квартири, то чтобы не могли сѣбѣ мой наитыть, покуда дѣло мое кончено будетъ, и я поспешу скорые за городъ къ господамъ послу съ объявлениемъ что со мною случилось; говоритъ мой приятель ето де весьма хорошо пойдите скорые, однакъ говорю я ему дажь мнѣ таперь на квартиру перейтить, чтобы хотя на несколько де безопасну быть, разве вы мнѣ въ томъ помочь подадите; на то ворить онъ, добро есть де здѣсь некоторые мнѣ знакомые, иностран купцы, кой со мною по вѣселятъ и въ переводахъ денегъ дело имъ ютъ, я тотъ часъ призову одного старика онъ де тамъ въ углу, Поштейне живетъ самъ одинъ и нанимаетъ два покоя, я его пошшу, онъ васъ вернѣ примытъ, а ему и не надобно о вашемъ дѣ сказывать, и тако посламы за нымъ, онъ пришоль и на прозбу мой приятеля, согласясь и меня принявъ охотно, говоритъ что де и итакъ одному скучно, а какъ съ товарищемъ то будетъ веселѣе проводитьъ; я тотъ часъ велѣлъ слуге наитыть трогоровъ и принесть туда экипажъ, куда всѣхъ за нимъ и я самъ пашоль, и узнавъ съ новую квартиру въ коей оставилъ слугу, пашоль подъ прикрытіе моего плаща поспешно и широкими шагами за городъ на посады дворъ, аднакъ не чрезъ дворецъ, а взявъ дорогу главною улицей, и ею премножество народа непрерывно възадъ и въпередъ ходитъ и просто пашоль къ воротамъ что называютьца Карньторъ, мнѣ се кругу и накладу въ ходбе было съ польчасы дышнѣго, нежесть какъ чрезъ дворецъ шолъ, да чтожь дѣлать хотъ кружнѣе да здоровѣе, только то было досадно, что какъ день былъ очень жаркой, а я скохадылъ и въ плаще, то вспотѣлъ было слышкомъ и вишедъ за ворота на ту веселую и широкую площадь, тутъ ужъ я сталъ потише дыть, обтеръ платкомъ потъ съ лица и пришедъ во дворъ посады отъдаю плащъ швайцару; онъ принимая смеетца говорить, чтожь вы государъ мой всею въ плаще хадытъ изволите, а день какой жарошей да и мундиръ на васъ не такъ ветхой, хтобы плащемъ закуватца; говорю я ему, да ты правду говоришь да надобность есть такая, чтобы въ плаще на несколько еще дней быть, тутъ онъ поту голову сказаль, простите меня въ моей опибке, что я не свое дѣ спрашиваю, взявши съ меня плащъ понесъ въ свой покойкъ, а

паша въ верхъ, къ господину секретарю Черневу, онъ увидѣвши меня удивился, говорить что вы изволены сево дня пожаловать, вамъ де господинъ пасолъ сказалъ, чтобы вы послѣ завтра приходили, я ему отвѣчаю: государь мой меня нужда и страхъ понудили сево дня быть у васъ, на что говоритъ онъ, чтожъ оно такое, тутъ зачалъ я ему пресказывать, какъ ко мнѣ ундеръ афицеръ приходилъ и что спрашивалъ и какъ я спужался и сдѣлался болнымъ и укусомъ голову мочилъ, и что скорѣе пресерлся на другую квартиру, и прошу его чтобы о томъ доложить господину послу и дать мнѣ наставленные что дѣлать.

Господинъ Черневъ выслушавъ мои слова сталъ смеяться говорить: важнѣе вы такъ робки и боитесь, такова малова дѣла, вамъ де надобно съ крепкимъ духомъ быть, имѣя добрую надежду, вы знаете какъ вамъ вчера господинъ пасолъ далъ свое слово и обнадежилъ васъ, знайтежъ вы и то, что естли мы каво примемся, то ужъ не оставимъ въ тунѣ а доведемъ конечно дѣло до совершенства, такто и объ васъ будетъ, вчера съ вами сказано, а сево дня уже объ васъ и записка послана къ канцлеру графу Каоницу, а такжъ сево дня въ вечеру какъ господинъ пасолъ во дворце будетъ, то обещался еще и словесно объ васъ съ канцлеромъ говорить и требовать по той записке скорейшей резолюціи.

Мы уже, говоритъ господинъ Черневъ, не требуемъ вамъ отъпуска въ новъ, а только изьясняемъ, что нашъ афицеръ, имѣя свой чистой абшитъ и уволенны изъ службы адепнтъ, былъ невинно удержанъ подъ арестомъ, и требуемъ толко о свободномъ проездѣ пашпорта, и таково докладывать господину послу о томъ, что вамъ случилось и въ надобности, возьмите—продолжалъ господинъ Черневъ терпение до послѣ завтра, тогда приходите и вамъ резолюція будетъ.

Я услышавши сіи слова обрадовался благодаря господина Чернева, называю его своимъ благодетелѣмъ, какъ онъ и подлинно того стоитъ, говорю притомъ, что это всею хорошо, но естли сохрани Богъ какъ нибудь да меня найдутъ и везмутъ, то тогда что дѣлать и какова спасены я могу надѣяться, на что говоритъ господинъ Черневъ. вы хотѣбы васъ и взяли не опасайтесь ни чего, будьте мужественны да и таить себя и скрывать ни для чего, вы знаите, что вашъ абшитъ естъ уже у нашихъ рукахъ, то по оному и нашли бы мы васъ, оно такъ значить, что вы подъ протекціею нашею состоите и для того не опасайтесь ничего, будьте съ покойнымъ духомъ и положите на томъ что и вамъ оказавъ, ваше де дѣло нашло хорошою да-

рогою и ваше имя, въ поданной намъ при отъездѣ генерала Шевича таблицы, написанное я нашолъ при чемъ отмечено, что афицѣтъ имѣть а удержанъ подъ арестомъ, слѣдовательно намъ своего афицѣра и выручить должно, а господинъ посолъ, знаетъ, въ какую сумму свои требованья употребить будетъ, между темъ, говорить господинъ Черневъ, дайте мнѣ записку о вашей квартирѣ для всякихъ случаевъ чтобъ я зналъ.

Я взявши перо изъ чернильницы, тутъ у его на столику что стояло и на бумагѣ пишу по сербски: имя купца пріятели моего, того банкира Димитрія Хапси, и ту улицу въ городѣ, и домъ гдѣ онъ живетъ, подаю господину Черневу, онъ увидѣлъ письмо мое и слова сходные съ рускими, говорить что де его вы такъ писали, какъ что и мы пишемъ, и потому де васъ и не трудно будетъ скоро къ нашему языку навикнуть; между тѣмъ пришолъ тутъ адъютантъ афицѣра, коего прежде я не выдавалъ и очелъ я его за немца потому что на нѣмъ былъ белой пехотной кафтанъ, онъ вошедши поклонился и началъ нѣчто говорить съ господиномъ Черневымъ рускимъ языкомъ не знаю о чемъ, а по окончаніи своихъ словъ отошолъ къ окну и сталъ.

Господинъ Черневъ, какъ держалъ въ руке ту мою записку поворотясь къ тому афицѣру, сталъ ему по немецки говорить спрашиваетъ изъ той моей записки, не знаетъ ли онъ въ города ту улицу, и того купца Димитрія Хапсу, на что сей афицѣръ отвѣчалъ, что довольно знаетъ и что тотъ купецъ есть банкиръ и честной человекъ, и великой къ русскимъ людямъ пріятель, говорить ему господинъ Черневъ указывая на меня, видишь сего господина естли онъ по чемъ нибудъ послѣ завтра сюда не будетъ, то чтобъ вы знали его такъ въ томъ домѣ и у того купца спрашивать.

Тотъ афицѣръ говорить хорошо, я де и завтра могу туда наведатца, я тутъ съ тѣмъ афицѣромъ познакомился и узналъ, что онъ есть точно немецъ закона лютеранскаго и въ службѣ въ Россіи, а родомъ изъ верхней Венгріи, изъ города Кашау, прозываетца Пекинъ, онъ тогда былъ порутчикомъ, имѣлъ отпускъ и находился въ Вѣнѣ по своему дѣлу, отыскивая доводящагося ему наслѣдства.

Я послѣ того отклонясь пошолъ въ нызъ по лѣвниці прошу отъ швайцара своего плаща, коего тотъ часъ онъ вынесъ и надѣваетъ на меня говорить, желалбы де я скоро видѣть чтобы сей плащъ открылъ ваше желаемое удовольствіе, я поблагодаря его за учтивое

слова напоятъ опять тоуже во округъ дорогою въ городъ, а небольшъ на престоѣ и чрезъ дворецъ.

Не хотѣлъ я оставить чтобы мымоходомъ не зайтить въ своему приятелю, тому купцу Димитрию Хапси, я его напоятъ за столомъ обѣдаетъ, было то уже въ начале втораго часа въ полдня, просить меня мой приятель за столъ сестъ и покушать, чего я не отказался и охотно къ тому приступилъ, такъ я тотъ день моею ходьбою истощалъ голодаемъ, нто есть хотѣлъ чрезвычайно.

Послѣ обѣда я моему приятелю всю то что мнѣ господинъ Черкесъ говорилъ, открывалъ, а притомъ и то объявлялъ, что я записалъ его имя и квартиру, и о томъ офицере Пекине также сказалъ, катерой отсылбъ завтра припоятъ меня искать чтобы зналъ.

Мой приятель воѣмъ тѣмъ что я ему пресказалъ былъ доволенъ и радъ, что мое дѣло взяло свой успѣхъ, послѣжь сего разговора сказываетъ мнѣ мой приятель, что онъ какъ былъ тотъ день въ лавкахъ видѣлъ адного господина и говоритъ, что сербынъ и человекъ хорошъ виденъ собою и толко вчераъ что приехалъ, называетца Марко Продановичъ.

Я услыша о Продановиче крайнѣ радъ былъ, ибо сей майоръ тотъ самой есть что въ Славонскомъ гусарскомъ полку состоитъ, въ моемъ и я допущенъ моего абшита служилъ, говорю я моему приятелю: не можнотъ знатъ где онъ на квартирѣ естѣ, на что отвѣчалъ что де ето тотъ часъ узнатъ можно, и посылаетъ слугу своего въ ту лавку где майоръ матерію покупалъ, кою за майоромъ на квартиру понесли, какъ то приятель мой видѣлъ и потому узнатъ можно, слуга туда напоятъ и скоро возвратылся сказываетъ, что квартѣра господина майора Продановича за городомъ на форштатѣ называемомъ Ландштрасъ въ трактире у Бигель Бирта.

Сей форштатъ и тотъ трактиръ мнѣ довольно известны, и хотъ оно совсѣмъ въ другую сторону города и въ другіе ворота выходить надобно, нежелъ куда я проходъ свой за городъ имѣю, но не могъ я никакъ оставить чтобы сего господина не видѣтъ, имѣя къ нему мое добромжелательство и почтенные, а притомъ ако онъ есть человекъ изъ старинныхъ дворянскихъ фамылиевъ и самъ заслуженой, и добраго нраву, то потому я особливо любовь къ нему имѣлъ, а сверхъ всего что онъ меня всегда отменно любилъ.

Говорю я моему приятелю, что пойду я въ вечеру къ своему знакомому мнѣ господину, имѣю великое желанье его видѣтъ и пресказываю о томъ въ какомъ дружелюбии я съ нимъ состою.

оро и маіорше весьма досадно, какъ увидѣлы чрезъ окошко что онъ уже у ворота вошелъ, хотѣлы было чтобы я уклонился, однако я того здѣлать не хотѣлъ, говорю пуцай идетъ, нѣтъ ничего, а я отъ него притатца не буду, между тѣмъ и онъ съ дверей къ намъ вошелъ, кланяетца всѣмъ и говоритъ къ маіорше, я хотъ и незванъ, но яко вашъ пріятель пришолъ нарочно сего дня у васъ ѣбедать, маіорша отвѣчаетъ ему, что имъ есть пріятно такова гостя у себе имѣть, потомъ поворотясь онъ ко мнѣ поклонился спрашиваетъ о здоровьи и осмехнулся говорить, я де думаю что въ дароге утрудилысь и давномъ изъ Прешбурга приехать изводелы, отвѣчаю я ему что приехалъ сего дня и что мнѣ дарога нымало трудна не была, потомъ говоритъ онъ, можетъ быть что я не ошибусь когда скажу, что вы етимы днями стоако были въ Прешбурге сколко и я, а я де говорить онъ искалъ васъ на вашей старой квартиры аднакъ не нашолъ, и спрашиваетъ меня, где я таперъ квартиру имѣю и на которой улице, на то отвѣчалъ я, что улицу какъ зовутъ не припомню, а квартѣра моя въ Выенѣ, онъ видя такой атъ меня отвѣтъ пересталъ со мною далѣ говорить.

Селы мы за столъ ѣбедать а потомъ вѣставши иза стола не хотѣлось мнѣ тамо много бавитца, дабы иногда не завестъ словъ противныхъ, какъ оны позаговорились, то я удалысь тихонка и пошолъ въ городъ на свою кватреру, и ужъ вѣсь тотъ день и вечеръ просидѣлъ дома, дожидаясь утрѣшняго дня, чтобы итты къ господину послу какъ мнѣ приказано.

По утру рано я вѣставши велѣлъ слугѣ призвать парикмахера, заставилъ его причесать мнѣ волосы и потомъ одѣлся въ свой новой мундиръ и надѣвши плащъ поверхъ онаго, пашолъ улыцею за городъ на посолской дворъ, встрѣчаетъ меня знакомой швайцаръ прінимаетъ попрѣжнѣму отъ меня плащъ, а я пашолъ на верхъ къ господину секретарю Черневу, онъ какъ меня у видѣлъ отозвался пріятнымъ видомъ и былъ уже совсемъ одѣтъ, спрашиваетъ меня плути, не видѣломыся мнѣ чего во снѣ, я посмѣялся отвѣчаю, хотябы что таковое и случилось во снѣ то яко сонъ и прошло, а лучше на явѣ пріятность ожидать; на то говорить онъ, такъ когда вамъ во снѣ ни чего не явилось, то хачу я вамъ вестникомъ быть, что по вашему желанью дѣло збылося, я изъ сихъ словъ могу уже приметить, что полезная для меня резолюция есть, и прошу его чтобы мнѣ оную открылъ; сие я говорить онъ сказать не могу, а тотъ де вамъ скажетъ кто здѣлалъ, и пойдѣмъ господину послу тамъ вы услышите. Ге-

сподникъ Черневъ взявъ шляпу хотѣлъ итти, а я его остановилъ, говорю: прошу на минутку остановитца за мною я вамъ еще нечто сказать хочу новое, онъ остановился а я сталъ пресказовать, что я былъ у майора Продановича и какъ тамъ слышали слова обще народнаго секретаря Ненадовича, и что я опасуюсь ево какихъ либо интригъ.

Господинъ Черневъ выслуша меня насмеялся говорить, дабро пойдѣмъ вѣннзъ къ господину послу, а я де думаю что сево для всѣхъ нашихъ опасности уже кончалось, и тако вошедъ мы въ залъ, онъ пошелъ во внутрь далѣ, а мне велѣлъ пробождать.

Скоро потомъ позвали и меня тудажъ я пошедъ къ господину послу поклонился, а онъ вставши съ кресла зачалъ мнѣ говорить, поздравляю васъ совершенною Россійскаго двора протекцією, и вы уже ваше желаніе получили, я де ужъ имѣю въ полученіи, что на мое обѣ ваше требованіе, каторое докладывано чрезъ канцлера графа Каоныца ея величеству королеве, и ея величество указала вамъ о свободномъ отъездѣ въ Россію дать пашпортъ, о чемъ для ведома дано мнѣ знать.

На сию радостную вѣсть бросился я къ руке господина посла и благодаря его, тутъ сталъ господинъ Черневъ пресказывать послу, о томъ что я ему въ верху объявилъ, о словахъ митрополитскаго секретаря, также и о томъ какъ ко мнѣ ундеръ-афицеръ съ дворцоваго караула приходилъ спрашивать, и что я спужалоя перешолъ на другую квартиру.

Господинъ посолъ выслушавъ сие и оборотясь ко мнѣ говорить, вамъ де таперъ опасатца нѣчего, и хотябы кто васъ спрашовалъ можете объявить смѣло, что Россійской афицеръ, чтоже о пашпорте вашемъ принадлежить, то оной на сихъ дняхъ конечно выдетъ и пришьетца ко мнѣ.

Я повторилъ мою благодарность господину послу за оказанную мнѣ милость и старательство, говорю при томъ что когда ваше старательство стоило много для меня уже сделали, то еще одну мылость прошу мнѣ оказать и меня принять къ себе во дворе, и чтобы я здѣсь могъ быть до получения пашпорта, господинъ посолъ поворотясь къ Черневу говоритъ, что его правда и определите ему здѣсь во дворе квартиру, Черневъ отвѣчаетъ, что во дворе ни единого покоя нѣтъ морозею; а разве поместить бы его у секретаря Волкова на томъ другомъ нашемъ дворе, посолъ говорить, что и то хорошо, пошлите за Волковымъ и объявите ему, чтобъ онъ такъ сделалъ.

Таковы обо мнѣ приуготовленія показалось мнѣ тогда обновленнымъ жизни моею и съ радостнымъ сердцемъ отклонясь у госпо-

дина пошла, пашоль навёрхъ въ покой господина Чернева; куда намъ немного погодя пришло и посилаетъ изъ Волковы.

Волковъ не умедилъ и пришло къ намъ, коему объявляетъ Черневъ посольское повелѣныя и отдаётъ меня ему въ товарищество, чему господинъ Волковъ много радъ былъ, и тотъ часъ повелъ меня съ собою на тотъ дворъ въ коемъ онъ живётъ, гдѣ и мнѣ квартера во второмъ этажѣ показана, изъ коей выходъ и въ садъ былъ, а домъ сей разстояніемъ отъ посольскаго только чрезъ три двора съ стоялъ.

При отходе моемъ съ Волковымъ отъ господина Чернева, говоритъ онъ мнѣ, что приказалъ господинъ посоль вась спросить и сделать записку, кто съ вами въ Россію едетъ, и сколько слугъ, и повозокъ, и во оныхъ лошадей, дабы и о семъ къ канцлеру дать знать для внесенія въ вашъ паспортъ; я тутъ у него вызвалъ перо и бумагу хатль было спривавкою и побольше слугъ написать, но господинъ Черневъ остановилъ меня въ томъ и говоритъ, что нѣтъ и ненужно того дѣлать, дабы иногда не могло быть въ чемъ либо остановки, и лишняго въ препыскахъ затрудненія, а лучше де вы напишите всего поменше и тѣмъ окажется легче въ требованіи, а вы говорите онъ, можете опбелъ самыя искать способы и людей надобныхъ вамъ ко услуженію прибавить и вывести съ собою, почему я и не писалъ что еду съ женою и съ двумя тогда бывшими у меня маленькими детмы, да две служанки, две повозки, и трое слугъ, какъ въ ккличество потомъ и въ данномъ мнѣ паспортѣ написано.

Потомъ будучи я у господина Волкова и осмотревъ у него свою новую квартиру, немного тамо бавился пашоль въ городъ, и спешилъ какъ бы поскорѣе изъ города съ своимъ экипажемъ вывратца и вытѣть на форштатъ, было то уже за полдень въ начале второго часа какъ я въ городъ пришло, однакъ не хотѣлъ я оставить чтобы мнѣ походомъ не зайтѣть къ моему приятелю, что банкеръ о коемъ вышше часто я говорилъ, и объявляю ему, что прехожу за городъ на ибсоуской дворъ, прося его чтобы онъ никому о томъ не сказывалъ, что и обещалъ онъ дѣлать, я не хотѣлъ болѣе у него бавитца, дабы мнѣ не могъ кто посторонны тамо застать, пашоль поскорѣе на свою квартиру, нашолъ моего товарища хазяина дома, и онъ уже было отъобедалъ, однако и для меня найдено чего покушать, ставляю я моему хазяину что сей часъ отъбежаю въ свою дорогу, и спрашиваю сколько онъ съ меня за постой квартиры денегъ извольтъ требовать, однако онъ былъ столько доброй человекъ, что ничево взять не хотѣлъ, а сомалъ что такъ скоро со мною разлучаетца.

Приказываю я слугѣ моему, чтобы онъ нашолъ людей трогоронъ для пренесенія экипажа, то было скоро сделано и трогори пришли, я имъ указываю взять экипажъ и итти просто улицыю съ слугою моимъ на Карнъ-торъ, куда въ слѣдъ за вами и я сей часъ иду, и договарясь съ ними о заплатѣ за ихъ трудъ, оны поднявши себя на плеча мой сундукъ и чамайданъ, увязавъ оное около себя веревкою пощны, я простясь съ хазиномъ пашолъ въ слѣдъ за моимъ экипажемъ, и вышедъ изъ города на площадь догналъ я своихъ, оны остановились, чтобы спочинуть и сели на траву спрашиваютъ, тутъ ли снать съ себя сундукъ и чамайданъ или еще куда далѣ носить, а имъ показавъ что на форштатъ Иозефъ-штатъ, на что было поспоряды и итти не хотѣлы, а требовали прибавки еще по десаты граицаровъ, я имъ то обещалъ дать, почему уже встали и понесли за мною, и пришедъ на дворъ къ господину Волкову расположился въ своей новой квартире, потомъ пашолъ я наверхъ къ господину Волкову, объявиль ему что я уже со всѣмъ къ нему въ гости пребрался.

Я тамъ нашолъ еще и другихъ господъ Россійскихъ, конхъ прежде не видалъ, люде молодые Галицинъ и Мусинъ-Пушкинъ, оны были женирамы и на то время находились въ Виенѣ, мнѣ тутъ былъ случай съ симы господамы познать; здесже на дворе у господина Волкова жили еще при посолствѣ счисляющиеся господинъ Левашовъ и баронъ Ашъ.

Мы всѣ тотъ день и до вечера были вмѣстѣ и просидѣлы въ разговорахъ очень долго, оны непрестано меня и много кое о чемъ спрашивали и всѣ мнѣ были рады, и оказывали свою приятность, и были тутъ у господина Волкова на ужине, а потомъ разошлись всякъ по своимъ квартирамъ.

Чтожъ меня принадлежить, то я почти всю ту ночь до света не заснулъ отъ радости, воображая себя, что какъ счастливо для меня дѣло сделалось, и что я отъ всѣхъ опасностей избегнулъ, для чего сталъ уже помыццалъ о своей дароге.

На завтрашни день въ часу адинатцатомъ посилаетъ ко мнѣ господинъ Волковъ своего слугу спрашивая о здоровьи и что онъ желаетъ меня видѣть и ожидать будетъ къ обеду, по такову приятному комплименту поспешилъ я на верхъ, где нашолъ всѣхъ тѣхъ господъ кои и вчерась тамъ были уже въ собраніи, оны принялы меня съ отменою ласкою и обѣдали вмѣстѣ, а послѣ обеда кто охотникъ былъ селы играть въ карти, а другіе проводили время въ разговорахъ;

хадиды мы по саду, принесли намъ туда въ бесѣдку чай пить, на томъ и вечеръ пресѣла и пошли на верхъ, тутъ объявилъ мнѣ господинъ Волковъ съ приказаніемъ господина посла, чтобы я у него завтра день стоить имѣлъ и ненадобно де вамъ для себя ничего особливо готовить, и тако я все время моею тамъ бытности всякой день у господина Волкова обѣдъ и ужинъ имѣлъ.

Съ того времени мало по мало сталъ я съ сими господами обходиться посмелѣе, а онѣ также показаватца мнѣ пріятнѣе, при чемъ началъ я у нихъ изъ разговоровъ понимать несколько руской языкъ, и когда накрыво что выговору, то оны направляютъ меня, и тако въ томъ моемъ положеніи прошло семь дней, я и не зналъ какъ тѣ дни минулы, выходъ мой не былъ никуда болѣе какъ дома, и по саду ходить.

Однимъ днемъ послѣ обѣда навѣстилъ меня мой патронъ господинъ Черневъ, сѣдѣлъ онъ у насъ въ собраніи до полъ самой вечеръ, да-сковъ былъ ко мнѣ очень, спрашиваетъ каково мнѣ таперь между рускими жить показалось, я ему отвечалъ объявляя великое свое во всемъ удовольствіе, и далѣ вступивши съ нимъ и спротивны въ разговоры подало мнѣ случай открыть господину Черневу и пріятца предъ чѣмъ въ своей ошибке и о той первой учинѣнной мнѣ отъ него встрече, какъ онъ мнѣ показался неприятель, и какъ я отошолъ отъ него съ великимъ огорченіемъ и о прочемъ всемъ томъ какъ я выше говорилъ.

Сей господа всѣ минулы на меня глаза свои и слушаютъ, какъ я началъ говорить изъясняя себя предъ ними, говорю что какъ человекъ можетъ иногда въ людяхъ сперваго разу учинить своимъ мнѣніемъ великую ошибку и зато я при окончаніи словъ моихъ просилъ у нихъ, а особенно у господина Чернева прощенья.

Всѣ оталы смѣяща повторяя мои слова, а господинъ Черневъ говорить мнѣ: не погневайся государь мой, что вамъ моя встреча не понравилась, я де точно и объ васъ то самое заключалъ и вашу приходъ не былъ мнѣ пріятель, и болѣе думалъ что вы конечно крѣтъ ныбутъ ко мнѣ подосланы, языкъ вашъ немецкой подаль мнѣ причину о томъ сумнѣватца, для того что сколко мнѣ ни случалось вашихъ господъ Сербовъ видѣть однако ни одного не видѣлъ, чтобы такъ хорошо тѣмъ языкомъ говорилъ какъ вы, и потому сочелъ я васъ за Немца или за Венгра, и тотъ вашъ абширъ коего вы мнѣ показывали, думалъ я что оной также для какова ныбутъ искушения чрезъ васъ присланъ, и

за то я, говорилъ господинъ Черневъ, его отъ васъ не принявъ и васъ отъ себя съ теми отъправилъ, а таково сумнительство объ васъ имѣлъ по тому, что знаа каііе строжайшіи отъ двора царскаго публикаціи учинены во всѣхъ мѣстахъ, чтобы болѣе никто не отважился увѣдомленіемъ просить въ Россію, и что всѣ тѣ мои увѣдомленія уже давно по-бѣжали, и вы вдругъ ко мнѣ вошли и представлять стали свое желаніе и что были удержаны, то я изъ тѣхъ вашихъ словъ почувствовалъ и за то недалъ никакой во удовольствіе ваше резолюціи и повода своимъ ответомъ, дабы иногда кто неподумалъ что мы къ такимъ выходамъ дѣлаемъ наущены, и какъ вы отъ меня пошла, говоритъ господинъ Черневъ, то я на томъ точно мнѣніи и оставалъ даже до завтрашняго дня, покуда вы опять ко мнѣ явились, и прозбу свою повторили, гдѣ ужъ я и приметывалъ, продолжалъ господинъ Черневъ свою рѣчь, что въ васъ сумнительства нѣтъ, и есть вы сами тотъ, которой о себѣ и просить, а потомъ, пребывая дѣла генерала Шевича, нашедъ въ спискѣ офицерскомъ ваше имя, при которомъ отмѣчено что удержанъ подъ арестомъ, но какъ тащѣрь всею то сделано того вы желаетъ и вы уже стали наши Россійской, то мнѣ съ вами говорить яко съ своимъ откровенно можно, и вы также навѣныте меня, говорилъ господинъ Черневъ, за учинѣнную тогда отъ меня вамъ такую встрѣчу; послѣ сихъ словъ мы другъ друга обнялы и поцѣловались, и заключенъ союзъ дружества, онъ въ вечеру пошелъ къ себѣ, а мы остались, проводили еще время въ разговорахъ до ужина, послѣ него разошлись всѣхъ въ свой пакой.

Такимъ образомъ проходило мое время и уже двѣ десеть минуло, стало мнѣ уже скучно, что пашпорта моего такъ долго нѣтъ, и будто стало несколько во мнѣ воображѣтца страхъ, разсуждая чтобы иногда не случилось въ томъ какое препятствіе, хотя я и нахожусь въ такомъ безопасномъ мѣстѣ и никто обо мнѣ что я тутъ не знаетъ, но винулы меня мысли чтобы иногда отецъ мой тамъ вѣнизу помножить меня искажи, какъ я отъ полка непозволительнымъ образомъ отлучился, немогу чрезъ то пострадать.

Господинъ Волковъ сталъ примечать, что я не веселъ и увидѣлъ меня изъ своего окошка, что хожу самъ адынъ задумавшійся по саду, сошелъ вѣнизъ и подошедъ ко мнѣ спрашиваетъ здаровлы я, я де на лица вашего примечаю, что вамъ нѣчто есть, я тутъ ему отъкрылъ и сказываю, о чемъ меня мысли мои тревожатъ, на то отвѣчаетъ онъ, неопасно вы суетитесь, а вашъ пашпортъ конечно чрезъ день или два къ господину послѣ присланъ. будетъ, и тако ходилъ мы по саду

3. The above information is being furnished to you for your information and use only. It is not to be distributed outside your agency without the express written approval of the FBI. The information is being furnished to you for your information and use only. It is not to be distributed outside your agency without the express written approval of the FBI.

[illegible]

Тотъ же день писалъ я по почтѣ письмо къ отцу моему, уведомляя его, что уже паспортъ я получилъ и что скоро къ нему буду.

Завтрешны день была Неделя *, говоритъ мнѣ господинъ Волковъ, что паедемъ таперъ къ обеднѣ въ городъ, пусть всѣ васъ увидятъ. Тамъ въ городѣ имѣють греки кушци наемной дворъ, въ коемъ есть большой залъ, изъ коего зделана церковь и держутъ на своемъ коште священныа, каторой имъ на греческомъ языке служить обеду.

Мы оба, я и господинъ Волковъ, селы въ карету и поехали въ городъ къ обеднѣ, скоро мы въ церковь вошли, где уже всѣ люди собрались, и обедня зачалась, и какъ люди увидѣлы что секретарь Россійскаго посла идетъ, то и зделалы учтивость уклонились и дали намъ путь пройтытъ въпередъ къ левой сторонѣ къ олтарю, мы оба стали возлѣ клироса, смотримъ мы чрезъ церкву на правую сторону, алъ стоятъ тамъ маиоръ Продановичъ и маиорша возлѣ его; говоритъ мнѣ Волковъ, кто ето таковъ тамъ стоитъ, я отвечаю, что ето тотъ маиоръ Продановичъ, что я вамъ сказовалъ, а ета бариня что возлѣ его ко она такова, я отвечаю Волкову, что ето есть его супруга; смотрю я еще на ту сторону по людяхъ вижу, что немного отъ майора позады стоитъ митрополитскій секретарь Ненадовичъ, поворотясь я къ Волкову говорю, знаетель вы мытрополитскаго секретаря, Волковъ говоритъ, что нѣтъ и здеслы онъ, укажи мнѣ его пажалуй, я по прижетамъ лица и на нѣмъ платья говорю къ Волкову, вотъ посмотрите тамъ то онъ, Волковъ не вдругъ туда повернулся, а мало погода его узналъ.

Я часто възглаговалъ на маиора и на маиоршу, а оны обое такъ почти глазъ своихъ съ меня не снималы.

Предъ окончаниемъ обедни говоритъ мнѣ Волковъ, какже вы мнѣ сего господина маиора хвалилы и я таперъ изъ лица его примечаю, что ему надобно быть честному человеку, то и хачу я снимъ поздравытца, а вы при семъ случаи яко знакомой подойди со мною туда къ нему, между тѣмъ, какъ обедня кончилась и свещеникъ съ антижоромъ вышолъ, то Волковъ подошолъ туда, и поворотясь къ правой сторонѣ, мы оба подошлы къ маиору и къ маиорше, оны поостановились, а Волковъ сталъ къ маиору говорить, вотъ ето мой другъ ужъ иная на меня хвалытца вашею приятною, для того и я, говоритъ Волковъ, при семъ случаи не могъ оставить, чтобъ незасвидѣтельствовать вамъ мое почтенныа и желалъ бы выпредъ съ вами быть знакомымъ; маиоръ тому былъ очень радъ и благодарилъ, но далнего еще

разговора не могло быть, потому что публика и всѣ смотрѣть, и на томъ разошлись, я съ Волковымъ какъ въ карету сѣдѣлъ, то майоръ и майорша вышедши изъ церкви на насъ смотрѣли.

Я тотъ день побуль еще у господина Волкова и преночевалъ, а на завтра рано сталъ укладыватца, чтобы перейти опять въ городъ на квартиру, потому что болѣе нигдѣ фурманчика искать къ отъезду какъ въ городѣ, и убравшись со всѣмъ пашолъ къ господину Черневу чтобы съ нимъ простыцца, подаетъ онъ мнѣ два запечатанные конверта писанные отъ господина посла, адынь на имя господина генерала аншефа Степана Федоровича Апраксина, а другой на—Петра Спиридонъвича Суморокова, и ктому еще и третьей конвертъ въ государственную военную коллегію, и при подаче сихъ конвертовъ объявляетъ мнѣ Черневъ, что во оныхъ слѣдующее въ мою рекомендацію отъ господина посла писано, и съ тѣмъ, простясь я съ моимъ патрономъ господиномъ Черневымъ, пашолъ къ Волкову и простясь і съ нимъ, взялъ свою дорогу въ городъ, и сталъ въ трактирѣ тамъ, где и съ зачала приезда былъ.

Хазяинъ мой, какъ меня увидѣлъ, изъумился человекъ и говорить, ахъ Боже мой вы еще здѣсь, и давнолы изъ Прешбурга приехали, и сталъ мнѣ сказывать сколько тутъ меня искали и ево спрашивали, и что онъ ничего болѣе сказать не умелъ кроме, что я въ Прешбургъ поехалъ.

Я ему говорю, что оставимъ о прошедшемъ говорить и я вотъ сей часъ опять къ вамъ приехалъ и мнѣ квартера надобна, онъ говорить, извольте войтить въ ту самую, где вы и прежде были.

Сие было въ тотъ день порано, и было мнѣ до обеда еще времени проходыцца, для того пашолъ я въ кафейной домъ, выпылъ две чашки кофе съ молокомъ и заплативъ за оную денги, пашолъ къ моему приятелю купцу что банкиръ и уже безъ плаща, я съ нимъ увидѣвшись, говорить онъ мнѣ, сказывайте пожалуйста что и какъ ваше дѣло, вы де не знаете что етимы днямы какъ вы изъ города вышли, какъ тутъ васъ вездѣ искали, и по всѣмъ местамъ изъ палатинъ послание спрашивали и кто васъ знаетъ, и кто не знаетъ и тѣ мнѣ о томъ говорили, а вчерась вдругъ какъ васъ въ церкви съ секретаремъ Россійскаго посла увидѣлы, то еще болше люди говорить стали, для чего я говорить мой приятель съ великою нетерпеливостію желаю знать, что съ вами зделалось.

Я на тѣ моего приятеля слова говорю, вотъ другъ мой въ чомъ

мое дѣло совершилось и показывая ему пашпортъ, онъ какъ увидѣлъ большую государственную печать, сердечно обрадовался и говорить, ну таперь слава Богу всѣ опасности уже минулись.

Мнѣ не было много свободнаго времени съ нимъ говорить, а только бывалъ ему, что я уже преселился въ городъ и сталъ на квартиры тамъ где и прежде былъ у трактиръ, и что спешу за городъ на фор-цать (Ландъ-штрасъ) къ майору Продановичу обедать, а стобою другъ мой говорю ему, опосля буду далѣ разговоръ имѣть и съ тѣмъ па-нолѣ по улице и за ворота городские къ майорской квартире.

Въходя мой къ майору въ горницу былъ ему великимъ удивле-ниемъ, онъ сидѣлъ съ женою на канапее, а какъ меня увидѣли, то вскочили обои ко мнѣ на встречу и говорить зачали: о Боже мой, какъ вы съ собою рыскуете и какъ вы осмелились съ господами Рос-сійскими такъ публично ездить, вчера съ какъ мы васъ въ церкви съ секретаремъ Россійскимъ увидѣли, то показала намъ та ваша сме-лость весьма чудна, и продолжаетъ майоръ речъ свою говорить, разве вамъ вашей жизни не надобно, и что еще на послѣдокъ изъ того бу-детъ? Богъ знаетъ, вотъ ужъ, говорить майоръ, двенадцать дней какъ васъ нигде не видать и не слыхать куда дѣлысь, вы не иначе какъ въ воду пропали, а объ васъ уже по команде представленные сюда въ Хофъ-Кригъ-ратъ (военны советъ) прислано, и меня де говорить май-оръ объ васъ спрашивали, незнаю кто бы то объ васъ слухъ разсѣялъ что вы здесь, и я де отвечалъ, что знаю и васъ вездѣ ищу.

По окончаніи сего разговора, я еще не хотѣлъ майору и майорше сказывать, что я пашпортъ имѣю, а говорю аставимъ таперь сей слова, а будемъ опосля о томъ говорить, и пушай меня ищутъ, а я сево дня для того къ вамъ приѣхалъ, что хачу у васъ какъ у моихъ пріятельѣй обедать, и желалъ бы, говорю я, чтобы и митрополитски сек-ретаръ также здесь былъ, майоръ и майорша отвечали мнѣ, что оны имѣ искренно рады, а о секретаре говорятъ оны что я угадаю, ибо оны его къ обеду просили.

Потомъ мы седы и велы свой разговоръ, я наиболше съ майор-шою шутѣлъ, упоминая прошедшие года и дни веселые, какъ я еще въ полку съ ными вмѣстѣ былъ и смеялся кое чему что происходило.

Майоръ примечаетъ мои слова и видитъ, что я очень веселъ, ходытъ по горнице възадъ и въпередъ и оборотаясь къ супруге своей говорить, посмотрижъ то ежелы у него чего нибудь да нѣтъ, онъ вить

не дарма такъ резвитца, я отвечаю, что всему тому, что къ моем благополучію служить, знаю твердо, что вы яко мои приятели радѣ и на сей часъ для васъ сего будетъ довольно.

За сими нашими разговорами уже и обѣдать время поспѣло настоль набирать стали, мало затымъ погода идетъ и секретарь минерополитски, онъ къ намъ вошедши поздравился съ маиоромъ и с маиоршою, а потомъ и ко' мнѣ лице свое повернулъ, спрашивает о здоровьи и говоритъ, какъ давно онъ меня не выдавалъ, а при томъ выговорилъ, что я думаю вы ужъ хорошо таперь и по руски говорить умѣете (оно то значить, что онъ меня вчерашни день въ церквы съ Россійскимъ секретаремъ видѣлъ).

Я ему отвечаю, что на сие время несколько того языка я уже понималъ, а можетъ быть говорю ему, что въпредъ еще лучше выучусь, онъ далѣ не сталъ ничего говорить, а я также оставилъ его в сторонѣ, а наибольшъ разговоръ я имѣлъ съ маиоршою.

Сели мы всѣ за столъ и окончивши обѣдъ встали и ходили в горнице, а потомъ поднесли намъ кофе, и то кончивши пришло уже тогда время, чтобы съ секретаремъ поговорить и укорить его по е поступке, для чего и зачалъ я ему сіи слова говорить, что зная е каковъ онъ мнѣ есть доброжелатель, и что тогда какъ я сюда въ Виену приехалъ, пожаловалъ онъ ко мнѣ на квартиру, спрашивалъ за чемъ я въ Виену приехалъ и отозвался своими словами, что въ случаѣ моей надобности по дѣламъ у здешнихъ господъ беретъ онъ себя трудъ мнѣ помогать, и говорю ему, что я какъ и въ то время вамъ на вашу пропозицію отвечалъ, что какъ скоро съ дѣлами своими пособерусь, то намеренъ конечно первее вамъ о своемъ дѣлѣ объявитъ, почему нинѣ будучи я уже все изготавилъ, то и не хотѣлъ оставить чтобы своего слова не удержать, и вамъ первому оно показать, я желалъ, говарю ему, сею дни какбы васъ найти и мое дѣло вамъ представить, а какъ довелъ случай намъ здѣсь сойтись то и предпринимаю о томъ васъ трудить и прошу васъ то мое дѣло пресмотрѣть и не найдеть вы еще чего недостающаго или иногда чтобы вы пременить могли, при чемъ вынулъ мой паспортъ, подаю ему и говорю, вотъ государь мой вчѣмъ все мое дѣло состоитъ.

Онъ смотритъ, что я ему такъ выговорилъ, ничего не отвечает а взявъ отъ меня паспортъ развернулъ и сталъ читать, куда и маоръ подошелъ и слушаетъ где тотъ читаетъ, оны оба языкъ немец довольно разумѣлы.

Я отдавши секретарю пашпортъ повернулся къ маиорише, взять ее за руку, говорю пусть оны читають, а мы поидемъ въ ту другую горницу.

Маиориша пошла со мною и спрашиваетъ меня, что етакое вы подали секретарю, я говорю ей, а вотъ тотъ часъ узнаеть судариня о всѣмъ томъ и о притчине моего сюда въ Виену приезда, между тѣмъ оны уже пашпортъ прочлы и идутъ къ намъ.

Секретаръ подаетъ мнѣ пашпортъ обратно и еталь было говорить, но я прервалъ его слова и зачалъ самъ къ маиору и къ маиорише говорить: какъ я изъ давнаго времени имѣю честь свами знатца и всегда пользовался вашею приязнью, и сколько напротивъ того я къ вамъ отъ искренности безъ всякаго лицемерия истиннымъ быль приятельмъ о томъ уповаю, что и вы сами засвидѣтельствовать можете, таперже пришло время за всѣ ваши оказываемые мнѣ благопріятствы вамъ поблагодарить, и ужъ то время пришло, любезные мои приятели, говорю я маиору и маиорише, чтобы свамы простытца, а можетъ быть и на весь векъ болѣе не доведетца имѣть съ вами свиданіе, вы слышлы, говорю я къ маиору, что Россія атъсель естъ весьма въ дальнѣмъ разстояніи, куда судьбина моя ведетъ и назначиваетъ мнѣ тамо новое мое отечество, где и пребываніе мое вечно уже будетъ. Хотя я свамы нинѣ и расстаюсь, но вѣрте мои любезные приятели, что где бы я нибылъ то не престану никогда я васъ любить и почитать, и останусь на весь векъ мой къ вамъ такъ преданымъ, какъ вы меня знаите, и желать вамъ буду всякаго благополучія и счастья, а васъ прошу въ заимность съ стороны вашей также хотя помнуть и скажите, что вы меня нелицемернога друга себѣ имѣлы и простыте, я ужъ чрезъ дня три въ свою путь отъправляюсь.

А потомъ повернулся я къ секретарю и говорю ему, а вы другъ мой оставайтесь съ Богомъ и будьте увѣрены, что я нимаю жалости моего сердца не имѣю, а знаю довольно, говорю ему, что сколько бы хотѣлы дѣлать мнѣ препоны, и вслѣдъ за мною ходилы, но все то ужъ судьбина моя прекратыла и сохранила меня невредима, вы не подумайте говорю я ему, чтобы взаимно я вамъ чего худаго жаладь, а болѣе вертѣ что я съ вами расстаюсь таперъ такъ, какбы отъ васъ я никакихъ досадъ не имѣлъ.

Секретаръ изъвыняя себя предо мною свдими словами говорить зачалъ, вы де государъ мой можетъ быть имѣлы каковъ сумнителство и подозревалы на меня, какъ я таперъ отъ васъ слышу, да иногда

приметывъ я изъ словъ вашихъ, что вы отвѣтомъ вашимъ разумѣтъ подавали, но я божусь честію, что съ стороны моей противъ васъ ничего не было изъ злобы, я съ вами речъ имѣлъ точно изъ признанія и сожалѣлъ только, дабы иногда не могли вы себя подвергнуть какому либо несчастію, а мнѣ говорилъ онъ, по моей должности, инакомъ и говорить не можно, таперже какъ вы уже желаемое получили, тѣмъ и желаю вамъ отъ искренности моей счастливаго пути, а меня на корню прошу, говорить онъ, сочестъ вашимъ пріятелѣмъ, какъ я всю мою жизнь хачу таковымъ къ вамъ быть.

И тако мы всѣ тутъ простились, оказывая пріятствомъ другъ другу взаимныя поклонны, маіоръ и маіорша обнялы меня руками и не могли отъ слезъ болѣе чего говорить, какъ что желая мнѣ всякаго счастья, и съ тѣмъ я у нихъ отклонясь пошелъ на свою квартиру и сталъ готовитца въ дорогу.

На завтрешніи день рано послалъ я своего слугу на заездныя дома изискать фурманщика, котораго и нашлы, я съ нимъ договорился за свозъ меня до города Будима и далъ въ томъ задатокъ, а чрезъ день чтобъ совсѣмъ изъ Выены и выехать.

Тотже день пришло къ мнѣ маіоръ Продановичъ сѣдѣлъ у меня и просилъ, чтобъ еще ихъ не оставить и зайтитбы къ нимъ, я то обещался здѣлать мымоездомъ, какъ отъѣзжать буду.

Тотже день простылъ я еще и съ моимъ пріятелѣмъ купцомъ что банкеръ, а на завтрешніи день и совсѣмъ изъ Выены въ свой путь отъправился, не оставилъ я обещанные свое исполнить и заехалъ къ маіору Продановичу и простясь съ ними обѣима поехалъ въ свой путь.

Четвертымъ днемъ поспѣлъ я въ городъ Будимъ и сталъ на квартиры въ адномъ по большой улицѣ трактире, где бавился всего адни день покудова другаго фурманщика нашолъ, а также и въ тамошнихъ теплыхъ водахъ мылся (сн воды въ томъ городе почитаютца за весьма здаровые и исцелительные); таковыхъ домовъ, нарочито для того здѣланныхъ въ самомъ городе, главныхъ есть четыре и всѣ каменное хорошее строеныя подъ горою называемою Герзелезъ, изъ которой трубы въ тѣ дома приведена горячая и холодная вода, въ тѣхже домахъ окроме общей бани еще есть понесколько особливыхъ помоекъ такихже, что вода горячая и холодная приведена, где ежели кто пожелаетъ особливо мытца то можетъ имѣть.

На завтрешніи день оставилъ я городъ Будимъ, преправился чрезъ реку Дунай на другую сторону въ городъ Пешту, и не оставилъ мымо

ездомъ чтобъ не побывать у моего пріятеля купца Георгія Рандслав-левича, у коего я первое былъ, и простясь съ нимъ взялъ свою путъ къ Петроварадину, куда четвертымъ днемъ поспѣлъ.

Приехавши туда еду прямо къ отцу своему, напомъ ихъ всѣхъ къ доме здаровыхъ, приездъ мой скоро въ городе былъ извѣстенъ, и зная что послѣ моего отъѣзда выезда какая тревога была и какъ меня вездѣ искали и что никто не зналъ куда я подѣлся, а тутъ вдругъ какъ услышали что я приехалъ, то всякъ желалъ изъ пріятели мои поскорѣе со мною выдетца.

Таперь сталъ я уже готовыца въ дальнюю свою путъ и поспешалъ всячески исправитца потребнымъ экипажемъ и лошады, и тобъ успѣть еще той осени выехать, я подредылъ у каретника, чтобъ сделать новой крытой палубъ и другу повоску для поклажи, а также и карету четвероместную, кою я имѣлъ чтобъ поисправить, а лошадей далъ мнѣ отецъ въ карету шесть вороныхъ молодыхъ жеребцовъ своего стада, а къ онымъ потребное число еще лошадей, въ палубъ пять а въ повоску тры, взялъ я своихъ конхъ я имѣлъ да верховыхъ две лошады, въ карете жеребцы мои были славные и росту большаго, а оспоя будучи уже въ Россіи имѣлъ лошадей много, только таковыкъ жковы тѣ были не имѣлъ.

Досталъ я хорошихъ и надежныхъ слугъ, кои пожелали со мною въ Россію итти, а особливо кучера такова человека, какова редко гдѣ видѣть можно, и естлибы не сей кучеръ у меня былъ, то бы въ такой трудной дороге съ моими жеребцами много заботы имѣлъ и никтобы другой енимы управлать не могъ, такъ сыльные то лошады были.

Все подлежащее къ путы моему распорядилъ я чтобъ было исправлено, и покудова то делатца будетъ, то тѣмъ временемъ поехалъ я въ полкъ, чтобъ явитца у моего бывшаго полковника, какъ я къ нему при отъездѣ моемъ изъ Петербурга и писалъ, что для отъѣзда по ротѣ моей отъчета явитца во свое время къ полку буду, забралъ я съ собою и свои выменные дѣла и прибылъ въ полкъ въ штабъ квартиру.

Сталъ я у полковаго квартирмейстера, онъ былъ немецъ и коротко мнѣ знакомъ и всегда дружилъ со мною, сей какъ скоро меня увидѣлъ встрѣчаетъ меня своими словами и говоритъ, для Бога где вы были, вотъ завтра третья объ васъ публикация наряжена, которая уже и последняя будетъ, и естлибы не явились на сей срокъ то ужъ приготавливать вамъ процессъ.

Бовиръ я ему, что не такъ еще страшно какъ вы себя воображаете, онъ на то отвѣчаетъ, оставте вы ваши шутки на сторону и пойдите поскорѣе явитесь у полковника, вы де увидите какая вамъ отъ него встреча будетъ, онъ на васъ чрезвычайно сердитъ и едва ли обойдетца, чтобъ вы небыли арестованы, я насмѣялся говорю ему, что можетъ быть намеренные господина полковника и было таково, но ты другъ мой увидишь, говорю я ему, какъ господинъ полковникъ на противъ того будетъ ко мнѣ ласковъ а колы не веришь, то пойдя со мною и увидишь, потомъ оделся я въ свой отъ прежняго полка гусарской мундиръ пашолъ къ полковнику, онъ видно уже зналъ что я приехалъ, встрѣтилъ меня весьма гордо и сердитымъ видомъ, причемъ зачалъ репремандные слова мнѣ выговаривать, обвиняя меня за самовольную отъ полка отлучку, и что онъ уже опредѣлилъ надо мною произвести слѣдствие и учинить процессъ, и повелѣваетъ меня арестовать.

Я. выслушавъ всѣ ево слова, и далъ время покудова сердце его несколько отошло, зачалъ тогда я ему говорить сии слова: прошу господина полковника теперь меня выслушать и возьмите на несколько минутъ терпение; лишь только что я сие выговорилъ, то онъ еще болѣе осердился и зачалъ было громче перваго кричать и отсылать меня: подъ арестъ, на то принужденъ я былъ поближе къ нему приступить и повторять сталъ мои слова, говорю ему, что этому господину полковнику уже быть нельзя и вы меня арестовать не можете, а выслушать меня что я вамъ говорить хочу вы должны; тогда онъ какъ я сие сказалъ остановился и говорить, ну что вы мнѣ говорить хотите, я сталъ предъ нимъ съ учтивостию и зачалъ говорить, что я вамъ писалъ изъ Петербурга о томъ, что явится во свое время въ полкъ буду для отдачи о бывшей моей ротѣ щета, таперъ то время и пришло, и я для того таперъ приехалъ, а при томъ говорю я ему, хочу вамъ донести, что я уже не состою въ здешней службѣ, и въ вашей командѣ, а имѣю я по моему прежнѣму абшину отъ двора Австрискаго увольнительны пашпортъ въ Россію, и сие выговоривши подаю я пашпортъ полковнику.

Онъ взявши тотъ пашпортъ развернулъ и зачалъ читать и сталъ въ пенъ предо мною не говорить ни слова, а потомъ согнувши плечами пременился изъ ярости въ учтивые слова, зачалъ тико и ласково говорить, вы де конечно счастливы родились и ваша судьбина и фортуна велика, етакую отъвагу говорилъ онъ и что многократно рысковали съ собою, то редко кому другому удаласьбы счастливо

законцѣ выжить, я де танерь вижу, что вы все строгосты упрядили и освободили себя, желаю вамъ всякаго счастья и благополучія!

Послѣ сего прошу я полковника, чтобъ онъ приказалъ о бывшей моей ротѣ со мною подлежащей щетѣ учинить, а потомъ доводящееся гь полученію мнѣ жалованые выдать, онъ тотъ часъ отдалъ въ полкъ приказъ, требуетъ рапортовъ, не состою ли я кому чѣмъ долженъ, а гь роту мою напысалъ о томже особливой ордеръ и повелѣваетъ со мною щетъ учинить.

Я тотъ день остался у полковника обедать, и покудова еще я тамъ до моего отъезда бавился, то просилъ меня полковникъ чтобы всякой день у него при столу быть.

Промедлылъ я тамо въ полку дней шесть, покудова все подлежащее дѣло кончилъ и свое жалованые по день моей отъ полка отлучки получилъ, а потомъ простася съ полковникомъ и со всемы афицерамы кою тамо случилась, все меня дружески проводили, а особливо подполковникъ баронъ Рытъ крайнѣ сожалѣлъ, что я изъ службы тамошней вышелъ, и съ тѣмъ я исполку поехалъ.

Дорогу свою мымоездомъ взялъ я по своей роднѣ, где кто по пути мнѣ случился и простася со всемы, заехалъ на послѣдокъ къ старикѣ дядѣ моему полковнику Секулѣ Витковичу, у него я былъ два дни, пысалъ онъ пысмо къ двоюродному брату своему въ Россію, тогда бывшему бригадиру Стефану Витковичу, каторой изъ Цесаріи вышелъ прежде еще, нежели я родился и дослужился въ Россіи того чина, однако по приездѣ моемъ въ Россію я его не выдѣлъ, ибо онъ тогожъ времени уже будучи въ старосты скончался, отъ коего и потомковъ не осталось, супруга же за нымъ была изъ Смолѣнскаго шляхетства изъ дому Енгельхартова, звалась Ѳедора Николаевна что прежде за мужемъ была за Апостоломъ, что въ Малой Россіи.

Я простася съ дядѣю моимъ и съ всею его фамиліею поехалъ обратно въ Петръварадынъ, не оставылъ я чтобъ не быть у тамошняго отъ крепосты оберъ коменданта, каторой мнѣ былъ довольно знакомъ и меня любылъ, онъ старикъ былъ уже около восьмидесятъ лѣтъ назывался баронъ фонъ Елфенрейхъ.

Сей достойной старикъ принялъ меня весьма ласкаво, а какъ я ему сказалъ, что я не хотѣлъ промгннуть чтобъ съ нымъ непроститца и что увольнительны пашпортъ нмѣю въ Россію, то онъ о томъ дивовался много и сожалѣлъ, говорилъ къ случившимся тогда у него отъ крепосты гоенеданъ, вотъ какие мы ошшиби дѣлаемъ, отъпускаемъ старикъ достойныхъ и большихъ фамиліевъ людей въ чужбѣ государ-

лесь и пустыня голая, чрезъ которую мнѣ проехать надобно, а сѣ-
мьи хотя и состоятъ, но одно отъ другаго подалеко, для чего я вста-
лъ поранѣе съ намереніемъ уже по болше переходы делать, и о-
нѣ еще съ вечера слугамъ приказалъ, чтобы и оны рано встали,
лошадей накормить овсомъ, а потомъ и шоры на нихъ накладывать,
но оны и здѣлали, и кучеръ мой по его прилежности зачалъ всио
дѣлать что ему приказано и всталъ ранѣе всѣхъ другихъ слугъ, и
шоры какъ накладывать хотѣлъ тронулъ рукою цуговаго жुरебца, а онъ
въ тотже часъ обеими задними ногами ударилъ кучера въ грудь, отъ-
его кучеръ мой упалъ на землю за место мертваго, тутъ прибежалъ
одинъ изъ слугъ объявляетъ мнѣ что зделалось, я скорее туда въ ко-
шицу прибежалъ и нашолъ кучера простертаго на землѣ безъ тѣ-
ла и безъ диханія; таперъ можешь мой читателю поверить каково
было въ тогъ часъ было, а одно что такова добраго человека почти-
мо я уже потѣраннымъ, а друго тронуло меня жестоко, что будучи
въ дороге зделалъ мнѣ такое приключеніе и въ такой пустынѣ, где
и какой помочи сискать не могу, окроме только хазина, у коего я
спрашивалъ и которой никакой надежды не подавалъ, а глядѣлъ только,
чтобы у меня получить за плату, за ночлегъ и за фуражъ, и за сѣстное
не давалъ, и какъ видѣлъ случившееся съ кучеромъ моимъ, и узнать
что мнѣ тутъ будетъ должно забавытца, то онъ безсовестной (онъ
иногда) тотъ часъ зачалъ говорить, что или выежайте, или когда
намѣрены еще здѣсь забавытцъ, то какъ за постой такъ и за все про-
чее, что я у него буду брать долженъ буду заплатить въ двѣе про-
цѣнта перваго, принося въ резонъ, что другой никто изъ проежыхъ
не будетъ места имѣть где стать, а сие онъ изобрелъ себѣ въ про-
фитъ, потому что на томъ мѣстѣ гдѣ мой ночлегъ былъ не состояло
никакого селенія, окроме только тотъ адынь заездной доми да
и то не совсемъ выгодно.

Я ему отвечалъ, чтобы онъ о его претензіи ни мало не сумнѣ-
лся, и что онъ всио то получить чего требуетъ, и говорю ему, не-
покучай мнѣ пажалуй, я не уеду чтобы стобю нерасплатытца да ти
идишь, какое мнѣ приключеніе здѣлалось, и бросилъ болѣе съ нимъ
говорить, а приказываю слугамъ чтобы скорее внести кучера ко мнѣ
въ горницу.

Слуги взяли и простерли попону и превалили на оную пома-
шку моего кучера, и понесли въ горницу где принесено сено на
подстилку, однако болной ничего и ни мало не подаетъ знаку, чтобы
онъ еще живъ былъ, а смотря на его не могъ отъ слезъ воздержатца, на

послѣднѣ дѣлать было иного нычего, окроме старатца узнать мерее живъ ли еще онъ, а потомъ употреблять средства къ его помочи.

Горница, въ которой я ночевалъ и гдѣ больной лежить, была довольно тепла, однакъ велѣлъ я еще затопить, потомъ велѣлъ слугамъ помаленку разстегнуть съ кучера поясъ и пуговицы на камзоле, которой въ два места отъ подковъ былъ разодранъ, и какъ сие слуги сделали, что имъ я приказалъ и показала вся рубашка въ крови и на самыхъ грудяхъ опухла и знаменіи отъ подковъ, отъ которыхъ одна ударила видно покрепче, даже что шпыль адмы въ тело вошла и рану бошную сделала, изъ которой и кровь шла, а отъ другой подковы знаменіи былъ, такова нужда заставила меня быть лекаремъ; я тотъ часъ велѣлъ служанкамъ моимъ, чтобы сгрѣтъ отрубей съ укуреніемъ и гѣмъ сделалъ непрестано припарку, а ктому употребилъ и другое средство, которое на всякъ случай въ дороге, а наиболѣе мысли мои были для лошадей, чтобы имѣть съ собою канторной снуръ, коего я изъ Петербурга възялъ штофъ целый, и сей часъ послужилъ моему больному наилучшимъ лекарствомъ.

Я взявши того спирта вымылъ на платокъ, потеръ больного по лицу, по рукамъ и поднесъ къ носу, и то непрестано юще съ припарками продолжалъ болѣе одного часа, послѣ чего сталъ немного на руке чуль являцца, коего прежде нымало ни было приметно, сему знаку весьма я обрадовался и говорю воокругъ меня стоящимъ слугамъ, что живъ и чтобы припарки одно за другимъ подавали.

Такимъ образомъ производилъ я мое лекарское искусство отъ самаго утра и даже за полдень до втораго часа, тутъ уже мой больной началъ дышать и не много воружитца, но говорить ни слова не могъ даже до вечера, а въ наступившую ночь сталъ стонуть и немного говорить, показывая рукою на грудь боль свою, а повернувшись никакъ не могъ ни самъ ни чтобы кто его трогалъ.

Въ такомъ положеніи больной мой провелъ всю ту ночь и до утра, и хотя ему на другой день было и полегче, и уже понемногу сидѣть могъ, но ехать мнѣ было нѣкакъ не можно, а принужденъ былъ тамо на томъ мѣстѣ простоять трое сутокъ, покуда мой кучеръ могъ уже понемногу ходить.

На четвертой день видѣтъ онъ, что замедлили на томъ мѣстѣ долго а ехать надобно, то самъ сталъ о томъ говорить и обнадеживаешь, что можетъ на козле сидѣть и лошады править, я с моимъ бѣхсовестнымъ хазяиномъ расплатился и за всю въ двое съ меня взялъ, и тако поехали мы отсюда помаленку, и всю шагошь, потому что мой кучеръ хога и надѣялся здаровыиъ быть получше,

однако едва могъ сидѣть и поспѣшно ехать никакъ было не можно, и мы тотъ день не болѣе могли уехать какъ две мыли, и заначевали опять въ пустинѣ, въ одномъ заездномъ доме илы карѣме.

Оттуда намъ былъ въпереды городъ Сегединъ еще въ троихъ мысляхъ, куда въ завтрешни день въ поздую ночь едва доехать могли, одно что кучеръ весьма слабъ, а друго что дождь сильно въ тотъ день шолъ и зделалась грязь превелакая.

Мы какъ ужъ подъ городъ подъехали и между сады вошли, а зделалась такая темнота, по коей не знали куда ехать, то принужденъ я быть проводникомъ, сѣлъ на верховую лошадь, остановилъ карету на томъ мѣстѣ, самъ съ однимъ слугою поехали несколько въпередъ рассматривать дорогу, и по известноты мнѣ того города, какъ я еще въ училище тамо былъ, а потому доводилось еще, во ономъ разѣ и другой бывать, то потому и по приметамъ мѣстъ угадалъ хорошо, и вернувшись велѣлъ каретѣ и обозу за мною ехать, и приехавши къ одному известному мнѣ трактиру остановился и сталъ у ворота стучать, хозяинъ то услышавши отозвался спрашивая чего надобно, и узнавъ что гости къ нему заехать хотятъ, отворилъ ворота и побѣжалъ скоро въ свои пакой, вынесъ фанаръ съ свечю, принялъ насъ харашо, и отвелъ для меня особливую горницу, а для людей другую и ратонилъ въ обе скорые, а потомъ сискалъ для насъ и ужинъ, и тѣмъ провели мы ту ночь съ покоемъ.

Въ томъ городе простоялъ я поневоля три дня, дабы тѣмъ временемъ попользовать моего кучера, для чего рекомендовали мнѣ адного лекаря, за котораго послалъ я съ прозбою, онъ тотъ часъ пришолъ и на первой случай пустылъ изъ руки кровь и далъ мазъ и фластырь, отъ чего ему лучше стало и въ дарогу пустытца была надежда; я для сего человека принужденъ былъ всѣ средства употребить къ его пользованью, дабы иногда по слабосты здаровья не отсталъ отъ меня, одѣлъ я его какъ можно потеплее и взялъ отъ лекаря побольше той мазы и пластера, поехали въ свою путь.

Отъ Сегедина къ Токаю была намъ дорога весьма трудна и грязь превеликая, а дожди почти ежедено шли.

Приехали мы ужъ въ городъ Токай, въ которомъ было мнѣ известно что находитца Россійской маноръ прозивался Николай Жолобовъ, онъ тамъ былъ съ командою у покунки ко двору венгерскихъ вынъ, къ коему я на утрешни день нашолъ и объявилъ о себе, что еду въ Россію, принялъ онъ меня отъмено ласково, и тотъ день я у него обедалъ.

Въ Токаѣ простоялъ я одинъ день, а тую ночь какъ на завтре

Ожидать окрыть, почему все мои люди вскопчили, куда и какъ имъ
на доръ вышело и спрашивая что было.

Мы всю ту ночь до света уже никакъ не спали, я дожидаясь
снѣгъ поскочи далѣ, и тоже дѣтъ едва выбрались изъ той пропасты
и пришли чрезъ границу на Полоную сторону, гдѣ первое намъ по-
сѣлокъ было называлца Дукля, въ которое въ вечеру мы при-
ехали, и стали въ одной большой жидовской карчмѣ.

Въ снѣгъ местечкѣ простоялъ я двое сутокъ, одно чтобы про-
морозить лошадей а друго, чтобы и люди одѣ трудовъ могли выно-
снуть, где уже насъ и снѣгъ ворочать и зима настояща стала.

Изъ Дукли какъ мы поехали, то поназалось намъ дорога гораздо
полегче, хотя и были горы и преправы труднѣе, да всео неровнено
протѣвъ венгерскихъ горъ и тамашнихъ проходовъ, и чѣмъ еще спо-
собнѣе чрезъ Польшу ехать, что селеніе частые, а къому большіе на-
селеніе дома съ сараи, каторіе подаютъ проезжающимъ людямъ ве-
ликую выгоду и за дѣнги вездѣ и всео достать можно, что только кому
надобно, и тако доехали мы до города Жульвы, гдѣ простояли одне
сутки.

Оттуда выѣхавши была намъ дорога трудна и досадна, потому
что частіе преправы и мосты, какъ обыкновенно въ Польшу мало о томъ
стараются чтобъ дороги исправни были, а снѣгъ встречалъ насъ ве-
ликой дѣтъ, и зима уже настояща стала, то съ великою трудностію
едва до города Броды доехать могли.

Я вздумалъ было тутъ въ Бродахъ оставатца чрезъ всю зиму по
притчинѣ невозможности въ ездѣ, но какъ сталъ свой щотъ сводить
и увидѣлъ, какая бы сума денегъ чрезъ всю зиму мени стоило, а к то-
му еще и то, что Поляки по ихъ тогдашній гордости и недоброче-
лателству къ Россіи, какъ на многихъ местахъ довольно о томъ я уз-
налъ, то и отложилъ я таково намереніе простоявъ только тамъ въ
Бродахъ трое сутокъ, чтобъ лошадей покормить, пустымся опять въ
дорогу.

Но выѣздъ изъ Бродовъ продолжалъ ежедневно свою путь съ пре-
великою трудностію, и по такой несносной стужѣ и заметынахъ
едва, едва могъ до местечка Хвостова достигнуть, где по притчинѣ
большой метелицы простоялъ два дни, тамъ сказываютъ мнѣ, что уже
граница Россійская недалеко и что прямою большою дорогою на пер-
вой и главной караулъ, где обыкновенно пропускъ бываетъ, называе-
мой Василковъ, въехать не можно, не знаю покакой притчинѣ тогда тотъ
пропускъ былъ запертъ, а надобно было ехать вправо повыше на
другой караулъ и пропускъ называемы Шелеговка.

Меня сѣи вѣсты, что Россійская граница уже не далеко, побудила, чтобъ небавитца а ехать и достигнуть до желаемаго, для чего и подыная въ дарогу, а чтобы езда была мнѣ безъ остановки и утрафиты просто къ тому Шелѣговскому форпосту дарогу, то нанималъ я отъ места до места себѣ проводниковъ, и съ тѣмъ изъ местечка Хвастова выехалъ, а принужденъ былъ по весьма холодному времени, и что худая дарога дѣлать не великіе проходы, отъ чего а также что снегъ большой напалъ и заметины, чрезъ каторіе мнѣ первому довелось пробыватца и дарогу самъ себе дѣлать, то на многихъ местахъ не иначе, а тонулы соеѣмъ съ каретою и с лошадмѣ въ снегъ, напоследокъ съ тою нуждою поспѣлы на тотъ Шелеговски форпостъ.

Насъ тутъ предъ рогаткою остановилъ часовой, коего какъ я увидѣлъ въ какомъ онъ убранствѣ былъ смутыло меня чрезвычайно, я того не зналъ прежде, что въ Россіи есть особливия гарнизонные салдаты, а почиталъ какъ и въ Цесаріи, что всио адно отъ арміи салдаты, то и подумалъ я, что и всѣ протчіе таковы будутъ; сей часовой сплѣлъ у рогатке въ своей часовнѣ или бутке, коя была обвернута старими рогожами, на себѣ онъ имѣлъ старой изодраной кожухъ, поверхъ коего имѣлъ шерстяную бурку, а на ногахъ лапты и на голове съ ушами шапку, мужикъ оброслой весь въ бородѣ, въ престарелыхъ уже летахъ.

Онъ какъ насъ остановилъ, то зачалъ кричать до своихъ, кои за рогаткою были въ караулной избе, отьтуда вышелъ капралъ не въ лучшей формѣ, а такъ какъ и часовой, спрашиваетъ, кто таковъ едетъ и отькуда, мы кое какъ разуметца могли, и я какъ ему о себѣ объявлялъ, то пашолъ онъ рапортовать своего капитана, и покудова сие происходило, принужденъ я былъ тутъ у рогатки простаять на холодному ветру болѣе адного часа, на послѣдокъ въпустилы насъ во внутрь границы и показали квартиру въ адной холодной карчмѣ, где я и расположился.

Путь свою отъ Петеръварадина, какъ изъ дому выехалъ по сие место, продолжалъ я съ раздихамы ровно шестьдесятъ дней, а приехалъ на границу Россійскую тогоже 1753-го года, декабря месяца дватцать втораго дня. Вотъ таперь я уже въ Россіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. / 11. 4. 18. 11. 11.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ читателю.

Лёгкая сего свѣта жизнь побуждаетъ человѣка предъ-
инять на себя трудъ, отъвагу, страхъ, не считая ни во что
шуреніе своего здаровья, а толькобъ достигнуть до желаемого,
и тѣмъ почитаетъ себя уже на высокой степени сво-
ей счастья, но сие есть слѣпо, а должно сказать, что счаст-
ливѣйшій можетъ назваться тотъ, который при всѣхъ своихъ
тѣхъ обратитъ предприятие свое съ добрымъ намереніемъ,
увидеть притомъ изъ границъ благопристойства, и издѣлаетъ
оказаніемъ отечеству и своему государю, и оставить по себѣ
еще доброе дѣло.

Напротиво, того какъ можетъ быть вредно, что иногда
и навичке а иногда отъ подлаго коры ради, или
отъ худаго воспитанія въ себѣ, въ человѣка здравіе,
чуждость, гордость, великое честолюбіе, и нечуждость къ
къ ближнему своему.

О семъ, что значить и о комъ мысли мои, иду, можно
будетъ усмотрѣть въ разныхъ страницахъ сего сочиненія.

Говорилъ я о самомъ себѣ въ первой части сей моей
книжки, въ которой изъяснилъ о всѣхъ случившемся со мною
будучи въ своемъ отечестве и въ службѣ австрійской, также по
послѣдъ мое отъѣздъ и идущу въ дароге до границы Рос-
сійской что случалось, но въ тѣхъ молодыхъ лѣтахъ
и каковыхъ я тогда былъ сколько понесъ я труда, страхъ,
трепона разные, которое всею некоторымъ образомъ предъ-
вѣщало мнѣ, что и напредъбудущее время тому подобное
или и болше, счастье и несчастіе, со мною вѣстречатца бу-
дутъ, но однако ничто меня отъ моего предприятия удер-
жать не могло, и слѣдовалъ путемъ за своею фортуну,

Спешилъ я какбы скоряе достигнуть по своему намеренію
до желаемого, и таперъ выжу что когда судьба человеку

чего определяла, то конечно и понести онъ долженъ, шолъ я въ неизвестную мнѣ страну съ намерениемъ однако добрымъ, предъпринялъ такъ далнюю и трудную путь, употребля на то великую свою издержку и прибыль въ Россію.

Повѣсть моя таперь въ сей второй части наполнена будетъ всѣмъ тѣмъ, что случалось со мною по вступленіи моемъ въ Россію, и чрезъ продолжение въ семъ государстве безъ всякаго порока моей долголѣтней службы, какъ о томъ далѣ сказано будетъ.

Принять я былъ и определѣнъ въ военную службу, а потомъ посланъ для вывода изъ далнихъ странъ желающихъ выходить въ Россію людей, претерпѣлъ въ пути заключеніе невинно подъ арестомъ, и въ томъ страдалъ много, комиссію однакъ въ выводе людей хотя съ великою трудностію но исполнялъ порядочно; а послѣ того служилъ при дворѣ императорскомъ, и посланъ по особливой камысіи въ Венгрію, при которой посилке будучи въ чужемъ государстве несчастливымъ случаемъ потѣрялъ свою супругу и детей горкою смертію, лишился всего имущества, экипажи и лошадей, при чемъ мало и свою жизнь тамо не оставилъ.

Подаль способъ отцу своему къ выходу со всею фамиліею въ Россію и доставилъ ему выездной съ великимъ трудомъ паспортъ.

Женился въ другой разъ и дѣтѣи имѣлъ, которыхъ такъже несчастливый случаемъ какъ и прежнихъ мало не потѣрялъ, при чемъ однако лишился своего экипажа и лошадей.

Происходилъ я чинами по службѣ съ некоторыми престопами, счастій хотя и дотыкались до меня, но съ великими пребывками и обращались иногда въ несчастіи.

А при всемъ томъ былъ я у всѣхъ первоначальныхъ господъ знакомъ и любимъ, служба моя была известна и признаваема съ честью и съ похвалою всегда. всякъ желалъ изъ господъ командировъ имѣть меня въ своей команде, давали мнѣ по службѣ аттестаты и свидѣтельства.

При окончаніи первой части (принадлежащей до сего) моей по-
весты сказалъ я, что повыездъ изъ отечесва моего и слѣдую чрезъ Пол-
шу приездъ мой былъ на границу Россійскую прошедшаго 1753-го
года декабря 22-го дня на форпостъ Шелеговку, что почти нѣчего и
почитать сей годъ, ибо только осталось онаго до истечения несколько
дней, а настоящее зачало моего вступленія стану я считать съ
1754-го года генваря съ 1-го дня.

Вступленіе мое на сей Шелѣговски форпостъ было мнѣ несколько
неудобно и досадно, а тѣмъ болѣе, что отведенная мнѣ кварта была
изба пустая и холодная, которую чтобы затопить принужденъ я былъ
дровъ у караульныхъ солдатъ купить, а также что ни фуража лоша-
дямъ, ни съѣстнаго для меня и людей ни за какіе денги достать было
не можно, и потому надобно было форпостнаго капитана просить о
дозволѣніи послать за рогатку въ состоящую тамо на Полской сторонѣ
недалече деревню, въ которой искупили и привезли, что намъ было
потребно; тогоже дня къ вечеру поздно пришолъ ко мнѣ форпостной
капитанъ, сделалъ мнѣ вызвать, и счастіемъ что онъ былъ Немецъ и
могъ я съ нимъ тѣмъ языкомъ говорить.

Онъ сказалъ мнѣ, что объ моемъ приездѣ ужъ отъправился чрезъ
нарочнаго въ Киевъ къ оберъ-коменданту рапортъ, я съ нимъ не
могъ данныхъ разговоровъ имѣть, потому что старался болѣе какбы
поскорѣ согрѣть свою избушку.

На завтрашніи день въ глубокую уже вечеръ возвратился изъ
Киева тотъ нарочно посланной и привезъ ордеръ къ капитану о мо-
емъ безъ карантина пропуске, о чемъ тотже часъ далъ мнѣ капитанъ
знать.

Я не пропуская времени поутру 24-го декабря рано вставши по-
ехалъ и поспешалъ, чтобы еще тогоже дня могъ въ Киевъ dospѣть.

Оберъ-камендантъ Киевски далъ знать нашимъ прежнимъ выходцамъ тамъ находящимся обо мнѣ, что я на форпостъ Шелеговски приехалъ, и что онъ велѣлъ меня пропустить, почему некоторые знакомые выехали ко мнѣ на встречу и, встретясь со мною на пути, были мнѣ до города провожатимы.

Тогоже дня подъ вечеръ приехалъ я въ Киевъ, меня встретили еще некоторые знакомые, нарочно высланные отъ свояка моего майора Шевича, которой тогда тамъ былъ, и тѣ высланіе проводили меня чрезъ городъ и показали отведенную для меня квартиру на Подолѣ, гдѣ и всѣ протчіе выходцы были.

Тамъ на квартиры моей дожидаясь меня, мой своякъ и сестрица, сестра супруги моей, оны рады были пріему, нашему, чужаковъ, а мы также, одно что съ ними увидѣлись, а боже, что до своего места доехали и дорога кончилась, которая намъ была крайня насущная.

На завтешний день 25-го декабря праздникъ Рождества Христова приехалъ ко мнѣ мой своякъ и съ нимъ еще некоторые знакомые, поехали всѣ вместе въ крепость къ господину оберъ-каменданту тогда тамъ бывшему, Ивану Ивановичу Костюнину, одно что до обычая, какъ мнѣ о томъ пресказывали, поздравить его, праздникомъ, а друго, чтобы я самъ себя ему яко новопріеженъ представилъ.

Господинъ оберъ-камендантъ принялъ меня очень ласково и мнѣ домъ приятнымъ, умѣлъ онъ несколько говорить по-немецки, и тѣмъ лучше могли мы въ своемъ дискурсе разумѣть, онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ я это оносилъ сталъ коротко знать, былъ человекъ отъ природы весьма обходительнымъ своимъ приятель, и сказать что въ такомъ мѣстѣ на границе былъ онъ и надобенъ, какъ тамъ часто чужестранные проезды случаются быть, то по его учтивости и пріятству всякому проезжему онъ нравился.

Я тутъ въ Киевѣ изъ прежнихъ нашихъ выходцовъ засталъ две команды или задало новыхъ полковъ: первой генерала Шевича, а другою генерала Прерадовича, только на то время сихъ обоихъ генераловъ тамъ не было, а находились въ Москвѣ, где въ то время и дворъ былъ.

Семь ново-названныхъ полками командовалъ однимъ подполковникъ (Живанъ или) Иванъ Шевичъ, синъ старши генерала Шевича, а Прерадовича полкомъ синже его, премьеръ майоръ Георгій Прерадовичъ.

одно только то, что судьбина моя привела меня въ такое государство, где уже и жить и умереть съ радостью готовъ буду.

Я ужъ и не хотѣлъ просить опредѣленія въ другой какой полкъ, какъ некоторые совѣтовали меня чтобы проситца въ старіе полковыя гусарскіе полки, упоминая что Шевичевъ и Прерадовичевъ бухутъ поселенные, и что не такъ почитатца стануть какъ другіе, однако и таковы пустіе совѣты оставилъ въ сторону, а подавъ челобитную съ изъясненіемъ, что желаю быть опредѣленнымъ въ полкъ господина генерала Шевича.

По сочинѣніи той моей челобитной прежде нежели я оную подавъ, адынкъ изъ коллежскихъ чиновъ отозвался и говоритъ мнѣ, что де всѣ вышеіе наши господа, получивъ здѣсь чины болше нечего, что въ Цесаринъ были, почему и вы говоритъ онъ мнѣ имѣете смѣлъ просить чинъ секундъ-майорски; я о семъ совѣтъ думалъ и разуждалъ целой день, проситца чина болше или оставить, изъ сего смѣла просить чина болше показалось мнѣ, чтобы иногда на первой случай такою прозбою не подать о себе господамъ какова неудовольствія, выйдя въ какомъ наши вышеіе несогласія, ссоракъ, и что болшие господа о такихъ поступкахъ крайнѣ недовольны, то для тѣхъ резоновъ упустилъ я о награжденіи чиномъ просить (что таперъ и выжу свою ошибку велику и не умелъ воспользоватца предстоящимъ предо мною счастиемъ), а толко въ челобитной упоменулъ, что желаю вступитъ въ службу и опредѣленнымъ быть въ полкъ господина генерала майора Шевича тѣмже капитанскимъ чиномъ, какимъ я и въ цесарской службѣ былъ, но чтобы предъ тѣми капитанами команды господина генерала майора Шевича, кои въ цесарской службѣ тѣми чинами не были, дать мнѣ старшинство.

Сию челобитную я такъ сочинивши подпысалъ и подавъ генералу Шевичу, онъ принявъ оную и ничего по той моей прозбѣ противнаго не сказалъ и представилъ въ военную коллегію при своемъ рапорте, такъ какъ она отъ меня подана.

Потомъ, чрезъ дней шесть, призвали меня въ военную коллегію въ присутствіе, где тогда полное собраніе было, спрашиваетъ меня господинъ вице-президентъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ и господинъ генералъ аншефъ Петръ Спиридоновичъ Суморукъ, оба оны харашо по немецки говорили, что при подаваемой той отъ меня челобитной непрощу-ль я еще чего, я отвѣчалъ на то, что не нахожу резона просить и трудить яко человекъ новой незнающій еще обычаю,

и хотѣлъ быть поверилъ, а, что мною выпрошено что и упушено, однако въ томъ полагаюсь на милость господъ присутствующихъ и даду надежду на нихъ, естли что мнѣ слѣдуетъ, то оны конечно не оставятъ о томъ учинить свое определеніе.

На ои мои слова, какъ я выговорилъ, то повернулъ стуломъ направо ко мнѣ Петръ Спиридоновичъ Сумеруковъ, какъ я ему несколько нѣколось стоялъ, и говоритъ мнѣ, мы де известны чрезъ писмо господина полномочного посла въ Венеію находящагоса, какъ оны военной коллегии изъясняли, какъ вы были удержаны и арестъ тѣрпѣли и по нашему абшиту какое затрудненіе происходило, покуда напоследокъ вы могли своей настоящи наипертъ получить, а также получа тотъ наипертъ вы продолжали изъ своего отечества до границъ российскихъ лутъ наясвостъ коштѣ, и какъ вы ни о какой награжденіи въ поданной отъ васъ челобитной ни упоминаете, а тогда о приплатѣ васъ въ службу тѣмже капитанскимъ чиномъ, какимъ вы и въ цесарской службѣ были, то для того мы васъ спрашиваемъ, не имеете ли вы особенной еще какой прозбы, а я на сие сказалъ что нѣтъ не имѣю, а полагаюсь на милость господъ присутствующихъ какъ оны заблаго-разсудятъ.

Вотъ тутъ и вторителнымъ разомъ представало предъ меня мое счастье, но я и тогда его упустилъ и чина не просилъ.

Послѣ сего велѣно мнѣ изъ присутствія на малое время выйти, покуда опять меня позовутъ, я по тому приказанію выполлъ въ экзекуторскую и просидѣлъ не болѣе четверть часа, потомъ позвали меня и опять туда въ присутствіе, и объявляютъ мнѣ господа, что я по прозбе моей въ челобитной принять въ службу и опредѣленъ буду въ полкъ господина генерала Шевича съ тѣмъ старшинствомъ, какъ я въ челобитной прописалъ, а сверхъ того государственная военная коллегія определятъ мнѣ жалованые съ раціи и порціи етого времени, какъ я изъ службы цесарской свои абшитъ имѣю и въ команду господина генерала майора Шевича записанъ былъ, сие де вамъ сказали мнѣ господа и будетъ въ место награжденія за вашъ выездъ и на путевую вашу издержку.

Я на сие определение поблагодарилъ и былъ тѣмъ доволенъ, считая мнѣ снхъ денегъ всего за полтора года по московскимъ тогда сиривочнымъ ценамъ за раціи и порціи съ окладнымъ тысяща сто двадцать одинъ рубль двенадцать копеекъ получить, причемъ говорить мнѣ господимъ вице президентъ Апраксинъ, чтобы я къ нему

въ будущее воскресенье въ семь часовъ завтрашній, въ тотъ же часъ
красно въ присутствіи вельможъ и пажовъ на своемъ квартирѣ.

Послѣ завтра въ воскресенье, какъ мнѣ было приказано, явился
я къ господину вице-президенту, где засталъ я собравшихся многихъ
господъ и дамъ, откуда къ намъ Степанъ Федоровичъ явился,
и мнѣ поговоривъ о томъ, что явилось и тому удивилъ, то тотъ часъ сталъ
мнѣ говорить и объяснять мнѣ, что онъ хотѣлъ представить мнѣ
государиню императрицу Александру Петровну и что онъ хотѣлъ
идти къ обѣднѣ, потому что онъ хотѣлъ въ карету и поехать въ
дворецъ, то и я къ нему съ нимъ туда же поехалъ и вошелъ туда,
куда и всѣ протѣкало идти, не зная еще ничего, все въ первомъ этажѣ
я дворецъ я такое большое собрание увидѣлъ, и стою въ протѣканіи въ
большомъ покоѣ, а то было предъ дверями куда въ черную выводитъ,
вскоре потомъ пришелъ генералъ Шевичъ и сталъ со мной майоръ
Петръ Шевичъ, я подошелъ къ генералу и спросилъ его, что моя
предыдущая хвалѣ къ государинѣ, и стали ужъ мы въ на такое
мѣсто, чтобы намъ видѣно было между народомъ, какъ государинѣ
идти въ черную проходить.

Государиня изволела пройтить, и обѣдня зачалась, а предъ божи-
чникомъ обѣдня падиномъ къ намъ админъ нашъ придворныхъ господъ,
о коемъ я опослѣ узналъ что то былъ дежурной камеръ-херъ, спра-
шиваетъ онъ насъ, кто изъ васъ есть капитанъ Пишчевичъ, я на тотъ
запросъ отозвался, и говорю что я, онъ говоритъ извольте за мною
идти, и приведши меня въ большую галерію поставилъ на такомъ
мѣсте, куда государиня проходить будетъ, где и онъ самъ возлѣ
меня сталъ.

Государиня какъ приближилась идучи, то оной господинъ до-
ждалъ обо мнѣ, а тутъ тотъ же часъ и господинъ вице-президентъ скоро
поспѣшилъ и подошелъ сталъ обо мнѣ докладывать, государиня по-
кудова тѣ слова выслушала, кои ей отъ вице-президента докладывалъ,
то непрестано на меня глядѣла, я былъ въ новомъ богатомъ гусар-
скомъ мундирѣ, потому государиня пожаловала мнѣ ручку.

Послѣ сего поехалъ я съ генераломъ Шевичемъ и съ моимъ
своимъ майоромъ Петромъ Шевичемъ домой, а въ вечеру были мы
во дворцѣ на балу, гдѣ въ первое къ моему удовольствію видѣлъ пре-
дворное въ Россіи увеселеніе, которое мнѣ чрезвычайнымъ показалось.

Тотъ же вечеръ, какъ мы на балу были во дворцѣ, видѣлъ меня
цесарской полнотѣи насъ графъ Естерхазъ, онъ былъ прибрѣн

Венгерь самъ онъ въ миръ не говорилъ, а, подославъ стороную дѣтъ своей свѣтлы, одного, о которомъ я снова узналъ, что онъ назывался графъ Волладичъ, сей помощникъ, ко мнѣ прибавилъ, остановился въѣздомъ и очутился на дачѣ Шкавалерова, сей паннухъ, а потому, зачѣмъ ко мнѣ ко Венгерскъ говорить, такъ онъ подмываетъ обо мнѣ, что конечно, я Венгерь, или покрадней мере изъ Венгрии родомъ, а юта сей языкъ и разумъ, на, правнимо, оныи говорить не могу, никакъ выразишь его запросъ отвѣчалъ ему по немецки, говорю, что я не Венгерь родомъ и выросъ тамъ въ той странѣ, онъ выслушавъ мой отвѣтъ осмехнулся, говорить уже и онъ по немецки, вотъ его де хорошо я васъ природнымъ языкомъ спрашиваю, а вы мнѣ отвѣчаете чужимъ, и когда вы говорили онъ, мой спросъ выражувалъ и на то отвѣчаете то конечно вы не хатите своимъ языкомъ говорить, а нашедъ господинъ пасолъ желаетъ объ васъ знать какъ онъ сеюдня видѣлъ, что васъ представляли императрице, я опять и на то отвѣчалъ, что я не Венгерь а Сербынъ и родомъ изъ Славоніи и что отъѣзъ съ дозволения двора австрискаго выехалъ и прибылъ на сѣхъ дняхъ сюда и принялъ службу, после того онъ о тошоль отъ меня и потомъ видѣлся часто при дворѣ, но кудова я еще въ Москвѣ былъ.

Черезъ несколько дней спустя вышло указъ изъ военной коллегіи и присланъ къ генералу Шевичу о моемъ въ службу опредѣленіи и меня въ военной коллегіи привели къ присягѣ, и тако оставось уже я въ команде Шевичевой старшимъ капитаномъ.

Мнѣ не было reasonа дачъ оставатца въ Москвѣ, а хотѣ было на-добно въ Кіевъ, но какъ господинъ генералъ Шевичъ еще дачъ за-бавился въ Москвѣ въ ожиданіи своего отъпрасленія, то ждалъ онъ, чтобъ я при немъ на некоторое время еще остался, и потому промывъ я въ Москвѣ четыре мѣсца.

Тѣмъ временемъ не оставалъ я, чтобъ весть въ Москвѣ не по-бывалъ и видѣлъ, какъ что-то достопамятное, бывалъ тамъ всегда праздники у большихъ господъ и во дворѣ какъ тогда чествіи при-доре бывалы куртаки, машкарады, балы, фейерверки, то и было известно чего видѣть.

Я архудомъ въ Москвѣ находимся, нѣтъ случай узнать о нашихъ анхонцахъ о ихъ обстоятельстве и несогласіяхъ о чемъ пожеланию, прежде какъ генералъ майоръ Иванъ Хорватъ выехалъ, что онъ хотѣ-лено былъ принять и данна ему привелегія о волности выходящаго народа и отведена ему подъ поселеніемъ въ пустыхъ мѣстахъ, за-

часть сверху отъ западной стороны и отъ Синюхи реки, где она вь Бугу впадаетъ и поворота на северъ по Синюхѣ до Выса реки и по оной понадъ границею польской Украйны въ низъ до Тисыиной реки жь, и далѣ по правомъ берегу реки Днѣпра до границъ тогда бывшихъ Запороженскихъ казаковъ, что и составляетъ длиною болѣе тридцати миль географическихъ, на коихъ мѣстахъ определено для заселенія выходцами подъ названіемъ Новая Сербия.

Хорватъ выехалъ первой въ прошедшемъ 1781 годѣ и зналъ, что вскорѣ за нимъ вслѣдъ также выедетъ и генераль Шевичъ, то и упредилъ Хорватъ ту привелегію на имя свое исходатаиствовать, и зделался того выхода первоначальнымъ, почему и требуетъ, чтобы повелѣно было всемъ выходящимъ селитца на тѣхъ мѣстахъ, кои подъ Новую Сербию отведены, и быть всемъ у него Хорвата въ камандѣ, что и зделано было; и съ тѣмъ онъ Хорватъ поехалъ изъ Петербурга въ Кіевъ, гдѣ въ то время находилась его каманда, и поднявшійся немедленно со всеми своими папшю на ту отведеную ему землю, гдѣ и расположился на первой случай сколько могъ успѣть.

Распредѣлилъ всю землю на два селенія, адму половину подъ гусарскіе полки, а другую часть подъ пехоту кою называлъ пандурами, распредѣлилъ также и назначилъ шайцы или роты и афицеровъ съ некоторымъ числомъ рядовыхъ, сколько тогда изъ выходцовъ при немъ случилось.

Къ нему жь Хорвату определено отъ Сената для всякихъ порядковъ и содержанія казны адмѣ генераль съ принадлежащими еще инженерными чинами, сей генераль называется Иванъ Феодоровичъ Глебовъ, которой долженъ былъ обо всемъ, что до поселенія принадлежитъ, съ Хорватомъ имѣть сношеніе.

И того жь года для прикрытія сего поселенія отъ страны Крымскихъ и Очаковскихъ Татаръ заложена крепость святаго Елисаветы, въ которой потомъ генераль Глебовъ съ командою своею и съ гарнизономъ пребываніе свое имѣлъ.

И тако на томъ фундаменте Хорватъ по поданой ему привелегій и остался въ Новой Сербии и въ ожиданіи всехъ выходцовъ къ себѣ въ команду, которыхъ и велѣно было, какъ кто въ Кіевъ прибудетъ снабди подлежащимъ на проездъ, отправлять въ Новую Сербию къ Хорвату.

Генераль Шевичъ выехалъ изъ Цесаріи послѣ Хорвата чрезъ ^садынь годъ и приехалъ въ Кіевъ, когда приехавши узналъ что Хор-

вату такова привелегия данна и что онъ со всеми своими долженъ ехать на поселение въ Новую Сербию, и быть уже у Хорвата въ команде, яко о всехъ выходцахъ тако гласить.

По такимъ обстоятельствамъ генераль Шевичъ, не бывъ тѣмъ доволенъ, оставилъ въ Киенѣ всехъ своихъ поехалъ самъ въ Москву, какъ я выше говорилъ, что въ время и дворъ тамо находился, онъ былъ также какъ и Хорватъ хорошо примѣнь и представленъ императрице.

Послѣ того подавъ Шевичъ отъ себя представленныя, изъясняя что нежелаетъ быть никогда у Хорвата въ команде, и что онъ будучи и въ Цесарской службѣ былъ всегда старше Хорвата, а также и то что онъ болше людей и фамылиевъ въ Россію вывелъ нежели Хорватъ, и требуетъ по тѣмъ резонамъ особливой привелегии и для поселенія другую землю.

Въ то же время какъ и генераль Райко Прерадовичъ выехалъ и въ Москву также находясь, то и онъ предполагать сталъ, что не желаетъ быть въ командѣ ни у Хорвата, ни у Шевича, почитая себя отъ обоихъ старшимъ по службѣ цесарской, требуетъ также особой привелегии на имя свое и къ заселенію другую землю.

И тако я сихъ обоихъ господъ генераловъ нашелъ въ Москвѣ въ прелевиткомъ замѣщательствѣ, о чемъ прижетьтъ я могъ довольно, что болшие господа тѣмъ были весьма недовольны и что изъ того вышло великое затрудненіе.

Между тѣмъ какъ Хорватъ узналъ сихъ господъ Шевича и Прерадовича требованіи, то и сталъ онъ употреблять оспособы и во всемъ имъ препятствовать и чтобъ конечно ихъ обоихъ определить къ нему въ команду, а кому еще и представленіе на нихъ подавъ опорочая ихъ выходъ, а болше Прерадовича яко онъ никого болѣе съ собою не вывелъ окроме только своей фамыліи, и что онъ Хорватъ есть первоначальный того выхода, показывая себя въ томъ болше другихъ, и какъ бы не онъ отважился просить увольненія и пашпортъ отъ двора цесарскаго въ Россію, тобы конечно ни кто другой учинить того не смѣлъ и онде всемъ образецъ былъ и дарогу отъкрылъ.

Шевичъ напротивъ того опорочая то Хорватово представленіе объявляя о себѣ, что онъ яже самое время не по слѣду Хорвата, а самъ собою увольненіе отъ двора цесарскаго просилъ и не вообще съ

Хорватомъ, и что онъ боишь людей съ собою вывести нежедь Хорватъ, и былъ всегда старее его Хорвата.

Сии обстоятельства происходили долгое время и многократно было въ Сенате и въ военной коллегіи о томъ советы, напоследокъ положено такъ дабы прекратить всѣ безпокойствы, и дать выгоду всѣмъ, то отведена Шевичу земля особливая, въ Бахмутской провинціи на пустыхъ местахъ по рекамъ Донцемъ и Луганию, а Прерадовичу тамже по Донцу и по другимъ речкамъ по суседству више Шевича и къ крепосты Бахмуту поближе, и адинъ другому въ команде не быть, а имѣть воить свое поселенные особно, а земля вся вообще названа Славено-Сербыя, однако особливой привилегіи не данной.

Хорватъ какъ о семъ узналъ, то чтобы имъ обеймъ Шевичу и Прерадовичу учинить препону, послалъ въ Киевъ своихъ афицеровъ подь выдомъ покупки на полкъ свой суконъ и протчихъ къ строеную мундировъ вещей, а всакомъ дѣле были тѣ афицеры подославы, чтобъ стороною подговаривать Шевичевыхъ и Прерадовичевыхъ людей о подаче по команде прошеныевъ, что анъ желаютъ быть на той землѣ, которая Хорвату отведена, а туда за Шевичемъ ити не желаютъ.

Таковъ Хорватовъ замысль и подлино зделалъ Шевичу великой подрывъ и не точию что таковы нащались, кои о томъ къ оберъ-комедданту Киевскому прошеніи подавали, но многие способомъ реки Днѣпра отъ Киева въ нызъ на лодкахъ къ Хорвату въ Новую Сербыю уходили, коихъ онъ Хорватъ потомъ и удержалъ у себя, и естлибы еще Шевичу адно толко то не пособыло, что военная коллегія не была съ Хорватомъ доволна за то, что онъ подь коллегіею быть не захотѣлъ, а выпросилъ зависимостью быть пряма отъ Сената, чего Шевичъ делать не хотѣлъ, а остался подь коллегіею, то потому ужъ коллегія его сторона была и зделано Хорвату запрещеніе въ приеми Шевичевыхъ людей, а тобы на то время, какъ было возгорелось, Шевичъ могъ потѣрять всѣхъ своихъ людей, и тако послѣ того по многимъ затрудненіямъ Шевичъ и Прерадовичъ изъ Москвы выехали и прибыли въ Киевъ.

Къ симъ обеймъ господамъ определенъ былъ тогда генералъ Илья Александровичъ Быбиковъ, на томже основаніи какъ что къ Хорвату Глебовъ, и велѣно ему имѣть свое место въ крепосты Бахмутъ, и смотрѣть при той комыси, дабы поселенцамъ достаточная съ угодными земля была отведена, такожъ чтобъ оныя всѣмъ подлежа-

щилимъ какъ жалованьемъ, такъ провиантомъ и фуражемъ, на тѣ первые положенные по штату года, снабжены были.

Генераль Быбиковъ приехалъ въ Киевъ и въскоре потомъ поднялъ обоихъ господъ генераловъ Шевича и Прерадовича съ ихъ командами, снабдя ихъ маршрутомъ и подводами выпроводилъ изъ Кіева къ Бахмуту.

Я также вообще съ другими изъ Кіева выехалъ, и продолжалъ путь свой чрезъ Малую Россію и слободские волаки прибыли къ Бахмуту, откогда насъ повелы и расположили въ провинціи Бахмутской, по близости нашихъ селеніевъ, по слободамъ казеннымъ по-квартирамъ.

Мнѣ таперъ отсюда надобно на малое время моею повестью опять возвратитца въ Москву, и сказать что еще въ мою тамо бытность особливо происходило.

Таперъ зачинай мой читателю обо мнѣ сожалѣть, ты увидишь изъ сего, что я буду нынѣ своею повестью продолжать, каковы несчастливые случаи со мною встречались и на какую путь судьбина человека ведетъ.

Въ то время какъ я въ Москву приехалъ первой разѣ и опредѣли въ службу, то чѣмъ выше значить, тогда засталъ я въ Москвѣ приехавшаго изъ Чорной горы владіку, Василія Петровича, оны отелъ приежаютъ въ несколькихъ лѣтъ за мылостинѣю, какъ обыкновенно безстыльные калугеры вездѣ шатаются, и изискиваютъ способы кабы набогатѣтица, то и сей владіка послѣдуя тому подалъ отъ себя въ сенатъ прожектъ, объявивъ, что онъ можетъ учинить пользу Россіи, и вывести изъ Чорной горы народа до несколько тысячъ на службу, прописавъ о себѣ что есть въ Чорной горы самовластной повелитель и ни откого независимъ, и что весь тамошны народъ повируется его повелѣнію, и что онъ какъ скоро о семъ выходе приехавши туда публикуеть, то весь народъ по ево повелѣнію готовъ будетъ поднятца и въ Россію выходить, а толко бы определено было на путевое содержаніе, казну, и афицеровъ для препровожденія, и приняты ихъ на цесарскихъ граньцахъ, гдѣ способно будетъ.

Сей прожектъ въ сенатѣ принятъ былъ, и по нѣмъ учинѣн докладъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, почему и конфирмація воспослѣдовала, и велѣно учредить комисію, и писать ко двору цесарскому, просить о дозволеніи на свободной проходѣ чрезъ державу цесарскую народу Черногорскому, и на карантинныхъ потравахъ

туя, чтобы я о предстоящем своемъ счастьи подумать и решительное
сказалбы майору Петровичу, съ тѣмъ я его оставилъ и пошелъ на
свою квартиру.

На завтрашний день послѣ полуденъ приехалъ ко мнѣ майоръ Петровичъ, посѣдѣлъ у меня и просить чтобы поехать съ нимъ на его квартиру, въ чемъ не могъ я отказатца сделатьъ ему то удовольствіе.

Майоръ Петровичъ зачалъ мнѣ говорить то самое что и владика говорилъ, при чемъ толкуеть еще что какъ онъ несколько лѣтъ естъ въ Россіи и по службѣ ему всѣ порядки уже сведомы, и что онъ намыслиа тѣмъ афицерамъ, кои при провожденіи того народа будутъ употреблены, въ великую пользу и къ счастію послужить можетъ, и за то де нашъ владика желая вамъ яко нашему одноземцу всякаго благополучія вознамерился пригласить васъ къ себѣ, и какъ скоро онъ изъ Москвы отъѣзжать будетъ, то де тогда и требовать хочеть некоторыхъ афицеровъ для препровожденія народа, въ томъ числѣ васъ перваго уже назначено, толко вы въ то время какъ повелѣно будетъ слѣдовать, чтобъ не отказались и дали бы въ томъ свое слово. Но вы, говорилъ майоръ, намъ при сей камысѣи необходимо надобны прежде по известности о фамили вашей въ нашихъ странахъ, и что народъ выходящій будетъ болше имѣть привязанности къ своему, нежели къ чужемъ, а другое и то, промжалъ майоръ свои слова, что вы въ цесарской службѣ были и вамъ тотъ языкъ и обычаи тамошніе известны, и народъ какъ выходить будетъ въ разныхъ мѣстахъ по границе цесарской, гдѣ и въ которыхъ мѣстахъ заслосбно найдутъ, а также и проездъ должно имѣть чрезъ Цесарию и Венгрію, и принимать ихъ будемъ какъ выходить стануть на учрежденныхъ по границе цесарской карантинахъ, то въ такихъ случаяхъ вы намъ необходимо потребны, для чего нашъ владика, говоритъ майоръ, приказалъ мнѣ васъ просить чтобы вы не отреклись отъ сей камысѣи, онже обещаетъ вамъ здѣлать за вашъ трудъ великое счастье, какъ таково дѣло во всемъ отъ его рекомендаціи зависить, и како онъ чемъ назначить, то тому такъ и быть и вы не иначе какъ чинъ полковника получить можете, и будете послѣ меня первымъ.

Таковы непрестанные советы тогда такъ смутили меня и набыли мнѣ голову, что я не зналъ на чомъ положитца, и какбы предвещало мнѣ нечто страшное и опасное, такъ оно мнѣ представлялось, но что ежедневно о томъ мнѣ толкуютъ употребляя къ тому всякие ласканыи и обнадёживаньи, кои къ несчастно моему такъ сильно за меня

примечались, что уужь мысли мои, стали мяхчйтца, и склонность уже къ нхь волѣ стала во мнѣ рамдатца, но однако еще воздержался и не даѣ настоящаго слова, а толко отъвечалъ майору то самое, что предъ тѣмъ и владике говорилъ.

Онъ выслушавъ мои слова поворить мнѣ, такъ видно что вы склоносты не имѣете, и предъстоящимъ счастьемъ ползоватца не хотыте, а другой бы и за денги того куныть желалъ, напоследокъ еще говорить онъ мнѣ, паедемъ пажалуй оба вѣместѣ къ владике, вы услышите болше отъ него, какие онъ мысли объ васъ имѣеть, я согласенъ ехатъ съ нымъ.

Владика какъ увидѣлъ насъ обоихъ вѣместѣ къ нему приехавшихъ, встрѣчаетъ и титудуетъ насъ словомъ стариннымъ Сербскихъ воеводъ, просить сестъ, подчевалъ виномъ шампанскимъ, и завелысь у насъ разговоры, между прочимъ зачалъ майоръ къ владике обо мнѣ говорить, какъ онъ всио о камысиіи ихъ мнѣ объявлялъ и что еще слова къ согласію отъ меня не получилъ.

Но сему отъ майора рапорту, владика оказался несколько оскорбленъ, говорить мнѣ, вы де еще любезной мой другъ не знаете, какое я для васъ счастье приуговорить намеренъ, хотя я говорить владика, и есмъ сего дела предводитель, но мнѣ чиновъ военныхъ и тѣхъ достоинствъ не дриидмать на себя, я конечно хачу вотъ васъ два тобѣ тѣмъ ползовалысь чемъ кто другой, и вы два хачу я чтобъ былъ начадствующіи.

Я уишъ видя около меня что столько ласковосты и обьнадеживанія отиалъ къ владике, что мнѣ преситца къ той камысиіи нѣтъ никакова резона, а естли приказано будетъ итытъ, то не откажусь.

Мое объявление какъ я приметылъ владика несколько успокоило, изътого что онъ меня обьянялъ и поцеловалъ, и зачалъ опять говорить что де вы оба котя и поедете въ полкъ, но тамо оставатца вамъ не надолго, а я таперъ говорить онъ, дожидаясь толко здесъ въ Москвѣ своего отъправленія, ибо резолюціи отъ двора цесарскаго на посланное требование о пропуске и о приеме на границахъ приежающаго туда народа еще въ полученіи нѣтъ, а какъ скоро то прислано будетъ и я отсюда отъправляюсь, тогда объ васъ обоихъ пришлѣтца повелѣніе куда вамъ слѣдовать.

Генераль Шевичъ и мы всѣ изъ Москвы выехали и прибыли въ Кіевъ и стали въ путь къ новымъ нашимъ местамъ готовитца какъ я о томъ уже выше сказалъ, между тѣмъ предъ самымъ нашимъ

выездомъ дня за два прежде, прибылъ владика изъ Москвы въ Кіевъ, мы я и маиоръ пошли къ нему съ визитомъ.

Показался онъ мнѣ нѣчто съмущенъ и невеселъ, объявляетъ что нездоровъ, онъ пашолъ съ маиоромъ въ другую комнату нѣчто такъ говорили и какъ сие показалося дожидатца долго, то я вышелъ тихонко и пашолъ на свою квартиру.

Подъ вечеръ тотже день пришолъ ко мнѣ маиоръ и говорить, для чего вы такъ скоро севодни отъ владики пошли, онде васъ спрашивалъ и хатель съ вами говорить, такъ поедемъ таперъ къ нему, я согласился и пашлы.

Владика зачалъ мнѣ говорить, что онъ отъезжаетъ въ свой путь въ Чорную гору, и что какъ скоро туда прибудетъ, зачнетъ дѣлать приуготовленіи къ выходу народа, яко уже отъ двора цесарскаго въ пропуске есть дозволеніе, и что не уедлтит прислать чрезъ нарочнаго свое въ сенатъ представленные, почему тогда какъ маиоръ Петровичъ такъ и я съ протчими афицерами, туда къ границамъ цесарскимъ отъ страны турецкой, такожь и къ Венеціанскимъ отпразнены будемъ, а вы де до тѣхъ поръ говорить владика оставайтесь при своей команде и ожидайте своего отпразнения.

Между протчимъ еще владика сказалъ мнѣ, что онъ послѣ нашего изъ Москвы отъезда подалъ въ сенатъ прошеніе о потребованіи отпуску изъ службы цесарской полку Славонскаго гусарскаго капитану Ивану Подгоричанину, и что сей капитанъ также при той камііи будетъ, я де такъ писалъ говорить владика, что мнѣ необходимо капитанъ сей потребенъ, и потому умоваю что отпущенъ будетъ.

Владика оботпуске изъ канцеліреной службы капитана Ивана Подгоричанина учинилъ такою представленіе, для того что маиоръ Петровичъ и сей капитанъ состоятъ несколько въ овиѣствѣ, и редомъ изъ турецкой области изъ аднаго города изъ Подгорницы, и о томъ какъ я опосля узналъ, чтобъ его потребовать старался маиоръ Петровичъ прозбою около владики много, я сего капитана знаменъ цесарскій воеводо, и мы оба я и онъ служили въ цесарской службѣ въ томже Славонскомъ гусарскомъ полку вмесѣ, обѣ немъ буду я въ передѣ еще говорить болше.

Чрезъ день владика поехалъ изъ Кіева въ свой путь, а мы также съ генераломъ Шевичемъ изъ Кіева въ совѣсть подьялись и приехали на свой мѣста, какъ я о томъ выше сказалъ, и расположились

по квартирамъ, снабдивъ насъ нашъ камысаръ господинъ генералъ Бибыковъ всѣмъ потребнымъ, и ту зиму провели безъ нужды.

Выступление наше на квартиры было подъ осень въ августе мѣсѣце и время хорошее, и дни еще теплые, проводили время разными забавами, а и какъ имѣлъ охоту къ стрѣлбѣ, то въ томъ наиболѣе мое упражненіе было ездить по поляхъ, и ходить по лѣсахъ стрѣлять птицъ и зверей разнаго рода, какова тамъ въ тѣхъ мѣстахъ было много множество, да, томъ у насъ та осень и вся зима прошла.

По наступившей веснѣ, какъ въ томъ краю климатъ отъменно хорошій, то и весна скоро и рано открылась, послано было отъ генерала Бибыкова штата его землемѣры офицеры, кои съ тѣхъ мѣстъ по тому новому мѣселемъ, быть означены планы, и потомъ означено мѣ. Шевичу и гдѣ Прерадовичу селенія свои зачинать, вся та пустыня разделена на две части, и на роты и на шанцы, означены урочища и речки съ принадлежащимъ грунтомъ и угодьями, и тѣ планы отосланы въ военную коллежю на апробацию, и покуда то такъ проходило, то мы еще на тѣхъ квартирахъ оставались, целое лѣто, и въ зиму другую вошли.

Планы въ военной коллегіи апробованы и присланы обратно и потому генералъ Бибыковъ на веснѣ приехалъ изъ Бахмута къ намъ, и генераламъ Шевичу и Прерадовичу о томъ объявлялъ, почему уже господа генералы дѣлали свои распоряженія и означивали, куда и въ которые шанцы и на роты кому изъ капитановъ быть и къ нимъ опредѣляли офицеровъ съ приказаніемъ, чтобъ немедленно всѣхъ на назначенное свое мѣсто изъ квартиръ выступили, и туда для зачинания селеній слѣдовали.

На наши строенія былъ способъ довольно на первой случай, ибо почти всякая рота имѣла въ близости лѣса весьма удобнаго, имѣлось рота надъ рекою Донцемъ, прозывается то урочище Райевка, где былъ у меня лѣсъ не далеко.

Выехали мы на чистую и глухую пустыню, тутъ то возмуществовали всѣ вообще, а особливо тѣмъ кои по Луганю селитца зачали, что есть нужда и жизнь праскорбная, нѣгде поклонитца и что насамъ перодъ зачинать не знали, для того что всякая вещь въдругъ и въ аднѣхъ разъ надобна, а особливо я яко еще никогда хазяиномъ не бывалъ и что то есть строитца и экономію заводитъ, по молодости тогда моихъ лѣтъ, совѣтъ мнѣ въ голову не шло.

Стаялъ я долго лагиромъ имѣлъ небольшую палатку, а потомъ здѣлалъ сарай одетеной изъ хвороста и надѣкрылъ травой, майстеровыхъ людей нигдѣ еще достать было не можно, хотя селеній по той сторонѣ реки Донца и есть, но къ намъ на работу ни за какие деньги итти не хотѣлъ, такъ то тамошней народъ сперва отъ насъ дичился, а то дѣлалось отъ того что народъ тамошній родинась, взросъ, и состарѣлся всею на одномъ мѣстѣ, въ глушинѣ такой, что никакъ другаго никогда не видѣть окроме себя и своихъ, то потому тогда какъ мы и вту сторону пришли и насъ увидѣли что убегивали отъ насъ какъ дикие, о чемъ оны потомъ какъ с нами пообнакомилысь самы намъ сказывали, какъ мы имъ стращными показались, и за то да къ вамъ въ работники приходитъ не хотѣли.

По какимъ обстоятельствамъ, что съ перваго нашего туда прихода не могли работниковъ достать, то я принужденъ былъ съ своимъ четырьмя человѣками слугъ тотъ свой сарайецъ исправить, ибо у меня въ ротѣ состояло съ перва только одиннадцать человекъ гусаръ, бравахмистръ одинъ и капрала два, которыхъ я не могъ на свое дѣло употреблять, а должно имъ было также строитца и другъ другу въ томъ помогать.

И тако я построивши тотъ для своего жилища небольшой сарайецъ, укрепилъ его кое какъ сколько къ тому моего ананія достигало и въселелся во оной, было въ немъ два покойка и небольшие сени съ коморкою, и считалъ такъ что лучше на то время и не надобно, однакъ эта моя резиденція не долго меня веселила, какъ тамъ часто бываютъ ветри, то въ одну ночь какъ пашолъ дождь съ громомъ преужаснымъ, отъ коего дожда промокла на моей резиденціи кровля насквозь, и вода во внутрь ручеемъ текла.

Я съ женою и съ маленькими детмы премоклы такъ, какбы въ водѣ купались, а притомъ страхъ отъ преужасной той блискотни и сильныхъ громовыхъ ударовъ, сидѣли мы во ожиданіи послѣдняго конца своего, на послѣдокъ здѣлалась буря гораздо сильнѣе съ ветромъ превеликимъ, отъ чего зачалъ мой домъ ламатца.

Кровки какъ надавила сверху та изъ мокрой травы кровля, то ужъ камарку мою вдругъ совсѣмъ поваляло и доходить дѣло до моихъ покойковъ, я видя сію опасность поспешилъ скорѣе съ женою и съ детмы чтобъ вонъ вискочитъ что едва успѣть могли, и ужъ моя резиденція совсѣмъ повалялась, и мы совсѣмъ въ адныхъ рубашкахъ подъ небомъ остались а подклонитца болѣе нѣкуды, принуждены такъ на томъ дождю и на ветру стоять безъ прибежища.

Слуги мои изъ своихъ шалашиковъ прибежали, коихъ также тамъ посприкидывало, зачали скорѣе мнѣ дѣлать помочъ и палаточку мою разбивать, однако покудова сие новое строение успѣлы поднять и поставитъ, то премоклы мы еще болше, и предрогли почти до смерти, тѣмъ хуже было что какъ повалило мой сараецъ то осталось тамъ платъ и постель наша придавлено, и тако принуждены въ такомъ положеніи провести ночь до самаго света, тутъ ужъ было и плачу и проклинанія довольно.

По утру какъ та буря прошла и день яснѣе показался и стало солнечко грѣть, то вышли мы изъ палатки велѣли огонь большой раскласть чтобъ скорѣе могли просушитца, смотрю я на мою резиденцію, которая развалилась до основанія, и лежитъ на землѣ кучею, и тѣмъ болше досадно было, что падение оной принесло мнѣ двойной убытокъ, адно что лишился жилища, а друго что пропала постель моя, коя вся отъ той мокроты что трѣсъ кровлю помаралось и зделалось гноемъ, а к тому еще что было въ каморке въ бутылкахъ небольшого того напитку, и также на хозяйство испуленные горшки и кувшины, то все тамъ въ каморке пребыло вдребезки.

Тотъ цѣлой день имѣлъ я труда довольно, покудова разобрать тотъ упавши мой сарай и отвалылъ всею с того места протчъ, а потомъ послалъ въ лѣсъ за другимъ деревомъ, послалъ также въ ближнюю деревню за реку Донецъ сискать и купить двухъ сверловъ, адинъ поболше, а другой поменше, и заступъ адинъ, то всею принесено и дерево изъ лѣса вывезено.

И тако съ тѣми инструментами взялся я за новую свою архитектуру, зачалъ строить такой же сарай, на коемъ клалъ уже покрепше дерево, привертывалъ свердламы и прибывалъ клынами кроквы и проводины чтобъ покрепше держалось, а к тому зачалъ еще адно коды землѣю жилище, выкопалъ земнщку съ двумя покоями и небольшою кухенкою съ чуланчикомъ, и около того суетился я многие дни, полагая на томъ что в томъ жилище и всю будущую зиму проведу, покудова успѣю и найду способъ какбы лучше домъ себѣ построить.

Однако до окончанія сего строенія нашолся доброй человекъ, которой мнѣ дѣлалъ нечаяно великую помочъ, проездомъ по дороге мимо того моего мѣста, где то я строитца зачалъ, едущей изъ-за Донца старикъ, онъ былъ аднодворецъ изъ слободы Новой Айдары, возыалъ хлѣбъ продавать, онъ то былъ первой, которой отъважился на нашу

сторону приехать и въ безопасности обраться другимъ быть, онъ какъ увидѣлъ мою около того строенія заботу то остановился, оставилъ свой возъ съ мешками на улице, а самъ подошелъ ко мнѣ, спрашиваетъ на надобнолы мнѣ муки, пшеничной, купить, я тому весьма радъ былъ, ибо у меня мука уже была вся сошла, и дошло дѣло было до садатскаго провѣднута, что изъ магазейна давано.

Старикъ просить за мешокъ муки полтину а бѣже у него всего мешка четыре, то я ни мало не торговавшись отдавъ ему деньги и муку къ себе взявъ, онъ поставилъ еще тутъ глядѣть на мою работу, а потомъ говорить зачалъ: господинъ мнѣ жаль тебя смотрѣть, какъ ты трудишься съ твоими людьми около того строенія, а мнѣ кажется говорилъ онъ, что то ваше строеніе для васъ не хорошо и не надежно, то не изволиши купить у меня есть домъ новой рубленой изъ хорошаго липоваго дерева, а да тебѣ его продамъ и привезу совсѣмъ сюда на своихъ подводахъ и поставлю здесь, где тебѣ угодно.

Сего старика объявленію какъ я былъ радъ никто тому верить не можетъ, онъ просить за домъ съ превоскою и съ поставкою чинить десять рублей, я ему болѣе ничего не говоря такъ то меня обрадовало, отошелъ толко отъ него несколько шаговъ протѣ призвавъ слугу своего, даю ему десеть рублей денегъ говорю, сядь на лошадь и поезжай вотъ съ тѣмъ старикомъ осмотри домъ что онъ продаетъ, и сторгуйся тамо съ нимъ ежеды можно будетъ чемъ меньше дабро, а буде нѣтъ то уговорись съ нимъ такъ, какъ онъ просить за пятьдесятъ рублей съ его превоскою и поставкою здесь, и дай ему сіи десеть рублей въ задатокъ, потомъ позвалъ я старика говорю ему, что вотъ етотъ человекъ поедетъ съ тобою чтобъ осмотреть твой новый домъ, и онъ уже съ тобою сторгуется и задатокъ тебѣ дастъ, а ты доброй мой старикъ, говорю я ему, не бавысь превоскою, дабы поскорѣ могли успѣть его здесь поставить.

Старикъ съ слугою моимъ поехали и на третей день слуга возвращаясь объявляетъ, что домъ хотя не великъ да хорошъ и дерево все новое, и что онъ уже сторговалъ за сорокъ за шесть рублей и задатокъ десеть рублей далъ.

Превоска дома скоро зачалась и тотъ старикъ такъ былъ доброй человекъ, что еще несколько подводъ себѣ въ помощь нанялъ и въ два раза все привезъ, а затѣмъ съ своими тремя синами и племянникомъ складать зачалъ и въ скоромъ времени кончилъ, я ему под-

ложакіе денти заплатитъ, и сверхъ того еще одного рубля на дорожку подарить, поблагодаря его за его добрую душу отпустилъ домой.

Домъ у меня выку я, что уже есть моего старостомъ, и проститомъ упривать сталъ, и состоитъ того стрелныя адимъ паноръ, и поблизую спаливъ да сени, и адимъ туланчигъ, но пели и спали на окешка нѣтъ, въ чемъ была мнѣ трудность велика, покуда я не послѣдокъ и то досталъ и совсѣмъ исправилъ.

Землянку, которую я началъ строить, а ее также кончилъ, коя потомъ поселила меня для моихъ людей, и для караульныхъ.

У всѣхъ насъ поселенцовъ вообще на той пустинѣ была тогда въ первое лѣто жизньъ точно такая, какъ у тѣхъ ингуловъ, кои въ несчастіемъ разбиеніемъ кораблей занесены морскими волнами на пустые острова и пытались землемъ, кореннымъ, ловлемъ рыбы, птицъ, и зверей, такъ и мы тогда что вышли на пустую степь и абилъ такую, гдѣ отъ созданнаго света никакихъ жилищъ не было, и достать нигде ни за какие деньги ничего не можно, а кто чего имѣть хотѣлъ тотъ долженъ былъ за несколько дней посылать далеко и разыскивать и покупать дорогою ценою.

Огородовъ и зелены какой на пищу на первой годъ ни у ково не было, и покуда тѣмъ завелъсь должны были дикимъ чеснокомъ, лукомъ (родъ травы такой тамъ на поляхъ есть) и другою травою способною къ варенью пособлять себя, а простой народъ только одними сухарями и такою дикою травою и водою да овощъ, когда кто чего на поляхъ ягоды или что другое найдетъ, питались а болѣе ничего не имѣли, а многихъ видѣлъ сперва въ жалостномъ состояніи, а особливо тѣ кои по Луганы реки селились, тѣ претерпѣли нужду болѣе нежели другіе, ибо по той реке лесу мичено нѣтъ а чистая и голая степь, для чего въ постройке домовъ видѣли нужду велику и за лесомъ ездить далеко принуждены были.

Напитковъ у всѣхъ вообще и большаго и малаго никакихъ не было кроме воды, а если у ково простая горелка случится, это ужъ трапезникъ великъ почитался (дѣлали оносла квасъ изъ сухарей да изъ дикихъ яблокъ и терновыхъ ягодъ кислую воду, и то служило самымъ лучшимъ напиткомъ, покуда узнали дорогу на Донъ въ городъ Черкасскъ и въ Таганрогъ, что тамъ есть пристань на море Азовскомъ а что привозятъ туда изъ Царяграда Греки вино и всякую бакалію, то было отъ насъ разстояніемъ около двухъ сотъ

вернуть, однако мы кто достаток еще имѣль посплазы туда на другой годъ и покупаны кому что было надобно).

Ездыть я иногда наведоватца и къ другимъ соседямъ своимъ, и смотрѣль каково оны строятца и тѣмъ заводить себя, но вездѣ находыть плачь и рыдание, у каво еще денги водилысь, тотъ хотя съ нуждою потребное доставалъ и далеко возсилалъ и дарого платылъ, однако еще тѣмъ могъ пособить себя.

А кто запасныхъ денегъ не имѣль, а толко полагался на одно окладное жалованье (а рацень и порцень ужъ не было), тотъ въ превеликой бедности состоялъ, ибо то жалованье на мундиръ и на другую къ службе исправность, какъ разчислеть, то и не оставалось ничего, на другую свою къ поселенню надобность, а особливо у каво семья, и в доме много душъ было, тотъ съ тѣмъ жалованьемъ никогда на конецъ не могъ выходить, и тако естли адынь другому не пособить и у каво что есть хоть мало что запаснаго не дастъ, въ займы или по свойству не подаруетъ, то тотъ не имущий доходылъ до крайности.

У генерала Прерадовича съперва такжежъ во всемъ нужды былъ какъ что и у Шевича, но однако съ тою разницею что Прерадовичъ имѣль подъ бокомъ своего поселення городъ Бахмутъ, и другие напротивъ себя чрезъ реку Донецъ въблизи казенные слободы, въ которыхъ местахъ и могли ево подкомандные покупкою всего потребнаго скоряе пособлять себя, и тѣмъ Прерадовичъ, а паче что къ строенымъ способные лѣса блиско были, имѣль предъ Шевичемъ выгнати болше, а въ прочемъ земля у обоихъ сихъ частей наровнѣ добротю.

Всѣ сии нужды встрѣчались съ нами первой толко годъ а послѣ того всею лучше стало, зачали на весну сѣять хлебъ и огорожи также скотомъ и овцами, имѣлы дворовую птицу всякую, и стали жить уже повеселѣе.

Что же меня принадлежить то я ту первую осень былъ оченъ смутенъ, я не зналъ что дѣлать и с какова конца что зачать, якимъ образомъ никогда не бывалъ и что бывало вачну дѣлать, то оно идетъ на выворотъ и ничто же успѣвасть, а толко что той осени мотъ съ братца дворъ огородить и то толко съ одной стороны вдоль переды, а съ зады имѣль я натуральной преглибокой ровъ во всю длину двора, и потому съ той стороны и городить было не надобно.

Напоследокъ какъ уже осень посѣда и холодна стало, тр ужъ
нужда научила меня хазиничить, я сталъ старатца на самъ пери-
одъ зачастыиъ на всю зиму дровами, нанялъ двухъ работниковъ и
кушылъ две пары валовъ съ возами, на коихъ везтъ непрестанно на
дворъ дрова возытъ, да еще той осени конюшню и вазовню сделалъ,
хотя то и не было слышкомъ великолѣпно, однако на то время послу-
жало довольно.

Потомъ пришло мнѣ на память о томъ старике, который мнѣ
домъ продалъ, чтобъ къ нему послать и испушть тамо кашусты,
свеклы, и другой, все какой зелены, посидар я по той надобности
того моего слугу, который тамъ прежде былъ и далъ ему на всю по-
купку денегъ.

Слуга мой какъ туда къ тому старику приехалъ, онъ приидеъ
его къ себе въ домъ по приятелски; пособылъ само то сискать и
испушть что я приказалъ, я наиболѣе какъ слуга мой возвратился
радъ былъ кислой кашусты коей было бочка ведеръ восемь, а свеклы,
морквы, репы, всего того привезено возъ полной.

Посидар я опять слугу своего тудажъ, отъ то и не далеко было,
и чтожъ дѣлать нужда то везтъ дѣлать, дабы было чымъ зиму
вытветытъ, даю деньги опять на другую покупку, приказываю слуге
найти и купитъ дойную корову также муки пшеничной, и ржаной,
маса, сыра, адно сало, всякой птици дворовой по часты, а для до-
шадей овса, и для людей крупъ, а сѣно уже у меня гусаре модъ 23
напошку горелкою скирда два наносиды, вся та моя покупка удачно
сделана и привезено, смотрю я въ свой регистеръ не пропущеножъ
еще чего чтобъ испушть, нашолъ что солъ пропущена, за кою также
послалъ сискать и купитъ, вотъ ужъ я спакоеиъ казалось быть и
что совсѣмъ къ зиме приуготовылъ себя.

Пришло мнѣ на мысли чтобъ послать куда нибудъ сискать
пыда купитъ, хотя бы то было и самое простое нѣтъ ничего, ибо я
въ то время пиво лучше нежелъ другой какой чарытокъ пытъ, до-
былъ, для чего опять моего добраго слугу послалъ я, и за тою надоб-
ностью, онъ поехалъ и промедылъ дней десеть, я ужъ по нѣмъ и
тужить было зачалъ, сумнѣвался не пропалъли онъ какимъ нибудъ
случаемъ, однакъ нѣтъ слуга мой приехалъ обратно благополучно,
привезъ съ собою бочку пыва ведеръ въ шестъ да ведра четыре
мшоду, я сему напытку весьма обрадовался, ибо у меня болѣе ничего
не было окроме яблочной кислой воды.

Я тѣмъ привезенымъ мнѣ новымъ навыткомъ мыдомъ и цывомъ
закотѣлъ уже и поцоголатъ, зная наверно что ни у кого еще того
нѣтъ, для чего попросилъ я къ себе подполковника Шевича, и моего
своима жинора Петра Шевича отобедать, оны пожаловали и прие-
хали, обѣдали у меня чѣмъ Богъ послалъ, напылись мылду и цыва,
похвалялись что напытокъ хороши, спрашивали гдѣ такое добро най-
дено, я имъ сказалъ откуда привезено, почему потомъ и оны туда
послали и себе привезли.

По исправленіи вещей потребнымъ на войну, казалось что уже
друзья никакова дѣла нѣтъ, одни у меня запасного никакова нѣтъ,
и птицъ дворовая кою было искунылъ уже сошла, и осталось
только отъ каждаго рода по одной паре, чтобы тѣмъ на веселѣхъ раз-
ножи, зачало, сделать, деньги же у меня что было отъ великой такой
по вѣросты издержке, изтощились почти совсѣмъ, изъ которыхъ
своему одному, другу въ помощь, далъ въ займы недавно, пятьдесятъ
рублей, а осталось затѣмъ у меня еще только тридцать, а до жало-
ванья еще мѣсяца два ожидать было надобно, то по такому въ де-
гахъ недостатку необходимо мнѣ было для пыщи зачинать стрѣлять
птицъ и зверей, а на то было надобно порохи и дробь, косто я что
было изъ Кіева съ собою привезъ уже сошло, то и принужденъ былъ
послать затѣмъ покупать нарочно амъ въ Бахмутъ, что составляло
есть болѣе ста верстъ, да чтожъ дѣлать когда въ тожъ была необ-
ходимая нужда, для чего изъ тѣхъ послѣднихъ тридцаты рублей далъ
бауге десять рублей, съ приказаніемъ купить ведро одно водки и на
мѣталные дробь и порохи искунытъ.

Слуга мой поехалъ и чрезъ шесть дней с покупою возвратился
назадъ, а между тѣмъ покудова онъ приехалъ, то я исправилъ свои
четыре ружья вычистылъ и былъ готовъ къ намеренной ловлѣ, собакъ
гончихъ было у меня три пары весьма добрые, коихъ я будучи въ
Кіевѣ и по дороте едучи къ нашему поселенію у разныхъ господа
выпросилъ и такъ собравшись совсѣмъ зачалъ я съ моими гуверанами
коихъ было стрелцовъ четыре, да слуга мой пятой и я шестой, въ
тому приобщились ко мнѣ изъ аднодворцовъ мужикъ адынь, коего
приласкать къ себѣ подарками, бывало когда полтину когда рубль
ему дамъ, то онъ и жывъ по большой часты у меня, онъ былъ и стре-
лецъ и рыболовъ, и такъ я отъ него два профита имѣлъ.

Пашлы мы по лѣсамъ насъ уже семь человекъ, коимъ разпреде-
лылъ мои ружья, а что не доставало то употребляли казенные карабины
Зачало стрѣлять зверей кон намъ попадались, ибо онаго в то времѣ

было довольно, а особенно козьи динки и зайцы превалило. Многие охотники удавалось иногда в день по десятку коз застрелить, а редкой день чтобы на двух или на трех обешлось, а что зайцы мы в ту осень и чрез зиму престрелили, тому и щота не нахожу, кроме птиц, тетерев, куропаток, уток и гуся, того даже было довольно.

И тако ж сих жирных коз и козлов, как оны обыкновенно в осени и до февраля месяца наилучши в теле бывают, настреливши довольно, употребляли свежее мясо всякой день к столу в пищу, также и гусарам моим давали, а что запы оставалось козыное и зайчье мясо в излишестве, то резали оное порядочно на брани давали в бочку и солили, а потому соленью в дину, из коего делалась деликатная вычитина, а что дасть то прибавлялось того у мяса еще больше и давалось, что уже за всяк расходом остается в нас запас в период довольно, то почему зачало и мой харошый вычитину в подарок раскидать, генерал мой и другие приятели много меня за то благодарили.

Я и прежде того умел стрелить харошо, а потому как здесь задало задание в том упражненьи и на вычку к тому сделать то и сделал, стрелю в великом уме и испред ружья моего ничто не уходило, чтобы оно летело или скакало, вышибало только в препорядке, было выстрелить, то уж оно тотчас и падало из чего слышно заключалось обо мне, что моя стрела не натуральная, в том однако они ошибались.

Напоследок положил я с моими гусарами стрелцами в нашем промысле так, что кто застрелит то уж оно и его, но чтобы за то всяк себя порох и дробь на свои деньги покупал, оны на то охотно согласились и сделали между собою складку, послали в Баку и такой провизии привезли, и потому такую охоту себе взяли, что всякой день в лес ходить хотели, для того что и из сверх продовольствия мяса еще и деньги харошие за шкуры волков, хомов, козьи и зайчьи получать доставалось, и с моими стрелцами и еще несколько людей в лесах ночевали, и не думалось, чтобы какой стух или бойрак в той нашей от поселения окружности остался, где люди мои не дохали.

Теперь я вам опять говорить о Черноторской камыси.

После отъезда из Киева владыки Черногорского, как я и выше говорил, что майор Петрович остался в команде у генерала Ше-

видны и приехали, а дамы на наших квартирах и дворе пили. Иду маю жену на дозоры генерала Шевича на дачах с нами каровой, и как родители, ее дело, были согласны, то и всебы совершалось еще той осени.

Майоръ съ своимъ молодою супругою оставили на квартире съ дозволения своего тестя въ одной казенной слободе недалеко изъ новыя селенія где и презымовавъ, а на военъ посланъ ждѣть изъ военной коллегіи, чтобъ майоръ Петровичъ цодъ въ Киевъ къ замочнѣму оберъ-коменданту по особливой секретной камысѣ, гдѣ онъ и наставленные данно будетъ и выключить его изъ команды генерала майора Шевича.

Онъ при отправленіи своемъ со мною въдова, кои съ чести указе, и не дадено по какой камысѣ ему въ Киевъ ехать, маю, однакъ мы догадываю, что онъ не много, что а по той Черноторской камысѣ значить, обо мѣнѣ и о другихъ офицерахъ въ томъ указе, нинего не упоминаютъ, и потому обещаю майору, что изъ Киева чрезъ письмо обо всѣхъ меня уведомить будетъ.

Вскоре доволъ, получаю я письмо отъ майора аманъ дѣтъ мнѣ знатъ, что тошо онъ на той камысѣ туда командированъ, и онъ уже нинѣ примеръ майорски получилъ и что въ той камысѣ опредѣленъ, еще аманъ полковникъ имоменъ Пучковъ, кошу былъ при томъ же камысѣ, и что въ ево указѣ будетъ нинѣ коя опредѣленъ на предположеные Черногорцовъ, и что нинѣ онъ Петровичъ отправляетца въ Цесарию, въ Виену для получанія нинѣ командного двора о свободномъ вездѣ по границамъ проездѣ пашпорта, и что изъ Виены ко мнѣ писать будетъ въ Киевъ къ господину оберъ-коменданту, отъ коего то письмо прислано быть имѣть.

После того какъ майоръ изъ Киева уехалъ и нинѣ, то я уже долѣ о той Черногорской камысѣ и маю думаю, и бытъ нинѣ оной не имѣть роли, для чего и положили на томъ, что кош бы маю владика и потребовали, то, чтобы отъказати и маю, а остави на посѣденію и зачинати заводитца экономіею, какъ я упоминаю кошу, тому привидѣтъ, сталъ и первые герасты и труднѣе ушъ маю, а земля наша показавъ намъ принѣти и маю, а остави.

Той же зымы командированъ я былъ въ Бахмутъ для принѣти изъ камысѣ команднѣ, маю команду Шевичу, маю, а остави, маю бытность тамо, говорить мнѣ генералъ Быбиковъ, какъ онъ меня отъмено любилъ, что де теперь у васъ въ полку естъ секундъ маю.

Я сихъ обещанъ выходцевъ приглашалъ, чтобъ они, имъ каждаго: ралу, Шейну къ командѣ на, посланные, что и обещалъ имъ: тамъ сделать, чрезъ... донхъ, а къ генералу Шейну, писалъ: и уведомилъ его о томъ, что отецъ мой до мнѣ пишетъ и прошу его, чтобъ не оставилъ мнѣ въ томъ, засвидѣтельствовать и о точномъ желаньи отъ моего выехать въ Россію, учинитъ въ военную коллецію представленные и прислать оное ко мнѣ по почте въ Петербургъ, что по той моей просьбѣ онъ и сделалъ.

Мнѣ ужъ не было надобности въ Бахмутѣ болѣе бавиться, отпра-
вившись въ дорогу, и какъ зымяя путь была хараша, то девяти
днемъ поспѣлъ я въ Петербургъ, а на другой день явился у го-
сподина военной коллегіи вице-президента Степана Федоровича Апрак-
сина, подалъ ему представленіе что обо мнѣ писано, также и писми
партикулярные отъ господъ генераловъ Шевича и Вибыкова, онъ меня
тотчасъ какъ скоро я къ нему вошелъ узналъ и говоритъ, не ви ли
тотъ самой капитанъ что изъ Вьены съ рекомендаціею полномочнаго
посла къ намъ вышліи, на что сказалъ я что предстоитъ предъ вами
тотъ самый вашего высокопревосходительства пакорной слуга, коему
въ то время много милости оказать изволець, кою и мнѣ воста-
коритѣе драшу меня не оставить, какъ изъ сихъ доносимыхъ
мною писемъ притчину моего сюда приезда усмотрѣть извольте, а
сіи слова принужденъ былъ по нѣмецки говорить, потому что по
руски еще не былъ я довольно твердъ.

Степанъ Федоровичъ прочитавши письма отозвался ко мнѣ очень ласково, говорить, что вы по вашему старшинству и достоинству будете чинить на открывшуюся у васъ въ помилу секунд-майорскую ваканцію награждены, и тотъ часъ чрезъ ардинарца по привезеннымъ мною представленнымъ отослать въ военную коллегію отъдать секретарю, съ приказаніемъ чтобъ объ ономъ въ первомъ полномъ присутствіи доложить.

Потомъ зачалъ меня сей господинъ спрашивать о нашемъ поселеніи, и каково намъ на тѣхъ мѣстахъ жить показалось, я ему разхвалилъ сколько могъ больше, и что мы всѣ довольны, (всамомъ дѣлѣ что до той земли Славено-Сербыи принадлежить, о коей я Степанъ Федоровичу хвалить, то втомъ я справедливо говорилъ, ибо сиа земля всѣми своими угодами несравнено лучше нежели Новая Сербия гдѣ хорваты поселился и гораздо теплѣ климатъ нежели что въ Новой Сербии).

Однакъ при всѣхъ Monkъ тогда къ Степану Федоровичу по хвалныхъ словахъ поборова, что о тѣхъ рѣдкихъ саврасахъ быднѣхъ.

трудностях и приключениях, которое мы все вообще понесли; по-
мывать и я умолчал о томъ. Вспомни же, какъ много я

Она мнѣ рассказывала, какъ я принималъ весьма радъ быть,
да и что повторять свои запросы разъ и другой а все объ одномъ уже
сильнѣе хлѣбъ, причѣмъ обнадеживъ меня своею милостію, при-
казываетъ чтобъ я по часту къ ней приходилъ и стѣялъ мнѣ отъ
пущенъ

Тотже день успѣлъ я еще и другіе письма разнести и отъдать
господамъ до него слѣдовали, и все оны приняли меня хорошо и
ласково, а особливо господинъ генералъ аншефъ Петръ Спиридоно-
вичъ Сумароковъ присвоихъ заставныхъ ко мнѣ словахъ подавъ до-
вольныя надежды къ полученію мнѣ моего счастья.

Все сие господа спрашивали меня также о нашемъ поселеніи,
и мнѣ я сколько зналъ болѣе стоило разсказывать, чѣмъ были оны
иною доводны.

Такова отъ господъ съ перваго раза оказанная мнѣ встреча
и обнадеживание принесло мнѣ мысли веселыя, и я ужъ почиталъ
то хлѣб мое въ полученіи секундъ-майорнаго чина никакова затруд-
ненія болѣе не имѣеть, только бедная тварь человекъ къ чему онъ
со суетнаго свѣта не можетъ быть подверженъ, не всякій труд-
ности поносить онъ повиненъ, и не всѣмъ его счастья и несчастія
покрыты темнотою, а нѣмая его судьбина обовсѣмъ томъ что съ нимъ
случится должно въ недрахъ своихъ укриваетъ и ни кому о приуго-
товленныхъ случаяхъ въ перёдъ знать не даетъ.

Я говорю то что въ самомъ лучшемъ и мнимомъ благополучіи
долженъ человекъ на всякъ часъ ожидать съ собою другой какой
встрѣчи и премены, такто тогда и со мною здѣлалось, и повернувшись
новыя веселыя мысли и вся надежда скоро въ великую печаль и
прикорбы, отъ того что я сей слѣдуемой мнѣ чинъ мало не по-
тералъ, коего съ великою трудностію потомъ едва получилъ.

Здесь надобно на малое время намъ поостановится и возвратитца
назадъ въ мою повѣсть, гдѣ увидать мой читателю что тому моему
приключенію причина была, при чемъ будетъ случай еще некоторые
дѣла узнать.

Выше всего говорить я о томъ что здесь повторяю вамъ, гене-
ралъ Караатъ посланъ въ Кавказъ изъ команды Шерш

человек к себе людей въ Новую Сербию, и между ними ~~первоначальны~~ былъ первоначальны Дмитрій Перичъ.

Сей офицеръ правду надобно сказать что былъ достоинъ человекъ, да ошибка и пополознение въ советы отъ него учинило было тогда на две стороны, кое состояло въ томъ, какъ выйти изъ Сераи и окончаніемъ буду говорить.

Перичъ выехалъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, и будучи въ Цесарии еще прежде своего выезда женатъ былъ на старшей дочери (тогда бывшаго въ Цесарии капитаномъ и выехавшаго потомъ въ Россію) генерала Шенича; и выезду его Перича былъ въ Россію данъ нажалъ Хорвата и Шенича, и еще тогда и во время Императрицы Анны Ивановной, какъ было дозволено отъ двора цесарскаго, вербовалъ для укомплектованія старой Сербской полкъ, которой зачало своимъ состоятъ еще отъ времени Императора Петра Перваго и былъ въ маломъ весма числѣ людей и не полкомъ еще назывался а такъ зборная команда легкаго войска подъ командою капитана Ивана Албанеза, который будучи съ государемъ въ Молдавіи надъ Пруткомъ въ разныхъ военныхъ действияхъ тотъ Албанезъ съ своими жолнерами (такъ ихъ тогда называли) оказывалъ себя противъ Турковъ храбро, и былъ Государю веренъ, для чего Государь и вознамѣрился, чтобы изъ тѣхъ Албанезовыхъ жолнировъ учинить полкъ и назвать Сербскимъ Гусарскимъ, яко тѣ жолниры по большой части иль и всѣ Сербы были.

Хотя тому полку тогда зачало и было заведено, и набрано некоторая часть людей и побольше желать что прежде было, однако всѣи еще небыло такова средства чтобы можно привести оного въ полное число гусаръ, и потому на томъ оставалось даже до времени Анны Ивановной, а отъ ней изыпрошено таково дозволеніе, чтобы можно въ Цесаріи изъ волножелающихъ людей вербовать и вывести оныхъ въ службу въ Россію для укомплектованія того Сербскаго Цесарскаго полка, и потому на тотъ вербунгъ посланъ былъ изъ Россіи съ невеликою командою Сербинъ, бывши тогда капитаномъ Божичъ (онъ же и Паничъ назывался), который оносѣ былъ въ Шведской Россіи въ Черниговскомъ казначействѣ полку полковникомъ.

Онъ вто время въ Цесарію потому вербунку какъ выехалъ, то успѣлъ весма скоромъ времени набрать изъ Сербовъ охотинкой полкъ целый, съ нимъ тогда и сей Перичъ въ Россію вышелъ, которой сужа въ домъ старомъ Сербскомъ Гусарскому полку данъ былъ

челъ напятинаго, природою же своею быль изъ дворянъ, но отецъ его быль въ Цесарии несчастливъ, будучи въ ландмилиции Пемории рижской оберъкапитаномъ, по некоторымъ отъ Венгровъ тогда случившимся противнымъ замысламъ неправильно казненъ смертию; для того оставши его одинъ, сей Дмитрій Перичъ скорбѣлъ по отцу своему оставъ домъ и отечество вышолъ какъ выше значить въ Россію.

Потомъ такъ Хорватъ въ Россію же въехалъ, старался вскорѣи чтобъ принаести къ себѣ изъ состоящихъ изъ прежде въ Россіи старшихъ гусарскихъ полковъ офицеровъ, о коихъ онъ проводивалъ кто какова состоянія есть, и потому для иностранныхъ требовалъ объ опредѣленіи оныхъ съ награжденіемъ оными изъ нему въ команду, въ томъ ономъ будучи, моремъ рѣшъ съ преезда своего Хорватъ въ Петербургъ, увидѣвъ сего Перича, знаа и то, что конечно Перичъ весь чествъ его Шевичъ выведетъ немалое бысть у тестя въ камандѣ; для того Хорватъ предпринималъ сие зачать Перича ласкать и принаести къ себѣ, обидевши его премьеръ-майорскимъ чиномъ, и что потомъ вскоре и подполковникомъ его здылаеть.

Перичъ для что Хорвата приималъ при дворѣ королю, а также и по нѣмъ обещаніи премьеръ-майорской чинъ принаести ему немалыя предпротчимъ амантамъ, а ктому и обидевши въ полученныхъ и вознагражденіи чинъ поддалъ ему еще болши въ Хорвату бытъ въ камандѣ оному, и ктому арпласился Перичъ исполнить волю Хорвата.

Хорватъ подаль въ сенатъ представленныя, просить о опредѣленіи Перича къ нему въ каманду съ награжденіемъ премьеръ-майорскимъ чиномъ, что въ короткомъ времени и здылано, а ктому въ савишъ для скоро и до выезда Шевичева Хорватъ своимъ представителемъ доставилъ Перичу и тотъ обещанная подполковничъ чинъ, чрезъ что и остался на то время Перичъ къ Хорвату уже такою любовию обидевши, что во всемъ сѣбно готовъ былъ волю его творить, хитры то и чрезъ совѣсть было.

А какъ Шевичъ въ Кіевъ выехалъ и не хаталъ съ своими выхотцами бытъ у Хорвата въ камандѣ (какъ и о томъ выше говорилъ), а поехалъ въ Маскву для испрошенія себѣ поднесемые другой земли, то это время Хорватъ посылаетъ Перича еще съ некоторыми офицерами въ Кіевъ подъ видомъ покупки для офицеровъ и кудалры суконъ и другихъ на полкъ потребностей, а между тѣмъ свои руки подгадывать Шевичевыхъ офицеровъ и людей, чтобъ

модельцы прощени о: провед... джъ въ Хорвату, въ Новомъ Сербии
на поселенны (одемъ уже я говорилъ) и тамъ, самымъ, правдъ, было
Хорватъ Перича у деста своего, генерала Шевича, да такое помеще-
ны, что у, ныхъ, аделастъ, делъкая денавистъ и...
Таковыми предпрятнежъ въ поговорке, ахонъ Перича, престу-
пылъ чрезъ совесть, старался исполнить волю Хорвата, чинъ и воз-
будить во многихъ о преходе, желаній, исчезе, воспослѣдова, прелки
мятежъ и, безпокоиствы, и мало, не остался Шевичъ, совсѣмъ, безъ
дей, если бы скоро не воспослѣдовало Хорвату отъ вышшаго, места
въ томъ на прозбу Шевичеву запрещенны.

Перичъ какъ возвратился точно въ Кюна въ Новую "Орду", то и писалъ ему Хорватъ въ той же самой на "со" казенной почте, ранде, и зачалъ того времени Перича гнать, и то далѣе ихъ дуэль, напослѣдокъ: сделалась у нихъ проволочка, бора, и Перичъ вышелъ изъ терпѣнія пошелъ на Хорвата въ похищеніи въ даностъ, почему на-ехала Перичъ въ Петербургъ и подалъ на Хорвата въ Сенатъ на бытную.

Хорватъ признанъ былъ въ Петербургѣ къ отъѣзду, куда при-
ехавши нашолъ къ своему оправданію средства, а Перичи остался обя-
заннымъ арестованъ и разжалованъ въ рядовые до выслушанія
надъ нимъ таково несчастное сдѣлалось, то Хорватъ пожелавъ
сожалѣнія, выпросилъ въ Сенатѣ таверича милости, чтобы ему
вратить тотъ чинъ, ис коего онъ его къ себе въ зачали въ
взялъ, то есть капитански.

Сие увеличило Хорвата великодушше и Перичу чинъ капитана данъ, после того Хорватъ уехалъ въ Новую Сербыю, а Перичъ остался въ Петербургѣ, хадилъ онъ и старался въ Сенате много, просить прежняго своего подполковничьего чина, аднакъ самъ собою не могъ ничего достигнуть, напоследокъ, видя себе въ послѣдней своей крайности, пишетъ онъ чрезъ посланого отъ себя по почтѣ нарочнаго тестю своему генералу Шевичу, приносить предъ нимъ свою чинную въ томъ, что онъ ему въ Киевѣ дѣлалъ, и просить помылованія изъясняя что ежели Шевичъ (такъ видно его' советовалъ) 'бы' нтъ въ Сенатъ представить, и къ господамъ Сенаторамъ просить милости, то потому конечно онъ Перичъ можетъ быть сдѣлать и прежнй свой чинъ получить.

То всю дѣлалось всамое то время, какъ я готовился въ Петербургъ ехать, и тотъ отъ Перича нарочно постановкой приехалъ.

Шевичу въ тотже день поелъ моего изъ дому выезда, когда я въ Бахмутъ поѣхалъ, что мнѣ было кругу болѣе ста веротъ, а кому еще что я въ Бахмутѣ несколько дней забавился, чѣмъ и утратилъ я въ своей дороге времени много.

А Шевичъ получа таково отъ Перича прошеніе симонился къ нему своею милостію, учинилъ чрезъ тогожъ нарочного въ Сенатъ объ нѣмъ представленіе, и пышетъ къ господамъ сенторамъ писми партикулярные съ прозбою, дабы Перичу возвратить чинъ хотя примеръ маюрски, и определитбы его къ нему въ команду на окладъ порожей ваканціи выключенаго секундъ маюра Петровича, и совѣмъ тѣмъ отъправляетъ Шевичъ того нарочно присланаго отъ Перича по почтѣ обратно, каторой, и успѣлъ прежде меня за несколько дней въ Петербургъ приехать, о семъ уже и погрешилъ Шевичъ что таково представленіе послалъ, зная съ чѣмъ онъ меня въ коллегію отъправилъ.

Перичъ, получа таково отъ Шевича по своему желанію представленіе, и зная уже о томъ что я за тоюже ваканцію въ Петербургъ еду, то и поспешилъ своимъ стараніемъ, чтобы ускорить въ Сенатѣ по тому Шевичеву представленію приобрести себѣ ползу.

Ему такое счастье послужило-что въ несколькихъ только дней все одѣлалось и онъ чинъ примеръ маюрски получилъ съ тѣмъ определеніемъ что въ команду генерала, маюра Шевича по его требованію на окладъ порожаго места выключенаго секундъ маюра Петровича.

Я о томъ что с Перичемъ я съ Хорватомъ происходило при приѣздѣ моемъ въ Петербургъ хотя и слышалъ и его Перича еще тако засталъ, но что онъ къ Шевичу чрезъ своего нарочнаго писалъ и что объ нѣмъ въ Сенатѣ представлено, а также что уже и чинъ примеръ маюрски получилъ и определенъ на ту самую ваканцію, о коей я просить приехалъ, о томъ какъ мнѣ такъ и въ военной коллегіи не было извѣстно, покуда тотъ изъ Сената указъ невышелъ, что и прешло мое дѣло и здѣлалось мнѣ въ производствѣ престола.

О семъ какъ я уведѣлъ, то можешь мой читателю легко поверить таково мнѣ тогда было, я почиталъ свое прискорбіе безъ утешенія, и сей ударъ былъ мнѣ какъ стрела огненная, отъ какой грусты не могъ я несколько дней ни пить, ни есть, ни спаты, а ходилъ и лежалъ какъ человекъ безъ ума, а болѣе тѣмъ что клонитца стало дѣло мое

мнѣ на отказъ, и премена аделалась болшая, съсплася на сенатомъ указъ что уже онаго применить никому невозможно, а должно на томъ лагъ остатца какъ велѣно.

Перичево дѣло потому изъ Сената указу въ коллегіи предъприняте, и онъ тѣмъ примеръ маперскимъ чиномъ на окладъ вѣдѣченнаг секунды маюра Петровича въ команду Шевитову опредѣленъ оыправился въ полкъ, а я въ Петербургѣ остался.

Мое несчастье было еще болше и то, что тѣмъ днями какъ зачалъ грустытъ свалылся совсѣмъ въ ночь и такъ сильно заболѣлъ что не могъ со двора ни къ господамъ ни въ коллегію целую неделю въ ходить, отъ чего пременялся было совсѣмъ въ лице какъ бы я въ лазаретъ былъ, и ежелибы человекъ доброй мнѣ не пособилъ своими разговорами, которой со мною въ одной квартиры стоялъ, отставной капитанъ бывшаго тогда старого Молдавскаго гусарскаго полка, звался онъ Врѣмовъ, то бы отъ грусты и великой печалы совсѣмъ могъ пропасти

Сей честной души человекъ старался всячески отышибыть отъ меня мою печаль, какъ онъ веселаго былъ нрава, то сидя по целому дню у меня при постелѣ разказывалъ иногда что забавное и шуточное, а притомъ и другіе происшедшіе по службѣ случающіеся разнымъ людямъ дѣла, и много таинхъ подобныхъ сему моему несчастью, и что люди при всѣхъ таковыхъ неудачахъ еще не отчаяваются а ходили, просили, и многимъ удавалось нантытъ и достигнутъ до своего счастья, такто и вы, говорилъ мнѣ сей мой пріятель, встанитъ возьмите въ голову мысли другіе и духъ бодросты, бросите всю печаль въ сторону, придите къ господамъ, просите и изясните о себе какъ вы тѣмъ остаетесь обыжены, что занята слѣдующая вамъ ваканція другимъ, и для чегобы не надеятца вамъ говорилъ онъ еще получить тѣ производенные, какъ васъ господа хорошо съ вашего сюда пріѣздъ принялы и обнадежили.

Мнѣ таковъ совѣтъ моего пріятеля капитана Врѣмова показался полезнымъ, и потому повернулъ я мысли свои изыскивать средства къ достиженію потѣрянаго своего счастья, я обвинялъ самъ себя, для чего съ пріезда моего въ Россію при определенныхъ мѣстѣхъ въ службу упустилъ и не просилъ тогда чиномъ награжденнымъ, какъ и всѣ протчіе выѣжніе чины получалы, а некоторые и воевъ небывши въ службѣ цесарской досталы въ Россіи чины капитанскіе, а толко изъ пустаго одного мненія воображалъ, будто тѣмъ, естли буду просить чиномъ награжденнымъ, а дѣлаю у господъ о себе какъ

неудовольствіи" и остался съ своимъ усердіемъ только на томъ чинѣ довольнымъ, своимъ и изъ цесарской службы выполъ, считая себя въ авантажъ только одно-то, что старшинство мнѣ предъ прочими капитанами дано.

Вотъ каково изъ того затрудненіе вышло и какъ заключить назадъ своимъ счастьемъ человекъ можетъ, когда не воспользуецца въ время, когда само чинъ ему на руку приходить, какъ и я признаю надобно тому подобное дѣлать, что при опредѣленіи меня въ службу чина секундъ-майорскаго не просилъ, о комъ тогда господа сами мнѣ напоминали, но я будучи столь много усерденъ не могъ того предвидѣть, что то опосля уже будетъ мнѣ съ трудностью достигать, а хотѣлъ пустимъ мнѣніемъ показать себя образцемъ, что не для чиновъ выехалъ, а для усерднаго моего желанія съ коимъ жить и умереть хачу въ службѣ Россійской, и что достигнуть до своихъ по закону единовѣрныхъ, и тѣмъ быть доволенъ и за наилучшее счастье себя почиталъ, что и доказываетъ мнѣ сколь много я тѣмъ проповѣдъ и не умѣлъ воспользуецца предъстоящимъ предо мною счастьемъ.

Правдаже и то есть что всякъ честной человекъ наиболши и первы долгъ имѣть быть своему государю веренъ, и во всякихъ случаяхъ усерденъ, и то усердіе должно быть всегда въ своемъ положеніи такъ твердо, чтобъ никогда не оскудѣвало, и употреблять его попустому аднимъ только мнѣніемъ никогда ненадобно, а старатца всегда подкреплять свое усердые службою и по оной приобрести себѣ позу.

Государь и правительство того не требуютъ, чтобы тотъ усердны тѣрпалъ чрезъ то свое счастье и благополучіе которое ему слѣдуетъ, а паче подають способы установленнымъ закономъ, чтобы воспользуецца всякому тою государскою милостію, коя на всѣхъ вѣрноподанныхъ вообще предстоить, и усердіе не можетъ быть тѣмъ опорочено, когда кто веренъ и по службѣ справедливо отъ государя своего того требуетъ.

Усердіеже адно само собою, когда не приносить ныдѣла ны позы, есть подобно мертвому тѣлу лежащемъ безъ души, для чего и можно, чтобъ всякъ старался свое усердіе поддѣлывать доказательствомъ службы, яко она есть первое человеку основаніе, чрезъ кое всѣ слѣды будутъ къ его благополучію, при чемъ не упускать воспользуецца случаемъ приносящимъ честь и славу имени, а сіи двѣ вещи раждаютъ позу и пропитаніе, то есть по чину жалованье, а то

службы вѣрной и долготой кто себя достойнымъ учинить получаетъ въ награждение отъ государя деревни или ненокня.

Когдаже кто столь несчастливъ, что его служба невидна или самъ собою свое счастье проронить, и тѣмъ не приобрететъ себѣ пропитанья, хотя и съ честью будетъ, но ужъ та честь остается въ бедности, чрезъ что и не можетъ то его усердие долго въ своей твердости быть, ибо тотъ кто пропитанья не имѣть подвергается себѣ въ послѣднюю крайность, и долженъ со всемъ своимъ усердіемъ остатца беднѣть, и понтыть въ нищѣ и умереть съ голоду, и тѣмъ ны государю ны отечеству своему ползы принести не можетъ.

Таковы размышленія были у меня тогда въ голове, и разсудилъ что мнѣ ужъ не осталось въ помочь ничево инова, о кроме что вѣставать хоть чрезъ силу съ постелы и ходить по своему дѣлу и просить у господъ милосты, дабы достигнуть таперъ хотя уже и поздне свое счастье, каторое я усердіемъ своимъ тогда при вступленіи въ службу проронилъ.

И тако я, съ симы мыслямы вѣставши спостелы, одѣлся пашолъ первѣ въ коллегию, спрашиваю въ почитіи не вышлагъ къ нымъ въ почитіе моя челобитная, на что отвѣчаетъ почитчикъ что нѣтъ и чти онъ объ моей челобитной ничего не знаетъ.

Я потомъ пашолъ къ секретарю въ его прегородку гдѣ пишеть онъ какъ меня увидѣлъ спрашиваетъ чего я изволю, я ему поклонился, пониже спрашиваю о моей челобитной и нѣтлы по оной какова отъ господъ приказанья, онъ отвѣчаетъ что челобитная тутъ у него лежитъ, а приказанья другова по ней нѣтъ, окроме что сказанъ было еще тогда, говоритъ онъ, какъ вы ее подады чтобы въ полномъ собраніи доложить, что де я и здѣлать хотѣлъ, но какъ вскоре затѣмъ по указу сенатскому на ту ваканцію, о которой вы просите, помещенъ маіоръ Перичъ, то потому и осталась ваша челобитная безъ решенія и мнѣ нѣтъ слѣду говорилъ секретарь докладывать, а развѣ господа присутствующіе самы спросятъ, съ такою отъ секретари резолюціею я потупывъ голову пашолъ на свою квартиру.

А поутру рано пашолъ я къ господину вице-президенту Степану Θεодоровичу Апраксину и вошедъ мимо часовыхъ въ залъ вижу что никакъ нѣтъ, стаю самъ одинъ тамъ, потомъ мало погоди пришлоъ одинъ лакей, коего я спросилъ не видѣли скоро генералъ онъ отвѣчаетъ что генералъ еще не вставалъ и лежитъ въ постель.

Погода еще съ полъчаса идетъ и другой лакей онъ видно былъ дежурной или дневальной, отворилъ въ залѣ двери вошедъ въ другой маленькой покойкъ что предъ спальнѣю, и тамо у дверей сталъ, я подошедъ къ нему тихонка спрашиваю не всталъли генералъ, на что сказалъ что можетъ быть уже проснулся, а вотъ скоро де увидимъ не позоветли каво.

Я сего лакея прошу, какъ войдетъ чтобы обо мнѣ доложилъ, онъ отъвѣчаетъ, чтобъ я пообождалъ какъ камердинеръ придетъ и ево бы о томъ попросить, а мнѣ де докладывать не можно.

Подождалъ я тутъ еще съ четверть часа и дождался камердинера, онъ носилъ нѣчто въ рукахъ завернутое въ бумаге, я ево также сталъ просить чтобъ обо мнѣ доложилъ, толко какъ обыкновено у большихъ господъ таковы слуги, кои у господина блиски бываютъ, надути спесию, а особливо ежели чрезъ ныхъ кому приступъ нуженъ, что сѣ твары тако дѣлаютца горды что съ лучшимъ человекомъ говорить не хотятъ,* такъ то и сей мнѣ такуюжъ встречу дѣлалъ, говорить обождите здѣсь ежели вамъ угодно, какъ генералъ выдетъ тогда можете ево видѣть, а мнѣде обо всякомъ не бегать докладывать, и то сказавъ хатѣлъ было отъ меня итти далѣ; (но какъ я желалъ и стѣмъ такъ рано туда пришолъ, чтобъ ускорить съ господиномъ вице-президентомъ самъ адынъ по своей нужде говорить, нежелъ чтобъ ждать и когда еще соберетца болшъ людей, причемъ бываетъ что и неудастца иногда получить слова поговорить), для чего сталъ я повторять къ камердинеру мою прозбу съ уклонами чтобъ обо мнѣ доложилъ, на что ужъ склонился, спрашиваетъ кто вы таковъ чтобъ умѣлъ генералу сказать, я и то ему объявилъ, и погода потомъ немного, зазвенѣло въ спальни колоколичикъ, и потому знаку камердинеръ туда пашолъ, а спустя немного, и меня тудажъ въ спальню позвали.

* Однако съ другой стороны и то есть нужно, естли хочешь имѣть къ большому господину скорой приступъ, то старайся первое узнать слуги его, и проследивай которой есть къ нему наиблизши, и сконь онъ частие разговори имѣть, слуги таковы что блиски бываютъ по разнымъ случаямъ, ные по верности своимъ и давнѣй службе у господина, а другіе по другимъ какимъ обстоятельствамъ, однако я еще ни одного господина не видалъ, который бы такоа слугу при себе не имѣлъ, такъ ежели имѣешь нужду и желаешь имѣть приступъ, то старайся завести такимъ слугою знакомство, оны знаютъ когда удобное есть время тебѣ докладывать или словами рассказывать, для чего и нежалъ о томъ естли тебѣ то чего будетъ стоить.

Степанъ Федоровичъ какъ меня увидѣлъ спрашиваетъ, что много дней меня не видѣлъ и что я такъ худъ и лице не болелъ.

На таковъ приятной спросъ отвѣчаю я, что притчина тому, ша эксценція, такъ титуловалъ я его по немецки, что я заболъ отъ грусти и печалы по случившемуся несчастію, что мнѣ въ мѣдлѣ учинилась препона, и на то мосто о коемъ я прошу, уже опдѣленъ другой а я остался, и таперь остаецца говорилъ я толко о дать мне своего счастья единственно отъ высокой вашей милости сие выговоривши припадъ я къ нему къ руке усугубляя свою пѣбу, (изъясня что и при определеніи меня въ службу тогда, какъ изъ Песаріи выехалъ, остался противъ протчихъ выходцовъ обывнымъ, какъ всѣмъ вто время чины даны болшъ нежелъ оны въ сарской службе были, а я принять толко тѣмже капитанскимъ номъ скоимъ выѣхалъ).

Мой высокой милостивецъ Степанъ Федоровичъ вислоушавъ и что я говорилъ до послѣдняго слова, отвѣчаетъ мнѣ и говорить, ваше дѣло состоитъ таперь несколько въ затрудненіи, потому что ваканцію коя вамъ слѣдовала уже заступилъ Перичъ, и полагаетъ Степанъ Федоровичъ выну на Шевича, говорить что онъ учинилъ себя представление объ одной ваканціи въ двойнѣ, одно въ сѣм о помещеніи на оную Перича, а другое въ коллегію на туюжъ ваканцію о помещеніи васъ, и что Шевича таковъ поступокъ есть въ непохваленъ, коимъ нанесъ въ коллегіи затрудненны, а таперь и ково уже и нельзя будетъ, говорилъ Степанъ Федоровичъ, о ваш дѣле какъ что пообождать, покудова будетъ наше собрание въ легиіи и мы о томъ предъпримемъ наше разсужденіе.

Я тѣмъ отъ моего милостивца отвѣтомъ былъ много доволѣ отклонясь вышолъ, и поспешалъ какъ еще было порано, чтобы и дгова моего благодетеля Петра Спиридоновича въ доме застать.

Тотъ день послужилъ мнѣ хорошою удачею, я какъ и къ сгосподину на дворъ пришолъ и вошедъ въ пакой засталъ его о вающагося, готовился во дворецъ выехать, онъ встрѣтилъ меня сково, а также приметилъ изъ лица моего премену, спросилъ что такъ худы стали и здоровыль вы, я ему на то отвѣчалъ тѣ са слова, что и Степану Федоровичу говорилъ, повторяя прозбу о емъ дѣле.

Онъ столко былъ милостивъ, что сожалѣлъ обо мнѣ говори что вы и вто время какъ васъ въ службу принималы проронили о

чмнѣ, тотже о коемъ таперѣ уже съ трудностью ищите, и на сей случай надобно вамъ взять терпѣныя и пообождать до своего времени, яко та просимая вами ваканція уже занята другимъ, о чемъ не иначе могу вамъ сказать какъ толко то, что коллегія объ васъ будетъ имѣть свое разсмотрѣніе.

Объ сн отъ господъ въ тотъ день встрѣчи подады мнѣ некоторую надежду, почему уже и не осталось болѣе что дѣлать, какъ терпѣть и ожидать решимости отъ коллегіи.

Тотже день подъ вечеръ пашолъ я еще и къ третѣму господину, Василию Ивановичу Суворову, каторой былъ генераломъ маиоромъ и присутствовалъ также въ коллегіи, я прежде у него бывалъ, однако не много въ пользу склонѣнности отъ него видѣлъ, а в тотъ вечеръ еще и менше.

Я какъ сталъ ево о своемъ дѣле просить, то онъ по своей милости прямо совѣстѣ мнѣ отъказалъ, и говоритъ, что вы по прозбе вашей награждены чиномъ быть не можете потому, что та ваканція уже занята, и вы напрасно, говоритъ онъ мнѣ, тутъ живете и указываетъ ехать къ своей команде.

Сей господинъ былъ своимъ сложеніемъ отъменъ отъ всѣхъ протчихъ господъ, и никаво изъ иностранныхъ не любилъ, почему и мнѣ отъ него такой отзывъ былъ.

Были тогда обстоятельства, что предвозвещалы съ прускимъ королѣмъ Фридерикомъ вторимъ войну, почему частіе происходили при дворѣ конференціи, и прошло время долго что въ коллегіи полнаго собранія быть не могло, и потому оставалось мое дѣло въ прежднѣмъ своемъ положеніи безъ действия и протекло времени мѣсяць целый.

То время празно мѣсяць целый жить въ Петербургѣ и со днямы прежде прошедшими, а ктому были еще и другіе издержки, отъ чего въ моемъ карманѣ душа стала изчезать, что и принесло мнѣ еще болше думать; естли еще надалѣ продлитца мое дѣло какъ недостатокъ встрѣчать, я непрестано всякаго праздничнаго дня хотя къ господамъ и хажу и оны меня видятъ, и случаетца иногда что со мною говоря, а иногда и такъ проходить, но еще о своемъ дѣле ничего непредвижу, и нашла на меня такая скука, что тѣ дни показались мнѣ не иначе, а какъ пучина морская, а толко мнѣ и забавы было что ходыть по улицамъ въ превеликомъ уныніи, напоследокъ

вздумахъ паитыть въ коллегию отъ скуки, тамъ поседеть и поспитыть не услышулы чего о собрании, быдо то въ тотъ день поутру рано въ четверкъ.

Я пришедъ туда вошолъ въ ексекторскую, засталъ на своемъ месте ексектора, назывался Гаврило Петровичъ Череповъ, онъ былъ человекъ обходительной, умѣлъ довольно хорошо говорить по немецки мы вошли въ кое какие разговоры, между прочимъ говорить онъ что утре будетъ въ коллегіи полное собрание; я какъ сме услышавъ тотъ часъ пашолъ прямо на дворъ къ Петру Спиридоновичу, засталъ его еще въ доме, просилъ его съ наибольшою понизеностію о неоставлении меня въ моемъ дѣле, на что отвѣчалъ что завтра будетъ онъ о томъ старатца, и съ тѣмъ я отклонясь пашолъ на свою квартиру.

По утру рано пашолъ я къ Степану Федоровичу и такъ ускорилъ, что прежде къ нему пришолъ нежели онъ выехалъ въ коллегію, просилъ его прилежно о неоставлении меня по моему дѣлу, и что сказалъ паидите въ коллегию и тамъ дожидаетесь меня.

Я тотъ часъ поклонясь ему пашолъ большими шагами и пришедъ въ коллегию, сталъ на такомъ мѣстѣ куда онъ проходить булетъ.

Спустя сполъчаса едетъ мой благодетель Степанъ Федоровичъ я ему у дверей сделалъ большой поклонъ напоминая о себе, онъ только что немного уклонилъ голову прошолъ мимо въ присутствии.

Выжу я того секретаря у коего моя челобитная лежитъ, что онъ възадъ и въперіодъ съ делами къ докладу бегаеть и носить тутъ въ присутствии.

Дождася я тутъ при дверяхъ даже до начала третьяго часа, и кудова было время присутствующимъ выходить, и какъ Степанъ Федоровичъ вышелъ и меня тамо стоящаго увидѣлъ, то остановился и говоритъ мнѣ, что ваша челобитна слушана и что принадлежитъ к оной зделать о томъ уже приказано, съ тѣмъ онъ пашолъ, а я еще остался дожидатца и другова моего благодетеля Петра Спиридоновича Суморукова, онъ также какъ вышелъ и меня увидѣлъ говорить мнѣ вымоходомъ, что по челобитной моей подлежащее здѣлать приказан

Далъ и не было уже мнѣ надобности стоять и дожидатца и хода изъ присутствия генерала Суворова зная его недоброхотство, также и генерала царевича Грузинскаго, которой хотя въ коллегіи

и присудствуетъ, но онъ былъ человекъ доброй, ничего не спорилъ и никому ни добра ни зла не дѣлалъ, и для того пашолъ я къ секретарю поклонитца и спрашивать.

Онъ сказалъ мнѣ вѣсти пріятныя, что по челобитной моей приказано сделать выписку и занести во оную всю отъ зачала моего въ Россію выхода и определенія въ службу, почему тогда говорить мнѣ секретарь, какъ то въ будущее присудствие разсмотритца, тогда и резолюція настоящая положена будетъ.

Таперъ уже стало мнѣ немного полегче, и тѣмъ доволенъ что дѣло возбуждилось, челобитную мою отдавалъ секретарь въ повитіе съ приказаніемъ, чтобы по оной подлежащую здѣлать выписку и заготовивши подать къ нему, (я повитчика упросилъ и на другой недѣли во вторникъ было уже мое дѣло готово и подано секретарю).

На тойже недѣлѣ въ четверкъ было въ коллегіи полное собраніе, я въ тотъ день дождался всѣхъ господъ въ коллегіи стоялъ у дверей и всѣмъ въ мымоходѣ кланялся, оны меня видѣлы, и остался я уже на томъ мѣстѣ, дожидаясь великой и богатой милости.

А въ часу двенадцатомъ позвали меня въ присудствие объявляютъ мнѣ господа присудствующие, что дѣло мое разсматривали и что коллегія инаково определить не можетъ, яко та просимая ваканція уже занята и на тотъ окладъ опредѣлитъ сенатомъ маноръ Перичъ, а вы, говорили мнѣ господа, что при определеніи васъ въ службу противъ протчихъ выходцовъ тогда чиномъ не награждены, а приняты тѣмже капитанскимъ чиномъ съ какимъ изъ Цесаринъ вышли, то будете вы таперъ довольны какъ коллегія положить, чтобы вамъ чинъ секундъ манорски дать и остатца сверхъ комплекта на окладѣ капитанскомъ вѣреть до ваканціи.

Напротиво такой великой милости, немного хотѣлъ я уже говорить какъ только что доволенъ, и прошу втомъ учинить определеніе, но сямъ моимъ словамъ Степанъ Федоровичъ, яко первоначалны въ присудствіи, поздравляетъ меня секундъ манорскимъ чиномъ, я поклонясь поблагодаря вышелъ изъ присудствія въ ексекторскую, гдѣ и многіе штабъ-офицеры еще стоялы; а на другой день хадылъ я ко всѣмъ господамъ на дворъ благодарить.

А покудова определенные подписано и потому вышелъ указъ, то прошло еще несколько дней, однако между тѣмъ не было мнѣ скучно того ожидать, и проводилъ время забавою, хадылъ во дворецъ на опе-

и въ видѣ того случалось, и утешалъ себя временемъ по тогдашней великой моей нуждѣ.

Но такъ же, когда въ извѣстныя часы я воображалъ какбы звать къ себѣ извѣстныхъ лицъ, почему вознамерился, и началъ въ извѣстныя часы мнѣ писать, но по моему въ Россію пошелъ не только, такъ и началъ въ извѣстныя часы спрашивать, на послѣдкомъ сталъ и началъ писать челоуку своему въ рускомъ языкѣ тогда мои бумаги достались, чтобъ только вынести матерію, а онъ писалъ, и пресказывалъ все, что я говорилъ, онъ содержалъ у себя въ извѣстныя часы, такъ и началъ мнѣ о моемъ новомъ чинѣ узнавать, и пресказывалъ въ канцелярію Шевичеву, съ коего указа какъ тогда извѣдалъ въ канцелярію мою и мнѣ данна, то того времени мнѣ простились, и началъ бумаги и мнѣ оную храню.

Ангельскій же по утру рано пришелъ я къ господину вице-президенту Степану Федоровичу Абрамскому, онъ меня какъ увидѣлъ, сталъ спрашивать, скоро ли отъправлюсь въ полкъ, я ему на то отвѣчалъ, что болѣе не пишу, такъ и началъ бавитца, только еще нужда одна меня удерживаетъ, и которой осмѣливаюсь вашему высокопревосходительству довести, онъ прехватилъ мои слова, говоритъ добро, обыкновенно мнѣ вѣдомъ твоя нужда состоитъ, и ежели вѣдомъ будетъ возможность то я не оставлю, делать тебѣ вспоможенныя, на сей притомъ мнѣ отъ Степана Федоровича отвѣтъ, сталъ я ему докладывать, и пресказываю объ отцѣ своемъ все обстоятельно, упомянувъ при томъ и то что для того отецъ мой и меня въ Россію отпустилъ, и я такой великой трудъ, страхъ, и рискъ понесъ, покуда могъ увольнение свое отъ себя получить, какъ вашему высокопревосходительству уже о томъ моемъ выездѣ извѣстно, единственно для того чтобъ также отца со всею фамиліею отътуда могъ выволыть, и таверъ говорилъ я къ Степану Федоровичу получилъ отъ отца моего писмо, коимъ приказываетъ мнѣ, чтобъ о увольненіи его я самъ старался и просилъ, здѣсь у господъ вѣдомъ милостиваго вспоможенна, ибо онъ самъ собою по строгимъ тамошнимъ запрещеніямъ просить таково увольненія не смѣетъ, для чего я и прошу таверъ вашего высокопревосходительства оказать мнѣ въ такой моей нуждѣ высокую свою милость и принять отъ меня въ томъ прошеніе.

Сей господинъ, выслушавъ мои слова, говоритъ мнѣ, чтобъ подать въ канцелярію челоуку, по которой что можно будетъ сделать не оставить канцелярія учинить разсмотрѣніе, похвалялъ притомъ Сте-

и Степанъ Федоровичъ таково отца моего намеренье и также что я объ этомъ стараюсь.

Я отвѣчалъ съ прозбою изъясняя, какъ я человекъ еще новой недавно вышелъ и что незнаю какъ дѣло зачать и каковы просить чтобъ сочинить мнѣ челобитную, дабы иногда говорилъ я не сделать никакой ошибки, и для того прошу вашего высокопревосходительства, когда вы мнѣ при моемъ выездѣ въ Россію и таперь въ моемъ производствѣ также оказали отеческую милость, то и всемъ моемъ дѣлу будьте мнѣ наставитель, ибо я никоимъ другимъ себѣ благодетелемъ не знаю кроме васъ.

Моя прозба была ему видно угодна, что сталъ говорить я देखу насъ люблю а особливо тебя, и хачу быть во всякихъ случаяхъ тебѣ въ помощь, сие сказавъ, приказываетъ мнѣ пообождать въ среднѣмъ пакою, а где тебя опосля призову, при чемъ приказываетъ адинарцу чтобы изъ коллегіи призвать секретаря Немого, ординаръ получа приказъ пашолъ въ коллегію, а я вышелъ въ залъ.

Потомъ спустя часъ места идетъ секретарь Немой (такъ онъ названъ и силенъ весьма по своему дѣлу былъ въ коллегіи) онъ пашолъ изъ во внутрь, куда вскоре и меня позвали, я какъ вашолъ туда, пашолъ мнѣ Степанъ Федоровичъ говорить указывая на секретаря, вотъ где господинъ все то напишетъ что вамъ надобно, вы явитесь къ нему и объясните свою нужду, я поблагодаря за таково високою милость и поклонясь вышелъ опять въ залъ, дожидаясь покуда секретарь выйдетъ, онъ мало погодя какъ вышелъ говорить мнѣ, чтобъ я къ нему въ три часа после полъденъ приходилъ и стѣмъ разошлись.

Я тотже день какъ назначено въ три часа послѣ полъдня пошелъ къ секретарю на домъ, взялъ съ собою мою челобитную которую я составлялъ, нашолъ секретаря въ доме, онъ меня повелъ въ свою спальню, приказавъ слуге естлибы кто посторонны пришолъ, то чтобъ сказать нѣтъ дома, дабы ему въ дѣле не было помешки.

Господинъ секретарь посадилъ меня на канапеи, и самъ возлѣ меня селъ, зачалъ поточъ спрашивать какое мое дѣло, объявивъ при этомъ мнѣ чтоде Степанъ Федоровичъ, какъ я примечаю говорилъ секретарю, конечно хочетъ вамъ въ вашемъ дѣле вывести въ вашу пользу, вынулъ сочинѣнную мною челобитную говорю ему, что вотъ вся моя челобитная написана здесь, но не погнѣвайтесь говорю я что писано можетъ быть въ речахъ накриво, ако я еще человекъ новой и россій-

скаго языка твердо не знаю, такъ прошу пресмотреть и что слѣдуетъ преправить.

Онъ говоритъ что это нѣтъ ничего, а мнѣ только матерія дѣло надобна а потомъ я знаю какъ сложить должно, възявъ отъ меня читалъ и ничего не пречерчивалъ окроме некоторые речи, что с Сербскаго языка съ рускимъ были накриво и несходно напысамъ кон онъ разумѣть не могъ, то о тѣхъ спрашивалъ что оное значитъ о чемъ какъ я ему претолковалъ и онъ настояще понялъ, то только т речи пречернылъ, и говоритъ мнѣ чтобы я чрезъ два дни къ немъ явился, а онъ между тѣмъ обещаетъ составить дѣло какъ ему бытъ надобно. Потомъ отъклонясь я секретарю пашоль на свою квартиру

А въ назначенной день пашоль я опять къ нему на домъ, засталъ его дома, показываетъ мнѣ составленную челобытную, въ которой вся т матерія состоитъ, какъ что и я напысалъ, но другимъ тономъ выражено, и по прочтеніи спрашиваетъ меня секретарь угоднѣ ли мнѣ будетъ такъ что онъ написать.

Я ему незналъ что болѣе говорить окроме моей благодарности и что тѣмъ самымъ обязаннымъ останусь навсегда признавать его своимъ приятелемъ, я поднесъ ему въ знакъ моей благодарности фи尼фтовую хорошую табакерку, какъ оныя тогда носить въ модѣ были только онъ отъказался и взять нехотѣлъ, и говоритъ что онъ еста удастся потомъ видѣть желаемой мною успѣхъ, то тѣмъ будетъ он доволенъ, отдавъ мнѣ ту начорно писаную челобытную сказалъ, что въ коллегіи отъдать въ его повитыи повитчику для препыски на бел

Я отъклонясь господину секретарю пашоль просто въ коллегіи отдаю ту челобытную повитчику, каторой и прежде былъ мнѣ знакомъ, онъ принявши прочелъ и велѣлъ одному писарю переписать которую я потомъ держалъ у себя покудова въ коллегіи полное при судствие собралось, которое завтрашни день и было.

По утру рано пашоль я въ коллегію и дожидаюсь у дверей, ну! господа присутствующіе проходятъ будутъ, и какъ пришло мой благодетель Степанъ Федоровичъ, то я подоидя къ нему, подаю челобытную, онъ отъ меня оную принялъ и понесъ съ собою въ присудствіи

Потомъ пришло время часъ второй во исходѣ, стали господа присутствующіе выходить и всѣ ужъ вышли, спрашиваю я секретаря небыло ли по моей челобытной какова приказанья, на что отвѣчалъ что де ваша челобытная у меня, и приказано оную въ будущее о

бренные долежить, а севодня нельзя было говорить секретарь по ней ничево зделать, ибо много дѣлъ нужнейшихъ было въ докладѣ.

Дождатца мнѣ ужъ было необходимо другаго собранія, что про-должилось дней шесть, между тѣмъ хадылъ я спрозбою къ моимъ вы-сокимъ молостивцамъ къ Степану Федоровичу Апраксину, и къ Петру Спиридоновичу Суморукову, оны оба меня обнадежили что по чело-бытной моей о вызволеніи отца моего въ первомъ собраніи въ кол-легіи не оставятъ учинить подлежащее разсмотрѣны.

По мынованіи уже семъ дней уведомылся я что завтре во втор-никъ будетъ въ коллегіи собраніе, для чего поспешилъ я въ тотъ день пораніе въ коллегію, и сталъ тамъ на такомъ мѣстѣ и гдѣбъ меня господа мымоходомъ могли видѣть.

Оны въ тотъ день въ присудствіи сидѣлы поменше прежнихъ дней, и при выходѣ Степанъ Федоровичъ какъ меня увидѣлъ, то про-говорилъ ко мнѣ понемецки, чтобъ я не скорбылъ ваше дѣло сего-дня олушано, я ему поклонясь благодарилъ.

Я потомъ пашолъ къ секретарю спрашивать о резолюціи, на что отвѣчаетъ что по челобытной моей есть приказаніе чтобъ написать отъ коллегіи докладъ государини, и просить коллегію милостивѣйшаго по-вѣлѣнія, дабы повѣлѣно было по прозбе вашей писать къ полномоч-ному министру въ Виенѣ находящемуся о исходатайствованіи отцу ва-шему съ фамиліею при дворѣ цесарскомъ увольненія въ Россію.

На завтрешний день былъ я у Степана Федоровича, онъ мнѣ тоже самое сказалъ, и обнадежилъ меня чтобъ я втомъ надѣялся, хо-дилъ потомъ и къ Петру Спиридоновичу спрозбою, отъ коего также получилъ хорошую надежду, что по моей прозбе докладъ будетъ на-писанъ.

Слустя дней шесть при полномъ собраніи въ коллегіи тотъ до-кладъ подписанъ и поднесенъ государини, на что ея величество все-милостивѣйше указать извоела въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, чтобъ изъ оной писать Виену къ находящемуся тамо полномочному мини-стру графу Кейзерлингу о исходатайствованіи отцу моему съ фамиліею въ Россію отъпуска, съ прописаньемъ резоновъ, яко я снѣзъ его съ дозволеніемъ двора цесарскаго выехалъ въ Россію, а отецъ мой остался тамъ съ малолетними дѣтми, и что обе стороны остаетца одна по другой по разлуке въ великомъ сожаленіи, для чего полно-

мочни министръ, чтобы употребылъ свое стараніе о такомъ уніи отцу моему въ Россію.

Сие именное повелѣніе въ коллегію иностранныхъ дѣлъ вѣщено и потому стали отъправление дѣлать, я туда всякой день дѣлалъ и просилъ, бывалъ также часто у вице—канцлера графа Нцова просилъ его, онъ былъ господинъ весьма ласкавой обещалъ вскорости отъправлено будетъ, и что еще и онъ отъ себя къ мочному министру писать будетъ, обнадеживалъ меня своею милою и чтобы я до своего времени имѣлъ терпѣніе.

Минуеть уже дней десять моего въ коллегію иностранныхъ хождения и дождался того дня, въ которой мое дѣло отъправлено, мнѣ сказано что курьеръ нарочны едетъ въ Виену, которой въ коллегіи случился, спрашиваю я его когда отъѣзжаетъ и можеть отъ меня письма взять съ собою въ Виену, на что отвѣчалъ что ездъ его будетъ завтра съ полдня въ четвертомъ часу, а письма ворить курьеръ, ежели оныя идутъ на посолски дворъ въ Виену лучше будетъ когда поутру рано принесете ихъ сюда въ коллею попросите оберъ секретаря, чтобы вложить въ большой пакетъ, другие партикулярныя письма кладутъ, я скорѣе пашолъ на квартиру пишу письмо къ отцу моему уведомляю его тѣмъ, что я нахожусь въ Петербургѣ, и что исходатайствовалъ такую о увольненіи его лущію, и что о томъ писано въ Виену къ полномочному министру что въскоре пашпортъ о выходе въ Россію получить будетъ, а дѣло пишу я къ господину легаціонсъ секретарю Волкову, ибо нева уже тамъ въ Виенѣ, нѣтъ а прешолъ по указу въ Паризъ тамошнѣму посолству.

Въ тоже письмо что къ Волкову вложилъ я и оное, что къ моему пишу съ адресомъ въ то место где онъ находитца, и пашолъ Волкова чтобы отъдать на почту, а также просилъ я Волкова и о томъ когда пашпортъ отцу моему видѣть, чтобы отослать въ Петровградъ къ нему, где онъ тогда находился.

Во всемъ томъ зделался успѣхъ по желанію нашему, господинъ полномочный пасоль графъ Кейзерлингъ по рескрипту писанному къ изъ иностранной коллегіи приложилъ свое стараніе чрезъ тамошного канцлера, и пашпортъ отцу моему о свободномъ съ фамилиею въ Россію выходе исходатайствовалъ, и отосланъ по команде тамошней въ Петровградъ къ тамошнѣму оберъ коменданту генералу

заронъ фонъ Елфенрейху (о коемъ я въ первой части моей повести упоминалъ) съ повелѣніемъ, чтобъ онаго отцу моему прѣручить.

А до присылки туда пашпорта, отецъ мой получилъ по почте присланное ему отъ господина Волкова мое письмо и уже онъ былъ обо всѣмъ сведомъ, но никому того необъявлялъ а содержалъ у себя въ большомъ секретѣ, и спустя потомъ мѣсяцъ послалъ за отцемъ своимъ тамошны оберъ комендантъ, (о коемъ више сказано), требуетъ его къ себе, хотя сие и предвещало о благополучномъ успѣхѣ известнаго уже дѣла, но однако отецъ мой, какъ онъ потомъ мнѣ пресказывалъ, о такомъ повелѣніи чтобъ ему въ крепость явитца посумнѣвался жестоко, а тѣмъ болше что посланной за нимъ отъ артилеріи сержантъ не хотѣлъ безъ него назадъ итти (крепость Петроварадинъ лежитъ на правомъ берегу реки Дуная, а на левомъ напротивъ оной, лежитъ городъ Петроварадински шанецъ преименованы Новы Садъ, или по-немецки die statt Neysatz, въ которомъ отецъ мой пребываніе свое имѣлъ).

Отецъ мой по такой за нимъ сержанта отъ артилеріи посланке нѣмалъ въ великое сумнительство, ибо сіи люди ежели за кѣмъ пошлютца бываетъ двойко, первое изъ почесты, а другое по какому либо несчастію, такъ тогда и отецъ мой болше думалъ къ несчастію нежели къ приятности, понеже вто время некоторые изъ нашихъ Сербовъ по тогдашней учинѣнной отъ двора цесарскаго къ выходе въ Россію строгой публикаціи были въ ихъ намереніи изъобличены чрезъ что пострадады, что и подало отцу моему притчину боятца и жестоко было вснужался, воображая что какая ни есть въ полученіи пашпорта учинилась остановка или и вовсе невозможность, и тѣмъ осталось известно что онъ въ Россію выехать желаетъ, и что конечно потому ему въ крепость требуютъ, ибо онъ того не зналъ что пашпортъ къ нему чрезъ тамошную команду пришлѣтца, а ожидалъ онаго получить чрезъ почту или чрезъ какую другую оказію, а какъ посланой за нимъ итти самъ одинъ назадъ не хотѣлъ, то ужъ отецъ мой будучи страхонъ великимъ обнять принужденъ съ тѣмъ за нимъ посланнымъ итти въ крепость, и явитца у оберъ коменданта.

Оберъ-комендантъ, зная моего отца весьма коротко, встречается его словами говорить, что вы господинъ Пишчевичъ хатите въ Россію итти, на сей запросъ отвечаетъ отецъ мой что нѣтъ и не знаетъ, тогда сказалъ оберъ-комендантъ какъ не знаешь вотде и пашпортъ вашъ присланъ, отецъ мой не видитъ еще пашпорта посумнѣ-

вался, не делаетца на днимъ какое искушение, отвѣчаетъ вторителю своимъ незнаніемъ упомянувъ при томъ что разве сынъ мой, которой отъ двора здешняго уволенъ и таперъ находитца въ Россіи самъ собою не просилъ о моемъ увольненіи, а яде говорилъ онъ ничего не знаю.

Тогда оберъ-комендантъ приказалъ привести изъ своей канцеляріи пашпортъ, отдаетъ его отцу моему сожалея о его отъездѣ, говорилъ что де вы напрасно свое отечество покидаете, вы адѣсь и предки ваши много служили, и во всякомъ почтеніи признаваемы были, а таперъ безъ никакой нужды отъезжаете и оставляете всю ту честь, кою здѣсь заслужили, въ тушѣ, разоряете самы свой домъ, и имѣніе продадите въ безценокъ, и хатите въ чужемъ царствѣ зачинать под своимъ лѣта вѣновь себя заслуживать, что можетъ быть по какимъ нибудь обстоятельствомъ и неудачно вамъ будетъ, и на послѣдокъ чтобъ не сожалѣли, а впрочѣмъ какъ угодно сказалъ оберъ-комендантъ, желаю вамъ счастливой путь.

Отецъ мой изъяснилъ болшъ притчину своего отъезда въ томъ что я въ Россіи, и что такъ видно судьба быть опредѣлила, прѣстася у оберъ-коменданта пашолъ дамой.

По полученіи пашпорта отецъ мой зачалъ продавать всео свое недвижимое имѣніе и скоть, и подлино въ безценокъ, зачалъ потомъ готовитца въ дорогу съ тѣмъ намереніемъ, чтобъ еще тогожъ лѣта успѣть выехать.

Яжъ по совершеніи всѣго дѣла небавився болше въ Петербургъ отъправился въ апрелѣ мѣсѣ къ своей командѣ къ генералу Шавичу на поселенные и прибылъ благополучно дамой, явился къ своему генералу и указъ о производствѣ моемъ подалъ, и потому мой новой чинъ приведенъ къ присягѣ.

Весна какъ уже отъкрылась, взялся я за свое хозяйство, стау меня по. економыи воображатца о всякомъ дѣлѣ охота и приязность, зачалъ сѣять хлѣбъ и заводитъ себя потребнымъ, помышляи о томъ какъ отца своего принять когда приедетъ, для чего хтѣлъ пристроить еще два пакоя, однимъ словомъ ни о чемъ блѣ не думалъ, а толко о томъ какбы мнѣ во всѣмъ достигнуть и унать силу что до економыи надлежить, и тѣмъ назватца хазяиномъ но таково мое предпріятіе не надолго меня веселило, а надобъ было вдругъ всео бросить и итытъ туда куда судьба ведетъ, и прѣ

нимать на себя трудъ, прискорбѣ, и встречать всѣ тѣ несчастїи кои для меня приуготовлены.

Съприезда моего изъ Петербурга не болѣе я тамъ на поселенно былъ какъ недѣль восемь, вотъ и указъ къ господину генералу Шевичу изъ военной коллегїи присланъ, коимъ повелѣно что въ не-медленно меня, и адъютанта Маркова, да вахмистра Крестича, и еще другихъ двухъ вахмистровъ, отъправить въ Киевъ къ господину оберъ-коменданту Костюрину, и отъкогда отъправлены будемъ въ чужое государство по секретной камысїи.

Меня призвалъ генералъ Шевичъ, объявляетъ тотъ указъ и весьма былъ тѣмъ недоволенъ, а я еще болѣе какъ о томъ услышавъ, исчего легко догадаться было можно, что то сдѣлалось по требованно черногорскаго владыки и маїора Петровича, я говорю своему генералу что ехать не хачу и что моей воли къ тому нѣтъ, и что я сталъ заводитца хазяйствомъ и економыею на поселенно, и что я какъ поеду лишусь всего своего имущества.

Генералъ Шевичъ такому моему отъзыву былъ доволенъ и вознамерился было что въ меня и ту всю наряженую каманду удержатъ, по на тожь время онъ о томъ же получилъ изъ Бахмута отъ генерала Бибыкова сообщенїе, коимъ уведомляетъ что по такому же военной коллегїи указу надобно насъ командированныхъ удовлетворить изъ его камысїи жалованьемъ, то и требуетъ чтобы мы мимоходомъ къ нему въ Бахмутъ явились, на сие къ Бибыкову генералъ Шевичъ и отвѣчаетъ что онъ удержалъ, и намеренъ чрезъ курьера представить въ военную коллегїю спрочислениемъ нашей прозбы, яко мы зачали на поселенно заводитца економиею и строениемъ и что нашей нѣтъ воли ехать, и что можемъ чрезъ то по нашей новости лишитца всего имущества, генералъ Бибыковъ не умедлилъ скоро къ Шевичу въ отвѣтъ написать советуя что въ того не дѣлать, ибо чрезъ такую остановку можетъ подвергнуть себя великому отъвѣту, и ехать конечно надобно куда велѣно, повторяя втомъ сообщенїи, что бы насъ скорѣе къ нему въ Бахмутъ отъправилъ для выдачи намъ жалованья.

По сему обстоятельству и нельзя было иначе дѣлать, а должно мнѣ съ тѣми другими командированными ехать куда велѣно. о чемъ мнѣ отъ моего генерала и ордеръ данъ.

Я сїмъ дѣломъ оскорбился жестоко видя, что чрезъ такую путь лишусь всей моей зачатой економїи и потеряю все что имѣю, для

чего вознамерился было ехать самъ адынъ, а супругу свою съ маленькими дѣтми оставить въ доме тутъ напоселенную, о семъ какъ супруге своей объявилъ, то она, не бывъ тѣмъ довольна, говорить ни подкакимъ выдомъ остатца после меня не хочетъ, а желаетъ ч конечно со мною вмѣстѣ ехать, принося въ резонъ къ возможно что и маиоръ Петровичъ свою супругу съ собою же взялъ, а мнѣ еще что при сей оказіи можетъ видѣть своихъ оставшихъ въ саріи матъ, брата и сестеръ, коиъ опосля, говорила она, можетъ и не доведетца никогда большъ видѣть.

Вижу я что мнѣ супругу свою отъ ее намеренія никакъ (не можно уговорить, чтобъ остатца въ доме на поселенную, принуж согласитца и взять ее съ собою, распродавъ все что было на зйство приуготовлено, также скотъ рогатой, овцы, и табунъ лошадиной, чѣмъ было къ приплоду зачало здѣлать, все то продавъ приуготовилъ себя въ дорогу какъ можно полегче, зная уже и мнѣ чрезъ горы Венгерскіе прискорбная путь будетъ, а остав только домъ непроданой, въ коего въпустилъ адного капрала для смотру до моего обратнаго приезда, и съ тѣмъ отъправился въ путь.

Заехалъ я съ своею командою въ Бахмутъ, явились у генеръ Бибыкова, отъ коего получили жалованые въпредъ на полгода, ко одно окладное безъ рационовъ, а отътуда предъпріямы до въ Киевъ.

Изъ Киева отъправляетъ насъ господинъ оберъ-комендантъ Костюринъ за границу съ повелениемъ, чтобы намъ всѣмъ ехать и сто чрезъ Подшу въ Цесарию, и явитца уполномочнаго російскіа посла графа Кейзерлинга тамо въ столичномъ городѣ Виенѣ нах щагося, отъ коего что далѣ предпріянять дано будетъ мнѣ повелѣ а при семъ господинъ оберъ-комендантъ Костюринъ выдаетъ и на проездъ по указу сенатскому денги, мнѣ наравнѣ съ адютант каждому по двѣсти, а вахтъмейстрамъ каждому по сту рублевъ.

По какому несходству докладываю я господину оберъ-комендантъ что я по моему штабъ-офицерскому чину и чрезъ такъ дальнюю п сь двести рублями не могу вытѣтъ наконецъ, и принужденъ б разорѣтца и войтѣтъ въ долги, онъ на то отвѣчалъ что такъ у зомъ предписано и что онъ самъ собою не можетъ никакой бо. прибавки учинить, и даетъ мнѣ ордеръ съ приложениемъ при он

о свободномъ нашемъ до Виены проездѣ изъ киевской губернской канцеляріи пашпортъ.

По сему докладываю я господину оберъ-коменданту, изъясняя о такомъ пашпортѣ что мнѣ со онимъ нельзя будетъ проехать до Виены, и сказываю какіе въ Венгріи и въ Цесаріи строгосты и что для такова дальнѣго чрезъ чужіе государства пути и проезда надобно мнѣ необходимо имѣть пашпортъ отъ иностранной коллегіи съ государственною печатію, а инаково проѣхать мнѣ будетъ невозможно.

На сей мой докладъ господинъ оберъ-комендантъ не былъ доволенъ и говоритъ что де губерныя киевская вездѣ есть известна, и потому конечно и в Цесаріи объ ней знаютъ и я чтобъ ехалъ съ тѣмъ пашпортомъ въ свою дарогу.

И тако принужденъ я былъ съ такимъ отъправленіемъ изъ Кіева выехать, и вступивши въ Польшу чрезъ всю дарогу были мнѣ довольно отъ Поляковъ препоны, какъ онѣ тогда въ великой силы почитали себя, и проежимъ російскимъ ни мало приятства а болше грубосты оказывали, какъ и меня съ командою на многихъ мѣстахъ что останавливали, экипажъ нашъ прекидывали, пошлины требовали, и на другихъ мѣстахъ мостовыя денги и тому подобное, чрезъ что лишніе остановки и затрудненныя случались, покудова напоследокъ едва до границы Венгерской доехали.

Въехавши мы въ Венгрію на первомъ караулѣ, где таможенные осмотръ дѣлають, насъ своимъ порядкомъ осмотрѣлы, и какъ я съ ними умѣлъ говорить и сказанъ російскимъ маноромъ и что еду въ Виену въ нашему російскому послу по дѣлу важному, то послужило счастье такъ что насъ пропустили.

Я тотже день въ вечеру встрѣтилъ отца моего едущаго съ мачихою моею и с дѣтми со всѣмъ въ Россію, мы ночевали вмѣстѣ въ одной случившейся по большой дороге между горами, карчмѣ, онъ мнѣ пресказывалъ обо всемъ томъ, что снимъ дѣлалось при полученіи пашпорта, о чемъ я више говорилъ; провели мы всю почти ночь въ разныхъ разговорахъ, онъ мнѣ между прочимъ сказалъ и о той черногорской камысіи, что едвамы изъ того чему хорошему быть, и что майоръ Петровичъ приежалъ въ Петербургъ, где супруга его заболѣла и умерла, а онъ потомъ поехалъ къ Венеціанской границѣ въ Цесарской тамо состоящи городъ Триестъ, поутру я простясь съ отцомъ моимъ далъ ему маршрутъ до Кіева, онъ поехалъ къ границѣ Польской, а я во внутрь Венгріи.

Предо мною и вокругъ меня показались уже тѣ превеличайшия горы и стены каменные, чрезъ которые мнѣ пребыратца надобно, и тѣ кою прискорбною дорогою ехалъ четыре дни, чрезъ разные села и деревни безъ никакой остановки, и прѣхалъ на пятый день города Елербурга, за которымъ, отъѣхавши мыли две какъ уже вечеръ и ступила, остановился въ одномъ селѣ въ тамошней карчмѣ ночевать.

А поутру какъ я всталъ и задалъ слугѣ лошадей къ упражненью готовить и возы и карету подмазывать, тогда пришло ко мнѣ чуждый незнакомый изъ тамошнихъ людей спрашиваетъ у меня пашпорта, и отъколъ и куда еду и кто я таковъ, и где границу прѣехалъ я напротивъ его запросовъ спрашиваю также, кто онъ таковъ и кака ему надобность о всемъ томъ знать чего онъ спрашиваетъ, онъ на то отвѣчаетъ что онъ естъ изъ пограничныхъ надсмотрщиковъ чиновной человекъ, и что его прислалъ пограничныя генералы камысаръ графъ Старый меня о томъ спрашивать и пашпорта требуютъ.

Я ему на то требованье сказалъ что я есмь российской службы майоръ, и что еду въ столичный городъ Виену, къ находящемуся тамъ нашему полномочному российскому министру по дѣлу важному съ командою при мнѣ находящеюся, и показываю ему тотъ пашпортъ данной мнѣ изъ киевской губернской канцеляріи, а границу прѣехалъ на такомто мѣстѣ.

Сей посланной показался мнѣ грубаго вида, потому что безъ всякой уваги о посольствѣ своемъ со мною говорилъ, и хотѣлъ мой пашпортъ отъ меня взять и носить къ своему камысару, въ городъ Кашау, разстояніемъ отъдалъ съ небольшимъ две мыли.

На таково требованье я ему пашпорта самому не отдалъ, а тѣмъ ехалъ въ свою путь далѣ, и говорю ему что городъ Кашау съ переды преднамы, и я тамъ не попасъ останавлиюсь, такъ вы жете съ нами вмѣстѣ ехать, и тамъ пашпортъ мой вашему камысару представить.

Онъ на тѣ мои слова отвѣчаетъ грубо и говоритъ, что ты не ехалъ отсюда не можешь, покуда твой пашпортъ господина камысара не увидитъ, и онъ дозволяти далѣ ехать или нѣтъ того знаетъ, а буде я сопротивлятца стану, то указавъ онъ мнѣ приехавшихъ съ нимъ пограничныхъ оружейныхъ караульщиковъ шестъ человекъ, говоритъ что я тебя далѣ ехать не допущу и вотъ караульныхъ къ тебѣ приставлю, и требуетъ пашпорта.

Вижу я что встреча сия предвещаетъ чемъ нибудь да быть худому, принужденъ былъ послать съ нымъ моего адного вахтмейстера съ пашпортомъ къ его камысару и на томъ мѣстѣ ожидать, покуда вахтмейстеръ мой возвратится назадъ.

Тотже день подвечеръ едетъ мой вахтмейстеръ съ тѣмже пограничнымъ чиновнимъ ко мнѣ назадъ, и говоритъ мой вахтмейстеръ, что пашпортъ удержалъ камысаръ у себя съ объявлениемъ, что онъ тотъ пашпортъ къ своей каманде отошлѣтъ въ Виену, а впротчемъ не знаю говорилъ вахтмейстеръ, что онъ еще сему приехавшему со мною приказывалъ.

Я сего приехавшего чиновнаго спрашиваю, что запритчина что камысаръ пашпортъ мой у себя удержалъ и мнѣ въ пути моемъ зделалъ остановку, онъ отвѣчаетъ что де твой пашпортъ есть сумнитель, и писанъ неизвестнымъ намъ языкомъ и безъ печати государственной, ежели то правда какъ ты говоришь что ты есть майоръ российской, да и границу где преехалъ неизвестно и не можетъ быть вероятно, чтобы ты на томъ мѣстѣ прошолъ о коемъ ты упоминалъ, ибо тамъ долженбы ты быть остановленъ и держать карантинъ.

Сколько я сего грубыяна ни уверялъ, что я точно на такомъ мѣстѣ по большой дороге чрезъ границу проехалъ и что меня тамо свѣдѣтельствовали и пропустили, а о карантинѣ что принадлежитъ говорю я ему, ежели бы у васъ по границе въ томъ учрежденіе и повелѣніе были, то бы конечно тамъ меня удержали и не пропустили бы меня безъ того, а здѣсь меня говорю я для карантина въехавшаго уже во внутрь земли какой резонъ имеете удерживать, а ежели о моемъ чрезъ границу проездѣ имѣете какое сумнительство, то хотъ послать туда на тотъ пропускъ справитца.

Однако сей чиновной моихъ словъ немного слушалъ и въ резонъ ничего не принявъ, отвѣчаетъ мнѣ, ты говори сколько хочешь а я буду то дѣлать что мнѣ приказано, онъ приставилъ ко мнѣ тѣхъ караульщиковъ и еще приведшихъ съ собою адного ундеръ-афицера и адного редоваго, приобща къ тѣмъ первымъ всего восемь человекъ меня и подкомандныхъ моихъ тутже на томъ мѣстѣ заарестовалъ, поставивъ часовыхъ при возахъ и у моихъ дверей съ приказаніемъ чтобы меня и моихъ подкомандныхъ никуда со двора ходить не допускать, причемъ и втомъ селѣ началнику приказъ отдалъ, чтобы на ночной караулъ давать въ прибавокъ еще по четыре человека мушкетеровъ.

Сие учредивши тотъ чиновной уехалъ неизвестно мнѣ куда, а я съ подкомандными своими остался подъ арестомъ.

Тотъ день минулъ на томъ такъ, а на завтре всталъ я писать къ нашему полномочному послу рапортъ въ Виену, изъяснить всю обстоятельство которое сомною случилось, запечаталъ конвертъ и написалъ на ономъ съверху по французски адресъ; упросилъ адного караульнаго чтобъ позвать ко мнѣ почтмейстера въ томъ селѣ состоящаго, онъ былъ столько учтивъ что по прозбе моей тотчасъ пришелъ, хотя онъ и былъ природою Венгеръ, но говорить умѣлъ и по немецки, пришедъ ко мнѣ съ учтивостію спрашиваетъ что я ему приказать имѣю.

Я отвечаю ему благодаря за то что пожаловалъ ко мнѣ притытъ, и объявляю о всемъ томъ что сомною случилось и какъ арестованъ при чемъ подаю ему конвертъ что къ послу, и прошу чтобъ принялъ и отыправилъ бы по почтѣ въ Виену, и далъ бы мнѣ въ приеме росписку, притомъ и другой конвертъ подаю ему что пишу къ состоящему въ городе Такае майору Жолобову, которой обретаецца тамо у покупки венгерскихъ винъ ко двору нашему, (о семъ майоре писалъ и въ первой часты сей моей повесты).

Почтмейстеръ принявъ оба тѣ мои конверта далъ въ приемъ росписку, говорить что де сей наступившей ночи почта въ Виенѣ отъезжаетъ, а другая завтре въ Такай, обнадеживъ притомъ меня что конверты верни туда дойдутъ, и с тѣмъ пашолъ отъ меня прочь.

Караульщики мои такъ меня стеснили, что со двора никуда проходитца мнѣ не даютъ, и когда изъ горницы выду то тотчасъ приставъ за мною ходять и прилежно за мною смотреть, у меня запасу для пищи себе и людямъ также и для лошадей ничего нѣтъ и надобно тутъ у хозяина въ три дарого брать на щотъ свой, писалъ я чтобъ дозволить мнѣ лошадей въ полѣ пустить, а также что кое чего съестного искупить въ городъ своего человека послать, но како караульщики ни одно ни другое не позволяли, о чемъ хозяинъ весьма старался и караульщиковъ поилъ чтобъ не дозволять, дабы принужденъ былъ всю потребное у ево покупать и тако въ томъ положеніи пршло восемь дней.

А на девятый день какъ я после обеда прохаживалъ по двору слышу что почтальионъ по болшей дорожке отъ стороны Такайской тропы быть въ рожокъ и крепко въ почтовой каласочке лошадей погоняетъ

и подъехавши просто къ той карчмѣ гдѣ я подкарауломъ содержуся, остановившася, вижу я что человекъ сидитъ на колясочкѣ въ плащѣ, весь запылился, къ коему подошолъ караульной ундеръ-офицеръ спрашивать; онъ тотчасъ снялъ съ себя плащъ, выходитъ изъ колясочки въ нашѣмъ російскомъ кавалерискомъ мундирѣ, коего я узналъ по нашивномъ на абшлагахъ позументѣ, что вахмистръ и надобно ему быть изъ Токая, позвалъ я его къ себѣ, спрашиваю отъкуда едетъ и куда, онъ отвѣчаетъ что изъ Токаю толко до сего места посланъ къ нашему російскому маіору, здѣсь содержащемуся подъ арестомъ, и какъ узналъ что со мною говорить, снялъ съ головы шляпу поклонился, принимаетъ изъ сумки письмо отъ маіора Жолобова подаетъ мнѣ.

Караульщики всѣ подскочили слушать, что вахтмейстеръ со мною будетъ говорить, а какъ наши слова были по руски, то оны не могли разуметь отошли въ сторону, а я взявши письмо позвалъ вахтмейстера съ собою въ горницу, вахтмейстеръ свидѣлствуетъ мнѣ поклонъ отъ маіора Жолобова сказываетъ, что де и самъ господинъ маіоръ, какъ наше письмо получилъ, хотѣлъ сюда къ вамъ приехать, но что боленъ на ногу и не можетъ одѣтца, для того де меня сюда съ письмомъ прислалъ.

Потомъ распечаталъ я письмо и вижу то самое написано что и вахтмейстеръ говоритъ, что маіоръ Жолобовъ хотѣлъ самъ ко мнѣ приехать, но по причине болезни не можетъ, а также пишетъ что онъ о приключившимся со мною писалъ въ Виену господину послу.

Тотъ день удержалъ я вахтмистра у себя, и писалъ къ маіору Жолобову письмо, а на завтра отъправилъ его обратно.

Спустя потомъ дня три приходитъ ко мнѣ почтмейстеръ съ визитомъ, сидѣлъ у меня долго, и между разговорами пресказываетъ мнѣ что онъ вчерашня день былъ въ крепосты Кашау и у того пограничнаго комысара графа Старай, которой де таперъ самъ не радъ что онъ здѣлалъ и васъ удержалъ, видя что вы писали къ вашему російскому послу въ Виену, а также извѣстно уже въ городѣ и то что къ вамъ нарочны присланъ изъ Токая, то ужъ и верить онъ таперъ, что вы точно такова чина есте, каковымъ вы себя объявили и что вы російской службы, о чемъ онъ прежде сумнѣвался, а темъ болше что пашпортъ вашъ писанъ неизвестнымъ ему языкомъ и безъ государственной печати, что и подало ему притчину сумнѣнья, и не подъ видомъ ли російскихъ пробрался чрезъ границу кто другой отъ стороны намъ противной, какде въ недавнѣ и случилось, что отъ

прукаго короля были посланы и пробрались во внутрь Венгріи тайно для возбунтованыхъ калвиновъ и лютеровъ, дабы тѣмъ при контишеніи съ нами войнѣ могъ воспользоватца, что и открылось, и тѣ посланные словлены, почему отъ вышшаго места секретныя повелѣнія къ намъ пограничнымъ камысарамъ присланы, о крепкомъ по границе смотрѣніи, дабы никто не могъ тайно во внутрь Венгріи пробратца, а конъявно идуть и люде незнакомые и въ нихъ предвидѣтца какое сумнѣтельство таковыхъ удерживать, для чего де я пресказываетъ почтмейстеръ слова камысаровы и съ симъ господиномъ такъ зделалъ и оставилъ его подъ видомъ выдержаннаго карантина, а паспортъ его отослалъ къ главной камандѣ, почему уже таперь иняково и нели зделать а должно ожидать резолюціи.

При сихъ разговорахъ сказываетъ еще почтмейстеръ, что въ городе комендантъ о той учинѣнной отъ камысара поступке, что меня удержалъ въехавшаго уже во внутрь земли, весьма дивуетца и говоритде комендантъ, какъ таперь російская армія идетъ намъ на помощь противъ Прусака, и между нашимъ и російскимъ дворами есть алчянція, то де пограничной господинъ камысаръ за то великую беду будетъ имѣть.

Прошло потомъ еще несколько дней, слышу я, что тотъ пограничній камысаръ графъ Старай приехалъ въ свою деревню, состоящую отъ того места где я арестованъ въ полъмили разстояніемъ, немноготъ болшой дароге въ сторонѣ гдѣ дворъ болшой каменной и самъ харошой имѣеть, посилаетъ онъ аднѣмъ днемъ подъ вечеръ ко мнѣ адного своего чиновного съ визитомъ, объявляетъ мнѣ отъ своего господина графа комплиментъ, и что проситъ графъ на завтрашній день меня къ себе обедать, я сему посланому отвѣчалъ, что благодарю господину графу за присланой его визытъ, а обедать къ нему говорю я быть не могу, по притчине что я нездоровъ.

Посланой сей съ тѣмъ моимъ отвѣтомъ пашолъ отъ меня, а завтра въ часу девятомъ по утру едетъ ко мнѣ графскій сынъ и мальчикъ летъ восемнатцаты, одѣтъ харошо и видно что и воспитанъ харошого, оказалъ себя весьма учтиво, говорилъ по-венгерски а потомъ и по-немецки, представляя свое посолство, что батюшка его вежелаетъ со мною видѣтца и проситъ, чтобы его усчастливить на свидѣніи день быть у его на обеду, какде и вчера съ тако прозбою онъ къ вамъ присилалъ.

Я сколко ны отгаваривался что не здоровъ и быть туда не могу, однакъ сей мальчикъ такъ приятнымъ выдомъ и словами просителни-

увертывался около меня, что напоследокъ разсудылъ я поехать къ нему, не столько для обеда, а болше для того чтобъ сего господина видѣть и узнать, причѣмъ будетъ случай о томъ что онъ мнѣ сделалъ с нымъ преговорить, и потому согласился и сказалъ графскому сину что буду.

Онъ бывъ тѣмъ доволенъ отклонясь у меня поспешалъ ехать обратно, приказываетъ своему вершнику, которой съ нымъ приехалъ, чтобъ тутъ остался и меня ко двору проводить, а самъ селъ въ свой полукаретокъ поехалъ къ отцу своему.

Тотчасъ приказалъ я карету мою очистить и обтереть съ нее пылъ и заложить лошадей, между тѣмъ одѣлся я въ свой новый мундиръ, велѣлъ и слугамъ одѣтца также въ новые мундиры, взялъ съ собою адютанта Маркова, поехали съ целымъ нарядомъ къ графу на дворъ.

Онъ видно изъ своего двора увидѣлъ насъ чрезъ окошко, что мы ужъ на дворъ въехали, то встрѣтилъ меня на крыльцѣ онъ самъ съ двумя своими синами, показывая приятной видъ изъясняя великое свое удовольствіе въ томъ, что я не оставилъ его прозбы и приехалъ къ нему обедать, потомъ повелъ меня далѣе во внутрь своихъ пако-етъ, представляетъ къ своей супругѣ графинѣ и двумъ дочерямъ своимъ, кои еще дѣвочки были.

Посадила меня графиня возлѣ себя на канапен, продолжала разговоры свои со мною на немецкомъ языкѣ, не зная ничего о томъ что я родымецъ той же земли, а считаетъ меня природнымъ рускимъ человекомъ, а и я также ны мало приметы не подаю, что я прежде былъ въ австрійской службѣ и что родился въ Славоніи, а говорю такъ на ее запросъ что руской природной.

Оны дивовались нашему рускому языку, когда я что съ адютантомъ Марковичъ говорю: Марковъ былъ природный изъ Украинны въ Малой Россіи, а служилъ въ гусарскихъ старихъ полкахъ прежде пошелъ на поселенье къ Шевичу определенъ, и довелось ему въ первое тогда Венгрію и Цесарію видѣть. А болше всего чудно графинѣ показалось о моемъ въ разговорахъ съ нею немецкомъ языкѣ, и не хотѣла тому снѣрва вѣрить чтобъ я не былъ Немецъ, но какъ я ее уверилъ что я природной Руской, а языкъ немецкій говорилъ я ей что училъ и не есть мой природный, она на то отвѣчаетъ, мы де по ся поры какъ таперъ я выжу о російскихъ людяхъ никакова понятія не имѣлы, а считали де мы объ нихъ совсѣмъ инаково.

Спрашиваетъ графиня о дамахъ въ Россіи и о убранствѣ обхожденіи, даже и то спрашивала умѣютъ ли танцовать европейскія танцы, на что какъ я ей подробно обо всѣмъ пресказалъ, а еще что и какъ при дворѣ нашемъ есть, и не токмо что дамы русскія танцовать умѣютъ и убираютца по модѣ европейской самымъ шимъ убранствомъ, но и всякіе европейскіе языки разумѣть говорятъ.

Графиня прилежно выслушала мои слова, стала шутѣть, ротясь къ мужу своему говорить, вотъ видишь что не весь толко здесь у насъ въ Венгріи, я де какъ таперь слышу и возлосъ во мнѣ желанье, тобы хотъ севодня готова поехать въ Р и тотъ край повидѣть.

Графъ во все время нашего разговора молчалъ, и при смотрѣлъ на меня, а потомъ говорить къ графинѣ, я де думаю что всѣхъ тѣхъ разговорахъ надобно гостѣй еще до обеда попотче онъ всталъ и пошелъ въ другой пакой, и мало погодя при слуги на подносахъ, на одномъ две великіе рюмки водки, а на гомъ нарезаной хлебъ и сирь, и подносятъ ко мнѣ тѣ рюмки сткою, вижу я что то есть умышлено зделано, зная ихъ обычаи оны такъ великіи рюмки никогда водку не пьютъ, да и на часть не поднесено ни графу, ни графинѣ а толко намъ двумъ да адютанту, для чего я не принялъ ни одной и пить не х графъ тутъ было подошелъ взялъ отъ слуги подносъ и говорить, что не изволите выкушать, я ему отвѣчаю что для меня послишкомъ велика и пить не могу, онъ сталъ намагатца повпрозбу чтобъ выкушать, однако я отказался, и говорю смелавноль у васъ такой обычай сталъ, чтобъ такими болшими рюмводку пить какъ мы слышали, что въ Венгріи у господъ такова чаю не бывало, и тако обе тѣ рюмки понесли назадъ.

Между тѣмъ сказано что на столѣ ужю блюда поставлен всталъ и взялъ графиню за руку, она говоритъ я де буду васъ водить, вошли мы въ залъ где приуготовлено было къ обѣду, за столъ я между графинѣю и старшою дочерью селъ, у насъ а домъ были разные разговоры, а потомъ вставши иза стола и лъ тотже пакой где и прежде были и потомъ поднесли намъ коф

После того зачалъ графъ говорить, какъ много онъ сожалѣ томъ что со мною такъ воснослѣдовало и что ему не можно иначе зделать по притчине строгихъ отъ вышшаго места о с

ненія пограничности повелѣныевъ, и что карантинъ должно мнѣ выдержатъ, но что я не на форпосте на границе остановленъ, а пропущенъ и потому ужь здесь удержанъ, о томде тотъ форпостный офицеръ подверженъ суду, а обвасде говорилъ графъ я въ подлежащее место представилъ и надѣюсь что въ скоросты и резолюция будетъ, изъвыняясь притомъ чтобы на него за то не имѣть злой воли.

Я на сіи изговореніи сказалъ ему во отвѣтъ коротко, говорю, что что вы государь мой изволите говорить, претворяя будто по резону карантина я здесь удержанъ, то естли меня по какимъ поветріямъ имѣете сумнительнымъ, а севодня какъ я въ вашемъ доме нахожусь и у васъ обедалъ, то и должно вамъ со всею вашею фамиліею со мною вмѣстѣ быть въ карантинѣ.

Чтожь до того вашего форпостнаго офицера принадлежитъ, каторой меня пропустилъ, то онъ ни мало въ томъ обвинѣнъ быть не можетъ, ибо у васъ по границе естлибы были о держаніи проежающихъ карантина какие повелѣныи, то бы конечно меня тамъ удержали, и какъ сего ничего нѣтъ, то какой резонъ вы имѣли меня во внутрь земли въехавшаго подъ видомъ карантина удержатъ и на такомъ мѣстѣ, где никакова на то учрежденія и заставы не состоитъ; также говорилъ я ежелибы и по моему пашпорту, какъ вы о томъ прежде говорили что неизвестнымъ языкомъ оной писанъ и тѣмъ признали вы меня сумнительнымъ, то надлежало когда не имѣете другаго превода, призвать толко изъ окружныхъ здесь въ селахъ вашихъ уныятскихъ священниковъ, кои бы вамъ могли легко прочесть и претолковать, ако сіи ваши уныиате говорилъ я грамату російскаго языка довольно знаютъ и на російскихъ книгахъ службу въ церквахъ отправляютъ, и потомубы вы узнать могли, что пашпортъ мой естъ справедливъ. Съверхъ же того вамъ въ доказательство, когда бы я и по другому какому резону показался вамъ сумнительнымъ, то бы я публично по болшей дароге такъ не ехалъ, а то видно господинъ графъ говорилъ я ему, что вы самы собою такъ со мною захотѣли зделать и меня арестовали, а такой кренкой караулъ ко мнѣ приставленъ, каторой по приказанію вѣшему меня никуда со двора вытѣть не дозволяетъ, да и покупки потребніе мнѣ, послать куди въ деревню или въ городъ запрецають, и я въ семъ вашемъ заточеніи терплю такую строгость вотъ уже три недели.

Онъ какъ выразумѣлъ изъ словъ моихъ о такой строгости караула зделался, якобы ничего о томъ не знаетъ и обвинять того, катораго онъ перве за пашпортъ ко мнѣ прислалъ, и что конечно

не оставить онаго за то штрафовать, и приказываетъ тутъ одному изъ своихъ подкомандныхъ, чтобы тотчасъ караульныхъ снять, а оставить только четыре человека для ночнаго времени, въ томъ будто разуме, дабы иногда изъ проежающихъ кто не могъ учинить мнѣ какой обыди.

На сие приказанные говорю я, что вы напрасно господинъ графъ такову политику таперь употребляете, хотя бы вы и весь свой караулъ снять велѣлы, то я однако съ того места где удержанъ не выведу, покуда на то отъ своего начальства не получу повелѣніе.

Послѣ сихъ нашихъ съ графомъ преговорокъ немного я уже съ ними быть хатѣлъ, приказалъ слуге своему чтобъ карета подъехала, отклоняясь графинѣ и ея дочерямъ, также и графу слова учтивыя оказалъ и поблагодаря за ихъ угощенные, говорю что не могу болѣе бавитца, а спешу яко арестантъ къ своему месту, и съ тѣмъ селъ въ карету и поехалъ.

Сей господинъ бавился въ томъ своемъ доме еще дня четыре и два раза между тѣмъ ко мнѣ синовъ своихъ съ визитами присилалъ съ прозбою, чтобъ я еще къ нему побывалъ, но я болѣе не поехалъ.

На четвертой неделѣ моего ареста получилъ чрезъ почту изъ Вены отъ нашего полномочнаго министра письмо, коимъ даетъ мнѣ знать, чтобъ я приключеныемъ учинѣннаго мнѣ ареста имѣлъ на немъ какое время терпѣныя, покуда онъ о томъ доложить ея величеству королевы и что не останетца то дѣло безъ взысканія.

А затѣмъ терпѣлъ я тотъ арестъ еще три недели, напоследокъ прислалъ ко мнѣ господинъ пасолъ по почте конвертъ большой и имѣлъ письмо, съ приложениемъ отъ двора цесарскаго о свободномъ моемъ проездѣ пашпортъ съ государственною печатію, а всего продолжался мой арестъ на томъ мѣстѣ ровно семь недѣль, таперь надобно ехать и приуготовить себя другіе несчастливые случаи вѣстречать.

Господинъ нашъ полномочни пасолъ графъ Кейзерлингъ пишетъ и приказываетъ мнѣ, чтобъ я ехалъ просто въ Петербургъ, тамъ бы ожидалъ далшаго повелѣнія, а что я терпѣлъ арестъ, о томъ уведомляетъ господинъ пасолъ, что оному пограничному камысару велѣно прибыть въ Вену къ отъѣзду.

Я получа таково повелѣніе сталъ тотчасъ готовитца къ отъезду, а караулики мои то видя, немедленно одинъ изъ нихъ поскакалъ по

почте рапортовать, я тотъ день совѣмъ въклялся экипажемъ въ возы, и приказалъ и своимъ подкоманднымъ быть готовымъ, чтобъ завтра поранѣ выехать могли, между тѣмъ по утру рано приехалъ адынъ изъ подчинѣнныхъ того графа Старай, несетъ ко мнѣ также другой пашпортъ писаной на латинскомъ языкѣ, объявляя что де господинъ графъ хотя еще и не имѣетъ на его объ васъ представленные резолюціи, но слиша что вы повелѣные получили отъ вашего господина посла изъ Виены чтобъ отъсѣя выехать, то де господинъ графъ уважая сие не делаетъ вамъ далѣ въ томъ препятствія, для чего и прислалъ о свободномъ вашемъ чрезъ Венгрію проездѣ сей пашпортъ.

На то отвечалъ я что вашего графа пашпортъ у меня ничто не значить и мнѣ онаго не надобно, и говорю вотъ каковъ пашпортъ я имѣю, показавъ отъ цесарскаго двора мнѣ присланой, скоимъ я и отъѣжаю.

Потомъ расплатился я съ хазяиномъ за всю то что у него бралъ, что меня великихъ денегъ стоило.

И тако я отътуда выехалъ, приказавъ и всѣмъ своимъ за мною ехать, кои уже и совѣмъ готовы были и на улице у ныхъ и возы стоялы, отъехавши я мылю адну остановился, вижу что вахтмейстера Крестича за мною съ ево повоскою нѣтъ, спрашиваю другихъ, где онъ и для чего не всѣ вмѣстѣ за мною выехали, на то отвечаютъ мнѣ другіе, что де онъ сядился въ повоску какъ мы поехали и надобно ему скоро быть, я паехалъ далѣ и отъехавъ еще мылю адну остановился, спрашиваю не догналы ли насъ Крестычъ, на что сказали что нѣтъ, я ужъ тутъ и подумалъ, что надобно быть чему нибудь худому зная что онъ невоздержная пьяница, говорятъ мнѣ на то другіе мои что нѣтъ, севодня де онъ не былъ пьянъ, но слуга его былъ несколько подъ хмелькомъ, я тутъ на дороге еще съ четверть часа пообождалъ, и какъ онъ насъ не догналъ, то я по приближившейся ночи а притомъ что ветръ очены жестокъ былъ, не могъ болшъ на дороге стать поехалъ далѣ къ городу Кашау, куда приехавши въ самую уже вечеръ остановился предъ крепостью въ адномъ заездномъ двере на форштатъ, где показалъ намъ хазяинъ пакои особливые, и ужъ положылъ я на томъ что въ семъ мѣстѣ пообождать, естли вахтмейстеръ Крестичъ въ ту ночь за нами не поспѣетъ, то чтобы завтра послать назадъ искать его.

Мы послѣ ужина взяли свой пакой, и толко что я было заснулъ какъ стало въ дверы мои стучить, отъчего я разбудился слышу опять

стукъ и говоръ двухъ человекъ, всталъ я съ постелы и падошолъ къ дверямъ спрашиваю кто тамъ, на то отвѣчаютъ оба разомъ что я отворилъ дѣло не есть, я сихъ обоихъ узналъ голосъ, что одинъ есть адютантъ Марковъ, а другой почтмейстеръ изъ Лемешанъ (такъ называлось то село, где я подкарауломъ содержался), нечего и могъ я заключить что то не есть попустому, а надобно быть чему нибудь худому, я отворилъ двери и оны оба ко мнѣ вошли, и почтмейстеръ началъ мнѣ сказывать, что онъ изъ любви ко мнѣ прискакалъ и почте съ вестми худими, и что вахтмейстеръ Крестычъ убилъ своего слугу на смерть, и потому взято его тѣмы караульными, говоритъ почтмейстеръ, что тамъ остались, подъ арестъ, положи на еи железа готовились вести въ городъ Енеръешъ для отъ дачи его тамъ въ тюрьму, къ Земскому Суду.

И тогда часъ послалъ къ большимъ отъ крепосты воротамъ к карауному офицеру съ прозбою, чтобы отворить ворота и дозволитъ выехать ко мнѣ почтовыми лошадьми с коляскою.

Офицеръ отвѣчалъ что ключи обыкновенно по пробытіи вечерней зоры отыосица къ коменданту, и потому воротъ отворить не можеть, а также что уже поздняя ночь, то и коменданта онъ будитъ не смѣетъ, и съ тѣмъ мой посланой вернулся ко мнѣ.

Посему принужденъ я въ другой разъ послать и просить хазина своего, чтобы онъ съ моимъ посланнымъ къ тому офицеру съ прозбою, чтобы онъ хотя и поздно разбудилбы коменданта объявивъ мою прозбу.

Свой офицеръ обещалъ то сдѣлать, но не прежде какъ въ четыре часа съ полночи, а чтобы только ему сказать сколько лошадей надобно и вѣсть время почта ко мнѣ прислана будетъ, мой посланый объявилъ что четыре лошады съ почтовою коляскою потребно, и тѣмъ известіемъ мой посланой съ хазинномъ возвратились ко мнѣ.

Между тѣмъ покуда почта ко мнѣ изъ крепосты выедеть, кѣмъ жестоко взымъ меня мысли и болѣе спать не могъ, то началъ я почтмейстера спрашивать, какимъ образомъ то дѣлалось что Крестычъ слугу своего убилъ.

Онъ и началъ мнѣ пресказывать, говорить какъ вы поехали и вахтмейстеръ хотѣлъ тотже часъ за вами ехать и сѣлъ было въ поѣзду, но слуга его нашолъ въ ту карчму где квартера его была, сказавъ что нѣчто тамъ позабулъ, и какъ онъ долго промедлылъ, то и

шолъ вахтмейстеръ его искать, а слуга тамъ въ карчмѣ будучи стоялъ и пилъ вино, и былъ уже слышкомъ пьянъ, и увидѣвъ идущаго къ нему вахтмейстера спалкою, побоялся видно штрафа вискочили вонъ и побегалъ просто улицею ко мнѣ на дворъ, а я говорю почтмейстеръ какъ васъ выпроводилъ и стоялъ еще съ тѣмъ караульными на улице, увидѣвъ что вахтмейстеръ за слугою своимъ погнался и вбежали оба на мой дворъ, то и я съ тѣмъ караульными побежалъ гудажъ за ними, чтобъ оборонить и развести, и видимъ уже что вахтмейстеръ какъ догналъ слугу, бьетъ палкою немилосердно и потомъ схватя за волосы таскалъ и топталъ ногами.

Мы подбежавъ зачали оборонять а слуга лежалъ разпростершись нытъ на землѣ, то думали мы сперва что онъ крепко былъ пьянъ а притомъ и быть, что можетъ бить адно и другое ево такъ обезпамятело и лежитъ, но какъ прошло съ четверть часа а слуга не встаетъ, то де взялись мы поднимать его, однакъ безполезно и увидѣли что ужъ мертвъ, и потому тѣ караульные тотъ часъ взяли вахтмейстера подъ арестъ, отвели на тотъ дворъ где вы были и тамъ стали на него класть железа, и подводу готовили везть его въ городъ Егерешъ для отдачи къ Земскому Суду, а я говорю почтмейстеръ поскакалъ къ вамъ съ известіемъ.

Я выслуша все слова что мнѣ почтмейстеръ пресказывалъ и какъ сей неприятіе весты замешали мнѣ голову и обнять будучи такими мыслями, то ужъ и не ложился болше и спать всю ночь не могъ, разсуждая что дѣлать и что предпринять говорю самъ въ себе, что вотъ какъ человекъ претерпѣвать долженъ въ светѣ какъ и я, что толко успѣлъ изъ одной беды вытѣчь, а вдругую уже попалъ (а не знаю того что впередъ меня еще ожидаетъ).

Венгерскіе права и судъ каковы, о томъ было мнѣ довольно сведомо и что у ныхъ законъ таковъ в чомъ кто приличенъ въ томъ и судюгъ и безъ дальнихъ обстоятельствъ казнятъ смертно, почему я могъ и легко предвидѣть что мнѣ сие великаго труда и хлопотъ нанесетъ, а ктому еще и почтмейстеръ прибавилъ мнѣ думать, онъ говоритъ что ежели я самъ туда не поспешу приехать и не постараюсь избавить вахтмейстера, то де конечно его повесюгъ, толкуя ихъ Венгерской судъ что онъ весьма коротокъ и смерть за смерть конечно должно быть.

Въ сихъ осадныхъ думнахъ просидѣлъ я всю ночь, и дождался уже четвертаго часа за полночь, но что изъ города почти еще

мороза едва на ногахъ стоялы, счастье еще хотя и поушибысь на поврежденныхъ никому не было, потому подыняли мы калыску, стали собирать съ земли свои плащи и другое коно што, что съ собою имѣли, сѣлы и поехали далѣ, однакъ скакать почтилиону я и не дозволилъ болше потому что ночь еще темна была, а потому отъехавши несколько стала разниматца заря, и на расветѣ приехали въ село Лемешаны, остановились предъ тѣмъ заезднымъ дворомъ гдѣ я стоялъ, спрашиваю я моего бывшего хазина о вахтмейстере Крестичѣ, ибо тѣхъ караульщиковъ что тамъ были уже нѣтъ, хазинъ отвѣчаетъ что еще вчера съ отъезды его въ городъ Еперьешъ и тамъ закованаго въ железахъ посодили въ тюрьму.

Я тутъ принужденъ много думать, что зачать и къ кому адресоватца, не могу средства никакова изобрѣсть, понеже всѣ были мнѣ незнакомые, а бросить и ехать въ свою дарогу, и того зделать не могъ, вахтмейстражъ яко своего подкомандного конечно какъ нибудь да надобно выручить, и положивши мысли что то надобно зделать такъ, взята за тотъ судъ, куда вахтмейстера повезено, спрашиваю почтмейстера кто началникъ втомъ Земскомъ Судѣ и тутли онъ въ городѣ.

Почтмейстеръ отвѣчаетъ что начальнымъ въ томъ Земскомъ Судѣ есть оберъ-ишпанъ (сей чинъ не могу инаково назвать какъ президентъ того суда), и что онъ тутъ въ городе бываетъ толко въ положенные судебные дни, а впротчемъ живетъ онъ въ своемъ доме по ту сторону города мыль за четыре разстояниемъ.

По сему известію я небаваясь болѣе сѣлъ съ адютантомъ Марковымъ на почту, поехали къ городу Еперьешу и то была толко одна прѣмѣна, при въездѣ въ городъ остановилъ меня стоящій у воротъ часовой, почему вышелъ караулы ундеръ-афицеръ спрашиваетъ по обыкновенію кто едетъ, и пашпорта требуетъ, я ему о себѣ сказалъ, а о пашпортѣ говорю ему что хочу самъ у коменданта быть и что тутже въ городѣ останавлиюсь въ трактирѣ.

Меня пропустили и я заехалъ въ трактиръ, тамъ заказалъ хазину чѣмъ поскорѣе заготовилъ маленькой фриштикъ, послалъ справитца въ канцелярію Земскаго Суда о президентѣ тутли онъ въ городѣ, на что сказано что ево въ городе нѣтъ и находитца въ своемъ доме, отъ города за четыре мыли.

Потомъ нашолъ я къ коменданту; онъ принялъ меня очень учти-

во, говорилъ я снымъ о притчинѣ моего вахтмейстера и что за тѣмъ сюда приехалъ, и прошу его чтобъ въ томъ подалъ мнѣ помощь.

Онъ отвѣчаетъ что съ великимъ удовольствіемъ радбы пособитъ если бы то дѣло чѣмъ нибудъ до него принадлежало, но какъ онъ только таковы дѣла кои до крепости принадлежателны въ своей управленны имѣеть, а по судамъ земскимъ не мешающа ни во что, и что оное остается во власти господъ Венгровъ и ихъ ктому поставленыхъ начальниковъ, кои всѣхъ тѣхъ преступниковъ въ тюрьмѣ у нихъ содержащихся власть имѣють разпрашивать, судить, штрафовать и по обстоятельствамъ изобличенаго злодейства, виноватаго по правамъ своимъ казнить смертию, и я де сумнѣваюсь говорилъ комендантъ чтобъ вы вашего вахтмейстера освободить могли, ибо онъ я убіеца судимъ долженъ быть.

Я еще коменданта просилъ не можнотъ ему хоти то здѣлать чтобъ изытребовать отъ того Земскаго Суда моего вахтмейстера и себе подъ военную стражу, покуда что о семъ дѣле рассмотрѣно будетъ.

Онъ отвѣчалъ. что и того ему учинить нельзя объявляя въ резонъ что онъ съ своимъ немецкимъ гарнизономъ только въ одной крепост повелѣваетъ, а внѣ оной что дѣлаетца то ужъ до него не принадлежить и онъ ни во что таково мешающа не можетъ, а если бы съ вашего вахтмейстера дѣло говорилъ комендантъ приключилось здѣ во внутри крепосты, то бы конечно тогда и долженъ онъ быть пре- стражою въ ведомствѣ моемъ.

Мнѣ ужъ не осталось надобности болѣе тамъ бавитца, отъкланясь у коменданта съ невеликою надеждою пашолъ въ трактиръ, помышляя на томъ, что ехать искать того земскаго президента своимъ преговорить.

Пришедъ я въ трактиръ велѣлъ хазяину подать на столъ помышать, а между тѣмъ послаю адютанта Маркова въ ту земскую канцелярію, какъ оно тутже недалеко было, чтобъ справитца о томъ гдѣ, где того суда президентъ живетъ и какою дорогою ехать надобно, а притомъ испросить доступъ, видѣтъ вахтмейстра Крестина и тѣмбы ему дать знать что я здѣсь приехалъ и стараюсь его избавить.

Адютантъ Марковъ пашолъ, выправку о домѣ президента задалъ и потребилъ стараніе упросилъ начальника что надъ колодницами досмотрѣ имѣеть, и допущенъ чрезъ решетку у дверей отъ тю-

мы вахтмейстера Крестича видѣть, и с тѣмъ возвращаетца скоро ко мнѣ назадъ, мы покушались на скорую руку а почта ужъ была готова, заплатя хазяину за фриштики селы и поехали.

Путь мнѣ была на двухъ пременахъ по большой дороге довольно хараша, а на третьей то есть на последней надобно было свернуть с большой почтовой дороги въ лево проселочною до того мѣста, гдѣ президентъ живетъ, и потому долженъ я былъ заплатить двойные прогонные денги, а сверхъ того что тамъ худая дорога то поспорила почтмейстеръ и не хотѣлъ дать четырехъ лошадей, а конечно шесть чтобъ заплатить, коихъ я и принужденъ взять.

Приехалъ я просто на дворъ къ президенту, было то уже подвечеръ засталъ его въ доме, онъ принялъ меня сперва яко незнакомаго несколько холоднымъ видомъ, однакъ какъ узналъ, а притомъ видѣть что я на шести почтовыхъ лошадяхъ къ нему на дворъ приехалъ (что тамъ редко случаетца окроме весьма великихъ особъ) и что я приехалъ къ нему по делу взятаго моего вахтмейстера подъ караулъ, то онъ вдругъ пременялъ свой видъ и сталъ ласкавъ, просить меня сесть, и зачалъ разговоры и харошо умѣлъ по немецки говорить, между прочимъ сказалъ, я де думаю какъ ужъ скоро будетъ ночь что вы здѣсь преночуете и не прикажетель квартеру вамъ показать и экипажъ туда несть.

Я на то ему отвечалъ что я здѣсь ночевать и свое время упустать никакъ ненамеренъ, а прошу васъ говорю я ему приказать моего вахтмейстера изъ вашей тюрьмы освободить, дабы я могъ скорѣе въ свою дарогу ехать, ибо я важнее по секрету дѣла къ исправленію имѣю, и втомъ здѣлалась таперъ мнѣ болшая остановка что мой вахтмейстеръ взять, и я вотъ сколько почтовыхъ пременъ сего дня сделалъ ищущу васъ, а чтобы вы могли верить о томъ что я вамъ сказываю, представляю вамъ въ доказательство вотъ пашпортъ, которой мнѣ на сихъ дняхъ изъ Виены отъ двора здѣшняго присланъ, вы въ ономъ разуметь можете, что меня съ командою моею никто и ни гдѣ удержать не смѣтъ; президентъ взялъ пашпортъ и сталъ читать.

Тамъ было харошо нанисано съ повелѣніемъ чтобы меня и командою ни гдѣ не удерживать, и не точию въ проездѣ пропускать, но во всякихъ случаяхъ въ вспоможеніи оказывать.

Президентъ прочитавъ пашпортъ отдаетъ мнѣ обратно и говоритъ важнымъ терминомъ, что онъ вахтмейстера освободить не мо-

жеть, ибо онъ есть убійца, и долженъ смертию по правамъ нхъ казнѣнъ быть.

Я ему повторяя опять съ зачала мои слова и говорю, что я в секретному весьма важному дѣлу камысію, известную и двору вашему, возложеную на меня исправить имѣю, (мнѣ необходимо было и жно при семъ случаѣ, камысію свою увеличать словами, дабы хотѣть что нибудь въ пользу достигнуть), и что я получилъ на встречу будучи в дароге отъ нашего россійскаго полномочнаго министра изъ Виены повелѣніе, чтобы какъ наискорѣе предпринять возложеное на меня дѣло, почему и спешу туда ехать куда мнѣ велѣно.

А вы государь мой говорилъ я ему никакой власти надъ по командниѣ моимъ неимѣете, и тѣмъ меня отъ моего пути удержи- вать, а еще меньше казнить моего вахтмейстера смертию не можетъ а ваши права и законы силу имѣютъ надъ вашими подданными, а не надъ россійскими.

Смертноежъ убійство учинѣнное моимъ вахтмейстромъ, ежели б оно здѣлалось надъ вашимъ человекомъ, то бы вы тогда могли и томъ право имѣть и судить его по законамъ вашимъ, но понея того неучинѣно, а убійство зделалъ россійской надъ россійскимъ я человекомъ, то потому и долженъ онъ судимъ быть тѣмъ правомъ куда онъ принадлежитъ, а не здѣсь подъ закономъ вашимъ.

И ежели вы такъ намереваетесь какъ вы мнѣ говорите и подлинно вахтмейстера моего къ смерти предать хатите, то решивъ свою резолюцію еще сего вечера и мнѣ послѣднѣ скажите, съ чему я тотъ часъ еду до первой почты, отькуда долженъ отъправитъ штафетъ въ Виену и донести именно на васъ нашему россійскому полномочному послу жалобу, съ тѣмъ объясненіемъ что чрезъ васъ остановленъ и по своей камысіи не могу далѣ ехать, и увидите говорилъ я ему подъ какой отъвѣтъ вы подвергнете себя, упомяну ему и то что за удержку меня въ селѣ Лемешанахъ пограничны камысаромъ графомъ Стараемъ, что повелѣніе есть чтобы ехать въ Виену къ отъвѣту.

Мы оба адинъ противъ другаго имѣлы втомъ споры долго и шли уже довольно въ ночь далеко, напоследокъ както я своими речами преодолѣлъ сего господина и сталъ я примечать, что онъ уже два и три раза всю адно слово и речъ повторяетъ указывая неперестано на свои венгерские права и законы, и что кровь убійствъ

нѣтъ, являлась на землѣ королѣвской, и потому де судъ производство дѣла принимать долженъ.

Однако по моимъ на то доказательствамъ довелъ я его до того что онъ поумыхчился и говорить сталъ, что де я самъ собою адынъ не могу сего дѣла решить, а должно о томъ имѣть разсужденные при общемъ нашемъ собраньи въ судѣ, которое чрезъ два дни и будетъ, и я завтра на ночь говорить онъ хачу ехать въ городъ, и тогда мы вообще на чомъ положимъ быть, естли на то время пожалеете говорить онъ мнѣ, быть въ городѣ, то мы вамъ конечно не оставимъ объявить наше мнѣніе; и просить чтобъ я взялъ свой пакой и оставлю бы то дѣло до назначенаго времени.

Мнѣ ужъ не осталось болѣе чего говорить, согласился на послѣднее сего господина слова, принужденъ такъ на томъ условьи оставаться и заночевать тамъ.

Квартира мнѣ была отведена у перваго сусѣда врозь двора президентова, я туда пашодъ призвавъ къ себѣ почтилиона, которой уже былъ мнѣ наущалъ чтобъ его отпустить, говорю ему слушай вотъ тебѣ на вино и даю ему денги и ты преночуй здѣсь, а завтра повезешь меня обратно.

Одѣ денги взявъ, но притомъ говорить я де останусь, ежели вы почтовыхъ лошадей чрезъ ночь прокормите и вдвойнѣ прогоны у обратномъ пути заплатите, а иначе я отъ хазяина своего штрафовать буду, естли останусь, по сему требованью принужденъ я всею то заплатити и почтадиона удержалъ.

Завтрешня денъ всталъ я рано, велѣлъ закладывать лошадей, вѣдѣлся съ господиномъ президентомъ, онъ также готовился къ вездену въ городъ, и условясь со мною что тотъ часъ въ слѣдъ за мною выедеть.

Я поехалъ къ городу Еперьешу, куда поспѣлъ того дня къ вечеру, и сталъ въ томъ же трактире гдѣ и прежде былъ, а поутру осведомился я естли собранные въ канцеляріи того Земскаго Суда, и уведѣлъ что естъ, потомъ далъ я о себѣ президенту знать, что я дожидаюсь отъ него, уведомленный какъ онъ мнѣ обещалъ, на что сказалъ что въ адинадцатомъ часу предъ полднемъ пришло въ онъ ко мнѣ съ известіемъ, на чомъ оны въ судѣ свою резолюцію положуть.

Въ часу адинадцатомъ идетъ одинъ изъ ихъ присудствующихъ ко мнѣ съ известіемъ, объявляетъ что судъ положилъ свое определе-

Потомъ положилъ дитя лекаръ на постель, обложилъ сперва гу припарками а потомъ зачалъ направлять пребытие косты т сталъ малчикъ кричать безъмерно, даже что обморокъ его ушиб, для чего непрестано спиртомъ его потирали, а я и мать его отъ лосты внѣ себя аделалысь.

При семъ несчастливомъ случае, адютантъ Марковъ чтобы и утешить всѣ силы свои употребилъ, далъ онъ скоро знать и ма ру Жолобову, каторой тотъ часъ прибежалъ и насъ унымалъ, и обеихъ меня и супругу мою, отвелъ въ другую горницу, а малч ни ково другаго до себе допустить не хотѣлъ, чтобы его держ какъ толко адного адютанта Маркова, его онъ всѣхъ другихъ бол любилъ, однако при такой необходимости надобно было чтобы и д гие поддержать полагали.

Малчика тамъ держутъ а лекаръ своимъ искусствомъ напр ляетъ косты и увязываетъ дощечками, а дитя изо всей силы св кричить, а я съ матерью его плачемъ и рвемъ малоръ Жолоо доброй души человекъ унымаетъ насъ, подаетъ намъ словами т нмы надежду о лекарѣ, что онъ его довольно знаетъ и что есть ловекъ въ своемъ дѣле искусенъ и что онъ и прежде былъ въ тѣ практике.

Погода потомъ сползчасъ дитя прѣстало кричать и сказа мнѣ что меня спрашиваетъ; (онъ меня почти болѣе матери об любилъ и привязаность ко мнѣ имѣло), а за тымъ идетъ къ намъ лекаръ, говорить сталъ что онъ честною своею обовязуетца и да надежду что вскоре сина нашего здароваго учинить и на ноги ставить, ибо де ему не одынь разъ такие случаи были и что и старыхъ людей вылечивалъ, а комы такое молодое дитя чтобы не могъ вылечить и тѣмъ уверяетъ насъ и проситъ чтобы мы скорбили.

Я и супруга моя вошли туда гдѣ синъ нашъ на постелѣ жить, онъ уже молчитъ и увидевши насъ спрашиваетъ здаровъ ужъ нога чтобы ехать, мы ему говоримъ указывая на лекаря что и онъ знаетъ, и ногу твою вылечить.

Лекаръ былъ такъ доброй человекъ что непрестано тутъ дѣлалъ, умѣлъ онъ несколько по славенски говорить и тѣмъ съ мал комъ разговаривалъ что оно могло его слова разумѣть, и наоси докъ дитя такъ того лекаря полюбило что непрестано хотѣло что онъ тутъ былъ.

Тотъ день адютантъ Марковъ еще тутъ остался а на завтре отъправился въ свою путь.

Синъ же нашъ тотъ день и наступившую первую ночь въ великомъ жару былъ, и часто води спрашивалъ пытъ, что лекаръ и не запрещалъ, однакъ подымешивалъ изъ аптеки красной сиропъ, каторой для утоления жару много помогалъ, и такъ оставалась у него въ дощечкахъ привязана нога трое сутокъ, каторую почасто чрезъ дощечки примачивалы спиртомъ, а на пятомъ дню лекаръ попустилъ несколько тѣ дощечки, чрезъ кои и чрезъ завой сталъ нѣмущать теплую мазъ, и то употреблялъ всякой день.

Мы по сему несчастливому случаю принуждены были въ Такае жить мѣсяць целой, писалъ я между тѣмъ въ Виену къ господину полномочному поелу, также и къ полковнику Пучкову въ Триестъ съ прозбою, чтобъ мнѣ непричтено было въ выну, что я посему приключенію остался на некоторое время въ Такае.

Таковы несчастливыя приключенія со мною встретившіеся адно что долго содержался подъ арестомъ, и хлопоты вахтмейстера Крестича, а также и сие что съ синомъ моимъ случилось нанесло мнѣ какъ прежде такъ и таперъ, что принужденъ въ такихъ мѣстахъ по неволѣ долго прожить гдѣ всю дорого а имѣвъ при себе лошадей и людей, а жалованія съ отъезда моего отъ полка не получаютъ, а тѣ лвести рублей что въ Кіеве на проездъ мнѣ дано ужъ давно сошли, то потому издержался совсѣмъ и дошелъ почти до крайности.

Между тѣмъ временемъ какъ я въ Такае находылся, слышу я что по черногорской камысіи приехалъ въ Петроварадинъ, а также и по граньце цесарской по реке Саве что противъ турецкой областы состоитъ, проходилъ майоръ Петровичъ и дѣло зачалъ, поставивъ тамъ при карантинныхъ мѣстахъ некоторыхъ отъ себя присмотрщиковъ, и чтобы зимою какъ Черногорцы выходить и пробыратца будутъ тайно чрезъ турецкую область и чрезъ реку Саву лдомъ на цесарскую сторону, то принимать ихъ и снабдевать потребнымъ до моего приезда.

Сіи вѣсты какъ я услышилъ сталъ сумневатца чтобъ изъ того абы не могло что доброе быть, понеже майоръ Петровичъ адно что не тамошны родимецъ, и языка немецкаго не знаетъ, коего по той дограничности должно знати, а ктому еще и то что онъ прежде въ тѣхъ мѣстахъ не бывалъ; мнѣ же вся та граница известна на коей

я будучи въ службѣ цесарской часто на форпостахъ по той реке Савѣ стоялъ да и окроме того случилось часто проехать и знаю всѣ места и что на тѣхъ местахъ Черногорцамъ съ фамыліями, какъ владыка обещалъ, ныкоимъ образомъ выходъ быть не можетъ, а разве отъ той стороны что отъ Венеціанскихъ гранецъ, да и то не иначе а на кораблѣ по морю Адриатическому до границы цесарской къ городамъ Триесту или къ Фиуме.

И еще я слышалъ что уже некоторые люди якобы изъ Чорной горы прешлы чрезъ реку Саву на цесарскую сторону и приведены въ Петроварадински шанецъ, но какъ сей вѣсти не отъ такова человека до мене дошли чтобы на томъ утвердыцца можно, то и заключалъ я что то происходятъ пустые басни.

Прошло уже адинъ мѣсяцъ что мы въ Такаѣ живемъ, а зима настагаетъ и становитца холодно, то зачалъ я о дороге номышлять чтобы успѣть прежде венгерскіе пустыни проехать нежелъ зима болшая станеть, и достигнутбы до назначенного мнѣ места какъ можно поскорѣе.

Сину нашему день отъ дня стало полегче, и уже прививки сняты, а толко что лекаръ мазъ и фластеръ прикладаетъ и приметно было что кости въ ногѣ уже срослись и опухоли осталось мало, то на пятой неделѣ сделалъ лекаръ пробу.

Онъ взявши дѣтя за обе руки поднялъ его въ гору, и поставихъ на ноги и тѣмъ меня и супругу мою поздравляетъ, сынъ нашъ на тотъ случай выздоровѣлъ и хадить по маленку зачалъ, однакъ не надолго то насъ тешило, опосля скажу конецъ жизни его.

Лекаръ за его труды пятнадцать червоныхъ требовалъ, а я ему далъ дватцать и расплатившись съ хозяиномъ и простясь съ мажоромъ Жолобовымъ изъ Такаю выехалъ

Дорога мнѣ была очень трудна и безъпокойна, ибо зима настигла и снѣгъ на землю упалъ, а ктому еще ветри холодные всякой день насъ проводили и потому продолжалась наша дорога изъ Такаю до Петеръварадина двенатцать дней.

Приехавши я въ Петроварадински шанецъ (что преименованъ Новы Садъ) сталъ квартерою въ болшомъ заездномъ домѣ, на первой случай, покудова потомъ нанялъ себѣ другой дворъ.

На другой день надобно мнѣ было явыцца въ крепосты въ Петеръвардинѣ у оберъ-коменданта (генерала фелтцейгмейстера баро-

на фонтъ Елфенренха, о коемъ я прежде съ зачала моего выезда въ Россію въ службы цесарской говорилъ) и объявилъ о себе что я приехалъ и по какой камысѣи тамо находытца буду, и потому въ тотъ день пашолъ я къ преправе на реку Дунай, преправылся шляпою на ту сторону въ крепость пашолъ во дворъ къ оберъ-коменданту.

Я хотя сего много достойнаго старика еще живаго и засталъ, однако по его высокой старосты уже и глухъ и слѣпъ на оба глаза (снѣ ему зделалось въ томъ же годѣ и послѣ отъезда отъ туда отца моего).

Какъ я вашолъ въ пакой увидѣлъ его сидящаго въ креслѣ, адъютантъ же его падошолъ тотъ часъ ко мнѣ какъ скоро меня увидѣлъ спрашиваетъ кто я и отъ куда, и какое мое дѣло чтобъ генералу доложить, я ему что хотѣлбы я самъ съ генераломъ говорить, онъ говоритъ что де опосля можете вы въ томъ имѣть удовольствіе, а напередъ долженъ я, говоритъ адъютантъ, о приежихъ доложить, потому какъ вы сами видите что вотъ и другіе предстоящие здѣсь къ ему подходятъ съ докладами своими и кричатъ на ухо, ибо онъ ни слышитъ ни видитъ.

Адъютанту я сказалъ имя и чинъ свой и что я приехалъ по Черногогорской камысѣи о чемъ уповаю говорилъ я и его экселенція уже извѣстенъ, и что здѣсь находитца буду, такъ чтобы обо мнѣ были сведомы.

Потомъ адъютантъ подошедь къ старику сталъ ему на ухо кричать объявляетъ о томъ что я ему сказалъ.

Старикъ какъ услышилъ о моемъ имени говорить что, какъ, маиоръ Пищевичъ изъ Россіи, ето де конечно тотъ что недавно отъ селъ поехалъ но онъ былъ капитанъ, и какбы ему такъ скоро можно возвратитца, и спрашиваетъ что ужъ онъ немолодь.

Ему на то адъютантъ опять на ухо кричитъ что нѣтъ не старъ а еще молодъ, снѣ старикъ услышавши въспомнилъ тогда обо мнѣ говорить, когда онъ молодъ я де не знаю другаго ни ково той фамиліи, а разве то есть сынъ старога Пищевича, и думаю что онъ изъ Россіи приехалъ, для того я знаю говорить старикъ, что молодой Пищевичъ былъ у насъ въ службѣ и взялъ свой абшитъ и пашолъ еще прежде отца своего въ Россію.

Я предъупредилъ адютанта нежелъ онъ меня о томъ спросить говорю доложить генералу что я есмь тотъ самой о комъ онъ изво-
литъ говорить.

Адютантъ докладываетъ на ухо старику, что такъ ваша эксселен-
ція изволены угадать онто и есть молодой Пищевичъ.

Сие также старикъ выразумевши, протянулъ свою руку гово-
рить: павиди сюда синъ мой подай мнѣ твою руку, я падошолъ къ не-
му принялъ его за руку и поцеловалъ изъ почтения его такой висе-
кой старосты.

Взявши онъ меня за руку говорить павиди сюда по ближе ко
мнѣ, вы говорили къ людямъ своимъ подай стула, сажаетъ меня возлѣ
себя, сталъ ощупывать рукою меня по лицу, по голове, и по платю,
спрашиваетъ что ето мнѣ сказано ты майоръ, я отвѣчаю также кри-
комъ ему на ухо говорю что такъ, онъ тотъ часъ спросилъ обо отце
моемъ видѣлъ ли я его, отвѣчаю я что видѣлъ и встрѣтился съ нимъ
въ дороге и что онъ поехалъ въ Россію.

Потомъ зачалъ меня спрашивать обо всемъ адно и другое и ка-
ково намъ въ Россіи и не каемсяли мы что оставили свое отечество
и пашлы въ чужие государство.

Я ему на тотъ спросъ отвѣчаю, что намъ всѣмъ вышедшимъ
очень хорошо въ Россіи и пресказываю, что отведены намъ подъ
посеженные земли обширніе и плодніе и въ тепломъ краю (старикъ
былъ очень шутивъ въ свое время то и при сихъ разговорахъ
въздумалъ шутѣть): говорить какъ въ тепломъ краю земли вамъ да-
ны ты говоришь, не ужелы Россія Италиєю претворилась, что тамъ
теплой край есть, а я де думаю что у васъ и о Петрову дню на са-
няхъ и на оленяхъ ездить, я отвѣчаю что наша Украина лучша Ита-
ліи, потому что у насъ хлѣба болше, а на саяхъ и оленяхъ гово-
рю я ему, что въ Сибиріи и въ Камчатке правда что ездить долго
зимою, но однакъ о Петрову дню и тамъ лето есть.

Старикъ на мои отвѣты осмехнулся говорить я де синъ мой шучу
стобю, ты за то не погнѣвайся, я тебя люблю и знаю всѣхъ васъ, и
за то я такъ стобю по приятелски обхожусь, а мнѣ де ваша Укра-
ина хотя я продолжалъ старикъ речъ, тамъ и не бывалъ да омишилъ
даволно, и знаю что у васъ такіе места есть, кои ничемъ не хуже
здешняго и всякая овоцъ родить и хлѣба много, мнѣ де о томъ мно-
гіе воижеиры пресказивали, кои тамо бывали и хвалили, что гараз-
да дешевлѣ тамъ жить. можно нежелы здѣсь.

Сколько старикъ со мною разговоры продолжалъ, то всё тѣ ком-
тутъ при тѣмъ случились гарнизонныя чины между коими были пол-
ковники и еще штабъ-офицеры всё стоятъ и слушаютъ, потомъ сталъ
старикъ къ нимъ говорить, вы господа видители сего молодого госпо-
дина, вотъ вамъ въ доказательство какіе мы ошибки дѣлаемъ и до-
стойныхъ людей въ чужое государство служить отпускаемъ, для че-
го бы сей господинъ не могъ здѣсь у насъ маиоромъ быть, такбы
и не надобно было ему ехать въ Россію, и остался бы онъ здѣсь
и была бы полза отъ него своему отечеству а не чужему, мы де
говорилъ старикъ цены людямъ не умѣемъ дать чего оны стоятъ,
а то поехалъ туда онъ одинъ, а потомъ отецъ со всюю своею фамы-
ліею тудажъ пошли, а гдѣ еще сколько другихъ достойныхъ людей
мы потеряли, а за что продолжалъ старикъ свои слова, за то что
не предвидѣли за службы своего авантажа, пошли туда гдѣ и наш-
ли свое счастье, нѣтъ конхъ со временемъ выдуть тамо болшіе люди. ✓ ✓

Продолжалъ старикъ еще свои слова и говоритъ, а де воевалъ
съ сими людьми, служба сихъ людей такъ велика и верна нашему
двору, что надлежало имѣть имъ всякіе достоинства; ви де можетъ
быть говорилъ старикъ слышали, а я самъ видѣлъ какъ Венгры дво-
ру нашему чинили замену, и соединились было с Туркомъ и дохо-
дило до крайности, такъ въ то время ни ково болѣе въ подкреплѣ-
ныя нашимъ войскамъ не было, окроме только одны Сербы намъ вер-
ны были.

Турки разорили всю ихъ землю Славонію и Сирмыю, подысту-
пили подъ столичныя городъ Виену, соединясь съ изменникомъ Венгер-
скимъ, предводителемъ Текеліею, однако и тутъ Сербы отъ насъ не
отступили, а были въ помощь армыи, и пособствовали неприятеля
разбить и прогнать, и границы какъ тогда съ пролѣтыемъ крвы
своей охраняли, такъ и по сей донъ анѣжъ Сербы содержатъ и це-
лостъ сохраняютъ.

Возмитежъ только то въ доказательство говорилъ старикъ, естлы
гдѣ нибудъ по границе турецкой, на такой великой обширности по
Саве реке, нашъ немецкой караулъ, а всю оны Сербы то полкамы
своими содержатъ, и тѣмъ мы остаемся съ великою надеждою безо-
пасны и прикрыты.

По окончаніи сихъ разговоровъ старикъ, какъ онъ невидитъ,
спросилъ тутли Лапорта, сказали ему что нѣтъ, тажъ пошлите за
нимъ приказывать старикъ, а услыша о имени Лапорта въспомнилъ

обнѣмъ, онъ былъ директоромъ канцеляріи и мнѣ весьма знакомъ, мало за тѣмъ погода пришла Лапорта и меня увидѣлъ, кланялся мнѣ адынь другому яко давние знакомые.

Потомъ падошолъ онъ къ старику кричить ему на ухо что онъ здѣсь и изволить приказать, старикъ узналъ его голоса, спрашиваетъ нѣтъли у насъ какова повелѣныя отъ двора нашего объ приедемъ изъ Россіи господине маиоре Пищевиче каторой вотъ здѣсь.

Лапорта отвѣчаетъ что есть и что о свободномъ по границе проездѣ ему и пашпортъ присланъ, на то сказалъ мнѣ старикъ что на-волыте взять свой пашпортъ и по своей камысіи можете съ Богомъ проехать куда вамъ надобно, только какъ я надѣюсь говорить онъ что вы есте другова сложенія человѣкъ, а не такъ какъ внодарнѣ что здѣсь былъ адынь изъ вашихже російскихъ и также маиоръ какъ и вы, каторой наделалъ много ветровъ нимаю почесты его прилычныхъ и яде съ нымъ не могу сказать чтобы былъ доволенъ,*

* На сіи слова что генералъ мнѣ говорилъ, я и догадался что то былъ майоръ Петровичъ, какъ я потомъ осведомился, что онъ будучи прелъ моимъ приседомъ тато въ Петербурдинѣ хатѣлъ себя весьма великимъ человѣкомъ предъ ставитъ, и дѣлалъ непристойныя кое какіе поступки, между ними было и то что нанялъ себѣ мужичихъ шесть лошадей и запрегши оныя въ карету, хотѣлъ въ ехатъ къ генералу надворъ, куда никто каретою не въезжаетъ, ибо въ тамошнихъ крепостяхъ обыкновенно становятца на улице у приделаного наречито для приезжающихъ такое крыльцо и дѣрвы, предкомны становятца каретныя, и во-внутрь даѣ пешкомъ входятъ, чего Петровичъ не сделалъ, а хотѣлъ въезжать просто надворъ къ генералу, дворже такъ маленькой и тесной, что ево передние лошады какъ онъ въехалъ были уже подъ большою лесницею, а карета еще за-воротамы, для чего и принужденъ былъ тамъ остановитца, слезтъ, и выйти пешкомъ чрезъ дворъ и туда ужъ даѣ наверхъ, а карету почему люди вытаски-вали задомъ маулицу а лошады попутавшисъ наделали во дворе генеральскомъ шуму и стукъ слышкомъ много, и тѣмъ навелъ на себя нареканце что генералъ имъ небылъ доволенъ.

О семъ старике хачу объяснить каковъ онъ человѣкъ былъ, чинъ ево такъ есть какъ я прежде говорилъ генералъ фелтценгмейстеръ и авался баронъ Фонъ Клендренхъ, служилъ весьма верно и порядочно двору австрискому, и былъ во-дыкой воинъ во свое время, отъ зачала еще известнаго славнаго фелтмаринала принца Евгенія Савуйскаго, и командовалъ большою частью въ Славоніи и Границы отъ турецкой стороны содержалъ и имѣлъ всегда Сербовъ въ своей командѣ, и дошедь въ службу до високой старосты, былъ уволенъ отъ службы и определенъ ему пенсія въ гошпиталѣ нештанскомъ; но послѣ уволенныя его какъ другіе на ево мѣстѣ бывшіе оберъ коменданты, а особливо въ сей весьма важной погра-ничной Петербурдинской крепосты, не могли такъ какъ онъ дѣла свои отыгра-

такъ и вы поберегите себя говорилъ старикъ въ своихъ предъпріятіяхъ чтобъ иногда въ затрудненіи какіе вонтытъ не могли.

Я получа тотъ присланой мнѣ, по требованію нашего полномочнаго посла въ Виенѣ, отъ двора цесарскаго новой пашпортъ, отклоняясь у генерала пашолъ на свою квартиру, пысалъ рапорты къ господину послу въ Виену, а также и къ полковнику Пучкову въ Триестъ, уведомявъ ихъ о своемъ въ Петроварадинѣ приездѣ и что о свободномъ по Границе проездѣ присланой пашпортъ я получилъ.

Пробуль я въ Петроварадинѣ недели две, учредылъ свое дѣло, ежели черногорцы выходить будутъ гдѣ ихъ по тогдашнему зимнему времени поотавить, и какъ ихъ содержать, между тѣмъ извѣстился я и о томъ что происходило тагда, какъ майоръ Петровичъ туда приехалъ и какіе то люди были, кои вышли о коихъ я прежде будучи въ Такае слышилъ, и узналъ что заподлинно вышелъ изъ турецкой области тайно чрезъ реку Саву на Цесарскую сторону, нѣкто прозванный Ездимировичъ* и по выдержаніи карантина въ

мать и превосходили тѣмъ великое упущеніе, то потому оиъ сего старика иль гоментали взяли, хотя уже престарелаго но память еще добрую имѣвши, поставилъ къ первымъ его въ ту крепость должности, где и велѣно ему быть до конца жизни его.

* Сынъ былъ предъ тѣмъ въ Россіи вышедши симъ админъ вто время какъ Шенкль изъ Цесаріи въ Кіевъ прибылъ, и записался у него въ команду редовымъ гусаремъ, а потомъ какъ и я первой разъ въ Россію же вышелъ и определенъ въ службу въ команду генерала Шевича и по возвратѣ моемъ изъ Москвы въ Кіевъ, какъ въ то время готовились мы выезжать на назначенные намъ къ поселенію мѣста въ Бахтужской провинціи, тогда назначены были отъ Шевича капитаномъ отъ и распределены были люди втомъ числѣ между редовыми въ мою роту напомнилъ я, что въ спискѣ былъ у меня админъ гусаръ Ездимировичемъ называющійся который предъ выступленіемъ нашимъ бежалъ за границу въ Польшу, после того слышно намъ было обидѣтъ, что онъ преодѣвшись въ черное платье нигдѣ у себя фальшивой пашпортъ славивался чернцемъ изъ той Аеопской Горы, и что ходитъ за изпрошеніемъ мылостины, пробравшись въ Польшу и чрезъ Венгрію, дошедъ въ Славонію поближе къ границѣ Турецкѣ, бывалъ у некоторыхъ тамошнихъ господъ прѣя мылостины, славывая также оиъ за такіеже изпрошеніемъ мылостины и въ Россіи былъ, и такимъ образомъ скрывъ свои слѣды изыскавъ притомъ случай прешолъ чрезъ реку Саву на сторону въ Турецкую область въ Боснію отъ куда онъ и уроженецъ, и какъ не было никому нужди знать объ нѣмъ куда онъ девался, то и досего времени; однако онъ какъ услышалъ о той черногорской камысін хотѣлъ оставить что бѣ воспользоватца тѣмъ случаемъ, пошолъ ищкомъ

местечке Митровицы обще съ вышедшими съ нымъ несколько годовъ объявлять себя Черногорцами, пропущены и пришедъ въ Петроварадинъ явился у маиора Петровича съ имѣющимся у себя отъ владыки писмомъ, коимъ приказываетъ владыка что онаго Ездимировича онъ назначаетъ чиномъ порутчика и чтобъ ему быть при той черногорской камысѣ, а людей конхъ онъ выводитъ будетъ именовать Черногорцами.

Маиоръ Петровичъ, по такому отъ владыки повелѣнію, сего Ездимировича принявъ, но какъ въ ту сторону выходъ Черногорца анъ со вѣмъ быть не можетъ и способности нѣтъ, то и обратыъ маиоръ Петровичъ мысли свои въ другую сторону, согласившись съ симъ Ездимировичемъ, чтобъ тайно въ Цесарской области вербовать людей.

Таково предъпріятіе хотя оны и положили, но самы собою ято въ чужемъ государствѣ зачать не могли, для чего надобно имъ было изыскать изъ тамошнихъ какова на то способнаго человѣка, каторой бы имъ въ томъ дѣлѣ былъ въ помощь, а на то время былъ въ городѣ Карловцы разстояніемъ отъ Петербурга за полтора миль, человекъ въ должности синдикуса, (сей чинъ не могу иначе претолковать какъ полицмейстеръ и секретарь Городскаго Правленія), звался Иванъ Балевицъ, вышедши изъ Турецкой области изъ Албаніи еще малолѣтнимъ будучи въ Цесарію, и потомъ хадымъ въ училищѣ, гдѣ выучился достаточно немецкаго и латинскаго языковъ, и чему и признанъ способнымъ быть къ той должности изъ томъ городѣ, объѣмъ какъ Петровичъ узналъ, то старался съ нымъ переспознатца, посылаетъ за нымъ исподруки съ объявленіемъ что онъ оба адноземцы и что желаетъ снымъ видѣтца, (Петровичъ такъ былъ родомъ изъ области турецкой изъ Албаніи города Подгорицы

изъ Черногорскому владыкѣ пробыравъ чрезъ разныя Турецкія места въ томъ своемъ чернечемъ нарядѣ, и пришедъ туда объявлялъ о себѣ что онъ и что онъ можетъ вывести людей въ великомъ количествѣ тѣхъ, кои жилища свои имѣютъ въ турецкой области понадыграніею въ Цесарію, а за то просилъ онъ у владыки чтобъ ему далъ чинъ аеицерскіи, почему и признавъ его владыка порутчикомъ сприсканымъ, чтобъ тѣ люди конхъ онъ на цесарскую сторону въ карантинъ вывести сказывались Черногорцами, онъ вывелъ правда это время въ карантинъ цесарской въ местечке Митровице состоящій двухъ своихъ братьевъ молодыхъ съ детмы, да зятя своего что сестру его держалъ съ детмы и кто еще двухъ мужиковъ съ женами и сдетмы, и втомъ тогда составлялась вся команда кого и называли выходцами черногорскими.

Балевичъ на такую прозбу склонился, приехалъ въ Петроварадинъ, и с. майоромъ Петровичемъ видѣлся и заключилъ знакомство, при чемъ майоръ Петровичъ открылъ ему свое намереніе съ тою прозбою, чтобы Балевичъ былъ ему въ томъ предпріятіи въ помощь, обещавъ ему за труды великое награжденіе, на что Балевичъ согласился, а зачало то ихъ дѣла было слѣдующее.

Какъ въ томъ городе Карловцы такъ и въ окружныхъ тамо другихъ мѣстахъ находятца всегда изъ разныхъ мѣстъ приходящіе люди съ билетами на заработокъ, называемые бурлаки (а по тамошнему названію бетяры), кои живутъ тамо иногда по целому году въ наймахъ по дѣло и по месечно у хозяевъ въ работѣ, наиболше около виноградовъ и въ овощныхъ садахъ, люди зашедшіе и незнакомые, то чтобы таковыхъ приглашать тайно и объявляли бы себя Черногорцами, и когда отъ работъ отъходятъ будутъ, (а должны въ городской канцеляріи свои билеты взять, яко оны бываютъ отбыраемы), и потомъ даютца новые, то чтобы таковыхъ имена въписывать съ изъясненіемъ что Черногорецъ вышедши такой то именемъ находылся некоторое время на заработке, въ городе или въ такомто въ уездѣ селѣ, вчемъ ему о свободномъ проходе въ другое мѣсто даетца свидѣтельство, почему уже оны могутъ яко настоящие Черногорцы быть приняты къ Петровичу въ команды.

Такову сплетеную и опасную камысію Балевичъ принялъ на себя, зачалъ онъ многимъ таковымъ являющимся у него бурлакамъ, (кои уже были тайно научены и подкуплены) давать билеты въписывая разные числа, отпускалъ, а оны потомъ являлись у майора Петровича, даковыхъ въ скоросты набралось человекъ до пятидесяти, и то все происходило въ великомъ между ими секрете.

Петровичъ какъ скоро увидѣлъ что зачало его вербунга оказало успѣхъ, то и велѣлъ онъ тѣмъ являющимся у него нанимать самыя себе за городомъ въ заездныхъ домахъ и въ харчевняхъ порознь или по два и три вмѣстѣ квартиры, яко бы оны такъ какъ и прежде обыкновенно проживаютъ покуда новыхъ наймовъ для за работку себя найдутъ, давъ имъ каждому на первой случай по несколько денегъ, приказалъ притомъ тому названому порутчику Ездимыровичу имѣть о томъ смотренные, и знабы гдѣ кто на квартирахъ стоять будетъ.

А между тѣмъ не упуская времени Петровичъ, представилъ въ Виену къ полномочному послу, что у него вышедшіе Черногорцы

Онъ приехавши въ тотъ городъ ночью скрылся у своего шу-
и завтрати день предвѣдалъ тамъ, а въ вечеру поздно катъ я
на своей кватеры самъ адинъ и при мнѣ только адинъ слуга,
пугъ вошелъ ко мнѣ въ палатъ человекъ. незнакомой, объяв-
мнѣ что имѣетъ нѣчто важное со мною говорить надинъ.

Я не знавъ кто онъ таковъ говорю ему что не имѣю чѣсты васъ
и вы конечно не здешняго города, онъ отвѣчаетъ что онъ
индикусъ Балевицъ изъ горда Карловецъ, и повторяетъ свою
чтобъ со мною надинъ говорить, сей человекъ мнѣ не былъ
о знакомъ и я въ первой разъ тогда его видѣлъ, вѣсталъ я и
его въ другую горницу, онъ какъ шолъ за мною и вошедъ
орницу, то и затворилъ за собою дверы, подойдя ко мнѣ побли-
цѣ предо мною на колѣны сталъ плакать и просить чтобъ я его
спасъ, мнѣ сей поступокъ отъ такова незнакомаго человека
мнѣ страннымъ, поднимаю я его чтобъ онъ вѣсталъ и спраши-
тобъ мнѣ сказалъ, какое его до меня дѣло и вѣстъ то состоитъ
жизнь его спасъ.

Гутъ онъ мнѣ всю сию что происходило между имъ и маио-
Петровичемъ исторію пресказалъ подробно, такъ какъ више
прилъ, и объявляетъ притомъ что онъ услыша таперъ о себе
остъ, упредылъ уклонитца прежде нежелъ взять будеть подъ
ь, выпросился отъ начальника того въ Карловци подвидомъ яко-
жду имѣетъ ехать за реку Тысу, на Банатскую сторону на
яко дней въ городъ Панчево, яко на сихъ дняхъ говорить онъ
не ево будутъ искать, о чемде ему изъ крепосты Петровара-
динъ приятель далъ знатъ съ тѣмъ увѣреніемъ, что уже въ
сты генералъ аудиторъ-лейтнантъ известенъ и что подалъ отъ
тъ оберъ-команданту объявленные съ требованіемъ, дабы его
подъ арестъ и предать суду, и потому просить чтобъ я своею
юю какъ ныестъ его жизнь спасъ, для чего де сюда ко мнѣ и
аль не зная уже никакой другой себѣ помочи.

Я не могъ на сию его прозбу согласитца, чтобъ его къ себе
какъ онъ того желалъ, а еще меньше за него стать и съ су-
дѣло имѣтъ, ибо о таковыхъ не позволительныхъ дѣлахъ и о
цнати никакихъ другихъ людей къ себе въ свое ведомство
е аднѣхъ только выходцовъ черногорскихъ, крепкое повелѣніе
ашего господина полномочнаго посла я имѣю, съ такимъ при
подѣверженіемъ чтобъ подъ опасеніемъ лишенія чѣсты ни вка-
осторонне дѣла не принадлежаще мнѣ и моеи камыси отнюдь

не мешатца; я все сие Балевичу тогда сказалъ и говорю ему, что естлибы только моя была сила и возможность тобы конечно не отказался вамъ помочь, но какъ я самъ себя и свою честь хранить долженъ то и не могу никакой вамъ помощи учинить, а вы гнворю я ему изъясните другие какие средства къ своему спасенію, а на меня не полагайтесь, ибо мнѣ ничево болѣе дѣлать не можно окроме то что я вамъ сказалъ.

Онъ выслушавъ мои слова залился весь въ слезахъ, падаетъ къ ногамъ моимъ просить чтобы я жизнь его охранить, и что онъ никакова другаго средства изобрести къ своему спасенію не можетъ, окроме что полагаетца на мою помощь; на сие опять принужденъ я былъ повторять мои первые слова и говорю ему что не смѣю въ такие дѣла входить и что опасаюсь, дабы самъ себя не подвергнуть въ несчастые, и прошу ужъ я его чтобы онъ оставилъ меня спокойнѣе.

Съ тѣмъ напоследокъ пашолъ Балевицъ отъ меня протѣ, а я остался по сему дѣлу въ великихъ размышленіяхъ, и провелъ всю ночь безъ покою, представляя себѣ что таперь какъ сие дѣло открылось, то конечно будутъ и обо мнѣ тамошние господа имѣть подозреные, и дабы не подать въ томъ поводу собирався смыслами, что естлибы меня о чемъ спросили то какбы отъвестъ и заглядѣть, что то не правда и напрасно выдуманно, и напоследокъ ежели бы до чего дошло, думалъ показать и повелѣныя имѣющееся у меня отъ господина полномочнаго посла, и тѣмъ доказать какие строгіе повелѣнія мы отаковыхъ не позволительныхъ делахъ имѣемъ.

На завтрешны день уже въ городѣ въ Новомъ Садѣ, о Балевице учинѣны обыскъ, спрашиваютъ вездѣ посланные изъ крепосты обнѣмъ, для чего и въ тамошны Городской Сенатъ (такъ въ томъ городе ихъ судебное место называютъ) дано знать, я о томъ слышу, а также сказано мнѣ что посланъ нарочны искать Балевица и втомъ городе въ Панчеве, куда онъ сказалъ что ехать хатѣль, и тамъ ежели его найдутъ чтобы арестовать.

Того же дня посилаетъ адинъ господинъ (не хачу ово здѣсь упоминать) ко мнѣ своего человека спрашиваетъ будуль я въ вечеру у себя адынъ; и что онъ имѣетъ надобность со мною видѣтца, (сей господинъ въ томъ городѣ Новомъ Садѣ есть въ великомъ почтеніи, и мнѣ коротко знакомъ), отвечаю я тому посланому человеку что буду всю вечеръ въ квартирѣ у себя, и что приходъ ово господина будетъ мнѣ приятенъ, съ тѣмъ тотъ посланой и пашолъ.

При наступившемъ уже вечеру пришло тѣхъ господиновъ самыя адитыя ко мнѣ; я встрѣтилъ его по приятелски, мы разговаривалъ кое о чемъ съ полъ часа, между прочимъ сталъ онъ меня просить о Балевице, чтобъ я какъ можно зделалъ съ нимъ милость, и сохранилъ его, упрекая при томъ что Балевица ищутъ и что онъ какъ его наудитъ, предавъ будетъ суду и принужденъ будетъ все дѣло открити, которой де таперя хотя и находитца здесь подъ скритиемъ, но однако не можетъ сие быть въ его пользу надолго, а спасение его, говорить сей господинъ, зависитъ таперъ единственно отъ васъ, а иначе съ жизнью его будетъ конецъ несчастливой, и что онъ по осужденію, или на веки въ гюрме пропадетъ или зделаетца съ нимъ образецъ что казнѣнъ будетъ смертию, а какъ таково дѣло въ которое онъ по ошибкѣ вмешался, продолжалъ сей господинъ свою рѣчь, имѣеть сѣвазъ сѣвашими росіискими дѣлами, то и должно подать ему помочь и старатца и его спасенію, ссылаясь въ томъ на меня что я конечно то здѣлать могу и отъправить его тайно въ Россію, советуя меня тѣми словами, чтобъ такъ зделать и что такимъ образомъ останетца сие дѣло не известно и по суду не можетъ быть далѣ открито.

Ежелибы сего господина я не зналъ такъ коротко, и что онъ есть честной человекъ, и билбы въ место его кто другой тобы я какъ учинилъ мнѣ визитъ такъ и слова его сочелъ за искушение, но какъ онъ ны вчемъ не былъ мнѣ сумнительнъ, то потому и могъ я съ цѣмъ до томъ дѣла войтить въ разговоры, претолковавъ ему все тѣ строгіе повелѣніи каторые я имѣю, и говорю что конечно и все другіе наши афицеры кои по той камысії въ Австріи находятца такіеже повелѣніи имѣютъ, показавъ ему и ордеръ отъ нашего полномочнаго посла, таперъ говорю я ему представте вы себѣ смѣлыи я въ Балевицево дѣло войтить, не имѣвши на то ни какой ны власти ны способности.

Онъ все мои слова что я ему отвечалъ и представлялъ со вниманіемъ выслушалъ, рассуждалъ самъ въ мою сторону что долженбы я былъ преступить все тѣ повелѣніи и здѣлать самъ собою отъвагу когда о Балевице что дѣлать предпріиму, при чемъ однако не преставаъ онъ своею прозбою, и требовалъ чтобъ учинить Балевицу какую нибудь помочь и тѣмбы его обнадѣжить.

Меня та промба сего господина задала въ думки, и не могъ я ему никакова на тотъ часъ слова дать, а говорю чтобъ еще до зав-

тре оставилъ меня разсмотрѣтца и на чему положу, то о томъ не оставляю его уведомить; съ тѣмъ мы разстались и онъ пошелъ дамой.

Сколько жъ я ны крепился чтобъ въ такие дѣла не входить, представляя себѣ что Балевицъ дѣлалъ свое дѣло изъ користи, получивъ отъ Петровича денги а не отъ усердія къ Россіи, а Петровичъ также вошелъ въ сие дѣло не подолгу а единственно полегкомыслию дабы чѣмъ нибудь натянуть обще съ своимъ владикою, въ выводѣ обещаннаго числа людей, что и представлялось предо мною въ резонъ не мешатца въ дѣло Балевица, однако какъ съ другой стороны сталъ я разсуждать, какое изъ того ежели Балевицъ будетъ къ суду представленъ выдѣтъ затрудненные и откритца дѣло стыдное и предосудительное, что не токмо до нашего полномочнаго посла въ Виенѣ дойдетъ, но еще можетъ быть и ко двору нашему отнесетца, исчего чтобъ иногда не воспослѣдовало какова адной и другой стороны неудовольствія, и тѣмъ и вся сія камысія прекратитца можетъ, то въ предупрежденные всего того и дѣло чтобъ осталось безгласно, разсудылъ найтить способъ, и Балевица отослать въ Виену, а оттуда случаемъ препроводить его за границу въ Польшу, и на томъ положеніи провелъ я ту ночь.

Понутру рано присилаетъ тотъ господинъ ко мнѣ своего чело-вѣка и просить чтобъ у него въ тотъ день отъобедать, исчего я могъ догадатца что онъ тѣмъ случаемъ хочетъ со мною о Балевице еще говорить, слуга съ ответомъ моимъ что буду возвратился, а я между тѣмъ покудова время будетъ итить обедать, селъ и писалъ въ Виену письма, одно къ господину послу а другое къ секретарю Волкову, изъяснивъ о Балевице какой онъ человекъ съ приписан-емъ ему въ похвалу, какъ онъ изъ усердія къ Россіи старался оказать свою услугу, и что таперь о томъ его дѣле отъкрылось и что жизнь его подвержена опасности, а чтобы сие дѣло по суду не могло быть явно, упомянулъ я, что принужденъ былъ отъправить его тайно въ Виену, и просилъ о неоставленіи его своею милостію и учинить ему помочь и защиту.

Потомъ какъ пришло время къ обеду, пошелъ я къ тому господину, онъ съ супругою своею встрѣтили меня у дверей, были мнѣ ради, мы только адни были у стола а постороннаго не было никакого.

После обеда пошли въ другой ево пакой, сталъ меня тотъ господинъ спрашивать, на чомъ я о Балевице положилъ, я ему на то отвѣчалъ что заготовилъ объ нѣмъ письма въ Виену, и что хачу его

завтре туда отъправить, толко чтобъ онъ, говорилъ я, иначе преодѣлся и пашпортъ подѣ видѣмъ купца чтобъ имѣлъ; на сія мои слова сей господинъ благодарилъ меня, и былъ такимъ моимъ положеніемъ много доволенъ, сказавъ притомъ что о пашпортѣ такъ и чтобъ преодѣть Балевица въ купецкое платѣ, беретъ онъ ту камысию на себя.

Въ томъ же городѣ Новомъ Садѣ бываетъ извозчиковъ всегда много, и становатца за городомъ въ заездныхъ домахъ, кои притѣжаютъ изъ разныхъ мѣстъ съ попутчиками, и опять съ такимижъ назадъ возвращающца, и ездятъ во всѣ мѣста и города непрестано, то потому и легко было для отъправленія Балевица таково возъ наитытъ.

Балевицъ преодѣлся какъ купецъ проежи изъ турецкой области, каковыхъ тамъ много городъ съ разными товарами есть и наибольше Греки, и ездятъ и товари свои развозютъ по всѣмъ прочимъ городамъ а болшею частию въ Пешту, въ Будимъ, и въ Виену, то подвидомъ такова купца и онъ устроенъ былъ, а подводчикъ уже ему былъ отъ меня заготовленъ въ томъ заездномъ доме, где мой вахтмейстеръ квартирою стоялъ.

Я такимъ образомъ что Балевица отъправить намеренъ далъ въ томъ тому господину слово и говорю чтобъ онъ завтре въ вечеръ ушелъ, (надобно же знать что всѣ тѣ дни Балевицъ у своего шурна спрятанъ въ погребу лежалъ).

Онъ завтрешны день въ поздую вечеръ приходъ ко мнѣ въ дарде яко Грекъ, купецъ изъ Туречшины каковъ и пашпортъ на свободной проездъ до Виены подѣ чужимъ названіемъ онъ имѣлъ, а далъ ему тѣ заготовление два писма, а ктѣмъ и третье еще ему далъ, которое я объ нѣмъ на всякъ случай писалъ въ Виену, къ моему приятелю тому купцу что банкиръ, о коемъ я въ первой части говорилъ, съ прозбою чтобъ онъ въ случай нужды въ препровожденіи былъ Балевицу въ помочь, что въ самомъ дѣлѣ наиболше ему помогло, какъ о томъ ныже видно будетъ.

Балевицъ, взявъ тѣ отъ меня писма, отъправился туюжъ ночь въ дарогу, благополучно такъ что ни кто обитѣмъ ни мало свѣденія не имѣлъ, и доехалъ въ Виену, онъ адресовался первее тому моему приятелю купцу, какъ я ему приказалъ и писмо подалъ, каторой поставилъ его квартирою къ такому человеку где могъ безъопасенъ быть, а потомъ показалъ ему дарогу какъ на посолски дворъ итѣтъ, куда пришедъ явился къ секретарю Волкову, и писма мои ему подалъ,

однако на то не много или никакой помочи ему аделано, ибо динъ посоль не придвидѣль резона дать ему свою протекцію, залъ что онъ ежели имѣеть намеренные ехать въ Россію, а своемъ проезде старался, почему уже Балевицъ принужденъ милосты у того моего пріятели кунца о моемъ више я сказалъ.

Онъ по писму моему отыравымъ Балевица с кунцами ницу въ Лейбцигъ, и писалъ обнѣмъ къ своимъ пріятели, а же тамъ находящимся, чтобъ отыправили его въ Варшаву. (въ тѣхъ городахъ, есть купцовъ Грековъ даволно, кои иногда людямъ помагають).

При выеадѣ своемъ изъ Виены Балевицъ обо всемъ томъ, ко мнѣ по почтѣ, о чемъ и я объявлять тому господину о кошѣ часто говорено, и потомъ никто не зналъ куда Балевицъ и ослалоъ уже его дѣло въ забвеныи, понитая его безвести падшимъ.

Однако Балевицъ пробрался чрезъ Польшу, приехалъ въ Санктъпетербургъ благополучно.

Я послѣ сей экспедиціи поехалъ на границу Цесарскую родъ Митровицу, которой лежитъ на реке Саве, на левомъ въ Сирміи противъ турецкой области, где и главный пропускъ заграницы есть, и карантинные дома и карауль учреждены, въ городе жителство имѣлы, мать супруги моей и братъ полн Александръ Рашковичъ съ супругою и съ детмы своими, и ехавши туда застали ихъ всѣхъ въ добромъ здоровьи, приня насъ къ себе во двѣрь, отведены намъ были особливые п тутъ ужъ мы своимъ пребываніемъ расположились.

На семъ мѣстѣ надобно было мнѣ по моей камысіи что дѣлать и устроить прежде нежели дограничная рѣка Сава нетъ и промыслить къ приобретенію стой стороны изъ поныхъ турецкой области, хотя малое число людей, понеже въ горцахъ чтобъ оны на тѣ мѣста могли вытѣть никакъ не на потому что имъ надобно бы было чрезъ всю Боснію величїи горами въ турецкой области пробиратца, что и составляетъ и опасную отъ Турковъ путь, и для того поехалъ я на берегъ реки, которая тутже при томъ городѣ Митровицы вѣннызъ касть и не далеко отъ города карантинной домъ состоитъ, при директоръ и другие принадлежащие чины обрѣтаютца и карасарской поставленъ.

Я видѣлся съ директоромъ и познакомился съ нимъ, показалъ ему имѣющейся у меня отъ двора цесарскаго пашпортъ, что по оноу мнѣ на учрежденныхъ карантинахъ на границе выходящихъ Черногорцовъ принимать должно, испрашиваю нѣтъли уже каво вышедшаго отъ туда (мнѣ о семъ такъ надобно было спрашивать и говорить что конечно будутъ).

На таково мое объявленное директоръ сказываетъ, что онъ о мѣстѣ туда приездѣ по команде своей уже известенъ, но Черногорцевъ говоритъ онъ еще ныково нѣтъ и не слышно чтобъ оны были, на что повторяю я ему моимъ объявлениемъ что будутъ, и прошу на таковъ случай для приему оныхъ позволилибы быть притомъ карантинѣ моему одному вахтмейстеру и капралу, которые будутъ тѣхъ выходцовъ записывать и денною пищею покудова въ карантинѣ свое время выдержутъ доволствовать, на ту мою прозбу директоръ позволялъ, и вахтмейстера моего принялъ.

Таперъ ужъ на первой случай намеренные мое малимъ зачаломъ основано, къ чему чтобъ достигнуть и точнымъ дѣйствіемъ, надобно было предпринять другіе меры, но такъ чтобъ не войти въ затрудненіе и не подать о себе тамошнѣй камандѣ какова подозренія.

Мнѣ вся та пограничность даволно была еще прежде извѣстна, а притомъ были на некоторыхъ мѣстахъ по граныце цесарской люди такіе, кои доводились мнѣ несколько въ свойстве, а ктому и другіе знакомые добріе приятели, и своихъ я зналъ наково положитца можно, то и нашолъ я таковыхъ что по приятелски мнѣ въ моемъ предпріятіи учинили помочь.

Я чрезъ оныхъ секретно на ту сторону въ турецкую сторону, въ лежащие по граныце на реке Саве мѣста далъ о себѣ знать, что нахожусь я въ городѣ Митровице дожидаясь для приему приходящихъ Черногорцовъ, и что втомъ числѣ будетъ можно подъ именемъ тѣхъ Черногорцевъ принять и другихъ людей, вышедшихъ изъ турецкой области къ себе въ каманду, для чего ежели кто желаетъ то чтобы выходили и являлисьбы на учрежденномъ по граныце Цесарскомъ караулѣ где кому способно, откуда приведены будутъ въ карантинъ и тамъ всио содержаные будетъ отъ меня имъ давано.

Меня къ сему предпріятію ничто болше не побудило какъ только одна ревность и усердые къ моей присягѣ, и тѣмъ оказать услугу Россіи (кою уже я своимъ отечествомъ называю и потомковъ

своихъ во ономъ въ пользу оставить намеренъ), то для того приложилъ я свой трудъ и стараные чтобы сей случай учинить полезнымъ и вывести людей въ Россію.

О моемъ приездѣ въ сей городъ чрезъ моихъ пріятелей какъ я выше говорилъ дано секретнымъ образомъ на ту сторону въ Турецкую область, въ лежащие на берегу Савы реки места живущимъ тамо Сербамъ знать, отъ куда и стали въ разные числа выходить какъ кто могъ изобрести случай чрезъ Саву реку лодъ уже въ послѣдній преходъ, ибо река потомъ скоро въскрывается и является какъ имъ сказано на цесарскихъ караулахъ объявляя себя Черногорцами, коихъ приведено въ карантинъ люди всѣ холостые и выданы о коихъ тотъ часъ какъ кто приходилъ давано мнѣ знать, и я оныя принималъ въ свое ведомство, каковыхъ всего собралось человѣкъ шестьдесятъ два, для коихъ здѣлалъ расположенные въ продовольствіе дневной пищи, а также некоторымъ покупалъ и давалъ одежду обувь, а на то къ издержке были у меня казенные переведенные съ приезда моего денги триста червонныхъ*.

Не упустилъ я тотъ часъ какъ сіи люди ко мнѣ собралы въ карантинъ вошли, послать отъ себя рапорты, адинъ въ Вѣну къ нашему полномочному послу графу Кейзерлингу, а другой въ Триестъ къ находящемуся тамо съ казною полковнику Пучкову, коимъ донести, что уже ко мнѣ прешло на цесарскую сторону выходцевъ съ стороны турецкой кои объявили себя Черногорцами шестьдесятъ два человѣка и что поставлены въ городъ Митровацѣ въ карантинъ, по выдержаніи коего переведены мною будутъ на Венгерскую сторону, за реку Дунай въ городъ Новы Садъ, где и ожидать будутъ далшаго повелѣнія.

Мнѣ мои пріятелы тамъ по границе живущіе о коихъ я выше говорилъ сказывали, какую желаность въ народѣ на той сторонѣ за

* Надобноже знать и о томъ что на той сторонѣ зарекою Савою въ Турецкой области въ Босніи и въ Сербии, живутъ турки не такіе какъ въ Анадоли и въ Египте, а совсѣмъ другога рода люди, кои съ зачала своего изъ древности были христіанѣ, и тѣмъ какъ и протчіе тамъ живущіе сербы, но потомъ отъ наглости и варварства турецкаго истурчались и нынѣ живутъ наибольшъ въ тамошнихъ городахъ, а по селамъ кое гдѣ хотя и есть, но весьма мало, языкже и обычаи держутъ природны свои сербскіи: оны на своей сторонѣ по рекѣ Саве хотя и держутъ караулы, но когда кто изъ жителей на цесарскую сторону уйдетъ, то ужъ въ томъ требованія нѣтъ, почему и сіи что ко мнѣ прешли остались безъ претензіи.

границею возбуждало къ выходу, что ежели бы не помешало худое время и распутица и что река Сава уже въскрилась, тобы подынялись было со всѣми своими фамилиями люде преходить ко мнѣ, въ чемъ и мои выходцы что въ карантинѣ подтвердили, и говорить что остлы я тамъ еще на дачѣ находитца буду, то де на предъбудущее лѣто и на другую зыму целыми селениями подымутца и выходить будутъ на сию сторону.

О семъ что мнѣ объявлено писалъ я къ владыки Черногорскому, каторой тогда было въ Триестѣ приехалъ, а также и майора Петровича о томже извѣстилъ, а приятелямъ моимъ сказалъ чтобы оны на ту сторону народу дали знать, что или я тутъ буду или кто другой на место мое пришлѣтца то конечно примѣны будутъ, въ чемъ чтобы имѣли надежду и билибы в готовности.

Сколкоже сие время какъ я тамъ на границе находился было мнѣ съ своими препроводить приятно и весело, столко же еще и больше принесло мнѣ скорбы и печалы, ибо синь мой, о коемъ я прежде говорилъ что несчастые ему въ Такае приключилось, заболѣлъ вдругъ такъ жестоко что на третей день тамъ же скончался, сей ударъ его смерти претворилъ всю нашу веселость и утеху въ великую жалость, отъчего супруга моя въпала въ болезнь и лежала на постелѣ неподвижна.

Я всѣ силы свои употреблялъ къ ее ползованию, изыскивалъ лекарей, но что при той болѣзни еще была она и бремена, то лекари советовали чтобы лекарствами поудержатца, дабы тѣмъ нездѣлать еще чего хуже, она пролежала на постелѣ недѣлы две, и хотя ей немного и полегче стало, но однако была очень слаба и большъ лежала нежели хадыла.

Тѣмъ временемъ къ карантинѣ моимъ выходцамъ срокъ вышелъ и выпущены, я обныхъ что карантинѣ выдержали и сколько ихъ числомъ есть, а также и то что оны при выходе объявили себя Черногорцами выпросилъ отъ карантиннаго директора атестатъ, и потомъ превелъ ихъ за реку Дунай на Венгерскую сторону въ городъ Нови Садъ, объявилъ также о томъ въ креносты Петроварадинѣ оберъ-коменданту, отъ коего посланъ былъ афицеръ освидѣтельствовать и осмотрѣть каковы оны и нетамошннелъ люде, потомъ нанялъ я тамъ же въ городѣ Новом Садѣ на выездѣ три большіе заездные дома, куда вмѣстилъ всѣхъ своихъ выходцовъ, приставилъ къ нимъ вахтмейстера и капрала адного, учредивъ притомъ о ихъ содержаніи под-

лежащей порядокъ, оставилъ ихъ на томъ, а самъ поспѣшилъ ѣхать на границу гдѣ и прежде былъ, и тако уже поспѣла весна и дни хорошіе показались.

Не много дней после того спустя получилъ я отъ полковника Пучкова ордеръ, коимъ дасть знать что посылаетъ ко мнѣ чрезъ вахтмейстера Фишера двадцать семь человекъ, кои какъ скоро придутъ чтобы я соединивъ съ тѣми у себя имѣющими ѣхать и препроводилъ оныхъ въ Россію до Киева, куда какъ приеду ожидать сенатскаго указа, по прежнему ли по той камыси ѣхать обратно въ Цесарию, или какъ приказано будетъ, а люди мною туда выведенные останутца въ ведомствѣ Киевскаго оберъ-коменданта, на дорогу же для препровождения людей такожь и подлежащее мнѣ заслуженное жалованье получить мнѣ чрезъ переводъ въ крепосты Петроварадина деньги.

Я получа то повелѣніе что ѣхать сталъ ктому готовитца и ожидаю того отъправленнаго ко мнѣ съ людми вахтмейстера Фишера, но другая мнѣ скорбь на голове что супруга моя еще на постели слаба, и какъ по немощи ее такъ и то что тяжело бремена, почему ни какъ въ такую дальнюю путь отважитца и трудъ на себя взять чтобы ѣхать была невосстояніи, для чего и положили на томъ что ей оставатца у матери, и какъ можетъ быть что указомъ сенатскимъ повелѣно будетъ опять по той камыси возвратитца мнѣ въ Цесарию, а она тѣмъ временемъ пооправитца здравьемъ и отъ бремени своего разрешитца, то тогда и ѣхать будетъ можно, наше намереніе положено было хорошо, но человекъ бедная тварь на свѣтъ, не знаетъ къ чему судьбына вѣдѣть и какое несчастіе понести долженъ.

Вахтмейстеръ Фишеръ прибылъ ко мнѣ самъ адынь а людей оставилъ по тракту прямой дороги въ городъ Кечкеметъ, я не медля болѣе простясь съ супругою своею отъправился въ дарогу, какъ можно было лехче, взявъ только одну калѣку и четыре лошады да два человека слугъ съ собою, а проездомъ чрезъ крепость Петроварадинъ зашолъ къ оберъ-коменданту (старику о коемъ я прежде много говорилъ), объявилъ ему о себѣ что ѣзжаю и простясь съ нимъ, получилъ также преведенные мнѣ тамъ въ крепосты деньги, преправился чрезъ Дунай на ту сторону въ городъ Новы Садъ, нанявъ тамо фурманчиковъ съ большими фурамы, и посадя на оныя всѣхъ своихъ людей, отъправился въ путь.

Третьимъ днемъ поспѣлъ я въ городъ Кечкеметъ гдѣ и тѣ приведенные Фишеромъ изъ Триеста люди меня дожидались, и совокупя

онѣхъ обще съ своими что и составило тогда мою команду всего **восемьдесятъ девять** человекъ **редовыхъ** да **вахтмейстеръ** **адынъ** и **нап-
ралъ** **адынъ**, отъкогда взялъ **дарогу** свою **далѣ**.

Вахтмейстера **Фишера** по задаче **людей** хотя и **велѣно** **отпра-
вить** **обратно** въ **Триестъ**, но я **взялъ** **его** съ **собою** еще на **два**
ночлега, спрашиваю я **его** **всѣмъ** **тѣ** **приведенные** **люде** **точниѣ** **Черно-
горцы** **какъ** **оны** по **списку** **значуть**, ибо **говорю** я **ему** **какъ** **приме-
чаю** **изъ** **наречія** **ихъ**, хотя **оны** **языкомъ** **Сѣрбскимъ** и **говорятъ** но
надобно **имъ** **быть** **какова** **ныбудъ** **другова** **краю** **людямъ**.

Онъ на то мнѣ **отвѣчаетъ** что **тутъ** **Черногорцовъ** **нѣтъ**, а **на-
бырали** **де** **мы** **тайно** **гдѣ** **како** **достать** **могли** и **тѣмъ** **именемъ** **въ**
пысыялы, а **Черногорца** **говоритъ** **онъ** **ни** **аднаго** **мы** **тамъ** **не** **видали**,
и **владыки** **Черногорски** **хотя** **къ** **намъ** **въ** **Триестъ** **моремъ** и **при-
плыть**, но **также** **отъ** **туда** съ **собою** **никаво** **непривелъ**, **окроме** **не-
сколкихъ** **человекъ** **поповъ** **да** **чернцовъ**, а **говорено** **де** **что** **вслѣдъ**
заныкъ **изъ** **Чорной** **Горы** **туда** **въ** **Триестъ** **люде** **будутъ** **моремъ** **на**
кораблѣ; **Фишера** **потомъ** **отпустилъ** **обратно**, а **маршъ** **свой** **продол-
жалъ** я **далѣ**.

На **первомъ** **ночлеге** **было** **мнѣ** **безъ** **хлопотъ** и **спокоемъ**, на **дру-
гомъ** **же** и на **третьемъ** **стало** **несколько** **являцца** **безъспокойство** а **что**
далѣ **то** **хуже**, **напоследокъ** и **весма** **хлопотливо** **стало**, а **то** **всю** **про-
всходило** **одъ** **тѣхъ** **присланныхъ** **ко** **мнѣ** **изъ** **Триеста** **людей**, **кои** **бы-
ли** **всю** **воръ** **нагого** и **пияницы** **прегоркиѣ**; **наволочъ** **то** **такая** **была**
что **хуже** **сискать** **нигде** **неможно**, **между** **имыжъ** **были** **оружейни-
цѣ** **настоящиѣ** **разбойники**, и **гдѣ** **только** **чего** **на** **ночлегахъ** и
проездомъ **чрезъ** **жилицы** и **въ** **карчмахъ** **захватють** и **сорвать** **могутъ**
то **ужъ** **было** **ихъ**.

И на **многихъ** **мѣстахъ** **принужденъ** я **былъ** **за** **ныхъ** **что** **жители**
надѣлають **убытка** **платить** **денги**; **сверхъ** **же** **того** **еще** **между**
имыжъ **ежеденно** **происходили** **странные** **не** **согласіи**, ибо **всякъ** **хатѣл**
олшъ **другаго** **быть**, и **также** **на** **фурахъ** **гдѣ** **каму** **сидѣтъ** **первен-
ство** **въ** **мѣстахъ** **выбирали**, и **на** **то** **мѣсто** **гдѣ** **кто** **сперва** **сидѣл,**
тѣ **другому** **садитца** **возпрещали**, **исчег** **не** **только** **что** **ссоры** **но** и
аки **иногда** **происходили**.

Отъ **какова** **безъпутства** **хотя** и **могъ** я **строгостыю** **отышеть**
къ **границе** **Полской** **ихъ** **поудержать**, но **разсудылъ** **что** **такие**
вратные **люде** **отъ** **того** **могутъ** **разбежатца** и **понесу** я **чрезъ** **то**

опосля великое затруднены, для чего и принужденъ былъ обходиться съ ними всякою ласкою и тѣмъ привести ихъ къ послушанию.

Давалъ я имъ въ дароге пищу мясомъ и рибою, где только было можно доставать съ излишествомъ, также поденно на пропой денги, и говорилъ съ ними повсякъ часъ ласково хваля ихъ храбрость, и достоинство, останавливался иногда проездомъ на дороге предъ корчмами куповалъ пиво и горелку и поилъ ихъ невзачотъ, упомыная притомъ о ихъ своеволевствѣ, что то имъ не есть прилично дѣлать и стыдно, и что нанесутъ тѣмъ на себя худое имя, а лучше говорилъ я имъ какъ вы будете воздержны и послушны и между собою согласны и дружелюбны, и такую хорошую поступкою приобретете честь своего имени, и можете за хорошее поведенные получать чины афицерскіе, толкуя притомъ имъ что въ Россіи по службѣ никто не останетца безъ награжденных.

И тѣмъ и тому подобнымъ едва я ихъ могъ довести до согласія и дружелюбія, и что повиноватца стали моимъ приказаніямъ, я съ ними сперва жизнь свою мучилъ да и самъ опасался чтобы иногда бунтъ въ такой далнѣй дароге и въ чужемъ государствѣ не дѣлалы, и уйдуть къ Полякамъ въ службу какъ на многихъ мѣстахъ покушались Поляки и явно о преходе къ нимъ моихъ людей подгаваривалы, для чего и не хотѣлъ я никогда въ городахъ и въ большихъ мѣстечкахъ становитца на ночлегъ, а располагалъ маршрутъ свой чтобы въ карчмахъ по дороге или въ селахъ ночлеги свои имѣть.

Тѣже другіе мои люде коихъ я вывелъ, были какъ съ зачала такъ и во всю дарогу до самого Киева мнѣ послушны и вѣрны, почему я будучи вдароге и большъ доверенности на нихъ имѣлъ, и такимъ образомъ и стою моею трудностью продолжалась путь моя чрезъ всю Венгрію и чрезъ Польшу до самой границы Россійской.

Между же тѣмы что изъ Триеста присланы ко мнѣ люде узналъ я адного знакомова мнѣ издавна человѣка, Сербынъ родомъ изъ Славоніи, каторой былъ во время моей въ Цесаріи службы, въ Славонскомъ гусарскомъ полку, у майора Продановича во дворе при его дѣтяхъ учителѣмъ, звался Алексѣй Калиновичъ, былъ человѣкъ поведенныя хорошаго и учонъ на своемъ природномъ Славенскомъ языкѣ давольно, и отышедъ отъ майора изыскивалъ себы другога мѣста, былъ въ Далмаціи, а отытуда приглашенъ былъ чтобы итти къ владыки Черногорскому въ секретары, какъ оной владыка туда пысалъ и просилъ своихъ знакомыхъ чтобы такова человѣка изыскать постарались.

Сей человекъ былъ въ Чорной Горѣ у того владыки Василя въ должности секретаря три года, и снымже и въ Триестѣ моремъ приплылъ, а какъ услышплъ тамо что я по сей камысіи нахожусь въ Цесаріи (какъ онъ мнѣ о томъ сказывалъ) и что я отъправляюсь съ командою въ Россію, то потому не хотѣлъ болѣе при владикѣ оставатца просилъ увольненія и пожелалъ съ отъправленными людьми въ Россію, почему обще съ оними отъ туда людмы, приехалъ ко мнѣ.

Я сему человеку былъ весма радъ, и какъ онъ не подлаго рода, то сажалъ его съ собою за столъ, и вдароге сомною въ мѣстѣ въ каляске сидѣлъ, причемъ былъ мнѣ случай узнать о делахъ той чорногорской камысіи, что тамъ въ той странѣ происходить, его я о томъ спрашивалъ на что въ подробность мнѣ пресказывать сталъ.

Что владыка Василій приехавши изъ Россіи въ Чорную Гору собралъ къ себе сердара и другихъ тамошнихъ почотныхъ хазевъ и отъ священства, объявилъ имъ что такова камысія зачнется, и чтобы согласились ехать въ Россію на первой случай холостіе молодые людс а потомъ и съ женамы и съ детмы кто пожелаетъ выходить могутъ, и просилъ владыка чтобы втомъ никто не отказывался, ибо де онъ на первой случай обещалъ вывести изъ Чорной Горы въ Россію тысящу человекъ, а потомъ еще и болше, и что на препровожденные ихъ отъ Триеста до Россіи будутъ употребляемы изъ казны денги.

Лышь толко что владыка тому собранному, говорить Калиновичъ, о своемъ намереніи объявилъ, какже всѣ на него негодовать стали и зделались две партіи, адна изъ свойственниковъ владыки на то согласилась, а протчіе всѣ отказались і что ехать не хотятъ, упрекая что какую онъ власть имѣетъ приглашать людей, чтобы изъ своего отечества выходили, и что онъ ежелы обещалъ, то можетъ выводить съ собою каво самъ имѣетъ подъ своею властью, а оны ехать не хотятъ, и стѣмде всѣ разошлись, между коими былъ, говорить Калиновичъ, главной что спорилъ нѣкто именемъ Стано, за коимъ и всѣ протчіе одинако почты говорили.

Владыка послѣ того, продолжаетъ Калиновичъ, былъ несколько дней въ великомъ смущеніи, видя что его никто не послушалъ, а дѣло такое безъ согласія народа самъ собою зачалъ которое исполнить должно, то и зачалъ приглашать своихъ свойственниковъ и некоторыхъ поповъ что вдовцами были, давъ имъ благословеніе обрить бороды награда денгами и назначивъ ихъ чинамы афицерскими и тѣмъ пригласилъ на свою сторону.

Потомъ владика изъбиралъ средства какбы приласкать къ себѣ того начальника именованъ Стана, о коемъ выше сказано что наиболѣе спорилъ, а также воеводу и сердара Мояша, коихъ и пригласилъ себе подарками, а притомъ засваталъ за маиора Петровича Стана сестру, обещавъ ему титулъ губернатора, (каково названіе и достоинство тамо прежде не бывало) растолковавъ ему что то значить генералъ, и владелецъ всей той земли, и что тѣмъ достоинствомъ его рекомендаціи признанъ будетъ отъ двора Россійскаго, ежели ко онъ въ Россію поедетъ, и что онъ изъ Россіи можетъ вернута назадъ и будетъ уже начальникомъ во всей Чорной Горѣ, а только онъ согласился ехать, и старался бы пригласить къ выходу и прочихъ жителей.

Таково отъ владики предъпріятыя возымѣло некоторымъ образомъ желаемой успѣхъ, онъ согласивши того Стана на свою сторону и утвердивъ уговоръ что на его сестре маиоръ Петровичъ безъ сумнѣнія женитца будетъ и что невеста обще съ нимъ въ Триестъ жениху поедетъ, а также воеводу, и сердара, обнадеживъ что когда оны согласятца ехать въ Россію, где конечно по ихъ усердію будетъ отъ двора учинѣно награждение, то оное всио имъ отъдасть.

Тѣмъ основалъ владика свое дѣло, и тѣ приступивъ къ его работѣ, зачалы протчихъ людей къ выходу приглашать, каковы и стали у владики являтца, изъ коихъ что почотныхъ домовъ были, объявлялъ онимъ владика афицерскіе чины, однако совсѣмъ тѣмъ не много таковыхъ желающихъ къ выходу явилось, какъ о томъ еще да видно будетъ.

Подъ тотже случай послужило владики въ резонъ къ изговору, что онъ своей камысію такъ какъ обещалъ исполнить не можетъ, яко втожъ время наступили Турки отъ страны Албаніи на границу Чорной Горы, и Черногорци забавились о своей домашней бѣдѣ, вступили всѣ къ своей защите и имѣлы съ Турками сраженіе, почему онъ владика положившись къ выводу техъ людей, кои объявили желаніе, на тѣхъ своихъ союзниковъ, собравшись на скорую руку выехалъ изъ Чорной Горы, нашедъ отыправляющею по близости тамо на берегу Венеціанскоіи границы на море Адриатическомъ судно, селъ на оное и приплылъ на Цесарску границу въ городъ Триестъ, где уже былъ полковникъ Пучковъ съ казною, втожъ время и сей его секретарь Калиновичъ съ нимъ тудажъ пришолъ, о чемъ что Турки таково на Чорную Горы учинили наизвѣстіе посовѣтовалъ владика съ маиоромъ Петровичемъ въ сочиненіи своего къ полковнику Пуч-

кову объявленыя, приписалы притчину въ выходе людей изъясняя, что Черногорцы забавились въ защите отъ нападенія турецкаго своихъ жилищъ, не могутъ таперъ въ великомъ числѣ выехать и отъ-деляють некоторую часть и что вскоросты прибыть имѣють.

Потомъ какъ владика тамъ въ Триестѣ будучи получилъ чрезъ почту отъ меня писмо, что я къ нему и къ маиору Петровичу писалъ и уведомилъ ихъ о томъ числѣ людей, кои ко мнѣ изъ турецкой области въ городъ Мытровицу на границу цесарскую перешлы, и что еще и болше людей обещались ко мнѣ отъ туда притытъ, а зная уже владика съ маиоромъ Петровичемъ что выходъ ихъ Черногорцовъ будетъ не великъ, и что обещанные свое исполнить не могутъ, для чего и надобна имъ было сводить свои концы иначе, то и побоялись оны меня тамо на границе долѣ держать, дабы выходъ народа не могъ приписанъ быть въ похвалу болшъ на меня нежели на ихъ, и что конечно отъкроитца опосля что то не есть Черногорци а толко что подъ именемъ такимъ пригласилъ я къ выходу другихъ Сербовъ къ себе, то и положили оны чтобъ меня стого места отъвестъ протчъ, докладывая полковнику Пучкову (какъ онъ самъ опосля по уничтоженіи той камыси и узнавъ всѣ ихъ дѣла будучи въ Петербургѣ о томъ мнѣ сказывалъ), чтобъ съ сиею командою въ Россію меня отъправить, а на мое место туда на границу послать адютанта Маркова, а притомъ писано въ Сенатъ съ требованьемъ скорейшей присилки и того названнаго порутчика Ездимировича, каторой съ первымъ транспортомъ людей пошолъ въ Россію, (о коемъ више говорено) почему того же года и зделано и тотъ Ездимировичъ по такому требованью изъ Россіи отъправленъ къ нимъ въ Цесарию, коего тудажъ на границу гдѣ я былъ поставили и онъ обще съ адютантомъ Марковымъ тамъ остались, и народъ въ летнѣ время какъ прешолъ изъ Турецкой области на Цесарскую сторону съ женами и съ детьми и холостые всего около тысячи душъ принялы, подъ тѣмъ названіемъ какъ имъ прежде чрезъ моихъ приятелѣй сказано, чтобъ при выходе Черногорцами себя объявлялы, (сие дѣлалось въ 1757 годѣ).

Таперъ оставимъ владика и маиора Петровича съ ихъ Черногорцами въ мѣстѣ, покуда опять до нихъ речъ придетъ, а будемъ говорить о моей дароге какъ она продолжалась далѣ.

Сколко мнѣ было труда и мучения будучи съ сими людми въ дароге, о томъ уже я више говорилъ, и такимъ образомъ продолжалась моя путь чрезъ всю Полшу, и дошедъ не далече уже отъ гра-

ницы нашей Россійской въ Полское местечко Паволочъ (что на Украинѣ близъ перваго форпоста Россійскаго Васи́лова).

Въ томъ местечке довелось мнѣ стать въ полдень на лошади, не знала же я ничего, что тамъ Полскіе команды стоятъ, и въѣхавши уже въ заездные жидовскіе дома, велѣлъ, чтобы фурманщики лошадей своихъ покормили, а люди также пообедали, выжу я, что на улице ходятъ Полскіе жолыри, спрашиваю ихъ, что и какъ и за чѣмъ тутъ находятца и кто предними командиромъ, на то сказали мнѣ, что оны самы не знаютъ, какая надобность имъ тутъ быть, и что оны только вчера съ туда пришли, а о командирѣ своемъ указали мнѣ домъ, что въ ономъ ихъ региментаръ стоитъ.

Я разсудилъ, чтобы сделать ту политику, паятыть къ тому ихъ началнику, адно, что объявить о себѣ съ какою командою я проежаю, а болѣе, что хатѣлъ отъ него узнать, по какой надобности оны тамъ близъ нашей границы стоятъ, дабы по приездѣ въ Киевъ могъ оберъ коменданту о томъ донести.

Пашолъ я туда на дворъ, где караулъ его стоитъ, и ундеръ офицеръ у воротъ сидѣлъ, спрашиваю я о началникѣ, на что отвѣчалъ, что спитъ, однакъ можно его разбудить, говоритъ онъ, я говорю, ежели не будетъ противно, то разбуди его и доложи обо мнѣ, что желаю съ нимъ видѣтца, ундеръ офицеръ пашолъ и скоро возвратился, указавъ мнѣ, куда итти, и что своего пана региментара разбуди.

Сей какъ я къ нему вошелъ, сидѣлъ еще на краваты протирает глаза отъ просонья, мужикъ претолстой здоровой, увидѣвъ меня, всталъ, проситъ, сестъ, спрашиваетъ, кто я и какой имѣю до него интересъ, на что объявилъ я ему о себѣ и что чрезъ сие местечко съ рекрутами проежаю, и что не хотѣлъ оставить, чтобы ему о томъ моемъ проездѣ не объявить.

Онъ такою почестію былъ доволенъ, и вошелъ со мною въ разговоры, между прочимъ узналъ я о томъ, что мнѣ было надобно знать, какъ онъ сказалъ, что съ своею командою преходить сместъ на место для охранения отъ гайдамаковъ (каковыхъ тогда по Украинѣ очень было умножилось) и съ тѣмъ я отъ него вышелъ, и велѣлъ своимъ запрегать лошадей и выежать; но не зналъ я, что въ местечкомъ на выездѣ еще адна такаяжъ ихъ войска толпа стоитъ, и что тамъ другой командиръ ихъ есть, фуры мои запрежены и леде селы.

Я чрезъ то местечко предъ своею командою еду на коляске, а остальные фуры съ людми за мною, и проехавъ уже къ выезду, увидѣлъ на одномъ дворе возлѣ дароги на правой сторонѣ что караулъ стоитъ и ружья и барабаны, при конхъ часовой прохаживаетъ, а на дворе людей много, конхъ я сочелъ всю одну команду и одного командира съ тѣми прежними у коего я уже былъ.

Дорога та лежала на томъ мѣстѣ угломъ и заворотъ большою, отъ чего помешало что фуры мои съ людми не могли такъ скоро выправитца и за мною блиско ехать.

Меня самого съ каляскою тѣ караульные пропустили и никто ничего неспрашивалъ, а какъ изъ за того заворота показались мои фуры съ людми, то часовой закричалъ къ ружью а самъ выскочилъ на улицу и переднюю фуру остановилъ хатѣль видно узнать кто и что за люди едутъ.

Я увидя что фуры мои остановлены выскочилъ изъ каляски поспешилъ чтобъ самъ тамо отвѣчать, но покуда я поспѣлъ то одинъ изъ моихъ разбойниковъ скача съ фуры далой и того часового ударилъ и повалилъ на землю и ужъ крикъ зачался, караульные выбежали изъ двора и прегородили дарогу, барабаны ударили тревогу, и потому скоро и звона на колоколахъ набатъ быть стали, народъ и саддаты стали стекатца поднялась тутъ такая тревога и шумъ и крикъ отъ народа что ни слова разумѣть не можно кто что говорить, и такъ окружили и стеснили насъ втой улицѣ что доходить до убийства, я отъ такова смущенія не зналъ что дѣлать и скѣмъ говорить и только что могъ едва прорватца и въбежать въ тотъ дворъ гдѣ караулъ стоялъ, въ коемъ отъ той команды самъ региментаръ былъ, онъ также спалъ какъ и тотъ прежны къ коему я хадылъ, и услыша на дворе тревогу въскочилъ скраваты, засталъ я его такъ полусонного, саблю на себя привязивалъ.

Счастье мое что я еще успѣлъ такъ скоро къ нему войтить, сказываю ему о себе что я російской штабъ-афицеръ и веду новыхъ рекрутъ изъ Цесаріи въ Россію, (ужъ я о Черногорцахъ ничего не упоминаю) и обвиняю его караульныхъ что меня обидили и моихъ людей быють, и требую отъ него скорейшаго защищенія.

Онъ по моимъ словамъ тотъ часъ выбежалъ на улицу, сталъ на своихъ кричать и унимать, подошедъ въ ту собравшуюся толпу народа разганять сталъ, что прожалось около двухъ часовъ покуда мало что утишитца могло.

На тотже крикъ и тревогу подоспѣла была и та и другая изъ местечка команда и ужь было стали на ветръ стрелять подавая тѣмъ по ихъ обыкновенію большъ шуму къ тревоге; и при всемъ томъ если бы сей regimentарь не подоспѣлъ и самъ къ своимъ фурамъ не подошелъ, при коемъ и я неотступно былъ, то бы наверно много мертвыхъ тутъ осталось, ибо и мои люди ужь всѣ дружелюбно взялись было себя защищать притиснувшись къ одному углу за фуразы приугодили было со всѣмъ къ оборонѣ, а у всѣхъ почти было что нибудь ружейное, сабля, пистолеть, ружью, и мало кто былъ чтобъ хоть кинжалъ за поясомъ не имѣлъ, и то много помогло что Поляки жестоко сунутца не посмѣли, видя что всѣ мои были соответствовать боемъ въ готовности.

Regimentарь самъ и еще некоторые изъ его подкомандныхъ пособлялы и разганивалы людей протчъ, и не допустилы до драки, а какъ все по утихло тутъ взялись дѣлать слѣдствие, ибо regimentарь еще не зналъ и счего то здѣлалось, для чего собрались оба regimentа и еще некоторые ихъ старшины и такъ по разобраніи дѣла найдено то, что и я самъ видѣлъ какъ адынъ изъ моихъ подкомандныхъ часоваго ударилъ въ рожу и съшибъ съ ногъ на землю зачалъ было таскать.

Можетъ быть что по изслѣдованіи обошлось и безъ штрафа виноватаго, или бы то было можно повернуть какъ нибудь иначе и еще съ претензіею, но доказательство къ изобличенію предстояло явно, ибо тотъ часовой крепко кулакомъ ушибенъ, что у его глазъ подбитъ и кровью изъ носа весь окровавленъ, и сидѣть на дворе подъ окошкомъ уже не могли быть при должности, коего къ намъ въ избу къ присудствію приведено, и тѣмъ доказано что мои люди самы виноваты и подамы случай къ тревоге, для чего по многимъ между нами преговоркамъ не могло быть иначе, а должно было виноватаго оштрафовать, а ушибенаго удовлетворить и тѣмъ весь процессъ кончить.

Поляки требуютъ яко ихъ часовой обыженъ, то чтобы надъ нимъ подкоманднымъ езекуция была ихъ, я на то не позволялъ, говорю чтобъ оставили на меня и что я имъ надъ тѣмъ виноваты самъ чрезъ своихъ ундеръ-афицеровъ полное удовольствие здѣлаю, насъ о томъ долго споръ происходилъ однакъ осталось на моемъ.

Я приказалъ того виноватаго, каторой часоваго ударилъ, пожить тутже предполскимъ карауломъ на землю и отштрафовать

лутѣтъ, въ самомъ дѣлѣ я самъ того хатѣлъ чтобъ былъ жестоко наказанъ, и тѣмъ показать къ воздержанью образецъ другимъ, ибо онъ былъ самой тотъ, каторой меня въ дароге наибольшъ своимъ воровствомъ и пьянствомъ безъпокоилъ.

И какъ Поляки увидѣлы что уже за петьдесять жестокихъ ударовъ прошло и что еще и далѣ штрафъ продолжаетца, то стали сами меня просить, признавъ втомъ свое удовольствіе, потомъ тому часовому подарилъ я за увечыѣ два рублы, онъ тѣмъ былъ доволенъ и примечаю что онъ еще бы разъ далъ себя такъ ударить, когда бы столкнѣ денегъ ему подарить.

По окончаніи сдѣи исторіи, попросили меня оба сіи региментара къ себе въ горницу, оказывая мнѣ по сосѣдству свою склонность, и поднося напитокъ по своему обыкновенію большими килихами пить, а какъ втомъ нымало несроденъ и великова питыя снестъ не могу, отъгаваривался своею не возможностью, но однакъ вызволитца не могъ, а принужденъ былъ здѣлать имъ удовольствіе, и напылся несколько слышкомъ; стѣмъ выехалъ, было то ужъ блызъ вечера и толко что могъ адну мылю отъехать, схватило меня жестоко на сердце, для чего принужденъ въ случившейся на дороге карчме остановитца и тамъ заночевать, а то здѣлалось мнѣ отъ того лышняго питыя, что всю мнотъ твердой жидовской былъ, всю ту вечеръ и наступившую ночь меня мучило съ такимъ превеликимъ жаромъ что я и завтрешны день еще боленъ былъ, и патомъ двое сутокъ ныелъ ни пылъ погудова днотомъ едва освободитца могъ.

На треты день поспѣлъ я на границу нашу Россійскую на форпостъ Василковски, тамъ меня остановили и дней десетъ карантынъ держалъ, а потому выпущенъ и прибылъ въ Киевъ.

Подагъ я господину оберъ-коменданту Костюрину о моемъ прибытіи рапортъ и о приведеныхъ мною людяхъ списокъ, коихъ онъ на завтрешны день осмотрѣлъ и привелъ къ присяге, а потомъ препоручилъ состоящему тамо по той камысіи порутчику, въ каманду (онъ былъ того манора Петровича братъ родной звался Николай Петровичъ).

Въ Киевѣ извѣстился, что тѣ приведение прежде меня порутчикомъ Ездимировичемъ перваго транспорта люде отъправлены съ нымиже въ Аренбургъ на поселение, куда и сихъ мною приведеныхъ также отправить надобно; а онаго Ездимировича указомъ Сенатскимъ велѣно отъправить отъ туда чрезъ Киевъ обратно въ Цесарію по

тойже камыси въ команду Полковника Пучкова и майора Петрович (оно то и есть такъ, какъ я выше говорилъ что онъ поставленъ былъ на мое место на границе Цесарской въ городе Мытровице, и въ Новомъ Садѣ).

Люде мои что отъданы другому афицеру въ команду не былъ тѣмъ доволенъ и дѣлалось несколько изъ того затрудненны; оны и другой день пришли ко мнѣ спрашивать, я ли преднимъ и впрямъ командиромъ буду или кто другой, и просятъ чтобы я ихъ не оставлялъ, на что сказалъ я имъ что хотя бы кто и другой былъ какъ и службѣ случитца можетъ, но въ томъ чтобы оны не сумнѣвались били бы съ покоемъ, ибо содержание ихъ жалованьемъ и прочимъ будетъ имъ все равно и на всякомъ мѣстѣ получать свое будутъ однако оны тѣмъ не остались спокойны, а пошлы все къ оберъ-коменданту въ крепость просить, чтобы я при нихъ командиромъ остался какъ я ихъ вывелъ, и оны меня знаютъ, упоминая что ежели бы не я при нихъ былъ то бы ни адынь до Россіи не дошолъ, и мы и такъ говорили оны надѣялись, что сей нашъ господинъ и на всегда при насъ останетца, а что таперь насъ другому афицеру въ команду отъ дано тѣмъ же мы ни мало не довольны и быть у него не хотимъ, ибо мы не Черногорцы, а самы по своему желанью на вызовъ своего господина въ Россію и тыть согласились.

Оберъ-комендантъ за мною послалъ сприваніемъ чтобы скорѣе я къ нему явился, что я и сдѣлалъ и засталъ еще всѣхъ моихъ людей тамъ, онъ было изъ сего дѣла засуетился и спрашиваетъ меня что то значить, и не ялы въ томъ притчиною и чтобы какъ можно старатца людей успокоить.

Я принужденъ былъ тутъ предъ оберъ-комендантомъ божица что и не знаю и неведаю и что я самъ при нихъ оставатца не желаю, яко оны отправлены должны быть туда куда приказано, а моего намеренія нѣтъ туда ехать, но чтобы ихъ успокоить говорю я, прикажите быть имъ еще на несколько дней въ моемъ ведомствѣ, покуда оны привикнуть и того афицера узнають и тѣмъ останутца спокойны.

Оберъ-комендантъ на томъ быть приказалъ и людямъ сказано, и все стараніи къ тому употребылъ и труда много имѣлъ, и уже по дено денги кои имъ давались велѣлъ тому афицеру имъ раздавать покуда ихъ успокоить, а тѣмъ днями о издержке, что будучи в дароге мною употреблены, обо всемъ сочинилъ щетъ подалъ оберъ-

коменданту и остальные денги въ Губернскую Канцелярію представить.

Послѣ того докладываю я господину оберъ-коменданту о себе и показываю имѣющейся у меня отъ полковника Пучкова ордеръ, коимъ вѣрно мнѣ въ Киевѣ ждаты Сенатскаго указа что и тыгли по той камысѣи мнѣ опять назадъ въ Цесарію или какъ приказано будетъ.

На что господинъ оберъ-комендантъ отвѣчалъ что онъ о томъ никакова повелѣнія не имѣетъ, а толко де объ адномъ Ездимировиче есть повелѣние, чтобъ его какъ скоро онъ изъ Аренбурга прибудетъ, коего на сихъ дняхъ и ожидаю, отъправить по прочтѣ въ Цесарію къ полковнику Пучкову, а вамъ ежели здѣсь ждаты Сенатскаго указа говорить оберъ-комендантъ того будетъ долго, но лучше вамъ ехать въ Петербургъ и тамъ изъпросить повелѣние.

По такову совѣту согласился я ехать въ Петербургъ и взявъ дорожную поехалъ съ адимъ толко слугою, а коляску съ лошадми и съ кучеромъ оставилъ въ Киевѣ.

Я приехавши въ Петербургъ явился къ господамъ какъ военной коллегии членамъ, такъ и къ господамъ сенаторамъ, докладывалъ имъ первѣ на словахъ обо всѣмъ что сомною воспослѣдовало, и какъ я былъ удержанъ въ Венгріи съ зачала туда моего скомандоу приезда и претерпѣлъ болѣе шести недель арестъ, также и о виведенныхъ мною въ Киевѣ людей о коихъ и господинъ Киевски оберъ-комендантъ засвидѣтельствовалъ и рапортъ въ Сенатъ прислалъ, причѣмъ не оставилъ я господамъ сенаторамъ и о томъ доложить, что при отправленіи меня по сей камысѣи въ Цесарію какъ несравнено противъ другихъ на путевое содержание мнѣ денги толко двести рублей такъ какъ и адютанту майору выдано, и что я будучи долго времени подъ арестомъ принужденъ былъ на свое содержание съ великимъ изыществомъ за всю платитъ денги, отъ чего издержалъ и все послѣднѣе свое что имѣлъ, и тѣмъ понесъ великой убытокъ.

На сие мое словесное объявляемое сказано мнѣ отъ господъ сенаторовъ, а особливо отъ господина генераль-прокурора князь Никиты Юрьевича Трубецкаго, которой меня сперваго того раза возлюбилъ, и отозвался своею милостию что не оставитъ мнѣ вспоможенія дѣлать и я о своей нужде чтобъ въ Сенатъ подалъ челобитную, латорую я сочинивши и подалъ, и ожидалъ по оной подлежащей резолюціи.

Приеадоми моимъ въ Петербургъ засталъ я тамъ отца моего, онъ будучи определенъ въ ново формирующіися тогда Белой Слободской гусарской полкъ, куда въ скорѣ потомъ и отъправился.

Моего хожденія по поданной отъ меня въ Сенатъ челобитной проходить уже мѣсяцъ целой, на послѣдокъ вышла резолюція, чтобы въ прибавокъ къ тѣмъ выданнымъ мнѣ въ Кіевѣ на путевое содержание выдать еще триста червонныхъ, кои я тамъ и получилъ, о чемъ и въ военную коллегію для ведома указъ посланъ, тѣмъ же указомъ велѣно, какъ Черногорская камысія оставлена то отослать меня по прежнему въ полкъ къ генералу Шевичу.

Я сталъ о семъ выправлять, чтобы истого здѣлалось что Черногорская камысія оставлена, и узналъ скоро о томъ, что полковникъ Пучковъ писалъ въ Сенатъ рапортъ, какъ о выходе Черногорцевъ ненадежно, и что только малое число людей къ нему въ Триестъ пришло а болѣе выхода отъ туда не ожидаетъ, и потому посланъ мнѣ указъ чтобы ту Черногорскую камысію уничтожить, а самому ему ехать обратно въ Россію, и явѣцца въ Петербургъ.

Вотъ таперь скажу я что мое пророчество исполнилось, какъ и прежде о томъ говорилъ, что той камысіи быть не надолго, а только по то время какъ откроитца дѣломъ, однако не осталось на томъ, а было съ нѣмы дурной исторіи еще много, о чемъ въпереди въ своемъ мѣстѣ видно будетъ; мнѣ и не было бы надобности столько много о семъ дѣле говорить, но что оно неотступно дотыкалось до меня, и я и того большъ несчастія видѣлъ, а пользы никакъ, то потому и не могу оставить чтобы здѣсь не вывести все отъ зачала и до конца, какъ по сей камысіи происходили и на послѣдокъ само собою изъчезло.

Я не токмо о семъ что хачу пояснить самымъ дѣломъ какъ оно происходило, но и обо всякихъ другихъ дѣлахъ кои случались, и у себя оныя въ своихъ дневныхъ ежегодно запискахъ имѣю, каковы съ зачала моего юношества я всегда водылъ даже что и понимъ отъ того не отстаю, для чего таковъ мой трудъ чтобы не остался тщетно и хачу пустить въ свѣтъ во удовольствіе моихъ благосклонныхъ читателей.

Выше сего сказала я что сенатскимъ указомъ посланнымъ въ военную коллегію велѣно отъправить меня къ своей командѣ къ генералу Шевичу, что и привело меня въ великую разстройку, и

мое положение что вернутца назадъ въ Цесарию за своею хазяйкою выходить невозможнымъ, ибо такую дальнюю путь туда и обратно долженбы я былъ предпринять на своемъ коште, а у меня столько денегъ, какъ я самъ съ собою разочолся и не доставало бы, и при-
нужденбы былъ въ долги войтить и тѣмъ себя со всемъ разорить.

То для того разсудылъ за лучше хотя бы и годъ целы, чтобы моя хазяйка оставалась тамо въ Цесаріи у своей матеры и ожидала бы покудова изъобрететца удобны случай поехать и ее оттуда вывестъ, а я жежду тѣмъ по продолжающейся ещѣ съ Прусакомъ войнѣ, какъ всѣ наши гусарскіе полки при арміи состоятъ въ томъ числѣ отъ командъ Шевича и Прерадовича соединены екскадроны, и не отбытія моемъ въ Цесарию отъправлены тудажъ къ арміи и составлѣнъ изоныхъ полкъ, то чтобы и я не упустилъ сего случая и быдбы такъ какъ и протчіе при арміи, и тѣмъ заслужу себы чѣсть и счастье, а особливо что главнокомандующій арміею Степанъ Федоровича Апраксинъ пожалованъ уже фелтмаршалоу, которой всегда былъ моимъ великимъ благодетелѣмъ, отъ коего и тогда уповалъ я приобрѣсть по службѣ моей себы мылосты, почему и положылъ на томъ чтобъ къ нему ехать въ армію.

О такомъ моемъ намереніи подалъ я въ военную коллегію доношение, спрописаньемъ что въ арміи на войнѣ служилъ желаю, и прошу въ томъ указа и скорейшаго моего отъправления, о чемъ и словесно будучи въ домахъ у господъ присутствующихъ объявлялъ и просилъ, меня за то всѣ господа похвалили и обещали ещѣ съ рекомендаціею къ господину фелтмаршалу отъправить.

Тѣмже временемъ бывалъ я всегда во дворце, на балахъ и на куртахъ, и празничными днями въ обеднѣ, видѣлъ государиню Елисаветъ Петровну часто, и случалось раза два съ протчими господами въ публичныя дни подойтыть ея величеству къ ручке.

Меня всѣ придворныя господа давольно знавали для того, что я никогда не пропускалъ случая у всякаго празничными днями бывать, и тако на томъ еженежно ожидалъ я своего къ арміи отъправления.

Въ адінъ деиъ поутру рано присланъ вестовой ундеръ-афицеръ отъ ексекатора военной коллегіи ко мнѣ, съ объявлениемъ чтобы я въ коллегію явился, я поснешилъ туда, думаю въ себе что конечно уже дѣло мое готово и я скоро поеду, пришедъ въ коллегію

гдѣ уже и присутствующие были собрались, явился къ ексекютору спрашиваю какое приказанье что за мною послали.

На то отвѣчаетъ чтобъ я пообождалъ, а онъ пайдетъ доложить, мало потомъ погода позвала меня въ присутствие.

Господа присутствующие объявили мнѣ что потребованію изъ кабинета извольте туда явыцца гдѣ и счислятца будете, и болѣе нычего.

Мнѣ сия вѣстреча странною показалась, а тутъ предъ господами стоялъ мынуть съ две задумавшись, а после осмѣлился спросить что не знаю сему дѣлу притчины, а мое намеренные проговорилъ я было ехать въ армію о чемъ и доношение подавъ, и по оному ожидалъ своего отправления.

На то сказалъ мнѣ господинъ генералъ аншефъ Петръ Спирidonовичъ Суморуковъ, что можетъ быть вы ко двору за чемъ нибудь потребны, то и должны вы туда явыцца, съ тѣмъ я вышелъ въ великихъ размышленияхъ, а чтобы скорѣе узнать, поспешилъ къ господину кабинетъ министру, тогда бывшему Ивану Антоновичу барону Черкасову, и пришедъ къ нему на дворъ доложить о себе чрезъ камердинера что имѣю къ его высокопревосходительству дѣло.

Тотъ часъ по докладу меня туда къ нему въпустили, я поклонясь докладываю ему что велѣно мнѣ въ военной коллегіи у васъ явыцца и что приказать извольте.

Онъ отвѣчаетъ приятнымъ видомъ, дабро жаловать, велѣлъ слуге подать стула и приказываетъ мнѣ сесть, такой встречи я удивился а предстоящие еще и болше, для того что отъ него редко кому тому подобное имѣть случилось, сей господинъ былъ праца стариныхъ еще людей и хотя уже былъ въ высокой старости, но натуральную великую имѣлъ прозорливость и разумъ хорошъ, на его напрасно многие кричали, а онъ былъ человекъ справедливъ.

Говорить онъ мнѣ что Государиня приказала тебя възять ко двору и ты тутъ находитца будешь и дастся тебы и квартера и всѣ прочее подлежащее содержание, а къ столу всякой день извольшь приходить сюда ко мнѣ, а дѣло твое скажетца тебѣ опосля.

Мнѣ того же дня даны квартирные денги, и я нанялъ себе другую хорошую квартиру въ Мещанской улицѣ, гдѣ мнѣ и приказано быть, хадылъ я всякой день къ сему господину и всегда у него

былъ у стола, онъ всегда со мною говорилъ и спрашивалъ о разныхъ дѣлахъ, напоследокъ я въ него такъ близко вошелъ и онъ меня полюбилъ, что всякой часъ хатѣлъ чтобы я тутъ при немъ былъ.

Въ такомъ содержаніи при дворе провожу я время весело, у меня ны вчемъ ничего не доставало, исправился всѣмъ потребнымъ инвентаремъ, уже я не пешкомъ хажу, а хорошую каретою съ четырьмя запряженными лошады разѣжаю и денегъ имѣю довольно, бывалъ во дворце почты всякой день, всѣ придворные меня узнали и знакомылись со мною и такъ проходили уже два мѣсеца.*

Потомъ сказано мнѣ что я отъправленъ буду въ Виену къ нашему полномочному министру тамо находящемуся съ некоторымъ важ-

* Въ адинъ день будучи я на гостиницѣ дворѣ встрѣтился со мною въ ридѣ печально тотъ синдикусъ Ваземичъ коюго я изъ города Новаго Сада въ Виену отъправилъ, какъ видно объ нѣмъ уже сказано, онъ бѣднымъ какъ меня увидѣлъ то заплакалъ, кинулся было меня целовать въ руку, называетъ меня своимъ отъ смерти избавителемъ, я его чтобы тутъ не стоять взялъ съ собою въ карету и завелъ на свою квартиру, хатѣлось было мнѣ узнать что и какъ его дѣло и куда онъ проходилъ, нашолъ я его въ жалостномъ состояніи, у него не было ни копейки денегъ, и есть и пить нѣчего, просить меня чтобы не оставить его повторилъ признаніемъ и благодарностью то благодаріе которое я ему дѣлалъ, и чтобы учинить ему помочь и показать путь къ достиженію своего благополучія, и что желаетъ вступитъ въ службу, и какде я говорить онъ вашнѣмъ вспоможеніемъ изъ Виены отъправленъ по писму вашему тѣмъ вашнѣмъ прителѣмъ съ отъѣзжающими тогда купцами греками за границу въ Лейбцигъ съ награжденіемъ на дорогу несколько отъ него денегъ, тоде я съ тѣмъ туда приехавши по препоруку на другихъ купцовъ тамо находящихся отъправленъ въ Варшаву, гдѣ отъ великой печали заболѣлъ и пролежалъ всѣ почти дѣто, а потомъ отъправленъ также купцами по ихъ милости чрезъ Рыгу и вотъ уже недели две какъ приехалъ сюда, и таперь какъ я человекъ бедной и здѣсь еще повою, не хачу говорить онъ искать себѣ другаго прибежища а полагаюсь на вашу милость, и вы управите оо мною какъ заблагоразсудите.

Я вознаморился сему человекъ и въ другой разъ учинить свою помочь, не для того чтобы онъ потомъ былъ мнѣ чрезвычайно обязанъ, а единственно изъ одной любви христіанской (по слову преданія что сказано нестие тягосты брата своего); оставая далѣ говорить что происходило, а толко во кратце упомяну что дарѣе далъ я ему на прощаніе несколько денегъ, и на наемъ по его состоянію квартиры (ибо мнѣ его у себя не можно было держать), потомъ повелъ я его къ генералу прокурору князь Никите Юрьевичу Трубецкому, представилъ его, объявивъ и всѣ бывшее объ нѣмъ дѣло, а что не можно было растолковать что его чинъ синдикусъ значить въ томъ засвидѣтельствовалъ что то есть полицмейстеръ и городской секретарь, почему и велѣно ему подать въ Сенатъ челобитную и произведенъ капитаномъ въ Белой Слободской тогда формирующейся гусарской полкѣ.

нымъ дѣломъ (о коемъ не могу здесь упоминать), а отътуда чтобъ ехать въ княжество Трансильванское испробовать тамо для завода жеребцовъ и несколько кобылицъ, ко двору потребныхъ.

По заготовленіи того препорученнаго на меня дѣла выданы ми на дорогу изъ кабинета денги, и какъ въ Киевъ прибуду то что мнѣ дано было для препровождения двухъ человекъ надежныхъ ретаровъ, кои тамо состоятъ нарочно для курьерскихъ посылокъ, чемъ и къ оберъ-коменданту писано, и заготовившись со всѣмъ к отъезду и получа пашпортъ отъ иностранной коллегіи на русскомъ языке съ переводомъ немецкимъ писанъной, представивъ былъ государинѣ, ея величество пожаловала мнѣ ручку и притомъ подарила въ двухъ изъ бумаги свернутыхъ патронахъ пятьдесятъ имперіаловъ, сказавъ при томъ что то мнѣ служить будетъ на мундиръ.

Я получа такову высочайшую милость надъ предъ государини на колѣны поблагодарилъ и съ тѣмъ изъ дворца вышелъ, отъѣхавъ у кабинетъ министра, отъправился въ дарогу. а въездъ мнѣ въ Петербурга во исходѣ октября месеца 1757 года.

По прибытіи моемъ въ Киевъ, лошадей своихъ что тамъ прежде было оставилъ продать, а кучера сколяскою оставилъ тамо у пріятеля, и получилъ себѣ въ каманду отъ оберъ-коменданта что приказано тѣхъ двухъ рейтаровъ, выехалъ изъ Киева за границу въ Цесарию

Я будучи въ Киевѣ, услышалъ что скоро поелѣ моего изъ Киева (какъ я того же лета съ людьми изъ Цесаріи прибылъ) въездъ въ Киевъ ехалъ туда изъ Аренбурга по почтѣ тотъ поручикъ Ездинировичъ ко мнѣ више говорено, и что отправленъ въ Цесарию къ полковнику Пучкову въ городъ Триестъ, а моихъ выведенныхъ людей уже я тамъ въ Киевѣ не засталъ, и отъправлены въ Аренбургъ на посадку куда и первы пошли.

Дорога мнѣ была отъ Киева чрезъ Полскую Украину очень худая; сделалась въ осенѣ время превеликая грязь, а почты регулярной нѣтъ, и надобно было нанимать фурманщиковъ отъ одного города до другаго, почему и не можно было никакъ поспешно ехать и едва пятимъ днемъ до местечка Бердичева доехалъ, было то по вечеру и надобно было уже тамъ ночевать и другаго фурманщика искать.

Я только что въехалъ въ то местечко, вижу стоитъ карета передною карчмою и человека два ходятъ и кое что изъ кареты берутъ.

и носятъ туда въ карчму, люде сѣмъ показались мнѣ по одеже какіе нибудь иностранные, проехалъ я мыма и сталъ квартирою на другомъ дворе напротивъ той гдѣ та карета стоитъ, послаю справитца кто те тамъ приехалъ, мой посланой возвратившись сказалъ что Черногорскіи владѣла.

Вотъ таперъ подумалъ я и пришолъ случай чтобы мнѣ обо всѣмъ узнать можно, на чемъ ихъ камысія кончилась и онлы самъ адинъ едетъ или еще вьслѣдъ за нымъ кто будетъ, одѣлся я поскорѣе въ мундиръ, пашолъ къ владике, засталъ его сидячаго и примемъ адинъ попь стаялъ нѣчто говорить, я вошедь поклонился владике, и хотѣлъ его яко архиерея поцеловать въ руку, но онъ того не далъ, вьсталъ и благословилъ такъ какъ обыкновенно, гледить на меня и говорить что меня не знаетъ.

Я отвѣчаю что можетъ быть и такъ, однако надѣюсь говорю я что вы мнѣ знакомы и сказалъ свое имя, тогда ужъ онъ признался изгаваривая себя что нечаяно я къ нему вашолъ и тѣмъ будто узнать не могъ, я приметилъ изъ его речей что сей старецъ несколько холоднымъ духомъ ко мнѣ отъзывался и несколько спесь въ немъ есть.

Спрашиваетъ меня куда еду, на что отвѣчалъ я что въ Цесарьск, онъ на то говорить что ежели по прежнѣй командираціи, то бы я возвратился назадъ и туда ехать болѣе не надобно, (сие отвѣчать и оказывать ему по какой надобности еду, я говорить оставилъ, а завелъ речъ другую), спрашиваю каково его преосвященства здаровые, и думаю говорилъ я, что въ дароге утрудилысь и езда по такъ худой дароге была вамъ безъпокойна.

На то отвѣчалъ не многими словами, ходыть погорнице и не что какбы ему не угодно, я постаялъ съ четверть часа отъклонился ему, говорю, что не хачу васъ безпокоить, вы таперъ утрудилысь съ дароги и надобно вамъ взять свой пакой, а завтра поутру не оставлю еще съ вами видѣтца, съ тѣмъ пашолъ я на свою квартиру, и приказываю своимъ рейтарамъ сискать другаго фурманщика косяго и нашлы и сторговано до города Бродовъ, въ чемъ и задалъ далъ.

Потомъ какъ уже вечеръ наступыла вижу я что много фуръ съ людыи пришло, и стали на улыще предъ конныи еще карета адна и воспритие каласки, смотрю я чрезъ окошко узналъ что Черногорцы, а въ каретѣ былъ мамеръ Петровичъ съ женою, и съслѣзши изъ

кареты пашлю къ владике на дворъ, а протчіе люде съ фурамы разошлысь по карчмамъ жидовскимъ по квартерамъ.

Маиоръ Петровичъ видно тамъ отъ владики узналъ что я приехалъ, идетъ чрезъ улыцу ко мнѣ самъ одинъ, я его встрѣтилъ и принялъ по дружески (какъ мнѣ и не было ни какой нужды преднымъ претворятца), просилъ его сестъ говорю къ нему также обда-роге, что худа и что много можетъ быть безъпокойства имѣлы, онъ соответствовалъ моему приому также ласкавыми словами объявляя какъ онъ радъ что меня видѣлъ, и между протчимъ видитъ онъ что я о ихъ камысіи нычего не спрашиваю, а завелъ разговоръ о другомъ кое какой матеріи, то не могли стерпѣть, хатѣлъ онъ также какъ владика знать о моей дароге, зачалъ спрашивать куда я еду упомы-ная ежелы по прежидній командиращи для вывода людей, тобы вернулса я назадъ, и ехалбы съ ними въ мѣстѣ въ Киевъ, отъвечаю ему что идите вы съ Богомъ, а я еду въ столичны городъ Виену по другому дѣлу.

Видитъ онъ что при мнѣ два человекъ есть Киевскихъ рейтаръ, спрашиваетъ объ ныхъ куда оны едутъ, я и на то ему сказалъ что даны мнѣ для моего препровождения и что оны при мнѣ находятъ иа будутъ, долго онъ свомы спросамы около меня хадылъ и желалъ ие-дать куда и за чѣмъ я еду, покудова напоследокъ сказалъ я ему что я ужъ ко двору възять и еду по важному дѣлу въ Виену и при томъ показалъ ему запечатанные депешы и пашпортъ свой отъ иностранны коллегіи.

Сие мое объявленные задалось ему думать и не много потомъ бавился пашолъ туда къ владике.

Надобно и то сказать что сей человекъ маиоръ Петровичъ весьма не былъ простъ, разумъ и понятие у него было хорошее, да та беда что великое честолюбие напрімѣръ пасолствомъ куда нибуль съ чиномъ генерала, и ленты чрезъ плечи то было оживыло ему въ голове, и всѣ способы прожектамы своими употреблялъ, и о томъ какбы достигнуть непрестано думалъ, военнымъ же настоящимъ быть слугою вовсе склонности не имѣлъ, даже что и на лошады сесть не умѣлъ, а что къ штатской службѣ прежде всего былбы годенъ кою онъ безъ сумнѣнія могбы имѣть, естли бы только не было у него той замашки что вдругъ желалъ быть великимъ человекомъ; языковъ иностранныхъ окроме своего природнаго Сербскаго, а ктому не мно-

го по итальянски и словъ несколько по турецки разумѣлъ, парускижъ говорить хорошо умѣлъ.

Онъ видно какъ отъ меня туда къ владике пашолъ, преговорили между собою и надобно имъ было обласкать меня, для чего и посылаетъ тотъ часъ за мною съ прозбою владика, объявляя что желаетъ меня имѣть у себя на ужинъ, я отъговорился благодаря и что не могу быть по притчине имѣвшаго труда въ дароге, и вотъ ужъ раздѣлся хачу взять свой пакой.

Однако на томъ не осталость, какъ тотъ посланой туда пришолъ и сказалъ что не буду, то самъ майоръ Петровичъ и съ нимъ еще два Черногорца пришли ко мнѣ, просятъ не отъступно именемъ владика чтобъ пайтыть туда, и что владика желаетъ со мною вместе ужинать, почему не могъ иначе я отъговоритца здѣлалъ имъ то удовольствіе одѣлся опять и пашолъ туда.

Владика меня увидѣвъ вошедшаго въ горницу падошолъ ко мнѣ на встречу ласковыми словами, претворился со всимъ иначе своею учтивостію и не тотъ что давеча былъ повелъ меня за руку представляетъ тремъ тамо сидящимъ отъ своей свиты Черногорцамъ упоминая губернатора Стана сердара и воиводу, я имъ здѣлалъ не большой уклонецъ вижу что люде простіе, одѣты бедно по своему обычаю сидятъ и глядятъ на меня, а майоръ Петровичъ представляетъ мнѣ жену свою (она то была Станова сестра о коей я прежде говорилъ), указывая онъ ей что по обычаю нашему въ Росіи надобно поцеловатца со мною, она то здѣлала и опять на свое место села.

Слишу я изъ речей въ разговорѣ майора Петровича что онъ того названнаго губернатора называетъ его превасхадителство, а владика высокопреосвещеннымъ митрополытомъ, меня сие привело въ недоумение, не знаю кто имъ таковы чины на давалъ, думаю въ себе вотъ еще беда къ какимъ болшимъ особамъ я вашолъ, и не знаю во что такъ скоро словами своими воитыть, такли и мнѣ ихъ называть или иначе, однакъ остался я при своемъ, и когда приходило къ владике что говорить то упоминалъ я титулъ ваше преосвещенство, а того другаго какъ онъ молчалъ то и я на томъ оставилъ и съ нимъ разговора не зачиналъ.

Погода потомъ набрали на столъ и подали намъ кушать владика посодилъ меня возлѣ себя а съ другой стороны села майоршиа; она столко была учтива что меня за столомъ на тарелки кущантѣмъ подчевала, и говорить со мною стала, барынка еще довольно молодая

и приюженка, но воспитанная простаго, она за Петровича вдовою вышла.

Ужинъ нашъ былъ всеобщий, потому что и владика светы изво-
лыть мясо кушать, разговоры у насъ во время нашего за столомъ
сидения происходили о храбрости Черногорцевъ пресказывая мнѣ ре-
лацію о томъ сраженіи какъ Турки на границу ихъ учинили напад-
ение и что въ то время много Турковъ убито и прогнаны съ вели-
кимъ ихъ урономъ.

Тутъ зачалъ тотъ названы превасходительнымъ говорить со мною
мы де слышали указывая на меня что вы естъ предками своими отъ
нашей страны изъ Паштромавѣ смежно къ нашей землѣ, и ва-
кровные однофамиліе что тамъ живутъ намъ знакомы и суть наши
братья сусѣды, то надѣмся что и вы насъ любить будете какъ
оны; (я думаю что всею то время его молчанія онъ сие компоновалъ
что таперь выговорилъ) я ему на то отвѣчалъ что конечно съ мо-
ей стороны желателенъ остаюсь, чтобы быть своею дружбою всякому
угоденъ а коимъ паче своимъ людямъ.

Владика прекратилъ нашъ речъ, говорить что оставте церемо-
нію на сторону, а мы здѣсь все свои люди такъ надобно рядомъ
зъ всякаго здаровые вино пить, и велѣлъ принесть стаканъ большой
самъ въ него налилъ вина полной, коего величину какъ я увидѣлъ
и что таковыхъ не токмо больше, но и одного мнѣ выпить не можнъ
и смотрю что изъ того еще далѣ будетъ.

Преосвещены владика взявши стаканъ первое мое здаровые
сталъ пить, упомыная свою желанность къ моему благополучію, и
что я долженъ быть сообщникомъ ихъ общества и во всякихъ слу-
чаяхъ помогать имъ, яко одноземецъ съ ними, и какъ имъ то честь
дѣлаетъ и славу что мене въ такой степени видать, онъ то гово-
рить а тѣ другіе отвѣчаютъ амынь, такъ богме, стаканъ владика
выпилъ до капли, и наливають другой, подали названому его пре-
васходительству, что и онъ зделалъ и выпилъ до чиста, а тому по-
слѣдовали и всѣ прочіе, дошло дѣло до меня чтобы благодарить, я
принялъ налитой полень стаканъ поблагодаря всѣмъ за ихъ такъ
хорошой обо мнѣ отъзывъ, уверяя ихъ что на всякое время дружба
моя къ нимъ будетъ, но целого стакана выпить не могъ, а едва
только до половины дашолъ, и отдаю стаканъ назадъ, какъ же всѣ
вскочили просятъ чтобы всею для такова общества и дружбы выпить,
и конечно должно такъ дѣлать, я сколько нѣизвинялся предними мо-

ею невозможностью что питія великаго снести не могу и что стаканъ великъ чрезъмеру, и что дружба не въ одномъ только питіи состоитъ а отъ добраго сердца и любви братской, только нѣтъ а конечно надобно мнѣ выпить.

Я взглянулъ на майора Петровича, даю ему тѣмъ знать что я не довольнѣнъ, и хотѣлъ было вѣстать, онъ видитъ что ужь нельзя меня ктому пригласить и догадался о моемъ примечаніи вступился, и сталъ унимать, и чтобы дали мнѣ волю, свидѣтельству какъ онъ меня и давно знаетъ что я никакова лишняго питія снести не могу.

Сию хитрость какъ я приметилъ хотѣлы оны сделать для того, чтобы меня напоить пьяного, и вывести отъ меня чего нибудь, а особливо что обыкъ говоритца въ Петербургѣ, какъ изъ словъ владика потомъ я приметить могъ, что онъ на полковника Пучкова не годовалъ, упоминая его нерадивымъ къ ползе, и яко бы чрезъ него сия камысія оставлена и онъ не дождавши еще выхода людей поехалъ въ Венецію.

Питіе тѣмъ стаканомъ еще продолжалось въ округъ за всѣхъ здаровые, но безъ принужденія, а оставили на волю сколько кто хатѣлъ.

Владика потомъ сталъ словами своими гладить, упоминая о той цесарской пограничности, гдѣ и прежде былъ, что онъ потребовалъ въ присилку изъ Росіи Ездимировича для того, что не имѣлъ при себе никаво другаго такова, каторой бы съ выходящимъ народомъ обойтѣнца умѣлъ, и потому де принужденъ онъ былъ онаго Ездимировича потребовать съ тѣмъ только, чтобы онъ тамо былъ, покуда бы обратно прибудете, дабы приходящій народъ, указывая на меня, коимъ вы къ выходу путь направили было каму принять, и тотъ выходъ народа должно вашимъ трудомъ признать, а не его Ездимировича, и онъ таперъ продолжалъ владика остался еще тамо обще съ адъютантомъ Марковымъ, кои уже какъ известно по видержаніи карантина людей на граньце принялы и перевелы въ городъ Новый Садъ, то де потому говорить владика, ежели таперъ туда поспешите можете всѣхъ тѣхъ людей взять въ свое ведомство и вивестъ въ Россію, о чемъ ежели изволите то я могу вамъ дать на имя того Ездимировича повелѣніе, чтобы онъ во всѣмъ остался подъ вашимъ приказаніемъ и въ камандѣ, яко тотъ вишедши народъ хотя и неутъ настоящие Черногорцы, но какъ оны подъ тѣмъ названіемъ по вашему старанью) вышли и въ карантинъ цесарской приняты,

INTERNATIONAL

451.7. "IGTOM" !

100-100000. 100-100000

٢٠٢٠

APPROVED: _____

137 5044. 41 - 111

ЛІТАМІСТІНІ ІЗ

13 2030 1830 TEL -V

Bele: 20

SECRET

ОБЩЕОБЩАЮЩАЯ

15-00000-100000

SECRET

SECRET - 100-168176

... the ...

12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000 1001 1002 1003 1004 1005 1006 1007 1008 1009 1010 1011 1012 1013 1014 1015 1016 1017 1018 1019 1020 1021 1022 1023 1024 1025 1026 1027 1028 1029 1030 1031 1032 1033 1034 1035 1036 1037 1038 1039 1040 1041 1042 1043 1044 1045

SECRET

CONFIDENTIAL

10

100-443689-1

3-11-44 10:14 PM -61-

100-443886-100

1. *Journal of the American Medical Association*, 1997; 277: 1001-1005.

44 1941-1942 ГОДИНЕ

... на время изъятия того

SECRET

- и -ада-и-на-из на кри~~сти~~ нво

Л. П. ДАВЫДОВ

W. L. 2575 140861c 1012 80

Именем Черк НО-

М. П. 12.04.1951 Нар. СДБ

DATE: 10/11/2011 11:30 AM

SECRET

... ..

3. The following information is being furnished to you for your information:

1970

команду, не по чину моему значущую, велѣлы ехать въ Россію, а между тѣмъ потребовали вы въ присилку къ вамъ ажъ изъ Арентъ-бурга вашего Едигировича и поставили на мое место, чѣмъ и доказательно говорилъ и какое ваше доброжелательство ко мнѣ было, и не явно ли изобличили вы себя тѣмъ, что тотъ выходъ ко мнѣ лютей не было вамъ и владике угодно, дабы не приписано было на меня, какъ я неинаково о томъ думать долженъ, и для того оторвали меня съ того места протчъ, а ежели и такъ говорилъ я Петровичу, какъ вы и владика теперь говорите, что будто хатѣлы чтобы я опять возвратился назадъ къ своему на той границе месту, то для чего въ ордерѣ, при отправленіи моемъ присланомъ отъ полковника Пучкова чрезъ вахтмейстера Фишера, не написано, чтобы я изъ Киева скорѣе назадъ вернулся, а велѣно только чтобы мнѣ по задаче въ Киевѣ лютей тамъ остался и ожидалбы сенатскаго указа ехать ли назадъ въ Цесарию, или какъ приказано будетъ, (каково повелѣныя, что значить весьма догадатца было можно).

При томъ же не оставилъ я Петровичу и то упомянуть, что жолко труда было мнѣ, говорилъ я, покудова Балевица чрезъ ваши непозволительныя поступки освободилъ отъ смерти, взялъ отъвагу открылъ его, и отослалъ чрезъ моихъ пріятели за границу, единственно для того говорю я ему, чтобы не вышли на публику ваши глупа, и не было би поношениа и стыда въ чужемъ государствѣ российскому штабъ-афицеру, что могло бы въ честь вашу тронуть и было бы изъ того напоследокъ, когда бы Балевица было поимали, (что за малымъ временемъ и въ несколькихъ часовъ только минулось) и былъ бы онъ представлѣнъ къ тамошнему суду, то и отъкрылось всио то, что онъ съ вами дѣлалъ, и было бы явное на то доказательство, изъ чего бы могло быть много хлопотъ и затрудненія, а вамъ болше безчестія.

Послѣ сихъ моихъ словъ майоръ Петровичъ зачалъ было въ свое оправданіе представлять, упомыная ордеръ отъ полковника Пучкова, якобы о томъ не знаютъ ны онъ ни владика, чтобы писано было мнѣ изъ Киева назадъ въ Цесарию не возвращатца, и что Пучковъ много виноватъ въ томъ, что сія камысія остановлена, и какъ въ томъ еще владика намеренъ по прибытіи въ Петербургъ на него жаловатца и еще далѣ кое чего хатѣлъ Петровичъ говорить; каковы слова мнѣ ужъ слышномъ наскучили, а притомъ что и ночь гаразда прошла и наступаетъ третья часъ сполночи, то я прекратилъ его речъ, всталъ и говорю оставте уже пожалуйста о томъ болше говорить, вамъ,

а также и мнѣ надобно пакой взять, а я съ моей стороны заплачу тѣмъ, говорю я ему, что мнѣ по сей вашей камысѣи ничего не нужно. а представляю всею въ вашу пользу, съ тѣмъ онъ со мнѣю ночь разстался, потушивъ голову въ думкахъ пашолъ отъ меня протѣчь, а затѣмъ и я разделся и положился спать.

По утру рано вѣставши велѣлъ я своимъ рейтарамъ итти съ рея на фурманникомъ и чтобъ готовитца къ отъезду, и было наренъ уже болѣе и не итти туда къ владике, но онъ не оставы чтобъ со мною при разлуке еще не повидатца, присилаетъ ко мнѣ томъ съ прозбою.

Чтожь дѣлать, надобно и то удовольствие еще ему здѣлать, оди ужъ мундира и не надѣвалъ, а такъ въ подорожнѣмъ суртуке пашкъ къ нему, а людямъ своимъ приказалъ между тѣмъ, чтобъ всею бы выложено и готово.

Владика светы меня принялъ много ласкавее вчерашнѣго, велѣлъ нести мнѣ пашку кофи, посадилъ меня возлѣ себя, зачалъ говорить, какъ онъ сожалеетъ о томъ много, что я не соглашаюсь его ко мнѣ доброе желаніе.

И на то не хотѣлъ много заводить разговора, дабы не завести съ нимъ въ слова и утратить время отъ своей дароги, а сказавъ коротко, что таперъ уже ницѣ быть незя и поправить того не можъ что уже спорчено и должно на томъ остатца, между тѣмъ майко Петровичъ съ женою и тѣ другіе болре, съ некоторыми еще Чергорцами тудажъ пришли. поздравившись со мною, я поговоря съ ними несколько словъ, отклонивъ всѣмъ пашолъ къ своей кватеры, и ужъ у меня было всею выложено и готово къ отъезду.

Съ хазяинномъ жидомъ за ночлегъ расплатился, и толко что и горницы выходить хачу, алъ съ дверей вошелъ ко мнѣ человекъ зкомой, каторой во время моей въ Цесарѣи службы былъ у меня сгою и услыхивъ обо мнѣ, прибежалъ чтобъ меня видѣть, объявляя себе, что при сѣдованіи сей черногорской камандѣ, чрезъ верхи Славонію приобщился къ нимъ и едетъ въ Россію, и проситъ ко онъ человекъ бедной, чтобъ ему сколко нубудъ подарить денегъ пропитаніе, я вынулъ два червонца по его доброй прежде у мѣи службѣ подарилъ ему, сей случай былъ мнѣ чтобъ наверно узнъ сколко съ владикою таперъ Черногорцовъ едетъ, ибо я вчераше днѣ о томъ не хотѣлъ ны владикѣ ни Петровича спрашивать, чѣмъ бы мой, на мой спросъ сказалъ, что всего на всею не болѣе и

маленькими и съ разстриженными полами состоитъ, какъ сто пятьдесятъ три челоѣка, (попы разстриженные были тѣ, коимъ владыка благословилъ обрѣчь бороды и мечи припоясать и некоторымъ изъ нихъ и чины афицерскіе далъ), сей челоѣкъ тамъ остался, а я селъ и поехалъ въ свою дарогу.

Путь мой продолжался чрезъ Польшу, какъ я выше говорилъ, по притчинамъ великой грязи и дождей весьма медлительно, а къ тому и то, что отъ одного города до другаго прменялъ фуриантиковъ, и вошедъ въ горы Венгерскіе, то ужъ и снѣгъ напалъ, и съ такою великою трудностью чрезъ тѣ каменные пропасти далъ во внутрь земаы, едва пробравца могъ, и доехалъ до города Егра (по немецки Erlau) отъ кога уже ровниною, но однако худою снѣжною дарогою продолжалъ путь до города Пешты.

Я тамъ ны мало не бавился, окроме толко что у воротъ караулы афицеръ потребовалъ отъ меня пашпортъ и отослалъ къ коменданту, съ коимъ тотъ посланной скоро вернулся и меня пропустилъ, и съ тѣмъ поехалъ я просто на превозъ къ Дунаю (превозъ такой славной, какова на другомъ мѣстѣ подобнаго тому въ Европе нѣтъ) и преправившись на ту сторону въ состоящій напротивъ городъ Будимъ, въ коемъ принужденъ былъ проставтъ аднѣ сутки по притчинѣ большой ветреной буры и метелицы, отъ коей никакъ ехать было не можно, приторговавъ къ отъезду делижанъ, фуриантики отъ того города до Виены по большой дарогѣ учреждены, что такимъ названіемъ именуютъ, и есть родъ почты, съ такою толко разницею, что прменяютца далъ на своихъ учрежденныхъ станціахъ, а не такъ какъ обыкновенная почта и имѣютъ критіе кожею четверомѣстными большими каляски запряженіе въ пять лошадей, и останавливаютца кормить своихъ лошадей въ учрежденные имъ часы, а впрочемъ ездятъ довольно скоро и платятца денги отъ лошады въ половину цены противъ почты.

На другой день изъ Будима я выехалъ съ великою трудностью, что снѣгъ сильно шолъ, и принуждены останавливатца по дороге въ заезныхъ домахъ, чтобы кучеру огрѣтца, а иначебы и ехать было не можно, и съ такимъ худимъ временемъ и большимъ холодомъ на послѣдокъ доехалъ въ Виену благополучно.

Остановился я тамо въ городѣ въ адномъ издавна мнѣ знакомомъ трактирѣ, и толко что часъ мѣста поогрѣлся пашолъ немедленно къ нашему полномочному паслу графу Кейзерлингу, и давши мною

привезенные ему представилъ, о чемъ уже онъ чрезъ почту изъ Петербурга, что я къ нему отъправленъ, былъ извѣстенъ.

Меня господинъ насолъ по тѣмъ обстоятельствамъ съ какими я присланъ удержалъ у себя въ Виенѣ мѣсяца два, покуда онъ еще ко двору писалъ и другое повелѣніе получилъ.

Тѣмъ временемъ было мнѣ въ Виенѣ проводить время весело, бывалъ часто во дворце цесарскомъ и на придворной оперѣ, видѣлъ всегда цесаря и супругу его императрицу Марию Терезию со всею фамиліею, здѣлалъ себѣ на тѣ денги, что при отъездѣ изъ Петербурга ея величество государиня Елисаветъ Петровна мнѣ пожаловала, богатой гусарской мундиръ, а также и другимъ коно чѣмъ надобнымъ себе исправилъ.

Не оставилъ также я писать по почтѣ къ моей супругѣ въ Выхъ въ Славонію, гдѣ она у матери своей, послѣ моего отъѣзда осталась, какъ я о томъ выше говорилъ, уведомивъ ее о моемъ въ Виену приездѣ и что скоро къ ней буду, на что во отвѣтъ отъ нея также получилъ писмо, коимъ извѣщаетъ меня, что она здорова и отъ бремени своего освободилась и родила сына.

И какъ болѣе въ Виенѣ мнѣ бавитца не было надобности, а надлежало ехать въ княжество Трансильванское; (сие княжество есть особливая часть Венгріи, гдѣ живутъ разныхъ націй люди, въ томъ числѣ Валохи, кои обращены болшою частью римскимъ духовенствомъ къ униі, а болѣе всѣхъ Венгровъ тамо есть и почти половина законъ реформатскій держутъ, границы свои сию земля пьетъ отъ полуденной стороны съ турецкою Валахіею и съ Молдавіею, а съ сѣвѣрной съ Польшою).

И потому получивъ отъ господина посла свое отъправленіе и на покунку ко двору лошадей преведенные изъ кабинета денги двѣ тысячи червонныхъ, а при томъ и о свободномъ проездѣ отъ двора цесарскаго паспортъ отъправился въ свою путь.

Изъ Виены выехалъ я въ 1758 годѣ, въ мартѣ мѣсяце, причемъ долженъ я былъ господину послу объявить, что для взятыхъ съ собою супруги своей и экипажа, надобность имѣю первѣ заехать въ нижнюю Славонію въ городъ Митровицу, и что отътуда уже въ свою дарогу выеду, господинъ насолъ въ томъ не прекословилъ а оставилъ на мою волю.

Продолжалъ я дарогу свою туда чрезъ Австрію и Венгрію, по самой великой распутице, и проважаемъ былъ снѣгомъ и дождемъ

иждено до самаго того места, гдѣ супруга моя оставалась и меня ждала, я нашолъ ее съ новорожденнымъ синомъ здаровыхъ.

У насъ проходили дни въ забавахъ, собралось къ намъ своихъ много, всѣ сожалѣли о нашемъ такъ скоро отъездѣ, желали чтобы мы еще подалѣ быть въмѣстѣ, но что уже тому иначе быть не можетъ, а должно туда спешить и понести то, что судьбына предѣляла.

Я будучи тамъ узналъ, что послѣ моего отътуда отъезда, люди въ прошлое лѣто и подъ осень изъ турецкой области, какъ я прежде говорилъ, что пригласилъ ихъ къ выходу перешлы на Цесарскую сторону, и въ томъ городѣ видержали свой карантинъ, и что оныхъ приехавшій порутчикъ Ездимировичъ принялъ въ свое ведомство каковыхъ состояло людей, жонъ и детей около тысящи душъ, и отъвѣлъ всѣхъ на Венгерскую сторону за реку Дунай, въ городъ Новый Садъ, и что нинѣ весною отъправляетца въ Россію,

Зачалъ я готовитьца и исправлять себя всѣмъ потребнымъ, павоски свои отъдалъ въ починку, и лошадей несколько для упряжки новыхъ хорошихъ испуылъ, нанялъ еще въ прибавокъ къ моимъ прежнимъ, надежныхъ слугъ челоѣка три, и тѣмъ и время приближилось къ отъезду.

Априль уже во исходе, а май мѣсяцъ показалъ намъ благорастворенный воздухъ, и трава землю стала своею приятностію покрывать и тѣмъ подало намъ время веселое и приятное къ пути. нашему, я и супруга моя, простившись съ своими уже навѣки, отъправились въ назначеную намъ путь.

Продолжали мы ездъ нашу чрезъ Венгрію, весьма способнымъ временемъ, и приехали въ Такай, въ семъ городѣ оставилъ я супругу свою и весь экипажъ, а взялъ съ собою адного толко слугу да тѣхъ двухъ рейтаровъ, и коновала немца, коего я для тѣхъ лошадей, что покупать буду въ Виенѣ нанялъ, сѣлъ со всѣми на почту поехалъ къ Трансильваніи, и въехавши въ границы той земли, было мнѣ по дароге видѣтъ канюшню князя Шварценбургъ, лошады довольно хороши но не такіе, каковыхъ я ищу, отътуда приехалъ въ недалеко лежащій городъ Колошъ-варъ, (а по немецки die stadt Klausenburg), въ томъ городѣ имѣвъ надобность нѣкоторое дѣло исправить остановился и пробулъ дни два.

Для чего въ тотже день моего туда приезда, надобно мнѣ было явитца къ тамошнѣму коменданту, одѣлся я въ мундиръ и пашолъ

хорошо и чисто, просить хазяйка меня сестъ, и спрашиваетъ чѣмъ съ дороги меня подчевать, я сказалъ что ничего не надобно, неизвольте трудитца, однакъ она велѣла поднести чашку кофе.

Сидѣлы мы тутъ и разгаваривалы съчасъ места потому спросилъ я о лошадяхъ чтобъ мнѣ оныхъ показатъ, на то сказала она, ви де таперь съ дороги и поутрудилысь, оставте до послѣ обеда, почему ужъ я и не хотѣлъ ее словъ пребывать оставылъ на томъ.

Въскоре за симъ и обедъ сказано что готовъ, пашлы мы въ другую горницу, где на столѣ ужъ были и блюда поставлены, селы мы двое да старуха адна, кою она називала своею сродницю, насъ трое обедалы, столъ былъ порядочной и вино было отъменно хорошее, а послѣ обеда въставши поседелы еще съ полъ часа, а потомъ говорить баронеса что таперь ежелы извольте паитыгъ въ канюшны лошадей посмотригъ, то де и я какъ давно тамъ не бывала хачу вамъ здѣлать кампанию.

Я тотъ часъ вѣсталъ и она тоже, заклонилась она отъ собою да маленькимъ зонтикомъ пашли въ канюшню, вижу въ стойлахъ лошадей много ежалыхъ, на коихъ она приехала, также и другие молодые еще неукы но кладены, въ томъ числѣ стояло деветь жеребцовъ, между коими было два белыхъ на коихъ баронеса парю есдитъ, отъменно хороши и рослые, но влетахъ уже за десеть лѣтъ, а какъ бы не то, тобы я снимы было конечно не растался; а другие что такъ были то ужъ не таковы, однакъ чтобъ трудъ не былъ по пустошу, положылъ взять двухъ адынъ былъ рыжопегой, а другой соловой, попросилъ позволения чтобъ коновалъ мой тѣмъ жеребцамъ о лѣтахъ посмотрилъ въ зубы, что тотъ часъ приказала баронеса своему штальмейстеру допустыгъ; штальмейстеръ наложивши трензены! повернулъ жеребцовъ головами къ намъ, коновалъ мой въ зубы посмотрилъ и сказалъ что пять лѣтъ.

Жеребцовъ обеихъ вивелы на дворъ и проводилы по двору показались мнѣ хотя неотъменно, однакъ получше другихъ что я прекоию у кого видѣлъ, и могли быть приняты, и какъ объявыгъ я баронесе что сихъ двухъ намеренъ купыгъ, и спросилъ о ценѣ, то она осмехнувшись говорить что не токмо сихъ двухъ, но и всѣхъ сканюшнѣ есть взять можете, и вы ужъ мою канюшню видѣлы, говорить она, такъ таперь пайдемъ дагѣ и тамъ о ценѣ будемъ говорить.

По симъ словамъ не иное что я заключалъ, а толко то что такая дама конечно не будетъ тамъ въ канюшнѣ стоять и со мною предъ

конюхами торговатца, почему какъ она сказала что итѣть, то я оставилъ ее волю, пошли чрезъ дворъ престо къ крыльцу, хатѣль я вѣрядъ къ моему въ верхъ лѣсницы итѣть, куда и шаги свои было направилъ, но она указала мнѣ въ право мимо лѣсницу коридоромъ итѣть, и говорить невольтеиль въ садъ пайтѣть, ядѣ думаю что тамъ будетъ лучше седесть покуда жаръ мынетъ нежелъ въ горнице.

Я согласился и тому послѣдовать, мы вошли въ садъ каторой былъ еема хорошими алейми и фруктовыми деревьями высаженъ, и цветники съ разными цветами наполнены, мимо коихъ какъ мы шли то баронеса оторвала несколькихъ подаетъ мнѣ хвала ихъ приятный духъ, я полагая принялъ, и съ тѣмъ вошли въ среднюю покрытую листьями лѣю, пошли по оной до наконецъ сада гдѣ была бесѣдка крытая и съ рашеною решеткою, и въ оной стоялъ не большой столъ и адно канатей, на которой просить хазяника чтобъ сестъ, я то здѣлалъ и она мнѣ меня села, у насъ илучи былъ разговоръ о томъ садъ какъ я ей хвалылъ что хорошъ и порядочно высаженъ, то на тѣхже рѣшкѣ и въ бесѣдку вошли, мало погоды идутъ тѣмже алеемъ две служанки носятъ нечто накрытое салфетками въ рукахъ, положили на столъ предвѣны столъ и вскрывши салфетки показались мнѣ на серебряныхъ блюдахъ прекрасные фрукты на одномъ черешны а на другомъ ранние груши, хазяйка тѣмъ меня подѣчевала, и потомъ завела другой разговоръ.

Баронеса говоритъ мнѣ что вамъ надѣюсь не будетъ противно государь мой въ томъ что я васъ хачу спросить, какъ я васъ вижу достойную особу то и желаю знать каво я имѣю честь у себя таперъ въ доме принять, я де васъ какъ вы вчерась въ лавкахъ хачили видѣла и за тѣмъ къ вамъ (какъ слишно въ городѣ что за попушкой лошадей приехали, но о вашемъ приездѣ отъ куда и что не смѣлы мнѣ сказать) послала съ объявлениемъ что таковыхъ у себя имѣю, и просила чтобъ пожаловали сюда приехать и тѣхъ моихъ лошадей самы посмотрѣтъ, при какомъ случае таперъ и осмеливаюсь говорила она васъ спросить отъкуда вы родомъ, и какова закона, и подлиннолы вы природны Руской, какъ я въ томъ сумѣваюсь а конечно надобно вамъ быть какой другой націи рождену, и въ первоелы вы таперъ здѣсь въ сию землю приехали, и еще говоритъ она каково мнѣ здѣсь показалося и итѣли моего намерения здѣсь встѣла.

Таково сей госпожи требование показалося мнѣ цѣлимъ судебнымъ допросомъ, не хотѣлъ я уже заводить далнихъ попустому раз-

въ Уйварѣ гдѣ также и другой заводъ конски имѣеть и на конюшнѣ при себе лошадей содержитъ.

Мнѣ по сему извѣстію надобно было туда ехать и того графа Микоша искать, но наперіодъ хотѣлось въ сию близкую его деревню заехать и состоящихъ тамо лошадей осмотрѣть, и положилъ на то что туда ехать.

Торговался я съ почтмейстеромъ за шесть почтовыхъ лошадей, въ ту деревню где тотъ заводъ лошадины есть меня съвѣсть, говорю ему что съ тѣмъ ежели мнѣ жеребцы и кобылицы понравятся, то чтобы и туда къ графу на тѣхже лошадяхъ съездить.

Почтмейстеръ сказываетъ мнѣ что отъ той первой деревни гдѣ мы, и до графа ехать будетъ надобно еще мылѣ восемь, что администраторъ лошады такую дарогу нелзя будетъ зделать, а притомъ что въ горы и леса, то лучше, говоритъ почтмейстеръ нанять тамъ въ деревнѣ свежихъ лошадей и выехать опять на большую почтовую дарогу, и тою уже по почтѣ до графа ехать можете, на чемъ такъ и положилъ что до той первой деревни сими лошады ехать.

По утру какъ я вѣсталъ и готовился къ отъезду, прибылъ и къ мнѣ присланой отъ госпожи баронеси штатмейстеръ съ вѣстиемъ, что его госпожа не намерена тѣхъ жеребцовъ продавать, оставляетъ ихъ для приплоду и съ тѣмъ поехалъ обратно.

И расплатившись съ моимъ хазяиномъ за все что подлежало ехать въ свою дарогу, и приехавъ въ ту деревню где тотъ заводъ конски графа Микоша есть, заехалъ на его тамошны дворъ, нашоу управителя и спрашиваю о жеребцахъ и о кобылицахъ, на что скажетъ что есть разныхъ породъ и повелъ меня въ конюшню, гдѣ какъ увидѣлъ то и положилъ что тутъ конечно куповать надобно, и на другомъ мѣстѣ не искать, ибо здѣсь всѣ жеребцы и старіе и молодые были отъменной красоты и роста большаго, я спросилъ чтобы всѣхъ молодыхъ по одиначки вывести и проводить на дворъ, было ихъ всѣхъ молодыхъ шестнатцать, при томъ смотре не несколько струдностию, ибо некоторіе жеребцы сильны и могли много что двухъ человекъ болно ногами ушиблы, а другихъ едва и по два человека удержатъ могли, я тутъ назначилъ чепухъ.

Потомъ послали за табуномъ въ полѣ чтобы и кобылицы осмотрѣть, и покудова то здѣлалось то я не выходилъ изъ конюшны и

дѣлалъ съ моимъ коноваломъ о каждомъ жеребце свои примѣчанія и были очень зли а другіе посмирите, на то я не уважалъ. присматривалъ ихъ другіе достоинства како каторой имѣлъ, между тѣмъ сказано что и табунъ уже пригналы.

Мы всѣ пашли туда въ загороженую ливаду куда ихъ загнали и показались издали, какъ я увидѣлъ всякая кабыла самымъ лучшимъ жеребцомъ, етакоей гордосты и пригожества отъ того рода скотины еще нигдѣ не видивалъ, и нельзя мнѣ болѣе ничего говорить окресте что только назначивать, каторую кабылу нахожу за способную, выбирать почты нѣчего, разве каторіе старіе тѣхъ только миновать а впротчемъ всѣ одного вида и одной пригожесты, что редко гдѣ и другіхъ заводчикахъ видѣть можно, такто сей графъ свой табунъ пречистымъ и содержать въ порядке, у него всѣ кабылы зимою конюшнѣ и всѣ ручнѣ, при жеребцахъ надконюхамы досматриваетъ старой его табунщикъ, каторой о всѣхъ породахъ знаетъ, а при бунѣ тутъ были два табунщика изъ его поданныхъ тамошныхъ Болоховъ.

Хадылъ я по табуну съ моимъ коноваломъ долго и присматривался до каждой и къ жеребятѣмъ и назначилъ двадцать кобылъ жеребятѣмъ, а некоторые были яловые что викинулы, какъ то безъ того въ заводахъ быть не можетъ, однако таковыхъ было только четыре, тутъ хатѣлъ я чтобы словить каждую кабылу и привязать и гриву значки, только управитель не дозволилъ, а говорить чтобы только я сказалъ каторую я назначаю, почему онъ уже будетъ самъ дѣлать записку къ своему господину, у коего де есть о всякой кабылѣ и о жеребцѣ книга, въ каторую записано имена какъ жербионокъ родитца и въ то время даются имена всякому.

Я сталъ показывать вотъ ту и ту кабылу хачу купить, онъ началъ призвать того исконошнѣ старого табунщика, каторой обходилъ съ тѣмъ двумя другимъ хадилы по табуну со мною и съ управителемъ, и каторую кабылу я скажу то сіи и объявляютъ ее имя и отъ каторой матеры родилась, даже бабу и прабабу упоминалы, и отъ катораго жеребца, то всио что табунщики сказывають записывають управитель по регистру, и то совершивши пашли въ канюшню тоже о жеребцахъ здѣланы, и таковы списка сприметами и шерстью здѣлалы два, одинъ взялъ я къ себе, а другой хатѣлъ управителя отослать къ своему господину, я тамъ во дворе преночевалъ, и прислалъ управителя, чтобы мнѣ далъ за денги до первой почты лошадей сказавъ ему что самъ я хочу ехать къ его господину, онъ обещалъ

лошадей мнѣ дать, и тую же вечеръ отъправилъ къ своему господи-
ну тотъ регистеръ чрезъ нарочнаго.

По утру рано подводчики пришли ко мнѣ на дворъ, а управи-
тель далъ до первой почты свою каляску на кою я селъ и поехалъ,
дарога мнѣ была тѣми лесами и горами весьма трудна, покудова могъ
пробратца чрезъ пропасти и каменныя до болшой почтовой дароги
гдѣ я заночевалъ, отътуда было мнѣ еще до графа адна почтавая
прежена.

У почтмейстера тамошняго сторговался за шесть лошадей и
поутру рано селъ и поехалъ туда, гдѣ графъ живетъ и домъ свой
имѣеть въ село Марошъ Уйваръ, приехалъ я туда предъ полдень въ
часу десятомъ и заехалъ просто на его дворъ, въ томъ разуме что
о моемъ туда приездѣ графъ чрезъ своего управителя уже извѣстенъ,
и знаетъ, что я его лошадей смотрѣлъ и съ тѣмъ еду, что купить
онѣ, почему бы кажетца и не могло быть никакой противности, а
паче тѣмъ еще болшъ надобно бы даволну быть, и гостя такова при-
носящаго прибылъ принять и оказать свою ласкавую встрѣчу. но
нѣтъ, а напротивъ, и я такимъ мнѣніемъ тогда ошибся, и у насъ
изъ того вышла маленькая комедия, и за малымъ чѣмъ осталось, что
весь мой трудъ и осмотръ лошадиный не пропасть безъполъзно, ибо
графъ, увидя что я просто къ нему во дворъ въехалъ и подъ кри-
цомъ остановился, то не былъ тѣмъ даволѣнъ, сочелъ за пренебре-
женіе своей афиціи; и для того не велѣлъ ни кому меня встрѣчать,
какъ мнѣ о томъ, (что не остановился я каляскою съ лошадми на
улице за дворомъ, илы на селъ въ заездномъ партикулярномъ дворе,
и не далъ первѣе уведомленіемъ о себѣ знать и спросить, въ како-
рое бы время могъ его видѣть), былъ опосля случай узнать, какъ
ныже будетъ видно, онъ же надобно знать, что и не такъ чрезъви-
чайно великъ господинъ, а значить толко той Вармеды Фейшпанъ,
то есть уездный главный судья, то потому я яко штабъ-афицеръ, и
не имѣлъ нужды его величать болшъ, нежели онъ есть, заехалъ къ
нему на дворъ не челобитнѣ подавать, а по своей надобности, коя
ему въ ползу служить, и чтобъ поскорѣе съ нимъ видѣтца и дѣло
совершить, а что онъ богатъ и графъ въ томъ, противъ моего чина,
не можетъ ему ны какимъ преимуществомъ послужить.

Домъ его былъ огроменъ каменной о двухъ этажахъ, накрытъ
черепыцею, съ надлежащими службами, всею каменное строеніе и
ограда вкругъ двора крашеною решеткою съ болшими варотами,
чрезъ кои я на дворъ въехалъ.

И съѣзъ предъ крильцомъ его дома изъ каляски даюй, и приказалъ, чтобъ съ коляской и съ лошады отъступитъ въ сторону и тамъ обождасть, покуда я съ графомъ увижусь, и потомъ увидимъ, куда будетъ надобно экипажъ вънести, и тогда почтилиона отпуститъ.

Выжу я, что никаво нѣтъ кто бы мнѣ показалъ, куда итти повернулся туда и сюда, пашолъ самъ вѣрхъ по лѣснице, отворилъ первіе предъ собою двери вашолъ въ горницу, но и тамъ никаво нѣтъ, я и въ другую одъ коей были двери отворены, увидѣлъ тамъ трехъ человекъ слугъ сидящихъ, оны увидѣвъ меня встали, и по дошедъ адынь ко мнѣ, спрашиваетъ по венгерски, чего мнѣ надобно и кто я, тѣмъ венгерскимъ языкомъ, хотя и не могъ я достаточно говорить въ дискурсе, но разумѣлъ столю, что мнѣ по моей надобности было потребно спросить, или каму чего сказать.

На то отвечалъ я слуге, сказавъ о себѣ, и что имѣю надобность видѣть графа, слуга пашолъ чтобъ доложить, а меня останавливаетъ, но я въ той переднѣй съ слугами остатца не хотѣлъ, а пашолъ да въ другой пакой, ждалъ я тамъ минутокъ несколько, покуда тотъ слуга вернулся и говоритъ, что онъ графу сказалъ и я чтобъ по обождалъ.

Проходитъ времени съ четверть часа графъ не выходитъ, а мнѣ ужъ и скучно стало, послаю я опять того слугу спросить могу ли я графа видѣть, или нѣтъ, слуга пашолъ и въ другой разъ съ докладомъ, и возвратясь идетъ съ нымъ еще адынь изъ придворныхъ его людей, показался мнѣ афиціантъ, или управитель дома; говоритъ мнѣ, что де графъ несколько нездоровъ, и приказалъ спросить, какое дѣло вы до него имѣетъ.

Я ему отвѣчаю, что я о своемъ дѣле самъ съ графомъ хочу говорить, и ежели не изволятъ сейчасъ со мною видѣтца, то я паеду въ свою дарогу далѣ, тотъ человекъ приметылъ, что я недоволенъ тѣмъ, что такъ долго дождаюсь, говоритъ мнѣ и проситъ, чтобъ я тамъ поседелъ, я де графу скажу и онъ конечно тотчасъ къ вамъ выдетъ.

Мало погода идетъ тотъ человекъ ко мнѣ съ объявленіемъ, что графъ уже идетъ и повелъ меня далѣ, я войдя еще и въ другой не великий пакой, тамъ встрѣтился съ графомъ, мнѣжъ сказывалъ на послѣдней станціи почтмейстеръ, что онъ есть человекъ, несколько

ва суроваго и въ обхожденіи грубъ, и что понемецки не много орить умѣть.

Предъставился онъ мнѣ стариннымъ венгерскимъ видомъ усы длинные, сѣдой мужикъ, волосы на головѣ распатланіе, дѣтъ близъ пятидесяти, росту большаго, сухощавой и въ венгерскомъ платьѣ, по общему штатскому обычаю, проговорилъ толстымъ изъ горла голоу венгерскимъ языкомъ, я ему отвѣчаю по немецки, свидѣтельствуя почтенные, онъ также по немецки мнѣ отвѣчалъ, но весьма худо томъ видно учить былъ, и съ трудностью можно было слова разумѣть, а къ тому еще, что съ пропунциаци своей венгерской роды, то всѣ речи почти на выворотъ говорилъ, однакъ я ему обьялъ: между собою разумѣтца, Венгрии всѣ свои права и судебные правленіи имѣють на латинскомъ языкѣ, и потому хотя бы кто и умѣлъ по немецки говорить, то однако судебнымъ членомъ можетъ бѣ.

Спрашиваетъ онъ меня я ли тотъ, что въ ево селѣ Сасъфенеше, къ то село называлось), былъ и лошадей тамо смотрѣлъ, на то отвѣчалъ я что я тотъ самой майоръ и что изъ Россіи посланъ отъ царицы, для ея величества моею императрицею по надобности лошадей ребцовъ и кабилыцъ къ заводу покупать, и что нашолъ говорю я у въ томъ вашемъ селѣ некоторыхъ къ тому способныхъ, о чемъ я вамъ уже известно и дано вамъ отътуда знать; а притомъ ежели и здѣсь каковыхъ имѣетъ, то бы позволили мнѣ ихъ ихъ осмотрѣть, за тѣхъ, коихъ я уже видѣлъ и назначилъ, изволите мнѣ обьявить ли.

Онъ на то мое ему обьявление отвѣчалъ коротко да грубыми словами, и говоритъ, что де мой управитель пишетъ и регистеръ прислалъ, о тѣхъ жеребцахъ и кобилицѣхъ, коихъ вы назначили и ихъ знаю, но вы заплатитъ за оныхъ не можете, и тѣмъ только напрасно утруждаете, (на то время какъ онъ ко мнѣ вышелъ со мною говорилъ, то былъ еще ево придворной капеланъ ксонъ ранчишканъ, да еще двое изъ его придворныхъ чиновниковъ).

Такова встрѣча и отвѣтъ сего господина было мнѣ досадно и къ онъ сказалъ, что я заплатитъ не въ состояніи, то я принужденъ былъ повторить мои первые слова, думалъ я что онъ по худому своему языку меня не виразумѣлъ, и говорю, что я посланъ отъ двора русскаго, и что сіи лошади единственно для ея величества собственной капишны покупаютца, а не для другой какой надобности изъяс-

нынѣ ему о томъ, и еще въ прибавокъ говорю, ежели только тѣ лошади ему состоятъ на продажъ, то бы ны мало въ платежѣ денегъ не сумнѣвался.

Онъ и на то тѣмъ же самими словами отвѣчалъ какъ и прежде и повторяетъ, что онъ меня разумѣетъ что я говорю, и какъ бы нѣчто съ пренебреженіемъ отвернулся отъ меня, вотъ тутъ я весь згорѣлъ и всего меня жаръ обнялъ, умоляю предъ нимъ стоя минуты съ две, покуда опять въ себе пришолъ, и потомъ съ досадою сталъ ему говорить сіи слова безъ церемонїи: слушай графъ ты бы за честь еще себя ставилъ, что я такъ далнюю дарогу здѣлалъ, минувъ всѣхъ протчихъ здешнихъ господъ и приехалъ къ тебѣ, для такой великой императрицы твоихъ лошадей покупать, а ты говоришь такіе непростойныя слова, не объявляя мнѣ цены, а только что я не въ состояніи заплатить, то знай напротивъ того я тебѣ говорю, что та императрица, которая меня послала и я тебѣ о томъ уже объявлялъ, но ты то худо разумѣешь, можетъ она не токмо твоихъ лошадей, не если бы было потребно купить, и ты билъ бы на продажъ, то какъ за тебя самого, такъ и за все твоё имущество есть въ состояніи заплатить и купить, и то я сказавъ отъворотясь повторилъ говорю стыдись своихъ словъ, и жалъ только что такое имя на себя носишь и съ тѣмъ пошелъ протчъ.

Вышелъ я съ великою досадою на крыльцо чтобы ехать, но между тѣмъ, покуда я тамъ у него бавился, то мой почтальонъ было въ прегъ лошадей, чтобы покормить, я видя сие крикнулъ къ людямъ своимъ, чтобы скорѣе запрегали, а самъ прохаживаю тутъ предъ крыльцомъ на дворѣ дожидаясь, покуда готово будетъ.

Вскоре потомъ вышелъ тотъ ксонзъ Франчишканъ и тѣ ево двое чиновныхъ, что тамъ стояли, за мной на дворъ, и просятъ что я назадъ въ пакой вернулся, и не имѣлъ бы злой воли, извиняя своего графа и что ему можно ту ошибку простить яко человекъ старому, я ни мало не хотѣлъ сихъ слушать осердясь говорю имъ, какъ оны не умѣютъ съ людьми обходитца, устѣживая предъ ними ихъ графа, и выговоряя я къ тому приличныхъ несколько еще речей на венгерскомъ языкѣ, не могли отъ досады болѣе себя въ томъ языкѣ скривать, говорю что ни одинъ бы простой пастухъ не могъ грубѣе быть, какъ что есть вашъ графъ, какъ только я сие выговорилъ, то оны всѣ удивились, что я ихъ языкъ венгерскій разумѣю, тотчасъ одинъ изъ тѣхъ двухъ отъ меня пошелъ туда на верхъ, затемъ спустя немного какъ Франчишканъ прозбою своею уверти-

вѣлся, чтобъ мнѣ вернутца назадъ въ пакой и говорилъ со мною по помысли, но я никакъ къ тому не соглашался, а дожидаюсъ только, покуда каляка подѣдетъ, чтобъ отъ ныхъ протѣ ехать, вотъ идетъ самъ графъ и вышедъ на крыльцо сталъ просить, чтобъ я къ нему въ пакой на верхъ возвратился, но я къ нему и лица повернуть не хотѣлъ, и ужъ каляка моя совсѣмъ готова и почтиланы сѣлы на лошадей и стали подъезжать, надобно же и то знать, что моя поездка простымъ почтовыми лошадми также въ глаза имъ показалось, ибо у ныхъ то велико почитающе.

Графъ видить, что я ужъ совсѣмъ ехать хачу и съ нимъ ничего не говорю, то онъ ускоривъ прежде нежели я въ каласку сяду поспешилъ съ крыльца далой, подошелъ ко мнѣ снѣлъ уже и калпакъ свой съ головы, подхвата меня подъ руку и называя меня моимъ титуломъ и господиномъ, просить чтобъ я простылъ его, и говорить я де вижу, что ошибся и тѣмъ васъ осердылъ, но не хачу на томъ оставить, чтобъ вы съ гвѣзомъ изъ моего дома выехали и для того прошу возвратитца ко мнѣ въ мой пакой.

Хотя ея сатисфакция и была мнѣ даволна, однако еще не могъ бы онъ мени тѣмъ пригласить, чтобъ я къ нему вернулся, если бы мнѣ не представилъ въ мысли его жеребцы и кобилицы, каковыхъ наверно ни у каго другога не нашолъ бы я нигде, и осталась бы моя езда и трудъ по пустому, что и принудило меня съклонитца, а къ тому вижу такова старика съ седими волосами съ чиномъ даволно великимъ, стоящаго на сонце держить въ адной руке свой калпакъ съ головы, а другою подъ моею рукою, а съ другой стороны тотъ Франчишканъ, которой ужъ досадылъ мнѣ на ухо съ прозбою, то ужъ я я пременилъ себя, снѣлъ также свою шляпу съ головы, (яко и графъ калпака своего еще не надѣвалъ), оборотясь къ нему и говорю, что вотъ видите господинъ графъ, какъ вы людей отъ себя отъбываете, и также не по чести вашей и со мною поступили, и таперъ говорю я ему хотя бы мнѣ и пайтыть съ вами въ ваши пакои, о чемъ вы просите, но можетъ быть, что вы такимъ же манеромъ въстрѣнете меня опять какъ и давеча что было, то убегаю того лучше хачу ехать отъ васъ съ покоемъ.

Онъ а также и Франчишканъ съ другой стороны просятъ не престано, чтобъ я вернулся и чтобы о давишинъ не помынать, и бросить въ забвение.

По симъ прозбамъ, а болѣе что жеребцы и кобилицы мнѣ стоятъ въ голове, вернулся я съ графомъ и съ Франчишканомъ назадъ, и

вошедъ въ пакой, (онъ жьлъ въ нижнѣмъ этажѣ по своей старости что въверхъ лѣсницы въ другой этажъ хадить не можетъ, а особенн что охотникъ великъ до лошадей и за то въ день раза дваи болѣе бывае въ канюшнѣ), и войдя мы въ послѣднѣй пакой, что предъ его спалнѣю та просилъ меня сестъ, и ужъ учтивъ слышкѣмъ зделался, мало поти вошла къ намъ съ другихъ дверей графиня, я ей (какъ мнѣ гра сказалъ, что она его супруга), вѣставши поклонилса, что и она и аделала и приветствуетъ меня приездомъ, сажаетъ меня, и сама там села, видно что она ужъ известилася о нашемъ съ графомъ сно показывая видъ приятной и веселой, умѣла по немецки гаразда луч нежелъ графъ говорить, была лѣтамы помоложе графа, однакъ у старушкою назвать можно, и видно что въ свое время была кравицею, лице ее и талия въ томъ показывало.

Графиня оборотясъ ко мнѣ говорить съ усмешкою, я де слыши нѣкоторые здесъ споры, то и пришла я чтобъ оныя успокоить обратытъ въ приятство, я ей поблагодаря за то, и указываю на гра говорю, что вашъ господинъ графъ несколько бытъ не знаю тѣмъ довольнѣ отъ чего завелся маленькой споръ, такъ вы судариня гово я ей извольте за то по вашему разсмотрению его штрафовать.

Она поворотясъ къ графу говорить стала по венгерски, ти севодни видно думалъ, что твой солга быровъ къ тебѣ приехи (что значить уездный камысаръ), а не примечаетшъ лы что его госдинъ, и разумѣешъ лы ты его слова говорить она.

Я сие, что она къ мужу своему сказала, выразиумъвши здѣла предъ нѣю еще болше въ моихъ съ нею разговорахъ учтивымъ и ей весма понравилось, потомъ сталъ я графа спрашивать о цѣтѣхъ назначеныхъ мною жеребцовъ и кобылицъ, чтобъ мнѣ объяви и поворотясъ къ графинѣ говорю, а васъ судариня прошу взятъи сторону и бытъ нашимъ медиаторомъ.

Графъ отвѣчаетъ мнѣ, чтобъ я самъ цену положилъ чего он стоятъ, на то говорю я ему, что никакъ того я здѣлать не могу, ибо всякъ хазяинъ своему дабру долженъ самъ цену показать, а яко покупщикъ естлы наперидъ стану цену класть, то можетъ быи покажетца не угодно и тѣмъ, чтобы не оказатъ вамъ неудовольств

На тотъ часъ графиня, подхвата мои слова, стала графу говритъ по венгерски, смотри таперъ какой ты отвѣтъ получилъ! приятно лы слушатъ словъ его, я и то выразиумълъ, что она сказал графъ тотъчасъ вѣсталъ и пашолъ въ свой кабинетъ, и скоро нава

идеть, носить въ руке бумагу и говорить, что вотъ регистерь тѣхъ лошадей, коихъ вы назначили какъ о томъ мой экономъ ко мнѣ пишетъ, посмотримъ таперъ еще разъ, и приказалъ принести протоколъ лошадыныхъ пародъ.

Я винулъ также свой регистерь, что тамъ будучи въ заводе записалъ, и стали сводить такъ мы какъ что экономъ писалъ, и нашедъ ровное адынъ съ другимъ, и покудова мы съ графомъ то сводили выжу я, что отецъ духовной нѣчто графинѣ на ухо шепчетъ, а она на меня гледить и видно, что онъ ей пресказалъ о томъ, что я по венгерски разумѣю, какъ онъ будучи на дворе предъ крыцомъ несколько словъ отъ меня, что я виговориалъ, слышилъ.

Графиня въдругъ въставши подошла ко мнѣ говорить, какъ слышу я что вы по венгерски имѣете, и конечно вы Венгеръ, хотя и въ чужемъ государствѣ служите, но таите себя, я отвѣчаю ей изъвиняясь, что говорить не умѣю, а толко мало что и гдѣ какое слово понимаю, и то говорю я профитовалъ таперъ какъ здесь въ Венгрии нахожусь, а родомъ я природный Руской, тутъ Франчишкантъ вступылъ въ наши слова говорить, да вы не Венгеръ, а давеча какъ были сердиты, виговорили по венгерски такъ хорошо и чисто, что и мнѣ того бы на память не пришло, мнѣ сие не было угодно, что онъ проболталъ, говорю оставте пожалуй таперъ о томъ говорить, не помешайте мнѣ съ графомъ въ нашемъ дѣле.

Патомъ пресмотрѣвши графъ свой протоколъ и нашедъ имена тѣхъ жеребцовъ и кабылицъ, когда оны родилъсь показиваетъ мнѣ ихъ породу, и съ чего могъ я узнать, что двухъ жеребцовъ перваго светло-буланого съ чорною гривой и другова гнедого беру я у него изъ породы гишпанской, а вароныхъ двухъ отъ неаполытонской кабылицы же, и той и другой пародъ также всѣ были означены.

Таперъ говорю я графу изволите цену положить, какъ вы намерены ихъ продать, но съ тѣмъ говорю я чтобъ у насъ въ двухъ словахъ торгъ могъ быть конченъ.

Онъ не хотѣлъ было жеребца буланого продавать, сказывая что для приплода намеренъ его оставить, да кобылу первую что въ регистре вимаралъ (называлась Фата, что значитъ на волоскомъ языке дѣла), я то увидѣвъ говорю чтожъ ето значитъ, онъ отвѣчаетъ, что сию кобылу ни за что продавать не намеренъ, потому что подъ нею есть маленькой лошачокъ отъ такова породистаго жеребца, котораго вѣдалъ синъ его съ собою въ паходъ и не знаетъ, что еще съ тѣмъ

жеребцомъ дѣлатца можетъ и придеть лы назадъ или нѣтъ, а отъ него болѣе приплоду не имѣеть, окромѣ только одного сего жеребенка то потому и кабилы той отъдать не можетъ.

Вотъ таперъ говорю я у насъ будутъ новые споры, и когда въ буланого жеребца оставляете, и кабилы сей продать не хотите такъ и торгу у насъ не будетъ и трудимся вотъ почти целой день пустому, и требую я чтобъ конечне и жеребецъ и та кабыла обща съ другими въ продажу пашлы, но нѣтъ графъ къ тому никакъ не соглашаетца, чрезъ что доходитъ у насъ, чтобъ разойтыца, и я всталъ отъ столика протчъ, подошолъ къ окошку стою и думаю, что дѣлатъ не хочетца мнѣ того оставить, ибо жеребецъ такой какова въ добыче ему на другомъ мѣстѣ верно сискать не могу, а кабыла такъ, во всѣмъ его табуне первая и я такой никогда другой не видалъ еще не старая.

Покудова я тамъ у окошкѣ стоялъ и собирался съ мыслями, что дѣлатъ и на чемъ положитьца, то между тѣмъ графиня нѣчто съ графомъ говорила, и потомъ вставши отътуда подьходить ко мнѣ, взяла меня за руку говоритъ, что де вы меня просили, чтобы мнѣ между вами въ торгу съ мужемъ моимъ быть медиаторкою, такъ таперъ я приступыла къ тому, чтобъ вы могли быть довольны и сужу, чтобъ споръ разделить по поламъ, изволите со мною вотъ мужъ мой вамъ скажетъ.

И подошедъ опять туда къ тому столику, гдѣ графъ сидѣлъ, полагалъ противъ каждой штуки свою цену въ томъ числѣ и буланого жеребца тутъ же поставляетъ, а кобылу нѣтъ, подаетъ онъ мнѣ тотъ регистеръ съ тою назначеною отъ себя ценою, въ чемъ и графиня просить чтобъ на томъ оставить, а о ценѣ говоритъ она, какъ сойтыца можете.

Регистеръ тотъ отъ графа я взявши пресмотрѣлъ и вижу, что съ моимъ мнѣніемъ сходно, и какъ бы я самъ сперва цену клалъ, то бы конечне еще съ прибавкою противъ того было положылъ, и взялъ оной регистеръ къ себѣ, спрашиваю нѣтъ ли у него еще и другихъ какихъ тутъ на дворе въ канюшнѣ лошадей, изъ коихъ бы я можетъ быть въ прибавокъ къ симъ выбралъ, на что, отвѣчалъ, что нѣтъ окромѣ цуговыхъ и некоторыхъ припускныхъ жеребцовъ, а кобилы въ небольшомъ числѣ имѣеть въ другой по близости деревны, за коими я просилъ чтобъ послать, что и велѣлъ онъ тотчасъ

слуге ехать и пригнать табунъ на загородни дворъ, но не прежде то можетъ быть какъ на завтра.

Графиня намъ помешала и прекратыла, что совѣмъ торгъ окончить не могли, она говоритъ намъ, что не изволитель оставить на сей часъ сие дѣло, вотъ уже три часа съ полдня какъ вы трудитесь, а обѣдать и давно время прошло, такъ что не окончено можете и потомъ совершить.

Мы оба я и графъ встали и говорю я, что вашъ регистеръ господинъ графъ у меня каторой остаетца на томъ, покуда я вашихъ другихъ лошадей увижу, и какие мнѣ покажутся угодными и назначу сколько таковыхъ будетъ, такъ тогда обо всѣмъ вообще настоящую цену я вамъ по моему мнѣнію объявить буду, но притомъ прошу говорю я о квартире приказать мнѣ отвести, чтобы люди мои туда экипажъ вънести могли, онъ и графиня тотчасъ велѣлы показати въ верхнемъ этажѣ въ покояхъ, куда и людямъ моимъ вънестиоу сказано и почтилионовъ съ лошадмы отпустыть.

Графиня взяла меня за руку говоритъ изволите пайдемъ таперъ къ столу обѣдать, мы пришли въ столовой пакой, гдѣ уже было на столъ поставлено, смотрю я что съ другихъ дверей идутъ три дамы изърядно по тамошнѣму обычаю одѣты и молодые, кои вошедъ здѣлали мнѣ по обыкновенію комплиментъ и приступили къ столу, графиня показиваетъ мнѣ объ нихъ, что то две ее дочери дѣвицы, а третья невестка за ее синомъ капитаномъ что въ паходѣ пашолъ.

Сели мы за столъ обедали, а я какъ возлѣ графини седелъ, то наиболше съ нею разговоръ имѣлъ, а вставши и за стола пашли въ другой пакой, гдѣ намъ поднесли кофе, а потомъ что день очень жарокъ былъ, пашолъ я на верхъ въ отведеную мнѣ квартиру, пакоевъ тамъ было много, но мнѣ показано три, два для меня а третьей на сторонѣ для людей, и мои два были хорошо убраны во всѣмъ принадлежащемъ, и постелы моей ставятъ не дали, а была хазяйская тамъ готовая чисто и хорошо подѣ павилономъ.

Я было немного на канапею заснулъ и потомъ всталъ и сѣлъ, было то уже блиско вечера, пришолъ ко мнѣ тотъ Франчишканъ и графские люди принесли въ карафинчикахъ вина и воды и на талерки яду, говорятъ мнѣ Франчишканъ, что графу и графинѣ будетъ угодно естли я къ нимъ туда прииду, я то здѣлаъ и пашолъ, и пришедъ къ нимъ прошу графа, чтобы мнѣ канюшню свою показатъ.

Мы пашлы, осмотрѣлъ я всѣхъ его лошадей, кои были отъѣнне цуговые лошады хороши и велики, а между прочими стадеветъ жеребцовъ припускныхъ уже несколько въ лѣтахъ, катотакъ были хороши, что я заглѣделся въ нихъ и смотрѣлъ на всяпорознь долго, и ежели бы были помоложе, то бы никакъ съ дву(коихъ я за лучшихъ почиталъ) не растаясь, но графъ сказалъ, у него еще есть несколько молодыхъ жеребчиковъ и мереновъ не лече ходють въ ливаде пасутца, коихъ могу говорить онъ завкакъ и табунъ пригонють, видѣть.

Съ тѣмъ вернулысь назадъ въ пакой туда где графиня съ чермы седела, и тамо и я съ графомъ провели время въ разгарахъ до самаго ужина, а после стола отклонясь я, пашолъ на веъ въ свой пакой и легъ спать.

На завтрешни день вѣсталъ я рано и одѣлся не много полше вчерашнѣго, тутъ принесли мнѣ кофе, а потомъ погода прищадинъ изъ служителей графскихъ объявляетъ что графъ проситьсебѣ, и что изъ деревны уже и табунъ пригнамы, и не угодномнѣ онаго смотрѣть, я тотъ часъ пашолъ вънызъ, нашолъ графавсѣмъ одѣлся и меня дожидаетъ, мы оба пошлы на загородни двутѣхъ тамо лошадей смотрѣть, всѣ кабилицы были хороши, но не тковы какъ тѣ другіе что я прежде видѣлъ, а бракъ изъ того дугаго табуна что онъ пречищалъ и держитъ здесъ при себѣ на врдажъ, между коймы однако были две отъмено хорошия, коихъ я точасъ въ свою покупку и назначилъ, да мереновъ троухъ выбраакаковыхъ мнѣ приказано для верховой езды покупать, а жеребчятролѣтки, коихъ графъ мнѣ тутъ на ливадѣ показоваль, тѣ не билдля меня.

Отътуда вернулысь мы во дворъ и пашли въ пакой и зачалмежду собою торгъ, графиня тотъ часъ къ намъ пришла и села, сашаетъ что между намы происходитъ будетъ, я винувъ тотъ регстеръ, въ коемъ графъ вчерашни день цѣну назначилъ, подаю грачтобъ онъ и симъ двумъ кобылицамъ и тремъ меренамъ что я тперь выбралъ цену также означилъ, онъ взявъ тотъ регистеръ полгааетъ цену обеймъ кобылицамъ на ровнѣ какъ и тѣмъ прежнимъ а мереновъ тоже въ одну съ кобыламы цену что и выходило, жеребець буланой во сто червоныхъ а тѣ другіе три по восмидесяа кобылицы и мерены по сороку по паты что и вышло подыгурза четырехъ жеребцовъ, и за двадцать одну кабылу и за трехъ реновъ всего на всио тысяща триста восемьдесятъ червоныхъ.

Я сталъ говорить графу что то дорого онъ поставляетъ, и чтобы спустилъ цену по ниже, а ктому жестоко приступилъ моимъ требованіемъ чтобы онъ уступилъ и ту кобылу, каторую онъ вчера въ регистре вымаралъ, обещавъ за оную я вдвое противъ протчихъ заплатить денги, напоследокъ давалъ я за нее сто червонныхъ, но никакъ отъдать не хотѣлъ, отгавариваясь непрестано тѣмъ что чрезъ того жеребенка что подъ немъ есть, коего онъ надѣется для приплода выкормить, я водилъ графа сполъ часа о томъ прося непрестано той кобылы, а ктому нарочно говорю что и цену високу жеребцамъ и кобыламъ положилъ, къ чему какъ я приметилъ что графиня стала ему упоминать чтобы онъ сошелся со мною, и графъ какбы уже къ тому склоняется, и дожидаетъ только отъ меня слово, ибо я еще своей цены не говорилъ, графъ спрашиваетъ меня о томъ и говоритъ, чтоже вы мнѣ нычего не говорите какую вы цену полагаете, нечего бы я видѣть могъ сходствуетъ оно съ моимъ положеніемъ.

Мнѣ ужъ не хотѣлось его далъ держать и тѣмъ не подать имъ о себѣ мислей, что я какбы партикулярной какой купецъ пришолъ къ нимъ торговатца много, и хатѣлбы чтобы онъ червонецъ и другой отъ своей цены еще ныже спустилъ, видя и такъ въ томъ его ошибку, а болѣе всего доказать ему хатѣлъ о вчерашнихъ его словахъ какъ онъ сказалъ, что я всѣхъ тѣхъ назначенныхъ его лошадей заплатить не всостояніи, и говорю ему когда вы господинъ графъ о вашихъ лошадяхъ цену мою спрашиваетъ, то вотъ вамъ моя рука, и я плачу вашекъ лошадей такъ какъ вы онымъ цену положили, и звавъ испредъ него тотъ регистеръ лошадины къ себѣ, поклонясь ему и графинѣ и говорю пообождите не много вотъ тотъ часъ я буду и денги вамъ принесу, но съ тѣмъ господинъ графъ говорю я ему чтобы ваши люди тѣхъ лошадей на своихъ лошадяхъ водили, и при нихъ былбы вашъ адинъ табунникъ, покудова я изъ Трансильваніи выеду въ Венгрію до города Дебрецена, а я имъ за трудъ заплачу денги и лошадей ихъ въ дароге кормить буду своимъ фуражемъ; графъ обещался то здѣлать, а я пашолъ на верхъ въ свою квартиру, вынулъ изъ сундука мешокъ съ червонцами, принесъ туда къ нимъ и отчиталъ всю подлежащую суму и отдалъ графу, онъ и графиня принявши денги поблагодарили мнѣ и остались тѣмъ много довольны, но чтобы о вчерашнемъ не оставить не упоминуть, говорю графу осмехнувшись: вотъ господинъ графъ какъ моя императрица платить можетъ, а не такъ какъ вы вчера о томъ сумѣвались, а сверхъ того говорю я графу что еще вашему шталмейстеру и та-

бунчикамъ хачу на пропой подарить двадцать червонныхъ, тутъ ста-
ялъ и тотъ Франчишканъ ксонзъ, какъ оны обыкновенно при дво-
рахъ господскихъ умѣють увертки свои дѣлать и прищучиваютъ и
своемъ интересамъ то онъ виговорилъ, ну етого я незналъ, а тобъ
я на сей день у графа хатѣль штальмейстеромъ быть, я услыша т
говору ему будте вы добри пастыръ, и вотъ вамъ за то я дару
пять червонныхъ, всѣ предстоящие тутъ взглянулысь глазами адм
на другаго о томъ что я здѣлалъ, а я собравши въ мешокъ свои о
талные червонцы, пашолъ опять на верхъ въ свою квартиру, по
жылъ оны въ сундукъ и возвратыся опять къ нимъ.

Засталъ я ихъ въ некоторыхъ между собою размышленныхъ,
какбы нѣчто устидилысь, мнѣ до того не было нужды спрашивать,
а подошолъ къ графинѣ и говорю, что у насъ въ Россіи судариня естъ
обычай, когда дѣло у людей по желанію въ чемъ совершитца, то бѣж-
ваютъ могоричи и веселятца, такъ и таперь здесь въ нашемъ дом
таково здѣлалось и на обе стороны хорошо, то бы не худо когда бы
приказалы подать намъ по чарки водки и тѣмъ напьемъ за здаро-
вые ваше и счастливаго нашего торго.

Она вѣстала и говоритъ мнѣ да ето таперь вы карошо гово-
рите, но давича что вы намъ въ укореные сказалы, можетель погѣ-
рить говорила она что мы не изобретаемъ словъ столько, колики бы мо-
глы вамъ отвѣчать, и вы намъ задачу такую сказалы что поверте
остаетца намъ оное великимъ прискорбыемъ, и вы де кончине какъ
отъ насъ поедете будете вездѣ о томъ говорить, а то было бы намъ
на всегда немалою укоризною, такъ пожалуйста продолжала она буд-
те намъ приятель и обещайте намъ что вы вско то бросите въ заб-
венные, и чтобы не имѣлы мы притчины на васъ въ томъ сожалѣть.

Графъ тоже приступылъ, оправдывая себя, что онъ нысчего дру-
гаго то вчера съ мнѣ сказалъ, какъ единственно истого что бывало
у него прежде такие покупщики, что обещаютъ платить, а потомъ
выходило дѣло на вексель, и втомъ труда много имѣлъ, покудова свои
денги доправить могъ, я ему на то отвѣчалъ что можетъ быть у
васъ съ другими людмы оно такъ и было, яко съ партикулярными
покупщиками, но моя монархиня, каторая меня по сей камысін по-
слала, не приказала мнѣ векселя давать, а платять велѣла готовыми
денгами, что я и здѣлалъ, и вы видѣлы говорю я ему сколько за ушла-
тою вамъ осталось у меня еще въ излишестве, однакъ говорю я ему
поворотыся и къ графинѣ не изволите судариня ныже малѣйше об-

мнѣ вчемъ либо сумнѣватца, а вѣрте что я отъ нинѣ на всегда и на всякомъ мѣстѣ буду истинно вашъ пріятель, и не оставляю вездѣ вашу пріязню которую я въ вашемъ домѣ отъ васъ имѣю хвалыца, зискать случаевъ естли бы толко могло быть таково время чтобъ оказать вамъ мою благодарность.

Сей разговоръ мы кончивши, приказала графиня принесть водки, хлеба, и сирѣ на тарелкахъ, были водкою взаимные здаровый желая счастливо мнѣ препроводить купеныхъ лошадей, а имъ пользоваться полученными денгами, и на томъ дѣло наше кончилось, но потомъ на другой день вышло у насъ не мношко і новое затруднение, какъ я о томъ скоро буду говорить.

Послѣ того просилъ я графа чтобы сихъ купленныхъ мною здѣсь двухъ кабылицъ и трехъ мереновъ приказалъ изъ табуна взять на конюшню, онъ тотъ часъ велѣлъ то здѣлать и лошады поставлены въ особливо мѣсто и для присмотру приставлены ево люде.

Время пришло къ обѣду и сказано что на столѣ поставлено, графиня просить итить кушать, мы собрались всѣ туда въ столовую, гдѣ уже обе графскіе дочери и невестка насъ дожидались, одѣты были весьма хорошо, комплиментовались со мною, и графиня распорядила мѣста гдѣ кому сестъ, меня посадила возлѣ себя, а съ другой стороны въ правой у меня руке велѣла большой дочери своей сестъ, и между прочими: съ графинѣю разговорами сказиваетъ она мнѣ что то возлѣ меня естъ старшая ее дочь, а засватана за полковника графа Форгача и что скоро веселѣ будетъ, я повернулся лицомъ къ новозарученой, поздравляю ее тѣмъ счастьемъ и говорилъ ей по немецки, она на то тѣмже языкомъ отвѣчала свидѣтельству свою благодарность, и потомъ изъ сего была оказія тутъ за столомъ и большъ съ нею завестъ разговоры и познакомыца, и подлинно девица достойная и разумна.

После стола не много въ мѣстѣ могли бавитца, потому что день былъ очень жарокъ, для чего и кофе не подавали а оставили до опосля, я отклонился всѣмъ пашолъ на верхъ въ свой пакой раздѣлся и лежалъ наканапею гдѣ и заснулъ не много, потомъ какъ уже жаръ минулъ и я всталъ, то велѣлъ прислать моего кановала онже былъ и кузнецъ, приказиваю ему чтобъ сихъ новокупленныхъ лошадей подковать хотя на передние ноги, по притчине каменистой дароге чтобы которая естлы такъ некованныхъ водить не захрамала, а желѣ-

зо на зделку патковъ говорю я кановалу, чтобъ онъ отъ графска во дворе управителя потребовалъ.

Тоже было надобно здѣлать на каждую лошадь и попоны холста летние, о чемъ къ исправлению положилъ я на своихъ ратаръ чтобъ оны старались, и нашили бы на селѣ за денги потраченное число аршинъ простаго холста, а какова нибудь партнова что пошить, а покраять оные какъ надобно то я самъ покажу, и на давъ рейтарамъ денги, велѣлъ изныхъ одному итытъ холстъ исе а другой бы остался, ежели за чемъ пазову.

Толко что я то кончилъ смотрю идеть съ дверей ко мнѣ теръ Франчишканъ съ превеликою благодарностью, кланяетца мнѣ з, учинѣное ему отъ меня сего дни по утру петью червоными подарокъ, за что обещаетца о здаровии моемъ на олтаре молитца, я посадылъ возлѣ себя на канапею, и стали коно што говорить, а между прочимъ зачалъ онъ сказивать о графе и графинѣ, о ихъ нравехъ и натуре хвали графиню, какая добрая и разумная бариня и какова она таковы и ее дочери, а что графъ, то ужъ сказивать не надобно, я чаю говорить онъ что вы самы его узналы, какъ и въ тотъ день вашего приезда каковъ онъ предъ вами неучтывъ былъ и тѣмъ васъ грубо встрѣтитъ, на его де не иначе а время такое находить, ему де противно говорить Франчишканъ показалось что вы съ каласкою и съ лошады просто на дворъ заехали, а не оставились за воротами или въ заездномъ доме на селѣ, и не послали съ докладомъ первее спросить въ какое время съ нымъ видѣтца можете, и за то де не велѣлъ никому васъ на крылце встрѣтитъ, а зная что вы едете, будучи уже отъ управителя изъ той деревны гдѣ вы были уведоменъ, однако пакорно прашу говорить Франчишканъ пожалуйста не говорите ему о томъ ничево, и бросите не трудите себя, я ему на то отвѣчалъ что уже о томъ позабулъ (но думаю я въ себе что вотъ пять червоныхъ какъ глаголютъ, и что есть денги).

Мы еще будучи въ разговорахъ, присилаетъ графиня просить меня на кофе, я тотъ часъ одѣлся и пашолъ съ Франчишканомъ въ мѣстѣ туда къ графинѣ въ ее пакой, гдѣ всѣ собрались и меня ожидалы, поднесена была кофе, а на другомъ столыке поставлены разные фрукты, конмы подчевала меня графинина старша дочь, и я ужъ при семъ случае познакомился съ нею еще болше и разговоры имѣлъ.

Потомъ уже подъ заходъ солнца по холоду пашли всѣ въ садъ, — каторой положеніе имѣлъ подъ дворомъ на берегу рѣки Мароша, на

Мѣста веселомъ мѣстѣ, и былъ устроенъ регулярно аллеи и бѣсѣда-
камы, и съ разными цвѣтами и овощными деревьями усаженъ, въ чи-
стѣ коихъ тогда были тѣ прекрасныя черешны съ спѣлыми своими
ягодами, графинины дочери и невестка яко молодыя развились по
саду, черешны рвали что и я имъ, уже познакомившись съ ними,
помогалъ и ветви съ ягодами рукою доставалъ, и менялись кто что
прежде достать успѣлъ, а за тѣмъ пашлы къ столу ужинать, и на
томъ тотъ день прошолъ, а послѣ стола разошлись по своимъ по-
коюмъ.

Я тотже день еще поутру просилъ графа, чтобъ онъ послалъ
нарочнаго съ повелѣніемъ къ своему управителю въ ту дальнюю де-
ревню, чтобъ тамо всѣхъ тѣхъ мною купленыхъ кобылицъ взять
изъ табуна на конюшню и содержать до моего туда приезда, и бы-
ли бы люди конъ водить будутъ готовы, графъ то здѣлалъ, и таково
повелѣніе туда послалъ.

Поутру рано я всталъ и зачалъ дѣлать свое къ отъезду при-
готовленіе и намеренъ былъ завтра советъ выехать, тотже день
были мы до обѣда по прежидѣму все въ мѣстѣ, хадымъ я съ гра-
фомъ на конюшню глѣдели ево лошадей также и моихъ купленыхъ,
коихъ чтобъ водить состоялы уже и люди въ готовности, и съ тѣмъ
прошло время до полъденъ, обедали все въ мѣстѣ и потомъ что въ
день очень было жарко, то разошлись по своимъ покоямъ отдыхать.

Я пришедъ въ свою квартиру раздѣлся и сидѣлъ въ одномъ
только лѣтнѣмъ халатѣ у окошка на приятномъ томъ и съ тѣни отъ
сада и отъ реки воздухе, никою болѣе при мнѣ не случилось о кро-
мѣ что я одинъ остался, слышу я что чрезъ первой прихожей мой
какой нѣкто идетъ и по походке примечаю какбы женской ходъ, и
оглянувшись туда къ дверямъ алъ идетъ графиня старша дочь сама
одна ко мнѣ, я какъ ее увидѣлъ въскочилъ отъ окошка къ ней на
встрѣчу взялъ ее за руку, екскузуюсь предъ нею что меня такъ раз-
лѣтно застала, она на то отвѣчаетъ что нѣтъ ничего ви де яко ха-
лать въ своей квартире можете быть на своей волѣ, просилъ я ее,
чтобъ пожаловала сестъ, она на канапѣи и я возле ее, смотрю что
то еще далъ будетъ, а не знаю что прихоть такой госты значить.

Она какъ дѣвица разумная и ужъ несколько со мною тѣмы дня-
ми ознакомилась, то и говоритъ духомъ веселимъ, упоминая какъ
хорошо здѣсь въ верхнѣмъ этажѣ лѣтнимъ временемъ жить на от-
крытомъ воздухѣ, и лучше нежели въ нижнѣмъ, и еще далъ кое о

чемъ зашла въ разговоръ, не много погодя слышу я что опять кто идетъ и также по походке примечаю надобно. быть женщина и не одна а две, такъ оно и было что две дѣвки вошли къ намъ и носятъ на подносахъ кофейникъ и чашки, а на другомъ фрукты поставили оны то на столикъ и придвинули къ намъ поближе.

Молодая графиня стала сама наливать кофе, подаетъ одну чашку мнѣ а другую себе взяла, после того тѣ дѣвки собравши кофейникъ и чашки отнесли прочь, а мы двое опять сами остаемся нашъ разговоръ продолжался съ четверть часа, такъ о кое о чемъ мало важномъ, я ужъ и думалъ что то только и значило что кофе к мнѣ принесли, однакъ что сия молодая гостя пришла и сама еще одна о томъ понять я не могъ, напоследокъ зачала она говорить изыскивая первее чтобы я не погнѣвался о томъ, что она сказать хочетъ і пришла меня просить, и требуетъ моего на то согласія я ей отвѣчаю что сохотою моею всию готовъ для васъ сударини дѣлать, что только въ моей возможности состоятъ будетъ, она опять говоритъ что нѣтъ, а обещайте наперіодъ что неоткажете, и тогда я вамъ объявлю мое прошение,

Я сталъ смѣяться держу ее руку и говорю вы конечно сударини изволите нѣчто шутѣть, а ежели есть какое дѣло то скажите лучше и чтобы оно могло быть такое о чемъ вы сумнѣваетесь, чтобы я для васъ не дѣлалъ, и повторяю ей мои слова что съ великимъ моимъ удовольствіемъ готовъ исполнить приказаніи ваши, тутъ она не много покраснѣла и зачала мнѣ говорить, что де вы уже слышали что я заручена за полковника графа Форгача, и положено условіе что сего мѣста и веселѣ будетъ, и на то уже родители мои приуготовлены и весь подлежащій экипажъ, я же уведомылась сего дня отъ нашего штальмейстера, что изъ числа тѣхъ назначенныхъ къ моему веселью цуговыхъ лошадей, одну самую лучшую наручную молодую лошадь съ прочими купленными отъ батюшки моего купили называютъ «Муро», такъ о томъ прошу я васъ говорила она, чтобы ту лошадь уступить мнѣ, яко женихъ мой, будучи здесь говоритъ молодая графиня, ту лошадь видѣлъ и сказалъ мнѣ что онъ ее хочетъ себѣ для верховую ездѣ обратитъ и дать выучить, а вы повторяете она можете въ место оной отъ батюшки моего другую какая вамъ будетъ угодно себѣ взять, и то сказавъ повторяла еще свою прозбу, чтобы я дѣлалъ на то свое согласіе.

Сия нѣжная просьба тронула меня некоторою чувствительностью и какбы было не можно дѣлать ей въ томъ удовольствіе, говорю :

онъ что единственно судариня изъ моего къ вамъ почтения соглашаюсь исполнить ваше требование и ту лошадь я вамъ оставляю, обвиняя при томъ графа отца ее, что онъ мнѣ о томъ ничего. при нашемъ торгу не сказалъ, она на то отвѣчаетъ что де онъ яко чело-вѣкъ старой можетъ быть что не вспомнилъ, (и сказиваетъ что отецъ ее о томъ не знаетъ что она пришла меня просить, упоминая чтобъ я самъ отъ себя стороною ему о томъ сказалъ и требовалбы на место оной другую лошадь, я всио то обещалъ въ угодность ее такъ дѣлать).

Моя молодая гостя по такову отъ меня обещанью была много довольна, винувъ изъ кармана вязаной съ шелкомъ и золотомъ на денги кошелекъ подаетъ мнѣ, и говорить примите отъ меня сей маленькой подарочекъ, отъ моего собственаго рукодѣла, въ знакъ моей къ вамъ великой благодарности, съ тѣмъ желаньемъ чтобы вы нося его при себѣ меня въспомнили, и принесбы оной вамъ на всякомъ мѣстѣ желаемое благополучіе и доброе здаровье, съ тѣмъ она встала и пошла, при моемъ препровожденіи до лѣстницы, вѣннызъ въ своей каюкѣ.

Я вернувшись сталъ одѣватца и приказываю слугѣ своему чтобъ шелъ внизъ позвать коновала, коноваль пришолъ и стоитъ дожидатца моего приказанія, а я думаю что съ графомъ дѣлать, и какую лошадь отъ него на место той требовать, показалось мнѣ что у него нѣтъ другой такой лошады, которая бы стоила той что я на прозбу молодой графинѣ оставляю, и спрашиваю коновала что не знаетъ онъ въ графской канюшинѣ или между молодыми на ливаде еще какую хорошую лошадь, чтобъ былъ меринъ молодой и не ученой способны въ верховой ездѣ, и что я такову хатѣлбы въ прибавокъ къ прочимъ еще одну купить.

Коноваль отвѣчаетъ что де я вчерасъ къ вечеру прохаживалъ дорогою туда мимо лываду, гдѣ графскіе молодые лошады ходятъ, и шлѣлъ чрезъ заборъ одну новую тамо лошадь шерстыю голубая, ка-торой тогда какъ мы выбирали ее не было, а лошадь прекрасная, и видно говоритъ коноваль что та лошадь на то время была сирятана или вьновъ отькуда приведена и туда выпущена, а лошадь отьменъ-ная и чутлы не лучше тѣхъ мереновъ что вы купили.

Сие я услышавъ велѣлъ спросить что графъ дѣлаетъ и у себя ли въ своей половинѣ, слуга мой пашолъ справитца и идетъ скоро назадъ сказывааетъ что графъ спитъ, таковъ случай бытъ мнѣ удо-

Будь, вы что скажете, онъ задумался молчить, а молодая графиня
идалась что тотъ мой запросъ о ее лошады и деть, стала осмехи-
да и шептеть невестки своей на ухо, графъ приметиль и гово-
ръ къ ней ти де что выбудъ да смудрила и неиначе а такъ есть.

Она отъгавариваетця что нѣтъ и не знаетъ, потомъ графъ спра-
шаетъ меня чтобы то таково было, я ему отвечаю чтобы онъ самъ
адивался ибо его вина въ томъ есть, онъ опять промолчалъ, (а
лодая графиня видно никому о томъ не сказывала что съ прозбою
у меня была, для того что и мать ее молчить или такъ при-
рилась будто не знаетъ о чемъ я речь веду).

Потомъ говорю я графу смотрите, вы чтобы вашъ новой зять
фъ Форгачъ съ вами въ какой процессъ не вашолъ, ибо вы нѣчто
принадлежащее продали и я у васъ купиль, и то оное есть
въ я давича вамъ сказаъ, что изъ тѣхъ мною у васъ купленныхъ
лодей адна говорить и не хочетъ итыть со мною въ дарогу, тутъ
онъ въспомнилъ о лошады проданой называемой Муро, и гово-
ритъ, вить я угадаъ, смотря на дочь свою, что ты то смудрила, я де
буду отдамъ въ цугъ тебе другую, она на то отвѣчаетъ нѣтъ
ишка, мнѣ де господинъ маиоръ сию лошадь обещалъ оставить
она таперъ моя, а вы какъ хатите раздѣлитесь между собою.

Графъ проситъ меня чтобы оставить до утра, обещаетъ мнѣ на
то, той дать другую молодую на виборъ лошадь, на томъ я и
твиль въ томъ разуме что конечно ту голубую я достану, и ве-
ръ какъ настигла пашлы къ столу ужинать, и потомъ разошлись
какимъ пакоямъ, и я легъ спать, но того я не догадался чтобы
старой графъ хатѣлъ хитрость сыграть, онъ могъ знать, что
ищу протчимъ его молодимъ лошадмы нѣтъ другой такой каторую
я взялъ, а конечно какъ увижу ту голубую, то захочу оную
въ, и считая какъ ее прежде тамъ на ливаде не было, что я и
знаю объ ней, для чего и ведѣлъ чтобы ночью ту лошадь изъ ли-
ды възять и отвезть въ сторону.

Поутру рано я вѣсталъ и будучи со всѣмъ съготовылся къ
езду, а толко о сей лошады была адна остановка, и думаю ско-
ро възять и подковать и потомъ выехать. хотя до первой почты
ночь.

Мнѣ сказано что графъ и графиня уже повставали и одѣлись,
ишолъ къ нимъ гдѣ и кофи намъ подали, сказываю я графу о

томъ что ехать хочу, и чтобы поскорѣе мнѣ отъ него лошадей получить, онъ на то согласился пашолъ со мною на ливаду.

Смотрю я нѣтъ голубой лошады, а графъ говоритъ чтобъ я выbralъ какая мнѣ покажетца и что онъ велитъ ее словить и привест. на конюшню.

Я ему отвѣчаю что здѣсь нѣтъ всѣхъ его лошадей и что изъ между сихъ не могу я ни одной себѣ выбрать, онъ зачалъ меня уверять что точно всѣ тѣ здѣсь которыхъ я прежде видѣлъ, однакъ говорю я ему хотя вы въ томъ правду и говорите господинъ графъ, что всѣ тѣ лошады здѣсь коихъ я прежде видѣлъ, но той одной голубой здѣсь нѣтъ, которую я вчерась видѣлъ, и ту самую прошу я у васъ чтобъ мнѣ ее отъдать.

Онъ зачалъ меня опять уверять о томъ будто у него такой голубой лошады нѣтъ, и что тутъ ее не было и онъ не знаетъ, мнѣ сіи слова досадни стали почитая за обманъ, говорю ему вы бы лучше ее еще сперва не пряталы а сказали толко что не на продажъ, почему бы конечно силою не могла быть взята и осталасьбы вамъ, а какъ вы того не здѣлалы, а потомъ я ее здѣсь видѣлъ, то и нахожу право у васъ оную требовать, а ежели не хотите ее показать говорю я ему, то чтожь по пустому здѣсь на жару стоять не лучше ли пайдемъ назадъ въ пакой и тамъ будемъ говорить, а изъ сихъ лошадей что здѣсь не возму я ни одной, а вы какъ изволите, и стѣнь вернулысь назадъ.

Пришлы мы въ пакой къ графинѣ жалуюсь я ей, что аделано и лошадей съпрятано и полагаюсь на ее правосудіе, она съ графомъ говорить стала, а я хажу по горнице, досадно еще и то что въ отъездѣ здѣлалась мнѣ остановка.

Графъ оборотясь ко мнѣ и говоритъ, что де въ удовольствіе ваше отъдаю вамъ одного изъ конюшны молодого трехъ лѣтъ жеребчика, и чтобъ я тѣмъ остался спокоенъ, однакъ и на то я согласенъ, а не хотѣлъ, а требую ту голубую лошадей кою я вчерась на ливадѣ видѣлъ.

Изъ сего шутки на сторону а доходить у насъ до переговоровъ, онъ уже возвращаетъ мнѣ денги взятые за ту лошадей что я оставляю, я и то взять не хотѣлъ и говорю что прежде соглашусь выехать и безъ лошады нежелъ чтобъ денги назадъ взять.

Доходитъ время часть первой съ полдня и пора ужь обѣдать, а у насъ дело еще не кончено и вижу что тотъ день и выехать будетъ поздно, и жаръ большой настагаетъ.

Мена просятъ къ столу обѣдать, я и на то не согласился прежде кокудова лошадь не достану или отъказъ что нѣтъ, и стѣмъ поезду.

Напоследокъ уже графиня вошла въ нашъ процессъ и стала явно графа мужа своего тѣмъ устиживать и требуетъ уже она чтобы кончане лошадь отъдалъ, на что признался графъ что спрятана та лошадь была и прежде и таперъ единственно для того, что къ сину своему подъ верховую ездю въ армию хатѣль отправить.

И ужь какъ нельзя ему было иначе перевернуть, то и велѣлъ привести лошадь тутъ подъ окошка и приказалъ отъдать моимъ людямъ (звали ее Понграцъ), а ту обещанную мною молодой графинѣ възять обратно, и съ тѣмъ нашъ процессъ кончился, я приказалъ ту лошадь подковать и быть совсѣмъ къ отъезду готовымъ, а графа просилъ чтобы далъ мнѣ о всѣхъ покупныхъ лошадяхъ аттестатъ.

Селы потомъ обѣдать и вѣставши отъ стола просить старая графиня тутже и молодые пособялы, чтобы еще тотъ день у нихъ остатца, а по утру оставляютъ на мою волю я на то не хотѣлъ имъ отказать остался, а болѣе для того что день очень жарокъ былъ и первой маршъ былбы лошадямъ труденъ, и положылъ чтобы по утру прежде выхода солнечного выехать.

Мы тотъ уже послѣднй день провели время въ разговорахъ холмы подъ вечеръ по саду, и пришло время къ ужину, были за столомъ всѣ вмѣстѣ, и вѣставши отъ стола отъклонился всѣмъ, сказываю что рано хачу выехать и чтобы ихъ не трудить намеренъ говорю я таперъ съ вами проститца, однакъ того не дозволяли, а хотѣть я по утру еще со мною видѣтца, съ тѣмъ пашолъ я на верхъ, приказываю своимъ людямъ чтобы рано вѣстать и били бы и почтовые лошады на дворе готовы, и потомъ я легъ спать.

Поутру рано на зорѣ я вѣсталъ и велѣлъ вѣкладатца, и лошадей изъ конюшны выводить, а графъ и графиня съ дочермы и съ невесткою выдно что еще съ вечера приказалы разбудить себя также рано, дабы со мною при выездѣ видѣтца могли, для чего и пришли всѣ ко мнѣ на верхъ въ мой пакой и велѣлы за собою и кофе принесть, потомъ простилысь всѣ со мною по приятелски, отъклонясь

я имъ съ моею благодарностью, за ихъ угощенье, селъ на почту и выехалъ со всѣми своими въ дарогу.

Тотъ первой день не далѣе я маршъ свой здѣлалъ какъ только до первой почты, чтобы на жару лошадей моихъ не утрудить и тамъ предневалъ; нанялъ тамъ нарочную подводку на коей отъправилъ адного моего рейтара съ коноваломъ въ периодъ въ ту далнюю графскую деревню, давъ имъ и посланой отъ графа къ своему управителю приказъ, коимъ повелѣвается чтобы меня отъездъ порядочно въ дарогу випроводить, и людей для вождения лошадей далъ, при чемъ приказалъ я рейтару и даю ему денги, чтобы онъ поспешилъ до моего туда приезда искупить на деревни холсты и подѣлать на всѣ тамо купленіе мною кобылицы лѣтние попоны такіе каковы и здѣсь сделаны, а коноваль также поспешилъбы тамо своею тѣхъ кобылицъ подковкою.

Отъ сего ночлега до той графской деревни, яко оная лежитъ съ почтовой большой дароге въ сторонѣ, то для того чтобы мнѣ не могло быть въ изысканіи подъ себя подводъ остановивъ, нанялъ я здешняго почтъмейстера лошадей съ каляскою до самой той деревни, а по утру рано вѣставши поехалъ, и тотъ день также не великъ маршъ здѣлалъ; и такимъ образомъ еще и другіе преходы здѣлалъ, и прибылъ въ ту графскую деревню гдѣ засталъ все исполнено что я приказалъ, и люде отъ управителя къ вождению лошадей уже были готовы, а также и подводы подъ меня до большой почтовой дароги управитель заготовилъ, почему и не было уже болѣе надобности мнѣ тамъ бавитца, приказалъ тотже день чтобы все моему отъездъ выезду было готово, а по утру рано выступилъ въ дарогу и отошедъ две мыли остановился въ одной деревнѣ и тамъ предневалъ, и такими не большими преходами ехалъ я весьма трудную дароگوю каменистыми горами и лѣсами, покуда выбрался на большую почтовую дарогу и по оной уже было получше ехать чрезъ Трансилванію до выезда той земли на границу, и далъ въ Венгрію до города Дебрецена, тамо отпустилъ я графскихъ людей что лошадей водили, а другихъ нанялъ даже до Тока.

Въ сей городъ я приехавши нашолъ свою супругу и нашего маленькова сына здаровыхъ, и зачалъ готовить къ виступленію въ свою дарогу, получилъ здѣсь превеление мнѣ изъ Виены, на проволоствие въ пути лошадей и на наемъ людей въ прибавокъ къ прежде полученымъ мною денгамъ, еще пятьсотъ червонныхъ и при-

аль ранортъ въ Виену къ нашему полномочному послу какъ о полученіи тѣхъ денегъ, такъ и о томъ что я въ скоросты съ купленными ошадны изъ Токая отправитца имѣю.

То что зачали непрестанные дожди падать, то было мнѣ великое затруднение покудова наполь для препровождения моихъ купенныхъ лошадей надежныхъ людей, кои согласились и уговорили о мною ехать въ Россію, чрезъ что а также покудова вѣновь всѣхъ лошадей прековали и исправилъ всѣмъ потребнымъ, то потому и абавился я въ Такае дней десеть.

Дарога моя изъ Такая продолжалась чрезъ Венгрію къ Полской раньще весма великою трудностью, и не было ни адного дня чтобы бждъ и ночь и день не шолъ, и тѣмъ здѣлалась превеликая грязь наводнение по всѣмъ мѣстамъ и на малыхъ переправахъ и на юстахъ что на всякъ часъ остановки были, и такъ доехалъ до местечка Ухеля, тамъ предневалъ чтобы людямъ и на себе просушить дежу, а также и лошадямъ немного отпочинуть.

Изъ местечка Ухеля поднялся я въ свою путь и показалось несколько нибы воздухъ сталъ чиститца и сонце пригрѣло, что и поало надежду къ лучшей нашей дароге, для чего положился я ехать абы ускорить чрезъ горы пребратца и доехать къ Полской границѣ, но сие время послужило толко дни на два, а тамъ опять начали дожди падать и здѣлалась дарога гаразда хуже прежняго, да отьтуда зачинаютца уже самыя трудности, что подниматца на высоти, и опять спускатца въ низъ въ тѣ пропасти, лѣсами и сканы местамы, чрезъ кои конечно ехать надобно, и тако вошелъ въ горы и стены каменные, по коимъ хотя жилищи и есть и селенія не далече одно отъ другаго, но всѣ въ превеликой бедности, акой что ни хлеба людямъ ни фуража лошадямъ достать не можно на иныхъ ночлегахъ и вовсь ничего не досталы, а притчина болше въ то, что отъ великихъ дождей посмывала вода съ горъ у жителей не токмо кошеное новое сено гдѣ что было и травы, но и хлебъ съ нывъ поносило и съ грязью смешало, что ниже чего целого не осталось, люди тамошние и въ добрые года живутъ бедно и хлеба едва съ нуждою продоволствовать себя могутъ, а тогда и во-всь ничего не имѣлы, и жили толко аднимъ отъ скота малокомъ и сиромъ и то ежели кто имѣлъ.

Въ тѣхъ горахъ рѣкъ никакихъ нѣтъ окроме толко частые ручьи отъ самородныхъ въ горахъ источниковъ кои съльваютца адынь

иначе какъ бы рѣка съверху на насъ лыетца и облака густые и тѣны прикрыли всѣ горы такъ, что почты какъ ночь темно стало, ехавши поμεσαу горъ и лѣсовъ на одну продолговатую поляну, имѣла некоторые въ сторону завороты, по коимъ и настоящій той воды состоялъ, однако вся та поляна покрыта водою была ничево сухова не видно, проводники обнадеживаютъ, что то место ровное и что опасности нѣтъ, и скоро уже поспѣемъ къ ускому месту, что на гору подыматца будемъ.

Хотя вода у нашихъ лошадей, индѣ по брюхо, андѣ и по глѣба, однако всю еще ехали, но только то адно, что вода великимъ шумениемъ текла и такимъ съ горъ шумомъ, что почты не слыгъ адынъ другаго, что говоримъ. а къ тому еще и дождь болше токости своей прибавляетъ, проводники говорятъ, что на той да-е былъ овесъ посѣянъ, что таперъ рѣка течетъ, оны угадывали угу по той водѣ по приметамъ каменныя и деревъ стоящихъ, куда ась водилы, и сказываютъ, что преехавъ ту поляну, надобно бу-ь подыматца ускимъ местомъ на гору и тамъ уже всѣ опасности гутца и дарога пойдетъ висотамы, гдѣ болѣе воды нѣтъ.

Такою нуждою и съ страхомъ отъехали мы еще несколько въпе-дѣ и ужъ чрезъ густоту дождя видно было тотъ уской между амы проходъ, о коемъ проводники говорили, что тамо дарога на у лежитъ, гдѣ уже и та далина въ горы концемъ своимъ дохо-тъ, и осталосъ было всего разстояниемъ отъ того, что на гору та саженьи на дватцать, проводники на своихъ лошадяхъ напереды гъ, а я на лошады же за ними, а за мною моя карета, а тамъ ады оной ехали повоски две, и купленные мои лошады шли, какъ въдругъ слышимъ мы преужасной и страшной шумъ и стукъ, ова еще векъ свой ни гдѣ я не слышилъ и представилосъ мнѣ, иначе, а какъ бы гора и каменныя съверху къ намъ валытца, и нмъ къ намъ навстречу съ горъ прибавленные воды жесточайшимъ шумениемъ вѣтолшки человекъ, какъ стена черная съ грязью сме-на ударила на насъ.

Проводники мои куда подѣлысь я ужъ не знаю, ибо меня какъ сильная вода поверхъ головы придавила и съшибла съ лошады, чего порнулъ вънизъ и заглушило меня такъ, что я о себѣ ни-о не зналъ, съчастые толко для моего спасения жизни осталосъ то, что удержалъ я (и самъ не знаю какъ) поводъ въ руке отъ ады, и тѣмъ нособыло, какъ лошадь поплила, что и меня наверхъ амы вынесло, и тѣмъ немного духъ въ себѣ прибавилъ и успѣл.

възять другою рукою лошадь за гриву, на тотъ же несчастный часъ потопило и карету мою совсѣмъ и съ лошадями.

Я даѣе ничево не знаю, что съ проводниками здѣлалось, только немного еще видѣть могъ, что любезная моя супруга обрлась была чрезъ дѣры изъ кареты ко мнѣ простертыми руками, то еще тутъ же блиско было и ни бы прощаетца со мною и о жаеть въ такую горкую дарогу, каторая насъ уже на вѣки разлеть, лошады съ каретою по водѣ поплилы опрометомъ и стало лая и такъ скоро унесло тѣмы заворотами вѣнызь, что я болѣе ни не знаю.

Таковъ великій и смертоносный страхъ меня обнялъ и зал водою, что едва только себя чувствую, и пустылъ лошады своей вчтобъ плыла куда она хочетъ, и такъ понесла вода и меня и ло самъ не знаю куда и въ какую сторону, платѣжь на меня налы воды и тѣмъ болѣе тянеть на дно, едва только, что душа во есть, и если бы плащъ съ меня вода не сорвала, каторимъ я (обвернулся и счастиемъ не былъ около шеи застегнуть, то бы (налившись води, конечно меня задавилъ, и такъ съ лошадыо вучи нанесло меня къ одному маленькому отъ вербъ стоящему кусту отъ коего только что верхи видни были, я прихватился адною ру за стремящие вѣверхъ отъ онаго розги, а въ другой руке держи отъ лошады повода и досталъ своимы ногами немного до земли, однакъ такъ еще глибоко, что только голова у меня изъ воды вытутъ несколько пришлоъ въ чувство и духъ въ себе прибавилъ, шадъ же моя, что не можетъ ногами земли достать, то она бевертитца и пливеть около меня, каторую я крепко за повода держи и вижу чрезъ густоту дожда, въ правой отъ себя руке недале что гора и лѣсъ по ней чернѣеть, я сталъ еще вѣокрыгъ себя о диватца не увижулы еще каво изъ своихъ такъ несчастнаго, и что и я на конце жизни стаю, однакъ ничево болѣе, какъ только моему ужасному предмету увидѣлъ въ сторонѣ недалече моихъ карети цуговыхъ лошадей всѣ шесть уже безъ карети, на той нятый водою поляне объмотоламысь отъ шоръ посторонкамы о адного стоящаго тамо дерева, и такъ упутанные на водѣ быють: на томъ дереве показалось мнѣ ни бы между ветвами и человекомъ, таковъ ударъ я видѣвши, вострепетала отъ жалосты душа мнѣ и сердце мое окаменѣло, что ниже, какова помишленія уже память мнѣ не приходило, и только что еще живъ.

На томъ мѣстѣ я держась за тотъ кустикъ не могъ долго (

лѣтъ, а всего то было разве минутъ несколько, потому что вода прибавилась и доходить уже, что въ уста заливаетъ и ноги подо мною подышибать стало, а лошадь моя, на кою вся моя къ спасенію и надежда, я ее держалъ крепко одною рукою за поводъ, которая также, что ее вода много залила, стала ослабевать и вывалилась бокомъ на водѣ, тутъ я весь со страху уже оцепенѣлъ, хватился скорѣе обеими руками лошади за хвостъ, а поводъ пустылъ, она бедная еще слыу свою понудила и поплила и меня за собою потаскала; вода и лошадь и меня пришибла къ горѣ къ стѣнѣ каменной, съ коей нагнулись ветвы отъ деревъ на воду, тамъ достала моя лошадь и я землю ногамы, я поскорѣе ухватился руками за тѣ отъ деревъ висящія ветвы, а лошадь пустылъ, но что всио сънизу отъ воды камень гладкой и еще вѣрхъ вытѣзывать повисоко, то мучился я тамъ съ четверть часа, покудава помочію тѣхъ ветвъ наверхъ камня выползати могъ, а лошадь моя хатѣла сама туда жъ за мною, и скочила передними ногами о камень, но что не могла ни мало прихватитца и скознула назадъ и обвалившись въ воду, то и понесло ее далѣ.

Лежалъ я на томъ камнѣ съ часъ мѣста, мнѣ стало худо, надуло у меня грудь, и въ желудке чежело, одрыгать стало пополенъ ротъ, то и съ грязью смешеною водою, я обезсилѣлъ до крайности, меня голова заболѣла и дрожь взяла, въздумалъ я лѣчь на камнѣ по за деревомъ на брюхе сторчъ головою, да бы тѣмъ подати помочъ натуре, (и то пособыло много, что вода вытекать стала), и доходить до того, что уже дышать не могу, и какъ сие я здѣлалъ и приметилъ, что вода по немного изъ меня выходить стала, то еще пособылъ я самъ къ тому, что палецъ въ горло себы воткнулъ и тѣмъ побудылъ натуру отчего стало меня рвать, и выкинулъ бутылки съ две вады изъ себя, и тѣмъ немного грудь у меня попустылась и дыхание мнѣ отворилось.

Пришло тутъ ужъ мнѣ на память та пребезъмерная жалость о супруге моей и о детяхъ, ибо у меня тогда еще и дочь маленькая трехъ лѣтъ тамъ въ каретѣ съ синомъ была, помыслилъ какую горкую чашу оны всѣ понесли, и могъ лехко разсудить, что ихъ на свѣтъ уже живыхъ нѣтъ, когда доказываетъ то, что уже я видѣлъ топящихся безъ кареты лошадей въ водѣ, и то думкамы представлялъ себѣ залившись слезамы лежалъ ныцъ на томъ камнѣ, воображая только о той несчастной ихъ кончинѣ.

На мнѣ всио мое платье адна вода, а къ тому прибавляетца еще болшъ отъ дождя мокроты, и на голове, что опущеную круглую

шляпу имѣлъ, та еще съ зачала пропала, и тако будучи такою мокротою обнять дрожала душа во мнѣ и не зналъ, что дѣлать и куда повернутца, никою не выжу и никакова крику отъ великова шуму водяного не слышу, напоследокъ вздумалъ подниматца повыше въ гору, не увижулы отътудова каво нибудь, и тако прихвативая руки за деревья койо какъ вигребся на несколько сажень въ гору, и попалъ на одну стезю оброслую травю.

Пашолъ я тою стезю, но она мнѣ помочи не могла дать, ибо она шла такимъ косогоромъ, что на многихъ местахъ, гдѣ есть по-между каменными земля, то та отъ дождевой воды отъмокла и подь ногами моймы отъвалыватца стала, отъ чего я раза два было осунулся вънизъ и мало стремъголовъ въ воду опять не полетѣлъ.

Въ такой моей тогда горесты крайнѣ истощалъ и обезсилялъ, а тѣмъ еще болше, какъ на мысли станеть мнѣ представлятца любезная моя супруга и дѣты, какую несчастною смертию жизнь свою кончили, и что оны таперъ, гдѣ нибудь подь тою мутною водою гробъ свой имѣютъ, то помисливши о томъ, не позволяла мнѣ жалость моя ни шага далѣ вступитъ, и не иначе животъ и сердце во мнѣ замертвеетъ и съвернетъ меня дугою, повалылся на землю по за деревомъ лежалъ безъ чувства минутъ несколько.

Мучился я въ такомъ пребеднѣйшемъ и горестномъ состояніи часовъ болѣе трохъ и зачалъ еще несколько далѣ въ гору ползатъ и дошолъ съ великою трудностью еще несколько въверхъ, тамъ уже такъ ослабѣлъ, что у меня стали глаза мутытца и потемнѣло, что я не могъ ничего видѣть, а всио жолтое и красное представлятца предъ глазами, а на сердце и на животъ чувствую боль чрезвычайную, и я сталъ думать, что ужъ и смерть моя тутъ будетъ, но о бедная тварь! человекъ чего онъ снести не можетъ и чему лы неподверженъ, я повалылся за кореньемъ адного дуба лежалъ тамо несколько минутъ, покудова мнѣ немного глаза отъворились и видѣть могъ.

Пошолъ я опять далѣ въ гору ползатъ и весь обьмазался грязью, что ничего чистаго на мнѣ не осталось, нашолъ тамо другую стезю, коею люде пешие ходятъ и была получша первой, однако всио косогоромъ и съ опасностью ходить было можно, я тою стезю пошелъ за каменными и по за деревьями пошолъ нибы то назадъ въ ту сторону отъколъ мы приехали, и подынялся такъ високо въ гору что ужъ та несчастливая вода показалась мнѣ гаразда ниско, а та стезя за повела меня какбы воокругъ того несчастнаго места и той пол-

ны далѣ назадъ, коею ужь положился я слѣдовать куда бы то она нывшила, лышбы въ какое нибудь селеніе попалъ еще до вечера.

И тако идучи по маленку слышу весьма мало вѣннызу голосъ адного челоуѣка, я оставовился и дослушался еще разъ и другой что кричить, то ужь мнѣ и былъ знакъ что надобно быть каму нибудь изъ моихъ людей, я повернулъ съ той стезы въ сторону и сталъ съ камня на камень спускатца вѣннызъ и по ближе къ тому что слышу голосу, и какъ большъ половины вѣннызъ уже спустился и водяной шумъ опять мнѣ уши наполнилъ, то того челоуѣка голосъ не могъ болѣе слышитъ, однакъ я то не оставылъ чтобъ туда не дойти и зачалъ далѣ съпускатца уже наприметъ къ тому месту отъкуда тотъ голосъ мнѣ слышенъ былъ, и пришедъ вѣннызъ къ водѣ гдѣ не много плоское по край водѣ место было, пробравшись чрезъ лѣсъ туда, вижу прегоркую свою жалость карета моя лежитъ бокомъ между каменьями вся изламана въ дребески и кучеръ мой возлѣ оной сидитъ на камню.

Челоуѣкъ сей былъ Малоросіянынъ и служилъ у меня еще прежде годъ адынъ, и я его тогда съ собою взялъ какъ съ поселеныя по Черногорской камыси въ Цесарию поехалъ.

Онъ какъ меня увидѣлъ всталъ и нѣчто кричить, быетца рукою въ груди указывая вѣннызъ по водѣ рукою, я тоже къ нему кричу и спрашиваю, хотъ между нами не болѣе трехъ или четырехъ саженьи разстояніе было, но ны онъ меня ны я его отъ великаго шуму водяного чрезъ каменья текущаго что говоримъ слышитъ не можемъ, а примечаю что плачетъ и показиваетъ опять вѣннызъ по водѣ рукою, изъ чего я разумѣлъ что мою супругу съ детмы и совѣсьмы вода затопыла и съ собою понесла.

Я тутъ повалился на землю оплакивалъ свою несчастливую судьбу, залысы слезамы лежалъ несколько ницъ на томъ мѣстѣ и потомъ повернувъ голову къ той несчастной каретѣ, вижу кучера моего что онъ по прежнему всио нѣчто ко мнѣ кричить и указиваетъ непрестано руками вѣннызъ за водою и на карету повторяя разовъ несколько, я то сочелъ за всио адно что и прежде я разумѣлъ что потонулы и пошлы за водою, но какъ онъ опять въ карету указивалъ и машетъ на меня рукою показивая знакъ чтобъ я туда погледѣлъ, тогда я всталъ съ земли падошолъ туда поближе и не много въ воду вѣступылъ посмотрѣлъ насколѣ въ карету, о чудо вижу мою маленкую дочь жива и держитъ ее дѣвка на рукахъ въ водѣ обое

224

.. 2 1

• **1997** – **1998** – **1999** – **2000** – **2001** – **2002** – **2003** – **2004** – **2005** – **2006** – **2007** – **2008** – **2009** – **2010** – **2011** – **2012** – **2013** – **2014** – **2015** – **2016** – **2017** – **2018** – **2019** – **2020** – **2021** – **2022** – **2023** – **2024** – **2025** – **2026** – **2027** – **2028** – **2029** – **2030** – **2031** – **2032** – **2033** – **2034** – **2035** – **2036** – **2037** – **2038** – **2039** – **2040** – **2041** – **2042** – **2043** – **2044** – **2045** – **2046** – **2047** – **2048** – **2049** – **2050** – **2051** – **2052** – **2053** – **2054** – **2055** – **2056** – **2057** – **2058** – **2059** – **2060** – **2061** – **2062** – **2063** – **2064** – **2065** – **2066** – **2067** – **2068** – **2069** – **2070** – **2071** – **2072** – **2073** – **2074** – **2075** – **2076** – **2077** – **2078** – **2079** – **2080** – **2081** – **2082** – **2083** – **2084** – **2085** – **2086** – **2087** – **2088** – **2089** – **2090** – **2091** – **2092** – **2093** – **2094** – **2095** – **2096** – **2097** – **2098** – **2099** – **2100** – **2101** – **2102** – **2103** – **2104** – **2105** – **2106** – **2107** – **2108** – **2109** – **2110** – **2111** – **2112** – **2113** – **2114** – **2115** – **2116** – **2117** – **2118** – **2119** – **2120** – **2121** – **2122** – **2123** – **2124** – **2125** – **2126** – **2127** – **2128** – **2129** – **2130** – **2131** – **2132** – **2133** – **2134** – **2135** – **2136** – **2137** – **2138** – **2139** – **2140** – **2141** – **2142** – **2143** – **2144** – **2145** – **2146** – **2147** – **2148** – **2149** – **2150** – **2151** – **2152** – **2153** – **2154** – **2155** – **2156** – **2157** – **2158** – **2159** – **2160** – **2161** – **2162** – **2163** – **2164** – **2165** – **2166** – **2167** – **2168** – **2169** – **2170** – **2171** – **2172** – **2173** – **2174** – **2175** – **2176** – **2177** – **2178** – **2179** – **2180** – **2181** – **2182** – **2183** – **2184** – **2185** – **2186** – **2187** – **2188** – **2189** – **2190** – **2191** – **2192** – **2193** – **2194** – **2195** – **2196** – **2197** – **2198** – **2199** – **2200** – **2201** – **2202** – **2203** – **2204** – **2205** – **2206** – **2207** – **2208** – **2209** – **2210** – **2211** – **2212** – **2213** – **2214** – **2215** – **2216** – **2217** – **2218** – **2219** – **2220** – **2221** – **2222** – **2223** – **2224** – **2225** – **2226** – **2227** – **2228** – **2229** – **2230** – **2231** – **2232** – **2233** – **2234** – **2235** – **2236** – **2237** – **2238** – **2239** – **2240** – **2241** – **2242** – **2243** – **2244** – **2245** – **2246** – **2247** – **2248** – **2249** – **2250** – **2251** – **2252** – **2253** – **2254** – **2255** – **2256** – **2257** – **2258** – **2259** – **2260** – **2261** – **2262** – **2263** – **2264** – **2265** – **2266** – **2267** – **2268** – **2269** – **2270** – **2271** – **2272** – **2273** – **2274** – **2275** – **2276** – **2277** – **2278** – **2279** – **2280** – **2281** – **2282** – **2283** – **2284** – **2285** – **2286** – **2287** – **2288** – **2289** – **2290** – **2291** – **2292** – **2293** – **2294** – **2295** – **2296** – **2297** – **2298** – **2299** – **2300** – **2301** – **2302** – **2303** – **2304** – **2305** – **2306** – **2307** – **2308** – **2309** – **2310** – **2311** – **2312** – **2313** – **2314** – **2315** – **2316** – **2317** – **2318** – **2319** – **2320** – **2321** – **2322** – **2323** – **2324** – **2325** – **2326** – **2327** – **2328** – **2329** – **2330** – **2331** – **2332** – **2333** – **2334** – **2335** – **2336** – **2337** – **2338** – **2339** – **2340** – **2341** – **2342** – **2343** – **2344** – **2345** – **2346** – **2347** – **2348** – **2349** – **2350** – **2351** – **2352** – **2353** – **2354** – **2355** – **2356** – **2357** – **2358** – **2359** – **2360** – **2361** – **2362** – **2363** – **2364** – **2365** – **2366** – **2367** – **2368** – <

•

11

•

125

22

134

•

• •

1

2

1

"

•

•

1

•

1

1

• **•**

1.

1

1015

Мы оба тутъ между собою мынамы надогадь говорили а слы- шить адынь отъ другаго голосъ отъ того шуму водяного ни мадо не можемъ, я ему показываю знакъ чтобъ онъ отъпуталъ веровку кою былъ напередъ съ серъбряною посудю сундукъ привязанъ (ка- торой уже разбитъ и остались толко аднѣ боковые съ колцами же- лѣзными на той веревке доски а болѣе уже ничего нѣтъ), и чтобъ ту веревку аднымъ концемъ прекинуть ко мнѣ и указываю ему что привяжу за дерево, а другой бы конецъ привязалъ онъ къ дронге отъ кареты и по оной шлобы чрезъ воду ко мнѣ, на сей мой нѣмой языкъ кучеръ помахиваетъ головою и руками даетъ знакъ что не ра- зумѣетъ, но какъ я ему повторять о томъ сталъ и указываю о моей для него думке то ужъ догадался и отъпуталъ веревку, которая была новая потолста и длина довольно, здѣлалъ такъ кинулъ разъ ко мнѣ но не докинулъ до рукъ моихъ, пачомъ согнулся въ воду и досталъ рукою исподного своихъ не большой камень завязалъ около онаго аднѣй конецъ веровки а другой за дронгу отъ кареты, прекинулъ ка- менъ съ веревкою ко мнѣ.

Я взявши тотъ часъ потянулъ веревку сколько моей тогда силы доставало обмоталъ около дерева и завязалъ, и указываю чтобъ шолъ по веровке ко мнѣ чрезъ воду, онъ прекрестясь въступилъ въ воду, и счастье еще что тутъ место плоскодонное случилось и не весьма глыбоко мало что по выше пояса пребрелъ ко мнѣ.

Виджу я что нѣтъ другога средства какбы дитя и дѣвку отътуда вынести окроме толко что кучеру опять туда по той веровке птытъ и дитя вынести, и ужъ тутъ приказание яко слуге оставилъ въ сто- ропу, а прошу кучера и говорю ему пайди пажалуй мой Федоръ вынеси дитя изъ той опасности, видишь мою беду и что таперъ на тебя надежда осталась.

Онъ тотъ часъ согласился то здѣлать, но говорить что де мнѣ отътуда адною рукою держать дитя, а другою хвататца за веровку надобно, такъ ежели быстрота воды подышибетъ у меня ноги, то я неровно адною рукою заверовку не удержусь и упушу дитя въ во- ду и пропадетъ, сей отъ кучера отвѣтъ замѣшалъ мысли мои и не знаахъ такъ скоро что ему сказать, и думаю что можетъ оно такъ и быть какъ онъ говорить, однакъ онъ скоро мнѣ другой советъ по- далъ и говорить не изволытель приказатъ чтобъ я дитя привязалъ по подрукамы веровкою, коя тамъ въ переды лежитъ въ кожа- номъ ящике подо мною, гдѣ я на козле сажу, а де оную держалъ для удерживанія въ дароге мешковъ съ овсомъ, и ежели бы я сохрани

1944
- 3 31

тогда, да васъ приметить не могъ и въ томъ страхе подумать что вы
по тонулы, а болѣе ничего не знаю что съ вами здѣлалось, для того
то глядѣлъ какбы карету спасти, но тажъ вода какъ и на насъ уда-
рила, то вдругъ понесло насъ вѣнызъ за водою, а лошады поплыли
и тотъ часъ зачало карету качать и быть о каменя и бокомъ опре-
кинуло.

Я де хватился говорить кучеръ кое какъ за козлы а лошадей
со вѣми передкомъ какъ шворень изъ передній осы вышталало и
выпало, понесло въ сторону и толко что видѣлъ какъ ихъ обматало
вокругъ адного тамъ стоячего дерева и фореитаръ заветвы отъ де-
рева хвататца сталъ, а насъ отъделало съ каретою и понесло ла-
мать и опредикивать чрезъ каменя, и я де бариню говорить кучеръ
еще долго живую видѣлъ въ каретѣ кричала, но спасенныя никакова
я кто дагъ не могъ, а толко что я придержалъ ее за руку, а си-
вокъ де вашъ сперва еще былъ живой и держала его служанка, но
вскоре уже ни служанки ни его видѣть я не могъ, потому какъ уда-
рило насъ объ каменя и опрометомъ прекинуло, то де я тогда самъ
погрузился въ воду и со страху не знаю и самъ какъ оторвало ба-
риню изъ руки моеи, и осталась у меня толко адна ея перчатка, и
что далѣ съ баринѣю здѣлалось я ужъ ничего не знаю и не видѣлъ,
и потомъ такъ какъ таперъ вы видите что карету на сѣи каменя
занесло и остановилась, и здѣсь уже я увидѣлъ дитя съ дѣвкою что
еще оны живы, а за тѣмъ зачалъ непрестанно кричать искалъ тѣмъ
своего спасения, покудова уже вы то услышили и къ намъ самы
пришли.

Всякъ можетъ вообразытъ себы, какова тогда моя печаль и жа-
лость была, что лышился всего имущества ето бы еще нѣтъ ничего
и малость противъ жизни человѣческой, а то потѣрялъ вдругъ свою
любезную супругу и единого сына въ адну минуту, и самъ тутже
смертную чашу пилъ.

Я былся и плакалъ на томъ мѣстѣ смотря на ту изъяману ка-
рету, претворилась она мнѣ жалостнымъ зрелищемъ и гробъ дра-
жайшей моей супруге и сына единого, о горкое мое несчастие го-
ворю самъ въ себѣ, пролежалъ я на томъ мѣстѣ за место мертвого
и какъ нѣтъ ума человѣкъ ни мало не зналъ что предъпринять, а
смотрю толко на ту злосчастную карету и ожидаю ни бы то изъ ней
еще супруга моя ко мнѣ выдетъ но однако всеу.

Кучеръ мой на то время былъ мнѣ наилучшимъ товарищемъ,
онъ сталъ меня унимать и советовать чтобъ того мѣста итить

протѣ, и лучше не найдеть говорить онъ пешкомъ по маленку въ то село гдѣ мы ночевали, както надобно быть не далеко, и еще до вечера заранѣе туда притытъ можемъ и пошлѣмъ мужиковъ искать своихъ людей и узнаемъ остался ли изъ нихъ кто живъ или нѣтъ.

Такаву совѣту моего кучера я послѣдовалъ брося то злосчастное место, пашлы съ великою трудностью чрезъ лѣсъ и на гору, кучеръ вынулъ дитя на руки и дѣла за нимъ а я попередь напримеръ туда гдѣ та стезя лежитъ каторою я шолъ, нашлы мы ее и пошлы по оной, каторая насъ и повела по край той поляны и текучей воды просто въ то село гдѣ мы ночевали, однако я ежели бы еще не много далѣ было то бы не дошолъ, такъ силы мои изътопились и ногамъ хадить не могъ.

Мы вошлы къ нашему бывшему хаяину на дворъ онъ былъ унылойской пошъ (о комъ я выше говорилъ что вѣчерась салому у него для лошадей купыль), сей доброй человекъ какъ меня увидѣлъ въ какомъ состояніи преднего я представился, то подынялъ руки утиснулся и говорить, ахъ Боже мой вы конечно какое нибудь въ дороге несчастіе понесли, я ему на то отвѣчаю что такъ, но между тѣмъ зделай милость говорю я ему, раскладите поскорѣе огонь и отгрьвѣйте душу во мнѣ и у сего беднаго дитяти и сироты уже безъ матери своей, и прикажи пожалуй прошу я его и въ трубу затопить, чтобъ въ горницы чрезъ ночь тепло было.

Тотъ часъ часъ онъ съ своею попадыею хватились и огонь тутъ въ сеняхъ гдѣ и очагъ для варенія у нихъ былъ разъклады огонь и мнѣ простерлы на чемъ лѣчь, попадыя заплакала смотря на то бедное мое дитя, каторое чутъ толко что дыханіе въ себе имеетъ, вынула оное къ себѣ на руки и тутъ около огня отгрьвѣвать ее стала, а я прошу пона чтобъ нанять поскорѣе мужиковъ на лошадахъ верамъ сколько можно будетъ сискать таковыхъ болше и послать туда на ту поляну оказавъ ему и тѣ урочищи того несчастливаго места, онъ тотъ часъ догадался гдѣ оно есть, и говорю ему чтобъ мужики туда охалы, какъ имъ всѣ тѣ места сведомы, и искали бы моихъ людей съ заводными лошадами и двухъ повозокъ.

Помѣломодѣно побежалъ на село съкликалъ людей ково онъ шолъ и отыраныль, и съ тѣмъ чтобъ мнѣ сказать, вернулся ко мнѣ малодѣ, уюряи что мужики надежные и поскакало де ихъ туда вертѣлыми чюдими до десяти, и что конечно вездѣ искать будутъ.

Я сталъ разсуждать какбы сискать и мертвые тѣла и тутъ похоронить, о томъ я также сказалъ попу и прошу его чтобъ онъ на свое попеченье то възялъ, на что сказалъ что съ охотою онъ во всемъ въ помощь мнѣ быть готовъ и не отказываетца, но де сегодня ничего изъ того быть не можетъ, адно что уже и до вечера не явече и мало дня остаетца, а друго и то говорить онъ что вода обща елика и надобно пообождать не протечетлы чрезъ ночь, и останутца многіе места открыты, и завтра то можемъ дѣлать, а я де еще сего дня скажу людямъ чтобъ по утру рано поехать и тѣла отыскать, обшадживъ при томъ меня что конечно тѣла найдутца и что о похоронѣ и о прочемъ что ктому принадлежить беретъ онъ во всемъ на свое старанье, и спрашиваетъ угодноты мнѣ будетъ чтобъ онъ о семъ моемъ несчастии далъ знать вышедшему отъ нихъ унытскаго изъ Монаха мытрополыта архидиакону, при коемъ еще и адинъ протопопъ есть и не далече въ другомъ селѣ находятца и ходитъ въ зѣборе съ церковей и отъ мужиковъ уреченую роковую мысленину, такъ ежели прикажете говорить онъ я къ нимъ напишу и попрошу чтобъ при похоронахъ были.

Сему не хотѣлъ я противытца, а разсудилъ что христіанство все адно, а паче уныти что съ восточною церковю моты разныи вѣтъ, и что есть пристойнѣе предать тѣла къ землѣ по христіанскому обычаю нежелъ безо всего и просто закопать въ землю, для того и говорю я сему священнику чтобъ онъ то дѣлалъ и просилбы къ своимъ именемъ, и привели бы оны съ собою еще несколькихъ духовныхъ для отъправленія по закону христіанскому похоронъ, и еще къ тому пращу я моего казанина о свечахъ восковыхъ, и о плотникахъ кои гробъ дѣлать будутъ и адну яловицу на мясо къ обеду, и живности изъ птицъ дворовыхъ, и другое что потребно къ похоронамъ будетъ, чтобъ онъ сискать постарался, обещаю ему за все то заплатитъ съ великою моею благодарностію, онъ о всемъ томъ къ исполнению принялъ на себя, и тотъ часъ отъправилъ письмо къ тому архидиакону и къ протопопе чрезъ нарочнаго.

На томъ уже и поздняя вечеръ настгла и тѣ посланные мужики вернулись и ведутъ съ собою всехъ моихъ людей и заводныхъ лошадей, кои накимъ образомъ спаслись ежели всею описывать то было бы изълишнимъ читателю затрудненіемъ, а довольно будетъ и такъ какъ оны сказывали что видя таковъ страхъ и что со мною и съ каретою моею дѣлалось, тотъ часъ повипускалы изъ рукъ заводныхъ лошадей, спешили назадъ какъ можно скоряе, а за ними уже

самы лошады по водѣ брелы покудова та большая вода ихъ нагнала и поплила, и такимъ стремленіемъ пришибло ихъ къ горѣ въ разные места, и тѣмъ отъ смерти спаслись и повиходили на землю и тамъ уже коно гдѣ лошадей по краямъ понаходили и преловили, при чемъ однако шестеро жеребятъ пропало, и будучи въ такой опасности не смѣлы никуда съ тѣхъ мѣстъ тронутца покудова сихъ посланныхъ мужиковъ не увидѣлы и прикликали къ себѣ, и оны ихъ уже известными имъ местами опять чрезъ воду провели.

Но повозокъ обоихъ нѣтъ, хотя ихъ тѣмы мужикамы и найдено изъламанныхъ по между каменьями, да что во оныхъ лошады упытались и вода ихъ задавила, то потому тѣхъ повозокъ тамъ до завтра і бросили, а людей что на оныхъ были, коноваль и два погонщина нашли живыхъ, и форейтара тоже найдено на томъ дереве около коего цуговые лошады въ шорахъ обмотались и всѣ шесть тамо подавились.

Всѣ послание мужики собрались ко мнѣ требуютъ за свой трудъ что сдѣлали заплаты, то я тутъ вспомнилъ какъ еще Богъ, и Божька при всемъ несчастіи своею милостію не оставляетъ, и остается ему еще что нибудь на пропитаніе, а какъ имѣлъ казенные денги въ походѣ, а что осталось отъ покупки лошадей, и въ Такае еще получилъ, каковыхъ всего было до тысячи червонныхъ и содержалъ ихъ въ череве, искоихъ надлежало всякой день издерживать какъ за фуражъ, такъ и людямъ наемнымъ кои лошадей ведутъ давать денги и пооденно, для ихъ пынцю продовольствія, то чтобы не ходить всякой часъ въ сундукъ и мыновать тотъ трудъ что на дожде отбываетъ и отъвязывать, и тѣмъ время терять, для чего я тотъ черезъ со всѣми червонцами привязалъ около себя въ место пояса подъ камзолъ, и тако оно носилъ и денги для издержки всякой день винималъ, то и остались тѣ казенные денги всѣ въ целосты, и то при семъ несчастіи послужило мнѣ въ помощь что еще было тѣмъ въ дорогахъ пропитать себя, а иначе бы пришло умереть съ голода и распусыть людей, а покупныхъ лошадей по чему нибудь стати давать и тѣмъ уже до Россіи доехать, ибо мое собственное что въ сундуке имѣлъ болѣе двухъ тысячъ червонныхъ то все до следнѣй копейки пропало, а кому и весь экипажъ на вѣки потерялся, одной серебряной посуды что я въ Виенѣ испуылъ было до сорока фунтовъ, а гдѣ еще другіе коно какие хорошіе вещи что я имѣлъ, и всего того уже болѣе мои глаза не видѣлы, а тѣмъ болѣе что и только изъ того села мужики но и изъ другихъ околѣшнихъ деревень

мы услышали, то сътекались туда на то место сискивать гдѣ что
тыть могутъ и съ тѣмъ какъ съ добычию отъхадилы, а я остался
той только одеже коя притомъ несчастіи на мнѣ была и съ адною
тѣло рубашкою и въ томъ тогда вею мое имущество состояло,
а голове еще ни шапки и шляпы нѣтъ.

Я ту первую тутъ у попа ночь хотя и лѣто было, но какъ же
мо отъ воды презябъ и весь мокръ былъ, то затопленая въ гробу
нища была мнѣ великою къ моему оживотворенію помочію, что
и едва душу свою согрѣть могъ, ны я чего ея ни пылъ такъ
горестно было, уснуть правда не много но и то въ великой
яке и безъ ума лежалъ, а какъ уже день сталъ вышелъ я на
ру, вижу, что на водухе еще облака велики и мутятца но дождь
осталъ и ветеръ не много дуть сталъ.

Хазяинъ мой поплъ пришелъ ко мнѣ сказиваетъ что мужиковъ
уже отъправилъ тѣла мертвые искать, и той болшой водѣ на-
шомъ быть что ужъ протекла, по приметамъ что тѣхъ съ горъ дож-
ныхъ ручеекъ кои вчера текли уже таперъ нѣтъ и потому тѣла
решантыть будетъ можно.

Спустя потомъ часа съ два приехалъ тотъ мытрополытскы ар-
хидіаконъ съ протопопомъ и съ двумя еще священныками и аднимъ
рскимъ дьякономъ, сей архидіаконъ былъ человекъ весьма ученъ и
иже его разговоры слушать, онъ зѣлалъ мнѣ къ моему утеше-
ю маленькую проповѣдь упомяная Иева праведнаго, и что боже
предопредѣленъ есть неиспытасмо и судьбою своею всякъ чело-
вѣкъ долженъ быть доволенъ и Богу благодаренъ.

За сими прошло время еще несколько и по часамъ архидіакона
и мои нашедши, вчерашны, день воды, стали) было уже ади-
пять часовъ предъ полдень, едутъ верхи тѣ воеданные мужики и
тѣ найденныя мертвыя тѣла на двухъ телѣгахъ, на одной была
супруга съ синомъ, а на другой лежала служанка, а болѣе ны-
иже малѣйшей деви, и водятъ мою верховую лошадь найде-
нъ въ край берега въ лѣсе запутаную, въ поводаю поганы, съ сѣд-
ла но пыстодеть въ острахъ нѣтъ, о конкѣ я ужъ и не спра-
швалъ.

Встретилъ я на дворе везомыхъ ко мнѣ жалостныхъ гостѣй,
и руки мои любезную супругу и сина, лежащихъ
въ чувства и безъ диханія погруженныхъ жестокою смертію, объ-
иавалъ сѣзаны мои лица ихъ, плакалъ и былся надъ ними, но

всего то помочи никакой мнѣ не дало, я сумнѣвался долго не живи-
лы оны, ибо лица ихъ ни мало на мертвыхъ не походили и показа-
лись мнѣ за место спящихъ, тутъ я увидѣлъ что у супруге моей
на одно руке только есть перчатка, и вспомнилъ какъ кучеръ мнѣ
говорилъ что ему изъ рукъ супругу мою вода оторвала осталась дру-
гая перчатка у него, и въ томъ я поверилъ.

Тѣла вънесены въ другую напротивъ горницу, около конкхъ
первѣе приступыла попадая съ другими собравшимися изъ села жен-
щинами дѣлать и приуготовлять должное къ погребенію, а потомъ
священники зажгли свечи и зачали евангелій читать.

А хазяинъ мой съ архидиаконъ въвели меня подь руки въ
другой пакой, время тотъ день покудова всего къ погребенію приу-
готовлено было, продолжалось до вечера, а въвечеру уже поздно по-
неслы тѣла въ церковь, и дочитывали священники евангеліи чрезъ
всю ночь и почти до света.

На другой день была обедня на славенскомъ языкѣ, такъ какъ
обыкновенно уніаты сходно съ восточною церковю служатъ, кою отъ-
правлялъ протопопъ съ другими священниками и съ дьякономъ, а
по окончаніи оной зачали пѣть и читать на похороны, при чемъ
уже началствовалъ тотъ архидиаконъ и по окончаніи пѣнія и про-
повѣдь онже говорилъ, и съ тѣмъ по закону христіанскому тѣла су-
пруги моей съ синомъ въ адномъ гробѣ и подь адною кришкою пр-
той же церкви за олтаремъ въ землю положены.

По окончаніи похоронъ былъ обедъ готовъ, велѣлъ я перѣ-
всѣхъ нищихъ собрать, далъ имъ за душу усопшихъ по моему тог-
дашнѣму состоянію милостиню, и приказалъ накормить ихъ.

Всѣ трудящіися обѣдали, но я отъ великой моей жалости не
могъ обще съ прочими за столомъ быть, а лежалъ и оплакивалъ
свою горкую судьбу, мнѣ изъ памяти сей злочастной случай
выходилъ, и мое тогдашнѣе состояніе всякаго человѣка кто тог-
да меня видѣлъ приводило въ сожалѣніе, а особливо сей многотест-
человѣкъ архидиаконъ не оставлялъ меня въ то время, что только
своими разговорами изобрести могъ къ моему утешенію.

Я всѣмъ священникамъ за труды заплатилъ чѣмъ оны были де-
волны, но архидиаконъ нынѣ чего взять отъ меня не хотѣлъ,
сколько я о томъ его ни просилъ, но онъ остался на томъ и ничего
не взялъ, а только сказалъ что знакомъ благодарности его будетъ то,

тды я ему изъ Кеева чрезъ оказью до сего села пришло некото-
рыхъ нашего славенскаго языка книгъ, какову малость тогда что обе-
далъ то потомъ я и исполнилъ, мнѣжь при томъ надобно было по-
мгу учинить и церкви сей какое подаяние, почему тогда изъ тѣхъ
стоящихъ у меня казенныхъ денегъ несколько я и далъ, а о вещахъ
денгахъ что моего собственного пропало, то о томъ сдѣлалъ всему
мысъ и вѣручилъ оной къ сведенію моему хазяину а той церкви
ищеннику, съ прошеніемъ чтобы какъ что за моимъ отъездомъ най-
ища содержать въ целосты, и дать о томъ находящемуся въ горо-
ѣ Такае нашему Россійскому майору Жолобову знать, къ коему я
иже о случившемся надо мною несчастны писалъ, и означилъ ско-
ѣ чего еще въ прибавокъ той церкви дать, на помыновение успѣ-
шихъ.

Однако потомъ какъ ко мнѣ писано, что только некоторая часть
изъ серебряной посуды у мужиковъ найдено и отыскано, а прочего
ничего нѣтъ, то потому уже я яко всио и такъ пропащее приня-
лъ и то найденое къ оной церкви, и на томъ осталось и подмесь.

Мнѣ тутъ при разговорахъ тотъ архидіаконъ съ протопопомъ и
и моимъ хазяиномъ сказывалы, какъ въ тѣхъ горахъ когда лѣто
иждивое, что отъ великой чужелосты и густоты на воздухе облака
рываютца и вылиетца дождевая вода разомъ на землю, и зде-
ветца потопъ нечаяно такъ великъ, что у людей не токмо пашню и
ина съ поля поносить, но много скота пропадаетъ и людей захва-
ить и потопляетъ, также то самое говорили оны и таперъ надъ на-
и таково несчастное было, что вы на тотъ часъ въ такомъ мѣстѣ
и дороге случались, мнѣ оне и пришло на память что оное то и
ыло, какъ я предсобою на томъ мѣстѣ услышишь на горѣ великой
дудъ и трескъ, и конечно тогда изъ облака такова вода разомъ ви-
идается и ко мнѣ стеною навстрѣчу пришла, и насъ потопила.

О такомъ изъливанні изъ облака дождевой воды и что облакъ
изъ чужелосты на воздухе прорватца можетъ, свидѣтельствуеъ Вул-
иусъ въ своей Физикѣ въ описаніи облаковъ (что називаетца по
ищеніи ein Wolken Bruch) стран. 89 парагр. 125 и таково несча-
тнѣ случилось со мною 1758 года, Іюля 18 дня.

Тотже день после полъдентъ, простились со мною архидіаконъ
съ прочими своими и поехали, а я остался одинъ съ моимъ хазяи-
номъ и сдѣлалъ съ нимъ шчеъ сколько мнѣ должно за данное отъ
него къ похоронамъ коно чего заплатить, а также и за его трудъ дать

сволю нибудь надобно; то всю вѣмestъ сочовши я ему заплатилъ и поблагодарилъ, а при томъ что у меня на голове ничего нѣтъ купилъ я у него черную поповскую шляпу.

Надобно знать что въ сихъ Карпатскихъ горахъ въ Венгріи надъ границею Полскою не иной какой народъ живетъ а всю Славяне, и языкъ свой природны Славенски имѣютъ, и вѣры Греческаго исповѣданія состоятъ, но что издавнѣхъ вѣковы превёрнуты въ Уныи, и своихъ священниковъ имѣютъ кои всю церковную службу по закону Греческаго исповѣданія на Славенскомъ языкѣ отъправляютъ съ тою только разницею что главу церкви, Римскаго папу, признають.

Я при всей моей тогда горесты долженъ былъ еще подумать о томъ, что съ моими покупными лошадми на дворе дѣлаетца и имѣютли оны какой нибудь кормъ, а также и о томъ что на чемъ ешъ будетъ ехать, и оставшуюся мою послѣ матери сироту, маленькую дочь вестъ, коя заболѣла и только что жива, и дѣвка ея тоже болѣла лежитъ, для чего призвалъ своихъ рейтаровъ и говорю съ ними всѣмъ томъ, на что говорятъ оны что вѣчерась нашли у мужика вѣзокъ одинъ травы и купили да еще здѣсь у казана вѣзлы, остальную саому что у него было и тѣмде немного закармлили лошадей, а на сию идущую ночь ничего болѣе нѣтъ, а о повеселѣ что тамъ въ водѣ съ мертвыми лошадми найдены сказываютъ он что мужики привезли, то тѣ несколько мочинны хотя уже безъ бытыекъ но ѣсть въ дарогу могутъ, въ коняхъ что поклажи было вско пропадо окроме только одинъ разбитой и поломаной ящикъ съ конскими медикаментами что привезено, но и то только въ жестяныхъ банкахъ, а прочее что въ штофахъ шикстури было то лебыто и пропадо, а коновазде тѣ банки подворять и тѣмъ тѣ медикамента поднимать и сунуть и на то чтобы вѣзладать въ другой ящикъ зѣланъ.

Мы уже тутъ въ томъ селѣ бавитца и отыскивать свое вотъ рное имущество ни какъ было не можно, по притманъ что лошади померли бы конечно съ голоду, то и принужденъ былъ поспѣшить на томъ что всю бросить и завтра ехать въ дарогу, дабы ускоритъ какъ можно выехать изъ Венгріи за границу въ Польшу и тамъ удобно будетъ останоуитца и лошадей старатца отъкормить, иначе могутъ все пропасть, для чего велѣлъ я своимъ рейтарамъ чтобы оны тутъ на селѣ пашлы и наняли мужичихъ лошадей и упряжки въ тѣ свои изычманые павоски у конхъ колеса целы были

и быть готовымъ къ отъезду, да проводниковъ двухъ до перваго по-
чѣго также чтобъ нашлы и нанялы.

По утру рано я всталъ чрезъ силу, ибо здаровые мое тогда
всма слабое было, да что жъ дѣлать нѣчимъ пременить и надобно
ехать мнѣ, сказано что ужъ вси приуготовлено, а день показался не
много светлой и воздухъ сталъ чиститца, а вода поуменшилась и
протекла столко что безъ опасности ехать будетъ можно, я вышелъ
на дворъ и приказалъ подвѣсть одну повоску къ дверямъ побли-
же, въ кою чтобъ въложить болную мою маленькую дочь съ ее дѣв-
кою, а что по тогдашней уже моей бедности не было чего подъ ныхъ
ни подослать ни прикрить ихъ тѣмъ, кроме толко что велѣлъ не-
сколько полотняныхъ пономъ са лошадей заводныхъ снѣять и въ оны
дѣти свое обвернуть и въ повоску положить, да попадаю изъ со-
жалѣнья подарила ей одну небольшую падушку, и въ томъ весь
экипажъ состоялъ, и посадя для присмотру тутъ на ту повоску сво-
го кучера велѣлъ выехать на улицу, а за ними и другой павоске
на коей коноваль съ другими моими людьми велѣлъ тоже выехать, и
тамъ на улице побождавать, и съ тѣмъ простясь съ моимъ дзаянномъ
пономъ поблагодаря его и попадаю за ихъ оказаную мнѣ милость
со двора ихъ выехалъ.

Яжъ надобно знать что болѣе ничего не имѣю, кроме толко
своей одной одежи что на мнѣ еще есть, и на тѣе одной рубаш-
ки, и курмеша у попа шлана коя мнѣ голову прикрива и въ томъ
толкѣ всю мое имущество состояло, и съ тѣмъ сѣлъ на свою вер-
ханую упряженую и зануреную лошадъ поехалъ съ надеждою на Бога
въ свою путь.

Проводники мои поперидъ меня ехалы а замной павоски и
заводные лошады, но что мнѣ въновь горестъ мою возбудило, ибо
мнѣ надобно было самую тою прежнюю дарою ехать и видѣть
опять до несчастное место, которое погрузило горкою смертию мою
любезную супругу и сына единого, я сколько ны спрашивалъ провод-
никовъ и просилъ чтобъ меня оны какою другою дарою объявѣли,
однакъ того было мыновать невя, а конечно туда слѣдовать тѣ да-
рога дѣжить.

Мы тотъ часъ за селомъ наехали на ту воду, коя уже поспа-
ла однако была лошадямъ еще по брюхо глубока, и по тѣмъ кри-
вынамъ ее теченія преежалы още разъ несколько, и на то самое не-
счастливое место заранѣе поспѣлы, кое столко много мою жалость

уотугубыло какъ я къ оному месту приближатца сталъ, что я таперъ ничего сказать не умѣю опасноль оно намъ было переѣзжать или нѣтъ, ибо я будучи обнять вѣновь моею жалостыю и глаза мои залились слезама, то и не видѣлъ ничего окроме только шумъ воды подь ногама конскими что слышалъ, и лошадь моя за проводники шла, и преехавъ ту поляну стали подыматца тѣмъ между горама ускимъ местомъ о коемъ я прежде говорилъ, и потѣмъ слѣдовали далѣ висотамы и воды болѣе не было, а доехавъ до первой деревны, въ коей остальное уже до вечера время проволъ, было то мало что после полъденъ минуло, однакъ тамъ остался и въ карчме заночевалъ гдѣ немного травы у мужиковъ для лошадей хотя и нашолъ кушеть, но овса ни зерна, отъговаривались мужики чѣмъ кто еще онаго не много имѣлъ то и тотъ послѣдны помолоты самъ себѣ на хлебъ.

Тутъ ночь провелъ я весьма въ бедномъ состояніи, а особливо что у себя ничего не имѣю на чемъ бы лечь и прикритца, то ужъ и для себя такъ какъ что и для дочери зделалъ, приказалъ принести три полатяние съ лошадей попоны, искоихъ две подь себя подослаа а одну прикрылся, подголову жъ болѣе положить было ничеа окроме что пучекъ травы свернутой положылъ и на томъ ночь провелъ, а тутъ въ той деревнѣ наналъ опять двухъ проводниковъ верхама и шестерыхъ лошадей въ повоски и естаетца намъ отътуда ехать всего до границы и до Полскаго местечка Дука три миль что утрешнымъ днемъ мы и зделали но дорогу весьма худую и грязную великую имѣды, чрезъ что лошады такъ утомились что одна до мѣстечка Дуклы дойдуть могли.

Въ Дукле жъ какъ я намеренъ былъ несколько дней простати и лошадей покормить, то изъ всѣхъ заѣздныхъ жидовенихъ домовъ выбралъ адинъ, каторой былъ наилучше и просторнѣе для лошадей наналъ поденно, и у хазяина семя и овесъ еторговалъ и туда же нему на дворъ заехалъ, гдѣ проставъ три дня, между тѣмъ что мена плаща нѣтъ, то купылъ сукна и далъ пошить себѣ плащъ, а у жидовки купылъ новые две падушки, и въ лавкахъ нашолъ и наняые валеные войлока, кои для подьстилки себе адинъ, а для дочери другой купылъ, и то составляло тогда всеи великодушнѣе моеи постелы, кою купылъ и тѣмъ зачинаю нужнымъ исправлять себя кормить уже изъ казенныхъ денегъ, для того что у меня собственныхъ ни единой копейки не осталось.

Изъ местечка Дукли подынялся я въ дарогу и продолжалъ путь свою дагъ, время было еще непрестано худое, пасмурное а иногда дождь шолъ, хотя уже горъ великихъ и не было однако грязь велика была и тѣмъ съ нуждою ехать могъ и прибылъ въ городъ Ярославъ.

Сей городъ есть великъ даволно, и торги въ немъ бывають большіе, то вознамерился я здесь также несколько дней простаять, адно для того чтобъ лошадей покормить и людямъ спочинуть, а друго и то нужда была чтобъ повоски исправить и покупить нужное что къ дароге надобно, а особливо несколько лошадей къ упряжке въ повоски необходимо потребно было, дабы миновать болѣе затрудненіи и лышную издержку денегъ въ наймахъ отъ места до места мужичихъ подвездъ, для чего приехавши въ сие место, тотъ часъ первое дѣло то было что выбралъ такой большой заездной дворъ и тамъ сталъ.

Хазяинъ того двора былъ прекрестъ изъ жидовъ, у него всио достать было можно, онже и седельниковъ и плотниковъ своихъ имѣлъ, что и подало мнѣ сповообъ свой повоски у него починить, и кришки на оныя кожаные подѣлалъ, а для себя тѣкже полской полукритой новой возокъ купылъ, на коемъ уже я съ дочерью моею и дагъ ехалъ и лошадей въ упряжь къ оной трое, а въ повоски также по трое а всего деветь у тамошнихъ жителѣй нашолъ и купылъ, хотя то и не были лошады отменные и паристые шерстмы, но были средние и въ такую же цену, кон однако послужили во всю дарогу хорошо и тѣмъ былъ я даволнѣнъ, что избававлся еже часныхъ бывшихъ въ наѣме мужичихъ лошадей клопотъ, а я и такъ отъ жалосты великой слабъ и едва толкъ что хадытъ могу.

Читателю мои! тебѣ то небудъ противно что я часто о себе упоминаю, что у меня уже своего собственаго имущества ничего нѣтъ, ты видишь даволно какое несчасые я понесъ и потерялъ всио что имѣлъ, исчего и можешъ лехко верить каково мнѣ тогда было, меня крайность и пужда приводить до того чтобъ повторять о томъ, о чемъ я прежде говорилъ, а сказать опять то, что у меня осталась толко адна рубашка на телѣ коя, отъ того что давно непремѣнна и была мокра какъ я тонулъ въ водѣ и обьмарана грязью, то ужъ танерь ни какъ болѣе терпѣть ее на себѣ не могу, для чего принужденъ здесь в городъ изъ казеныхъ денегъ купить полотна и дать въ разныя руки знающимъ женщинамъ чтобъ пошили мнѣ четыре рубахы, а дочери моей маляенкой тоже четыре, ибо и она белная въ томже варовѣ со мною состоитъ положеніи, и ничего болѣе не имѣеть

окромѣ что на тѣлѣ у нее есть, а ктому принужденъ я былъ себѣ сделать изъ посредственнаго сукна бездалныхъ приборовъ офицерско мундиръ, понеже кафтанъ мой утопающій со мною недозволялъ мнѣ уже въ себѣ людямъ показатца, а также и для дочери моей платицъ заказалъ здѣлать новое, и тако сие наше одѣяние поспѣло скоръ и покудова то и другое потребное исправилъ а тѣмъ временемъ люде и лошады не много спочинулы, то и прошло у насъ въ семь городѣ времени шесть дней.

Отсюда же изъ города Ярославля какъ я выехалъ время зделалось хорошее и воздухъ очистился, сонце насъ грѣть стало и до рогу осушило и тѣмъ здѣлалась путь наша поспешна, а лошады мои ожили и стали въ дароге попригивать и выжу что и тѣло за чалы на себя прибавлять и выровнились хорошо и что далѣ то лучше, для чего и положилъ, я чтобъ ни гдѣ раздоховъ болѣе не дѣлать а преходамы умереными путь продолжать, вѣставать рано и ехать и гдѣ въ полдень останавлиуюсь тамъ и почевать.

Чрезъ Полшу таковы разпоряженіи проежающимъ легко дѣлать ибо частые города, местечки, и на дороге заездные болшия карчмы тому способъ подають, почему и можно вездѣ остановитца гдѣ только кому угодно, и такими преходамы проехалъ я всю Полскую по той дароге Украину и приблизился къ Россійской границе, и въ послѣднѣмъ еще селѣ отъ нашихъ форпостовъ въ полтора мыли разстояниемъ заночевалъ, и зная что по вступленіи на форпостъ конечныя меня останавлиють и можетъ быть еще несколько дней доведетца тамъ и карантинъ держать, а въ фуражѣ тамъ нужда быть можетъ, на таковъ случай купилъ десеть фуръ хорошаго сена и пятнадцать четвертей овса, вѣставши по утру рано изъ того Полскаго села въехалъ и прибылъ на главной россійской форпостъ называемы Васильковъ, тамъ меня остановили и показали место вступити въ карантины домъ и тамъ быть покудова отъ оберъ-коменданта Киевскаго пришлѣтца повелѣніе или безъ карантина меня пропустити или сколько дней тамо простоять.

На то время бывшаго прежде въ Киевѣ оберкомендантомъ Леона Ивановича Костюрина уже не было, а опредѣленъ туда генералъ губернаторъ Петръ Ивановичъ Стрешневъ, отъ коего и повелѣніе обо мнѣ прислано что инаково быть нельзя, а долженъ я выдержать карантинъ дней десеть, и потому уже я тамо расположился и лошадей поместилъ въ конюшнѣ и въ сараяхъ въ томъ карантинномъ доме

состоящей, и послалъ завтрашни денъ назадъ въ то Полское село чтобы еще большъ сена и овса купить и привезть.

Домъ сей карантинны построенъ былъ по нужде, чтобъ только было гдѣ подклонитца въ несколькихъ niskихъ просто дѣланныхъ покояхъ, и на дворе состояло конюшня и сарай также что называется какъ ныбудь дѣлано, а впрочемъ ничево нѣтъ окроме чистое поле (не знаю таперъ каково тамъ видѣтъ, ибо я съ того времени болѣе тою дорогою не проежалъ), а настоящее селенные Василковъ называемы, съ церковью, домомъ монастыря Печерскаго, и протчимъ строевымъ до таможны надлежащее, съ небольшимъ ктому укрепленьемъ, то всио состоитъ еще въ отдалы отъ сего дома вѣнутрь, и туда никакъ прежде видержанья своего назначеного времени не вѣпускають, для чего здѣсь въ карантинѣ во всемъ великая нужда бываетъ, а особливо на то время какъ я тамъ былъ недоволенъ чего иного достать нѣгдѣ, но и воды нѣтъ, хотя тогда и состоялъ одинъ ново вырытой колодѣзъ, но и тотъ ни чѣмъ не былъ исправленъ, а только что состояла адна обрубленная яма съ весма дурною водою, кою всякъ для себя чтобъ доставать долженъ былъ носить ведро или что другое а иначе и воды имѣть не можетъ, почему люде тамо въ карантинѣ сидящие хадилы за водою съ чѣмъ кто могъ, въ томъ числѣ съ котлами такъ какъ и салдаты караулные что дѣлалы, и тѣмы мастныи котламы замутили ту воду столко что ее пыть никакъ было не можно, мои же люде не имѣвъ другой воды здѣлалы такую ошибку что тою негодную изъ колодѣза водою напоили лошадей отъ чего туо же первую ночь всѣ почты лошады заболѣлы, а особливо жеребцы повалились на землю, о коихъ къ ихъ востанию худой знакъ предвещало.

Коновалъ мой сколко искусенъ ни былъ, однако и онъ, такъ какъ и я утрешный денъ отъ печалы ни елы ни пыли, онъ взялся всѣмы своимы искуствамы, какъ бы лошадамъ помочь податъ, а медикаментовъ, конны я было въ Цесарин на дорогу запасаея, тѣ почти тогда при случившемся надо мною несчастіи всѣ пропалы, осталось только въ некоторыхъ жестяныхъ банкахъ составы сухие, а что въ штофѣхъ микстуры были, тѣ побылись и пропало, коновалъ мой спрашиваетъ, естлы въ Киевѣ аптека, и что онъ рецептъ напишетъ и послать бы въ аптеку купить поскорѣе.

Я тотъчасъ взялъ оной рецептъ послаю адного своего рейтара къ форноственному афицеру въ село Василковъ съ требованьемъ о пропуске его въ Киевъ, афицеръ того здѣлать не могъ, а далъ своего

ундеръ-афицера и отправилъ по почтѣ въ аптеку отькуда, въ наступившую ночь предъ светомъ возвратился и привезъ, хотя не все что было написано, однако некоторые нужные микстуры доставилъ съ коими уже мой коноваль здѣлалъ, какъ онъ зналъ приправы давалъ заливанья и пылюи и пускалъ немного жеребцамъ кровъ, томъ тотъ день прошолъ, а ползы еще нимало не вижу, зашла у вечеръ, а жеребцы мои лежатъ болние, коноваль говоритъ, что о еще въ ночи будетъ имъ и въ другой разъ заливанья и пылю давать.

Меня сия вѣстреча новой горесты привела до великой печаль прибавило въ голову мислей, такимъ приключениемъ болшъ все моего страданія, и думаю въ себѣ, какъ еще съ моими лошадами злаетца такое несчастье, что помрутъ, то и комысия моя будетъ и что, на кою я и всю мою надежду полагалъ въ разсужденіи, ест оную благополучно исполню и приведу до своего места лошадей всѣ здоровыхъ и съдамъ съ рукъ оныхъ, чрезъ что надѣялся получить благодарность, а при томъ и за мое страданіе награжденные, а теперь воображаю въ себѣ и всего того лишитца могу, и будучи такихъ размысленныхъ не дало мнѣ всю ту ночь ни минути здн заснуть.

По утру рано чуть толко светъ призывалъ я своего коновала спрашиваю его о лошадяхъ, каково имъ, на что отвѣчалъ, что ес немного надежда, однако оставляетъ еще до полъдень и тогда съ жетъ, чего онъ узнать ожидаетъ, но при томъ говоритъ онъ, а конечно воду пременить должно, а иначе никакой ползы не будетъ.

Я тотъчасъ послалъ отъ форпостнаго афицера требовать, что пропуститъ съ лошадами въ село Василковъ къ водопою и тамъ, что хорошая колодѣзная вода отъведена была сказать при томъ ему е лѣлъ, естли того не здѣлаетъ, убудетъ лошадямъ чрезъ его недозелѣніе какой упадокъ, то остаетца уже всею то на его отвѣте.

Онъ по тому моему требованію не хатѣлъ было дозволить, извиняясь, что безъ повелѣнія каманды самъ собою такова пропус никакъ яко не выдержалы положенаго времени въ карантинѣ учини не можетъ, однакъ сего нельзя было мнѣ терпѣть, какъ коноваль сазалъ, что послѣ утренняя заливанья и пылюкъ минуло уже три ча то де конечно воды хорошей дать лошадямъ надобно, и тѣмъ он даетъ решенія ихъ болезны.

Сие я услышивши (посилать и преговариватца съ тѣмъ афиромъ время не терпѣло) поехалъ я верхомъ самъ туда, не смот

на караульныхъ удержку, велѣлъ по маленьку лошадей за собою вестъ и взявъ съ собою и свои купленные за рогатками въ Полскомъ селѣ четыре ведра и два небольшие корита на случай надобности, приехавъ въ село Василковъ, которое всего отъ карантинного дома съ небольшимъ одной версты разстояніемъ состояло, остановился у адного съ приезда колодѣзя (тамъ былъ еще и ставъ илы озеро съ водою, но и та не годна) и потомъ наливши въ карита воды, какъ коновальъ сказалъ, чтобы несколько такъ налитую воду на сонце подержать, чтобы холодъ немного изъ оной отошолъ, а затѣмъ подали лошадямъ пить, но и то весма мало, и съ тѣмъ опять повелы по маленьку лошадей назадъ, (что я дѣлалъ уже самъ собою безъ дозволенія и всякой денъ, покудова тамъ стоялъ).

После сего какъ лошадей напоили, спустя часа два пронесло всѣхъ лошадей жестокимъ поносомъ и потъ на нихъ показался, тогда уже коновальъ обрадовался и сказалъ, что даваемы имъ медикаменты хорошо подействовали, и видя и онъ бедни, что я жестоко печалюсь, то снявъ съ головы свою шляпу приступилъ ко мнѣ и говорить (*Sorgen sie nicht mehr, ich gehe mein Leben dahin, wen die Pferde bis Morgen nicht alle gesundt werden sein*) то есть не тужите болѣе я де жизнью своею ручаюсь, ежели до завтра всѣ лошады здаровы не будутъ; но притомъ еще сказалъ, чтобы постаратца достать хорошей свежей травы и кормить оною, покудова здѣсь стоятъ будемъ и то де будетъ гаразда лучше лошадямъ къ очищеную же-лудка, нежели сухое сено.

Такова надежда отъ коновала, что пообождать до завтра и что лошады всѣ здаровы будутъ, подало мнѣ несколько облехчение въ моей печали, я тотчасъ послалъ записочку, чрезъ адного караульнаго солдата къ тому чернцу, что начальникомъ въ томъ монастырскомъ доме есть, понеже вся та обширность лежащихъ воокругъ грунтовъ и самое село Василковъ къ Печерскому монастырю принадлежить.

Прашу я того чернца, чтобы онъ гдѣ ныбудъ показалъ мнѣ кутокъ оставшей отъ косовицы травы для государевыхъ лошадей покосить, однако прозба моя не могла его уши проткнуть и въ томъ чисто мнѣ отъказалъ, я опять тотъ же часъ пишу къ нему и называю его титуломъ честнѣйшимъ отцемъ и богомолцемъ, и прошу его со всею моею учтивостію упоминая, что вотъ близъ карантинного дома за кустарниками по надъ лежащимъ балотомъ найдено людмы моими такое место, что после косовицы осталось на ономъ небольшой кутокъ в той тамъ травы вазовъ несколько могло бы быть мнѣ давольно, кою

чтобы позволилъ выкосить хотя за денги, ежели . инаиначе отдаи
хочеть, упоминая ему притомъ, что я лошадей веду государевы
покупныхъ изъ дальнѣй страны и что нужда меня въ томъ позва.
его трудить, однако и та моя прозба отъ него не принята (такой-
гордой калугеръ былъ), даже и отъписать ко мнѣ не хотѣлъ, а тол
въ отвѣтъ посланому моему сказалъ, что того онъ здѣлать не м
жетъ, ибо та трава оставлена по надобности на монастырскіе до
ние каровы, коихъ тутъ держутъ и собираютъ масло и малоко д
монастиря, о чемъ мнѣ даетъ знать и запрещаетъ траву косить.

Мнѣ ужъ съ чернцемъ препнысиватца болѣе и просить его
оставалось резона, а травы для больныхъ лошадей конечно было н
добно, то и приступилъ я дерзнуть и ту святую траву викосит
пуцай думаю я въ себе тѣ монастырскіе каровы, хотя бы масла
малока на продовольство тѣхъ лежащихъ упытанныхъ телцовъ на н
сколко дней и не дали, и была би чрезъ то занесена къ камац
жалоба, то еще несутъ въ томъ великіе притчины, и процесса да
нѣго быть не можетъ; а велятъ можетъ быть мнѣ заплатить, что
и таперь готовъ здѣлать, а къ тому помыслилъ я и сие, что и п
какой нужде ту траву викосилъ, не оставлю я по приездѣ въ Киев
самъ предъ Печерскимъ отцемъ архимандритомъ Лукою (тогдашн
архимандритъ тѣмъ именемъ назывался) принесть мое изъвиненны.

И тако тотъ же день купилъ я у салдаты караулныхъ две кос
и послалъ людей ту траву косить, и нанялъ салдаты съ своими тѣ
лѣгами, чтобы оную по маленку перевозить, салдаты тѣ были киев
скіе гарнизонные и жили въ Василковѣ безъпремеи, почему и лоша
дей для заработку у себя держали.

Чернецъ услышавши, что я траву зачалъ косить, тотъчасъ въск
чилъ самъ, взявъ еще съ собою и мужиковъ съ дреколями, хатѣ
моихъ людей отътудова согнать и траву кошеную отънять, на ка
часть дано мнѣ знать, я селъ на лошадь поспешилъ туда, заста
постника туда приехавшаго на колеснице съ расчесаною бородою и
лице угроватой, подъвернулъ волосы подъ распуценую шляпу, (де
тогда очень жарокъ былъ), говорить ко мнѣ, какъ изъ трубы стра
нымъ голосомъ, запотѣлъ отъ жыру едва двигаетца, запрещая тра
косить, показывая угрозами на свою предстоящую асьсистенцію, то
пу мужиковъ съ дреколями приведенныхъ, и что онъ велитъ мои
людей быть, упоминая себя економомъ и что онъ долженъ монасты
скіе грунты защищать.

Я далъ ему волю поговорить сколько ему было угодно, а потомъ сталъ я приносить предъ нымъ свое оправдание и говорю, оставте батюшка честной отецъ економъ гнѣватца, возьмите во уважение о томъ, что я къ вамъ севодня два раза съ прозбою моею писалъ и далъ вамъ знать, по какой нужде мнѣ трава сия надобна, и сихъ лошадей, говорю я ему, не веду я на ярмарку продавать, или оны по какому другому случаю сюда зашлы, а веду я ихъ изъ дальнѣй землѣ точно для государевой конюшны, такъ разсудите вы таперь можете ль вы въ томъ мнѣ заборонить, и могутъ ли ваши коровы съ вашимъ масломъ и молокамы имѣть предъ симы лошады преимущество, и вы говорю я ему постидитесь самы себя, какимъ образомъ вы сюда вышли и пристойно ли вашему ангелскому чину съ дреколями себя въ публику на забойство здесь представить (разве не знаете вы, что апостолы того не дѣлалы, адинъ толко было съ ножемъ вооружился, но и тому Христось запретилъ) войдите въ самы себя, что вы дѣлаетъ отецъ економъ говорю ему, и естлы хатите за сию траву взять у меня денги, то скажите сколько вамъ надобно, или поставлю я вамъ сколько вазовъ на сие место сѣна, а буде и того не хатите, а признаетъ сѣбы за обыду, то жалуйтесь камандѣ и въ томъ отвѣчать я буду повиненъ, а въ драку съ вами вѣходить я никакъ не хачу, и такъ таперь, говорю я ему, какъ изволите, а траву сию я буду косить и возить.

Онъ покричалъ тутъ на полю еще несколько упомыная, мою поступку насилствомъ и разорениемъ святой обители, и что онъ тотчасъ отъправитъ къ отцу архимандриту свою на меня жалобу, помававъ тамъ несколько рукамы селъ на свою колесницу и поехалъ.

Примечаю я, что онъ съ великимъ сердцемъ и съ угрозами поехалъ, думаю самъ въ себе, что вотъ еще новые хлопоты мнѣ будутъ, и покудова я въ Киевъ прибуду, то ужъ тамъ обо мнѣ будетъ конечно генералу губернатору, (когого еще какой онъ и не знаю), пресказано много и всio дурное и на выворотъ, и будутъ люде заключать сие поступкою непорядка и самоволства, пришло мнѣ при томъ на мысли немецкая пословица, что говоритца: *wen man nichts sonst zu thun hatt, so fange nur mit die Pfaffen wasz an so wirdt genug zu thun da sein*, то есть, ежели не имѣешь дѣла другова, то зачны толко что ныбудъ съ попами, такъ будетъ дѣла даволно, такъ въ самомъ дѣле и сие было.

Тотъ день и въ наступившую ночь лошады мои при употребленіи имъ потребныхъ медикаментовъ, а также кормя ихъ тою ха-

рошою свежею травою, приплы несколько въ чувство, и стали показывать видъ повеселѣе, а на завтрашны день и гаразда было нѣ лучше, что и предъвозвещало знакомъ къ совершенному ихъ выздоровленію, а то наиболше стараніемъ искуснаго моего коновала, коего я за то не токмо что болшъ любить сталъ, но и отъменъно содержалъ его, я ему по контракту въ Виенѣ обѣщаль дать за толко время что до Петербурга при лошадяхъ служить будетъ двести пятьдесятъ рублей, а тогда на Васильвскомъ карантинѣ что онъ моимъ лошадямъ по своему искуству пособылъ и оживотворилъ ихъ, то обещаль я ему еще въ прибавокъ пятьдесятъ рублей, и въ Киевѣ пару платья здѣлать, что я исполнялъ, и ужъ поилъ и кормылъ его въ дароге на своемъ содержаніи.

Въ последны день выдержаного моего карантина, пишу я Киевскому генералъ губернатору Петру Ивановичу Стрешнѣву рапортъ, коимъ ему даю знать, какъ я въ прошломъ годѣ изъ кабинета имениному ея Императорскаго Величества Государины Елисаветъ Петровнѣ отъправлѣнъ былъ въ Венгрію въ княжество Трансильванское, для покупки ко двору потребныхъ къ заводу лошадей, и что я съ оними на Василковски форпостъ таковата числа прибылъ и выдержалъ тамо десетидневны карантинъ, и что нинѣ намеренъ быть въ Киевъ и задержатца тамо несколько дней, покудова къ осенней дароге потребнымъ для тѣхъ лошадей себя исправлю, и на таково время для тѣхъ лошадей потребно мнѣ имѣть на Подолу конюшню, а также и для людей квартиры, и прошу тѣмъ рапортомъ на ту и надобность отъвода, упомянувъ притомъ сколько числомъ лошадей и людей я при себѣ имѣю, и съ тѣмъ рапортомъ тотже день по моему выступленіемъ отъправылъ одного своего рейтара по пути туда въ Киевъ, съ приказаніемъ чтобъ онъ завтрашны день послѣ завтра выехалъ ко мнѣ на встречу и зналъбы куда меня съ лошадми вестъ.

Въ утрешны день я Василковъ оставилъ и поехалъ въ свою конюшню, и взялъ ночлѣгъ въ половину къ Киеву дароге въ адномъ монастырскомъ селѣ, гдѣ также чернецъ управителѣмъ былъ, аднако дозволъ въ карчме ночевать и у мужиковъ сена и овса купить и обошлось дѣло безъ хлопотъ, и съ тѣмъ поутру рано выступылъ и поехалъ далѣ.

Рейтаръ мой встрѣтилъ меня и сказиваетъ, что конюшня для нашихъ лошадей на Подолѣ давно зделана нарочито новая изъ досокъ, также и сарай на сено и на другую поклажу готово есть, а

въ Киевскую Губернскую Канцелярию изъ кабинета дысано и дано знать что мы съ лошады говорить рейтаръ едемъ, и что ему та ка-ниющия и кварталы какъ для меня такъ и для людей показаны, при чемъ еще объявляетъ рейтаръ что де господинъ генераль губернаторъ приказалъ васъ просить, чтобы мымоездомъ заехать съ лошады въ крепость, конхъ онъ желаетъ видѣть.

Таково господина генерала губернатора прошение почелъ я за повелѣныя, а мнѣ жестоко не хотѣлось забываетца въ крепость съ лошады и показывать ему оныхъ, яко лошады отъ болезни несколько попустились и гаразда противъ своей прежней гордосты поуеми-рѣлы, и думаю въ себѣ какъ ему покажу то сн господа обыкновено что видать въ томъ и судють и скажетъ то или другое такъ и не такъ и поидеть слово въ чемъ либо къ моему не удовольствию, и тѣмъ тояко по пустому будетъ мой туда къ нему трудъ.

Съ другой же стороны разъсудылъ что можетъ быть и хорошо яко я сего господина еще не знаю, то и будетъ при семъ случае оказия его узнать, и доведетца съ нымъ о чемъ нибудъ говорить, а паче ежелы Василковски отецъ економъ на меня учинылъ свою жа-лобу, а къ тому еще понадѣлся я на своихъ лошадей что прятатца мнѣ съ ними ни для чего, ибо наверно онъ лучшихъ не видалъ, дарма что въ Россіи за выписныхъ лошадей ужасную суму денегъ платють и приписываютъ выводчики въ трое цены болше нежелъ въ самомъ дѣле оны покупають а гдѣ еще на путевое продовольствіе что стоятъ, и таковыхъ выводныхъ лошадей случалось мнѣ часто ви-дѣть конхъ добротою противъ своихъ нымало не сравниваю, для чего и положылъ чтобы заехать въ крепость и генералу лошадей показать.

Остановился я близъ города на Лебедѣ, гдѣ хутора Чернечій ны загородные ихъ гулбыща на дороге, тамъ не много лошадей ве-дѣлъ отъ пыли поочистить, а рейтару своему приказалъ чтобы онъ ехалъ въперіодъ доложить о томъ что я еду и буду съ лошады въ крепость.

Я приехалъ туда и остановился на площади предъ генералскою квартерною, а самъ верхомъ подъехалъ къ крышу, генераль какъ ему о моемъ съ лошады приездѣ сказано встрѣтитъ меня въ первомъ приходѣ своемъ какое, отозвался словами хорошо и что желаетъ конхъ лошадей видѣть, вышелъ онъ туда и провели преднымъ по одиначки первѣе жеребцовъ възадъ и въперіодъ разъ и другой, оны были на тотъ часъ представлены безъ попонъ голые, генераль еще

ничего не говорить ходить кругомъ около каждого жеребца разъ по несколько, а потомъ желалъ и кабылицъ видѣть, я и тѣхъ также по одиночки и безъ папонъ велѣлъ провестъ и тѣ онъ прилѣжно смотрѣлъ и тогда спросилъ у каво куплены и по какой цѣнѣ.

О семъ какъ я ему сказалъ, то онъ посумнѣвался не нарочно ли цену лошадамъ я утаилъ, а какъ я о томъ его уверилъ что точно по такой цѣнѣ куплены, то говорить онъ что де сему нелзя статца, а разве сіи лошады по какой выбудъ случившейся продавцу нужде такъ дешево проданы, какъ я вижу ихъ доброту пригожество, то бы думать надобно и въ двое того еще бы не дорого не было.

При семъ объявляя мнѣ генералъ что изъ кабинета къ нему писано, какъ о заготовленіи для сихъ лошадей здѣсь въ Кіевѣ на случай надобности канюшны такъ и денегъ, ежели я на продовольство лошадей и людей потребую, чтобы изъ губернской канцеляріи на щетъ кабинета триста рублей отпустить, о коихъ я могу говорить генералъ подать въ оную канцелярію отъ себя требованные, почему и выданы будутъ.

Потомъ при провожденіи мною генерала въ его квартиру, идучи черезъ площадь объявляетъ мнѣ генералъ, что занесена къ нему отъ архимандрита Печерскаго на меня жалоба въ покошеніи мною при Василковскомъ форпостѣ монастырской сенокосной луке, и чтобы семъ я старался безъ дальнихъ въ томъ слѣдствіи сие дѣло успокоить.

Я сталъ генералу докладывать и говорю, что правда, и по необходимости дѣлалъ, а не по своеволію, ибо какъ лошады мои междѣ въ карантинѣ заболѣли, то конечно было надобно дать имъ какой-нибудь травы дать, а на другомъ мѣстѣ нигде достать было не можно, кроме той, что близъ карантиннаго дома случилась монастырская сѣна, за кою я тамошнѣму економу денги давалъ, или столько же возовъ сѣна на обменъ, то онъ какъ не хотѣлъ ни одно ни другое отъ меня взять, такъ по такой нужде принужденъ уже я самъ собою эту траву выкосить, о чемъ уповаю сие дѣло безъ никакихъ затрудненій успокоено быть можетъ, естли только отецъ архимандритъ согласится у меня за ту траву денги взять.

Мы вошедъ въ пакой къ генералу, вижу что онъ человѣкъ ласкавой и въ разговорахъ обходителенъ, спрашиваетъ кой о чемъ, что и какъ въ Венгріи и въ Трансильваніи, при коихъ разговорахъ былъ мнѣ случай пресказать ему обо всѣмъ понесеномъ мною несчастіи, и что лишился я своей супруги, сына, и всего экипажа мною

иства, и остался говорю я въ совершенной таперъ бедности та^к, что ни единой свой копейки не имѣю, да и мундиръ сей, коего на себѣ имѣю, принужденъ въ Полше здѣлать уже на казенные деньги, которыхъ въ то время, какъ и я утопалъ припоясавыхъ въ чере^зе золотъ на себѣ имѣлъ и тѣ только целы остались, что еще посо^было мнѣ въ дароге и могъ до сего места доехать, а прочее всею, что было мое собственное пропало безъ остатка.

Генералъ, какъ я сталъ о томъ своемъ несчастіи пресказывать, также и прочіе случившес^я тамо окружили меня и слушаютъ мои слова, оны не могли начудитца какое то несчастье было и удивля^лись чудесному случаю, какъ я еще свою жизнь спасти могъ, а къ тому и то было генералу и все^м прочимъ удивительно, что я объ оставшихъ казенныхъ денгахъ упоминаю, что оны целы остались.

При моемъ же отъ генерала отходѣ просить онъ меня на завтрашний день къ себѣ отъобедать, и съ тѣмъ выехалъ я съ моими лошадми изъ крепосты на Подоль и тамо къ приуготовленной канюшнѣ оставилъ лошадей и отъведение для меня и для людей квартиры принялъ.

По утру поехалъ я въ часу десятомъ въ крепость и заехалъ карьернодъ въ монастырь Печерский къ отцу архимандриту Луке, при^есть предъ нимъ свое изъвынение и объявилъ о себѣ, съ какою ка^жею я проежаю и по какой необходимости я при форпостѣ Ва^лковскомъ монастырскую траву для государевыхъ лошадей выкосилъ, что я готовъ за оную заплатить денги сколько онъ потребуетъ, однако онъ столько былъ снисходителенъ, что удовольствовался тѣмъ своимъ изъвынени^емъ и заплатъ никакой не требовалъ, приче^мъ при^ималъ меня по ихъ обыкновенію довольно ласкаво и подчевалъ водкою, на томъ нашъ проделъ кончился; я, отклонясь у него, паншолъ къ генералу на дворъ.

Генералъ былъ уже одѣтъ, вышелъ къ разводу и потомъ позвалъ меня съ собою въ квартиру, мнѣ былъ тутъ случай, идучи съ гене^раломъ чрезъ площадь доложить ему, что я былъ у Печерскаго архи^андрита и что дело по его жалобе о выкошенной мною травѣ уже успокоено, онъ тѣмъ былъ доволенъ, что безъ хлопотъ обошлось, потомъ время до обеда у насъ проходило въ разговорахъ, а болѣе о своемъ несчастіи, о чемъ онъ всякому приходящему изъ господъ съ своимъ о томъ сожалѣніемъ пресказывалъ и указивалъ на меня за^верить: вотъ господа видите его лышавшагося фамилію и всего

своего имущества и при всемъ своемъ несчастіи, еще деньги казенны, кои у него были, целыми показивають, не первой ли то образецъ намъ можетъ быть.

Послѣ обеда немного я тамъ бавылся, отклонившись у генерала паехалъ на Подолѣ въ свою квартиру.

А на завтрашний день написалъ въ губернскую канцелярію требование объ отпуске асигнованныхъ мнѣ триста рублевъ денегъ, и получивъ оныя зачалъ исправлять всю потребное къ дароге, какъ уже осень настигла и ветри холодные показались и нужно было къ зимнѣй пути себя приуготовить, то искупыль валеные войлока и нанялъ несколько человекъ портныхъ, подѣлалъ на всѣхъ лошадехъ теплые попоны и на головы каптеры, дабы въ дароге лошадямъ было выгодно.

А тѣмъ временемъ, покудова то заготовлялось, бывалъ я еще несколько разъ въ крепосты у генерала, гдѣ былъ мнѣ случай въ разговорахъ слышать и узнать, что всѣ тѣ люди, кои по черногорской камысіи повыходили въ Россию и были въ Киевѣ, отосланы въ Аренбургъ на поселение, и что анѣ туда собравшись възбунтовались и не хотять тамъ быть, почему и велѣно перевести ихъ изъ Аренбурга въ Москву, куда также и выехавшей Черногорский владика и майоръ Петровичъ съ ихъ выведенными людьми отыправлены, и что тамо въ Москве будетъ всѣмъ тѣмъ выходцамъ учинить преборъ для определенныхъ ихъ въ другіе полки въ службу.

Въ Киевѣ простаялъ я дней десеть, а потомъ 30 сентября выехалъ въ свою путь, и продолжалъ дарогу чрезъ Малую Россию еще несколько хорошею дорогою, а тамъ далѣ въступивши въ великороссійскіе места зачалы холодные ветри и съ снегомъ насъ встречать и проважать и стало уже холодно.

Я приехавши въ Тулу остановился въ томъ городѣ для спочинку лошадямъ и простаялъ четыре дня, отсюда послалъ я съ рапортомъ адного своего рейтара по почтѣ въ состоящую въ Москвѣ дворцовой конюшенной канцеляріи кантору, извѣстивъ о себѣ, что съ покупными лошадми еду, и просилъ показанія для оныхъ конюшій, а также и для людей квартирѣ.

Изъ Тулы я выехавши дѣлалъ не великіе переходы нарочно тѣмъ рады, чтобы лошады мои не могли нымало въ дароге быть утрудены, коихъ сподѣвался я какъ въ Москву приеду, что тамошніе господа

гошнѣ и при заводе состоящие, конечно захотятъ ихъ видѣть, а лошады не до дворцовой, а для называемой тогда малой ея величества канюшнѣ принадлежать, то ужъ и есть нѣмнѣе двумя канюшными некоторая критика, такъ чтобы на случай могъ я съ моими лошадми показатца и узнать сихъ примечаній.

Вѣсно то въ запасъ только я у себя на умѣ имѣлъ, однако жъ дѣле желанность моя была, чтобы оны моихъ лошадей видѣли, а особливо жеребцы такъ разгордились, что ужъ каждаго, когда канюшны выводить, то надобно двумъ человекамъ кренно, какъ и въ дароге уже съ великою нуждою возлѣ лошады тащить было можно, и ежели бы еще не тѣ самые люди, что въ канюшны наняты, кои около ихъ завсегда ходють и къ нимъ уже прито бы инаково было мнѣ великое въ дароге затруднение.

Моей канюшнѣ изъ Масявы возвратился ко мнѣ на встречу канторъ, что въ кантору уже давно изъ кабинета дано знать, какъ мы съ лошадми туда прибудемъ, чтобы отвѣсть канюшны, почему де и показано при дворце за городомъ у Салтыкова канюшны для лошадей канюшны такъ и для людей квартера, а для меня въ дворцовыхъ флигеляхъ недалече отъ канюшны два покоя.

Въ Маскву я приехалъ, было то уже съ полдня въ часу во и расположился въ показаномъ намъ мѣстѣ, принять я былъ яко гость хорошо, но фуража для лошадей не дано, коего требовалъ, а послалъ тотчасъ на сѣнную площадь купить овса, а на подстилку саломы и привѣсть, что и зделано, и на тотъ день прошолъ.

Утру же въ часу девятомъ приехалъ отъ дворцовой канюшны канторъ звался Кишкель, онъ первой зѣлалъ мнѣ свой визитъ, чтобы ему дозволить моихъ лошадей видѣть, я ему зделалъ въ отвѣтъ, послалъ съ нимъ адного своего рейтара въ канюшны, онъ видѣлъ всѣхъ лошадей и возвратился ко мнѣ, посидѣлъ съ полчася похвалымъ моихъ лошадей и былъ доволенъ, что видѣлъ.

Въ канторѣ же дворцовой канюшнѣ и при тамошнѣмъ канторѣ былъ тогда старшимъ бригадеръ Поздѣвъ, мнѣ было дано съ нимъ видѣтца, для чего поехалъ я съ симъ перейтаромъ

туда къ нему, здѣлалъ ему своимъ приездомъ визитъ и объявилъ, что намеренъ съ своими лошадьми несколько дней спочинуть въ Москвѣ.

Человѣкъ сей былъ довольно въ словахъ своихъ обходительнъ, принявъ меня ласково, я у него остался въ тотъ день обедать, а на завтрашний день приехалъ онъ и еще съ нимъ двое отъ придворной канюшны ундеръ-штальмейстеровъ ко мнѣ, оны хатѣлы мои лошадей видѣть, кони уже показали я на дворе, для чего и велѣли выводить изъ канюшны по одиначки первее жеребцовъ, а потомъ кобылицъ, тѣмъ сѣи господа были много довольны, и признались, что у нихъ какъ въ канюшнѣ такъ и въ заводѣ лучшихъ нѣтъ, а жаль естли бы то могло быть, чтобы имъ оны къ заводу поручены были, оны у меня побавились съ часъ места и потомъ поехали.

Вчерашний же день, какъ я чрезъ городъ къ бригадирѣ ехалъ и назадъ возвратившись увидѣлъ въ улицахъ проходящихъ несколько человекъ Черногорцовъ, между ними попались мнѣ въ стрѣчу двое изъ виведенныхъ мною людей, оны бедные какъ скоро меня увидѣли, тотчасъ узнали и бросились ко мнѣ къ рукѣ, даже что прослезившись отъ радости, мнѣ же нелзя было на улыбку съ ними стать и спрашивать о ихъ состояннѣ, а только что сказали имъ, гдѣ моя квартира и чтобы туда ко мнѣ пришли, оны обещались быть, и пришли на же дня еще съ двумя своихъ товарищей моего жъ вывода и прощивались уже всю свою историю, что съ ними происходило и что въ Аренбургѣ тамошнѣи степѣ селытца никто изъ выходцовъ не пожелалъ и просили опредѣлены въ службу къ армнѣ въ полевые гусарскіе полки, почему сюда въ Москву приведены и соединены съ вышедшими съ владикою Черногорскимъ и съ Майоромъ Петровичемъ Черногорцами, и ужъ было повелѣніе, чтобы учинить о всѣхъ вообще переписъ по именамъ и отослать къ армнѣ, съ названіемъ Черногорскій гусарскій полкъ; но какъ еще говорили оны учинилось въ осени съ владикою, и Майоромъ Петровичемъ и съ другими черногорскими старшинами несогласіе и посорились въ Петербургѣ между собою, а къ тому еще и здѣсь въ Москвѣ надѣлали Черногорцы довольно стыда, что надъ ними никакъ командиромъ нѣтъ кто бы ихъ воздержалъ, и тѣмъ стали своевольны, и часто на площади, гдѣ продаются съестные припасы мясо и хлебъ стали грабить и бросать продавцамъ за то малую цену денегъ, а также еще болше, что здѣлали съ людьми господскими на улице сору, и напали на домъ генеральши вдовы Строгоновой, гдѣ произошло великое забойство и драка,

То что учинилось видно и въ Петербургѣ известно, для чѣго де недавно приехалъ сюда самъ владика, а за нимъ въ сѣдѣ и другіе старшины поприежали, а майоръ Петровичъ остался въ Петербургѣ, коего де уже какъ слышно владика отъ своей камысіи прешиль, и таперъ что настоящаго командира надъ собою не имѣтъ, то какъ владика такъ и всѣ протчіе положили ожидать нашего приезда и хотять просить, чтобы определить въ командиры къ нимъ кого нибудь, о чемъ де уже владика отъ себя въ здѣшнюю военной коллегіи записку и прозбу подалъ, дабы разъпределеныемъ людей до нашего приезда поостановить, какъ уже намъ и слышно было, что вы скоро приедете и что въ недавнѣ въ Киевѣ прибыли, а таперъ слава Богу исполнили сіи четверо моихъ выводцовъ, что васъ видимъ и вы уже въ Петербургѣ, то и надѣмся тѣмъ быть счастливы и что вы нашимъ командиромъ будете.

Мнѣ сіи весты нымало не были приятны, а тѣмъ еще болше, что таково ихъ намерение слышу, и что хотять просить объ опредѣленіи меня къ нимъ въ командиры, чего я вовсе не сподѣвался и чего желанья не было, зная довольно каково затруднение и тягость командовать такими своевольными людьми можетъ быть, что и привело меня только въ смущение.

Я отвѣчаю симъ четверемъ пришедшимъ ко мнѣ чловѣкамъ, что тому не можно статца, чтобы я къ нимъ въ командиры могъ опредѣлѣнъ быть, первое, потому что моего желанья нѣтъ, а другое, что я не Черногоорецъ и въ дѣла ихъ вѣхадить не намеренъ.

Однако сіи люди на тѣ мои слова, что я имъ говорилъ, мало обрадованы, а отвѣчали мнѣ коротко и духомъ веселимъ, говорятъ воля ваша, какъ вы хатите; а намъ предъ нами командиромъ должно быть, вы же увидите, какъ всѣ вообще о томъ будутъ просить, ибо всѣ въ Петербургѣ дѣло остановлено только до вашего приезда, и съ тѣмъ оны и принявшася пашлы протчѣ.

Было то въ третій день моего въ Маскву приезда уже поздно вечеромъ и на томъ поспѣла ночь, а тѣ четыре чловѣка отъ меня вышедши пошли просто къ Черногогорскому владике и объявляли ему, что я приехалъ въ Маскву и что у меня оны были и со мною говорили.

Я чрезъ всю ту вечеръ и въ глубокую уже ночь просидѣлъ въ своихъ думкахъ, разсуждалъ какъ и что предпринять, естли и заочно Черногогорской владика здѣлаеть таково отъ себя представле- ніе и меня потребуеть, то чѣмъ бы отъговорицца, ибо нынѣ малей-

шей воли я къ тому не имѣлъ для чего и положить было, чтобъ изъ Москвы такъ выехать и не выдавшись съ владикомъ, и тѣмъ податъ знакъ моего при той его камысѣи быть нежеланія; только когда чело-вѣку чего понести и претерпѣть назначено, то ужь всеконечне и наково избѣгнуть нельзя, а должно тому събытца и повиноватся оному, такъ то и со мною было, я только что отъ послѣдовавшаго мною послѣдняго ужаснаго несчастія едва ожить и сталъ немно-го съ здоровымъ собыратца, и казалось бы быть всего уже и слышкомъ много претерпѣлъ, но нѣтъ моя жестокая судьба еще тѣмъ не была даволна, а устремлялась еще далѣ меня гнать, она не иначе, а какъ боролась съ моимъ счастьемъ и преодѣвала и пресекала путь моего благополучія, и доводила разными оборотами, какъ бы только въно-сѣ подвергнуть меня къ страданіямъ и привести къ дальней скорбѣ и печалы, какъ о всѣмъ томъ въпереди читатель мой увидѣть можетъ.

Выше сего я говорилъ, что изъ черногорской команды моихъ выводцовъ четыре человека въ вечеру у меня были, и что я по-ложилъ на томъ, что изъ Москвы выехать не выдѣвшись съ владикомъ Черногорскимъ, на чемъ и хатѣлъ остатца, только мое таково положе-ние обратилось въ другую сторону и предприняло съперва къ новому моему прискорбью достигать стезою ускою покуда, потомъ то зачало распространитца и станеть раждатца адно изъ другаго раз-ными образы болше.

По утру рано только что я одѣлся и былъ на конюшнѣ, осмотрѣлъ лошадей и выжу, что купленаго сена и овса быть можетъ еще и на завтрашний день слышкомъ даволно, то и думалъ я искормить только тотъ фуражъ чрезъ тотъ день и въ наступившую ночь, а завтра конечно ехать, о чемъ и людямъ своимъ приказалъ, чтобъ къ дорогѣ были готовы, и съ тѣмъ вернулся изъ конюшни въ свою квартиру.

Немного затѣмъ погода, смотрю я идуть ко мнѣ Черногорцы-человѣкъ болѣе десеты, одѣты по своей форме даволно хорошо и вооружены какъ бы на бой или на драку, всѣ были мнѣ незнаемы, кроме адиного изъ выведенныхъ мною людей имя его было Анто-Орловичъ, что и въчера у меня былъ, онъ мнѣ показалъ и даро-къ моей квартиры, оны вошли ко мнѣ въ горницу поименнымъ поздрав-ляли меня приездомъ, потомъ адынъ изъ нихъ сталъ говорить, объявляя себя порутчикомъ (звался Сава Барямовичъ), что онъ посланъ отъ владки ко мнѣ съ прозбою, чтобы я здѣлалъ любовь поехать къ нему и быть севодня у него на обедѣ.

Я за таково визитъ поблагодарилъ и говорю, что радъ бы пре-
дценному владике здѣлать въ его прозбе удовольствіе, но не могу
что съ дароге утрудился и не здоровъ, а друго имѣю нужное
дѣло и отъправлять хачу почту въ Петербургъ и прошу
въ томъ изъвинить.

Однако моя изъговорка на томъ не осталась, оны приступили
къ своей прозбоу и желалы, чтобъ конечно и туда поехать, ска-
завъ что преосвященный владика и цѣлое ихъ общество сердечно
хотятъ меня видѣть и моего приезда къ себѣ ожидаютъ, а буде
поглашусь, то де всѣ оны сюда къ вамъ будутъ, и тако по мно-
ихъ прозбе, напоследокъ довели меня до того, что принужденъ
заситца желанные ихъ исполнить поехалъ къ владике, а болѣе для
чтобъ узнать, какая ему въ моемъ приездѣ состоитъ нужда.

Онъ меня даже у лѣсницы встрѣтилъ, такъ приятенъ ему приездъ
былъ, засталъ я тамо еще несколько человекъ ихъ одноземцовъ,
и также приездъ мой былъ угоденъ, а владика взявъ меня за
руку повелъ въ свой пакой посадилъ меня, оказывалъ великое свое
вѣнчаніе о понесеномъ мною въ дароге несчастіи, какъ онъ вче-
рній день въ первое о томъ слышалъ, потомъ завелъ другіе кой
какіе разговоры, свидѣтельствуя при томъ свою ко мнѣ искреннюю
любовь съ такимъ увереньемъ, что никому столько добра не желаетъ
какъ мнѣ, и какъ радъ, что моего приезда дождался.

Ево можетъ быть на тотъ часъ было и подлинно таково ко мнѣ
желательство, выдѣ свое дѣло что уже оное къ порче клонится,
также и то пришло ему совѣстью на память, какъ онъ со мною съ-
мѣшалъ и во время моего бытія на границе Цесарской поступилъ,
и гадеръ чтобы такою своею ласкою всю то загладить, а къ то-
му еще болѣе его нужда во мнѣ была, по притчинѣ учинившейся
суду имъ и съ названнымъ своимъ губернаторомъ Становимъ и май-
оромъ Петровичемъ ссоре, чрезъ что остались его люди безъ коман-
ды и тѣмъ въ столичномъ городѣ Москвѣ стали своевольить, и на-
мѣстивъ свою поступкою правительству много затрудненія, чрезъ что
мысли его обращаетца уже болѣе къ стыду нежели къ ихъ сла-
вѣ, для чего и повернулъ онъ владика мысли своя, чтобы какъ коман-
диръ надъ людьми своими такъ и все свое дѣло по той камысѣ
положить на меня и тѣмъ приобрести себѣ подкрепление, какъ я
тѣмъ опосля узналъ, только ужъ таково его предъпріятіе пришло
къ нему въ то время.

У насъ съ владикою до обеда не было еще о томъ за чѣмъ онъ меня къ себѣ просилъ ни какова слова, а прошло время такъ въ другихъ каю какихъ разговорахъ, между тѣмъ селы за столъ и обѣдъ нашъ не долго заставлялъ насъ за столомъ сидѣть, было тутъ несколько человѣкъ изъ его назначенныхъ въ офицеры Черногорцовъ, а къ тѣмъ послѣ обеда еще несколько ихъ пришло, предъ концомъ зачалъ владика ко мнѣ свои слова говорить, первое, какъ ваши прапредки отъ страны нашей изъ провинціи Паштровичи зачало свое имѣють, хотя въ области Венеціанской, но однако нашимъ отечествомъ есть первое сосѣдство и намъ фамилія ваша известна, почему и вы господинъ маиоръ яко нашъ аднонационалыны при зачале предпринятой Черногорской камысіи были отъ мей-говоришь владика потребованы, болѣе для того чтобы участвовать обще съ нами въ томъ усердіи, которое мы престолу Россійскому оказать вознамерились и выводъ людей изъ отечества нашего въ службу, чтобы чрезъ ваше препровожденные действые возымѣло и тѣмъ славу имени вашему еще болѣе приобрести, какъ что въ бытность вашу въ прошломъ годѣ на цесарской границе противъ области Турецкой въ выходѣ людей было, стараниемъ вашимъ благополучно успѣхъ оказало и къ болшему еще выходу народа дорогу отъкрыло, какъ оны въ самой точности изъ Турецкой области изъ настоящаго своего отечества изъ Сербии тайно разными случаями на Цесарскую сторону чрезъ реку Саву прешлы и уже известно, что поручикомъ Езымировичемъ и адютантомъ Марковымъ тамо въ свое ведомство приняты и въ Россию скоро будутъ, кои однако должны къ сей камысіи причтены быть, яко оны подъ выдомъ Черногорцовъ объявили и тѣмъ на Цесарской странѣ въ карантинъ приняты, а по справедливости выходъ сихъ людей приписать надлежитъ къ вашему выводу, кои и не могли бы нынѣ другимъ быть выведены вами, если бы не зделалось той уже отъ меня говорить владика еще, что васъ съ того места отлучилъ и съ первымъ транспортомъ людей въ Россию отъправилъ, почему уже вы къ намъ болѣе въ Цесарию и не возвратились и самы собою отъ сей камысіи отъста-могутъ быть по какому нибудь вашему неудовольствію и съ досады чрезъ бывшего тогда при мнѣ клеветника маіора (названнаго самъ собою именемъ фамиліи моею) Петровича, которой признатъ надобно, продолжалъ владика свои слова, много протывъ васъ, изъ зависты, мнѣ клеветалъ, и тѣмъ было довелъ меня на свою руку, покуда напоследокъ обо всѣхъ его неприличныхъ и фамилныхъ дѣлахъ я узналъ, и нинѣ его отъ себя и отъ камысіи моею

решить; для чего таперь какъ я такъ и предстоящие здѣсь отъ траны всего общества говорить владику просимъ васъ, чтобы вы приняли на себя трудъ быть надъ аднонациональными своими командиромъ, яко оное къ вамъ и принадлежитъ, и вы зачало сей мой камысін трудамы вашими оказали, въ чемъ доказываетъ выводъ ашъ людей въ Россію, и не инаково де таперь я намеренъ, а желаю сю ту ползу, кою камысін моя заслуживаетъ, предать и приписать въ васъ, для чего не оставте своихъ одноземцовъ, подайте имъ наиду чтобы оны могли быть навсегда въместѣ, и аднымъ своимъ полкомъ, а не по разнымъ частямъ распределены, что единствено зависитъ таперь отъ адного вашего соизволенія, и когда вы примите ихъ подъ предъводительство свое то, тѣмъ обовязоте сугубою въ себѣ отъ всего нашего общества любовію и благодарностію.

Такову отъ владики проповѣдь я выслушалъ, а также и предстоящие тутъ Черногорцы что говорили и представляли, я и то выдумѣлъ, но какъ моего желанія чтобы въ такое затрудненныя вхо-
итъ не было, и принимать чужую тягость и дѣло уже испорченное а себя не предъвидѣлъ ползы нымало, то чтобы мнѣ отъ ныхъ вы-
бавитца и отъехать спокоемъ въ свою дарогу, то и зачалъ я къ адике говорить, что много благодаренъ остаюсь вашему преосве-
щенству и всѣй здѣсь предстоящей дружине, за ваши обо мнѣ ха-
оные мысли, и конечно по вашему желанію далжно бы мнѣ при-
гущать къ исполненію вашей воли, но вы выдите говорю я имъ,
то я служу при дворе императорскомъ и еду таперь съ наложеною
а меня камысиею въ Петербургъ, къ тому же еще можетъ быть
то повелѣно будетъ и на далъ или и воемъ при дворе мнѣ остает-
я, чего я не могу иначе дѣлать, а долженъ буду тому повиноват-
я, для чего изъвините вы меня говорю я имъ, что я таперь самъ
въ своей волѣ не состою, и не могу вамъ моего слова дать, и сие
сказавши я вѣсталъ, хотѣлъ было отъ ныхъ рхать, какъ уже и ве-
ръ наступаетъ, чтобы завтра поранѣе отправитца въ дарогу, тол-
а моя изъговорка не могла меня защитить, ибо владику обще съ
ругими приступили своими словами и конечно хотѣли, чтобы я ихъ
къ обнадѣжилъ, что соглашаюсь при ныхъ быть, но какъ напо-
мдокъ я на своемъ утвердился, что при дворе служу и потому не могу
ихъ слова дать, тогда владику зачалъ говорить, вы какъ хотите, а
де буду отъ себя и отъ траны всего общества учинить представ-
енныя прямо въ Сенатъ и требовать обопределенія васъ къ моей ка-
мысін и командиромъ надъ симы вышедшими людьми чтобы были вы,

а потому правительство будетъ знать можно ли будетъ васъ отъ двора потребовать или нѣтъ.

Мнѣ ужъ не осталось времени проводить еще далѣ таковы разговоры, отъклонился владике и всѣмъ тамо бывшимъ, поехалъ на свою квартиру, а поутру рано до свѣта убравшись совсѣмъ выехалъ изъ Москвы въ свою путь.

Время хотя было халодное, снегъ и марозы болшия, однако благодаря вѣтерта, что и не могло мнѣ ничего въ моихъ переходахъ препятствовать и не делая уже нигдѣ раздиховъ, приехалъ въ городъ Тверь, тамъ по случившейся снежной болшой метелице простоялъ аднѣ сутки, а потомъ продолжалъ далѣ и приехалъ въ Великия Новгородъ, гдѣ отъведена мнѣ квартера и для лошадей канюшня въ большомъ государскомъ дворце, я тамъ простоялъ три дня, отъку отъправилъ адного своего рейтара съ рапортомъ по почтѣ въ Петербургъ въ кабинетъ министру Адаму Васильевичу Алсуфьеву, ибо преждны мой камандиръ баронъ Черкасовъ послѣ моего изъ Петербурга отъезда скончался.

Изъ Новгорода я выехалъ и слѣдовалъ малимы переходами къ Петербургу, а на последнѣй почтѣ въ Ижоре встрѣтилъ меня посланой въ кабинетъ рейтаръ, съ повелѣньемъ чтобы ехать въ Новгородъ и завести лошадей на собственную ея величества канюшню.

Тотъ день я въ Ижоре остался и заночевалъ, а на завтра, то есть 1758 года декабря 16 дня, прибылъ въ Петербургъ.

Лошадей поставивши какъ приказано на конюшню, отдалъ своимъ приказъ что имъ ище дѣлать надобно, а самъ носивши скорые по долгу, чтобы явитца своему новому камандыру господину кабинетъ министру Адаму Васильевичу Алсуфьеву, коему прежде сего вовсе не былъ знакомъ, и было мнѣ и о томъ подумать надобно, какая мнѣ отъ него еще встрѣча будетъ

Объ нѣмъ я будучи въ Киевѣ узналъ, что онъ при кабинетѣ остоить и хвалили мнѣ его, толко всю лучше узнать темпераменты челоуѣка можно въ персонѣ нежелъ по наслышке, правда же и то что придворные господа, когда еще въ первозачальныхъ и малыхъ чинахъ состоятъ, то и остаютца оны на время прикрыты подъ шлемомъ кротосты, а потомъ какъ далѣ пойдуть, то предпринимаютъ по пословице (*Honores mutant mores*) другой образъ своего обхожденія и бывають обыкновенно въ словахъ съкрыты, однако когда далная по-

иногда того не требуетъ то въ словахъ оказываютъ приятность, и время въ обхождении съ ними свойства ихъ открываетъ, и бываютъ нѣкоторые ядовиты а другіе справедливы, каковы испытанны великой осторожности требуютъ.

Сей господинъ Адамъ Васильевичъ былъ сперва при иностранной канцеляріи въ невеликомъ еще чинѣ, но чрезъ предстоящие съ нимъ особенныя достоинства достигнулъ до сей степени, онъ былъ учонъ въ разныхъ языкахъ, а особливо по французски и по немецки было ему такъ свойственно какъ природное, хотя жъ и не имѣлъ я ни какова резона объ нѣмъ сумнѣватца, или бы ожидать себѣ отъ него какого неудовольствія, однако какъ мое дѣло по случившемуся надо было несчастны необходимо должно мнѣ было къ нему, яко къ своему командиру адресоватца и просить отъ него наставленія, какимъ образомъ предпринять дѣло къ достиженію отъ Ея Величества за мое отдаленныя мыслы, то и надлежало мнѣ некоторымъ образомъ взять свою предосторожность и первѣе узнать его нравъ и обхожденныя и тогда приступить къ нему съ прозбою.

Для чего я поставивши лошадей какъ приказано на конюшню, пошелъ екоряе чтобъ у него явитьца, яко своему новому командиру, онъ принялъ меня своею милостію отменно ласково и приятно, пожелалъ лошадей моихъ видѣть, коихъ я по утру къ нему на конюшню привелъ и показалъ, тѣмъ былъ много доволенъ, и приказалъ мнѣ явитьца отъ собственной Ея Величества канюшны оберъ инталмейстеру господину генералу аншефу Александру Ивановичу графу Шувалову, что я и здѣлалъ, коимъ также принять приятно и ласково, и на томъ тотъ день прошолъ.

У меня жъ былъ списокъ о всѣхъ лошадяхъ уже готовъ моего писаря я еще и другой, и поутру понесъ адынь къ кабинетъ министру при рапортѣ подалъ, а другой тоже и къ господину оберъ канцелямейстеру графу Александре Ивановичу Шувалову, каковы отъ нихъ и приняты, и объявлено что потому будетъ доложено Ея Величеству Государинѣ, однако сие продолжилось дня четыре покуда докладу время изобретено, между тѣмъ я господину кабинетъ министру Адаму Васильевичу пресказалъ на словахъ обо всѣмъ томъ случившемся въ дароге на домноу несчастны, и что лишился своей супруги, сына и всего своего имущества и что казенныя денги, въ то время какъ и я въ водѣ утоналъ на меня были припоясаны, и такъ цѣлы остались, кои мнѣ потомъ помогли что я до Кіева до-

ехать могъ, также и о томъ доложывъ что по приездѣ моемъ въ Кинь А-евъ изъ губернской канцеляріи получилъ триста рублей.

Адамъ Василиевичъ какъ только я о своемъ несчастіи зачалъ симеону докладывать и пресказалъ отъ зачала до конца что со мною послѣдова-вало, то онъ ужаснулся и говорить прескажите мнѣ пожалуй еще разъ, чтобы я произшедствие сего страннаго приключенія могъ понять и повторять свое удивление, спрашивая гдѣ и на какомъ мѣстѣ то несчастіе случилось и въ которое время и обо всемъ въ подробность.

Потомъ приказалъ мнѣ сочинить челобитную и обещалъ въ мою пользу учинить Ея Величеству докладъ.

Тотже день дано мнѣ знать отъ господина оберъ-штальмейстера графа Александре Ивановича Шувалова, чтобы къ завтраку приготовить лошадей къ смотру коихъ онъ смотрѣть будетъ, я то задалъ, и поутру рано поспешилъ къ Адаму Василиевичу о томъ рапортовать, на что сказалъ что уже онъ о томъ знаетъ и что и онъ при томъ будетъ.

Въ часу десятомъ по утру приехали сіи господа на конюшенны дворъ, при чемъ были еще и другие отъ конюшны чины, и велѣли мнѣ лошадей показать, я зачалъ по списку выводить жеребцовъ, перваго буланой коего водили два человека, и что въ тотъ день было очень холодно а жеребецъ безъ попоны выведенъ изъ конюшны и поозябъ, то и было довольно труда покудова могли его удержать и провести разъ и другой по двору.

Сему первому весма господа удивились и что съ такой дальнѣй дороге нымало не похудѣлъ, и какая въ немъ бодрость и сила; онѣмъ тотъ часъ положили противъ его въ списке имены отъметку, что къ заводу годенъ, а за тѣмъ и другихъ жеребцовъ выведено, коихъ также удостовѣрили и тѣмъ были господа много довольны.

А какъ и кобылицъ выведено и всѣмъ смотръ минулъ то поворотясь графъ Александръ Ивановичъ ко мнѣ объявляетъ свою благодарность и говорить, я де вашею покункою сихъ лошадей весьма доволенъ, и оны стоятъ того чтобы ихъ сама Ея Величество Государиня видѣла, о чемъ сказалъ и не оставлю я доложить, а вы господинъ майоръ, осмеянувшійся графъ говорить, въ ту объявленную сумму за тѣ лошады цену можете намъ оставить первыхъ только двухъ жеребцовъ буланова да воронова, и къ нимъ первыхже шесть кобы-

ица а остальныхъ, хотя у себя удержите, для того что не вероятно отти чтобы сіи лошады такъ дешевою ценою куплены были какъ мы показали.

Таковъ отъ графа отзывъ былъ мнѣ довольнымъ, атестатомъ за то поклонившись я благодарю его, причемъ вынудъ имѣющее у юна свидѣтельство данное отъ продавца въ Трансилваніи графа Мышина; поднесъ оное и говорю, что сме доказываетъ ту самую справедливость о моей покупке такъ какъ я показалъ, и я тѣмъ ставлю юна за честь что ваше сиятельство сихъ мною приведенныхъ лошадей видѣли и оныхъ удостоили, коихъ я всѣхъ при желаніи имѣю обраго здаровыя въ пользу при умноженія отъ ныхъ плода здѣсь ставлю.

Адаму Василиевичу была та моя покупка также угодна и говорить онъ къ графу, что де недоволенъ ваше сиятельство онъ хорошо мою камысию исполнить, но еще и денги въ остатке показываетъ, и при всемъ томъ какое онъ при сихъ лошадахъ странное въ дѣлѣ несчастье понесъ, и зачалъ Адамъ Василиевичъ всю то что мѣня слышнѣлъ графу пресказывать, и заставили мнѣ самому о немъ еще повторять.

Графъ удивился выслушавъ о моемъ страданіи, говоритъ Адаму Василиевичу, что де намъ надобно таперъ о семъ бедномъ челоуѣке старатца и доложить Государинѣ чѣмъ меня обнадеживъ поехали ба во дворецъ.

Тотже день приказано мнѣ чтобы лошады были приуготовлены дано будетъ знать въ которомъ часу ихъ водить ко дворцу для представлення Государинѣ.

Но что день уже прошолъ и наступыла вечеръ, то и остался отъ смотрѣ до завтreshнѣго дня, а поутру въ часу третѣмъ после обѣда сказано, чтобы лошады были приведены ко дворцу, хотя то было отъ малой конюшны до зимняго тогда бывшаго надъ Мойкою рѣчяного дворца водить и не далеко, одьнако съ великою нуждою для челоуека могли жеребцовъ удержатъ, кои были голые безъ ошолъ, а морозъ жестокъ, и какъ озябли то зачалы пригать и въ вѣски подьниматца, что людямъ ведущимъ едва было можно на ногахъ удержатца.

Государиня изволела чрезъ окошко на среднѣмъ крилице смотреть, приказала потомъ меня позвать, объявила мнѣ свое монаршее благоволеніе и пожаловала ручку.

Я потомъ повелъ лошадей опять на конюшню и уже совсѣмъ оныхъ ундеръ штальмейстеру съ рукъ своихъ съдалъ.

Мнѣ жъ такъ какъ и прежде что было даны квартирныя деньги и остался при кабинетѣ, а отъ конюшни государевой данъ экипажъ карета и лошады и двое слугъ къ услуженію.

Челобитную что приказано я подавъ, кою Адамъ Василиевичъ принялъ и обнадѣжилъ изыскать случай доложить Государинѣ, что онъ и сдѣлалъ и первѣе на словахъ учинилъ свой докладъ, почему Ея Величество такъ какъ и всѣ протчіе тамо случившіеся господа о такомъ понесеномъ мною несчастіи удивились и сожалея, а Государиня приказала представить мене къ себѣ.

Утрешний день, было то въ третій день Рождества Христовъ декабря 27 число, былъ при дворѣ въ вечеру балъ и большое собраніе, о чемъ объявилъ мнѣ еще поутру Адамъ Василиевичъ а такъ и о томъ сказалъ, что есть отъ Государини приказаніе меня къ ней представить, для чего назначилъ место гдѣ мнѣ во дворцѣ въ вечеръ въ томъ собраніи стоять, дабы скоро было можно меня видѣть, когда Государиня выйдетъ и обо мнѣ спросить.

Вѣсти сіи принесли мнѣ радость и надежду къ достиженію моего счастья, и казалось бы что уже есть и дарога къ тому отворена, однако повидимъ что еще далѣе будетъ.

Я на тотъ часъ не зналъ что болѣе говорить, кроме поблагодаря моему милостивцу Адаму Василиевичу поехалъ на свою квартиру и ожидалъ вечерняго времени чтобъ во дворцѣ быть.

Часъ шестой съ полдня въ началѣ, поехалъ я во дворецъ гдѣ еще мало кто былъ и только что съезжатца стали, а за тѣмъ спусти немного времени уже наполнилась галерея господами и ожидаемъ скоро выходъ Государини.

Назначеное жъ мнѣ место поблизу первыхъ у дверей часовыхъ (гвардіи сержанты съ ружьями два человека тамъ стояли), я повадился у окошка еще заранѣе себя место занялъ и тамъ стоялъ.

Адамъ Василиевичъ также приехалъ и меня видѣлъ и прошолъ далѣе въ пакой туда къ Государинѣ, но не болѣе четверть часа спустя идетъ онъ и снимъ адынь придворной камеръ-лакей, нашедъ меня стоящаго у окошка, приказываетъ мнѣ Адамъ Василиевичъ за тѣмъ лакеемъ итти.

Меня сей провожатой вывелъ со всѣмъ изъ дворца вонъ на большое подъездное крыльцо, и объвелъ воокругъ въ левую сторону возлѣ дворца на другое внутреннее небольшое крыльцо, при коемъ были заперты двери, онъ немного постучалъ въ оныя, но какому знаку двери отворились, выжу что стоятъ два часовыхъ и при нихъ встрѣчаютъ насъ приставлены тамо гвардіи афицеръ, которой спросилъ о пропуске знакъ.

Ведуши же меня въ такомъ дѣле уже былъ снабженъ, онъ вынулъ маленькой на картѣ билетецъ подалъ, почему насъ пропустили, и повелъ меня далѣ ускимъ весма проходомъ мимо стоящихъ на несколькихъ местахъ часовыхъ, при коихъ были фанары съ свечами.

Признатца надобно что сие хожденные привело меня несколько въ страхъ, а тѣмъ болѣе что проходъ весма былъ уской и темно, и никакъ другаго не вижу о кроме тѣхъ только стоящихъ одинъ отъ другаго въ отдалы при свечахъ часовыхъ, и во всякой тихосты.

Прошли мы въ периодъ саженьи несколько и дошли до адныхъ маленькихъ затворенныхъ дверецъ, при коихъ стояло два часовыхъ и одинъ гвардіи сержантъ, онъ ужъ нычего не спрашивалъ, а отворилъ дверцы и меня въ оныя въпустили, а проважатой мой тамъ при часовыхъ за дверцами остался.

Я вошедъ въ пакой коего узналъ, что есть аудиенцъ камара и престолъ стоитъ, дверцы же сии въ кои я вошелъ были за печью прирѣзаны занавесію, тамъ меня Адамъ Василиевичъ дождался, и призывалъ мнѣ стать на томъ мѣстѣ возлѣ печи, и что Государиня какъ выдетъ хочеть со мною говорить, то объявивъ онъ мнѣ пашолъ успешно далъ въ другой пакой къ Государинѣ, въ томже пакое гдѣ остался никакъ болѣе не было, кроме что въ отдалы у другихъ ерей стояли два часовыхъ отъ лейбъ компаніи (тогда бывшей).

Не много погода приметылъ я по тѣмъ часовымъ, что Государиня изъволить итти, она какъ только вошла мимо часовыхъ и увидѣла, то и пошла прямо ко мнѣ, а за нѣю адынъ только Адамъ жиевичъ былъ въ препровожденіи.

Мнѣ жъ какъ прежде сказано, чтобъ упасть къ ногамъ Ея Величества и потомъ вставши ожидать чего меня спрашивать изволить, такъ я и здѣлалъ.

Государиня тотъ часъ стала меня спрашивать о понесеномъ мною итіи что и какъ оное случилось, между прочимъ спросила и то словами, а ты бедной какъ спасся и живъ моѣ остатца.

Я на все сие отъвечалъ и пресказалъ сколько можно было изъяснить коротче, дабы многими словами не трудить Государиню; однако Адамъ Василиевичъ будучи отъ меня прежде обо всѣмъ сведомъ, то онъ тутъ въ некоторыхъ моихъ словахъ дѣлалъ пополюшеніи, Государиня жъ всѣ мои слова и то что Адамъ Василиевичъ говорилъ изволела выслушать и пожалова мнѣ ручку, причемъ сказала, что моею милостию оставленъ не будешь.

Я вторително упалъ къ ногамъ Ея Величества и вставши поклонился, какъ Государиня обратилась итѣть въ собрание въ галлерию, а за тѣмъ далъ мнѣ Адамъ Василиевичъ знакъ итѣть назадъ, почему я отворилъ двери вышелъ, гдѣ мой провожатой меня дождался и повелъ тою же дорогою по прежнему въ галлерию.

Баль уже открылся и продолжалось танцованіе до второго часа послѣ полночь, а потомъ какъ Государиня пошла въ свои покои, то и протчіе господа разъехались по своимъ домамъ.

Я же будучи поленъ радости, отъ коей всю ту ночь почти безсна провелъ, почитая себя уже на верхній степени моего счастья и ожидалъ дня съ великою желанностью, чтобъ еще болше отъ моего милостивца услышать.

Поутру въ часу въ девятомъ поехалъ я къ Адаму Василиевичу, благодарилъ его за оказанную мнѣ милость что его предствительствомъ удостоился я съ моею монархинью говорить и получилъ отъ нея всѣмилостивѣйшее слово слѣдуемое къ приобретению моего благополучія.

Сей господинъ истинно былъ моимъ добрымъ ходатаемъ и желалъ счастье мнѣ дѣлать, какъ изъ всѣхъ его словъ я довольно разумѣть могъ, онъ прямо мнѣ сказалъ что могу я надеженъ быть въ получению монаршей милости и что награжденные мнѣ хорошее будетъ, а остаетца только пообождать, покуда изъяснитъ онъ удобней случай вторително обо мнѣ доложить и по поданной отъ меня челоу бытнѣй учинить докладъ.

Такова надежда была мнѣ давною отрадою и не оставалось болѣе ничего предпринимать, кроме что ожидать совершенной О Ея Величества Высочайшей милости.

Однако жъ сие хотя и было такимъ предметомъ и можетъ бы и дѣлаюся бы въ самой точности мое благополучіе, но сколько

мнѣ мнѣ что уже достигъ до желаемаго, столко же долженъ
ждать еще себя великихъ переменъ и препятствіевъ.

|| Я не говорю о такихъ людяхъ, кои почитающа редкостью и ка-
же бы дѣло ны предпринялы то оное всю съ великою еще прибав-
кою въ ихъ пользу имъ павалываетца, и редко въ томъ препятствіе
имѣютъ; некоторые суть правда люди по достоинствамъ и полезны,
другіе толко рождены съ такимъ счастьемъ, что ни разумомъ ни
стойкостью (и что говоритца ни словомъ ни дѣломъ одарены), а
удбина ихъ слѣпа и течению ихъ счастья препонъ нѣтъ никакихъ,
тѣмъ приобретаютъ сторицею всякое себя награждение и обога-
щаютца во всемъ болше нежелъ самы снести могутъ.

О таковыхъ намъ разсуждать нѣчего, ибо оны съ тѣмъ рож-
денны, и судьбина ихъ такова, что стезю счастья ихъ не пресекаетъ,
водитъ слѣпо на то, чего оны и самы быть не думаютъ.

Если же каму судьбина послужить не хочетъ, какъ таковыхъ
малая часть есть, тутъ ужъ счастье остаетца побеждено и безъ-
малю и помочь нымало не можетъ, хотя бы какъ намерение чело-
вѣка было добро и твердо устроено, и при всемъ томъ что еще
ужба и усердіе его велико не точию въ пользу собственную, но
на службу къ отечеству, то однако всю идетъ на выворотъ, и
къ найдутца на тотъ часъ разные препоны и остановки чѣмъ пре-
пятствитца путь его благополучия.

Правда же и то бываетъ что иногда человекъ самъ собою
оное дѣло испортить можетъ, толко я и то почитаю отъ наве-
нія жестокой судьбине коя помрачаетъ первѣе умъ (по посло-
ве немецкой: *Wân unser Herr Gott jemanden will strafen, so
tut er sie erstlich sein Sinn und den Verstand weg* и въко-
нать въ человекъ мысли такіе кои и водють его къ несчастію,
чего судьбина сама собою преодолѣть не можетъ (ежели съ ху-
лымъ намерениемъ яко она есть двойка, однако болше къ худому
лонна нежелъ къ доброму), то и найдетъ она въ помочь себя съ
ороны советниковъ такихъ, кои пополняютъ хитрыми и вредными
ветама ее волю и тѣмъ приводятъ человекъ къ разному страда-
нію а иногда и къ гибели, для чего и долженъ человекъ тако-
ихъ советовъ остерегатца какбы оны хороши съ перва ны показы-
лись, и не вдругъ на то полагаютца а имѣтъ свою предосторожность,
яко я на то время самъ не остерегся и здѣлалось въ мою перчъ
жма хитримъ и злодѣйскимъ образомъ, какъ о томъ далъ видно
глаголю.

Мнѣ жъ къ достиженію предстоящаго моего счастья что оно исполненіемъ продолжилось первая препона была та, что случилась тогда при дворе на некоторое время трауръ по княжнѣ Аннѣ Петровнѣ коя скончалась на второмъ годѣ своего рожденія, дочери тогда бывшаго великимъ крязѣмъ что потомъ Императоръ Петра третьяго, отъ чего было Государинѣ Елисаветъ Петровнѣ скорбь и въ здаровьи несколько премена, для чего и не могъ Адамъ Василиевичъ учинить обо мнѣ доклада, и тѣмъ осталось мое дѣло въ ожиданіи въпредъ удобнаго времени.

На тѣхже дняхъ какъ обыкновенно всякой день бываю я у моего мандира и великаго милостивца Адама Василиевича, то онъ самъ спросилъ о моемъ жалованіи за сколько времени я оное не получаю чтобы о томъ подать въ кабинетъ доношение, что я здѣлаю съ писаніемъ за доводенцеесъ время къ получению онаго, почему тотъ часъ велѣлъ написать въ штатсѣ кантору, чтобы выдать штату гусарскихъ полковъ по чину моему окладное жалованье, а за раціи и за порціи съ денчинымъ по ценамъ Петербургскимъ выдать же денги, почему я вскорости и получилъ всего тысящу триста девятнадцать рублей съ копейками, сверхже того Адамъ Василиевичъ самъ отъ себя къ моему вспоможенію учинилъ определеніе чтобы выдать мнѣ изъ суммы кабинетской на щетъ тѣхъ денегъ, кои мнѣ отъ Ея Величества будутъ пожалованы за понесенное мною въ пути несчастные пять сотъ рублей, и тако я вдругъ получилъ суму денегъ, на тотъ первой случай къ моему подкрѣпленію давольно, и ужъ не было мнѣ нужди ни вчемъ.

Я исправилъ себя вѣновь какъ мундиромъ такъ такъ и другимъ потребнымъ экипажемъ и проводилъ время съ харошю надеждою весело, ездилъ часто во дворецъ и по господахъ, конны всгда принимаемъ былъ ласково и приятно, а особливо Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, бывши тогда своимъ приступомъ наиблизши къ Государинѣ, онъ какъ и прежде меня зналъ такъ и тогда будучи о моемъ несчастіи сведомъ, то потому и обнадежилъ меня своими словами столь давольно къ моему благополучію, что я самъ болше и какъ желатбы на могъ (мнѣ Адамъ Василиевичъ самъ прилазывалъ чтобы до сего господина по часту хадытъ).

Въ адинже день поутру посилаетъ за мною Адамъ Василиевичъ, и объявляетъ мнѣ какъ я къ нему приехалъ, что изъ Сената писано въ Кабинетъ и что требуютъ меня на предъставленіе изъ Москвы отъ Черногорскаго митрополита для отъправленія въ Москву

черногорской команде, и спрашиваетъ меня Адамъ Василевичъ юлы я о томъ и что оно такое значить, я ему отвѣчалъ что ю и что проездомъ мойиъ чрезъ Москву Черногорцы меня про- ны къ себѣ въ командиры, но говорю я къ тому не приступыль утъазался, а таперъ можетъ быть оны самы собою таково пред- шение учинили безъ моего на то согласія.

Адамъ Василевичъ, выслушавъ мои слова и говорить, когда шего на то нѣтъ согласія, то и требование сие останетца недѣй- вительно, и велѣлъ написать въ Сенатъ, что безъ особливаго отъ Ея мнчества повелѣнія меня отъ Кабинета отъпустыть не можно.

Толко на томъ не осталось, а вторителное требование изъ Се- та объ отпуске меня въ Кабинетъ прислано, съ тѣмъ объясненіемъ, о Сенатъ уже учинылъ свое определение быть мнѣ при Черногор- хъ командиромъ, яко оны самы о томъ просить, однако и на то талось безъ действия и я отъ Кабинета не отъпущенъ, а между мѣ приехалъ самъ Черногорскій владика въ Петербургъ, и сталъ нагатца о скорейшемъ меня въ Москву отъправленіи, и какъ о нъ я узналъ, то поехалъ къ нему съ тѣмъ объявленіемъ, что моего ланыя нѣтъ, и что я на себя ихъ тягосты къ исправленію не мнимаю, и просилъ его, чтобы оны меня оставили съ покоемъ, яко владика отвѣчалъ несколько съ неудовольствіемъ, показывая въ определение сенатское, въ коемъ написано, что я определенъ Черногорской команде командиромъ, и говорить владика, что де перъ вы изволите Правительствующему Сенату объявить свое мненіе гите ль тамо быть или нѣтъ.

Владика свое дѣло по той его камысіи могъ бы еще на хоро- го степень было вывести, если бы имѣлъ у себе постоянное, а онъ какъ скоро приехалъ зачалъ тотчасъ возобновлять сору съ Моромъ Петровичемъ, възваливая на его вынѣну, что камысію свою могъ въ точности исполнить какъ обещагъ, а къ тому занесъ де прозбу, чтобы майору Петровичу запретытъ называтца именемъ о фамиліи, не уважая на то, что онъ его съ зачала вездѣ называлъ омиъ племянникомъ и по господахъ съ собою возилъ и рекомендо- гъ, а напоследокъ сталъ опорочать его и доказивать, что онъ не гъ Черногорецъ и не Петровичъ по фамиліи, а Шаровичъ.

Таковъ отъ владики поступокъ нанесъ господамъ давольно затруд- шия, а къ тому еще и дѣла Черногорскіе по Москве, что оны шалы было великою досадою для чего чтобы все сие прекратить

не допущено владике далъ въ Петербургѣ проживать, чего онъ не сподѣвался, принесено ему на квартиру денегъ пятьсотъ рублей на дорогу и приведены почтовые лошады, съ приставленнымъ провожатымъ отъправленъ тую же вечеръ въ Киевъ, а отътуда за границу высланъ онъ, потомъ спустя сколько лѣтъ опять было въ Петербургъ приехалъ, не знаю чего онъ хатѣлъ, однако вскоре заболѣлъ и скончался тамъ.

Майору же Петровичу тогда при военной коллегіи учинѣтъ допросъ, почему онъ пишется фалшиво Петровичемъ, какъ о томъ на него владика показалъ, сей афицеръ не былъ простъ въ своемъ дѣле и умѣлъ себя очистить, и показалъ, что онъ и подлинно не есть племянникъ владика и не той фамиліи, а пишется Петровичемъ по своему прозванію отъ имени прадеда своего, коему было имя Петръ, что же владика на него объявлялъ, что онъ есть Шаровичъ, то и о томъ въ отписку себя показалъ, что таково названіе прилепылось отцу его отъ простихъ людей по наречію сербскаго языка по притчине его лица отъ воспы спорченаго, а впротчемъ по доносу на него отъ владика, что по комысіи происходило о томъ также показалъ свои справедливые объясненіи, почему освобожденъ, и по его прозвѣ уволенъ на годъ въ Цесарию въ городъ Триестъ для исправленія имѣющагося тамъ своего дѣла. Черногорци же находящіеся въ Москвѣ препоручены въ ведомство состоящей въ Москвѣ военной коллегіи канторе, и надъ ними командование находящемуся въ Москвѣ жъ прежде бывшему въ Венгерскомъ гусарскомъ полку полковникомъ, а тогда въ отставкѣ генералу майору Фелкеру, съ тѣмъ, покуда на требование Сената нѣтъ отъ Кабинета отъпускъ воспослѣдуетъ, и потомъ формировать эскадроны и строить мундиры и другую подлежащую амуницію.*

Дѣло же мое докладомъ залежалось у Адама Василиевича слѣшкомъ уже долго, и хотя о ползѣ моей въ словахъ и есть надежда, но однако мысли мои приводили меня несколько въ сумнительство, для того что изговорки стали выходить, что не досугъ за другими важными дѣлами, а къ тому еще и удобнаго къ докладу времени изобрести не можно, и тѣмъ пошло день отъ дня въ отлагательство.

Правда что не было въ Адаме Василиевиче въ наружности никакой премены и онъ всегда былъ ко мнѣ ласкавъ, да придворные обряды были мнѣ несколько уже сведомы, то и опасался я нѣтъ ли у

* Объ этомъ выселеніи Черногорцевъ въ Россію см. *С. М. Сожсеева, Исторію Россіи*, т. XXIII, стр. 264—266, т. XXIV, стр. 234—236.

нѣго на умѣ, чего скрытого, ибо обхожденіе его со мною, было какъ бы некоторымъ образомъ на пробѣ, я у него состою, ласкавъ въ разговорахъ слишкомъ да дѣло идетъ въ проволочку, и тѣмъ надежда моя стала ослабевать.

У него были дѣти отъ первой и отъ второй супругъ, дочери и сыны, я съ ними часто видѣлся и былъ знакомъ, обхожденіе жъ было мое съ ними въ комплиментахъ и въ разговорахъ, а далѣ сказать ничего не умѣю, и живу только праздно безъ никакого дѣла и должности; ужъ и езда по городу мнѣ по пустому также наскучила.

Петербургъ тогда былъ еще нисколько не устроенъ и походилъ только на обширное селеніе, нежелъ на столицу; въ немъ было двѣ или три улицы несколько исправлены, по коимъ еще ездить было можно, а на другихъ завалено нечистотою и грязь по уши, и прегрѣдилось всю разъ по несколько что ужъ въ забаву ничто не было диковною, а развѣ фейеръверки кои часто бывали, то тѣ глядѣть было достопамятно, тѣмъ только что по несколько десятковъ тысящъ рублей зъгоритъ въ полтора часа, и исчезнетъ димомъ, и тако болѣе скучно было празно жить нежелъ весело, наносѣлокъ утѣха моя была препровожденіемъ времени зимнимъ, тогда временемъ въ чтеніи книгъ конхъ я тамо искупилъ и стѣмъ забавлялся.

Война же съ Прусакомъ продолжалась еще непрестано и была жестока, почему съ зачала учреждена была при дворѣ конференція, и приходящія дѣла изъ арміи туда въходили, отъ коей по релациямъ и по рекомендаціи командующаго арміею дѣлалось штабъ-афицерамъ въ чинахъ повишеніи, въ томъ числѣ вижу и слышу, я что состоящие при гусарскихъ полкахъ мои сверстники некоторые получили чины большъ, между коими моложе меня секундъ майорскимъ чиномъ Сербскаго гусарскаго полка Петръ Тукелія уже подполковникомъ, моего имя въ релации было написано просто майоръ, почему уже въ конференціи не разбирали секунды онъ или примеръ майоръ, а какъ было написано то на томъ и оставили и прескочивъ чинъ премьеръ майорски произведенъ подполковникомъ, мнѣ сие что остался тронуло жестоко, и было знакомъ яснымъ что люди служащія при арміи на войнѣ получаютъ чины, а я живучи въ сторонѣ остаюсь обойденнымъ, для чего вселялось мнѣ въ голову что итѣть къ арміи и службу доказать, что и я таковъ могу быть какъ и протчіе.

О такомъ моемъ намереніи что въ армію итѣть и служить на войнѣ, и что моложе меня получили чины а я остался, въ одинъ день будучи у Адама Василича, въ разговорахъ обливалъ я ему,

а о своемъ дѣлѣ кое отъ его старания себѣ ожидаю просилъ что бы не оставилъ своею милостію привести ко окончанію, однако при метылъ я изъ его словъ что онъ тѣмъ не былъ доволенъ, и гово ритъ мнѣ, что де вы по такому намеренію пользы мало получите можете а разве только убытокъ, ибо война можетъ быть прекратитъ ся то и производства чиновъ въпредъ безъ старшинства быть не мо гутъ, и вы только напрасно въ ездѣ трудъ имѣть будете, а я де ду маю говорилъ онъ чтобы вы на томъ положеніи остались и надалъ какъ таперь есть, и ожидались своего счастья здѣсь.

Мнѣ сія слова хотя и были несколько въ подкрѣпленіе моею надежды, но что день за день время проходить безыплодно то и навалыла на меня такая скука что ужъ мнѣ ничто немыло, и я поч ты сделался боленъ, — а тѣмъ болѣе что голову мне отяготили ве ликіе мысли и ожило въ умѣ что армія, и при оной служба и про изводство чиновъ и тому подобное.

И тако после понесенного мною отъ потопленія водного несча стія, остался я не много времени свободенъ, а было надобно опла тивъ новые несчастія и разные досады встрѣчать, ибо моя судьбина сто много была жестока что своимъ за мною гонимымъ не умихнула нымало, и взявши верхъ надъ счастьемъ отвела меня со всѣмъ в стору и съты свои къ уловленію сплетать зачала, периле тѣмъ что вселяла мнѣ вголову мысли такіе кои и были зачаломъ ее дѣй ствія; а то бы однако еще можетъ быть у меня изъ головы истребылось и не дошло бы въдалъ такое намереніе, если бы не предъупреждено было съ стороны людми такими, кои успѣли обра зить своею хитростію всю ту надежду слѣдующую къ моему благо получію на такую путь, которая къ достиженію счастья была про тивна (какъ ниже я говорить буду), и осталось въпредъ уже малсе гда мое произхождение съ великими препомами и пребываніями так далеко, что то бедное мое счастье сколко оно ни защищало себѣ и бололось предо мною и какбы сказать достигало иногда до своей сла вы, однако не могло остатца надолго свободнымъ безъ поврежденія, и тѣмъ было мнѣ частіе премены и неудачи въ моихъ обстоя тельствахъ.

Выше сего на многихъ мѣстахъ въ сей часты моего писанія довольно я говорилъ какъ о Черногорской камысін такъ и о выходе народа въ Россію, и что еще остались чрезъ ту зиму въ Цесарѣвыхъ выходы изъ Турецкой области Сербы подъ названіемъ Черногор цовъ, коихъ для препровождения находитца тамо поручикъ Ездими

овичъ и адютантъ Марковъ, о коихъ уже генералъ поручикъ Хорватъ въ Новой Сербии чрезъ посланныхъ въ Цесарию за змунични-ны вещмы афицеровъ по возврате оныхъ былъ уведоменъ, что тѣ люди въ наступившую весну препроводимы будутъ въ Киевъ.

Онъ же Хорватъ былъ и о томъ еще сведомъ, что въ Москвѣ находящіяся Черногорцы остаются безъ разпределенія, а также и то онъ зналъ, что владика Черногорскій высланъ за границу, то и роспешилъ Хорватъ какъ говоритца, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить.

Онъ въ началѣ 1759 года въ февралѣ месяце поехалъ изъ Новой Сербии въ Петербургъ, и приехавъ первѣе въ Маскву сталъ квартирою въ сторонѣ на Кожевникахъ у своего подрядчика купца Шенкулютина, имѣлъ съ собою несколькихъ своихъ наперстниковъ, кои въ уловленію людей великую хитрость въ себѣ имѣлы, и достигали во всемъ томъ, что только Хорвату было угодно, какъ и тогда будучи въ Москвѣ послалъ Хорватъ тѣхъ своихъ, первѣе такъ по городу проездить и туда также велѣлъ имъ побывать, гдѣ Черногорцы на Емской улицѣ квартиры свои имѣлы, и съ ними чтобъ видѣтца и говорить, и узнать кто изъ афицеровъ между ими есть, а къ тому и въ простыни чтобъ познакомиться и разпросить обо всемъ, что и какъ между ими происходитъ.

Сія посланіе приехавъ въ паряде своихъ мундировъ, туда въ Емскую къ Черногорцамъ и вошедъ въ состоящій тамо трактыръ, потребовалъ того и другого изъ напытковъ, подчювалы тѣмъ нашедшихъ тамо несколькихъ человекъ изъ простыхъ, а потомъ посламы и за другими, кои собравшись яко еще незнакомые въ томъ числѣ были и тѣ, что назначены въ чины афицерскіе, тутъ ужъ завелось маленькое ширование и знакомство и стали букалы за здоровые общества действовать и препылись до пьяна, причемъ тѣ посланные о Хорватѣ великіе разговоры имѣлы выхваляя его дѣла, и какъ онъ великъ и силенъ въ своемъ предпріятіи, и что приехалъ въ Маскву и едетъ въ Петербургъ, и на томъ у нихъ тотъ первый день прошолъ.

А на завтре тѣ Хорватовы посланные опять туда жъ въ Емскую приехали, къ коимъ уже яко половину знакомые собралось поболшѣ Черногорцовъ, и между разговорами при стаканахъ скланилы, чтобы Черногорцы самы пашли къ Хорвату на квартиру, адно за то, чтобъ его видѣть, а друго и то, что рекомендоватца въ его милость и просилы бы его, какъ онъ едетъ въ Петербургъ о неоставленныхъ ихъ

своимъ стараніемъ, яко оны люде иностранные и что никто такъ не можетъ имъ быть въ помочъ, какъ Хорватъ выхваляя при томъ его могущество до небесъ.

На тѣ совѣты некоторые изъ Черногорцовъ повернули себя и пашлы къ Хорвату, коихъ онъ ласкавыми своими словами принялъ, сожалѣя объ нихъ, что оны такъ долгое время претерпѣваютъ нужду, и не имѣютъ еще своего основанія, и что далѣ ежелы на томъ останутца могутъ и совсѣмъ пропасть, и тому подобное онъ Хорватъ дѣлалъ имъ свою проповѣдь.

Причемъ поднесено было букалы и стаканы съ виномъ и съ другимъ напыткомъ, подъчевалъ, и столько часовъ ихъ у себя держалъ, покуда на послѣдокъ довелъ помочью своихъ приставовъ, что тѣ Черногорцы, сколько ихъ тамъ на то время къ нему пришло, согласилсъ быть у Хорвата въ камандѣ и о томъ просить стали.

Хорватъ яко поленъ лукавства (какъ я о томъ оносилъ узналъ), видя ихъ склоность и что оны уже уловлены здѣлался предъ ними, будто оны ему не надобны и говорилъ, что де я сожалѣю объ васъ только для того, что вы люде иностранные и терпите такъ долгое время нужду, и не знаете еще своего настоящего опредѣленія, а впротчемъ нужди никакой въ васъ не имѣю, чѣмъ и довелъ онъ ихъ еще болше въ свою понызеность и прилѣжнѣе его просить стали, на что на послѣдокъ Хорватъ согласился и сказалъ, дабро вы что таперь просите, то я принимаю, но на то надобно, чтобъ на писме на имя мое отъ васъ была прозба, почему бъ какъ приеду я въ Петербургъ могъ объ васъ предъпринять свои меры.

Таковыхъ Черногорцовъ просителей не было болше тогда у Хорвата какъ человекъ съ дватцать, оны согласилсъ дать отъ себя таково прошение на писме, каково сочинилъ онъ Хорватъ самъ и далъ переписать, на коемъ тѣ просители кто былъ грамотенъ самъ за себя и за другаго неграмотнаго своего товарища подписались всѣ, и при именахъ поставили кресты, съ прописаніемъ, что оны всѣ вообще желаютъ быть у него Хорвата въ камандѣ и признаютъ его своимъ главнымъ командиромъ; причемъ однако сказывали оны Хорвату на словахъ и обо мнѣ, что оны предъ тѣмъ подали прозбу и ожидаютъ меня къ себѣ, какъ о семъ више я упоминалъ, но Хорватъ на то имъ отвѣчалъ, что онъ ужъ обо всѣмъ по приездѣ своемъ въ Петербургъ будетъ имѣть свое разсмотрѣніе.

И тако Хорватъ приобретши на первой случай уже къ своему намеренію слѣды открытыя, вознамерился производить сие дѣло далѣ, онъ наградылъ тѣхъ просителей много, что простіе были денгами, а другимъ кои почтѣнѣе были далъ сукна на мундиры, а некоторымъ прѣма изъ ничего чины афицерскіе объявилъ, и велѣлъ всѣмъ имъ ожидать скорейшаго своего къ нимъ приезда, и съ тѣмъ онъ въ заутренній день изъ Москвы выехалъ и потомъ вскоре прибылъ въ Петербургъ.

Онъ первѣе устроилъ свои хожденія, побывалъ у господъ и вскоре потомъ подаетъ въ Сенатъ представленіе съ приложеніемъ и того письма, что Черногорцы въ Москве ему дали, и просить чтобъ всѣхъ Черногорцовъ опредѣлить ему въ команду, но таково представленіе въ Сенатѣ не апробовано, и сказано, что въ дѣло принять не можно для того, что надлежало первѣе то письмо объявить въ Москвѣ въ состоящей тамо военной коллегіи въ канторѣ, отъ коей при своемъ представленіи въ Сенатъ възнестъ, и тогда бы потому Сенатъ имѣлъ свои разсужденія, причемъ и то Хорвату сказано, что уже опредѣленіемъ Сенатскимъ положено на томъ, для успокоенія Черногорцовъ, что состоящему при Кабинетѣ манору Пишчевичу по ихъ Черногорцовъ прошенію быть надъ ними командиромъ, коего Сенатъ по требованію объ отпуске отъ Кабинета и ожидаетъ, почему иначе и предѣлать не можно, а разве что онъ майоръ самъ согласится и отъ себя подаетъ прозбу, то тогда и здѣлается по вашему прошенію.

Хорватъ того не сподѣвался, чтобъ ему въ томъ могло быть какое препятствіе, а также и того не зналъ, что я къ Черногорцамъ самъ быть не желаю, а почиталъ болшъ, что я того искалъ, и потому въ его предпріятіи здѣлалась ему маленькая разстройка, не зная еще слѣда какъ бы меня склонить на свою сторону, ибо я на тѣхъ дняхъ его приезда еще у него не бывалъ и съ нимъ не видался.

Я же о семъ, что Хорватъ по Сенату ищетъ еще не зналъ ни слова, и не было мнѣ вымало надобности о томъ мыслить и было бросилъ и Черногорцовъ и всю ихъ безпутную камысию въ забвѣніе, а болѣе отяготены мысли мои были тѣмъ, какъ бы получить ожидаемое мною чрезъ Адама Василиевича счастье и потомъ итти въ армию.

Но все сие было только одно мое воображеніе, а въ самомъ дѣлѣ чему быть, то ужъ судьбина моя свое дѣйствіе приуготовила, и Хорватъ на то приведенъ, онъ какъ не зналъ моего намеренія и почи

такъ моимъ желаніемъ, что быть при Черногорцахъ, конхъ онъ какъ ему въ Сенатѣ сказано, что безъ моего на то согласія въ команду себя получить не можетъ, то и надобно ему было меня видѣть и со мною говорить, для чего въ одинъ день по утру прислалъ Хорватъ ко мнѣ своего порутчика Вайду, которой прежде былъ мнѣ немного знакомъ и просить къ себе, желая меня видѣть, я на сей визитъ и на комплиментъ поблагодарилъ и сказалъ что буду.

Надобно же знать, что Хорватъ меня еще въ моихъ молодыхъ лѣтахъ (только что я афицеромъ произведенъ), будучи въ Цесарской службѣ хотя немного и знавалъ, но до отъезда его въ Россію за несколько лѣтъ прежде и послѣ касированія той Поморинской ландмилиции, въ коей онъ служилъ, я ужь его не видалъ, и тѣмъ между нами почты твердаго знакомства не было, то сей въ Петербургѣ тогда случай почелъ я приятною сыерва оказіею, что съ такимъ большимъ господиномъ познакомытца, а паче что онъ самъ ко мнѣ такъ ласкаво чрезъ присланного своего отозвался, для чего и спешилъ я скоріе (слѣпо не ведущи какъ въ петлю) къ нему на дворъ.

Онъ меня приехавшаго на дворцовой каретѣ чрезъ окошко выдѣлъ, и высалъ къ лѣснице своихъ апостоловъ меня встрѣтитъ, а самъ у дверей своего пакоя также меня встрѣчаетъ и принимаетъ лукавымъ лобзаніемъ со всякою притворною приятностію, чего я на то время ныже малѣйше не примечалъ, а болѣе былъ тѣмъ доволенъ, что время принесло его видѣть и зделатца ему знакомымъ.

Мы до обеда провели время въ разговорахъ и не доходило ны важности ны дѣла, а такъ какъ обыкновенно въ первое свиданіе между немного знакомыми людьми бываетъ, а послѣ обеда поседѣлъ я у него еще съ часъ места и хатѣлъ было отклонитца и ехать, но Хорватъ удержалъ меня еще несколько и просилъ, чтобы я завтра у него быть на обѣдъ и съ тѣмъ ужь подъ вечеръ поехалъ я на свою квартиру.

Въ завтрашний день по утру былъ я какъ обыкновенно у моего командира Адама Василиевича, а отътуда возвратившись, какъ въ тотъ день былъ дождь съ снегомъ, то чтобы въ одну посадку захватить уже и къ Хорвату, было то еще заранѣе до обеда и Хорватъ также со двора выехалъ, меня встрѣтили его причетники и приняли ласкаво сказывая, что генералъ поехалъ къ генералу-прокурору и что скоро будетъ.

То время, покуда Хорватъ приехалъ не болѣе часа полтора провелъ я съ симы его наперстниками въ разговорахъ, кои нѣтъ удобной случай разпостеретца своимъ предо мною лукавствомъ, ны-

чѣмъ болѣе какъ только о томъ, что Хорватъ обо мнѣ много имѣ похвалы пресказывалъ, и какъ да оны и самыя за великое удовольствіе себы ставить, что случай имѣють со мною познакомитца, даже что и рекомандоватца стали, выражая словами своими сколь много счастливыми почитали бы оны себя, если бы я между ими былъ, и тому подобныя слова не преставали говорить, но притомъ такъ искусно съты плели, что ниже малѣйшаго подозрѣнія приметить было не можно (чего я и не думалъ быть), а о Черногорцахъ, что въ бытность ихъ въ Москвѣ дѣлалось ниже слова не упоминали, между тѣмъ и Хорватъ на дворъ приехалъ и увидѣвъ меня чрезвычайно радъ былъ.

Онъ до обеда сидѣлъ со мною самъ адынь въ разговорахъ наиболѣе спрашивалъ, какъ и что и на какомъ положеніи я въ Петербургѣ живу, и съ какими намереніемъ еще далѣе здѣсь время провести хачу, а также и то спросилъ, чтобы то значило, что на дворцовомъ экипажѣ и съ слугами я ежу, то ужъ и было его предметъ первой, чтобы узнать стороною отъ меня самаго обо всѣмъ томъ и на чемъ я полагаюсь и къ чему моя склонность есть, дабы не дѣлать никогда въ своемъ предъпріятіи ошибки, и не открыть бы вдругъ предо мною о Черногорцахъ своего намеренія, яко онъ также не зналъ и обо мнѣ, какіе мысли я о томъ имѣю, а заключалъ болше, что я самъ того ищу, для чего и устроилъ онъ себя своими запросами такъ скрито, что нисколько не подавалъ видѣ въ чемъ либо сумнѣватца, и ожидалъ первѣе, чтобы изъ словъ моихъ надобное ему узнать; не зналъ же онъ и того, что когда бы о Черногорцахъ на периодъ пріема безъ закрытія мнѣ сказалъ, что онъ ихъ имѣть желаетъ, какъ бы я отъказался отъ нихъ съ охотою, и уступилъ бы ему оныхъ такъ дешево, что ни одного шага труда его не стоило бы и тѣмъ можетъ быть остался бы я въ своемъ положеніи при Кабинетѣ съ покоемъ, и не уронилъ бы своего счастья, которое уже было мнѣ приуготовлено, а то онъ Хорватъ шолъ около меня съкрыто и лестію такою какъ бы только меня уловить и достигнуть до своего предъпріятія, ибо ему хотѣлось приобрести баришъ двойной адно, что людей получать, а друго и меня въ команду свою привести, чѣмъ и отъшвыбъ всю мою надежду къ моей уже всегдашней порче и къ несчастью, что и говорю я какъ моя жестокая судьбина раждала адно изъ другаго и встрѣчала меня разными препонами и пребывками, и тѣмъ осталось то бедное мое счастье побеждено.

У насъ съ Хорватомъ то же утро, какъ оставалось въ нашихъ разговорахъ еще несколько свободнаго времени до обеда, то на его

запроси о конхъ више я говорилъ въ удовольствіе пояснѣлъ ему, что камысию имѣлъ я въ покупке въ Трансильваніи ко двору потребныхъ лошадей, и какое было въ дароге мое у обратномъ пути несчастье, и что по приездѣ моемъ въ Петербургъ камысія моя ея величеству была угодна, и за то объявлено мнѣ монаршее благоволеніе, и данъ для поездки моеи въ городъ отъ собственной ея величества канюшин карета, слуги и лошады, причѣмъ и о несчастіи понесеномъ мною пресказалъ я Хорвату, что по докладѣ отъ кабинета министра Адама Василича Алсуфьева ея величество изволеа много сожалѣть, и велѣла меня къ себѣ представить, а какъ обо всѣмъ спрашивала и что всемилоостивѣйше ея величество обнадежила меня награжденіемъ не оставить, почему таперъ и остаюсь въ ожданіи той отъ ея величества милосты, а потомъ какъ разсмотрю сказывалъ я Хорвату илы остатца уже навсегда при Кабинетѣ илы можетъ быть проситца буду къ арміи, какъ война еще съ Прусакомъ продолжаетца, то чтобы еще въ спихъ моихъ молодыхъ лѣтахъ и на войнѣ службу свою показать.

Изъ сего отъ меня сказаного объясненія уже Хорвату узнать было довольно, и онъ болѣе меня ны о чемъ не спрашивалъ, а приказалъ на столъ кушать подаватьъ, что тотъчасъ и зделано и мы сълы обедать, за конѣмъ немного времени въ разговорахъ у насъ прошло и вѣстали.

Послѣ жъ обеда спустя съ полъчаса, какъ уже намъ поднесенъ было кофе разошлись его сопричетники на свою половину, а Хорватъ взявши меня за руку повелъ въ свою спальню и тамъ посадыа, возлѣ себя, и зачалъ мнѣ пресказывать, называя свои дѣла секретными, и о доверенности на томъ его въ Новой Сербии поселеніи данной ему, и какъ по его прожеку учинѣтъ въ ползу выходящаго къ нему иностранаго народа планъ великъ, и что у него зачинаются формированіемъ вновь два полевыхъ гусарские полка, адинъ Македонскій, а другой Болгарскимъ названы, въ кои набираются люде такие, кои по выходе изъ своего отечества какъ Сербы, такъ Валохи, Греки и Молдоване, молодые холостіе люде, отъ коихъ случается, что большъ желанности имѣютъ продолжать службу въ полевыхъ полкахъ нежелъ заводитца економіею и быть на поселеніи, то де я говорилъ Хорватъ нашелъ за полезное сіи полевые два гусарские полка учредить и такими людми наполнить оныя, и что онъ Хорватъ о спихъ полкахъ самъ собою сочинилъ особливой штатъ (и показиваетъ мнѣ оной), почему какъ много Правительствующій Сенатъ доволятъ, и что уже все сие къ установленію препоручено въ главную дирекцію на

его, даже что и въ чины-штабъ и оберъ офицерскіе въ сихъ двухъ полкахъ равно и въ Новой Сербии кою онъ въ какой чинъ быть назначить, то ужъ на томъ оной и остается.

Къ тому жъ продолжалъ Хорватъ далѣ свои пресказы, что онъ вездѣ и въ разныя страны чрезъ своихъ поверенныхъ учинилъ какъ о распространеніи Новой Сербии такъ и о сихъ двухъ новыхъ полевыхъ полкахъ извѣстия и народъ возбудилъ къ выходу, почему де въ недавнѣ уже имѣеть изъ Греціи, Молдавіи, и Валахіи извѣдомленій, что народъ великую желанность къ выходу имѣеть, и будутъ въ скорости изыскивать случай къ нему въ новую Сербию выйти, и такими его трудами какую пользу онъ отечеству Россіи уже показалъ, и могъ бы еще и болше дѣлать, только де ему адно не достаетъ я сталъ о томъ жаловатца.

Вы де другъ мой говорилъ Хорватъ давольно уже слышали сколько я людей счастливыми дѣлаю, доставляю имъ чины и выводилъ на степени изъ людей такихъ, кои были самые простіе по пужде такой, что неимѣть достаточнаго числа изъ вышедшихъ со мною изъ Цесаріи офицеровъ, а хотя таковы вышедшіе и состоятъ въ полкахъ въ командѣ моей, что знаютъ службу и показываютъ отъ себя примѣръ другимъ, коихъ однако по тапернишней воинѣ принужденъ былъ съ моимъ полкомъ (называемымъ Хорватомъ) отъправитъ въ армию, а за тѣмъ по обширности и умноженію народа на поселенію въ Новой Сербии и въ сихъ двухъ новыхъ мною формирующихъ полкахъ гусарскихъ полкахъ остаются почти безъ добрыхъ и знающихъ офицеровъ, и тѣмъ принужденъ уже пополнять места вновь произведеніями, а также стараюсь въ пользу общества изъ иностранныхъ постороню, гдѣ како достойнаго человѣка достать могу приглашать къ себѣ, но вспо еще и по нинѣ въ томъ недостатокъ несу, а болѣе всего что помощника у меня нѣтъ на ково бы положитца могъ, хотя де и былъ у меня адынтъ изъ нашихъ со мною вышедши кою и вы знаетъ (указывая на тогда бывшаго подполковникомъ Николая Ивановича Чорбу), но и онъ Богъ его знаетъ говорилъ Хорватъ что по его праву не хотѣлъ тамъ у меня на поселенію остатца, а болѣе чрезъ негодныхъ людей, коихъ онъ слушася покинулъ свои фундаментъ и пашоль во вновь формирующіи Белой Слободской гусарской полкъ, и таперъ при такомъ важномъ дѣлѣ адно что я полевые два полка формирую и ужъ почти со всѣмъ на ногахъ поставлены, а друго и то какъ вскоре ожидаю къ себе выйти народа то и во имѣю никаво себѣ въ помочь, а правду ска-

затѣ что и не нахожу никаво такова другаго, кто бы могъ возмъ по внутренности управлять и былбы мнѣ помощникомъ, какъ и что васъ на то достойнымъ изъбираю, то для того и открываю и говорилъ Хорватъ мое намеренны, и желаю чтобъ всю ту честь, ву, и похвалу вы со мною по поламъ дѣлили, что и зависитъ перъ отъ адного вашего толко согласія, а вамде сумнѣватца и ло ни очемъ не надобно, и вѣртѣ что всѣ чины и достоинства вс за мною достигать большъ нѣкому какъ толко вамъ, чѣмъ на сей вой случай и доказать хочу, что вы на сихъ дняхъ изъ нонѣш вашего секундъ въ примеръ-маюрки чинъ произведены будете, симъ въскоре и не далѣе трехъ месяцевъ доставлю вамъ и полковничъ чинъ, и потомъ безъ сумнѣнія положитесь что еще ад года пржеде, будете полковникомъ въ чемъ дамъ вамъ мое слово.

Я выслушавъ всѣ сіи сладкіе Хорватовы слова и обнадѣненіи, не подалъ ему ни мало склонности и говорю ему что благо васъ много за ваши обо мнѣ хорошіе мысли, но какъ я имѣю место и состою при дворѣ и на содержаніи дворцовомъ какъ и пажемъ такъ квартерою и протчимъ, и ожидаю далѣе все свое гополучіе отъ милости Ея Величества, то и не могу я сего и оставить и безъ никакова резона отойтѣть, а по полученіи и ожидаемаго счастья говорилъ я Хорвату, ежели бы и до того что отъ двора отойтѣть, то однако не иначе полагаюсь, и чу служить по моимъ еще молодымъ лѣтамъ въ арміи въ поле полкахъ, а на поселеніи быть не имѣю воли нымало.

Хорватъ получивъ таковъ отъ меня отвѣтъ, продолжалъ еще свои слова и разговоръ о той же матеріи и провели мы и почти целый депъ, и ужъ подвечеръ какъ я хатѣлъ итѣть то и просилъ чтобъ остатца у него ужинать на что я и согласъ а послѣ ужина поехалъ я на свою квартеру.

На завтрешны день въ часу девятомъ поутру пришла ватавова сита ко мнѣ съ визитомъ, тутъ былъ первой протопопъ личъ, да капитанъ Григорій Булацелъ, порутчикъ Вайда и его вата адютантъ Черныковъ, всѣ съ великою учтивостію и приятными словами, сидѣлы оны у меня съ часъ целой, продолжали разго о своихъ местахъ выхваляя доброе своего камандира распорядъ и какъ онѣ тамъ благоденствуютъ и живутъ во всякомъ удово. но еще адного бы желалы чтобы и я между ими былъ; упои какъ ево превосходительство господинъ генералъ Хорватъ гараче возлюбилъ и намеренъ старатца о моемъ въпрѣдъ на всегда и

данинъ Булацель, онъ заходилъ на мою квартиру и не нашедъ ни
на, спрашивалъ слугу моего обо мнѣ и гдѣ я, а тотъ ему сказавъ
то потому и нашолъ онъ меня.

Я какъ скоро его увидѣлъ, было то мнѣ несколько претивно чт
онъ яко незнакомой моему приятелю, а также и я самъ не имѣл
еще дной какъ его сталъ знать, и что я за чѣмъ къ нему туда при
шолъ не знаю, для чего чтобъ узнать подошолъ я къ нему: сирѣчь
вѣдалъ какой по мнѣ надобности, онъ извинялся о своемъ при
ходѣ и говоритъ что повелѣнъ искать меня и подаетъ мнѣ бѣглаго
писаной Хорватомъ своею рукою, проситъ чтобы я какъ можно по
скорѣе къ нему приехалъ, ибо де имѣетъ нужное дѣло мнѣ сказать
при чемъ и сей посланной также сталъ просить, чтобъ я не отъказы
вался а поехалъ туда, объявляя притомъ что его генералъ сей часъ
приехалъ дамой, а быде коно у каво у господъ и надобность бо
шую имѣетъ меня видѣть.

Мнѣ жестоко не хотѣлось приятной своей компаніи покидати
и зачалъ было изъгавариватца что таперъ уже поздно въ ночь,
что завтра по утру туда буду, однако сей посланной апостолъ столь
былъ нашколовъ творить волю пославшаго его, что около меня увер
тывался своею прозбою столь прилжно, что ужъ принужденъ я былъ
покинуть своихъ приятельи, пашолъ сънымъ первѣе на свою квар
теру и велѣлъ заложить въ карету лошадей поехалъ къ Хорвату.

Онъ узнавъ что я приехалъ, встречается самъ меня у двери
своихъ обнималъ меня руками, целуетъ и называетъ своимъ другомъ
показывая всѣмъ гласи что только выдумать можетъ, совѣтъ отъменъ
и болше прежняго, и говоритъ какъ онъ мною пленился и что и
можетъ безъ меня быть, въвелъ меня за руку далъ въ свой пановъ
посодылъ возлѣ себя и сталъ рассказывать, куда онъ въ тотъ деи
по городу ездилъ и у каво изъ господъ былъ, и хвалитца отъменъ
ною отъ всѣхъ оказываемою къ нему милостыю и что онъ вездѣ гдѣ
бывалъ обо мнѣ рассказывалъ и похвалялъ, и какъ онъ тому такъ
радъ что всѣ господа меня знаютъ и слышать вездѣ обо мнѣ по
хвалние слова, указывая на меня своимъ тутъ предстоящимъ апосто
ламъ, говоритъ что вотъ знайте вы сей можетъ быть, дакъ выны въ
повелѣвшихъ и въ управленіи моимъ наследникомъ естли только ео
гласитца туда жити и вась участвовати, а тѣ всѣ приступили и
мнѣ улаивающа и просятъ, чтобы я для всего общества толь вс
ликую пользу учинить не отъказался и былы между ныи.

Я все слѣ слышу и думаю что истого напосѣдокъ будетъ, а ня мало не могу еще приметить лукавой ихъ хитросты и почитать, что можетъ быть и подлинно сїи люде изъ доброй своей души меня имѣть желаютъ, изъ чего я сталъ у меня размышленыи мои ко-
лобатца.

Таковы разговоры продолжалъ Хорватъ даже въ поздую ночь и ужинъ поставленъ на столъ, а по окончаніи онаго всѣ скоро изъ той столовой горницы вышли и остались только насъ два я да Хорватъ, онъ повелъ меня въ свою спальню и зачалъ говорить что онъ въ тотъ день какъ былъ у господъ сенаторовъ, сказано ему обо мнѣ, что въ сенате определение зделано по прозбе Черногорцовъ въ Мос-
кве находящихся, что мнѣ надъ ними быть командиромъ и отъправ-
лены будутъ въ армию, и что оботпуске меня отъ двора будетъ, отъ сената послано въ кабинетъ требованіе, а какде Черногорцы говорили Хорватъ во время его проезда чрезъ Москву, также объя-
вили свое желаніе и подали на пысьме что желаютъ быть у него въ командѣ, то и находить онъ тѣмъ самымъ способомъ доставить мнѣ, Благополучіе, а зачалъ де того состоятъ въ томъ, чтобъ тодко подать, я отъ себя въ сенатъ доношеніе спрорысаніемъ моей обще съ тѣ-
ми Черногорцами желаности быть въ команде его Хорвата, а я де говорить онъ всѣхъ и определяю въ новоформирующей Болгарской гусарской полкъ и вы де будете надъ ними командиръ, и какъ ско-
ро вы таково доношеніе подадите, то де я тотъ часъ представлю, обь васъ въ сенатъ и доставлю вамъ на первой случаи примеры ма-
норской чинъ, въ тотже полковой Болгарской гусарской полкъ, и тако танерь предстоить предъ вами ваше благополучіе, продолжалъ Хорватъ свои слова, и остаецца приобритеніемъ онаго единственно отъ собственной вашей воли.

Къ тому жъ еще говорилъ Хорватъ, что онъ по повеленію Се-
ната въ скоросты имѣетъ отъправить Македонский гусарский полкъ въ армию, то и въ томъ даетъ мнѣ на волю, естли имѣю желаностъ, бытъ въ армии, то могу со онымъ полкомъ итѣть и быть надъ онымъ командиромъ, а преводъ изъ адного полка въ другой состоятъ отъ его власти и распоряженія.

На таково отъ Хорвата объявление отвѣчалъ я ему, что никакъ прежде согласитца не могу, покуда о томъ не доложу моему коман-
дору господину кабинетъ министру Адаму Василевичу Алсуфиеву и услышу отъ него, что онъ мнѣ скажетъ, и укажетъ ли государиня

отъ двора меня отпустить, а о Черногорцахъ говорилъ я Хорвату, что можете оныхъ и безъ меня къ себе въ команду требовать, когда оны сами къ тому согласны.

Однако Хорватъ о сихъ последнихъ моихъ о Черногорцахъ словахъ оставилъ на тотчасъ далъ говорить, а услыша мой отзывъ, что отъ двора отойти самъ собою не могу, то и зачалъ о томъ говорить, что де вамъ при дворе еще на далъ оставатца, можетъ быть иногда бесполезно и то де всего дело времене, и вы можете проронить свое благополучие и остатца безъ авантажа, а теперь де есть время получить вамъ свое счастье, и на томъ такъ и остались наши разговоры и по глубокой уже ночи не хотѣлъ я болѣе ничего говорить, отклонясь Хорвату поехалъ на свою квартиру.

На утрешний день поехалъ я къ моему командиру Адаму Василичу Алсуфьеву, пресказалъ ему все что и какъ Хорватъ говорить также и о Черногорцахъ упомянулъ, на что Адамъ Василичъ говорить мнѣ, что берегите вы свое место, гдѣ вы теперь состоите и вамъ болѣе ничего не надобно и смотрите, чтобъ вы не потеряли своего счастья; вѣтъ довольно сего было сказано и можно было разумѣть, чтобъ на томъ утвердитца, но нѣтъ, а судьбина моя преодолевши все то производила свое предпріятіе.

Я моложился было на томъ, чтобъ словъ Хорватовыхъ не слушать и отъстать отъ того; даже и ходить не сталъ болѣе къ Хорвату, что видя онъ непрестано посылаетъ ко мнѣ, однакъ я не ходилъ, наконецъ изъумалъ онъ большихъ господъ просить, чтобъ меня уговорить какъ то тѣмъ и дамогъ онъ до своего успеха, администраторъ по утру рано пришолъ ко мнѣ офицеръ, посланной отъ сенатскаго господина генералъ-прокурора князь Никиты Юрьевича Трубецкаго, объявляетъ мнѣ, что его сиятельство зоветъ меня къ себѣ, я одѣлся и поехалъ туда, князь какъ меня довольно и прежде зналъ, принялъ меня ласково и говорить мнѣ, упоминая о томъ опредѣленіи Сенатскомъ, что о Черногорцахъ какъ я выше часто говорилъ, а притомъ советуетъ, чтобъ я согласился обще съ оными Черногорцами идти въ команду Хорвата, и что я буду награжденъ чиномъ и также предъ по представленію ево Хорвата буду производить чинами; что конечно мое счастье тамъ найду.

Я князю отвѣчалъ, что состою при дворе и что безъ воли Его Величества самъ собою ни на что другое согласитца не могу, князь отвѣчаетъ мнѣ тѣ самые Хорватовы слова, что мнѣ при дворе не

такъ можетъ быть авантажнo и прощю свое счастье, и советуетъ
чтобъ я на то какъ мнѣ Хорватъ говорилъ согласился.

Сего господина советъ подалъ мнѣ думать, я не бавился у него
далѣ, а отклонясь поехалъ на свою квартиру, и не прошю потомъ
какъ часть мѣста, было то еще порано въ часу адинатцатомъ по утру
приехалъ ко мнѣ на одноколке артилериской сержантъ, говорить мнѣ
что прислалъ его графа Петра Ивановича Шувалова генераль-адо-
тантъ Макаровъ просить къ себе, имѣть де нѣчто мнѣ сказать.

Я зная что Макаровъ тогда весьма великъ человекъ былъ, и что
то нѣчто отъенное должно быть, что онъ со мною говорить хочеть,
не имѣя со мною предъ тѣмъ никакова знакомства, поехалъ я туда
на дворъ графа Петра Ивановича, гдѣ и Макаровъ въ нижнемъ флан-
гелѣ свою квартиру имѣлъ, и войдя въ передней пакой, вижу что
тутъ стоять человекъ большъ десятка изърядныхъ людей, между коими
былъ и некоторый и подъ шентами, дожидаясь видѣть господина Мака-
рова (для того, что когда кто по своей нуждѣ первѣе чрезъ Макарова
стею не направить, то иначе графа видѣть не можетъ).

Тотъ сержантъ, каторой за мною посланъ имѣлъ поперѣдъ меня,
указывая мнѣ дароу куда къ Макарову итти, пашолъ прямо въ
спалню съ докладомъ, что я ужъ приехалъ, а я было остановился въ
передней, гдѣ и всѣ прочіе стояли, потомъ мало спусти идеть тотъ
сержантъ ко мнѣ и говорить, что изволите туда въ спалню итти, и
и пашолъ, засталъ господина Макарова что одѣвался, онъ посадылъ
меня показался ласкавъ, объявляетъ мнѣ что въчерась приказалъ ему
графъ за мною послать, и для того де я васъ къ себѣ звалъ, хачу
васъ къ графу представить, а притомъ сделаю ту церемонію о самъ
себѣ говорить, что онъ не бывъ прежде со мною знакомымъ такъ
таперь при семъ случае почитаетъ себѣ много за удовольствіе, что
въпредъ знакомство со мною имѣтъ будетъ, я ему благодаря за такое
его пріятство и также рекомандовалъ себя ему въ приязнь, спраши-
ваю притомъ его не знаетъ ли чего мнѣ сказать, о чемъ бы то было,
что графъ приказалъ меня призвать, на то отвеналъ что далѣ не
знаетъ, а думаетъ не по прозбе къ генералу порутчика Хорвата,
какъ де онъ въчерась былъ у графа, и я слышалъ, что нѣчто онъ
объ васъ говорилъ и упоминалъ ваше имя, изъ сего я и догадаюся,
что и здѣсь будетъ то самое, что и у князя Трубецкаго было.

Потомъ какъ ужъ Макаровъ советъ одѣлся, то пашолъ попе-
редъ мною, мы шли чрезъ ту горницу гдѣ многіе дожда-

лысь целое утро какбы его выдѣтъ, но онъ такъ скоро шагаль, что никто не успѣлъ съ нимъ слова переговорить и пришедъ я съ нимъ на верхъ къ графу, остановилъ меня предъ спальнѣю въ прихожемъ накое, а самъ пашолъ во внутрь далѣ, и погода не много вышелъ. Макаровъ оттуда и позвалъ меня, я вошедъ въ спальню къ графу засталъ его сидящаго нѣчто писалъ, и какъ я къ нему приступилъ поближе и поклонился, то и сталъ онъ мнѣ говорить советуя чтобы я не отъаваривался быть у Хорвата въ командѣ, и что сие къ моему благополучію послужить можетъ, и чѣмъ быть гдѣ индѣ въ командѣ говорить графъ, то не лучше ль между своими аднонационалинымы, а ктому и честь вамъ дѣлаетъ, что оны всѣ желаютъ васъ у себя иметь, а особливо господинъ генералъ-поручикъ Хорватъ яко главной командиръ можетъ всегда здѣлать вамъ счастье.

Я графа поблагодарилъ за его милостивой совѣтъ и говорю что я состою при дворе и что не могу я самъ собою ничево предпринимать безъ воли Ея Величества.

Графъ на то отвѣчаетъ, что же вы при дворе состоите о томъ де я знаю, но вы о самомъ себѣ старатца должны, чтобы не унустить удобнаго случая и воспользоватца онымъ во время, а то что при дворе быть правда кажетца вамъ весело, но произведеніемъ укоснитъ можете, и болѣе графъ со мною не говорилъ и я отъкланясь вышелъ вонъ и поехалъ на свою квартиру и обѣдалъ дома.

Сіи советы такихъ большихъ людей а особливо графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, кроме того что онъ есть первый сенаторъ и генералъ фельдцейгмейстеръ, но по внутрености государства былъ весча въ великой силѣ человекъ, и зависилы всякіе дѣла большъ отъ него нежелъ отъ другихъ, зналъ же я и то что редкостію тогда почиталось, естли онъ съ кѣмъ ниже себя въ разговоры войдетъ, а мнѣ о такомъ партикулярствѣ довелось съ нимъ стоило словъ говорить и его совѣтовъ слышитъ, то и привело меня въ моихъ размышленіяхъ такъ въ разстройку что я не зналъ что дѣлать и разсуждалъ сидя самъ одинъ на чѣмъ положитца, думаю самъ въ себѣ ежели отъстать отъ двора своего волю, то не будеты мнѣ за тѣмъ немилосты, и потерю всѣ то содержаніе каторое таперъ имѣю, а опять естли оставатца при дворе надаѣ думаю въ себѣ и упущсей случай, какъ генералъ Хорватъ меня обнадеживаетъ что дастъ полкъ и отъправитъ въ армию въ чемъ и господа такъ большие меня

ответуютъ, и ежели все сие оставлю я въ пренебреженіи, то могу потерять свое по службе счастье и старшинство, какъ уже въ ар-
мии моложе меня майорскимъ чиноу, Текелий произведенъ въ под-
полковники, то и другие также мимо меня происходить будутъ, а я
останусь и ужъ и невозможно мнѣ будетъ предъ ними своего стар-
шинства достигнуть, и дождаюсь, еще чего лучшаго то неизвестно.

И тако въ сихъ размышленіяхъ провелъ я время въ своей
квартирѣ самъ одинъ, не могши еще твердой своей резолюціи поло-
жить ни къ одной, ни къ другой стороны, а пустился ожидать чрезъ
наступившую ночь не придетъ ли чего къ лучшему на память, и на
томъ сполдня гараздо уже день прошолъ и наступаетъ вечеръ, од-
нако сии мои размышленія прекратились вдругъ, ибо часъ и мы-
нута уже та пришла, въ которую вся моя свобода и надежда толь
долго ожидаемая изъчезнуть должна, и пуститца въ руку ожидае-
мому меня разнымъ впродъ моего счастья пребывать, и встречать
великіе скорбы и печалы, понеже самъ тотъ всего сего устроитель
генералъ поручикъ Хорватъ пріехалъ ко мнѣ на дворъ.

Я узнавъ о его приездѣ отъ слуги моего, вскочилъ скорѣе, вы-
шелъ на крыльцо встречаю его, онъ вошедъ ко мнѣ въ горницу ве-
селымъ видомъ говорить что дѣлаешь брате, и для чего ко мнѣ не
бываешь, я де вотъ самъ за тобою пріехалъ ступай со мною.

Мнѣ его визитъ не слышкомъ былъ приятенъ, а еще меньше и
схотѣ съ нимъ желалъ, для чего и было сталъ отъговариватца не-
здоровьемъ, и что положилъ тотъ день дома быть, но онъ говоритъ
что вѣтъ ступай со мною, я де хачу конечно чтобы ты у меня былъ
и со мною вечеръ провести, причеиъ говорить что вотъ только еду
на квартиру, а былъ по господахъ и обедалъ у генерала прокурора
князя Трубецкаго, и сказываетъ еще что видѣлся гдѣ то съ моимъ
командиромъ Адамомъ Васильевичемъ Алсуфьевымъ и говорилъ съ
нимъ, а что говорилъ того не сказалъ, и тако не далъ мнѣ Хорватъ
пакою, принужденъ я сесть съ нимъ въ карету и ехать къ нему.

Нашъ разговоръ происходилъ во всю вечеръ до ужина по ево
обычаю въ адѣхъ только отъ него разсказахъ, гдѣ былъ, что видѣлъ
и тому подобное, при чемъ хвалитца какъ вездѣ у господъ онъ ха-
рошо принять, и что все его дѣла въ великомъ успехе происходятъ,
между тѣмъ и ужинъ былъ готовъ и на столѣ оставленъ.

Ужинали мы все съ нимъ — то есть и вся его Хорвата свита,
конъ послѣ ужина тотъ часъ пошлы протѣ на свою половину, а оста-

днѣ только насъ два, а да Хорватъ самы, тутъ зачалъ онъ мнѣ опять говорить и вею о томъ же и въ тѣхъ розговорахъ, прошла ночь ужъ двенадцатой часъ, а я еще держался и ни какова слова и склоны на его требование не даю, и хатѣ ехатъ на свою квартиру, но онъ какъ взялъ меня за руку такъ и водитца со мною по горнице и не отпускаетъ, напоследокъ остановился и говоритъ мнѣ: слушай братъ, вижу я, что ты упрямышся и не хочешь своего счастья, ты де еще адного наиважнѣйшаго дѣла не знаешь сколь много я о тебѣ думаю, и какъ я хачу оно прозвестъ, и то выговоря замолкъ, а потомъ поворотясь ко мнѣ гледишь и повторяетъ слова свои, какъ велико онъ еще обо мнѣ думаетъ.

Я ему благодарю за то и говорю, что неизвестно мнѣ какие такіе ваши еще обо мнѣ великіе думки и потому не умѣю ничего наотвѣчать, я опять хатѣ проститца съ нымъ и ехатъ на квартиру, мнѣ ужъ наскучило было такъ долго съ нымъ возитца, вижу что ужъ и полночь прошла, говорю ему, что пара вамъ свой пакой взять, а завтра еще денъ есть увидимся и говорить можемъ, онъ на то отвѣчаетъ какбы съ некоторымъ восторгомъ, держа меня безъ выпуску за руку говоритъ, что нѣтъ, а сегодня должно решитца о всѣмъ, и таперде тебѣ скажу какое еще мое намерение, и зачалъ меня хвалить, какъ онъ меня еще въ Цесаріи и всю мою фамилію знаетъ, и что желаетъ меня вмешать въ свою фамильную кровь, а де мнѣю, продолжалъ Хорватъ свои слова, отъ брата роднаго племяннику дѣла еще въ молодыхъ лѣтахъ именемъ Катерина, а ти де въ молодыхъ лѣтахъ овдовѣлъ, то вотъ что я о тебѣ думаю и я мою племянницу тебѣ дарую и хачу, чтобъ ты въ мою кровь вмешался и будешь во всѣхъ моихъ предъпріятіяхъ моимъ помощникомъ, какъ я тебя на то годнымъ и достойнымъ нахожу, для того и хачу говорить Хорватъ, чтобъ ты по мнѣ первымъ былъ, и сие выговоря сталъ предо мною держать меня за руку.

Я выслушавъ таковы отъ Хорвата слова о женидбѣ, хотя у моего несчастливаго вдовства время близъ года минуло, однако смылились у меня глаза и какъ положылъ я уже было, чтобъ болѣе не женитца и о томъ не думать, то и тогда говорю я Хорвату, что пожалуйте отъ того уволныте меня и пролились у меня слезы изъ глазъ, вспомня злосчастной бывши тогда со мною случай, что вилъ Хорватъ сталъ меня увещевать и говорить, что ни я первой ни послѣдній въ свѣтъ, и что многіе тому подобные случаи бывають и

люде опять женицца и наслѣдниковъ приобретають, и по себѣ оныхъ оставляють и что то вско по судбамъ у челоуѣка происходить.

Сию проповѣдь онъ мнѣ толковалъ еще съ полъчаса и покуда онъ о томъ непрестано говорилъ, то между тѣмъ сталъ я думать какая у него племянница и брата его дочь, я то прежде слышалъ, что онъ имѣлъ брата старшаго и былъ у него на поселеніи въ Новон Сербіи подполковникомъ и тамъ умеръ, коего я никогда не знавалъ и всюю его фамилію также прежде не видалъ, и знакомства съ ними никакова не имѣлъ, окроме что только его Хорвата одного зналъ, ибо будучи еще мы въ нашемъ въ Цесаріи отечествѣ и покуда онъ Хорватъ отъѣздъ въ Россію не выехалъ по случаю только разовъ несколько его видѣлъ, а другіе все были мнѣ совсѣмъ незнакомы, а слышалъ, что онъ Хорватъ имѣетъ замужнюю сестру и племянницу отъ брата также замужемъ уже въ Россіи, а о сей племянницѣ о коей онъ мнѣ говорить и во все не зналъ, и тако покуда Хорватъ проповѣдь свою говорилъ, то я о томъ тогда размышлялъ.

По окончаніи словъ своихъ говорить Хорватъ скажи мнѣ свою резолюцію, на что отвѣчалъ я и прошу его чтобы до завтра дать мнѣ время подумать, какъ сие дѣло говорю я ему есть важное, то и требуетъ зрѣлаго разсужденія, онъ на то отвѣчаетъ что чему быть завтра можно и сей ночи кончить, и о чемъ много думать и разсуждать, сей часъ есть на то сотворенъ что обо всемъ решитца надобно, и держитъ меня безъ выпуска за руку.

Я ужъ тутъ весь вострепеталъ и языкъ у меня одреветѣлъ и говорить не могъ и такъ мнѣ зѣблалось будто меня нѣчто тронуло претворяющая нѣкакимъ страхъ и что иду въ гибель и на страданіи, напоследокъ положась на власть всѣвышняго говорить зачалъ симы словами, я вижу что ваше превосходительство столь много трудитесь и приглашаете меня, не ужлы то такъ что только я одинъ челоуекъ на светѣ и что кроме меня нѣтъ другаго, которой бы у васъ къ вашему дѣлу могъ быть годнымъ, онъ подхватя мои слова и говорить что такъ ты де угадалъ у меня нѣтъ достатка въ людяхъ, яде тебѣ и давно о томъ сказалъ; а потомъ продолжалъ я еще речъ свою къ нему и говорю что примечаю я вашу склонность къ себѣ и о кроме того что по службѣ принадлежитъ, и хотите еще меня союзомъ родства въ кровь фамиліи вашей смешать, то и принимаю я сие съ особливимъ уваженіемъ и обещаюсь быть вашимъ но не знаю говорилъ я Хорвату, сей часъ по моему танерь новому зачалу дѣла и предпріятія каково обратитца напередъ будущее время, или оно послу-

жить къ великому моему благополучію плы къ несчастію, да что я покидаю и бросаю здѣсь свое место безъ малейшаго риза оставляю своевольно то удовольствіе, какое я по нинѣ имѣлъ, лѣе всего можетъ быть лишусь и того ожидаемаго мною съ коимъ меня сама Ея Величество Государиня словами своими дежить изволела и таперь послѣдую вашему позыву на что и гаюсь, но съ тѣмъ условіемъ говорилъ я Хорвату что первое поселенію не хачу быть, какъ я человѣкъ еще въ настоящихъ ихъ молодыхъ лѣтахъ, то и хачу служить въ армыи, и чтобъ здѣлали такъ какъ обещали произвести меня таперь здѣсь по ковникомъ и отъправить съ Македонскимъ гусарскимъ полкомъ армыю, какъ еще говорилъ я ему война съ Прусакомъ продолжа то и хачу себя службою показать и заслужить честь какъ и чие и чтобъ меня и по службе военной господа командующіе лы, а о женидбе говорилъ я ему что то можно будетъ по примоемъ въ Новую Сербыю совершить, а потомъ илы взять свою весту съ собою въ походъ, чтобы и она яко человѣкъ молодой (и чужіе края повидѣла, илы оставить въ доме у матери въ какъ вы заблагоразсудите.

Хорватъ на сіи мои слова отвѣчаетъ, что все то на томъ дѣлѣ сделано какъ я требую и подтверждаетъ своею честію и мнѣ въ томъ свою руку, и обнявши меня сталь целовать, и пшивъ въ другіе пакои ведетъ меня съ собою за руку, кричитъ своимъ апостоламъ, кой уже были все заснулы и такъ одѣти мундирахъ лежалы, будить Хорватъ ихъ, а тѣ вскоча стали наги и протирають изъ просоня свои глаза, а онъ говорить имъ вотъ мой новой зять, я де уже за него засваталъ мою племянницу терину, и онъ таперь есть совѣтъ мой, наперстники же его уша таково обвѣщаніе тотъ часъ стали мнѣ кланятца и себя | мандовать яко рабы лукавые.

Изъ сихъ выключаю я только одного протопопу Булича, катъ при всемъ томъ въ молчаніи оставался, да адютантъ Черниковъ, же былъ несколько постояненъ, а что тѣ другіе двое Булацелъ порутчикъ Вайда остальсь уже навсегда непростительно предо мною новаты, ибо оны двое были великимъ Хорвату инструментомъ.

Хорватъ потомъ приказываетъ своему адютанту чтобы пчернилицу и бумагу, заставляетъ его писать а самъ диктуеть, я стою и смотрю что то будетъ, онъ и зачалъ говорить чтобы въ нать отъ имепы моего писать доношеніе, слѣдующимъ обра

какъ Правительствующимъ Сенатомъ опредѣлено что по желанію находящихся въ Москвѣ Черногорцовъ быть мнѣ надъ ними командиромъ, но что сіи люди еще новыя и никакова устройства между собою не ымѣютъ, и хотя и требуютъ чтобы изъ нихъ особон полкъ сдѣлать, однако то по ихъ малолетству а также ненадежно, чтобы болѣе изъ нихъ кто въпрямь выходилъ яко уже и та Черногорская камысія оставлена, то тѣмъ и не можно такому полку скоро возстановлену быть а коштъ казенной со издѣлствомъ безъполезно употребятца будетъ, для чего чтобы миновать казни лишняго убытка въ содержаніи ихъ, то не апробуемъ Правительствующій Сенатъ, за лучше чтобы меня обще со всѣми тѣми Черногорцами и пришедшими изъ Аренбурга въ Москву того же рода людми опредѣлить въ команду господина генерала поручика Хорвата, яко у него формируются новыя полевые два гусарскіе полка, то и сіи люди по приращеніи туда могутъ скорѣе по службѣ пользу принести, и о томъ пришло отъ Правительствующаго Сената указа.

Таково отъ имени моего доношеніе совершивши подаетъ мнѣ Хорватъ чтобы подписать, и при томъ говорить что онъ завтра представляетъ отъ себя при подаче того моего доношенія въ Сенатъ особое представленіе о произведеніи меня чиномъ подполковника, а чтобы и о томъ ни мало не сумѣнался.

И то доношеніе подписалъ и Хорватъ оное къ себѣ взявъ, было то уже во исходе четыре часа съ полночи, хотя и зимняя ночь, но однако жестоко мнѣ наскучило что такъ много и всю ночь возился съ нимъ, то я отклонясь у Хорвата поехалъ на квартиру.

По утру же въ часу десятомъ присилаетъ за мною мой командиръ. Адамъ Васильевичъ Алеуфиевъ своего ординарца, требуетъ меня къ себѣ, я одѣлся скорѣе поехалъ къ нему на дворъ, онъ какъ меня увидалъ сталъ спрашивать, что еѣ такое въчерась Хорватъ со мною видѣлся и атаковалъ меня словами чтобы васъ отпустить отъ двора, и что вы уже согласились быть у него въ командѣ, я тутъ потупивъ несколько глаза говорю мягкими словами, что Хорватъ былъ въчерась у меня на моей квартирѣ, говорилъ мнѣ и вѣдалъ къ себѣ въ команду, какъ онъ теперь отправляетъ въ армию новоформированной Македонской гусарской полкъ, то и отъдаетъ мнѣ оной въ командование съ награжденіемъ чиномъ подполковника, но на то я ему отвѣчалъ что въ армию служить желаю, ежели оботрусе мени отъ двора приказано будетъ, тогда и согласусь тотъ полкъ въ армию препроводить и онымъ командовать.

Адамъ Василевичъ яко человекъ разумны приметылъ тотъ часъ изъ словъ моихъ, что ужъ дѣло зделано и говоритъ, я де примечаю что вы между собою наладили, но сподѣввались я чтобъ вы такъ здѣлали и бросаетъ свое место, что разве вамъ наскутило то добро каторымъ вы пользуетесь, иной бы и за денги того купить хатѣлъ что вы дарма имѣли, и для чего вы мнѣ: говорить онъ, ничего о томъ прежде не сказали, а пустылись самы собою въ такое дѣло, и потомъ еще сказалъ хорошо я де доложу о томъ Государинѣ, я опять повторяю сталь мои слова что желанность имѣю служить въ армии, онъ на то отвѣчаетъ коротко что доложить Государинѣ и на томъ замолчалъ, а потомъ спустя съ четверть часа какъ хотѣлъ со двора выехать, а я еще тамъ стою то поверотся онъ ко мнѣ говорить, знакомы вамъ коротко Хорватъ, я отвѣчаю что знакомъ еще изъ Цесаріи, онъ на то сказалъ, хорошо, но я де скоро услышу между вами великіе комедіи и стѣмъ наполю изъ горницы, селъ въ карету и поехалъ со двора.

Таперь приметылъ я довольно, что Адамъ Василевичъ весьма тѣмъ что я здѣлалъ остался недоволенъ, да еще думаю я въ себѣ что онъ о томъ какъ доложить Государинѣ, и можетъ быть еще и неползу мою докладъ его будетъ, и потому что и какъ отъудова будетъ сказано, а болѣе ожидать уже порчъ нежелъ къ счастью, таковы мисли погрузили меня въдругъ и я было раскаялся но не во время, и стѣмъ приехалъ на свою квартиру.

Хорватъ тотже день здѣлалъ въ самомъ дѣле представленіе въ Сенатъ о произведеніи меня въ подполковники, но не въ Македонской а въ Болгарской гусарской полкъ, при чемъ какъ то мое доношение такъ и то данное ему въ проездъ его чрезъ Москву отъ Черногорцовъ писмо, о коемъ я выше говорилъ, приложилъ, а равно и о тѣхъ людяхъ, коихъ изъ Цесаріи поручникъ Ездимировичъ и адъютантъ Марковъ ведутъ, не оставилъ Хорватъ упомянуть, яко и оны по Черногорской камысін принадлежателны, то чтобы и ихъ къ нему съ протчими Черногорцами причислить, и просить потому определеннаго и указа.

Однако ему на то представленіе въ Сенатъ сказано первое что меня чрезъ чинъ въ подполковники безъ именнаго отъ Ея Величества указа, Сенатъ самъ собою произвести не можетъ, а примеръ майорской чинъ яко порядкомъ производства Сенатъ мнѣ дать можетъ, также чтобъ меня отъ двора отпустить изъ Сената въ Кабинетъ, будетъ писано, и тако посему объявленню тотъ же день тутъ в

Сенатъ пременялъ и переписалъ свое представленіе и выписалъ о пожалованіи меня примеръ майоромъ въ Болгарской гусарской полкъ какъ и въ первомъ его представленіи что было, а въ Македонской того жъ полка секундъ майора Алексѣя Кастюрина примерже майоромъ, и о сей пременѣ прехавши Хорватъ изъ Сената дамои объявляетъ мнѣ.

И тутъ вижу первую уже встрѣчу моего мнимаго счастья, что это зачало пошло неудачно, и говорю Хорвату что я тѣмъ не доволенъ, на что отвѣчаетъ чтобъ я сие считалъ милостію и за ни что, а я де какъ скоро приеду въ Новую Сербію тотъ часъ представлю объ тебѣ и то верно здѣлаецца и ты произведенъ будешь, указывая на Костюрина, говорить видишь образецъ что я дѣлаю, Костюринъ только четвертой мѣсяцъ какъ секундъ майоромъ произведенъ, а таперъ уже естъ примеръ майоръ, также и ты о себе не инаково думай а такъ, что я представляю, то в Сенатъ здѣлано будетъ, а что ты въ Болгарской полкъ написанъ тоде всею въ моей волѣ состоитъ и преводить исполку въ полкъ куда я како хачу, и еще далъ говорилъ Хорватъ что предъ вступленіемъ Македонскаго полка доставить мнѣ чинъ подполковничен и преведетъ меня во оной полкъ, а Костюринъ останецца на моемъ мѣстѣ въ Болгарскомъ, сия пустая надежда и слова Хорватовы такъ меня тогда были заслепыли, что я всему тому поверилъ и остался на томъ.

Вскорѣ потомъ сказано мнѣ, что потребованію Сената оботпущенію меня отъ двора, приказано уже дѣлать въ Кабинетъ мое отъправленіе, ибо Адамъ Василіевичъ докладывалъ о томъ Государинъ и по тому приказано меня отъпустить.

О семъ я преже слышалъ нежелъ мнѣ Адамъ Василіевичъ сказавъ, а на другой день призываетъ и онъ уже меня и объявляетъ что я по желанію моему и потребованію Сената, а по докладу его Ея Величеству отъ двора уволенъ, и желаетъ мнѣ счастливой путь, и въ моемъ новомъ предъириятіи успеха, и притомъ подаетъ мнѣ запечатанной въ Военую Коллегию конвертъ, въ коемъ и мое отъ Кабинета отъправленіе запечатано было и говорить, что ужъ Коллегія меня въ Сенатъ отъправить будетъ.

Я было зачать просить о моей челобитной, по коей столь долгое время резолюціи я дожидать, и полагалъ надежду, говорю я ему по вашему старанію получить за мое стараніе отъ Ея Величества милость и награжденіе, на что Адамъ Василіевичъ отвѣчалъ, что де

танерь уже не время о томъ говорить, а впредь ежели Государина поизводить васъ чѣмъ наградить, то тогда сискать васъ можно будетъ, и вы не останетесь безъ уведомления, а челобитную вашу какъ случай будетъ говорилъ онъ не оставлю я доложить, и дажъ ужъ словъ ни какихъ говорить не хотѣлъ, съ тѣмъ я у него отклонясь поехалъ просто къ Хорвату и сказываю ему о моемъ отъ Кабинета отъправленіи и что въ Коллегию конвертъ мнѣ данъ.

Потомъ какъ еще порано было то съездылъ я въ Коллегию и въ присутствіе подалъ тотъ конвертъ, каторой распечатали и прочлы, и правда что о службѣ моей и наложенной бывшей на меня камысін съ похвалою было написано, съ изъясненіемъ притомъ что по требованію Сената надлежитъ меня туда отъправить, и то всю еще было бы хорошо, но какъ другую приложеную притомъ бумашку прочлы, то та привела меня въ великое удивленіе и печаль, понеже написано что на цетъ Кабинета предъ тѣмъ дано мнѣ изъ Штатсъ конторы денегъ пять сотъ рублей, каково число чтобы изъ моего жалованья вичестъ и въ Штатсъ кантору возвратить, а въ кабинетъ по исполненіи не оставить извѣстить.

Меня господа присутствующие въ Коллегии спрашиваютъ, какіе то денги и когда оны мнѣ даны, на что я ужъ моимъ ответомъ сдѣлалъ правду сказать что то денги мнѣ были виданы нацетъ тѣхъ денегъ, кои пожалованы мнѣ будутъ отъ Ея Величества Государина за мое страданіе; а сказалъ будто мнѣ выданы на мою потребу, съ тѣмъ я изъ присутствія выполь, а дѣло мое отъдано секретарю съ приказаніемъ дѣлать въ Сенатъ отъправление, также и въ Штатсъ кантору писать чтобы доводящееся по расчету мнѣ жалованье рацій и порцій и денчинымъ по ценамъ Петербургскимъ по день моего въ Сенатъ отъправленія выдать, а тѣ пять сотъ рублей удержати и въ Кабинетъ дать знать.

Я изъ коллегіи приехалъ къ Хорвату и пресказываю ему о слѣдовавшемъ со мною, и что я тѣраю пятьсотъ рублей денегъ, что онъ смѣючись говорить чтобы я о такой малости не тужилъ что сие еще дальнѣго урона и не достатка мнѣ принести не можетъ въ разсужденіи того фундамента, на которой онъ меня возстановитъ хочетъ, и спрашиваетъ скороли я изъ коллегіи буду въ Сенатъ присланъ.

Еще жъ въ тотъ день и другая встреча мнѣ здѣлана, что придворная карета съ лошады и слуги отъ меня взяты, а также и

прочее содержание и квартирные деньги отъезжаны, и такъ принуж-
денъ и нанять полную карету и лошадей чтобы никакъ не ходить,
и на то употребить уже свои собственные деньги.

День тотъ былъ мнѣ весьма прискорбенъ и вижу свою уже ошиб-
ку, которая мнѣ и показываетъ явно, что надежда худая мнѣ есть
получению чрезъ Адама Василиевича какова награждения, для че-
гобы съ нимъ о тѣхъ деньгахъ поговорить и просить о премене
его въ вичетѣ определения, поехалъ я въ утренны день къ нему
дворъ, однако встрѣтилъ меня у крыльца слуга его и говорить что
подица дома нѣтъ, а поехалъ не знаетъ куда.

То также было мнѣ разумѣть, что Адамъ Василиевичъ по обы-
чу господъ, когда съ кѣмъ изъ приежикъ къ нимъ говорить не
якъ, то приставленной къ тому слуга встречаетъ приежаго проси-
и и сказываетъ что или баринъ боленъ, лекарство принималъ или
дома нѣтъ, съ тѣмъ я тогда воротился, а чтобы и вѣдъ мой не былъ такоюжъ встречкою принять, то вздумалъ я
хотѣть во дворецъ и ожицать не приедетъ онъ туда, чтобы его
сидѣть, сие то и здѣлалось такъ что Адамъ Василиевичъ во дво-
рецъ приехалъ и я его при входѣ въ галлерею встрѣтилъ и про-
силъ позволения къ себѣ на домъ приехать и что имѣю некоторую
заботность съ нимъ поговорить, опъ ужъ на ту мою прозбу скло-
нился, и сказалъ что въ три часа послѣ полдень могу съ нимъ ви-
дѣться и говорить.

Я будучи весьма смутенъ то ужъ къ Хорватиу обѣдать и не хо-
телъ, хотя и посылалъ онъ за мною но я не пошелъ, а сказался
здоровымъ и обѣдалъ у себя дома.

А въ часу во исходѣ третьемъ поехалъ я къ Адаму Василиевичу,
еще столько бытъ склонъ что принялъ меня и выслушалъ мою
тѣхъ деньгахъ прозбу, на что отвѣчалъ что инаково бытъ не-
возможно они вичестъ, потому что я настоящен резолюции по
воен челобитной не дождался а отослалъ отъ Кабинета прочъ, и
то потому еще говорилъ опъ и Государиня не очень довольна, и
сказалъ еще по вашей прозбе послѣдовать можетъ резолюция того не
известно, для чего тѣ деньги уже и возвратитъ должно, и что онъ
болѣе мнѣ ничего сказать не можетъ.

Резолюция такова сколько была коротка, столько же и безпо-
лезна иль чего болѣе нѣчего разсуждать о томъ какъ что ожидае-
маго мною столь долгое время награждения видѣть и не буду, я съ

тѣмъ оставилъ я Адама Васильевича, съ моимъ на то время ему отъѣздомъ, поехалъ отъ него просто къ Хорвату, съ объявленіемъ какову резолюцію я получилъ, и что всю надежду уже потѣрилъ, однако онъ тѣмъ не былъ приведенъ въ сожалѣніе, а болѣе не угодно ему было что я туда ездилъ и о томъ говорилъ, повторяя свои прежніи слова, что то еще малость и небольшая прибыльъ противъ той великости какову онъ мнѣ приуготовляетъ и приказываетъ, чтобы я болѣе о томъ не ездилъ и не говорилъ.

Послѣ сего прошло еще дней шесть, покуда я изъ коллегіи свое отъправленіе получилъ, и въ Штатсъ-канторѣ расчетъ здѣлалъ и тѣ пять сотъ рублей тамъ оставилъ, и прешолъ уже при представленіи отъ коллегіи въ Сенатъ, а потомъ впредь ко окончанію всего дѣла хожденіемъ по Сенату принялъ Хорватъ на себя.

Онъ по своему представленію на тѣхже дняхъ доставилъ мнѣ чинъ примѣръ майорски въ Болгарской гусарской полкъ, а Костиричъ тѣмже чиномъ въ Македонской произведенъ, Черногорци же какъ тѣ что в Москвѣ такъ и тѣ люди, коихъ приведетъ поручикъ Ездимировичъ и адютантъ Марковъ, определены всѣ Хорвату въ команду, и посланъ военной коллегіи въ кантору въ Москвѣ состоящей о томъ указъ, съ прописаніемъ однако, чтобы распределены были по ихъ желаніямъ къ Хорвату въ команду и въ армию къ другимъ гусарскимъ полкамъ, а кои бы во всѣхъ въ Россіи оставатца захотѣли, таковымъ дать пашпорты и отъправить за границу, дабы уже тѣмъ кончить и мыновать могущихъ еще быть какихъ либо безпокойствъ, и тѣмъ не нанесли болѣе Сенату затрудненія, только Хорватъ таковымъ определеніемъ жестоко былъ недоволенъ и ропоталъ на своего пріятеля оберъ-секретаря Савича, что не такъ сделано какъ онъ хотѣлъ, чтобы единственно было написано безъ разбору отъдать всѣхъ Черногорцевъ ему въ команду, и потому неудовольствію всѣ тѣ дни былъ сердитъ и смутенъ, почему и пременялъ свой планъ, какъ онъ хатѣлъ и меня при своемъ отъездѣ взять съ собою въ Москву, и въ Новую Сербію, то тогда положилъ чтобы оставатца мнѣ въ Петербургѣ и ожидать резолюціи по некоторымъ еще перепешнымъ его въ Сенатъ представленнымъ дѣламъ, обещавъ прислать скоро нарочного своего за мною.

Сие то и было его умыслъ неверны, какъ я о томъ по приездѣ въ Новую Сербію узналъ, что онъ меня съ собою изъ Петербурга не взялъ, для того какъ въ томъ сенатскомъ указѣ прописано, чтобы Черногорцамъ по ихъ желаніямъ разборъ делать, какъ выше я

о томъ говорить, то на таковъ случай Хорватъ посумитвался, чтобы иногда я по прибытіи съ пымъ въ Мокву непременно своихъ мыслей и не притупилъ при томъ разборъ и себѣ людей, и не пагубилъ съ ними въ армии, и тѣмъ могъ бы онъ остатца обезпознанъ, таковы замыслъ у него тогда въ голове былъ, почему и оставилъ меня въ Петербургѣ.

Онъ сталъ готовитца къ отъезду, водилъ меня по господахъ объявляя онымъ что я для такова дѣла остаюсь въ Петербургѣ, а потомъ Хорватъ отклоняясь у всѣхъ господъ сенаторовъ спешить ехать, однако онъ и тутъ при выездѣ не оставилъ со мною еще и другой свой замыслъ дѣлать, онъ притворился будто такъ издержался что въ дорогѣ будетъ имѣть недостатокъ въ деньгахъ, а зная онъ, что у меня денегъ есть, (кой пособралъ было что получалъ жалованья также и на содержанье мое что имѣла дано, каковыхъ всего на то время съ небольшимъ тысяци две я имѣлъ), то и просить Хорватъ у меня денегъ на дорогу четыреста рублей, обещавъ по приездѣ въ Новую Сербию мнѣ возратить, и изъ доброй моей души и считать тѣмъ ему удружить, тоякое число денегъ ему отдасть, а причетники его также, ласкаясь около меня, просили какъ нужные себѣ покушкѣ на дорогу каждой по нескольку денегъ, кои и въ доволетворенные отказать не хотѣли, а дахъ имъ триста рублей, въсемъ семъ сотъ, и онъ тѣмъ оны доехалъ, а я въ Петербургѣ остался.

Хождение мое по его Хорвата дѣламъ въ сенатѣ, съ первыхъ еще дней моего приметьтъ что не въ великомъ успѣхѣ оное будетъ, ибо въ то время въ отъправленіи лежало объявлять мнѣ свои изговорки то застриваю, то недосугамъ за другими дѣлами и на томъ живу я мѣсяца полтора попустому, и пишу я по почтѣ къ Хорвату рапорты одно за другимъ два раза объявивъ, что резолюціи скоро будутъ и не прикажетъ мнѣ оставить и ехать къ нему въ Новую Сербию.

Между тѣмъ приехалъ изъ Цесарской службы майоръ Иванъ Подгоричанинъ, о коемъ я еще съ зачала черногорской камыси упоминалъ что владика Черногорски Василій Петровичъ съ согласіемъ майора Петровича жъ, яко Подгоричанинъ съ нымъ майоромъ Петровичемъ состоятъ несколько въ свойстве, а притомъ рождены въ адномъ городѣ въ турецкой области въ Подгорнице, а дабы при семъ случае по той камыси могли ему Подгоричанину учинить счастье, то и было владикѣ потребно старатца о прибрѣтеніи и его Подгоричанина.

известіи о походе Симеона Степан. сына Димитрія.

инна къ своей камысѣ, для чего и заѣхалъ въ Сенатъ такое пред-
вѣщеніе, что ему сей Подгоричанинъ необходимо надобенъ и про-
въ о исходатайствованіи сему Подгоричанину (которой это время
е капитаномъ былъ) изъ цесарской службы въ Россію увольненія,
чему тогда было отъ двора писано состоящему въ Виенѣ россій-
скому министру графу Кейзерлинггу, чтобы онъ въ томъ свое стара-
ніе употребилъ что и сделано, и Подгоричанина потребовали изъ
армии въ Виену, коему предъ тѣмъ довелось по старшинству быть
въ томъ же полку произведену секундъ майоромъ, и тако онъ получа
изъ службы цесарской увольненіе и паспортъ прибылъ въ Петер-
бургъ, о коемъ я на другой день узналъ что онъ видѣтъ, онъ такъ
спешилъ къ нему яко къ знакомому чтобы съ нимъ видѣться, и по-
же радъ былъ что меня видѣтъ и просить, чтобы ему показать дорогу
къ кому явится, объявляетъ притомъ что имѣеть о себѣ рекоменда-
цію отъ Россійскаго министра въ Виенѣ находящагося на вицъ-канц-
лера графа Воронцова.

Я во удовольствіе такова пріятеля тотъ часъ повелъ его къ
вицъ-канцлеру, и былъ на то время Подгоричанину я проводчи-
комъ яко онъ по руски ни слова говорить не умѣлъ, а по немец-
ки немного того лучше, графъ принявъ письмо и обещалъ объ этомъ до-
ложить Ея Величеству Государинѣ.

Однако при семъ случае Подгоричанинъ въздумалъ хороше-
графу свои слова чрезъ меня говорить, что онъ человекъ военной
службы въ цесарской армии противъ Пруссака, откуда позванъ въ
Виену, и объявлено ему отъ устъ самой Ея Величества, Императри-
це Австрійской Маріи Терезіи, что по требованію двора россійскаго
уволненъ въ Россію, ежели на то согласенъ, для чего де таперъ
говорилъ Подгоричанинъ и прошу я о не оставленіи меня здѣсь, и
уважить что я оставилъ тамошнюю службу согласился вытѣчь изъ
службы цесарской, гдѣ я былъ познанъ и служба моя извѣстна,
ставя таперъ себя за честь что могу быть годенъ на службу и здѣсь,
и оказать мое усердіе и вѣрность престолу россійскому, при за-
чѣ жъ нинѣ моего сюда приезда надѣюсь на милость вашего Сля-
телства, что не оставите вѣрность престолу россійскому, при за-
вашимъ препровожденіемъ что быть представлену Ея Величеству
Государинѣ, съ вашею обо мнѣ поспѣшнѣе и участливѣе меня
то желанность имѣю служить въ арміи.

Графъ и прежде мѣня зналъ; то притомъ моему къ нему п-
водѣ спрашиваетъ, какъ Подгоричанину не въ родствѣхъ состоя

*

почему-либо знакомъ что дѣлаю ему въ переводѣ удовольствие, на что отвѣчалъ я что родства между нами нѣтъ, а есть онъ мнѣ давнѣй другъ, и служили мы оба вмѣстѣ будучи въ Цесаріи въ адномъ полку. Подгоричанинъ сие выразумѣвши подхвата мои слова говорить графу что мой братъ и пріятель.

Графъ на то изволеаъ говорить что онъ конечно не оставитъ при своемъ докладѣ донести Государинъ, всею то что только можетъ послужить къ его Подгоричанина ползѣ, и чтобы онъ нимало не сумнѣвался о полученіи милости отъ Ея Величества, съ тѣмъ мы отклоняся посѣхали, и были у другихъ господъ присудствующихъ отъ Военной Коллегіи.

Потомъ спустя дней шесть, Подгоричанинъ былъ представитъ графомъ Воронцовимъ Ея Величеству Государинъ Елисаветъ Петровна къ ручке, причемъ столь былъ онъ счастливъ что Ея Величество тутъ же въ залѣ, было то въ Петергофе, поздравила его полковничомъ, и немедля отъправился къ заграничной армии въ Прусію, и даны ему на проездъ деньги, и принялъ въ командование тогда бывшій Молдавской гусарской полкъ.

Сей афицеръ былъ мнѣ весьма и коротко знакомъ, мы, какъ я выше говорилъ, были въ цесарской службѣ въ Славонскомъ гусарскомъ полку оба вмѣстѣ, онъ капитаномъ, а я вто время поручникомъ, а потомъ какъ я въ Россію выехалъ и ужъ секундъ-маиномъ произведенъ, и приехалъ на третѣмъ годѣ моего отъ туда отъезда по черногорской камысініи опять въ Цесарію, то я его Подгоричанинаа еще капитаномъ засталъ, и онъ приходилъ ко мнѣ съ такою великою желанностью какбы поскорѣя о томъ дѣлалось, что владика съ маиномъ Петровичемъ учинили объ нѣмъ въ Сенатъ представление съ прозбою о исходатайствованіи ему изъ цесарской службы увольнения, и что причислѣнъ будетъ къ Черногорской Камысініи, какъ уже онъ о томъ чрезъ манора Петровича былъ сведомъ и содержалъ у себя то дѣло въ великомъ секретѣ, но по полученіи своего увольнения и по приездѣ въ Россію какъ уже онъ засталъ, что та Черногорская Камысініи уничтожена, и дѣло владика черногорскаго обратилось къ сти-ду, то ужъ Подгоричанинъ приездомъ своимъ въ Петербургъ болѣе о томъ не токмо что упоминать но и знать не хотѣлъ, а увеличилъ въ словахъ свой выездъ такъ високо, что онъ визванъ и выпысанъ въ Россію, и что потому ожидаетъ онъ особливаго о себѣ опредѣленія, какъ и дѣлалось ему такое счастье что пряма полковникомъ произведенъ; а о томъ ничто болѣе предъ нимъ не светило какъ тол-

ко его одна огромная позитурка, и видъ такой былъ что неизнаково объ нѣмъ и судить было можно, мужикъ былъ безъ никакихъ наукъ и по нуждѣ только грамотень, но притомъ столь много былъ уже въ Россіи счастливъ что ему воно везло и шло въ его помѣзу даже до конца службы и высокой своей старосты, и приобрѣлъ и достоинства и богатство и служилъ хорошо, однако при всѣмъ томъ ни шага ни вѣмъ недѣлалъ гдѣ не было его прибыли, денги наживать умѣлъ а скупъ не былъ и жилъ хорошо, добродетелю его съ одной стороны была бы похвална, ели бы только интересъ одну не повреждать, и кто бы могъ дѣлать что при всѣмъ томъ денги великіе въ карты проигрывалъ; объ нѣмъ еще въ переды какъ въ сей второй, такъ и въ третьей частяхъ сей моей повести упоминать буду много, яко по службѣ и чрезъ него происходило въ моемъ счастьи несколько повреждения.

Таперъ приступлю я опять продолжать дѣла Хорватовы и сказать хачу что неотъставаа я моимъ въ Сенатъ хождениемъ, тоже и по дворамъ къ господамъ, а болѣе къ оберъ секретарю Савину онже и Ермолаевъ звался, хадилъ и прасилъ, кои напоследокъ сказали мнѣ что таперъ зашлы важности при дворе въ конференціи войнѣ разсуждать и господа сенаторы всякой день тамо бываютъ почему и нѣтъ времени партикулярные дѣла разбирать, а какъ у такову резолюцію получилъ, то и оставилъ болѣе имъ наскучать, ожидалъ что отъ Хорвата на мои рапорты получу и живу я уже въ Петербургѣ послѣ отъезда Хорватаго месеца два празно и бездѣлно, а въначалѣ третяго месеца едва дождался что Хорватъ новыми своихъ въ Сенатъ представленийъ прислалъ нарочно адно своего ко мнѣ вахтъ-мейстра и повелѣваетъ мнѣ съ тѣмже нарочнымъ ехать къ нему въ Новую Сербыю; дѣла тѣ кои сей нарочный съ собою привезъ велѣлъ я ему самому въ Сенатъ отънести и сказать, а я сталъ готовитца въ дарогу.

И тако я съ симъ присланнымъ отъ Хорвата вахтмейстромъ въ Петербурга выехалъ и продолжалъ путь свою къ Москвѣ, а сей мой попутчикъ, коего я прежде никогда не знавалъ, а онъ по ево сказанію былъ очень близокъ въ домѣ у Хорвата, какъ я потомъ и самъ узналъ, и видѣлъ его часто у стола стоялъ съ тарелкою, съознавшись со мною въ дароге сталъ стороною, да весма съкритимъ голосомъ мнѣ говорить, какле онъ обо мнѣ сожалѣетъ, что я въ Петербургѣ свое место покинулъ и туда иду; я приметилъ изъ его словъ что тутъ нѣчто есть, зачалъ я его словами заскаты и съ со-

бѣ кушать сажать, и потомъ чтобъ мнѣ въ дарогѣ одному сидѣть не было скучно посадыть его съ собою въ калыску, и сталъ спрашивать о тамошнѣмъ въ Новой Сербии поведеніи, о полкахъ тѣхъ новыхъ и обо всѣмъ.

Онъ мало по малу сталъ въ словахъ посвободнѣе и опять повторять обо мнѣ свое сожалѣніе, сей человѣкъ даровито понятенъ и имѣлъ хоть былъ простой, да судылъ харошо и былъ честной человекъ звался Иванъ Маргажичъ, и между прочимъ какъ я приступилъ къ нему спрашивать, въ чомъ бы то состояло его обо мнѣ сожалѣніе, то онъ началъ говорить: здѣлать милость не выдайте вы меня иногда въ словахъ какъ вы туда приедете чтобъ я не пропалъ, я хотѣлъ жестоко знать что изъ него выдетъ, говорю ему чтобъ онъ не опасался и началъ предъ нимъ что никогда я объ немъ ничего говорить не буду, онъ и началъ мнѣ изъяснять, ви де сударь отъ Хорвата объмывалъ, ибо онъ какъ приехалъ въ Новую Сербию смѣялся, и я слышалъ часто гдѣ онъ за столомъ объ васъ говорить, какъ онъ васъ умѣлъ словами своими привести на свою руку, и какъ еще завидовалъ тому, что вы на придворной каретѣ съ людьми къ нему приехали и что вскоре вы того экипажа лишились, и принуждены были на свои денги карету волную себѣ нанимать, и денги издерживать да и о денгахъ упоминалъ и говорилъ часто съ капитаномъ Булацеломъ и поручикомъ Вандою, какъ хитро оны умѣлы выманить взаимы у васъ денги на дорогу, какие имъ ни мало не надобны были, а только де для того здѣлали чтобъ васъ лишить оныхъ.

Упоминала Хорватъ еще и о Черногорцахъ, что онъ ихъ не могъ никакъ въ каманду себѣ достать, покудава первѣе васъ не пригласилъ, а потомъ умышленно онъ васъ въ Петербургѣ оставилъ чтобъ только свое сдѣлать.

Я его сталъ спрашивать гдѣ жъ теперь тѣ Черногорцы, онъ отвѣчаетъ что Хорватъ какъ приехалъ изъ Петербурга въ Москву, то въ тогда привезъ съ собою указъ, чтобъ имъ быть у него въ камандѣ, и что и вы съ нимижъ къ нему определены, но Черногорцы некоторые безъ васъ ехать въ Новую Сербию не хотѣли и спрашивали гдѣ вы, такъ Хорватъ некоторыхъ словами успокоилъ а иныхъ штрафовалъ палками, и въ калодки забывъ привезъ въ Новую Сербию, а кои пожелады въ армию въ другіе полки, то таковыхъ туда отъправлено, а иныя во всѣ въ Россіи остатца не хотѣли, и прощали напашпортовъ, конимъ отъ кантори Военной Коллегіи и дано и отъправлены за границу, а сихъ что Хорватъ привелъ тотъ часъ

опредѣлыть въ Македонскіи гусарскіи полкъ, а другихъ что приведены недавно изъ Цесаріи порутчикомъ Ездимировичемъ и адютантомъ Марковичемъ, то тѣмъ учинилъ Хорватъ пресмотръ, и яко оны болшая часть состоялы женатыя и съ фамыліями, учредылъ изъ нихъ новое войско наименовавъ Миргородскимъ гарнизономъ, опредѣлыть ихъ тутъ же въ Миргородъ на поселение, а приписавъ яко бы вѣновь выходцы выведение дворяниномъ изъ Венгріи Иваномъ Хорватомъ, написавъ ихъ триста человекъ годныхъ въ службу, о чемъ представы въ Сенатъ, и просить тому дворянину за тотъ выводъ подполковничьего чина, и яде съ тѣмъ представленіемъ таперъ въ Петербургъ прислать.

Я сталъ спрашивать какой бы то былъ дворянинъ, и какой есть Хорватъ, онъ и сталъ мнѣ сказывать: ето де судиръ генеральской синъ мальчикъ шести лѣтъ отъ роду, не имѣлъ еще ни какъ чина и не вслужбе, а такъ хочетъ ему отецъ тотъ чинъ доставить какъ и старшимъ двумъ, о коихъ также представлялъ что анѣ будто вывели людей, написывалъ за каждымъ по сколко сотъ человекъ, такихъ кои разное времяно самы собою повиходили и за то оба получили такие жъ подполковничьи чины, а старшему таперъ разве только что лѣтъ двенадцать есть отъ роду.

Все сие, что сей мой попутчикъ пресказывалъ, я выслушалъ съ великимъ примечаніемъ, надобно же притомъ сказать правду, что мнѣ ни мало такие весты не были приятны, спрашиваю я его какъ онъ могъ такие дѣла что Хорватъ представляетъ всио узнать, онъ отвѣчаетъ, что де о многихъ своихъ дѣлахъ Хорватъ самъ за столомъ говоритъ, а иногда слышимъ мы одинъ отъ другаго, а наибольшъ отъ его канцеляриста, каторой непрестано при нѣмъ есть, коего онъ много разъ два въ аудитори производилъ, и опять разжалывалъ, какъ скоро на него разсердитца, то и разжалуетъ его и батожемъ висечетъ, а потомъ опять въ аудитори пожалуетъ.

Сие также я слышу и разсуждаю что отъвага и своеволие тамъ царствуетъ, говорю я сему човѣку: скажи пожалуйста не говоришь ли Хорватъ чего нибудь о моей женѣ, то сей осмѣлившись зачалъ сказывать я де хатѣлъ было еще вѣчерась васъ о томъ сказать, но поудержался чтобъ о томъ не говорить, а какъ таперъ вы самы напоминаете то извольте выслушать, Хорватъ какъ скоро приехалъ правда что отъчасты васъ хвалытъ, однако между прочимъ и то говоритъ, что онъ не могъ васъ никакъ иначе къ себѣ пригласить, покуда на послѣдокъ то не выдумалъ, а таперде какъ

четь я Черногорцевъ уже достаѣ, Я еще сего моего попутчика рашивалъ о племяннице Хорватовой что отъ брата дочь и девица и ѣ оны живутъ, сей отвѣчаетъ что есть у Хорвата племянница отъ брата и девица еще молодая имѣетъ мать вдову, и живутъ обще съ дру- мы еще детми тамъ на поселеніи въ своемъ доме въ Шанце Кри- вскомъ въ Пандурскомъ полку, коимъ покойникъ мужъ госпоже льполковнице командовалъ, и таперъ въ проездъ нашъ будутъ оны мѣ по дороге и вы ихъ всѣхъ видѣть можете, а далѣ современемъ сами говорятъ мой попутчикъ обо всѣхъ лучше узнаетъ, нежелъ о я вамъ таперъ пресказалъ.

Въ такихъ разговорахъ продолжалъ и дорогу съ своимъ попут- никомъ даже до Москвы, а въ Москву въѣхавши говоритъ оны мнѣ у заземки къ одному купцу гдѣ всегда Хорватъ заѣмаетъ, а онъ гдѣ Хорватовой главной подьяччикъ навиваетца Шекунтинъ, и ѣдетъ за Москвою рекою на Кожевникахъ, и мнѣ знакомъ, я со- шедся туда заехать, хазяинъ принялъ меня приятно, отвѣвалъ осорб- рую горницу, показовалъ приятной видъ рекомендовался по под- дами когда бы что надобно было, чтобы его немыновать, я съ мѣ купцомъ познакомился, были ихъ два брата и люди почтение, ѣ пресказывали мнѣ много сходное, что и попутчикъ мой мнѣ ска- валъ, о Черногорцахъ какъ съ ними Хорваты тутже въ ихъ доме проездъ свой изъ Петербурга поступалъ строго, и что выпросилъ канторы Военной Коллегіи себы караулъ пехотныхъ салдатъ- некоторыхъ Черногорцовъ, кои по разборе отъданы ему по списку команду стали было отказоватца что не хотятъ итти въ Новую рбыю, то онъ ихъ арестовалъ, былъ палочѣмъ, и забывъ въ калод- повезъ съ протчими съ собою.

Пробуль я тамъ въ Москве сутки аднѣ и потомъ поехалъ далѣ, спешнымъ днемъ паспѣлъ въ городъ Кременчукъ, гдѣ преправившись въ Днѣпръ на сторону Новой Сербии, я далѣ по дороге заехалъ Шанецъ Криловской, гдѣ живетъ вдова госпожа подьполковница рватова, принять я былъ въ доме ласково, но какъ оны меня пре- в ни когда а также и я ихъ невидалы, то и были у насъ на тое мое время яко еще не знакомые разговоры кое о чемъ другомъ, а женидбе и о союзе родства не говорили ни слова, но я жестоко и семъ случае желалъ чтобы мою назначеную невѣсту видѣть и пер- ѣ вышелъ и поздравился со мною синъ госпожи подьполковнице, горой былъ еще юношъ молодой лѣтъ шестнадцатыхъ, и подьполков- комъ на мѣстѣ отца своего, въ томже Пандурскомъ полку, а по-

томъ уже вышла къ намъ и дѣвица, клянались мы одно другому; и спрашиваю я ничево дочли она госпожи подполковнице или нѣтъ, а примечаю что конечно той надобно быть что назначена моею невестою, она была старше своего брата, правду надобно сказать что меня нѣчто тронуло какъ я ее увидѣлъ и показалась мнѣ достойною того быть какою она назначена, мы вѣстречались только глазами, разговоровъ по короткости времени и при первомъ тамъ случаѣ насъ не было, ибо я не долго у нихъ бавился а только что пренялся почтовыхъ лошадей, и съ тѣмъ отъклонясь поехалъ далѣ, а другой день прибылъ въ Миргородъ гдѣ и Хорватова столица естъ онъ меня принялъ на первой случай довольно съ ласкою, только упорѣблялъ при томъ несколько вандность своего чина, титуловалъ меня господинъ маиоръ, потомъ какъ вышла къ намъ его супруга, то и пресказывалъ ей обо мнѣ, я ей поклонился и она села.

Всѣ кои тамъ случились не было мнѣ ни како знакомо, потому опредѣлена мнѣ была квартаера тутже въ городѣ по близости Хорватова дома, тотъ день прошель на томъ, и покуда я расположился не хадылъ со двора никуда, а по утру напощь я къ Хорвату, и засталъ тамъ у него некоторыхъ афицеровъ, между коими были и тѣ Петербургскіе уже знакомые, кои однако противъ той прежней знакомости показались отъмено и съ некоторою снесию и не много со мною говорили.

Я тотъ день былъ приглашенъ остатца у Хорвата обедать, и были разговоры за столомъ разные, спрашиваетъ меня Хорватъ о Петербургѣ что и какъ и для чего на представлении не прислано ему резолюціи, на что докладывалъ я ему какъ мнѣ сказано что по военнымъ обстоятельствамъ зашлы важнее дѣла въ конференціи и потому говорилъ я не было времени господамъ сенаторамъ присуствовать въ Сенатѣ, Хорватъ на мой отвѣтъ жестоко разсердился и началъ всѣхъ господъ бранить, а наиболше своего главнаго пріятеля оберъ-секретаря Савича, поворачиваетъ изъ сердца въ ладонь на голове рукою, угроживая что я какъ онъ о томъ ему писать будетъ.

Я слышу сию ярость и смотрю что еще далѣ видѣть, всѣ за столомъ, сидящие ни кто ни слова не говоритъ а молчатъ, а разве како о чемъ онъ Хорватъ спросить, то тотъ отвѣчаетъ и встаетъ съ стула на ноги покулъ говорить, напоследокъ, напалъ Хорватъ на жену свою, бранитъ что ему блюдо поднесено которое не по его вкусу приправлено было, бранитъ всякими непристойными словами, даже такъ грубо что я думаю ни адинбы деревенской мужикъ такихъ

кверныхъ словъ не выговорилъ, замахивая на нее съ вилкою уко-
отъ, она съперва хатъла то шуткою и смехомъ отъвестъ отъ себя,
о послѣдѣмъ смѣхъ ее на плачь претворился и говорить стала къ
ему по Венгерски, упомыная чтобъ онъ хотя меня яко новаго чело-
вѣка постидилоса, и престабы такіе слова говорить, а сие вырази-
тъ и молчу, а Хорватъ послѣ того поворотася ко мнѣ спраши-
аетъ. умѣюль я по Венгерски говорить, на что я отвѣчалъ что
нѣтъ не умѣю, онъ на то сказавъ отъсидѣе на мою сторону по
Венгерски жъ хоть шуточное, но одынако грубое даволно въ томъ ра-
уме, что я того языка не училъ, и на томъ и обедъ кончился.

А вѣставши отъ стола не много погодя позвалъ меня Хорватъ
съ собою въ канюшню, зачалъ мнѣ показывать своихъ лошадей, хва-
лихъ доброту и пароды, а тоже въ его удовольствие хвалю да и
самогъ дѣла имѣлъ онъ хорошихъ лошадей и всѣ своего завода,
кто сакаго коего онъ съ собою изъ Цесарія пригналъ, и держалъ
весь целый годъ въ канюшнѣ, всегда не мѣнѣ какъ по петиносегъ
кроме что въ табушѣ на поля ходять, и былъ онъ до лошадей охот-
нѣ великъ, на томъ такъ и тотъ день минулъ, и далъ асио въ
цѣломъ положеніи, хажу иногда къ нему къ столу обѣдать и ужи-
вать и проходить уже время недели две, икну я въ Миртародѣ,
гдѣ при собѣ своихъ людей, издерживаю на содержание свое по
мошнѣи дароговизнѣ денги со излишествомъ, а Хорватъ мнѣ ни
чемъ ни слова не говорить.

И сталъ у тѣхъ его каностоловъ, бывшихъ въ Петербургѣ, свои
дѣла требовать что въ займы я имъ далъ, анъ на то отвѣчали мнѣ
люднымъ видомъ, что правда оны виноваты по денегъ таиерь не
имѣють, а какъ поосберутца по своей экономии то тогда заплотюгъ.

Таковы отвѣты мнѣ не понравились, и думаю въ себѣ что я
никогда еще дурное дѣло буду имѣть, покудава свои денги доста-
ю, и такъ день по день проходить безъ никакова дѣла и минуетъ
то мѣсяць, а я ничего не знаю что со мною будѣтъ, а слышу такъ
что и того новаго Болгарскаго полка въ каторой я определѣнъ
одного человѣка не назначено и онаго во всѣ еще нѣтъ, между
тѣмъ сталъ мнѣ Хорватъ говорить чтобъ я себѣ парадной мундиръ
чалъ дѣлать, я и радъ былъ тому слову, не видѣлы нѣстого чего
буду и спрашиваю, по какой формѣ полка прикажетъ мнѣ строить,
тѣмъ отвѣчаетъ что у его адна форма на двухъ полкахъ, то есть
первой ево поселеной что називаетца Хорватовъ, а другой Маке-
донской полковой по той же формѣ и цвету какъ и первомъ, сукна го-

лубаго съ золотомъ, и оченьъ богато, то чтобы и я такой себѣ зделалъ какъ Македонски есть, я и подумалъ что потому будетъ мнѣ въ оной полкъ скоро определение какъ онъ и обещалъ, и въ ту на лежку я таковъ мундиръ зѣлалъ і и держалъ болѣе троихъ сотъ рублей съ поясомъ, чтобы поскорѣе решитца, и получить полкъ, и тако какъ совѣмъ мой мундиръ уже былъ готовъ, то я въ одинъ воскресны день, надѣвъ оно на себя, показался Хорвату, однако онъ болѣе ничего не сказалъ а только что похвалылъ.

Тѣмъ временемъ въ Миргородѣ спознался я кое съ кѣмъ штабъ афицеровъ, но притомъ съ примечаниемъ чтобы первѣе узнать кто каковъ есть, и не попастибысь во искушение, ибо у Хорвата были некоторые двуличные люди то есть по наружности ласкавы и обходительны, а въ самомъ дѣлѣ ихъ состояніе было дурное, кои Хорватъ производилъ въ чины и держалъ при себе единственно для того, чтобы чрезъ нихъ могъ узнать обо всѣмъ, кто што говоритъ и дѣлаетъ і гдѣ и у каго въ вечеру была кампания и собрание, и кто каму ходитъ и съ кѣмъ кто друженъ; ибо Хорватъ двухъ другихъ терпѣть не могъ, а коихъ въ дружбе видитъ то старался всячески посорить ихъ и привести адного на другаго въ ненависть, почему и сіи его любимые, ко исполнению его воли, въ томъ ежедено упражнялись и за другими людьми слѣды считали и ябеднические рапорты приносили.

Были жь однако у него и добрые и честные люди, кои постоянство свое великимъ трудомъ должны были защищать и охранять себя отъ наветовъ часто на нихъ находящихся, въ числѣ коихъ былъ нѣкто маиоръ Шмитъ, его Хорватъ требовалъ и преведенъ къ нему въ Новую Сербыю, изъ бывшаго тогда старога полеваго Венгерскаго полка, я сего афицера примечалъ что весьма редко къ Хорвату ходилъ, а за всегда въ канцеляріи обращался при письменныхъ делахъ, и сколько ево ни вижу то всегда не весель былъ, я сталъ съ нимъ знакомитца какъ онъ родомъ изъ Венгріи, но Немецъ былъ природны и я съ нимъ на томъ языке говорить умѣлъ, каковыхъ чтобы тѣмъ языкомъ говорили было тогда въ Новой Сербыи весьма мало, а кои и говорили то однако ихъ наречіе было накриво и не правильно, и съ познавшись я съ Шмитомъ и утвердясъ на его постоянство пустился съ нимъ уже въ дружбу.

Онъ много кое чего потомъ тихонка мнѣ пресказывалъ и сердечно обо мнѣ сожалѣлъ, и говорить что де вы пропащи человекъ можете быть, естли не возьмете свои мѣры заблаговременно, ибо Хор-

ь на своемъ слове никогда не устоитъ, что кому обѣщаетъ! такъ и съ вами онъ наверно здѣлаетъ и вы ему ни въ чемъ не вертѣ говорить, онъ васъ тутъ мучить будетъ, и всякими хитростями урать, какъ онъ еще знаетъ и то что у васъ достатокъ есть въ гахъ, то онъ на таковыхъ кто хотъ мало достаточенъ весьма хит-емотритъ и стараетца всячески уловить, чтобъ обнищить чело-а и въвести въ долги, ево де предметъ состоитъ въ томъ какъ обнищаетъ, то ужъ и не можетъ по недостатку никуда въ гую сторону дѣтца и чего далѣ искать, а долженъ тутъ остатца ить по неволѣ ему подыноженъ, такто и вы, говорилъ мнѣ Шмитъ, егитесь того и храните свои денги что имѣете и ни кому не ска-айте, я ему поблагодарилъ за его дружеское наставленіе и взялъ томъ свою предосторожность.

Съпустя потомъ несколько дней приходятъ ко мнѣ тамошніе купца Греки, просятъ у меня въ процентъ двухъ тысячъ руб-на годъ, обѣщаютъ дать двенатцать процентовъ, и говорятъ что надежные люди и что свой капиталъ имѣютъ, но таперъ не-ако имъ нужда пришла, что надобно скоро въ Цесарию, по ихъ цирнымъ подырядамъ завещи отъелъ веземые денги переслать.

Я какъ сихъ людей еще не зналъ, а также и то пришло мнѣ мысли что мнѣ майоръ Шмитъ говорилъ, то отъказалъ симъ про-еламъ, говорю что у меня денегъ нѣтъ, и что я самъ хачу гдѣ будъ на свое содержание искать денги въ займы, и съ тѣмъ ихъ вроводыгъ отъ себя.

У меня хотя и было тогда и несколько еще востатке денги, но по совѣту Шмита держалъ я ихъ весьма тайно и не показывалъ акова вида, что еще несколько въ запасе у меня того есть, я по-ь о семъ что купци ко мнѣ приходили и прасилы денегъ сказалъ ту, онъ на то отъвечалъ что видите таперъ какъ оно и выхо-ь сходно тому, о чемъ я вамъ прежде сказовалъ и то не есть в что а подослано къ вамъ нарочно, и вы берегитесь не вер-нитъ людямъ, а нѣ своего собственаго мало чего имѣютъ, а толко сиделци въ тѣхъ лавкахъ и товари всѣ принадлежать Хорвату, всѣ вещи подыряжаетъ въ Цесарію нарочно будто такихъ ве-ь въ Москве добротою имѣтъ не можно, а толко для того чтобъ идивать афицерамъ вещи на строение мундировъ въ три цены ого, а потомъ вичитаетъ изъ жалованья, я на тѣ должные денги в и процентъ беретъ, отъ чего никогда афицеры ни одной копей-жалованья не получаютъ и остаются всегда въ долгахъ.

Потомъ спустя дней несколько сталъ я требовать у Хорвата своихъ данныхъ ему въ Петербургѣ четырехъ сотъ рублей денегъ докладывая ему что я самъ нужду имѣю въ деньгахъ, и прошу что приказалъ оныя мнѣ выдать. онъ тутъ сделался будто и не помнитъ говорить какие то деньги, я ему повторяю что онъ ихъ у меня въ Петербургѣ взялъ, и что въ томъ я и росписку имѣю, тутъ онъ какъ я о росписке упомянулъ, повернулъ свои слова и говорить да я что о томъ запомнилъ, потомъ сказалъ что онъ прикажетъ казначей мнѣ выдать, а за тѣмъ докладывая я ему и подыношу регистеръ, я будучи въ Петербургѣ въ хожденіи по его деламъ издержалъ какъ за квартиру, дрова, извозчика, и на другіе надобности, мнѣ приказано было въ угощеній сенатскихъ канцеляриста и писарей у коихъ въ повитіи его Хорвата дѣла имѣютца издерживать деньги онъ выслушавши то мое представленіе и видя изъ регистра что таковыхъ денегъ требую я до двухъ сотъ рублей, оказался недоволенъ, и даетъ мнѣ тотъ регистеръ назадъ, при чемъ говоритъ какбы вамъ таковыя деньги можно требовать, вамъ же все одно жить гдебы вы ни были, а о издержкахъ я вамъ ордера не давалъ; однако я регистра отъ него не принимаю, а повторяю просьбу чтобы мнѣ виданы были деньги, какъ тѣ что займы я ему далъ, такъ и сіи что по регистру значить.

Онъ на то отвѣчалъ чтобы я подалъ въ главную Ново Сербскую канцелярію доношеніе, почему де въ удовольствіи васъ разсмотрѣніе будетъ, я то дѣлалъ, и при доношеніи въ канцелярію тотъ регистеръ подалъ, однако та моя просьба за отлагательства осталась еще на далѣ.

О сей канцеляріи надобно знать, что она значила и въ какой силѣ была, Хорватъ выдумалъ ее учредить, на подобіе рода коллегіи, или тому подобнаго правительства назвавъ ее главная канцелярія Новосербскаго корпуса, исходатайствовалъ отъ Сената на то конфирмацію такъ довольно велику, что всѣмъ прочимъ коллегіямъ и присутственнымъ местамъ сношеніями писатца съ нею велѣно, и быть зависящею единственно отъ Сената; Хорватъ разделалъ въ ней правящихъ писменными дѣлами на разные департаменты, а надъ ними положенъ главнымъ админъ секретарь и отъправлялись дѣла первое по службѣ военной принадлежащие, а также пограничныя, и по внутренности поселенія экономическія; къ управленію жъ дѣлъ шестъ человекъ изъ штаба и оберъ офицеровъ присутствующихъ и все бы то было такимъ установленіемъ полезно и хорошо, если бы

Хорватъ самъ собою не згадылъ, и что онъ того присудствия именовавъ себя яко глава первоначальнымъ, и отъ него должно быть вспо зависими и не вчислѣ протчихъ присудствующихъ онъ почитался, тобы еще такъ и должно тому быть, но что по себѣ первимы поставилъ двухъ синовъ своихъ малчюки, первой лѣтъ четырнатцать отъ роду, а другому тринацать, кои еще состоялы подь начальомъ учителя своего въ науке граматы, и дѣла къ нымъ приносили въ школу для подыиски, то тѣмъ и остался порядокъ того правленія уже поврежденъ, а за тѣмы другіе чины како онъ Хорватъ и на какое время къ тому присудствію поставитъ, почиталъ подь синамы его младшимы; присудственное жъ той канцеляріи место было особно и за большимъ столомъ надкрыто краснымъ сукномъ и при зеркалѣ, какъ форма велитъ протчихъ присудственныхъ мѣсть, Хорватъ самъ часто туда хадилъ слушалъ дѣла и решилъ, а иногда осердившись какъ не по его мыслямъ написано и поднесено, опредѣленіи предиралъ бранилъ секретаря и пишетъ самъ.

Но что чудите всего бывало и къ поношенію того места, Хорватъ приходилъ много кратъ въ присудствіе сидѣлъ за столомъ слушалъ дѣла, какбы въ своей спалнѣ подь казпакомъ и курилъ трубку, и кто бы могъ отъважитца ему сказать что то есть не пристойно.

Хорватъ какъ тому назадъ дня два сказалъ, что прикажетъ казначею выдать мнѣ даные ему отъ мена възаимы денги. то я казначея нашолъ, требуя отъ него тѣхъ денегъ, онъ отъвѣчаетъ что приказанныя никакова не имѣетъ, я опять нашолъ къ Хорвату и сталъ о томъ говорить, на то отвечалъ разве де ти такъ пришелъ что и денегъ не имѣешь, и какъ онъ считаетъ меня богатымъ, и что я будучи при дворѣ нажилъ великое себѣ денги, и имѣю конечне оныя а толко де притворяешь себя яко бы недостатокъ терплю, и требую такой безъделицы, и чтобы дожидался я резолюціи по поданію отъ меня доношенію отъ Новосербской Главной Канцеляріи

Я отвѣчаю ему что хотя бы у мена и были денги, но я и сихъ имѣть хочу и прошу повелите мнѣ ихъ выдать, онъ и велѣлъ казначея призвать и приказываетъ ему чтобы мнѣ ихъ выдалъ, казначей отвѣчаетъ, что у него денегъ въ приходе нѣтъ, на то поворотясь Хорватъ ко мнѣ говорить: вотъ слышишы что казначей оказалъ, я отгечалъ что денегъ казначею я не давалъ възаимы, а да въ вашему превосходительству такъ и пожалуйста, говорилъ я ему, вы мнѣ мои денги.

Сие водилось у насъ долго и прошло несколько дней, напоследокъ стали мнѣ платить когда пятьдесятъ, когда сто, когда двадцать пять рублей, и едва съ великою нуждою я ихъ досталъ, а издержанные по регистру пропала.

Жыву я въ Миргородѣ уже три месеца безъ никакова опредѣленія и причисленія къ полку, а о женитбѣ моей ни слова никто не говоритъ, зачалъ я думать чтобъ решитца на чомъ нибудь чтобъ истребовать отъ Хорвата полную себе резолюцію обо всѣмъ, примечаю также изъ всѣхъ обстоятельствъ что концу хорошему и быть, видя его гордость и фалшивость, и что все въ превеличайшемъ предъ нимъ раболепствіи и не иначе а какъ полубога е тамъ считаютъ, чего я дѣлать привикнуть не могъ.

Однако Хорватъ упредилъ мысли мои своимъ ко мнѣ отъзвонъ, онъ какъ хотѣлъ въ одинъ день ехать на свои хуторъ разстояніемъ отъ Миргорода верстъ за петнадцать, то взялъ и меня собою въ карету, и дорогою зачалъ говорить по той формѣ какъ и въ Петербургѣ ласково претворилъ себя, представляя мнѣ жывого того поселеннаго, въ каковомъ анѣ благоденствіи состоятъ и какъ домамы на одномъ мѣстѣ жить и заводить свою економую споконно и хорошо, и требуетъ отъ меня о томъ объясненія, каково все то мнѣ показалось и не хачулъ я пременить свое намереніе отъ полевой службы и остатца на поселеніи въ ево Гусарскомъ полку, упомыная что де вотъ скоро въ моемъ полку будетъ ваканція подполковничья, а де о Цветиновичѣ, какъ онъ съ моимъ полкомъ состоитъ въ арміи, уже представилъ о произведеніи ево въ полковники и онъ точно будетъ, а ти на его место станешь подполковникомъ, а между тѣмъ какъ ужъ я и прежде сказалъ продолжалъ Хорватъ свои слова что на племяннице моей тебѣ женитца, то и останешься здѣсь въ Миргородѣ и въ паходъ съ женою таскатца ни для чего, а опредѣлю тебя въ ту должность при канцеларіи въ коеи по нинѣ майоръ Шмитъ состоитъ, а ево негодного вигоню вонъ съ поселения и не хачу его здѣсь имѣть, и зачалъ Шмита ругать и бранить на чемъ светъ стоитъ, такъ скажи мнѣ повтаряетъ Хорватъ что думаешь и подаи о преводѣ тебя на поселеніе челобитную, на которой я тотъ часъ тебя къ той должности и опредѣлю и станешь ужъ здѣсь домою заводитца, а челобитную отправляю въ Сенатъ и представляю о пожалованіи тебя въ подполковники.

Я ему отвѣчаю что все то какъ вы изволяете говорить едѣло хорошее, но какъ я съ вами будучи въ Петербургѣ уговари

и начто вы меня позвали и обънадежили, на то я и приехалъ и до-
жидаюсь вашей рѣшимости, а также говорилъ я ему что по моимъ
еще молодымъ лѣтамъ надобно мнѣ конечно въ арміи на нѣкоторое
время послужить, и чтобъ моя служба извѣстна здѣлалась, а по окон-
чаніи войны могу тогда исполнить ваше желаніе и быть на посе-
леніи, онъ на мои слова сказалъ, такъ я вижу что ты на поселеніи
быть нежелаешь а намеренъ таскаться по свету то какъ хочешь, а
опосля будешь сожалѣть, и выговоря сіи слова замолкъ и сталъ дре-
мать въ каретѣ не говоря болѣе ни слова во всю дорогу туда и об-
ратно.

А приехавши назадъ въ Миргородъ сталъ я проводить при ка-
кой должности именно майоръ Шмитъ состоитъ да и самого его Шмита
спрашивалъ, не сказывая ему о Хорватовыхъ словахъ ни чего, онъ
и сталъ мнѣ сказывать о своей должности, какова на его наложена
и что названа расчетною камысней, которую какъ Хорватъ хочетъ,
говоритъ Шмитъ никто на свете кончить не можетъ, она де то есть
самая премудрая глубина Хорватова воровства, въ ней состоятъ
всѣ суммы, каторіе съ зачала сего поселенія отпускались какъ на
вербунки такъ на разные строенія мундировъ и амуницій, на жало-
ваные и на провиантъ, и въходили и подесетъ разъ одна въ другую
безъ никакихъ документовъ и безъ ордеровъ и оставались многіе
безъгласными и ушутаны нарочно чтобъ концы скрыть, какихъ Хор-
ватъ самъ къ себѣ бралъ, и то всевозвратно говоритъ Шмитъ та-
перь на меня чтобъ я развелъ и очистилъ, а какъ сего здѣлать не-
возможно то и сталъ за то на меня гнать, и вы де скоро увидите гово-
рить Шмитъ, что изъ сего дѣла выдетъ много затрудненія, и не обой-
детца никакъ безъ великаго слѣдствія и камысій.

Я въ то время моей въ Миргородѣ бытности съпознался еще
съ однимъ добрымъ человѣкомъ, Хорватова гусарскаго полка съ маю-
ромъ Бошковицемъ, онъ былъ природы изъ Цесарій Сербинъ и на-
стоя въ немъ пряма честную совѣсть и постоянство, я съ нимъ за-
чалъ обходиться подружески и могъ говорить о своемъ дѣле съ нимъ
просто, и между разговорами на другой день послѣ, какъ я съ
Шмитомъ видѣлся, говоритъ мнѣ Бошковицъ что примечаетъ вы ка-
ковъ Хорватъ и что въ нѣмъ ни мало ни правды ни совѣсти нѣтъ,
берегитесь вы говоритъ мнѣ Бошковицъ, Хорватъ де сплетаетъ ве-
ликіе сѣты около васъ, у ево предметъ лукавой есть на васъ, мы
де многіе сожалѣемъ объ васъ и видимъ какъ онъ васъ обманулъ и
лишилъ вашего места и оторвалъ хитростью своею отъ двора, а та-

перъ состоитъ вся его цѣль о томъ только, какъ онъ примечаетъ что вы съ денгами сюда пришли, то что бы оныхъ васъ какъ нибудь на перъ-вомъ случаѣ лишитъ и приведетъ въ недостатокъ и въ долги вѣвалъ, чтобы тѣмъ изпурихъ васъ, а потомъ принуждены вы будете остатку ему подыожны, а болѣе еще тѣмъ ежели согласитесь быть у его на поселенію что и видѣть такъ какъ и съ нами терпѣть его поданство, онде по зависты своей васъ и отъ двора отвелъ, чтобы только достать Чернигорцовъ въ свою каманду, а теперь какъ онъ ихъ уже получилъ и васъ сюда привелъ, то и дѣлаетъ свои обороты и держитъ васъ здесь чтобы только пришли вы въ убытокъ, при чемъ говорилъ еще Бошковичъ что да я и о женидбѣ вашей знаю какъ оно дѣлается, хотя бы вы и на то согласились какъ онъ хочетъ чтобы на поселенію остатка, то вы не думайте что Хорватъ свою племянницу за васъ отдалъ, я не знаю продолжалъ Бошковичъ знаетелъ вы или нѣтъ господжа подполковница Хорватова есть мнѣ двоюродная сестра, и съ нею о женидбѣ вашей много кратъ говорилъ и знаю что она весела рада дочь свою за васъ отъдать, также и девица къ тому есть склонна да ни, ни подъ какимъ видомъ не смѣютъ оны ни маленшаго зная отъ себя додать, вотъ другомъ день и знаю что Хорватъ за ними послалъ чтобы оны сюда приехали, и вы де увидите какіе онъ штукки и выдумки будетъ дѣлать, онъ ихъ разорилъ въ конецъ, какъ покинъ подполковникъ мужъ сестры моеи скончался каторон былъ старшій братъ Хорвату, и былъ человекъ совѣтъ другава сложенія и вѣсты, и онъ еще при жизни претерпѣлъ много, и наравнѣ съ нами носилъ всякіе гоненій и обыды отъ него, а по смерти осталась жена его съ детмы въ сиротствѣ, то сдѣлалъ Хорватъ надъ ними опекуномъ, заграбылъ къ себе деуги за проданные ихъ въ Цесаріи деревни и теперь оны у него остаются и неотъдаетъ, а бедная сестра моя говорилъ Бошковичъ съ детмы претерпѣваетъ нужду въ своемъ содержаніи и недостатокъ во всемъ, такъ когда онъ Хорватъ своихъ кровныхъ изпуриетъ и утесняетъ а козмы васъ не будетъ, онде и подполковника Николая Ивановича Чорбу мучилъ и гналъ покудова его лишилъ всего, и хотѣлъ его упутать и упропастить совѣтъ и человекъ принужденъ былъ оставить все и бежать отъсѣлъ въ Петербургъ и просить и тѣмъ едва избавился, онъ есть сестре моеи родной дядя, а Феоодоръ Чорба, что теперь въ арміи за границу маоромъ, сестре жъ моеи братъ родной, каторон также претерпѣваетъ отъ Хорвата великіе гоненія, а сіи люди были первые при зачачѣ вѣхода Хорватова изъ Цесаріи въ Россію, а какбы тогда не оны

къ выходу не подалъ, то бы изъ того ничего не было, а разве бы
вѣтъ самъ съ женою и съ детьми сюда вышолъ.

Я всѣ сии слова что мнѣ Бошковичъ пресказалъ выслушалъ и
одарю ему, сталъ думать какъ и на чомъ положитца и заключилъ
омъ, чтобъ Хорвату говорить и требовать послѣднѣво ево реше-
и чтобъ меня причислить въ Македонски гусарски полкъ, а буде
него того не здѣлаеть какъ онъ обещалъ, то чтобы отпустилъ
въ Петербургъ.

Я на томъ положившись пашолъ на другой день къ Хорвату,
рѣлъ его что ходытъ самъ одинъ задумавшись по саду курить трубку.
случай на одинъ чтобъ съ нимъ говорить было мнѣ удобно, я
шедъ къ нему вижу что онъ не такъ чтобъ былъ сердитъ, те и
лъ я ему говорить сии слова, что изыпрашиваю наперидъ по-
ѣнца и чтобъ не было ему въ досаду о моемъ къ нему представ-
и, онъ остановился и отвечаетъ дабро изволь говори о чемъ хо-
и, потомъ сталъ я представлять что живу здѣсь въ Миргородѣ уже
месеца, а не знаю никакова о себѣ опредѣления, и что также о
идбе моей не изволите здѣлать решимосты и мнѣ о томъ ничего
говорите, такъ ежелы я вамъ неугоденъ и то быть не можетъ, какъ
со мною уговорили и на что я сюда призванъ, то прошу отпу-
тъ меня и дать пашпортъ, съ коимъ намерень я ехатъ въ Петеръ-
гъ для узыскания себѣ другога места, ибо далъ на такомъ осно-
и на какомъ я таперь есмъ, говорилъ я Хорвату, болѣе оставатца
могу, а хочу свой настоящи фундаментъ имѣть.

Хорватъ выслушавъ мои слова не показиваетъ ни мало против-
и вида, говорить мнѣ что вы напрасно тѣмъ тревожитесь ви де
те какъ я сказалъ, что опредѣлены будете въ Македонской гу-
ской полкъ вскоре къ вамъ и ордеръ будетъ, когда не хотите вы
и послушать чтобъ быть здѣсь на поселению, гдебъ вы и фунда-
тъ свои имѣть могли, а о женидбе вашей, продолжаетъ Хорватъ
и на свои слова, ежелы девица и мать ее согласятца то де я въ
и не препятствую.

Мнѣ казалось сия резолюция хороша довольно, и для меня бо-
бы ни чего и не надобно, но Хорватовы мысли совсѣмъ шли
и въ другую сторону, и какбы толко меня въ свои сѣты уловить.

Онъ на завтрешны день сталъ самъ публично говорить, что я
Македонски полкъ буду скоро отъправленъ и что представить о

пожалованіи меня въ подполковники, даже и мнѣ самому о томъ весьма съ приятнымъ видомъ объявлялъ, разсказывая какъ хочеть онъ тотъ полкъ снабдить великолѣпно и что уже и обозъ готовъ, упоминая при томъ и о людяхъ того полка, что всѣ иностранные и видныя люди, тамде говоритъ мнѣ Хорватъ много и твоихъ Черногорцовъ естъ комде я уже сказалъ что надъ ними командиромъ ты будешь, и теперь только остаетца, чтобъ ты себя всѣмъ потребнымъ къ походу исправилъ и снабдилъ хорошими лошадми подъ верховую їзду, бы не постидно было съ такимъ славнымъ полкомъ оказатца при арміи.

И ему благодарю за такую его ко мнѣ милость и говорю, лошадей подъ верховую їзду легко мнѣ будетъ достать и тогда съ полкомъ чрезъ Полину помарширую, онъ на то отвѣчалъ, что виднѣшъ какъ я о тебе думаю и хочу тебя отъправить и на что ты денги тратишь и лошадей по Полине покупать, когда я даю въ канюшню твою такой славной полкъ, то ужъ и лошади хорошими хату снабдѣть, и денегъ за оныя здѣсь не требую а оставляю, что и оныя изъ арміи ко мнѣ денги приплѣшъ, и хвата меня за руку говорю поидемъ въ канюшню, я тебѣ тѣхъ лошадей покажу, которыхъ я дать хочу.

Читателю мой разсуждаи таперъ самъ, не доволенъ ли я милости отъ него сказано было, что отъправить меня къ арміи, а также и лошади верховыми снабдѣть почти безъ денегъ, къ тому же и чинъ подполковничій приобрести, то какбы было можно въ чемъ либо посумнѣватца и не поверить его словамъ, когда онъ о томъ лично гоовритъ и мнѣ готовитца къ выступленію приказиваетъ, почему и подумалъ я, что и нѣтъ мнѣ резона быть имъ недовольнымъ и о женидбе думалъ я ежели и то сужено то конечно минути не можетъ, но лукавство Хорватово и хитрость совсѣмъ принесло другое.

Повелъ Хорватъ меня въ канюшню, показываетъ мнѣ первую свою вароную верховую лошадь да еще двухъ гнѣдихъ, всѣ молодые и хорошие лошады и не осталось лучшихъ во всей его канюшнѣ, я зная даволно тѣхъ лошадей и что мнѣ о нихъ Хорватъ отъдаетъ былъ тѣмъ я доволенъ, но толко о ценѣ въ какую оны будутъ поставлены спросилъ я Хорвата, на что отвѣчалъ что ужъ я въ какомъ разуме ихъ тебѣ отъдаю, то и о ценѣ сумнѣватца не надобно тебѣ легко будетъ мнѣ уплатить, однакъ говорилъ я ему что лучше и для васъ и для меня будетъ, когда цену таперъ положите по кое старатца я буду къ вамъ денги доставить, онъ на таковъ запросъ сталъ говорить оцѣнивая по доброте каждую поровнѣ, а за всѣхъ

шло двести двадцать пять галацкихъ червонныхъ. Сия цена показалась мнѣ несколько висока, но въ разсужденіи объявленной мнѣ въ него милосты, а также что не платять за разъ денегъ а современѣ прислать оныя изъ армыи, то и согласился я на ту цену и взялъ что доволенъ.

Онъ тотъ часъ велѣлъ отвезть лошадей на мою квартиру, принялъ чтобъ получше тамъ конюшню исправить и далъ овса шесть четвертей и сѣна возовъ шесть, и съ тѣмъ пошли мы въ его погон, въ пришло въ голову чтобъ изъ того не вышло опосля чего другаго что лучше будетъ съ нымъ на писме о томъ уговоръ здѣлать, для о доложилъ я ему, чтобъ о денгахъ принялъ отъ меня росписку, въ на то мое объявление долго отговаривался что нѣтъ и не надобно такая расписка, мы что здѣлали на томде такъ и быть, однако я звать не хотѣлъ и просилъ чтобъ росписку отъ меня принялъ, на что докъ согласился онъ и велѣлъ принесть бумагу и чернилицу готовить, что вотъ пиши какъ тебы угодно, я взялъ перо и зачалъ писать слѣдующее:

Что отъправляюсь я отъ господина генерала порутчика Івана Сомловича Хорвата для командования въ походъ Македонскимъ гусскимъ полкомъ къ заграничной армыи въ Пруссию, и по тому взялъ отъ него господина генерала трехъ собственныхъ его верховыхъ вадон, ценою за всѣ двести двадцать пять червонныхъ, кое число ютъ здесь не платять, а чрезъ годъ или какъ время дозволить желать изъ армыи вчемъ и подписался.

Сию росписку подаю я Хорвату, онъ принялъ и прочелъ оную, потомъ повернулся къ предстоящимъ съ усмѣшкою говорить, вотъ трите какомъ онъ писецъ и какъ онъ выдумивать умѣетъ, добротъ ни чего ти взялъ лошади а я бумашку, мы разоцтемся попрески и тебы убытка nebudeтъ.

Казалось мнѣ что и сия встреча довольно хороша и не оставать и тутъ о чемъ либо имѣтъ какое сумнителство, однако время о то докажетъ какъ я буду далѣ еще говорить.

Я тѣхъ лошадей хотя и не стоили такой суммы денегъ, принялъ далъ на нихъ ездить и были подлино добри, но въ армыи чтобъ ныхъ служить къ чему я годилисьбы, а не на полѣ съ сабаками вѣтъ какъ оны на послѣдокъ у меня остались.

Послѣ сего нашей учинѣной торговли сталъ я воображать въ то какъ въ походѣ итытъ и радуюсь о томъ, что скоро отъправ-

люсь и приеду съ полкомъ къ армиямъ и что служить на войнѣ, а за —
служу честь и буду имѣть если живъ останусь, въпрямь навсегда —
отъ командировъ своихъ похвалу и тѣмъ дойду до знанья, то и дѣла
твоемъ тому подобное были тогда мои размышленія.

На тѣхже дняхъ приехала въ Миргородъ вдова госпожа подполковница Хорватова съ дѣтми, какъ я више говорилъ что за нею было послано; она квартирою стала у Хорвата во дворе что въ садѣ, особливые покойки были, я съ ними со всѣми видѣлся показавшись мнѣ приятны, дѣвицу назначеную мою невѣсту я полюбовалъ, не находя въ союзе нашемъ никакой противности и заключилъ что она есть достойна, какъ и въ самомъ дѣлѣ такова она была, примѣтилъ также что и я имъ понравился и казалось что съ обеихъ нашихъ сторонъ препонъ никакихъ нѣтъ, а только стояло условитца и дѣла союза кончить, думаю я самъ въ себѣ что таперъ какъ жениюсь, и поведу ее съ собою исправлю экипажъ хорошъ и чтобы она и еще человекъ молодой могла чужие края и светъ видѣть и приобрѣтеть еще большъ просвѣщенія и узнаеть, какие между людьми обиходеніи, и тако мои тогда мысли ни о чемъ большъ не ходили какъ только о томъ.

На третей день приезда сихъ приятныхъ мнѣ гостей поутру я иду къ мнѣ приятель мой мапоръ Бошковичъ на мою квартиру и говорить, что де я пришолъ къ тебѣ объявить мое посольство, Хорватъ меня прислалъ тебя увѣщавать, чтобы ты какъ онъ тебѣ и самъ говорилъ подалъ челобитную о причисленіи тебя на поселеніе и вотъ и челобитная готова, стоитъ только оную тебѣ подписать, и показывать мнѣ ее и ежели подпишешъ говорилъ Бошковичъ, то обещать Хорватъ и свадьбу твою таперъ совершить, вотъ что я тебѣ объявить имѣю повторяетъ Бошковичъ той стороны съ каторой я прислалъ, а съ другой стороны по совѣсты и по приязни говорю тебѣ что то есть ничто иное какъ только Хорватова хитрость и обманство, чтобы тѣмъ только тебя уловить, а изъ женидбы твоей ниче не будетъ, и де знаю и то что и сестра моя госпожа подполковница не желаетъ того чтобы вы остались на поселеніи, а дочь свою за васъ отдать весьма рада и девица склона, но не смѣютъ въ томъ никакъ знака вамъ подать, какъ и вы самы приметьте можете, еще жъ прдолжаетъ Бошковичъ, что Хорватъ намеренъ естли вы сию челобитную подпишете тотъ часъ определить васъ на место мапора Шми къ той расчѣтной камысіи, гдѣ вы никакова конца не найдете и дете мучитца такъ какъ и Шми и на опосля упутаетъ васъ

но и воевъ пропастъ можете, тамъ въ той компаніи такіе непостижимыя дѣла конитъ Хорватъ не можетъ вывести и очистить никогда, должно быть великому еще сдѣлствию, такъ вотъ говорилъ Бошковицъ что я вамъ по моему къ вамъ доброжелательству сказалъ, а вы какъ изъ того изволите самы положить такъ и дѣлайте,

Я поблагодаря Бошковицу за его приязнь, а о томъ съ чѣмъ его Хорватъ прислалъ говорю я ему, что такой челобытной подписывать не могу, а хочу самъ съ его превосходительствомъ говорить.

Бошковицъ пошлѣ и объявилъ мои слова Хорвату, а потомъ отъже день подъ вечеръ и я самъ туда пошлѣ, Хорватъ говорилъ о томъ дѣлѣ посторонне како что другое, а объ томъ что Бошковица о мнѣ прислалъ не упоминаетъ ничего, однакъ я уличилъ время своего самъ началъ ему говорить, что ваше превосходительство изволятъ прислать ко мнѣ Бошковица съ челобытною, чтобы я оную оуднисалъ, на что хату вашему превосходительству объяснить, какъ прежде я вамъ сказалъ такъ и теперь на томъ остаюсь и на поселенію быть на сіе время не могу, а жаданность моя есть итти въ армянъ съ полкомъ Македономъ на томъ основаніи какъ уже вы предѣлыли, а что о женидбѣ моей принадлежить говорилъ я ему, то жидую и въ томъ отъ васъ рѣшимость, ибо вы были сему дѣлу загла и меня съ тѣмъ сюда привели.

Хорватъ отвѣчаетъ мнѣ, что дѣ я племяннику мою и матеръ ея спрашивалъ и оны сказали, когда ты не хочешь остатца на поселенію, такъ и дѣвица итти за тебя не желаетъ и таскатца по свету въ места на место и по проходахъ не хочетъ, а о походе твоёмъ къ армянъ то я какъ сказалъ на томъ такъ и будетъ.

На другой день госпожа подполковница съ детьми поехала дѣломъ несовершивши никакова дѣла, и мнѣ болѣе Хорватъ и я ему о женидбѣ не говорилъ ничего, и я нечиталъ болше что свое уже на оны и кончилось.

Я тогоже дня послѣ отъезда госпоже подполковнице видѣлся съ Бошковицѣмъ и пресказалъ ему о моемъ съ Хорватомъ разговорѣ, на то Бошковицъ уверялъ меня что ни дѣвица ни мать ея съ Хорватомъ дѣлобъ женидбу твою не совершить не говорили ни слова, а Хорватъ самъ видумалъ то о чемъ тебѣ говорилъ по своему обыкновенію какъ толка людей обманывать.

И Проходить уже четвертой мѣсѣцъ моего въ Миргородѣ пребыванія и наступаетъ осень, а я не знаю своего точнаго основанія, а

также и о полку Македонскомъ, чтобы оной готовился къ выступленію —
 ничего не слышу, и было каво о чемъ изъ правительствъ ево канцеляріи —
 ни спрошу то всякъ говоритъ что не знаю, мнѣ ужъ чрезвычайно —
 скучно стало и положилъ чтобы опять Хорвату говорить, однако упрямъ —
 былъ Хорватъ своею резолюціею.

Въ одинъ день идетъ канцеляристъ Хорватовъ и несетъ ко мнѣ —
 ордеръ, я оной распечаталъ и сталъ читать слѣдующее:

12
 Какъ вы определены отъ правительствующаго сената указомъ —
 въ новоформирующей мною Болгарской гусарской полкъ, то для —
 учинения оного извольте ехать въ Малоросію за Днѣпръ и побли-
 сты къ Новои Сербіи въ сотенномъ местечке Манжолѣи взять свою —
 квартиру, а чтобы еще зачало оного полка было учинѣно на перво-
 случаи ундеръ-афицеры и рядовыми, то посланъ отъ меня ордеръ —
 Македонской гусарской полкъ, каторой тамъ же по близости вѣсть въ —
 квартирахъ состоитъ, чтобы изъ оного прислать къ вамъ вахтен-
 стовъ двухъ, ундеръ-афицеровъ и капраловъ четыре, да рядовыхъ три-
 цать человекъ, коихъ вы принявъ извольте причислить въ свою —
 команду и назвать Болгарскимъ гусарскимъ полкомъ, я по исполненіи —
 меня отърапортовать. Что же принадлежитъ о опредѣленіи вѣсть въ —
 Македонской гусарской полкъ въ походъ къ заграничной арміи о томъ —
 остается на томъ какъ отъ меня вамъ сказано.

Таперь получа я таковъ ордеръ, коимъ повелѣваетъ мнѣ за-
 чинать формировать Болгарской гусарской полкъ, о чемъ онъ на про-
 шлыхъ дняхъ нисколько не упоминалъ, то и не остается болѣе того раз-
 суждать, а заключить коротко что то есть явномъ ево Хорвата об-
 манъ, да прицепитца къ нему невозможно, понеже онъ въ свою очистку —
 въ ордерѣ приписалъ, что оботправленіи меня съ Македонскимъ пол-
 комъ въ заграничную армію тѣмъ словомъ, что остается на томъ какъ —
 уже онъ о томъ прежде мнѣ сказалъ, слѣдовательно онъ и правъ, я —
 ужъ мнѣ приступить и подать формальную прозбу и невозможно, для —
 чего вознамерился я еще снискать словесно говорить и увижу, что изъ —
 него еще даѣе выдетъ.

Я взялъ тотъ ордеръ съ собою, пошелъ къ Хорвату, онъ мнѣ —
 принявъ видомъ ласкавѣмъ, самъ сталъ спрашивать получилъ ли —
 ордеръ и какъ скоро изъ Миргорода вѣду, я отвѣчалъ что тѣмъ —
 ордеромъ нисколько недоволенъ, для того говорилъ я ему что между нами —
 такого уговора не было, чтобы я Болгарской гусарской полкъ форми-

говарялъ и тѣмъ уклонить и не быть въ армьи, а теперь прошу что бы меня на то изъ Петербурга взяли и учинить обещаю, и дабы я въ вступлении въ походъ могъ познать полкъ и офицеровъ, а также и свои порядки во ономъ полку предъпринять и привести людей къ себѣ въ познаніе, Хорватъ на сіи мои слова отвѣчаетъ мнѣ что де то не издолго, а зачало Болгарскаго полка должно вамъ учинить по-тому, чтобы въ то время какъ вы преидете въ Македонскій полкъ и управлѣнцемъ будете къ армьи, а майоръ Костюри останетца здѣсь и вступитъ на ваше место въ Болгарскій полкъ, то чтобы и ему было бы командовать и не сочелбы онъ себя въ обыду, и тако вы гово-рилъ мнѣ Хорватъ оставайтесь съ покоемъ и не сумнѣвайтесь ни-чемъ нисколько изволите съ Богомъ ехать.

Сей Хорватотъ отвѣтъ съходствуетъ также съ тѣмъ ордеромъ и выходитъ на резонъ, и тако собрался я съ мыслями, положилъ на томъ то ехать за Дибиръ и зачинать Болгарскій гусарскій полкъ, какъ мнѣ предъписано и ожидать тамо вступления въ походъ.

Я вступилъ изъ Миргорода и поехалъ въ свою путь, а какъ мнѣ было по дороги шанецъ Криловской, гдѣ госпожа подполковница Корватова жительствоуетъ, то для отъданныхъ моего ей поклона заехалъ къ нимъ въ домъ, она приняла меня весьма приятно, отвелы мнѣ уже по близости къ ихъ дому квартиру, былъ въ вечеру у нее на ужинѣ, разговаривала со мною съ приятностію, спрашивала меня куда я и скоро ли опять возвращусь, я сказалъ о всѣмъ томъ какая дол-жность на меня наложена и что буду на квартире за Дибиромъ по близости къ нимъ, я тутъ и свою назначеную невѣсту видѣлъ, пока-зали мы другъ другу приятіе взгляды и говорилъ я съ нею по истинности, однакъ о женитьбѣ не упоминалъ я ничего, а также и мы о томъ ничего не говорили, и съ тѣмъ ту вечеръ разошлись, а на завтра рано прислала госпожа подполковница ко мнѣ просить къ себѣ, я туда пашолъ поднеслы намъ кофе, удержали меня обѣдать потомъ какъ я отъѣхать хотѣлъ проводила меня госпожа подпол-ковница съ моею невѣстою по дороге до ихъ хутора верстъ семь, тамъ булъ я съ ними часа два, а потомъ простясь со всѣми наехалъ далѣ заночевалъ въ полку.

На другой день преправившись чрезъ реку Дибиръ проехавъ рѣдъ Кременчукъ прибылъ въ местечко Манжелю гдѣ и былъ мнѣ мѣсто, занялъ тамо себѣ квартиру, далъ также знать въ Македон-скій полкъ какъ о моемъ туда прибытіи, такъ и о томъ что велѣно прислать ко мнѣ изъ онаго полка людей, кои въскоре ко мнѣ и при-

сланы, но притомъ приметить могъ что всио то были таковы ко~~т~~ор~~ы~~е тамъ негодилысь, пьяницы и невоздержные отъ всякихъ худихъ дѣлъ, да чтожъ дѣлать принялъ я ихъ каковы оны есть и отъра~~щ~~ивать къ Хорвату.

Потомъ вскоре причислены ко мнѣ въ новой мой полкъ два пр~~а~~порщика, исконыхъ адинъ назначенъ былъ камысаромъ и оставатца е~~с~~т~~ь~~ при дежурствѣ Хорватомъ, а другаго употреблять и посылать н~~а~~мѣ~~н~~о для вербунга за границею людей, каторой и отправленъ, и т~~а~~к~~а~~къ съчисляются у меня два афицера, а налицо при полку ни одного н~~ѣ~~тъ.

Съ того времени мало по малу стали ко мнѣ нововербован~~ы~~е люди прибавлятца, каковыхъ тогда доставали въ Полской украинѣ по случаю находящихся тамо какъ отъ Цесарской, такъ и отъ Прусской армией въ даволнаго числа дезертировъ, которыхъ мои посл~~а~~нные прапорщикъ къ себѣ приглашалъ, а также изъ Молдавий преходящихъ въ Польшу разнаго звания людей набывая пресылалъ ко мнѣ въ полкъ, и тако въ полъгода набралось у меня уже около двухъ сотъ человекъ.

Я съ етими людми съ перваго зачала превеликое мучение и трудъ имѣлъ, всио то было строитиво, развращено, пьяно и всио денъ проиходили между ими и съ обывателями драки и сори, и т~~а~~кое то зборище людей было, каторие по несколько разъ изъ адногог~~о~~ сударства въ другое преходили и служили и потомъ уходили, а н~~а~~ послѣдокъ дошли въ Россию и ко мнѣ въ команду, а при всеи той м~~о~~ трудности еще болше то было что ни жалованья, ни мундира ни пр~~и~~вианта нѣтъ, и тако принужденъ я былъ по повелѣнію Хорвата пр~~о~~доволствовать своихъ людей пищею отъ обывательи и требовать хот~~ѣ~~ли нацетъ заплаты, однакъ не безъ отягощения обывателямъ то было отъ чего зашлы великие сомно и съ земскимъ правлѣніемъ пр~~и~~пыски и затрудненіи, почему принужденъ я былъ изыскивать спо~~собы какъ успокоить жалобщиковъ, обнадеживая ихъ что по получе~~н~~іи жалованья всио будетъ имъ улачено, и давалъ въ томъ обыв~~а~~телямъ писменные виды, а своихъ подкомандныхъ также воздерживалъ съ перва хорошими словами, а далъ по приличеству и н~~а~~трафомъ удерживалъ ихъ отъ междусобнаго забоиства каковы част~~ь~~ происходили, ибо оны какъ отъ разныхъ всего свѣта нацьевъ состо~~я~~ялы, то и подружились было на партій всякъ по своимъ природы~~мъ~~ языке, и происходило у ныхъ часто сори, драки, даже что и ножа~~м~~ некоторые резались, а особливо тѣ наибольшъ безпокойны были ко~~т~~ор~~ы~~е природные турки и татары были и крестились, и бывало иногда~~

между собою напившись пияние подерутца, то со страху обыватели изъ села вонъ бегутъ, а другіе запирались въ дома свои, я то всио трудами моими старался успокоить, изытреблялъ такое зло по всѣмъ моимъ возможностямъ и довелъ напоследокъ въ совершенную тишину и любовь воевѣхъ вообще.

А что никакои амуниціи ни ружьевъ у меня не было и люде безъ всякаго военнаго упражненія оставутца, отъ чего что имъ дѣлать было нѣчего, то и проводили время празно и тѣмъ о дисциплине мало думалы, для чего принужденъ я былъ завести образецъ военнаго дѣла, заготовилъ древаніе ружи, выводилъ всякои день въ строи, зачалъ съ ними хадить и показывать приемы, и подавать имъ въ наречіяхъ въ Россійскомъ языкѣ понятіе обо вѣхъ названіяхъ ексерціцій, еволуции и строи, однимъ словомъ обо вѣмъ что толко до знанія по-должности военной, всио то я имъ толковалъ.

Сталъ также наряжать болниимъ числомъ и сверхъ надобности на караулъ, чтобъ толко тѣмъ дѣлать людемъ движение сѣмены караула дѣлалъ повсѣдневно, часовыхъ разѣставлялъ по разнымъ мѣстамъ, а ночные въ притинки въ селенію, обходить ночью дѣлалъ самъ, училъ ихъ, а болѣе тѣхъ кои никогда прежде въ службѣ военной не были, какъ отъкликивать по руски, и какъ принимать рундъ и ставитца къ ружью, давалъ лозунги караульнымъ ундеръ-афицерамъ, и въ такомъ обращеніи и трудахъ съ симы людьми проводилъ я время уже годъ цѣлы и собралось по то время ко мнѣ людеи болѣе трехъ сотъ человекъ.

Тѣмъ временемъ привезено жалованье, оное я принялъ за весь годъ и какъ по Хорватову о тѣхъ полкахъ то есть Македонской и Сербской учинѣному штату положено было въ годъ редовому гусару получать денгамы по тридцать по шесть рублей, въ чемъ со-гомо за привиантъ, также сапоги съ шпори, на рубахи, галстукъ, скреб-зѣда и щотка на торбы конские, на подьковку лошадей, и на по-рѣны, потникъ, чамайданъ и саквы фуражные, то получивъ я на полкъ числу людеи всю полную годовую суму учинилъ первѣе расчетъ обывателями какъ за продоволстие гусаръ пищею, такъ и о прот-вѣмъ вчемъ кто былъ каму долженъ уплатилъ имъ порядочно и въ вѣмъ взялъ квитанцію.

А потомъ что люде были голіе и мундировъ не имѣли то учре-дилъ чтобъ изъ простаго сѣраго сукна подѣлать на первой случаи кафтаны и штаны также и шубы, а затѣмъ досталныя деньги отдалъ

людямъ на руки и по такой исправности стали мои люди повеселѣе, и вошли въ привычку во всемъ томъ къ чему я ихъ училъ и меня чрезвычайно любить стали. а отъ земскаго правленія также нивчѣмъ никакон жалобы нѣтъ.

А въ Македонскомъ полку слышу я что происходитъ очень дурно и дѣлалось той зимы чрезвычайно великіе побѣги, къ чему оны способъ имѣли какъ Днѣпръ замерзъ, и уводили лошадей а другіе пѣшкомъ уносили мундиры и амуницію съ собою въ Польшу за границю, а кому по великимъ жалобамъ отъ земскаго правленія дошло и Сената, почему Хорватъ получилъ жестокие репреманды, и завело большое слѣдствие къ коему для разобранія і изслѣдованія опредѣлено Хорватъ меня презусемъ и прикомандировалъ изъ поселенныхъ аристовъ троихъ человекъ, а также изытребовалъ для присуствия томъ слѣдствій отъ стороны Малороссійскаго земскаго правленія Лубенскаго казачьего полка членовъ, и той камысій назначено быть томъ мѣстѣ, гдѣ Македонской полкъ штабъ-квартиру имѣетъ въ мѣстечке Чигиринъ-Дубравѣ.

И по полученіи того повелѣнія поехалъ туда на ту камысью съ великою моею досадою, ибо у меня въ полку для смотренія за подкомандными: никово боги не было окроме только адии вахтмейстри, унтеръ-офицеръ и капралы, въ чемъ сумнѣвался я дабы тѣмъ временемъ моего отсуствия не могло послѣдовать какова безпорядка, какъ я въ томъ и угадалъ и узналъ опосля каковы сплетены для меня отъ Хорвата сѣты.

По собраніи всѣхъ присуствующихъ къ той камысій, прибылъ туда и самъ Хорватъ, онъ правда что майора Костюрина не точно что репремандовалъ за происшедшее отъ подкомандныхъ его непорядкахъ, но сверхъ того ругалъ его публично и показывалъ себя весьма недовольнымъ, онъ некоторыхъ караульныхъ что не показались ему въ своей форме опрятными тутъ жестоко билъ палочѣмъ.

Хорватъ послалъ нарочного за казачимъ Лубенскаго полка полковникомъ, у коего въ селеніяхъ Македонской полкъ квартируетъ, а также за другимъ казачимъ полковникомъ Остроградскимъ отъ Миргородскаго малороссійскаго полка, у коего селеніяхъ я съ полкомъ мои на квартирахъ стою, тѣ оба полковника приехали съ своею свитою туда въ Чигиринъ-Дубраву къ Хорвату, онъ сталъ съ ними дружитъ, показывая свое предъ-ними неудовольствие въ томъ что Македонскій полкъ наделалъ, ругаетъ майора Костюрина вскими непристойными

словами, объявляетъ Хорватъ тѣмъ полковникамъ что онъ опредѣляетъ камысію для изслѣдованія, и пробулъ тамо Хорватъ шесть дней, причемъ тѣмъ днями примечалъ я что Хорватъ съ любенскимъ полковникомъ преговорилъ и наладили, а также смотрю я и то что и съ Миргородскимъ полковникомъ Остроградскимъ отъмено Хорватъ ласкался, и часто съ нимъ наединѣ говоритъ и ходять ихъ двое по саду, а потомъ приобщили къ себѣ тогоже полковника полковаго писаря (каковъ чинъ между Малороссійскими казаками есть въ числѣ ихъ полковыхъ старшинъ и почитался тогда человекъ великъ, звался онъ ляховичъ), я всею то съ стороны вижу и примечаю только какъ Хорватъ съ ними ласкается, потомъ тѣ полковники поехали, а на другой день также и Хорватъ хочетъ ехать, и приказываетъ мнѣ съ великимъ подтвержденіемъ, чтобы я ни подъ какимъ видомъ никуда отъ камысій не отлучался и зачалбы по оной производить дѣло и съ тѣмъ онъ уехалъ.

Но отъездъ Хорвата хачу я начинать ту возложеную на меня камысію, но тѣ опредѣленіе казачіе члены объявили мнѣ, что ихъ Хорватъ уволилъ по ихъ нужде въ дома на шесть дней, и то сказавъ тотчасъ поехали а я остался.

Прошло уже шесть дней а тѣхъ господъ еще нѣтъ, а я безъ нихъ зачнать дѣла немогу, посилаю я занима, но и потому оны не идутъ, отълагая еще дня на четыре, это такъ происходило дней десять, я опять посилаю къ нимъ нарочнаго, и пишу къ ихъ полковнику и пишу о висилке оныхъ, однакъ и то прошло а затѣмъ посилаю нарочнаго къ Хорвату съ рапортомъ, прописавъ что тѣхъ опредѣленныхъ Малороссійскихъ казачихъ членовъ, какъ ваше превосходительство ихъ уволилы на шесть дней, и понинѣ къ слѣдствию нѣтъ и что я празно сижу и дѣла еще никакова не зачинаю, и сарашиваю Хорвата что онъ дѣлаетъ.

Хорватъ отвѣчаетъ мнѣ ордеромъ чтобы я нимало никуда не отлучался и былби тамъ при томъ камысій, а о висилкѣ тѣхъ членовъ писалъ де онъ къ любенскому полковнику; я еще послѣ того дожидаясь неделю целую и живу празно, вотъ вдругъ изъ моего полка съ веселымъ рапортомъ прискакалъ ко мнѣ нарочны ундеръ-афицеръ, объявляетъ что ужъ сколько дней, какъ приехали туда въ полкъ отъ Миргородской казачей канцелярій послание два старшины, и возбуждали всѣхъ жителѣи мужиковъ и казаковъ у коихъ гусаре на квартирахъ стоятъ, спрашивая ихъ о обыдахъ какіе оны отъ гусаръ имѣютъ чтобы подавали жалобы и пишутъ, хотяжъ казаки и мужики го-

ворить мои ундеръ-афицеръ и отвѣчали съперва, что не имѣютъ ни какихъ обыдѣ и что оны недавно отъ гусаръ за всею что имъ виноваты были получили уплату денгами, однакде сій старшины понуждаютъ мужиковъ чтобъ жаловались и уже де некоторыхъ гусаръ хазяева у коихъ оны квартеру имѣютъ обыжать стали, выкидываютъ ихъ экипажъ вонъ изъ дамовъ своихъ, бранять и ругаютъ, а на двухъ местахъ уже и драка за то была, и заводитца большое возмущение, и естли вы говорить приежаи мои ундеръ-афицеръ не скоро сами туда къ намъ прибудете, то Богъ знаетъ что еще здѣлать можетъ.

Я все сие вѣслушавъ и какъ тамъ у меня при полку никово драгова окроме вахтмейстеровъ и ундеръ-афицеровъ нѣтъ и за полкъ стать нѣкому, то я неупуская времени тотчасъ написалъ къ Ховату рапортъ, что имѣю извѣстие какъ я отлучился по ордеру вѣдшего превосходительства что за моимъ отъсудствиемъ воспослѣдова и тамо при полку некоторые безъпокоиствы отъ стороны присланныхъ казачихъ старшинъ, почему спешу для разобранія того дѣла, а такъ что здѣсь при камысѣй за неприбытиемъ определенныхъ Малороссійскихъ членовъ живу празно, то по тѣмъ обстоятельствамъ принужденъ оставить сие место и ехать скорей въ полкъ, о семъ также что отъежадалъ я отъ себя и въ Македонски гусарски полкъ знать.

Приехавши я другимъ днемъ къ полку нашолъ великие возмущеній и чудные дѣла, ибо все хазяева приведены и наущены отъ тѣхъ присланныхъ старшинъ, чтобъ на гусаръ жаловались, и уже никто ни мало продоволствовать гусаръ какъ уговорено пищею не хотѣлъ, я сталъ тѣхъ старшинъ спрашивать и требовать, чтобы оны все жалобы какие оны написали мнѣ представили, и что хачу по справедливосты жалобщиковъ удовлетворять.

Оны сперва не хотѣлы того здѣлать, отъзиваясь что въ своей камандѣ представить хотятъ, но какъ я сего на томъ оставить не хотѣлъ, а требовалъ чтобъ конечно мнѣ все жалобы показать, а ежели нѣтъ то и полкъ мой хотябы и до слѣдствия дошло виноватъ быть не можетъ, на что ужъ тѣ старшины согласилась и подали мнѣ регистра обо всемъ что оны написали, и по разбирательству моемъ обще съ нимъ ничто большъ ненайдено какъ только о томъ что ужъ прошло, какъ гусаръ оны кормилы и за то получили уплату денгами и я обо всемъ томъ имѣю очистительную квитанцію, а вновь послѣ той квитанціи ничего и нимаеише обыдѣ не оказалось, окроме только въ одномъ продоволствіи гусаръ пищею что хазяева вѣпредѣ даватъ того не хотятъ.

Я тѣмъ старшинамъ о томъ доказываю, что въ продовольствіи гу-
гу не я таково определение дѣлалъ и не требую по своей волѣ а
дѣлано отъ команды, почему еще съ зачала и уговоръ съ ха-
вами здѣланъ, что и посколко помесечно за то денегъ имъ по-
ать, и что за прошлое время уже уплачено, а въпредъ по при-
е жалованья также удовольствованы хазяева будутъ.

Таково возмущение по великимъ трудамъ едва успокоить я могъ
тъ тѣмъ тѣ старшины поехали.

Того же дня приехалъ одинъ человекъ присланный ко мнѣ отъ
ителя моего, котораго также былъ старшина того казачего Мирго-
скаго полка, онъ тогда былъ на ярмарку въ местечке Голтве разъ-
янишемъ отъ меня въ десеты верстахъ, пишетъ ко мнѣ чтобы я къ
гу какъ можно поскорѣе приехалъ, имѣеть нѣчто нужное со мною
орить, я не медля поехалъ туда къ нему, онъ и зачалъ мнѣ ска-
ать сій слова, я де думаю что вы таперь въ великой тревоге съ
имъ полкомъ, на то отвѣчалъ я ему что такъ и пресказываю
о что я засталъ, онъ говоритъ мнѣ что подъ секретъ и любя васъ
у вамъ сказать, чтобы вы могли взять свою предосторожность, ибо
ло васъ стараютца люде какбы вамъ досадить и сталъ сказывать
де Хорватъ упросилъ нашего полковника Остроградского и пол-
аго писара Ляховича (о коихъ я прежде говорилъ), чтобы какъ воз-
но постарались привести въ конфузію вашу команду, и чтобы жало-
на васъ отъ обывательн зашлы, для чего де безъ бытности вашей при-
ку послано наши двое старшинъ туда въ тѣ селеній, гдѣ вы квар-
уете чтобы обывательн подговорить, я де о семъ узналъ гово-
тъ мой приятель какъ тѣ старшины туда отправлялись и знаю
де имъ отъ нашего полковника и полковаго писара наставление
о, при чемъ и то нашъ полковникъ говорилъ, что имъ легко будетъ
въ дѣлать какъ васъ при командѣ нѣтъ и что Хорватъ вамъ при-
алъ строго чтобы вы отъ камысій коя учреждена была при Маке-
скомъ гусарскомъ полку не отлучались, а оно де видно по тому
рилъ мой приятель приказано вамъ быть тамъ: чтобы тѣмъ вре-
емъ сии наши старшины могли безъ вашей бытности дѣлать при
еи командѣ то что имъ приказано.

. Тотже день возвратился я въ полкъ, а по утру чрезъ нароч-
о получилъ я отъ Хорвата на тотъ мой рапортъ ордеръ, онъ тре-
тъ отъ меня отвѣтъ: какъ я могъ преступить его повелѣние и
лучитца отъ тои комыссій безъ дозволенія, и повелѣваетъ чтобы
ювечне опять туда ехалъ и былбы тамъ какъ мнѣ приказано.

Черезъ того же нарочнаго каторои былъ моего полка ундеръ-афицеръ тамъ при Хорватовомъ дежурствѣ на ординарціи находящійся получилъ я отъ пріятеля письмо, кое было безъ титула и безъ подписки своего имени и не своею рукою писано, а сказано только саму ундеръ-афицеру чтобъ оное верно въ мои руки отъдать (то письмо было слѣдующаго содержания).

Врагъ не престаесть строить хитросты какъ словить праведнаго, я думаю что ты таперъ обращаешься въ великомъ замешательствѣ, тебя тѣмъ хочетъ принудить нѣ исполнению его воли, и старается довести вчемъ нибудь чтобъ ты былъ обвинѣнъ, дабы ему резонъ былъ за тебя привезатца и учредить слѣдствие и судъ, и ожидаетъ только при- силки къ нему какъ на тебя такъ и на твою команду жалобъ, о чемъ тебя уведомляю.

Сие письмо а также и слова, вчерашны день на ярмарку что пріятель мой мнѣ сказалъ, подали довольно мнѣ объяснения почему явно вижу, что Хорватъ своею хитростію непрестаесть меня гнать, хотя и повелѣваетъ онъ своимъ ордеромъ, чтобъ по прежнему къ то- камыси я ехалъ въ Македонскій полкъ однакъ сие я оставилъ, въ разсужденій такихъ около меня устроенныхъ сѣтен, дабы за мои отъсудствіемъ еще хуже перваго не могло какое зло и неустроеніе послѣдовать, то и положилъ чтобъ не ехать, и отпрапортовалъ Хор- вату, что за менѣніемъ у себя при полку ни адноа афицера, а также и то въ резонъ приписалъ, что въ небытность мою при коман- присланные отъ полковника казачьаго остроградскаго старшины сдѣла- возмущеніе и хотѣлы всѣ конечно чтобы произвестъ, по ихъ зло- варному умыслу на меня и на мою команду худіе слѣдствій, науч- и принуждая обыватѣли чтобы подавали жалобы. Сие хотя при- домъ моимъ, пишу я въ томъ рапортѣ и прекращено и успокоено, но дабы и въпредъ тому подобнаго покушенія не могло послѣ- вать, не могу я свою команду безъ никакова по себѣ надъ ними ча- чалника оставить, и таковъ рапортъ въ место требуемаго имъ Хор- ватомъ отъ меня отвѣта я къ нему отъправилъ, на чемъ и осталось. Такъ и я ужь въ Македонскій полкъ болѣе не ездилъ и та камыс- и исчезла, между тѣмъ лѣто прошло и наступила осень.

Въскоре потомъ ордеруетъ меня Хорватъ чтобъ я прешолъ съ полкомъ въ другіе кварталы, того же Малороссійскаго казачьаго Мир- городскаго полка въ местечко Бело-Церковку.

Преходъ сей было мнѣ здѣлать безъ трудности, понеже то было недалеко и я въ адынь день туда поспѣлъ и расположился по квар-

рамъ, какъ въ томъ местечке Бело-Церковке такъ еще и въ другихъ близости до той сотны принадлежащихъ селенияхъ, и были и новые кварталы выгоднѣе прежнихъ, но таково мое преселение нинѣ Хорватъ не для моей выгоды, а для того что бы новины своими хитростями ламать меня, выдумывая какбы только завести чѣмъ будъ въ полку моемъ слѣдствыи и дошли бы до него жалобы.

Съ зачала моего туда приезда съпознался я съ тамошнимъ соткомъ звался Жуковски, онъ яко начальникъ той сотны обходился перва весьма ласково и былъ честнымъ челоѣкомъ мѣсяць адынь, лась была съ зачала дружба велика, и думаю что на тобмы и въ эдъ навсегда такъ осталось, если бы врагъ не употребилъ свои умыгъ, я какъ и вите говорилъ что Хорватъ не преставалъ изыскивать эсобы чѣмбы только могъ меня сътеснить, для чего онъ и здѣсь росилъ того козачого полковника Остроградскаго, яко въ его дикте я съ полкомъ наквартирахъ стою, чтобы какъ возможно поарался привести до того, чтобы отъ обывателѣи произышли какъ на ня такъ и на мою команду жалобы и чтобы полковникъ учинилъ томъ къ нему представленные.

Таковъ злоковарны умыслъ возымѣлъ свое предъпріятіе и перва зачало было тѣмъ, что полковникъ призывалъ къ себѣ сего сотка Жуковского, приказалъ ему о томъ, и здѣлалъ его въ такомъ же инъструментомъ, и тако-мой сотникъ повинуюсь повелѣнію своего полковника зачалъ помаленку отъ меня удалятца и мало когда тѣлъ сомною видѣтца, даже что выселился совсѣмъ изъ дому и небрался жить на хуторе, а потомъ сталъ подыущать своихъ казацъ и мужиковъ къ возмущенію и приносили бы жалобы на гусарь, семъ также чрезъ пріятеля моего скоро я узналъ, и какъ сотникъ и таково дѣло устремился и отъвратить его было неможно, то въ томъ случае не ослабевалъ я содержаниемъ людей своихъ въ должн дисциплине, кои уже тѣмъ были приведены ко всякому послушанію, и ниже чего нимало противнаго не происходило, и привяски за ня быть не могло.

На томъ у насъ продолжалось всю ту настушавшую зиму и живу въ Бело-Церковке близъ года, а тѣмъ временемъ прибавилось у меня въ вербунга поболшъ людей въ команду и состояло уже до четыхъ сотъ челоѣкъ всѣхъ чиновъ и рядовыхъ, я получилъ также офицеровъ пять челоѣкъ, адного капитана, двухъ порутчиковъ и два прапорщика и тако зачало моего полка происходить со всякимъ успѣ-

ломъ, а тѣмъ болѣе было похвално что отъ зачала и до конца ни одинъ человекъ у меня не бежалъ.

Однако и на томъ еще не осталось, Хорватъ велѣлъ мнѣ прейти опять на другіе кварталы, первѣе въ местечко малороссійское Миргородъ, сие онъ дѣлалъ нарочно (какъ я опосля узналъ) для того, чтобъ меня отдалить отъ Новой Сербіи и отъ сусѣдства Македонскаго гусарскаго полка, и тѣмъ не могло бы мнѣ быть такъ скоро сведомо что онъ еще предпринимать намѣренъ, ибо ему велѣно Сенатскимъ указомъ (чего на то время я не зналъ да и Хорватъ никому не говорилъ) чтобъ немедленно отъправить Македонской гусарской полкъ къ заграничной армии въ Прусію, въ коемъ состояли по внутренности тогда весьма дурные обстоятельства, и уже болѣе двухъ сотъ человекъ бежало, кои унесли мундиры и амуницію и ружы съ собою въ Польшу, но Хорватъ о томъ весьма съкрывалъ и таилъ чтобъ до Сената сведеніе дойти не могло, и въ своихъ рапортахъ умалчивалъ.

Былъ онъ тогда во всѣмъ самовластенъ, не состоялъ ни чѣмъ и ни у каго другаго въ командѣ, окромѣ только что въ Сенатъ посылалъ фальшивые свои рапорты, по коимъ долгое время верили, и для того онъ болѣе своеволилъ что никто въ его дѣла не входилъ, и ни какихъ смотровъ и щетовъ не было, и Военная Коллегія до него никакова дѣла не имѣла, и тѣмъ его спортили, покуда наконецъ всѣ тѣ его дѣла открылись, о чемъ еще далѣе буду я говорить.

Онъ напоследокъ предъ своимъ паденіемъ такъ было усилился и взялъ свою волю надо всѣмъ своими подкомандными, не яко командиръ, а точно какбы самовластный владѣтель вообразе тирана, преступивъ во всѣмъ законы государственныя дѣлалъ людямъ всякіе мученія такъ какъ онъ хотѣлъ.

Въ адно время какъ тѣ выходцы Сербы и Черногорцы, о коихъ я прежде писалъ что Хорватъ учредилъ изъ нихъ Миргородскій гарнизонъ, и обратилъ ихъ подъ названые яко виведенные синою его, и за то ему малолѣтнему мальчику доставилъ чинъ подполковника, а тѣмъ людямъ не давалъ ни жалованья ни провіанта и ни какова другаго содержанья, употребляя ихъ при всѣмъ томъ въ службу по своимъ замысламъ съ великимъ отягощеніемъ, то и собрались было тѣ люди предъ городомъ на площади, видя свою крайность что преходить имъ съ голоду помереть и остались нагие безъ одежды, ни чего и хотѣли итти къ нему о томъ просить и донести, что по во-

своей претерпѣваютъ такую нужду, и выбыраю изъ между
несколько человекъ какбы пошлы къ Хорвату о томъ доложить.

Между жь тѣмъ какъ Хорвату о таковомъ собраніи скоро отъ
наперстниковъ пресказано накриво, то онъ упредя своею яр-
прежде, немелъ тѣ люди къ нему придуть, воспросилъ ничего
армоваль ихъ бунтовщикамы, посещилъ скорей началъ, велѣлъ
рушки артечаны по ныхъ выпалы, и побилъ людей безъче-
сто, и съ коихъ адного мертвое тѣло за городомъ возлѣ бойной
приказалъ поставить на колесо, где и стало целой день, а
какъ онъ Хорватъ отъ той своей продерзости опаматовалъ,
велѣлъ своимъ довереннымъ, чтобы то мертвое тѣло тайнымъ об-
рѣзъ снять и отътащить съ столбомъ и съ колесомъ въ сторону
въ скрытое место и тамъ зарить въ землю, а то место гдѣ тотъ
съ колесомъ сталъ приприть и замлатъ землю и дерномъ
затъ, чтобы нимаю приметно не могло быть, и тѣмъ закрылъ свое
варварство, и кто бы могъ тогда отъвѣститъ о томъ бо-
говорить иды жаловатце.

Другихже изъ тѣхъ людей содержалъ иныхъ въ железахъ, а
публично безъ милосердыя отъ батожья, а одного бывъ
сослалъ въ ссылку въ Сибирь, и тѣмъ ихъ застрашилъ что
ужь остались яко рабы подъ его властью, и довелъ до того и
такой страхъ, что никто ни вчемъ и ни о какой своей нужде
не смѣлъ и повиновался вслѣдъ его власти съ великимъ ра-
ботникомъ.

Онъ здѣлалъ еще адно чудное позорище, что держалъ долго ад-
прапорщика именемъ Чаки подъ карауломъ, и какъ случилось
Хорватъ проходилъ улыцею по предъ караулы, а на то время
прапорщикъ вышелъ изъ караулы предъ двери и сталъ про-
о своемъ освобожденіи, за что Хорватъ осердасъ подошедъ къ
былъ его по щекамъ своею рукою и схвата за волосы таскалъ
и топталъ ногамы, и тѣмъ не бывъ еще доволенъ закры-
барабаниникамъ подать батожья и раздевши того беднаго афи-
дралъ его батожьемъ покудова ему угодно было.

А потомъ еще адного канцятана въ своей канюшнѣ, какъ тотъ
пришелъ отъ Хорвата нашедъ въ канюшнѣ нѣчто спра-
потѣлъ, а Хорватъ остановившись намоходомъ близъ одной
лошады, на коей случилось что попоны накриво стояла, то и
говариваетъ Хорватъ канцятану, чтобы ту попоны на лошады попра-

зять, онъ посовѣшилъ, чтобъ вѣдѣть, не какъ по селу и опять не прямо поправилъ, то Хорватъ размахнувши рукою ударилъ капитана въ щоку, отъ чего капитанъ мало не упалъ на землю и съ гнѣвъ поскорѣя вышелъ вонъ.

Адѣтихъ временемъ и село уже близъ своего наденія вѣдѣлъ онъ еще одну отъѣзду на границѣ съ Поляками, какъ обыкновенно дѣлають Польскіе команды по своей границѣ, противъ Новой Сербіи лежачей, часто разъезды, то услышавъ Хорватъ что такого команда находитца по близости противъ одного гусарскаго шанца, для чего велѣлъ Хорватъ командировать сто человекъ, вооруженныхъ на лошадей своихъ гусаръ при офицерахъ и послалъ туда съ приказаніемъ, чтобъ остановитца въ скритомъ мѣстѣ, а когда онъ имъ дастъ знать, то это время чтобъ на ту Польскую команду ударить, порубать и побить, тѣ гусаре какъ имъ приказано туда и поехали, а Хорватъ также въ тотъ гусарскій шанецъ послалъ напередъ и велѣлъ обѣдѣ заготовить, и тотомъ рано и самъ туда жъ прибылъ, и послѣзавъ просить того надъ Польскою командою начальника, которой былъ полковникъ, къ себѣ обѣдать.

Сей сочелъ таковъ помыслъ за милость, поехалъ съ двумя своими старшинками, оставя свою команду тамъ на границѣ, коя была съ ними урочищемъ, пустилы своихъ подъ седлами лошадей пастись на траву, и дожидались на томъ мѣстѣ своего полковника къ себѣ, обратнѣ, и какъ обыкновенно поразышлись лошады путанне по травѣ, а люди иные спали, а друіе сидѣлы не воображая никакой опасности, между тѣмъ тотъ полковникъ какъ приехалъ къ Хорвату, то онъ принялъ его съ притворною ласкою, а тѣмъ временемъ далъ своей гусарской командѣ знакъ, чтобы исполнили то что имъ приказано, коя тотъ часъ панады на Поляковъ, пробыви безъвино людей и мало кто могъ бегствомъ спастись, сие какъ ужъ вѣдѣлось и некоторые приведены ранѣныя, то Хорватъ увидя сихъ повернулъ свои слова къ тому полковнику, яко бы его команда напала на гусаръ, кои были въ разъездѣ по границѣ и что принуждены были оборонятца оружейною рукою, и послужило имъ счастье что противниковъ своихъ разбыли, для чего и велѣлъ Хорватъ того полковника и его старшинъ забыть въ колодки, не давъ ему ни обѣдать, повезлы подъ карауломъ въ Миргородъ и посады въ тюрьму, а потомъ въ очисти свою писалъ въ Сенатъ таковъ рапортъ, что на границѣ Польскіа команда учинила на разъездѣ гусарской нападеніе, и гусаре лопыли были оборонятца и преодолѣлы, а полковника ихъ вѣнчали, которой

содержища подъ арестомъ, то и тому подобное многа дѣла дѣлаетъ Хорватъ по своему самовластию, кои были противны и законамъ и человечеству, и такъ ему все сходяшло съ рукъ, покуда напоследокъ обо всемъ открылось.

Онъ при всемъ томъ что современы моего бытыя у него въ командѣ мнѣ дѣлалъ, и кажется что всего было и единicomъ сколько я отъ него претерпѣлъ, однако еще не могъ гдѣ себя удовлетворять и усовестить, но еще главную ошибку мнѣ успѣлъ сдѣлать прежде нежели онъ самъ исчезъ, ему какъ велѣно указомъ Сенатскимъ отъ править Македонской гусарской полкъ къ заграничной армии въ Пруссию, о чемъ я выше говорилъ, то онъ тотъ часъ представилъ въ Сенатъ, одобрилъ манера Костюринна что онъ привелъ полкъ своимъ прилежаніемъ въ хорошую порядокъ, и что полкъ состоитъ въ комплекте во всемъ исправенъ и отправляется по силѣ повелѣнія въ армию, а чтобы онъ Костюринъ не остался за-такимъ его трудъ безъ куража, просить Хорватъ о произведеніи его Костюринна въ тотъ же Македонскій полкъ подполковникомъ, и отправляется то представленіе чрезъ нарочнаго въ Сенатъ, такъ секретно что о томъ представленіи никто не зналъ.

А за гдѣ присилаетъ Хорватъ ко мнѣ повелѣніе назначить мнѣ день и число, въ которое чтобы я прибылъ въ Македонскій полкъ, накое же время и онъ самъ туда быть намеренъ, и полку смотръ хотеть учинить, я не успѣлъ потому повелѣнію исполнить прежде нежели мнѣ назначено для за-дѣла туда прибыть, между тѣмъ и Хорватъ туда же приехалъ.

На другой день было у него всего полка офицеры въ собраніи, предъ коими объявилъ Хорватъ что полкъ Македонскій въ походъ вступитъ имѣть, и что надъ онымъ, указывая на меня, буху я командиромъ, а манору Костюрину приказываютъ, что онъ останется и вместо меня командовать Болгарскимъ гусарскимъ полкомъ, а въ вечеру изѣлалъ Хорватъ приказъ, чтобы на послѣ завтра былъ полкъ въ собраніи къ смотру.

Смотръ кончился и по счисленію отъ полка состоитъ количество бошое людей что требуетца въ добавку, а то быль на место багальцовъ въ прошлую зиму поуходили и должно было такому убыль пополнить, то и отозвался Хорватъ ко мнѣ что таково укомплектованіе требуетъ онъ на мое почеченіе.

Ско приказаніе, какъ было для меня темнѣ не-знать, такъ каковы основанія таково укомплектованіе я могъ буду учинить, ману-хоро-

И Като узнавъ Правительствующаго Сената велѣніе Македонской гусарской полку отъправитъ къ заграничной арміи въ Прусію, которой въскоре и выступитъ нѣтъ, то снѣмъ дасть вамъ знать какъ вамъ и прежде отъ меня приказано, чтобъ вы были въ готовности къ выступленію со онымъ, а какъ во ономъ полку до полного комплекта, потребно некоторое число военно служащихъ, то имѣйте изъ вербуночныхъ вашихъ полку Болгарскаго отъдѣлать сто пятьдесятъ человекъ рядовыхъ гусаръ, и прислапому для препровожденія полку Македонскаго офицеру оныхъ вручить при формулярномъ спискѣ, а самымъ вамъ о выступленіи вашемъ ожидать вторгнтельнаго моего ордера, между жъ тѣмъ немедленно сочинить о атаке нами Болгарскаго полка, другому подлежащие формулярные списки, равно писменные дѣла, и все что къ задаче принадлежитъ имѣть въ само скорѣйшей готовности.

Я получилъ таковъ отъ Хорвата ордеръ, радуясь тому что скоро въ походъ къ арміи поеду, посвѣшилъ въ три дня всему моему Болгарскому полку учинить осмотръ, выбравъ лучшихъ людей сто пятьдесятъ человекъ рядовыхъ гусаръ, вручилъ оныхъ какъ велѣно приказанному отъ Македонскаго полка капитану, отъправилъ съ посвѣщеніемъ, сказавъ притомъ что въскоре и велѣдъ за ними и я самъ туда буду, и отъправивши ихъ принялся заготовлять дѣла принадлежащія къ задаче полка, ожидая также прибытія къ себе и маіора Костюркина для препорученія ему своей командъ, и потомъ ехатомъ мнѣ поскорѣе къ своему новому полку, и выступить съ онымъ въ походъ.

Однако все мои таковыя мысли остались безъполезны, ибо, Хорватъ что ко мнѣ въ своемъ ордерѣ писалъ и прежде что говорилъ, было все то фальшиво, и состояло только въ томъ одно его обманство, ибо онъ не могъбы иначе не достающаго числа людей къ дополненію подмаго комплекта въ Македонскомъ полку имѣть, хотя бы онъ пріямъ о такой выключке людей изъ моего полка ко мнѣ и ордеръ прислалъ и я повиненъбы былъ то исполнить, но конечно не дабы изъ лучшихъ а натурально худихъ людей, а какъ уже успѣлъ онъ такимъ обманомъ свое задѣлать, то и велѣлъ Костюрину немедленно съ полкомъ изъ своихъ квартиръ выступить и слѣдовать чрезъ Дятръ въ Новую Сербыю къ нему въ Миргородъ.

Я о томъ еще ничего не знаю а дожидарсь чѣсъ изъказа ордера о моемъ выступленіи и со велѣмъ къ походу себя приуготовилъ, а-учиъ проходить дней десетъ, а я никакова извѣстия и повѣсти не имѣю, въ аднѣ дѣнь одну а отъ прѣсѣжкѣ людей чѣсъ снѣмъ

тому назавтра всталъ дѣль какъ видѣли на престоѣ въ Променистѣ Македонской полки и вѣдуть за Дибиръ въ Новую Сербыю, я оному за тогъ часъ не хотѣлъ верить, и считалъ за источное дѣло, и оставался еще въ надеждѣ что ко мнѣ о моемъ походѣ будетъ повелѣніе, покуда за тѣмъ вскоре не получилъ ордеръ въ Хорватахъ, въ оному удивленію въ которомъ пишеть слѣдующее:

Съ получения сего извольте съ полкомъ Болгарскимъ изъ гѣхъ изартеръ выступить, и слѣдовать въ местечко Городище, и тамъ расположитца, куда и кѣмъ на раздачу военнопленнымъ жалованья чрезъ камисара къ вамъ привезена будетъ, кою прилавъ произвести людямъ жалованье и по исполненіи меня рапортовать.

Сне что въ ордерѣ написано изъумило меня, и что читаю самъ себе не верю и ищу по строкамъ и на оборотѣ, гдѣ бы усмотрѣть о моемъ въ походѣ съ Македонскимъ полкомъ выступленіи, но тщетно и узнать тутъ совершенной отъ Хорвата обманъ, а къ тому еще болѣе принесло мнѣ печаль чрезъ того жъ нарочнаго кто сей ордеръ ко мнѣ привезъ, что получилъ и писмо изъ Новой Сербыи отъ приятеля, коимъ уведомляетъ меня съ сожалѣніемъ извѣщая, что Македонской полкъ уже за границу понаришировалъ и какъ Хорватъ призналъ къ себѣ манора Костюринъ, и всѣхъ того Македонскаго полка офицеровъ, предъ коими обвинилъ Костюрину чинъ подполковничей, и приведши его къ присягѣ, отъиравши за границу къ армыи, и что Хорватъ говорилъ обо мнѣ, какъ онъ меня обманулъ и упоминаде и о Сенатскомъ указѣ что Костюринъ произведенъ, и что онъ тотъ указъ у себя дого держалъ не объявляя ни кому, покуда лучшихъ людей у меня изъ полка досталъ.

У Хорвата былъ такой обычай, что свои наиболѣе секретныиногда за столомъ своимъ сидя пресказываетъ, приближая свои къ тому вѣдумки, а много кратъ дѣлалъ удивительные притворства, задумавшись со всякою тихостію благообразнымъ видомъ самъ одинъ, а потомъ пресказываетъ какие виденія и явленія ему во снѣ показались, иногда пресказывалъ что нибудь божественное, а иногда какъ-на светого что съ нимъ въ чудномъ одеяніи говорилъ и ему о всемъ будущемъ объявлялъ, а много кратъ о делахъ какихъ нибудь о коихъ былъ въ Сенатѣ представлялъ, что въ пользу его решены будутъ, а иногда явленіи свои пресказывалъ что съ Императрицею говорилъ, и въ Сенатѣ въ присудствіи ея былъ и тому подобное, и тѣмъ обманывалъ людей и мнѣхъ доводилъ до обязанности въ томъ что дѣла

Мнѣ не осталось болѣе ничего размышлять и Хорватомъ обещано въѣхать, для чего написалъ я челобитную съ прописаніемъ между прочимъ, что майоръ Костюринъ произведенъ подъполковникомъ, каторой и службою и всѣми чинами мѣсто меня состоитъ, чрезъ что я въ обидѣ, и прошу награждения, такового же подъполковничья чина и предъ нимъ Костюриномъ старшинства и объ опредѣленіи меня въ армію, сию челобитную отпранилъ я къ Хорвату, а потомъ по его ордеру перешелъ съ полкомъ на новые квартиры въ мѣстечко Городище на берегу Дунаю противъ Новой Сербии.

Въ скорое потомъ привезена камысаромъ казна на раздачу вои-но-служащимъ жалованья, изъ коей доводилось и мнѣ за целой годъ какъ окладнаго такъ за раціи и за порціи съ денгичнымъ по справочнымъ ценамъ получить безъ мала шесть сотъ рублей, о коемъ объявлялъ мнѣ комысаръ что удержалъ генераль пять сотъ сорокъ рублей и въ приеме оныхъ приказано де чтобы вы въ книге расписались и поднесъ мнѣ о томъ ордеръ слѣдующаго содержания.

Какъ вы должнымъ мнѣ состоите денегъ пять сотъ сорокъ рублей, которая сума удержана здесь изъ отпущеннаго вамъ жалованья, о которыхъ денгахъ изволите расписатца у комысара въ книге и потомъ можете свою росписку получить.

Изъ сего ордера я вижу что Хорватъ за тѣхъ лошадей, которыхъ онъ мнѣ далъ для похода, денги мои удержалъ, и у комысара расписатца въ книге не хотѣлъ, а пишу къ Хорвату что я ему ни когда должнымъ ничѣмъ не бывалъ, и хотя въ ордерѣ о такомъ долге и не изъяснено, но я догадатца могу что то конечно за лошадей, мнѣ отъ него данные, удержано мое жалованье, а какъ я тѣхъ лошадей принялъ съ тѣмъ уговоромъ, чтобы итти въ походъ съ Македонскимъ гусарскимъ полкомъ и на тѣхъ лошадяхъ служить при арміи съ наясненіемъ, что за оныя мѣзъ арміи денги переслать а не здесь платить въ чемъ и расписку такому далъ, ипачѣ какъ мнѣ извѣстно что полкъ Македонски уже за границу въ повелѣнной походъ пошелъ и я остался, слѣдовательно и не могу я долженъ быть за тѣ лошадей платить денги и мнѣ оныхъ лошадей ненадобно, и прошу что ихъ отъ меня принять обратно, и доводившись къ получению денги моего жалованья мнѣ сполна выдать, а буде того сдѣлать не соизволите то я принужденъ буду формально о томъ просить.

Тогожъ самаго времени присланъ чрезъ нарочнаго изъ Сената указъ во все народное извѣстие о смерти блаженно почившей

Императрица Екатерина Петровна и сестры на
тогдашнего Императора Петра третьего и велико всея армян и царю
Государства учинить присягу, по сему обстоятельству произошло и
такое время покуда командированной штаб офицер съ присла-
ны ласками ко мнѣ прибылъ, коего я дождался и покуда то
решаю у меня въ полку всѣмъ чинамъ происходила всякому по-
мощи и таковыхъ имена въ тѣ листы вписаны и было конечно, я
уверманомъ моимъ жалованью, также и по моему въ немъ предъ тѣмъ
посланомъ челобитной повторить хотѣлъ прозбу о увольненій меня въ
Петербургъ, то тѣмъ временемъ покуда я при той людяхъ при-
еже забавился, Хорватъ посвѣщилъ самъ ехать въ Петербургъ
чтобы ускорить показать себя новому Государю.

Я получаю о такомъ его отъѣздѣ известіе и что онъ уже
изъ дому выехалъ, то чтобы не упустить время поехалъ я къ нему
на встречу въ городъ Кременчукъ и преправившись чрезъ Днепръ
на правый берегъ въ шанецъ Крюковской, тамъ его дождался, куда и
онъ спустя часа два прибылъ, но не много онъ тамъ бавился и тотъ
часъ хотѣлъ ехать, для чего и нельзя было обо всѣмъ пространно съ
нимъ говорить, однако онъ по своему лукавству какъ скоро меня
увидѣлъ, могъ догадаться за чѣмъ я приехалъ, и что конечно хочу
съ нимъ о своемъ дѣлѣ говорить, то и упредилъ меня своими сло-
вами говорить, что вы по вашей челобитной о увольненій васъ въ
Петербургъ можете выйти въ Ново Сербской главной канцелярій,
где приказалъ васъ по полку съехать и определить на ваше место
жанныхъ изъ вашего жалованья что вы просили, оставте до моего
пріѣзда обратно какъ я не намеренъ говорить Хорватъ долго бавит-
ся и скоро буду оинтъ сюда и надѣюсь, что еще васъ здесь застаю
покуда вы по полку надлежащій щетъ и задачу кончите, тоде тог-
да я съ вами о сихъ деньгахъ раздѣляюсь по прилежанью.

Всено сие Хорватъ мнѣ говорилъ я ему ни мало не верилъ, и
приступаю къ нему чтобы онъ мнѣ мои денги отдалъ, говоря пре-
томъ ему что щетъ мой я задача полка не продолжитца болѣе какъ
дней шесть и много восемь, а вы конечно тамъ въ Петербургѣ
въ дороге забавитесь болѣе одного мѣсяца, то мнѣ ожидать и вре-
такъ долго тратить не можно, и хочу отъ сегодова ехать и себѣ ар-
таго места искать, такъ пожалуйста вы мнѣ мои денги.

Онъ на то съ некоторымъ неудовлетвореніемъ отвѣчаетъ что мы такъ приступаете, вамъ же можно обождать какъ я вамъ сказалъ по-
лудова и возвращусь, и съ тѣмъ Хорватъ селъ въ карету и поехалъ.

По отъездѣ Хорватовомъ тотже день чрезъ нарочнаго послалъ я въ главную Ново Сербскую канцеларію доношеніе упоминувъ во ономъ о моеи прежде поданой челобитной, и что я съ генераломъ Хорва-
томъ въ дароге видѣлся, также и то прописалъ какову онъ мнѣ ре-
зольвцію далъ что оботпускъ меня въ Петербургъ оставилъ онъ къ
оной канцеларіи повелѣніе, и потомъ прошу моего отъпуска и кому
приказано будетъ отъ меня полкъ принять, на сие мое доношеніе
долго я принужденъ былъ отвѣта ждать, да и учинить мнѣ резолю-
цію было ни отъ кого, ибо какъ я осведомился что въ той канцеля-
ріи по отъездѣ Хорвата старее никово другаго въ застѣданій не было,
окроме что только старши синъ Хорватовъ чинъ подполковничья
малчикъ лѣтъ двенатцаты, которои еще въ учителя въ школѣ подъ
началомъ состоялъ, и какъ прошло несколько дней что я на то мое
доношеніе резолюцій не имѣлъ, то повторилъ я еще разъ прозбу мою,
на что едва уже требуемую резолюцію получилъ, котория однако ни
что не значила и только для сведенія мнѣ послужило, что главная
Ново Сербская канцеларія безъ особливаго письменнаго предложенія
отъ главнаго командующаго Новою Сербіею сама собою такова отъ-
пуска мнѣ учинить не можетъ, и тако я и поневоли остался въ томъ
положеніи въ каковомъ тогда я былъ и ожидать приезда Хорватова.

Здѣсь хочу я тацерь пояснить, о моеи женидбѣ какъ послѣ отъ-
езда Хорватова здѣлалось.

Видно что судьбина принесла то время чему она уже быть
опредѣлила, я какъ и прежде упомыналъ что назначеная моя невѣста,
дочка Хорватова, живутъ съ матерью своею и съ братомъ въ
Криловскомъ, для которой я изъ Петербурга Хорватомъ при-
сланъ, хотя онъ Хорватъ по приездѣ моемъ съ зачала въ Новую Сербію
той моеи женидбѣ и здѣлалъ чрезъ разные свои замыслы мнѣ объ-
яснить, и матери невесты моеи ни когда ни слова не говорилъ, и не
сказывалъ что онъ будучи въ Петербургѣ еще первой разъ мнѣ
дочку свою обещалъ и тѣмъ меня приласилъ, что я отъ двора
отошолъ и свое место покинулъ, но однако госпожа подполковница
и дочь ее Екатерина о томъ уже известны были посторонно, то и
не было имъ ни мало въ томъ противности, а паче съ первого со-
мноу свиданія здѣлался я имъ пріятель, и желанья оны достигнуть
до сего дѣла, для чего всегда показывалы мнѣ отменную любовь и

притомъ, но самы собою страха рады Хорвата и чрезъ это волю никакъ не могли осмелѣнца сего дела совершить, а ожидаемы отъ Хорвата на то новѣстия, чрезъ что и время такъ продолжилось даже до сего часа, какъ я теперь о томъ стану говорить.

Тотже день какъ я Хорвата въ шанце Крюковскомъ встрѣтилъ и онъ поехалъ въ Петербургъ, а я остался и забавился писать къ Ново Сербскую канцелярію доношение и отъправлять нарочного о чемъ я выше говорилъ, то и забавился я целой тотъ день до вечера и остался уже ночевать тамъ, на то же время и въ тотже день приехалъ также навстречу Хорвата племянникъ, его а моеи невѣстѣ родной братъ подполковникъ Иванъ Хорватъ, который командовалъ пехотнымъ называемымъ Пандурскимъ полкомъ, юношъ еще молодой и какъ онъ также съ зачала моего приезда въ Новую Сербию со мною спознался, то и тогда яко уже знакомой радъ былъ что со мною видѣлся и остался тамъ со мною ночевать.

Матушка же его госпожа подполковница о томъ что я навстречу Хорвата туда приехалъ была извѣстна, а поутру какъ я хотѣлъ ехать обратно въ полкъ, упредилъ меня еще засталъ нарочно присланной отъ госпожи подполковницы съ объявленіемъ, что проситъ она къ себѣ меня въ Криловъ, таковы вѣсти показались мнѣ странныя, я не хотѣлъ было то дѣлать разсуждая что ехать мнѣ туда ни для чего, но какъ братъ моеи невѣсты въ томъ также сталъ просить и говорить, что и ему отъ матушки его чрезъ сего же нарочно присланнаго наказано, чтобы обще со мною туда приехалъ и меня бы къ тому пригласилъ, то я на такову прозбу какъ оно было не далеко согласился и поехалъ къ нимъ въ Криловъ, мы обще я и братъ моеи невѣсты поспѣлы еще до обеда туда и заехали прямо на дворъ къ хозяйке, она встрѣтила и меня съ моею невѣстою очень ласково и обедали всѣ за столомъ въ мѣстѣ, и потомъ проводили время въ приятныхъ разговорахъ до самаго вечера, а после ужина я еще просидѣлъ съ ними часть места, а потомъ пошелъ въ отведеную мнѣ по близости ихъ дома особливую квартиру, и только что хотѣлъ раздѣватца, ажно идетъ ко мнѣ майоръ Максимъ Вунчъ, который состоитъ госпоже подполковнице въ блискомъ свойстве и приехалъ съ женою въ гости, человекъ онъ былъ уже пожилон а мнѣ давно знакомъ и стоилъ того чтобы его почитать, то я для него просѣдѣлъ съ ними лишнее время въ разговорахъ и уже въ глубокую ночь зашло.

Онъ между прочимъ въ разговорахъ объявляетъ мнѣ, что госпожа подполковница ужь решилась и говорить какъ таперъ Хорвата мнѣ нѣтъ пренатствовать некому, и буды я согласенъ то де госпожа подполковница съ тѣмъ его прислала мнѣ объявить, что она дочь свою Екатерину отдааетъ мнѣ въ супружество.

На такую вѣсть я не могу сказать чтобъ перады былъ, на что отвѣчалъ ему что завтра еще увидимся и хочу я самъ съ госпожею подполковницею о томъ говорить, послѣ того майоръ Вунчъ наподѣ, а я остался и легъ въ свою постель въ великихъ размышленияхъ, перады пришло мнѣ на память какъ я съ Хорватомъ въ несогласіи и что онъ чина мнѣ подполковничаго какъ общалъ не доставилъ и жовѣ на обманствахъ со мною обходился, къ тому же и то сталъ я думать что податъ челобитную о увольненіи меня въ Петербургъ и что мнѣ неотмено должно искать другаго места и итти къ армыи и не быть въ Новой Сербии, яко оная по всемъ обстоятельствамъ чрезъ Хорватовы поступки къ паденію клонится, и какъ таперъ женюсь то не будетъ мнѣ изъ того лишнѣ затрудненіе, и что собманствомъ Хорватовымъ потѣрилъ я много и лишился бывшаго при дворѣ своего места, по какимъ обстоятельствамъ и не надобно бы мнѣ сего дѣла предпринимать и съ Хорватомъ въ союзство не вступать; съ другой же стороны сталъ я разсуждать ежели мнѣ отъ женидбы откажутца и оставить по разуму, что я всея отъ Хорвата надежде по сего обманству лишился и чрезъ то не имѣю ни какова твердаго пристанища и доуду подальше а не будетъ у меня наслѣдника, а можетъ быть что Богъ дастъ мнѣ приобрести имение и оное по себѣ оставить будетъ вѣкому, то и то и что таперъ имѣю пропадетъ безъ всякой подпѣи и достанется чужому кому въ руки, къ тому же какъ таперъ госпожа подполковница своимъ намереніемъ уже решилась за меня дочь свою отдать желаетъ, и вижу также что какъ она какъ и невеста моя великую имѣютъ ко мнѣ любовь и что оны о обманствѣ Хорватовомъ ни мало невинны, и ежели я отъ женидбы откажусь, то останутца оны тѣмъ огорчены и моя невеста будетъ вечно на меня сожалѣть давши мнѣ уже слово, притомъ я такой не вѣсты естли сию покинуть и опосля на другой женюсь, то можетъ быть что такова достоинства другая не будетъ какова сия есть, и я потому тѣмъ либо могу притытъ въ сожалѣніе и жпзнь моя будетъ безъпокойна.

Таковы мысли всю ту ночь меня тревожили и я ни одной минуты заснуть не могъ, напоследокъ собравшись съ мыслями дозо-

жился на одно, что послѣдовать судьбине и женитца, а потомъ хотябы и довелось по моей челобитной что паиду къ армыи, то и молодую свою супругу взять съ собою, какъ много женатыхъ при армыи штабъ офицеровъ бываетъ и люде успѣвають находить особы жонъ своихъ какъ съ собою возить, а въ случаяхъ гдѣ оны своихъ оставлять будутъ, то такимже примеромъ можетъ и моя быть тамъ где и протчіе остаютца, и такъ будучи она со мною въ походѣ, яко чело-вѣкъ молодой, можетъ въ чужемъ краю получить еще лучшее себы просвѣщенные, и увидить свѣтъ, и пойметъ обращение и обычай каковы есть въ народахъ, и будетъ имѣть случай понять чужихъ языковъ и тако я на тѣхъ мисляхъ положилъ что совершить дѣло и женитца, и будучи полень такихъ размышленіевъ прошла уже вся ночь и светъ на дворе сталъ, я вставши съ постели зачалъ одѣватца.

Мало потомъ погода идетъ ко мнѣ брать невести моей, объявляеть мнѣ что просить матушка къ себѣ, я поспешилъ одѣтца на-шолъ съ нимъ туда, встреча мнѣ была весьма приятна поднеслы намъ кофе, а потомъ имѣлъ я разговоръ съ госпожею подполковницею на одинъ о томъ, что въ вечеру мнѣ майоръ Вуйчъ посолствомъ своимъ объявилъ, на что отвѣчала она, что сие дѣло изъ давня тѣнѣ и она слышитъ отъ постороннихъ людей, на какое условіе Хорватъ васъ сюда привелъ, хотя де я съ вами о томъ еще и не говорила, а Хорватъ также со мною о томъ ни какихъ словъ по нимъ не имѣлъ, и видно говорила она что Хорватъ проводить васъ только пустимы словами, а я пося пори боюсь ево, не могла сама собою осмелитца мимо его кончить сего дѣла, а таперъ какъ его Хорвата здесь нѣтъ, и я слышу что вы ищете себы другое место и намерены ехать отсюда протчъ, а дѣло зачатое въ супружестве до-чери моей съ вами за отъездомъ вашимъ можетъ остатца упущен-но, то де и решиласть я божнею помочію уже сама собою чтобы дѣло совершить и за то вчера съ чрезъ дяю моего майора Вуйча о томъ я васъ извѣстила, а таперъ какъ вы отъ меня о томъ самомъ слышите то и остаецца на вашей волѣ какъ вы изъволите.

И вслушавъ сіи слова поблагодарилъ госпоже подполковницу за ее такову ко мнѣ откровеность, и прошу чтобы къ намъ по позволѣнію и моя невеста пришла, госпожа подполковница на мою прозбу выставши съ стула подошедъ къ другой горнице къ дѣр-ямъ позвала мою невесту, она вошедъ ко мнѣ, я ее взялъ за руку і говорю, судариня моя, вы я думаю уже давно извѣстны о томъ

мы назначены быть моею невестою, и что и дядю вашимъ герцогомъ Хорватомъ сюда по тому делу изъ Петербурга призванъ, и онъ говорю я ей по сие время между нами союзъ брака и не дѣлать дѣлать, и проводить меня вотъ уже третой годъ безполезно, теперь судариня моя какъ я слышала отъ матушки вашей она решила сама и желаетъ нашъ союзъ брачны кончить, о уповаю и вы знаете, а и я съ моей стороны къ тому согласна, но только хочу я отъ васъ самыхъ слышнѣе и слово ваше будетъ наиприятнѣйшимъ свидѣтельствомъ вашего желанія.

На сей мой запросъ невеста моя отвѣчаетъ мнѣ несколько съ грустью лица своего, что она воли матушки своей и ее намеренію прислушаться, и что также съ стороны съ своей согласна, я тѣмъ хочу дополнить обнадеживъ себя къ предъбудущему нашему счастью поцеловали взаимно другъ друга, и променялись на первой же между собою золотыми колечками, и потомъ повелъ я ее за руку въ другую горницу поклонилась матушке какъ она была вышла изъ насъ въ другую горницу, объявляю я ей что по согласію вашему представляю вамъ вашу дочь, коя отъ сего часа есть моя заведенная и отдаю ее мы обоимъ въ вашу родительскую милость, всѣ родственные сродники кои на то время тамъ случились встали насъ поздравляютъ, и на томъ тотже день въ церкви обручение совершено.

Тотъ день провели мы нашимъ обществомъ при музыке несесской, а на завтра поехали я въ полкъ чтобъ приутожить подлѣжающей свадьбѣ, какъ я о томъ не сподѣвался чтобъ такъ скоро дѣло дѣлалось и у меня на таковъ часъ еще ничего заготовленнаго не было, и то надобно ужъ было дѣлать на скорую руку, что чѣмъ могъ успѣть, ибо я никакъ отлагать не хотѣлъ, для на четвертый день поспешилъ опять обратно къ моей заручнице Криловѣ, и на другой день было то въ воскресенье венчался и сразу отъправили тамъ.

Потомъ теща моя не хотѣла насъ такъ скоро отъ себя отпустить и остались мы у нее еще две недели, и затѣмъ я съ моею новою супругою поехали въ полкъ.

И какъ выше говорилъ, что по челобитной моей за отъездомъ моего просимаго отпуску получить отъ Ново Сербской главной канцелярии не могъ и принужденъ дожидатца ево приезда и понево-

лѣ, то тѣмъ временемъ повернулось сънымъ всю къ его надежню и наче, о чемъ въ нижеслѣдующемъ поясню.

Хорватъ приехавши тогда въ Петербургъ видно, что ему по то-
только время по судьбамъ и было назначено силу свою имѣть, онъ
какъ вездѣ издавна въ Петербургѣ стезы свои умѣлъ наглядить
на кои и полагаѣлъ свою надежду и достигалъ повсѣмъ что только хо-
тѣлъ, и ни мало не воображалъ чтобы съ нимъ могла быть какая прѣмена,
и считалъ себя непоколебимымъ, что и побудило его съ первато раза
своего туда приезда къ приобретеню новыхъ еще себѣ патро-
новъ, яко въ то время послѣдовали въ господахъ некоторые премены
то чтобы при новомъ государе у придворныхъ его войти въ зна-
комство, къ коимбы въпредѣ о себе могъ адресоватца, и предѣста-
тельствы отъ нихъ получать, для чего и покусился Хорватъ по своимъ
обычаю чтобы оныхъ купить.

Онъ зналъ уже и видѣлъ, что при государѣ былъ очень близокъ
адютантъ его Андрей Гудовичъ, а также что Государь и камердине-
ра своего жалуетъ, то Хорватъ чтобы сихъ двухъ первыхъ пове-
дуть на свою руку въздумалъ ихъ онъ подкупить деньгами, онъ
сперва сталъ къ нимъ такъ ходитъ подъ видомъ визита, и приобрѣ-
вши у нихъ знакомство, тогда дерзнулъ ихъ дарить, насыпавъ меше-
чекъ съ золотомъ отънесъ первѣ въ админъ день рано къ камер-
динеру Государеву, коего онъ засталъ еще на квартирѣ, поднесъ
Хорватъ ему тотъ мешечекъ съ золотомъ въ подарокъ, камердинеръ
видя сню отъ Хорвата поступку не говоря ему ни слова принялъ, и
съ тѣмъ Хорватъ бывъ довольнъ заключа что ужъ первое зачало здѣ-
лано, небаваясь ни мало поехалъ на свою квартиру, взявъ другой
мешечекъ также насыпавъ золотомъ большъ еще перваго, поспѣшилъ
скорѣ къ адютанту Гудовичу чтобы и ово застать въ квартирѣ.

Хорвату удалось и сие другое такъ какъ и первое здѣлать, онъ
поднесъ адютанту Гудовичу насыпавъ мешечекъ съ золотомъ въ
подарокъ и проситъ въ знакъ предѣбудущаго еще лучшаго знаком-
ства и приязни чтобы принять, Гудовичъ принявъ неоказывая ника-
кой въ томъ благодарности а только сказалъ что времени не имѣетъ
болѣе съ нимъ говорить спеша изъ квартиры выхотъ, чтобы не про-
ронить надлежащей часъ быть у Государя, и съ тѣмъ выпроводилъ
Хорвата отъ себя, но Хорватъ сего ни мало не догадался а сочелъ
что ужъ дѣло въ свою пользу здѣлалъ и тѣмъ былъ много довольнъ,
селъ въ карету поехалъ съ полною надеждою на свою квартиру, и тотъ
часъ своимъ подкоманднымъ при нѣмъ тогда бывшимъ хвалитца

онъ, подвывая разсужтъ о себѣ важность, и какъ онъ тотъ день
иногда дѣла успѣлъ дѣлать, пресказывая имъ по своему обычаю
какого сличикомъ, какая ему встрѣча отъ тѣхъ особы была, и что онъ
облаженъ всякою отъ Государя милостію, и далъ сколько ему на
дѣлѣ пришло, о чемъ онъ весьма плодотворно своими разсказами
хотѣлъ толковать.

Адютантъ же Гудовичъ, послѣ какъ Хорватъ отъ него пашолъ,
пошелъ скоро на подлежащій часъ у Государя быть, извѣлъ съ
собою и тотъ подаренный ему отъ Хорвата мешечекъ съ золотомъ,
пошелъ къ Государю въ уборной пакобъ объявилъ Государю о томъ
что Хорватъ ему подарилъ, Государь также имѣлъ уже и отъ ка-
валеріи своего товарища утѣхо о таковойже подарке извѣстие, былъ
отъ Хорватовимъ дерзновениемъ и подлою поступкою краинѣ не
доволенъ, и за такую поступку не хотѣлъ Государь оставить, а при-
казалъ учинить публично Хорвату за то виновность съ великимъ при-
бранимъ ему стыдомъ и мешки ему съ тѣми червонцами возвратитъ.

Потомъ Государь о томъ дѣле что Хорватъ отважился учинить
рассудилъ что то не напрасно, а конечно есть что нибудь за нимъ
скрытое и что онъ Хорватъ заблаговременно изыскиваетъ способы
защиты протекцію въ свою пользу, для чего первѣе приказано Хор-
вату изъ Петербурга выехать къ своему мѣсту, а потомъ повелѣлъ
Государь послать въ Новую Сербію инспекторомъ полковника Спир-
инскаго, коему при отправленіи самъ Государь словесно строжайше
приказалъ, чтобы онъ приехавъ въ новую Сербію обо всемъ и во все
дѣла вошелъ въ подробности, и что окажется отъранпортовать.

Хорватъ о томъ ничего еще не зналъ, а приехавши на свою
родину то еще болѣе сталъ было силу свою разпространять, пер-
вымъ началъ ругать и бранить заочно невестку свою а мою тещу, за
то она вымогала воли дочь свою за меня замужъ отдала, а также
меня не оставилъ цѣнить по своему обычаю браными словами, угра-
жая своею силою и властью, почему какъ я то слышалъ то я не по-
слушалъ ему, а онъ разсѣялъ о себѣ сколько при новомъ Государе онъ
имѣлъ себѣ пріятель и какъ отъ него былъ пріятель, утѣшилъ тотъ
каковимъ онъ любилъ, пресказывая обыкновеніе что
орденъ получить и тому подобное всякіе свои вымыслы
сказывалъ.

Итакъ все сие обратилось ему въ великую печаль, ибо въ слѣдъ
за нимъ приехалъ инспекторъ посланный отъ Государя полковникъ

известіе о положе. Симеона Степан. сына
иники въ Новую Сербыю, и взявъ квартиру свою на первом сау—
въ крепосты святых Елисаветы, учинилъ тотъ часъ во всемъ Но—
Сербыи о себе публикацію, сталъ требовать отъ Хорвата от—
ала Новой Сербыи какъ о казнѣ ему отъпускаемой такъ и обо—
мъ подлежащихъ щетовъ, а отъ комышевъ камысарнатскихъ и
ровиантскихъ и отъ другихъ местъ отъпускаемыхъ на Новую Сер—
быю деньгахъ ведомостѣи.

Тутъ въ другъ воспламенность и не иначе какъ громъ ударилъ
со всѣхъ сторонъ съ жалобами, на самъ периодъ маноръ Шмитъ изъ
Миргорода отъ Хорвата бежалъ въ крепостъ Святыхъ Елисаветы і со—
астъмы своими писменными дѣлами явился у иншпектора, подалъ то—
часть на Хорвата о похищеніи казны доносъ, и просилъ защиты.

Хорватъ о томъ что Шмитъ бежалъ пишетъ сообщеніе
иншпектору, прописывая на Шмита великіе дѣла и что унесъ о—
съ собою неизвестно куда всѣ щеты, и потому объявляетъ Хорв—
что не можетъ ни какихъ отчетовъ показать.

На то отвѣчаетъ иншпекторъ Хорвату, что маноръ Шмитъ
явился у него и что дѣла писменные слѣдующіе въ щету всѣ унесъ
Шмита въ сохраненіи состоятъ.

Послѣ того какъ Шмитъ бежалъ, то еще въ слѣдъ за нимъ ве—
которые канцеларскіе чины отъ Хорвата тудажъ къ иншпектору бѣ—
жалы, и о похищеніи казны также доносъ подады, а затѣмъ стали
многіе подкомандніи Хорватовы изъ ротъ офицеры оставя дома свои
тудажъ къ иншпектору бѣжать и подавать челобитни о причис—
леніи ихъ отъ Хорвата обидѣ.

Иншпекторъ не упустилъ время обо всѣмъ что на первомъ слу—
къ нему жалобою зашло донестъ Государю, почему опредѣлить
сударь во образе своемъ главнаго иншпектора генерала поруч—
князя Григорія Семеновича Мещерскаго, коего съ полнымъ вѣ—
дѣніемъ отыправилъ въ Новую Сербыю.

Въ то же время пришло извѣстіе, что съ прускиимъ к—
учинѣнъ миръ и война кончилась, то потому я ужъ о по—
армій думать оставилъ, а надобно было предпринимать дѣ—
ры начеиъ свои фундаментъ положить, для чего на перво—
поехалъ и я въ крепостъ Елисаветы, чтобъ явитца у иншп—
доложить о себѣ что состою квартирою съ полкомъ въ М—
но въ командѣ у Хорвата, и на какомъ положеніи полкъ,

всѣмъ подалъ инспектору поясненіе, онъ тѣмъ былъ много доволенъ и позволялъ мнѣ быть при немъ сколько дней я самъ хотѣю, и было мнѣ случая обстоятельно отъ него узнать о томъ, что творится въ Петербургѣ надѣлалъ.

Генералъ поручикъ князь Менцерски какъ я выше говорилъ что Государя въ Новую Сербыю отъправленъ, и выехавши изъ Петербурга на дороге за Новгородомъ узналъ отъ курьера, которымъ обогналъ съ манифестомъ въ Москву и въ другіе мѣста о перенесеніи Императора Петра третьяго и о вступленіи на престолъ Государя Императрицы Екатерины второи, и потому извѣстно вернулся въ Петербургъ обратно къ Государинѣ, докладываетъ о томъ, что было отъ бывшаго Государя отъправленъ и спрашиваетъ что приказано будетъ выводу дѣлать.

Государиня зная также Хорватовы дѣла, для чего изволеетъ повелѣть своимъ повелѣніемъ князю Менцерскому чтобы онъ на томъ же извѣщеніи ехалъ въ Новую Сербыю и комисіи надъ Хорватомъ зачалъ.

Князь Менцерски приехалъ въ Новую Сербыю и взявъ съ собою секретаря въ самомъ Миргородѣ, отказалъ Хорвату во всемъ отъ кдѣлы, поставилъ политичною за нимъ присмотръ, принялся за всѣ дѣла къ разбирательству, сталъ первѣе Хорватовъ гусарской полкъ стрѣль и выходить во всякую подробность, при чемъ тотъ часъ казалось что амуниціи вещи, по выходе сроковъ, тѣмъ самыя поставаны вновь построены и служатъ уже на другой срокъ, а снушеную на то суму Хорватъ показалъ издержкою, а въ самомъ извѣщаніи что онъ всѣ тѣ деньги взялъ къ себѣ.

Я оставляю о всѣхъ подробностяхъ Хорватовыхъ не порядкахъ писать дабы тѣмъ читателю не наскучить, а только о важныхъ дѣлахъ стану говорить.

Генералъ поручикъ князь Менцерски вошелъ во всѣ дѣла Хорватовы, и принявъ отъ полковника Спичинскаго всѣ подаваемые къ нему челобитни и доноси на Хорвата, отпустилъ полковника Спичинскаго какъ онъ отставку отъ службы просилъ въ свой домъ, а самъ остался разбирать дѣла, и узнавъ всѣ Хорватовы въ казенныхъ отнесенъ обо всемъ своимъ рапортомъ къ Государинѣ, по которому и присланъ къ князю въ помощь для формальнаго производствъ и суда, генералъ аншефъ Иванъ Федоровичъ Глѣбовъ для того да еще генералъ поручикъ Мелгуновъ, всѣ сій поелода отъ

рались въ крепость святая Елисаветы и тамъ дѣло производить за-
мы, но по несчастію вскоре князь Мещерскіи заболѣлъ и умре,
днакъ комисія не преставаа а производилась своимъ порядкомъ.

Я о своей обыдѣ какъ выше пространно обо всемъ сказано, то
тъ о удержаномъ отъ Хорвата за лошады моего жалованья подаль
комисію челобитную, а на тожъ время какъ ужъ миръ съ Пруса-
ми заключонъ и война кончилась, то и воспослѣдовала о всѣхъ
гусарскихъ полкахъ новая формирация, и положено некоторые полки
ничтожить, и пополнить тѣми людьми другіе о чемъ въ переды вид-
о будетъ, въ томъ числѣ положено чтобы Македонскон и мой Бол-
госкон гусарскіе полки касировать и распределять людей по дру-
имъ гусарскимъ полкамъ, для чего и должно мнѣ было просить отъ
авнаго надъ тою комисіею генерала аншефа Глѣбова увольненія въ
оскву, какъ тогда дворъ тамъ находился, чтобы за благовремено-
ыискать себѣ къ продолженію службы другога места.

Приехавши я въ Москву подаль челобитную въ Сенатъ яко о
мѣ мои такъ какъ и Хорватово поселѣніе состоялъ подъ Сенатомъ.
потому я первѣе въ Сенатъ явился прозбу и подаль, прописать по
ую свою обыду что Хорватъ произвелъ младшаго меня всѣми чи-
ны въ подполковники Алексѣя Костюрина а меня оставилъ безчи-
накомъ мои въ томъ притчины, и что я навербоваа въ Болгарскомъ
сарскомъ полкѣ до четырехъ сотъ человекъ изъ иностраннаго народа
и нинѣ остаются въ Россіи на службѣ, и просилъ того слѣдующа-
мнѣ подполковничья чина и предъ Костюриномъ старшинства.

Челобитная моя принята, и я обнадеженъ, даже что безъ сум-
нѣнія казалосбы быть дѣло мое пашло было хорошо, однако и тутъ
нѣтъ врагъ дѣлать мнѣ препону, ибо Хорватъ не престоваа гнати
въ слѣдъ за мною, онъ какъ уже увидѣлъ свою погибелъ, то на-
ималъ кою каво изъ отъставныхъ, коихъ посылалъ къ господамъ
оскву съ писмами прося надъ собою милости, въ томъ числѣ писа-
тъ и обо мнѣ къ своему наиболшему еще тогда бывшему на нек-
рое время въ Сенатѣ на ногахъ оберъ секретарю Ермолаеву, ка-
опосла о томъ узналъ, чтобы всячески старался о моемъ иске
дать уснѣха, наваливъ на меня много въ выну своего неблагопо-
я, яко бы и подавалъ къ тому не какіе предпріятій, что и успѣло
вернуть мое дѣло въ проволочку и принужденъ я былъ ходитъ
Сенату долго съ великою досадою и проживатца въ Москвѣ по
спрасну.

Съ перва сколько мое дѣло пошло было хороша столько оповѣсть въ свое умедлило, и гдѣ у каго объ ономъ въ повѣстѣхъ ни спрошу всякъ говорить что не знаеть, и не могу добыти, чтобы присутствующимъ было доложено, одинъ только секретарь Данской пѣзъ со-мѣтѣния надо мною сказавъ мнѣ да и то какбы чрезъ зубы, чтобы у оберъ секретаря побывать и его бы болѣе просить, а и то дѣлать и ходить къ сему долу на дворъ да чтожъ я у него нашолъ ни от-вѣту ни привѣту быть не могло, понеже слуга его всегда встреча-еть и говорить, что господина дома нѣтъ, или болѣе, или недо-стугъ, завтра приходить, а къ господамъ присутствующимъ какъ бы-вало пиду то тѣ отъзывались всегда хорошо и говорятъ, что вотъ какъ скоро дѣло ваше къ слушанью въ присутствіи поднесено бу-детъ то старатца будемъ вамъ полезную резолюцію положить, и на-томъ провелъ меня оберъ секретарь Ермолаевъ целыхъ три мѣсеца, и на послѣдокъ едва такой резолюціи добился, что велѣно отослать меня при указе пѣзъ Сената и дѣло мое приложить въ военную коллегію съ такимъ приказаньемъ чтобы военная коллегія прозбу мою разъ-смотрѣла и буде слѣдуетъ просимымъ подполковничимъ чиномъ меня произвестъ.

Въ тожъ время вступилъ въ военную коллегію ницъ прези-дентомъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, я у его явился, и объ моего дѣла принялся, слушалъ оное въ присутствіи и меня подполковничимъ чиномъ обнадежилъ, и спрашиваетъ въ которой пусарской полкъ я определеннымъ быть желаю, на что отвѣчалъ я что въ Молдавски полкъ и докладываю что въ ономъ состоитъ под-ковникомъ Иванъ Подгоричанинъ и что онъ мнѣ издавна знакомъ и служилъ въ цесарской службѣ въ чествѣ въ одномъ полку, то и теперь говорилъ я желаю съ нимъ въ одномъ же полку быть, и что тамъ и ваканція того чина есть, и тако мое дѣло было почти готово, но и тутъ удача мнѣ не поспѣловала а издобно было имѣть препону и огорчение и надежду потерять. Какъ тогда по окончаніи русскои войны поприежали изъ армій за своими дѣлами многие штабъ офицеры въ Москву (1763-го года), въ томъ числѣ приехали та-же тутъ и полковникъ Подгоричанинъ каторой уже бригадиромъ по-жалованъ, я услыша о его приездѣ поспѣшилъ скорѣе чтобы съ нимъ свидѣтца яко съ давнымъ знакомымъ объявляю ему, что я вскоре буду въ нему въ полкъ и что графъ Чернышевъ обнадежилъ меня произ-вестъ въ тотже полкъ подполковникомъ, Подгоричанинъ показался мнѣ радъ упомянутой давнѣе наше знакомству и что донелось опять

вместѣ въ одномъ полку служить, я сему поверилъ и твердо на его дружбу надѣялся, но тѣмъ обманулся жестоко.

Подъгоричанинъ на завтрашній день поехалъ по утру рано къ графу Чернышлеву по своимъ деламъ чтобы съ графомъ говорить; и между прочимъ самъ графъ (что я о томъ опосля узналъ отъ пріятеля да и самъ Подъгоричанинъ спустя сколько времени признался) какъ ему сказано упоминая мое имя и что я въ Молдавской полкъ буду скоро произведенъ подполковникомъ, и похваливъ графъ меня спрашивалъ какъ давно я ему знакомъ что я именно просился къ нему въ полкъ.

На то Подъгоричанинъ отвѣчалъ и также меня хвалилъ и какъ я съ нимъ будучи въ цесарской службѣ служилъ въ одномъ полку и давно ему знакомъ, но притомъ выговорилъ съ прозбою къ графу, Пищевичъ де ваше сиятельство афицеръ достойны и ученъ, и вездѣ во всѣмъ годенъ и исправенъ но еще молодъ, ему де не можетъ быть въ обыду, если онъ еще годъ места произвожденіемъ по обожадетъ онъ де все свое достигнетъ, да прошу ваше сиятельство говорить Подъгоричанинъ не оставте бедного и заслуженнаго стараго офицера въ полку моемъ примѣръ-майоромъ служащаго Адама Янова коего желаю я чтобы былъ произведенъ подполковникомъ.

Таковы Подъгоричаниновы слова и прозба привели графа въ некоторое сумнительство и остановилъ мое дѣло, даже такъ что съ того дня хотя я часто у графа бывалъ, однако не могъ болѣе ни отъ него ни въ аллеіи о своемъ дѣлѣ слышать и какъ оно повернулось ничего не знаю, и въ такомъ обстоятельствѣ проходитъ время и мой трудъ и хождение безполезно, и живу я въ Москвѣ уже мѣсяца четыре неведая ни чего что со мною еще будетъ.

Въ одинъ день праздника пашолъ я рано въ графу Чернышлеву, засталъ его сидящаго въ креслѣ и парикмахеръ волосы ему чешетъ, поклонился я ему и сталъ предъ нимъ, онъ на меня прилѣжно смотрѣлъ съ четверть часа и молчитъ а потомъ сталъ говорить, что въ Молдавской полкъ, я отвѣчалъ что такъ какъ ваше сиятельство изволятъ уже объявить, онъ на то повторилъ что нѣтъ ти де бѣдущи опредѣленъ въ старомъ Сербской полкъ и въ мою дивизию и тамъ есть ваканція, я и на то объявленіе поклонясь поблагодарилъ и говорю что и тѣмъ доволенъ.

То было на страстной недѣлѣ и потомъ зашли праздничные дни святаго Христова воскресенія и засѣданія въ присудетвенныхъ ме-

нѣтъ нѣтъ, почему и моего отъправленія скоро быть не
могло и останется еще на дѣлѣ.

Между тѣмъ надобно было родитца въ моемъ счастіи новой пре-
мѣ, какъ тогда находился въ Москвѣ бывшій при арміи за всегда
шнее у господина фельтмаршала графа Солтыкова, Сербскаго гу-
скаго полка примеръ майоръ Величка, который предъ окончані-
емъ войны просилъ отставки и отосланъ былъ въ Петербургъ въ
свою коллегию, и при выступленіи двора въ Москву приехалъ и
туда, и уже какъ миръ съ Прусакомъ зѣблался, то мой Величка
отставки кою онъ имѣть желалъ раскаялся, и узнавъ о томъ
меня графъ Чернышевъ обнадежилъ производствомъ чина подъ-
полковника въ Сербской полкѣ, такъ упредивъ Величка бросился
фельтмаршалу графу Солтыкову, который на то время былъ подъ-
комъ въ своей деревнѣ, и просить о пожалованіи его въ тотже
Сербскій полкъ на ваканцію подполковникомъ.

Фельтмаршалъ неведая обо мнѣ, что я туда былъ назначенъ
того, принявъ Величкову прозбу, нишетъ къ Чернышеву письмо,
содержащее о майорѣ Величкѣ чтобы его произвести въ Сербской полкѣ
подполковникомъ, и при томъ писмѣ принятую отъ Величка чело-
бытную прилагаетъ, въ коей Величка прописалъ что онъ хотя было и
хотѣлъ по болезни отстать отъ службы, но понеже онъ восполь-
зовавшись и совершенно уже выздоровѣвъ, то и желаетъ попрежнему
службу продолжать, то и просить награжденія чиномъ подпол-
ковника.

Графъ Чернышевъ получа то отъ фельтмаршала письмо и при
томъ приложенную отъ Величка челобытную не зная уже что дѣ-
лать, мнѣ явно о томъ чтобы меня не огорчить сказать не хотѣлъ,
также чтобы фельтмаршальскую прозбу не исполнить и того не могъ
сказать, а сверхъ комплекта произвести меня въ подполковника
нельзя, потому что тогда по окончаніи прусской войны именнымъ
указомъ производить не велѣно, яко и такъ при полкахъ состояло
мало комплектныхъ много, и потому графъ Чернышевъ (какъ я о
немъ опосля ажъ чрезъ полгода узналъ) принужденъ былъ скрыть
отъ себя, какъ то что меня обнадежилъ было въ Молдавскій полкъ
подполковникомъ оное спортивъ, такъ и сие что въ Сербской полкѣ
мнѣ свое слово а писмо фельтмаршальское по прозбѣ Величка
исполнило, и удержалъ то опредѣленіе что обо мнѣ было къ произ-
водству написано у себя, и держа оное несколько дней покуда на-

послѣдокъ въ здумать какимъ бы манеромъ меня прежде изъ Москвы выпроводить, нежели Величку чинъ подполковничен. объявить.

Онъ послалъ за мною изъ своей канцеларій ординарца призвать меня, было то поутру очень рано, я поспешилъ скорѣе туда явился къ нему, графъ встрѣтилъ меня словами какъ бы не какая экстра то была, спрашиваетъ не имѣюль я какую надобность ехать на Украину или хочу просто въ Сербской полкъ въ Смоленскъ ехать, и сколько мнѣ почтовыхъ лошадей надобно я отвѣчалъ что на Украину въ Новую Сербію надобно мнѣ заехать за своимъ экипажемъ и что пяти почтовыхъ лошадей мнѣ потребно.

Графъ отобразилъ отъ меня сїи слова пошелъ въ свои кабинетъ, тамъ у его видно что курьерскіе бланкеты на почтовыхъ лошадей лежали готовы, позвалъ къ себе своего правителя канцеларій и немного бавился вышелъ графъ, идетъ ко мнѣ просто несетъ въ руке свернутую бумагу подаетъ мнѣ и говоритъ вотъ вамъ подорожная изъвольте ехать съ Богомъ на Украину, а отъѣзъ поспешайте въ Сербской полкъ, и вы какъ въ полкъ прибудете то и указъ уже о себе въ полку застанете и не сумнѣвайтесь нивчѣмъ, всюде то сделано будетъ что слѣдуетъ къ вашему удовольствію и на томъ бы я на него положился.

Сїи слова и такое мое отъправление показалось мнѣ странно, представлялъ я графу мою прозбу и хотѣлъ знать съ чѣмъ я отъѣжаю и что въ моемъ производствѣ здѣлано, но графъ болѣе ничего не говорилъ, а только то повторялъ чтобъ я нивчѣмъ не сумнѣвался и положился бы на него, и что конечно въ удовольствіе мое дѣло здѣлано будетъ.

Я получа и сїи слова и обнадеживание отъклонялъ пошелъ отъ него и самъ не знаю съ чѣмъ, и идучи улыщею развернулъ подорожную вижу что я написанъ тѣмъ же примеръ манорскимъ чинномъ какъ и былъ и Сербскаго гусарскаго полка.

Успѣлъ я еще тоежъ утро зайтить въ военную коллегію спрашиваю у одного и другого изъ секретарей о моемъ дѣле и прошу чтобъ мнѣ сказали, на чемъ по моему челобитію определение здѣлано, однако ни у кого я настоящее доведатца не могъ а всякъ говорить что не знаетъ, админъ только сказалъ что дѣло мое у трибуна остановлено, и съ тѣмъ пошелъ я на свою квартиру, сталъ выкладатца, послалъ за почтовыми лошадями и тотже день выехалъ изъ Москвы и предпринялъ путь свою въ Новую Сербію.

Приехавши я туда застаю уже что Хорватова комысия кончена, онъ осужденъ и закованъ въ железа, дышенъ по конфирмаціи всѣхъ чиновъ и сосланъ въ ссылку на Вологду, а его имущество конфисковано, и дѣла челобитческіе всѣ решены въ томъ числѣ и по моему изобѣдному что Хорватъ удержалъ за лошади мое жалованье какъ я выше говорилъ, присуждено чтобъ мнѣ уплачено было такое число денегъ изъ Хорватова имущества а лошадей продать съ публичнаго торга такъ какъ и прочее его движимое имѣніе на уплату долговъ, деревни же остались въ казенномъ ведомствѣ покудова также и казенной долги винтитца, а потомъ отъдать его наследникамъ 1763-го года (Новаяжъ Сербія потеряла свое имя и названа Императорская губернія и другой штатъ данъ, а привелегія что было дана Хорвату пропала).

Однако я видя такую его Харвата судьбину и что жена его съ детьми остались въ само беднѣйшемъ состояніи и сныны яко малолѣтніе изъ службы исключены, то не порадовался я тому, а болѣе жалѣлъ о его несчастіи, и что мнѣ въ томъ нѣтъ никакой сатираки, хотя мое чрезъ него счастье и пропало, и я вовесть такой большой убытокъ понесъ, но не хотѣлъ я при такомъ уже случаѣ къ тому приступить чтобъ деньги за лошади взять и отъдать ихъ съ публичнаго торгу продавать а удержалъ ихъ у себя, и въ приемъ моего жалованья что Хорватъ удержалъ въ книгѣ у коммисара неписался.

Послѣ того я въ Новой Сербіи немного бавился покудова только жалѣлъ съ эквижажемъ своимъ собрата и повоски исправилъ, взявъ съ собою малодую свою супругу поехалъ въ Смоленскъ гдѣ тогда и полкъ Сербской кватеры свои имѣлъ, я спешилъ туда съ великою жъ заботою какбы скорей достигнуть и увидѣть пообѣщанную мнѣ графа Чернышева какъ то указать о моемъ произволѣ въ полковники я въ полку застаю.

Прибытіе мое въ полкъ въ место приятности встрѣтила меня забота, ибо ужъ застаю я майора Величка произведеннаго въ подполковники, а обо мнѣ указъ весьма коротко написанъ, что хотя и дозволено меня произвестъ но за неимѣніемъ ваканцій ни въ одномъ гусарскомъ полку, то причислить меня тѣмже примеръ майорскимъ чиномъ въ Сербской гусарской полкъ, и тако вся моя надежда, трудъ и вербованій людей, обще съ счастьемъ пропало безъ пользы.

Я отъ великой печали было заболѣлъ и хотѣлъ ехать опять въ Москву, чтобъ о такой своей обидѣ просить, но чтожъ каво бы про-

сидѣть какъ разсудылъ, тово самого графа Чернышева; у коего тогда великая власть была и онбы можетъ быть ничѣмъ болѣе меня не наградылъ, а толко развѣ тѣмъ что велѣбы ехать обратно въ полкъ а при томъ нанесбы я на себя еще гнѣвъ и въ предѣ осталосбы не меня отъ него гонѣние, и тѣмъ въ другомъ случае въ производствѣ звѣлабы онъ можетъ быть мнѣ еще болѣе несчастія, а такіе въ проезде моемъ въ Москву и обратно имѣлабы лишнюю издержку убытокъ, такъ ужъ разсудылъ чтобъ на томъ остатца, а о своей обидѣ подать по командѣ челобитную и писать къ графу Чернышеву партикулярное письмо и просить его милости.

Такову челобитную я подалъ прописавъ въ оной свою обиду, что произведенные въ подполковники Величка въ Сербской, а Адамовъ въ Молдавской гусарскіе полки состоятъ оба всѣмъ чинами моложе меня, и прошу уровнения какъ въ производствѣ такъ и старшинства предѣ тѣмъ моложе меня произведенны, та моя челобитная отослана въ военную коллегію, на которую (а также и по писму моему къ графу Чернышеву) въ скорѣ резолюція последовала съ прописаніемъ великаго одобренія моей службы и что тотъ подполковничей чинъ получить мнѣ слѣдуетъ, но за неимѣніемъ ваканцій коллегія произвести сверхъ комплекта не можетъ, и тѣмъ указомъ повелѣваетъ коллегія чтобъ о семъ меня при командѣ уведомить и при томъ обнадежить, что коль скоро первая ваканція въ гусарскихъ полкахъ откритца то на оную произведенъ я буду конечно.

Мнѣ такова резолюція была объявлена но и сие не могло меня утѣшить и я еще почиталъ за наибольшую свою обиду и хотѣлъ было въ другой разъ подать прозбу, однако командующій дивизіей генералъ поручикъ Нумерсъ не апробовалъ сего моего намеренія, онъ могу сказать какъ приятель унялъ меня отъ того, и советовалъ бросить все изъ головы и вступитъ въ должность (ибо я еще и себя не принималъ, а жилъ толко такъ партикулярно при полку), а бы иногда говорилъ мнѣ генералъ естли зачну такую прозбу почитать не сочтено было за противность яко дѣло уже решено и уже есть, да и жалованье свое потратить могу естли на далѣ безъ нужды оставатца буду.

Таперъ ужъ было мнѣ послѣднѣе, и надобно на чемъ нибудь шитца или когда въ должность не вступитъ подвергнуть себя вѣмъ хлопотамъ кои моглибъ нанести мнѣ еще какова нибудь стыда, о чемъ какъ я сталъ разсуждать что всѣ мои дѣла по

кости судьбыне на такихъ препонахъ и пребывкахъ основаны, и что пренесть инаково повѣмъ моимъ трудамъ я не всостояни и счастье мое остаетца безъ своей силы, то ужъ принужденъ тому послѣдовать какъ оно есть и признать и по неволѣ Величку старшимъ надъ собою, и дожидатца что судьбина моя впредь съ собою принесетъ.

Вступилъ я при полку Сербскомъ въ должность, а въ ономъ какъ тогда Прусская война кончилась произведенъ (на место отшедшаго въ отставку Стоянова) полковникомъ Петръ Тукелия, онъ хотя и не Цесарій есть родомъ и также Сербинъ, но я его почти тамъ не зналъ, и всево разъ или другой я его видѣлъ, да и то какъ я былъ тогда еще въ науке, а онъ уже былъ человекъ совершенъ и поручникомъ въ тамошней службѣ, то и не доставалось времени по дѣламъ моимъ съ нимъ знакомитца, а потомъ онъ оставя свое отечество пошелъ въ Россію, и я его уже сталъ настояще по выездѣ моемъ въ Россію жъ знавать и первой разъ въ Москвѣ при определеніи моемъ въ службу видѣлъ его и съ нимъ познакомился, и ужъ потомъ чинами состоялъ я отъ него старше, но онъ будучи въ армии выполъ въ подполковники какъ я о томъ прежде говорилъ, а теперь довелось быть у него въ командѣ, яко бывши онъ прежде меня моложе, что также было мнѣ прискорбно, да чтожъ дѣлать когда моя судьбина такая, надобно было всему тому повиноватца и сносить съ терпеливостью и быть при всѣхъ несчастіяхъ великодушну.

Текели стало быть ужъ мой полковникъ и я у него въ командѣ, надобно было его признавать, и почитать какъ долгъ службы требуетъ, онъ при вступленіи моемъ въ должность показалъ мнѣ видъ довольно приятны и надобно было думать, что мой приездъ не могъ быть ему противенъ, и я положилъ было на него и на одно національнаго своего такую надежду, что конечно онъ мнѣ во всѣмъ приятствовать будетъ, аднакъ ошибся я своими мыслями, какъ о томъ въ переды на своемъ мѣстѣ не оставляю о его свойстве и какая у него душа объяснить.

Полкъ Сербски состоялъ тогда, какъ и всѣ бывшіе старіе въ Россіи гусарскіе полки, на штатъ весьма чудномъ, отъ зачала своего чрезъ несколько десятковъ лѣтъ еще прежде, и было ни мало на регулярное войско похоже, чрезъ что въкаренилось такое во внутренности злоупотребление, что никто изъ полковыхъ командировъ не думалъ о исправности полка и о службѣ, а всякъ на блю-

давать болше свои собственной интересъ и прибылъ кармана, всѣ гусаре имѣли какъ лошадей такъ и мундиръ, амуницію, ружья, фуражъ и провиантъ свое собственное и покупали на свои деньги какъ и гдѣ кто обойтись могъ, а получали жалованье съ раціи и порціи по справочнымъ ценамъ гдѣ и вѣдѣхъ мѣстахъ находилца полкъ, почему полковые командиры старались какъ можно изыскивать способы увеличивать на все цены съ великою превасходностью, въ чемъ разумѣлись оны весьма искусно, почему всегда и деньги отъ подлежащихъ мѣстъ получали ужасно великими суммами.

Показывали въ полку при требованіяхъ казны налицными людьми и лошадями по болшой части полнымъ комплектъ, сообразенъ сходство съ семидневными и месячными рапортами, хотя иногда и смотри полкамъ дѣлались, но и сие искусствомъ оставалось безъ настоящего обозрѣнія, и то самое подавало болшой поводъ ко всякому послабленію.

Меня много удивило какъ я видѣлъ однажды на смотре то офицеры въ ротѣ слугъ своихъ и денщиковъ, офицерамъ тогда въ томъ старомъ штатѣ даваны денщики натурою изъ рекрутъ великоросійскихъ, одѣвали въ гусарскіе мундиры на мѣсто недостающаго по списку гусара, покулъ смотрѣ минетъ, а также и гусаръ въ двойнѣ адинѣ человекъ при прикличке другимъ именемъ чрезъ смотрѣ проходилъ, полковыеже командиры разумѣлись во всемъ съ ротными командирами и съ прочими офицерами и делили свои багачи пополамъ.

Въ ротахъ были капитанскіе и офицерскіе цѣнщики, оны старались чтобъ гусаръ поболше у шинкаря напиивалъ нацѣтъ жалованья и раціоновъ, а шинкары были выбраны изъ тѣхже гусаръ, каторой уже никакой другой службы не зналъ окромѣ того что на него поверено; а полковникъ имѣлъ свою лавку въ коей содержались всѣ какъ мундирскіе такъ и амуничные вещи, (не возбранялось и мало гусару быть своевольну и чѣмъ болше гусаръ тратитъ и пропиваетъ своихъ вещей, тѣмъ было лучше дабы можно ему почаше новые давать притысивая ему въ три цѣны дороже, а иногда смотри по уму человека написывалъ казначеи въ двойнѣ вещь одну.

Казначейжъ выбиралъ полковникъ такова, каторойбы съ нимъ во всемъ могъ разумѣцца, и щетъ ихъ былъ не подверженъ никому и все что гусарамъ давано шло на щетъ раціонныхъ денегъ.

Лошадей содержалъ полковникъ всегда своихъ собственныхъ конюшниковъ и раздавалъ гусарамъ приписывая онѣмъ цену такую считалъ изъ рационныхъ денегъ посколку онъ самъ хотѣлъ, а гусарь такую цену а особливо каторой былъ пьяница не считалъ ни во что, но торгъ шолъ всею въ периодъ и нацѣтъ рационныхъ.

Ежиды иногда гусарь изъ подъ себя лошадъ продать кому въ торону, а останетца пешъ хотя бы и во время военое было, то за о никакова штрафа и възисканья не было, и оставалось безъ службы въ обозе отъ полка иногда и по сту человекъ, конѣхъ однако писывалъ въ ротѣхъ иныхъ болнны, а другихъ потѣрнянемъ противъ неприятеля раненыхъ и убитыхъ лошадей, покуда между тѣмъ спееетъ полковникъ по сторонамъ лошадей присовокупить и раздать ешимъ по оценке, записывая при томъ довереной казначей всѣ тѣ ни сколько кто былъ пешимъ, дабы за то время вичетъ изъ рационныхъ денегъ учинить было можно.

О дисциплине и о опрятности никто ни мало мыслить не хотѣлъ, а въ полкахъ было великое множество женатыхъ гусаръ, кои мѣлы свои повоски, отъ чего и обозъ на марше за полкомъ чрезъвычайно великъ былъ, иной гусарь самъ подъ женою своею и съ бтмы телѣгу погонялъ и что онъ не во фронтѣ ето вѣтъ ничего, а другихъ редовыхъ и у ундеръ афицеровъ и другихъ чиновъ согоалы въ услуженїи люде волние и таковыхъ было въ полку безъ юту, чрезъ что вездѣ происходили отъ невоздержания неприятели воровство.

Всѣ сїя обстоятелства отъкрылись въ бывшую тогда прускую войну, чрезъ что принуждено было по окончанїи войны въ 1764-мъ гдѣ всѣ гусарскїе полки преформировать и зделать новой штатъ.

И какъ въ сей Сербской полкѣ пришолъ, было то еще до публикованїя того новаго штата, и засталъ всею еще по прежнѣму штату ихъ штату, хотя и носился слухъ но ни кто верить не хотѣлъ, говорено какъ чтобы полки гусарскїе были преформированы и чего лучше желать нежелъ таперъ есть и что то не есть правда и быть в можетъ, и тако на всемъ томъ прежнѣмъ обычаи всякие дѣла управлялись и то самое неустройство еще у ныхъ состояло.

Мнѣ случилось при переходѣ полка на свои квартиры на марше идѣть, что гусаре изъ фронта скачутъ на лошадѣхъ на выперѣдки

мымо полковника, а онъ ихъ выхваляя какъ храбри и проворны въ ездѣ, и ни мало въ томъ не запрещая, мнѣ то чудно показалось дерзнулъ было за то гусаръ штрафовать, но какъ сказано что мнѣ въ томъ нѣтъ надобности возбранять, яко оны на своихъ собственныхъ лошадяхъ ездятъ, а мало затѣмъ погода при проездѣ чрезъ деревню, вижу что также изъ фрунта остаются гусаре при кабаке вино и пиво пить, то и въ томъ сказано чтобъ у нихъ не трогать анѣ де придутъ.

Афицеры тоже отъ фрунта и отъ местъ своихъ отлучаются, ездятъ по сторонамъ съ сабаками, кричатъ и тровутъ зайцовъ и то нѣтъ ничего.

Гусаръ ежели во фрунте пьянъ и валиетца съ лошады или разстрепанъ и неопрятенъ то также невзискуетца, и чѣмъ былъ гусаръ грубее въ речахъ и всегда на пьяную руку отъвечалъ, тѣмъ болше почитался храбрее.

Во всѣмъ полку тогда не состояло болше редовыхъ какъ триста человѣкъ, а писывалось налицными въ рапортахъ гаразда болше, а всѣ сіи обстоятельства гледѣлъ тогда съ великимъ удивленіемъ и показалось мнѣ во всѣмъ странное дѣло, и принужденъ молчать, дабы не навесѣть на себя ненависты какъ отъ полковника, такъ и отъ казначея, каторой весма великимъ въ полку значилъ человекомъ, онъ ни мало и ни вчемъ не былъ кому подъкоманднымъ, окроме только что зналъ съ своимъ щетомъ адного полковника и наблюдалъ образъ фискаля, всякъ его отъменно почиталъ и боялся, для чего и я яко новой пришелецъ отстоялъ отъ него въ стороне и не хотѣлъ о его дѣле ни знать ни спрашивать, и тако на томъ положеніи прошло у насъ все лето.

Случались тѣмъ временемъ часто собранія, кои составляли въ вчемъ болше какъ только чтобъ напиватца, и въ томъ состояли вся пріязнъ и объхождение, а кто не хотѣлъ тому послѣдовать тотъ не зналъ ничего, и оставался въ призраженіи и другомъ полковнику быть не могъ, однако таково пиrowаные пресеклось скоро, ибо новыи штаты уже вышли и повелѣніе отъ главной команды прислано, чтобъ во всемъ по новому штату полкъ былъ уформированъ, тутъ ужъ всеи претворилось на великое неудовольствие, сколько то было критики, сколько роптания; никто ни мало не хотѣлъ быть довольнымъ, сожалѣя и упомыная прежднюю волю, а болше всего досадно во-

казалось что при зачале заглавия того новаго штата описано какіе непорядки въ полкахъ были, и всио то какъ оно въ самомъ дѣлѣ состояло, и что по тому принуждено было полки преформировать и некоторые касировать, остались только тогда два полка Сербски да Венгерски, а Молдавски, Грузински, и Шватчековъ жоити уничтожены, и распределены люде кои въ службѣ еще были способны въ сѣмъ два полка, а другимъ даны отъставки и абшиты.

По сей реформѣ много изъ Сербскаго възялы абшиты и отъставки и на последокъ изъ старыхъ гусаръ мало кто остался, а кои и остались то тѣ распродали своихъ лошадей иныхъ по оценке въ полкъ а другіе въ сторону, потомъ вскоре причислено въ полкъ Сербски изъ поселенныхъ Бахмуцкаго Прерадовичева полка что пришли изъ похода и тамъ на вербованы, а были иностраніе и на поселеніи остатца не хотѣли три ескадрона, да еще что отъ моего бывшаго Болгарскаго были соединены съ Македонскимъ а при разборѣ при камысій Хорватовой распределены болшая часть на поселенные въ Новую Сербию, а остальныхъ двести человекъ прислано также къ причисленію въ Сербской же полкъ, и тако тѣмъ пришедшими здѣлалось въ новъ зачало сего Сербскаго полка, да еще что велѣно послать въ Малую Россію въ города Нѣжинъ, Стародубъ и въ другіе места чтобъ вербовать волю желающихъ людей, чѣмъ и успѣли набрать и привести вполкъ, и тѣмъ укомплектовано полныхъ восемь ескадроновъ какъ и по штату что положено.

А чтобы ужъ было въ предѣ всио казеное, то отпущено по положенію штатному отъ камысарната денги, на комъ послано въ Москву о всѣхъ вещахъ дѣлать подьядъ, а на мундиры принять натурою сукно и холстъ, за лошадьми жъ послано также на Украину и на Донъ покупать, кои въ скоростыи пригнаны въ полкъ, и тако въ наступившую тогда зыму было дѣла много покудова успѣли всѣмъ подлежащимъ полкъ исправить, однако при всемъ томъ формированіи сего полка, естли бы не взялся командующій дивизіею генералъ порутчикъ Нумерсъ дѣло дѣлать, тобы вовсе ни чего не было и ни вчембы успѣть не могли какъ великая екстра въ то время того требовала, чтобы полкъ сей былъ какъ наискоріе всѣмъ подлежащимъ исправленъ, а моему полковнику новой нашъ штатъ вовсе былъ еще не понятенъ и толку мало въ ономъ разумѣть могъ, яко прежніи времена въ такихъ дѣлахъ онъ не обращался, и потому новое сие регулярство было ему странно, и покудова бы онъ всио то разобралъ и дошолъ во всю внутренность, тобы еще продолжилось

время на долѣ и не можно бы было въ свое время того здѣлать, чего военная коллегія строго требовала, для чего сей генералъ, предвидѣвши такую медлительность и чтобы время не упустить, принужденъ былъ самъ трудитца и приехалъ изъ Смоленска версты сорокъ шестьдесятъ къ намъ въ полкъ, а потомъ и въ другой разъ тоже здѣлалъ, онъ въ ходы въ всю подробность, дѣлалъ толкованіи того новаго штата, приказывалъ учредить швалю для строевыхъ мундировъ, отъправлялъ офицеровъ за подъярдомъ, напоследокъ прислалъ сто пятьдесятъ человекъ изъ пехотныхъ полковъ портныхъ солдатъ въ помощь къ скорейшей постройке мундировъ, а на весну объявленъ полку походъ въ Польшу.

Въ то время предъпринято было дѣло дворомъ нашимъ о возстановленіи нонѣшняго короля польскаго Станислава Августа Понятовскаго на престолъ, для чего вся наша Смоленская дивизія въ мае мѣсѣ подъ предводительствомъ приехавшаго изъ Петербурга генерала аншефа князя Волконскаго въ походъ выступила, въ томъ числѣ и нашъ Сербскіи полкъ успѣлъ уже выступить.

Воиско наше вошло только въ границу польскую за Смоленскомъ на форпостъ называемомъ Леды и тамъ остановились и простояли на томъ мѣстѣ лагеромъ всю лѣто, покуда тѣмъ временемъ въ Варшавѣ на сеймѣ дѣло зделано и король возстановленъ, а потомъ въ наступившую осень вступила вся дивизія по прежнему въ Россію въ свои прежніи кварталы.

Тоежо лѣто супруга моя родила мнѣ сына, которой наименованъ Александра, и была со мною въ томъ походѣ вѣмѣстѣ.

По вступленіи же нашемъ съ полкомъ на прежніи кварталы въ село Поречье, волость Дворцовая, упражнялись мы по большой части въ обученіи экзерциціи, въ строеніи канюшенъ и въ прочемъ что до исправности полка потребно было и въ томъ провели время до зимы.

А въ наступившую зиму отпросился я у главнаго командующаго дивизіею генерала на четыре мѣсяца въ домовую отъпускъ, и поехалъ съ моею супругою взявъ съ собою и маленька нашего сына въ Новую Сербію къ тещѣ моей, какъ она о томъ ко мнѣ писала и просила чтобы къ ней приехать.

Ехали мы тогда по худой дорогѣ, были снега, ветри и морозы великіе, почему и езда не могла быть носнешна, напоследокъ съ

трудностью доехали на Днепръ въ городъ Кременчугъ, тамъ не много докормя лошадей намерены были поспѣть на ночь въ шанецъ Криволоски гдѣ и домъ тещи моей есть, а что рѣка Днѣпръ предъ нашими туда приездомъ дня за три замерзла и людъ весьма голокъ былъ, то поспасаясь я каретою и шестмы лошады по лду ехать, а ваявъ тамо въ городъ Кременчуке у знакомова челоуѣка саны съ одною лошадою, чтобъ супругу мою съ маленькимъ синомъ чрезъ реку лдомъ провезти, а карета шла за нами порожая на пары лошадей а другихъ въ слѣдъ водили въ рукахъ, и преехавши чрезъ рѣку благополучно, зачавъ слуге закладивать лошадей въ карету чтобъ ехать, въ тотже часъ надъехалъ къ намъ челоуѣкъ знакомой, и узнавъ меня, остановился, сказиваетъ, что теща моя совѣсьмы детмы находилца въ гостяхъ у брата своего тогда бывшаго полковникомъ Θεодора Чорбы въ шанце Крюковскомъ (сей шанецъ лежитъ тутже на берегу Днѣпра въ Новой Сербии разстояниемъ дѣ стороной отъ того мѣста гдѣ я рѣку преехалъ толко версты подторы), и то сказавъ намъ тотъ челоуѣкъ самъ тотъ часъ поварота свою лошадь на коеи онъ седѣлъ поскакалъ туда, чтобъ о нашемъ приездѣ извѣститъ, а мы сие услышавши также тому рады были согласились туда къ нимъ ехать, и покудова лошадей нашихъ заложили, а также и повоски чрезъ людъ въ слѣдъ за нами Днѣпромъ преплы, то между тѣмъ тотъ вѣстникъ туда на дворъ прискакалъ и тѣщи моей о нашемъ приездѣ сказалъ.

Сему извѣстью вся родня обрадовалась, велѣлы скорей позакладивать лошадей въ свои кареты, сѣлы и поехали къ намъ на встрѣчу, мы же какъ скоро тамъ у берега на Днѣпре совѣсьмы увидѣлись и поехали туда къ нимъ, видимъ что две кареты шесторнямы воровъ опоръ скачутъ къ намъ, коихъ узналы что то наши едутъ, оны успѣды и упредилы переехать лдомъ рѣчку Крюковъ на самомъ усть гдѣ она въ Днѣпръ вливаетца, тажъ рѣчка Крюковъ на томъ мѣстѣ состоятъ шириною саженьи до сорока притомъ и глыбока.

Я какъ увидѣлъ что тѣ кареты ужъ и чрезъ рѣчку къ намъ навстрѣчу скачутъ, то остановился я и слѣзъ изъ кареты своей, что тажъ и оны, зѣблady и повиходилы, а то были полковникъ Адабашъ, а дядя супруги моей полковникже Θεодоръ Чорба и шуринъ мой подполковникъ Іванъ Дмитриевичъ Хорватъ, обнялись мы руками и привитались между собою радостно, на тожъ время въ слѣдъ за нами и теща моя на своей каретѣ поспѣла и остановилась на той сторонѣ речки, слезла также изъ кареты и дожидаетца насъ.

Въ тотже день было очень холодно и морозъ великъ, почему супруга моя и не выходила изъ кареты, потому мы не бавившись поехали далѣ, первѣе поехали чрезъ речку тѣ обе прежнія кареты, а позады ихъ пошла моя, за кою я съ шуриномъ моимъ чрезъ ледъ шли пешкомъ, а какъ на самой срединѣ наступила моя карета то подъ нею вдругъ провалился ледъ и всѣ шесть лошадей стали топытца, фореиторъ едва могъ ухватитца за ледъ руками и съ нудю вылезъ наверхъ, кучеръ тоже здѣлалъ, а лошады въ такой холодной водѣ были долго, напоследокъ упутавшись въ шоры подавились всѣ шесть, карета жъ моя какъ подъ нею ледъ провалился то повалилась бокомъ въ воду, счастье только къ спасенію осталось въ томъ, что заднѣе левое колесо на верхъ льда еще несколько держалось и карету не могла вода понести подъ ледъ, а также и то пособило много что кучеръ поспешилъ съ фореиторомъ и достали отъ мертвыхъ переднихъ лошадей мунштучные поводя и удерживали, что лошадей не понесла вода подъ ледъ а какбы ни то, то ужъ былбы конецъ всему и спасеныя никакова не могло бы быть.

Таперъ разсуждай мой читателю, каково мнѣ въ тотъ несчастливой часъ было, видя вдругъ предъ глазами погруженую свою супругу съ маленькимъ нашимъ сномъ въ водѣ и подъ лдомъ утопающихъ, не было то мнѣ ударъ жестокой и большъ еще пражняго, что такимъ же несчастливымъ случаемъ и первую свою супругу и сына потерялъ и были жертвою такой горкой смерти, а нинѣ тоже довела была жестокая моя судьба чтобъ пострадать; о горѣ мое въскричалъ я увы мнѣ какое сие несчастые, на тотже часъ какъ ледъ провалился зделалось чрезвычайно великая трескотня и ланине большими кусками льда и предъ самими моими ногами какъ я изъ каретою шолъ учинилась пропасть и вода наверхъ выскочила и по-лыло меня по самыя колена, и какбы только еще адынь шагъ въ воду было зделалъ тобы и я въ тую же пропасть въвалился.

Карета моя стала тонуть превалъная бокомъ въ воду и маю что ее видно, то я видя такое нечаянное несчастье, подскочилъ на одинъ большой кусокъ льда съ коего шагнулъ и сталъ на дрогѣ отъ кареты въ водѣ поколена, отворилъ скорѣя каретные дверцы конушъ погружены были водою и почти мало видни, увидѣлъ мою супругу какъ она окутавшись въ шубѣ и въ платѣ не могла скоро съ бросить того съ себя, то и лежала она на ту сторону, куда карета повалилась и погружена вся въ водѣ, въ крайнѣмъ безъсилыи, кою сочелъ я ужъ не живой быть подхвата я ее за руки вытаскалъ вонъ изъ

воды, она повалилась на лду вѣместо мертвой, адно что залила ее вода а друго что жестоко испужалась и вся облыдила отъ той великой стужи и мороза.

Сина же моего маленкова подхватылъ братъ супруги моей изъ рукъ отъ кормылицы, котораго живымъ не считалы, и поспешили екоряе его внести тутже на берегъ Днѣпра въ состоящую караулню къ огню, куда и супругу мою на рукахъ тоже принесли, и въ той караулнѣ собралась вся наша родня, гдѣ вѣместо радости претворилось все въ жалость и плачь, хотя селение того шанца Крюковскаго и домъ брата тещи моей отъ туда не далѣе полуверсты состояло, но ехать съ того места были не всостояни, а принуждены въ той караулнѣ провести время болѣе двухъ часовъ, адно чтобъ отгрѣтца а друго покудова принесли чужое платье и преодѣтъ супругу мою, она лежала на землѣ при огнѣ въ той караулнѣ съ часъ места совсѣмъ безъ памяти и не могла ни сматерью своею и ни скѣмъ говорить ни одного слова, такой страхъ было ее обнятъ и при томъ и замерзла, на послѣюкъ едва на ноги вѣстать могла, а сина моего маленкова поварачивалъ на рукахъ при огнѣ совсѣмъ ослабевшаго, и толко что въ нѣмъ пиханье примечалы а потомъ сталъ плакать.

Мы всѣ потомъ сѣлы въ кареты и поехали въ домъ брата тещи моей полковника Феодора Чорбы, возблагодаря Бога за спасеніе отъ такова несчастья, однакъ супруга моя заболѣла и целую недѣлю пролежала покудова съ своимъ здоровьемъ собратца могла.

Каретажъ моя по наступившему уже вечеру, хотя народъ изъ селения и собрался помогать и принесли разные деревья, шосты и доски, однако нельзя было того вечера ни чего болѣе здѣлать окромѣ толко что успѣлы привязать за то заднѣе колесо, которое еще на лду, переложивъ чрезъ пролубину долгое дерево упуталы около онаго веревками и такъ оставили чрезъ ночь со всѣмъ моимъ экипажемъ въ водѣ до утра, а на завтрашній день послали людей витаскивать на верхъ льда, мучились люди по той же такой стужѣ почты целой день, ибо въ ту ночь какъ былъ марозъ великъ то и замерзла та пролубина, лодъ новои зделался толшиною на пядень, почему принуждены были рубить людей топорами и мучитца покудова снуждою на верхъ каету подынять могли.

Экипажъ мой въ двухъ сундукахъ съ платьемъ что назадъ каеты привязаны были, то всио препортилось въ водѣ и потомъ унобыть и носить не годилось и брошено.

Мы еще въ томъ Крюковскомъ шанце дня четыре пробулы а потомъ поехали въ домъ къ теще моей въ шанецъ Криловъ, и живу я тамъ уже мѣсяць целый, между тѣмъ дошолъ до насъ слухъ что учинѣнъ о гусарскихъ полкахъ еще и другой штатъ и велѣно формировать изъ Слободскихъ казаковъ на крайне пять новыхъ гусарскихъ полковъ и каждой въ шесть эскадроновъ, а старіе гусарскіе полки по раскасованіи, что остались только два Сербской да Венгерской какъ я прежде говорилъ и было положено въ каждомъ по восемь эскадроновъ, то при сей формираціи велѣно чтобы и тѣмъ быть въ шести эскадронахъ.

Сіи вѣсти я только что слышалъ а настоящаго уведомления еще не имѣлъ, и тако я съ моею супругою прожилъ у тещи моей всю зиму и до положеннаго мнѣ срока домоваго отъпуска, на которое время какъ ужъ весна стала открыватца и дорога чрезъвычайно худа была, чрезъ что тяжелыя возы и каретою никакъ было нельзя въ дорогу пуститца, почему и положили мы чтобы супруга моя оставалась у матери до лѣта, а я самъ налегке поехалъ въ полкъ и спешилъ чтобы на положенной мнѣ срокъ туда поспѣть могъ.

Дорога моя продолжалась съ великою трудностью, дожди съ снегомъ проважали меня всякой почти день и зделалась грязь превеличайшая, отъ чего на некоторыхъ мѣстахъ лошады никакъ нельзя было ехать, а принужденъ былъ въ свои маленькой полукаретокъ воламы ехать и съ такою трудностію едва только что на срокъ поспѣть могъ.

По приездѣ моемъ въ Смоленскъ явился я у главно-командующаго дивизіею генерала порутчика Нумерса, онъ какъ скоро меня увидѣлъ поздравляетъ меня новымъ чиномъ, я съ перва подумалъ что генералъ по ево ко мнѣ всегда доброй склонности изъволить шутить и говорю ему что благодарю васъ за поздравление, но ничего не знаю чтобы я былъ произведенъ, на то отвѣчалъ онъ что такъ и вы де пожалованы именнымъ указомъ въ подполковники въ ново формирующей изъ Слободскихъ казаковъ Харьковской гусарской полкъ, и при томъ сталъ мнѣ еще онъ пресказывать на какомъ основаніи оу тѣхъ вновь формирующихъ негы полкахъ учинѣнъ штатъ, и что въ тѣ полки какъ въ полковники такъ и въ другіе штабъ офицерскіе чины выбраны изъ гусарскихъ полевыхъ и изъ поселенныхъ таковыя и кавалерійскихъ полковъ пробованные достоинствами люди, въ томъ числѣ говорилъ генералъ и вы то участые имѣете, что ея вели-

тво пасъ яко надежнаго афицера тѣмъ чиномъ пожаловать соизволи, и вамде надобно скоро туда ехать понеже ту формирацію можно какъ наискорея предъпринять, при чемъ сталъ генералъ еще и сказывать, что имѣетъ повелѣніе отъ господина вице президента синои коллегій графа Чернышева чтобы препоручить мнѣ изъ Гусарскаго гусарскаго полка два ескадрона для препровождения къ численнѣ въ ново формирующей Сумской гусарской полкѣ.

Сіи вѣсты были мнѣ ужъ настоящимъ извѣстиемъ моего вѣрнаго благополучія и утѣха за всѣ прежніи мои страданія, кои толькое время меня на всякомъ мѣстѣ препровождали, однако еще на мѣстѣ не осталость, а надобно приуготовлять къ разнымъ еще со мною хлопотамъ.

Я на завтрашній день поехалъ изъ Смоленска въ полкъ и пришедши туда засталъ, что уже тѣ два ескадрона отчислены и выданы изъ всего полка подлежащее число людей и лошадей что есть хуже, также и афицеры таковы которыхъ полковникъ не любилъ, какъ до того выбора не было нужды чего говорить, потому что оное на моемъ отъѣздѣ оставалось, а ротные командиры во всѣмъ томъ были ведать, а я принялъ оныхъ въ команду для одного ескадрона препровождения и смотренія надъ ними въ марше.

Таково отъправление продолжалось недели две съ лишкомъ, ибо по тому происходило что полковникъ прменялъ людей и лошадей въ полкъ, я хотя и гдѣлъ на вѣно то съ некоторымъ неудовольствіемъ и могъ сподеватца, что мнѣ съ такими отборками клокотать въ пути будетъ много, и докладывалъ полковнику чтобы того извѣдывать, и что ему изъ того чести не принесетъ ни маю, а болше оставилъ, и не лучшебы было говорить я ему, чтобы отсѣлить ескадрона со всѣмъ съ людми и лошады какъ оны есть, а не такое число людей и лошадей уже дополнить изъ всего полка, какъ таково мое ему напоминаніе не могло въ ухахъ его наигыть, и дождался того что отъ главной командѣ съ великимъ ему говоромъ, и скорбишемъ отъправленія тѣхъ ескадроновъ прислано строгое повелѣніе, почему уже едва изъ своихъ отборкахъ утѣдился и вручилъ совсѣмъ мнѣ иныхъ въ команду съ конныи и пѣхотини.

И какъ мнѣ было по пути маршировать чрезъ городъ Смоленскъ, то не оставилъ я у командующаго дивизіею генерала поруч-

чика Нумерса явытца и тѣ ексадроны на марше ему показать, о нихъ поверхностью видѣлъ, но при томъ однако приметилъ что лошады подь людмы были не такою добротою каковымбы быть должны и узналъ тотъ часъ что то были изо всего полка отъборкѣ, и поиды еще на то адна лошадь ему въ глаза, каторая была немного зачосе, чемъ будучи недоволенъ не умолчалъ сказать что изъ тол можетъ еще послѣдовать затруднение и хотѣлъ было отъ меня имѣть о томъ рапортъ, однако разсудилъ я что сие было бы отъ меня доносомъ и вишло бы на послѣдокъ худие слѣдствій, для чего и не хотѣлъ я въ то вѣступать, а доложилъ генералу что какъ я ихъ въ Сумской полкѣ приведу и тамошны полковникъ осмотритъ, то оны можетъ былъ покажутца ему угодны и тѣмъ мынетца могущее быть затруднение, генералъ по тѣмъ моимъ словамъ оставилъ на томъ и меня удержалъ у себя обедать, а послѣ обеда отъдалъ я въ походную генералскую канцеларую запечатаной ко отсылке на имя Сумскаго полка полковника Ланова рапортъ, коимъ уведомляю его о моемъ съ тѣмъ ексадронамы выступлений и что я нахожусь на марше, и простаясь съ генераломъ помаршировала дакъ, и продолжалъ путь свою къ слободскимъ полкамъ на Украину.

Путь и время было хорошее, марши расположилъ я умереные и раздахи обыкновенные дѣлалъ, при чемъ способъ послужилъ мнѣ на хорошихъ кормахъ поправить лошадеи и довелъ ихъ въ настоящее тѣло, но къ службе годными я ужъ ихъ не могъ здѣлать, повеже большая часть стояла калычъ безъногая и престарелые лошады, о чемъ остаецца разсуждать тому кому оны принадлежать, а таковъ мой трудъ въ поправке сихъ лошадеи былъ мнѣ въ двое болше нежелъ по службе долгъ требуетъ, ибо мои гусаре какъ оны были съборные то и послушаніе ихъ было разнообразно, никто о томъ мыслить не хотѣлъ какбы лошадеи поправить и чтобы ездить на нихъ порядочно, а большъ упражнятца хотѣлы какбы напитокца пьяну, а лошадь привязать где нибудъ и держать ее безъ корму до света и такъ опять сестъ на нее и ехать, а чтобы въ табунъ пущать и чрезъ ночь и на раздихе за ними смотреть къ тому оны съ перва никакъ не соглашались, а еще меньше и афицеры по очереди чтобы въ табунъ итыть и при лошедахъ съ командою ночевать, то такъ много не угодно было что гонениемъ на себя такое дѣло почиталы представляя, что всякъ гусаръ у хазяина травы выпросить и чрезъ ночь прокормить свою лошадь можетъ и темъ де минетца затруднение, что всякой день ловить и пребывать лошадеи, и тому подобные изговор-

ки были, однако на таковы советы не могъ я согласитца, а велѣлъ то дѣлать какъ я залучше нахожу и лошадей на всякомъ ночлеге пущать въ полѣ изыскивая къ пазбе удобные места, чего чрезъ Малую Россію везде было достаточно, при чемъ и афицеръ съ наряженою камандою чтобъ безъ отлучно былъ.

Еще жъ и то на марше бывало, что некоторые афицеры хотѣли по выступленіи каманды съ ночлеговъ оставатца на квартирахъ и приедутъ опосля, а также и гусаре во всякой мымо проежеи деревнѣ чтобъ изъ фрунта въ шинкѣ заехать и оставатца на время а потомбы догонять команду, чего также позволять было нельзя, а еще пушче было имъ то досадно какъ случалось, что за воровство на ночлегахъ и на марше делались обыски и не упущалось за то безъ штрафа, въ какихъ неприличныхъ поступкахъ адножды нашолся адинъ господинъ капитанъ, что вдеревнѣ будучи на раздахе укралъ отъ помещика крепостную дворовую дѣвку, и пряталъ ее несколько дней отъ силкою всегда въ периодъ преодѣтую въ гусарское платье, чрезъ что на томъ ночлеге я и квитанцій получить не могъ, и была за нами погонка, по чему принужденъ я было употребить къ изысканію того другіе средства и найдено, для чего тотъ капитанъ какъ за такову поступку такъ и за грубость ево речей былъ арестованъ и водымъ при ексадронѣ безъ команды.

По какимъ обстоятельствамъ и что войско мое было сперва такъ развратно и къ послушанію несклоно, то принужденъ я былъ самъ оставатца всегда съ некоторимъ числомъ гусаръ на марше въ арьеръ гарде, и остающихъ изъ фрунта по пути гусаръ и по деревнямъ предъ карчмамы пребывать и на томъ мѣстѣ где кто вчемъ найдень, а по обстоятельствамъ и предъ фрунтомъ штрафовать, и тѣмъ мало по мало пришли въ чувство и стали послушнѣе, и ужъ на концѣ было хорошо и спокоемъ, капитану же арестованому (звался Николаи Вуичичъ) чтобъ его не счастливымъ не зделать отдавалъ я команду, но онъ не принялъ угрожая, что я его арестовать могъ, а команду будто власти я не имѣю ему дать, и что онъ признавая себѣ то за обыду еще по команде просить хочеть, на чемъ предалъ я его волѣ и состоялъ въ марше даже до мѣста волонтеромъ безъ саблы.

Приблизившись уже я къ городу Сумамъ, гдѣ и того полка штабъ квартера быть назначена, куда послалъ я за два дни прежде отъ себя нарочнаго и далъ о томъ полковнику Ланову знать, почему онъ чрезъ тогожъ моего нарочнаго уведомляетъ меня, что находытца

проездомъ въ городъ господинъ генералъ (тогда бывшій аншефомъ) графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, и что онъ желаетъ тѣ ея экскadroны видѣть, для чего графъ и отъ поездки своей поудержалъ нарочно, и требуетъ Лановъ чтобы я на послѣ завтрашняго день могъ въ городъ Сумы предъ полдень поспѣть.

Я получа уже на послѣднѣмъ ночлеге таково отъ него извѣстіе поспешилъ всю то исполнить чего онъ требуетъ, по утру рано всталъ я до света приказалъ чтобы люди были въ подлежащемъ убранствѣ и чистотѣ и осмотревъ оныхъ помаршировалъ, я подѣлавъ подѣлавъ подѣлавъ городъ остановился, послалъ афицера къ полковнику да о томъ ему знать.

Полковникъ Лановъ прислалъ ко мнѣ своего адютанта котораго повелъ меня съ тѣмъ экскadroнами въ ту улицу на коей графъ квартирою стоялъ, и приближавшись къ тому месту приказалъ я экскadroнамъ построиться поодино, обнаживъ сабли и трубачи стали играть маршъ.

Графъ услыша что я ужъ марширую выполь на улицу и экскadroны на марше видѣлъ, я и афицеры отдавали саблями честь и проплы, а мало погодя бѣжитъ одинъ унтеръ афицера посланной отъ полковника объявляетъ мнѣ что графъ меня спрашиваетъ, я велѣлъ экскadroнамъ маршировать къ тому месту гдѣ имъ квартиры назначены, а самъ поехалъ къ графу, подавъ ему рапортъ, графъ принялъ меня очень ласково, говорилъ со мною долго спрашивалъ обо всѣмъ, и велѣлъ мнѣ у него остатца обѣдать, посадилъ меня возлѣ себя и почти во все время за столомъ со мною говорилъ.

Послѣ обѣда графъ ни мало не бавылся поехалъ въ свою доктору, а потомъ пошелъ я съ полковникомъ на его квартиру и подаю ему о состояніи въ тѣхъ экскadroнахъ людей и лошадей рапортъ, и на томъ тотъ день прошолъ.

На завтрашній день поставилъ я экскadroны въ строй, пошелъ къ полковнику, подавъ ему именное о людяхъ и о лошадяхъ списки, а о вещахъ табель; полковникъ тотъ день смотрѣлъ экскadroны приватно и только одною поверхностью и оставилъ настоящи свои смотрѣ до утрешняго дня и велѣлъ экскadroны распустить по квартирамъ, а меня и всѣхъ офицеровъ просилъ къ себѣ.

Я идучи съ полковникомъ улыщею доложилъ ему, что у меня при командѣ есть одинъ арестованной капитанъ и пресказалъ выну онаго

и что давалъ я ему по преждѣмъ командованые при ексадронѣ, но онъ не принялъ, для чего говорилъ я полковнику вы можете решить мне дѣло какъ изъволите.

Лышь толко что мы съ полковникомъ въ квартиру его пришли, онъ объ афицерахъ кои тутже съ нами пришли зачалъ спрашивать, кто въ какомъ чинѣ состоитъ и я о томъ ему показываю, ажно и о томъ капитанъ Вуничъ и скоро вондя въ покои подаетъ полковнику челобитную, полковникъ принялъ оную и видя его безъ сабли спрашиваетъ меня кто онъ таковъ, на что сказалъ я что онъ есть тотъ капитанъ о коемъ я вамъ давеча докладывалъ, котораго я на марше арестовалъ и потомъ давалъ ему каманду, но онъ не принялъ, и таперъ онечно подаетъ о томъ къ вамъ прозбу, и когда такъ говорилъ полковнику что онъ прозбу заноситъ и не былъ доволенъ моимъ предельнымъ, какъ я намеренъ былъ оставить его выну безъ дѣдствия, то ужъ принужденъ таперъ я объяснить вамъ въ присутствии его самого и предъ всѣми здесь предстоящими афицерами по какому резону онъ былъ арестованъ, и пресказалъ обстоятельно продержзость его дѣла.

О семъ какъ полковникъ Лановъ выслушалъ а также и поданную челобитную прочелъ, не говоря болѣе ничего, отъдаетъ капитану челобитную назадъ и говоритъ чтобъ онъ шолъ куда хочеть просить, а места ему въ полку нѣтъ и высылалъ его изъ горницы вонъ, а потомъ вскоре самымъ дѣломъ полковникъ его изъ полка выгналъ, и на томъ кончилось.

По утру полковникъ Лановъ смотрѣлъ ексадроны формою своего приема, первое делалъ прекличку людямъ, а потомъ по списку лошадей смотрѣлъ, а за тѣмъ и всю амуницію, карабины, пистолеты, и сабли пребыралъ въ тонкость и смотрелъ всякую вещь, и въ тотъ часъ приметилъ что всено то было изъ полка Сербскаго и выбрано что есть похуже, а не такъ отъправлено какъ указомъ военной коллегїи предъписано, къ чему въ доказательство повторилъ полковникъ людямъ прекличку и спрашивалъ всякаго человѣка какихъ ротъ оны въ полку Сербскомъ состоялы, также и о лошадяхъ спрашивалъ люди въ какихъ ротахъ оны служилы, о чемъ и открывалось какъ оно въ самомъ дѣле было, и не бывъ тѣмъ доволенъ объявлялъ, что онъ о томъ не оставитъ донести главной команде.

И по значе сихъ ексадроновъ забавился въ городѣ Сумахъ еще два дни, а потомъ поехалъ въ свои Хартовской полкъ, куда при-

бывши явился къ своему новому полковнику Николаю Ивановичу Чорбе, онъ былъ мнѣ очень знакомъ, а сверхъ того состоялъ я съ нимъ и въ свойстве по матери супруги моей, она была ему родная племянница, почему и радъ былъ много что я къ нему определенъ, и любилъ меня отменно, а напротивъ того и я съ моей стороны и любилъ и почиталъ его какъ долгъ велить, и жили мы очень согласно, для чего послалъ я, въ тое жъ время моего въ Харьковъ приезда, въ Новую Сербыю за моею супругою какъ она находилась тамо у матери.

Мы оба я и мой полковникъ вѣзались какъ сказать обеими руками за формированные того новаго нашего полка, людей же получили мы на первой случай изъ бывшаго Бѣлого Слободскаго гусарскаго полка, которой былъ въ недавнѣ и предъ концомъ Прусской войны уформированъ изъ сихже казаковъ, только на образецъ чтобы усмотреть каковъ изъ ныхъ къ службѣ прокъ быть можетъ, для чего и определенъ былъ въ Москву на некоторое время для разъездовъ при палыціи, а потомъ раскасованъ и люде разъпределены къ сямъ новымъ пяти полкамъ отъкуда кто былъ жителствомъ, каковыхъ въ нашъ полкъ прислано только шестьдесятъ человекъ, а къ тому еще получили мы по сходству положенаго по цветамъ мундира, изъ бывшаго Шватчекова желтаго гусарскаго полка два ескадрона, къ коимъ уже въ добавокъ до полнаго шести ескадронаго комплекта набирали мы рекрутъ изъ казаковъ сей нашей Харьковской провинціи, изъ людей такихъ, кои предъ тѣмъ изъ давнихъ вековъ состояли казаками и почитались ни къ чему не способными, а особливо въ бывшую Прусскую войну, будучи сіи казаки при армыи по ихъ слабосты службою ни мало себя не оказали, а также что оны предъ тѣмъ своими жилищами отъ стороны Крымской оставались всегда въ опасности, и самы собою никогда отъпора учинить не могли, по какимъ обстоятельствамъ и принуждено было, по окончаніи той Прусской войны, учинить имъ реформу и претворить ихъ регулярными гусарскими полками, и определить къ нимъ въ полковые командиры, и въ другіе штабъ и оберъ афицерскіе чины некоторое число изъ армыи отъ кавалерискихъ полковъ, а болшую часть таковыхъ изъ иностранныхъ выходцовъ Сербовъ какъ въ армыи состоящихъ, такъ и изъ поселенныхъ отъ Хорвата, Шевича и Прерадовича, людей такихъ, кои были практикованы и знаніемъ службы извѣстны. Названные же сими петымъ слободскимъ новымъ гусарскимъ полкамъ положено именоватьца по провинціямъ, то есть Харьковской, Изюмской, Ахтырской, Сумскою и Острогорской, надъ коими а также и въ разбырателствѣ

и насироуваніи казаковъ і ихъ бывшаго прежде положенія препоручено было главнои инъспекціи до настоящаго уформированія гвардіи: маюру Евдокиму Алексеевичу Щербынину, къ симже новымъ полкамъ именованъ Ея Императорскаго Величества указомъ определены полковныи командиры изъ стараго Венгерскаго въ Изюмской бригадиръ Максимъ Зоричъ, въ Актырской изъ бывшаго Молдавскаго бригадирже Иванъ Подгоричанинъ, въ Харьковской изъ бывшаго Белого Слободскаго полковникомъ Николаи Чорба, въ Сумской изъ карабынерныхъ полковникомъ Петръ Лановъ, въ Острогорской изъ карабынеровже въ полковники Іосифъ Сатынъ, а ктому и другіе штабъ-афицеры, по тому же именовану указу, коихъ военная Коллегія по достойнствамъ и по известности ихъ службы произведены и къ тѣмъ полкамъ помещены, и всѣ сии полки состоялы во всѣмъ въ камандѣ, яко у главнаго инъспектора, у онаго гвардіи маюра Щербынина, каторой по прибытіи къ намъ квартиру свою взялъ по средине дистанціи сихъ провинціевъ въ городѣ Харковѣ.

Въ полкахъ содержаніе положено какъ лошады, такъ и всѣ вещи всію казеное по срокамъ, и афицерамъ жалованые окладное съ рационаны противъ карабынерныхъ полковъ, но съ прибавкою за денщиковъ денгами по тридцати рублей.

И тако мы въ то первое лѣто съ нашею формираціею того новаго полка имѣлы дѣла довольно, покудова изъ провинціи досталы рекрутъ, также и лошадямъ казачимъ кои къ намъ вошлы въ полкъ преборъ учинилы и годныхъ удержалы на службу, а неспособныхъ продалы и денги отъдалы въ казну, а за тѣмъ что до комплекта еще было потребно, посламы покупать, амуницію жъ посламы подрядытъ въ Москву, а сукна на постройку мундировъ принимать отъ камысарната, на чемъ у насъ и лѣто прошло и осень настигаа.

Между же тѣмъ какъ я выше говорилъ что Сумскаго полка полковникъ Ланинъ, не бывъ тѣмы присланныи изъ Сербскаго полка ексадронамы довольнъ, учинилъ прямо отъ себя въ военную коллегію представленіе съ прописаніемъ всего того какъ при приеме оныхъ оказалось, и просилъ дабы повелѣно было съ полковника Текелий всію то възискать и другіе лошады и амуницію годное къ нему доставитъ, или уплатитъ денгами, почему отъ военной коллегіи къ нашему командиру гвардіи маюру Щербынину указомъ предъписано чтобъ изътребовать отъ меня рапортъ, яко я тѣ ексадроны иренроводылъ и былъ въ томъ Сербскомъ полку примеръ маюромъ,

оказавшись и я и дажонъ вникъ подлинно въ то, что въ ескадроны были изъ всего полка сборные какъ о томъ полковникъ Лановъ представляеть, и для чего не такъ исполнено какъ указомъ военной коллегіи, велѣно чтобы отаделить седмой и восьмой ескадроны со вѣсьмъ какъ оны еоть, и по истребованьи отъ меня такова рапорта прислать въ Военную Коллегію онаго въ оригинале.

Такову задачу чтобы решить, какъ я о томъ отъ Щербинин-ордеръ получилъ, было мнѣ великою тягостью, а болѣе тѣмъ ежели по справедливости написать какъ оно есть, тобы конечно Текелій не обошелся безъ великаго отвѣта и взысканія и било бы весьма чести его вредно, ибо полковникъ Лановъ точно право имѣлъ просить, и опять съ другой стороны разсуждалъ я ежели со вѣсьмъ на криво и не справедливо мнѣ въ своемъ рапортѣ написать и закрыть, а опосая дошло бы до сѣдствія, то бы тѣмъ можетъ быть подвергъ я себя какому либо болше затрудненію, для чего положился писать что называется дѣло пополамъ и на удачу, чтобы Текелій учинить обьясненіе, а себя также окраиить и написалъ рапортъ слѣдующаго содержания, между прочимъ:

Что на то время, какъ велѣно было указомъ военнои коллегіи объ отправленіи изъ Сербскаго полка сихъ ескадроновъ, меня при полкѣ нбыло — а былъ въ отлучке, а какъ я въ полку прибылъ и узналъ что произведенъ подполковникомъ въ сеп Харьковскомъ полкѣ, и засталъ что уже тѣ ескадроны были въ готовности къ выступленію и дожидались толко моего прибытія какъ велѣно было мнѣ ихъ проводить, то и принялъ я оныя не на моемъ отъчотѣ, яко мнѣ до внутренности ихъ состоянія дѣла не было, а ведалы о томъ ротные командиры, и я ихъ препроводилъ въ Сумской полкъ такъ какъ оны были уже отъчислѣны, елыко же принадлежить до амуницій ежели оная при сихъ ескадронахъ оказалась не годною то ужъ и вся осталная въ полку Сербскомъ также не годна должна быть, ибо построюкою дѣлалось всио въ одно время въ Москвѣ, и нѣтъ болѣе адного года что на службѣ употреблялась, а лошады весь комплектъ состоитъ изъ ново покупныхъ слѣдовательно и тѣ остальные въ полку Сербскомъ не лучше сихъ, что при ескадронахъ въ Сумской полкѣ пришли.

Однако я втомъ моемъ рапортѣ умолчалъ о томъ, что за покупкою лошадей посланъ былъ отъ Сербскаго полка на Донъ капитанъ Пащяношъ и приведши оныхъ оказались полковнику Текелію не годными и представилъ на капитана въ военную коллегію за что капи-

быть разбиты въ ряды, а лошади остались въ полку, и въ числа коней отчислено потому большая часть въ сиверскій полкъ.

А капитанъ пострадалъ напрасно, и единственно думаетъ что онъ полковника Текеля по своему убожеству угостить не могъ, какъ тотъ, осмотръ лошадей чинилъ въ отдаленой деревнѣ и полковникъ возвратился безъ обѣда назадъ, то осердился онъ за то злѣйшаго сего капитана несчастливый и въ такомъ безгласномъ осторожнѣйшемъ и думаетъ свое кончилъ.

Таковъ сочинѣнной мною рапортъ подавъ я нашему командиру гвардій майору Щербинину, котораго и отприсланы въ военную коллецію въ оригинале, почему уже послужилъ Текелѣ участіе что осталось на томъ.

Черезъ наступившую зиму того нашего зачала формированіемъ сего новаго полка успѣвали мы построениемъ мушкетеръ и обоза, и приготавливали съ поспешностью о всѣхъ что только до исправности было потребно, а на весну зачали по ексадрону въ своихъ еще квартирахъ обучать людей действовать ружьемъ и приводить ихъ къ познанію экзерцицій, на чемъ продолжали и устроивали чрезъ всю зиму и на томъ и зима прошла.

Май мѣсяцъ первыхъ чиселъ 1765-го года показалъ намъ время веселого и трава землю покрыла, для чего получили въ полки повелѣніе чтобы выступить въ своихъ провинціяхъ въ лагерь, и зачѣмъ настоящимъ порядкомъ обучать полки военной экзерцицій.

Полкъ нашъ Харьковскій взявъ свои лагерь при местечкѣ Валахѣ, и лагерь былъ учрежденъ великолѣпно со всякими потребными выгодами, гдѣ и продолжали учение чрезъ целое лѣто конной и пѣшой экзерцицій, и строилъ целымъ полкомъ дѣлалъ по три раза въ неделю, а между тѣмъ по ексадрону обучались на чемъ продолжали до самой осени, причемъ понесли труда много покуда въ точное совершенство полкъ привести могли, а потомъ понадеявшись о себѣ что не постыдно намъ будетъ показать полкъ главному командиру господину Щербинину, онъ у насъ въ лагере еще не бывалъ и смотрѣвъ полкамъ не дѣлалъ, а оставался въ упражненіи по прочимъ принадлежащимъ по его комисіи дѣламъ въ своемъ квартирѣ въ городѣ Харьковѣ, то согласились мы съ полковникомъ нашимъ Николаемъ Ивановичемъ Чорбою, чтобы отозвать къ Щербинину рапортъ и доложить что Харьковскій полкъ есть исправностью со-

лошады отъ скачки а особливо въ атаке весьма были загрѣлькѣ и кѣна ихъ обняла, то онѣ какъ увидѣлъ сожалѣя объ нихъ хатѣлъ было наше ученые сократить, повторая свое удовольствіе и сѣнявъ въ головы свою шляпу кричить голосомъ, благодарить всему полку упоминая что наши труды принесли отечеству вечную славу, а де тѣо вижу не оставлю засвидѣлствовать предъ лицомъ Ея Императорскаго Величества, и просить полковника чтобъ полкъ въ лагерь отпустить.

Мы было отъ действия поостановились покуда онѣ слова свои говорилъ, и какъ опять потребовалъ что въ лагерь вѣступитъ, то подъехали мы я и полковникъ къ нему, стали докладывать и просить чтобъ зделалъ намъ то удовольствіе и присудствовалбы до окончанія всѣхъ эволюцій, и говоримъ ему что намъ нѣтъ ни какова въ томъ труда и чужелосты и что мы къ тому привыкли.

Онѣ на то согласился и далъ намъ волю, и скакалъ возлѣ насъ, смотрѣлъ уже съ примечаніемъ и дождался коннаго строя конецъ, а по отъданыи ему целымъ полкомъ честь, то еще велѣлъ полковникъ учинить сидя на лошадяхъ изъ пистолетъ бегломъ огонь три раза а потомъ залбъ.

Господинъ Щербининъ думалъ что на томъ ужъ всеи кончилося, однако мы еще представили ему дѣло что конной полкъ болше дѣлать можетъ.

Полковникъ мой, послѣ учинѣнаго на лошадяхъ залба, далъ тотъ часъ съ праваго фланга сигналъ, почему вѣдругъ весь полкъ чрезъ человека осадылъ, а по другому сигналу съ лошадей съѣзды и оныхъ сомкнулы, и выступылъ весь полкъ фрунтомъ подъ ружье, сие учинѣно съ такою скоростью что не болѣе времени прошло какъ минутъ шесть, и зачалы пешую эксерцицію, первѣе приемы, а потомъ на мѣстѣ, и въ приступе и въ отъступе съ палбою производили ученые, что еще болше нашего инѣшпектора въ удивленіе привело, яко онѣ всегда въ пехотѣ служылъ и тверже пешей строи разумѣлъ нежелъ конной, то не толко что похвалылъ, но и предъ пехотою лучшему полку намъ честь приписывалъ, и бывъ всѣмъ тѣмъ доволенъ чрезвычайно, поощждалъ еще не много, хотѣлъ видѣть какъ полкъ опять на лошадей садитца будетъ, о чемъ также по сигналу учинѣно и такою же скоростью какъ и прежде и потомъ помаршировалъ полкъ въ лагерь.

нѣ, и при томъ выговорилъ что онъ не оставитъ куда отъѣзжать о нашихъ трудахъ и хвалить будетъ то, что онъ видѣлъ и нашолъ сверхъ его чаянїя.

И такимъ образомъ кончивши Щербининъ свои инспекторскіе мотры оставилъ намъ на волю на сколько дней еще мы въ лагере атымы быть, а потомъ что полкъ вывести и распустить по квартирамъ, а самъ еще тотъ день погостылъ у насъ и поутру поехалъ въ Харьковъ.

Мы послѣ его отъезда оставались въ лагере еще два дня, поудова полковникъ свои распоряженїя зделалъ, а потомъ вывели полкъ изъ лагера и распустили екскадроны по квартирамъ.

Щербининъ после нашего смотра, какъ ни отъ одного другаго полка о готовности къ смотру рапорта еще не имѣлъ, то и потребовалъ того, и спрашиваетъ господъ полковыхъ командировъ: готовы оны съ своими полками къ смотру, упоминая при томъ съ великою похвалою что уже онъ Харьковскій полкъ смотрѣлъ и нашолъ у ономъ всякую по должности исправность, чего и въ другихъ полкахъ тоже ожидаетъ видѣть, и для того какъ осенѣ время уже наступило, то и намеренъ всѣмъ прочимъ полкамъ инспекторскіе мотры учинить и полки изъ лагерей по своимъ квартирамъ распустить.

Такова отъ инспектора господина Щербинина требованїе не разумѣло отъ всѣхъ полковъ своего действия, а только одинъ бригаиръ Зоричъ что отозвался о исправности своего Изюмскаго полка и то онъ къ смотру готовымъ состоитъ, куда Щербининъ и поехалъ нашолъ исправно, и былъ тѣмъ доволенъ.

После того вскоре отозвался полковникъ Лановъ, что и онъ въ своимъ Сумскимъ полкомъ также къ смотру готовымъ состоитъ.

Надобно же знать что отъ зачала формираціи сихъ Слободскихъ гарскихъ полковъ, съ перва наибольшъ ехо и шло о Сумскомъ полку, даже такъ громко что еще и не выдавши, а ужъ извѣщали го подобнаго ему нѣтъ, и потому и господинъ Щербининъ вообразилъ наитытъ какъ туда приедетъ великіе горы и отъменные какіе иствыи.

Для чего онъ главный командыръ подынялся туда ехать и предъездомъ своимъ пишетъ ко мнѣ письмо уведомляя, что онъ для смотра

Сумскаго полка выехать намеренъ и желаетъ чтобъ я при немъ былъ, я получа сие писмо сочелъ себѣ за честь, что инспекторъ і командиръ для такова дѣла меня удостоиваетъ, поехалъ я къ нему въ Харьковъ, онъ принялъ меня съ отменою ласкою и говоритъ, что де другъ мой я нарочно тебя беру съ собою для смотра Сумскаго полка, какъ оной у насъ первымъ слыветъ, а ты ужъ какъ я видѣлъ знаешь что есть гусарской полкъ, то и можешь примечать противъ вашего полка вчемъ иногда какое несходство состоятъ будетъ, я господину Щербынину поблагодарилъ за ево такие обо мнѣ хорошия мысли, поехали въ мѣстѣ въ его каретѣ въ городъ Сумы куда и поспѣли на третій день.

Однако первѣе показалаь ошибка, что полковникъ Лановъ на встречу ни како не выслалъ и какъ конвой такъ и подъемныхъ лошадей не было, я молчу и ничево о томъ не говорю, однакъ Щербынинъ самъ догадался и сталъ упомынять о встрече полка нашего какая ему учинена, я на сие отвѣчалъ что можетъ быть полковникъ позаблудился дѣлами въ приуготовленіи, а напомнить никому другому не пришло въ голову, и тако мы въехали въ городъ Сумы и стали на квартирѣ у тамошняго помещика Захоржевскаго, куда въ скорѣ къ намъ и полковникъ Лановъ пришолъ и командиру рапортъ подавъ.

Ему приказываетъ Щербынинъ чтобъ на послѣ завтра полкъ былъ въ готовности къ смотру, полковникъ Лановъ побужъ у насъ часъ и другой и потомъ пошолъ на свою квартиру, а при отхождѣ видевшись на дворѣ при поставленномъ отъ него караулѣ со мною, говоритъ мимоходомъ мнѣ, я де желаю всѣхъ другихъ таперъ здѣсь видѣть, но тебя толко адного нѣтъ, осмехнувшись при томъ снялъ шляпу не многу у себя съ головы пошолъ протчъ, мнѣжъ сѣд слова показались дыко; не хатѣлъ я на томъ такъ оставить, поспешилъ за нимъ въ слѣдъ и кличу его чтобъ остановился, что онъ и зделалъ, я говорю ему слушаю другъ мой, а то что ты выговорилъ не понимаю что значить, такъ пожалуй изъясны ты мнѣ въ какомъ разумѣ твои слова были.

Онъ отвѣчалъ приятнымъ видомъ и говоритъ что я сказалъ то правда, и ты толко адынъ послѣ завтра при смотре мнѣ чежесть будешь а о протчихъ я нимаю не думаю, сие ужъ я могъ разумѣть что онъ о смотре своего полка думаетъ и говорю что благодарю васъ дружески за ваши слова, но не сумнѣваюсь чтобъ чего ни есть у

мось могло въ критику войтить, какъ вы, говорю я ему, есте давнѣй кавалеристъ и дѣло коннаго полка вамъ извѣстно, онъ на то отъ- началъ и де ужь догываюсь, что Щербынинъ не напрасно тебя да съ собою взялъ, съ тѣмъ мы разъстались и онъ пошелъ на свою квартиру.

На завтрашны день потребовалъ инъшпекторъ отъ полковника белей о вещахъ и пресматривалъ уровнение сроковъ, а потомъ представлены были оставшие казачіе вещи, кои приказалъ что не го- щность къ употребленію продать и зачестъ денги въ казну, и на томъ тотъ день прошолъ, а въ вечеру прибылъ къ намъ находящійся въ отставке генералъ порутчикъ Софоновъ, какъ онъ отъ города уиъ въ своихъ деревняхъ живетъ и слышалъ о приездѣ Щербынина, то и приехалъ для того чтобъ съ нимъ видѣтца.

Утрешны день назначено быть полку Сумскому смотръ, а время было пасмурное и къ дождю склоно, но однако полкъ поставленъ въ строй, были на то время і изъ другихъ полковъ штабъ афицеры и посторонные люди посѣжались, чтобъ видѣть полковую церемонію, и наиболѣе для того какъ я више говорилъ, что о семъ полку такое разънеслось что нѣтъ подобнаго ему, и на томъ и господинъ Щербынинъ хотя еще ни чево не видѣлъ, однако того же мнѣнія былъ и хотѣлъ жестоко чтобъ на томъ и доказано было.

Полковникъ присилаетъ майора и докладываетъ инъшпектору, что полкъ уже въ строй поставленъ, мы всѣ паехали туда на полъ, и Щербынинъ приказиваетъ мнѣ чтобъ я при немъ не отлучне на- дыся, подъехавши мы къ полку съ праваго фланга и отъдана была честь инъшпектору целымъ полкомъ при трубахъ и лятаврахъ, полков- никъ подскочилъ, подаетъ рапортъ и проводитъ чрезъ шеренги инъшпектора, я тутъ первую ошибку видѣлъ что шеренги криво стоялы и фигура полка несколько показалась дугою, однако на томъ осталось, и приказалъ инъшпекторъ чтобъ полкъ начиналъ ек- сцерцицію.

Полковникъ командуетъ задние приступы и нашелъ позводно, но съ перваго шага наши ужь не такъ а были на поворотахъ въ нездѣ ошибки, люди не ровно заежались и вытеснялись изъ шеренегъ, иные заежались скоро, а другіе тихо и тѣмъ тѣрялы свою дистанцію, и далъ то такъ происходило и въ другихъ маршахъ разнообразно тѣмъ много видѣ строя портало.

Я примѣтилъ что инъспекторъ несколько не доволенъ и говорить тихонка мнѣ, нѣтъ другъ мой я не те вижу, хоть ты и молчишь и мнѣ ни чего не говоришь, какъ у васъ что было; тогда самое время какъ марши и движеній полкъ началъ дѣлать, начал по немногу дождикъ итти, и правда что люди и офицеры обмочились, то и отвѣчалъ я на слова Щербынина приписывая не способность эксерциій мокрому времени, а впротчемъ говорю и ему полкъ дѣлаетъ хорошо, послѣ сихъ маршовъ пришло дѣло атаку производить и пустился весь полкъ цѣлымъ фрунтомъ въперёдъ бѣжать, тутъ ужъ большъ всего дурно было что люди съ лошадей падали и вытеснивались изъ шеренгъ позады кучама и являлись разстроены фрунта, а при томъ надо было и тѣхъ людей поднимать коня съ лошадей попадали, и дѣло пошло совсемъ конфузно, Щербынинъ, не бывъ тѣмъ доволенъ я не дождавшись конца и ниже слова не говоря, поворотилъ свою лошадь и я за нимъ оставивъ и полкъ и всѣхъ протчихъ зрительей тамъ на полю, поехали въ городъ на свою квартиру.

Тотъ день былъ столъ у полковника, обѣдали всѣ за однимъ столомъ и собранные было большое, однако Щербынинъ мало алъ и говорилъ а большъ молчалъ, и полковнику ни худое ни доброе слово не сказалъ и на томъ на то время осталось, а дождъ весь тотъ день и всю ночь шолъ, почему и не можно было намъ быть въ лагере и амунизию смотреть.

Къ вечеру просить генералъ поручикъ Софоновъ Щербынина, какъ онъ ему давно знакомъ, чтобъ къ нему поехать въ гости, сей господинъ узналъ и меня а и я его, ибо въ то время какъ я при дворе былъ, то и онъ тогда при дворе же былъ камеръхеромъ, и просить меня и всѣхъ протчихъ къ себѣ въ деревню.

Щербынинъ не хотѣлъ было на то согласиться, какъ домъ Софорова верстъ за пятьдесятъ въ сторону состоитъ, то по дальности и при томъ что здѣлалась грязь и худа дорога, а болѣе всего еякувался Щербынинъ что спешить и въ другихъ еще полкахъ смотрѣчинить, однако генералъ Софоновъ не оставилъ своею провбѣ и убѣдилъ Щербынина тѣмъ, что привелъ къ нему на дворъ болѣе дватцаты своихъ лошадей и кареты, и просить неотъступно всѣхъ чтобъ къ нему поехать, почему на послѣдокъ и согласился Щербынинъ и поехали.

Мы того не знали что генералъ Софоновъ еще другихъ на половини дороге емчицкихъ лошадей поставилъ, а думали что только

и адѣйны лошады ехатъ будемъ и что разве къ вечеру туда къ намъ на домъ поспѣемъ, однако лышъ изъ города выехали то езда наша такъ поспѣшна была, что на половину дороги съ не большимъ два часа поспѣлы, и выдимъ изъ далы что при дороге палатки вытѣе стоятъ и лошадей много, намъ то показалась что какая нибудь команда маршируетъ и тамо были лагеремъ на томъ чистомъ мѣстѣ, а Софоновъ сидитъ съ нами въ каретѣ и слышитъ что Щербининъ и я говоримъ и разсуждаемъ о томъ лагере, но не говоритъ ничего, покуда карета наша не подъехала къ той при дороге стоящей палатке и тамъ остановилась.

Мы то еще не знаемъ что сие значить, а какъ изъ палатки вышли лакеи одѣтые порядочно въ ливреи и подошли къ каретѣ и двери стали отъворять. тогда Сафоновъ проговорилъ: мылости прощайте на припуты отъпочинуть и закусить хлебъ и соль, покуда лошадей въ кареты подыпрягутъ.

Намъ всѣмъ показалось такая встрѣча какбы нѣкакое во снѣ видѣніе, что нечаяно въ поле и на чистой степѣ нашли такое обиліе, и столъ подъ палаткою великолѣпно съ сребреною посудой поставленъ, на коемъ блюды десяткомъ холоднаго жаренаго и варенаго приуготовленъ да водокъ разныхъ, кофе и чаю, все то подано, и кто чего хатѣлъ за то и принимался, между тѣмъ сказано было, что ужъ на дворе кареты готовы и дожидаются чтобъ ехать.

Мы всѣ сѣлы и поехали еще жесточее нежелъ что съ утра сего, поспѣлы въ деревню къ Софонову въ первомъ во исходѣ часѣ, и тамъ ужъ настоящи обѣдъ готовъ и столъ надкрытъ, на коемъ все посуда вся была сребро.

Обѣдъ приуготовленъ былъ со вкусомъ и порядочно, для чего мы пораструсилысь ездою, то и не могъ никто изъ насъ пожаловаться что апетита не имѣлъ.

Послѣ обѣда сѣлы забавлятца въ карты, а потомъ пришла музыка и певчіе, хозяинъ нашъ былъ вдовецъ, имѣлъ две дочери дѣвочки еще въ молодыхъ лѣтахъ, при коихъ была молодая французинка компанейницею, а при томъ и управительницею въ домѣ, мы изъ себя стали съ ними танцовать и проводить вечеръ весело, другіе сидѣлы и смотрѣлы.

Я какъ большъ охоту имѣлъ къ танцамъ нежелъ къ игрѣ карточной, то и забавлялся въ танцованіи, при чемъ вижу что Щербининъ

нинъ сидя въ сторонѣ съ хозяиномъ и съ другими гостями и нѣтъ съ полковникомъ Лановымъ какъ и онъ тутъ съ нами присекалъ говорить, да словами противъ него горячитца и громко кричить, чего не могъ я дослушитца о чемъ оны говорятъ, ибо шумъ отъ музыки то заглушалъ, для чего оократыль я танецъ и пошелъ туда къ нымъ, чтобы послушать о чемъ оны спорятъ и какой разговоръ имѣють, и узналъ что Щербынинъ Ланова полною будучи на смотре не доволенъ, какъ одослѣ мнѣ изъ чего у нихъ тотъ разговоръ зачался пресказано, а то было причиною, какъ балъ открыли и зачалъ я танцовать, то хазяинъ господинъ Софоновъ яко человекъ бывши долго при дворе и всѣ чины тамо происходилъ отъ паки даже до камеръхера, и вотъставку пашолъ генѣраломъ порутчиномъ зная меня еще прежде, то и тогда въ ево доме какъ я сталъ танцовать смотрѣлъ онъ на меня и говорилъ съ Щербынинымъ, похваля что хорошо я танцую и пресказывалъ какъ давно онъ меня знаетъ, и что въ бытность мою при дворе всѣ господа меня любили, на тѣхъ слова отвѣчалъ Щербынинъ также меня похваляя и говорилъ, что де сей человекъ есть всякой похвалы достоинъ, онде своимъ введениемъ заставляетъ всякаго человека себя любить и не доволю того какъ вы говорите, что онъ хорошо танцуетъ, но и всѣ дѣла ево и по службѣ хорошия, когдабъ вы говорилъ Щербынинъ къ Софону видѣлы какъ похвално онъ съ своимъ полковникомъ Чорбою изъ Харьковской полкъ устроили и привели во всемъ въ совершенство, котораго я въ недавнѣ смотрѣлъ и видѣлъ дѣло, каково желалбы и также видѣть и въ другихъ полкахъ.

На тѣ Щербынина слова вступыль полковникъ Лановъ своимъ отвѣтомъ и выговорилъ, что де думаю я полки должны быть всѣ ровны своимъ знаньемъ, но я говорилъ Лановъ не счастливъ что вы при смотрѣ моего полка ни какой намъ благодарности не приписали.

На сіи Ланова слова Щербынинъ воспламенился и сталъ слышнѣе громко говорить и кричать какъ я више упомянулъ, и какъ на тотъ часъ къ нымъ подошелъ засталъ ужъ Щербынина осердившагося и говорить Ланову сіи слова.

Вотъ видишь я тебѣ предъ людми таперъ говорю, что ты до сего времени отъ зачала формированыя своего полка толко что хвостатъ умѣлъ, и я надѣялся что ты чего нибудь отъменное покажешь, аднакъ при смотре ни чего я у тебя хорошаго не нашолъ, тебѣ до

не надобно итить, указывая рукою Щербынинъ на меня, вотъ къ мѣ въ Харьковской полкъ учитьца, и тамъ ты увидишь что есть совершенно знающіи полкъ, и порядокъ во всемъ томъ чего служба требуетъ, конимъ я, продолжалъ Щербынинъ, приписываю всякую вѣсть и похвалу и не оставляю и далѣ куда надлежить о томъ писать.

При сихъ словахъ такъ горячо Щербынинъ противъ полковника анова поступилъ, что едва хазяинъ и мы предстоящіе унять могли, ановъ, будучи жестоко такимъ выговоромъ тронутъ и предъ постоянными людьми публично да еще и въ чужемъ домѣ, сочелъ себя за выдуму и сказалъ ежели я заслужилъ съ моимъ полкомъ такой выговоръ, то вы яко инспекторъ могли мнѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ полкъ во орунѣ стоялъ, то говорить а не въ компаніи и на балѣ, и то выговоривъ Лановъ отвернулся пошелъ изъ компаніи прочь.

Мы сочли что онъ только изъ досады пошелъ на квартиру, кою съ имѣлъ поблизости на другомъ дворѣ, и потомъ какъ ужьинъ на полъ поставили послалъ хазяинъ за нимъ попросить къ столу, но въ его не застали, онъ тотже часъ скоро на квартиру пришелъ, взялъ емщика въ кибитке уехалъ, но не въ полкъ а въ городъ Глуховъ къ господину генералу тогда бывшему аншефомъ графу Петру Александровичу Румянцову, яко Лановъ прежде у Румянцова былъ генералъ-адъютантомъ, и видно что для того туда поехалъ чтобъ о случившемся ему пресказать.

Хазяинъ нашъ будучи много нашимъ къ нему приездомъ довольнъ і что упросилъ Щербынина и всѣхъ насъ, чтобъ еще дня два у него остатца и погостить, на чемъ едва могъ нашъ хазяинъ нишаго Щербынина склонить, понеже онъ еще хатѣлъ ехать и другіе полки смотрѣть, и тако отъклонясь мы нашему доброму хазяину поехали, однако Щербынинъ сколько ни спешилъ чтобъ еще италные два Ахтырской и Острогорской полки осмотрѣть только не могъ предупредитъ, ибо наступила осень и дожди непрестано всякій день шли для чего и велѣлъ лагирь распустить, а мы поехали прямо въ Харьковъ, куда и я ево проводилъ а потомъ вернулся къ моему полку и на квартиру.

Воображенное мое было, что ужь я въ семъ полку утвердился и побѣ въ наступившую осень и чрезъ зиму до будущаго лѣта остатца делъ трудовъ нашихъ съ покоимъ, и старался только съ моимъ пол-

ковникомъ какбы заранѣе испуыгъ фуражъ и отпралять офицеровъ за покупкою на ремонтъ новыхъ лошадей, что всно и зделано и уны зыма настѣгла, но человекъ не ведущи о будущемъ, и что съ нынѣ еще послѣдовать можетъ и долженъ на всякъ часъ ожидать какихъ нибудъ съ собою премень худыхъ или добрыхъ, для чего и не надобно никогда на свои положены надѣятца, а оставлять должно часть мыслей своихъ на случай судьбы и ожидать что еще она человеку съ собою принесетъ.

Тойже зны будучи на квартажахъ слышимъ мы, что будетъ отпраляюща адынъ корпусъ нашего войска въ походы за границу въ Полскую украину, съ коимъ и гусарской адынъ изъ нашихъ Слободскихъ полковъ назначенъ быть, но настояще о семъ еще узнать было не можно, и указа отъ Военной Коллегіи не было, и потому и оставалось такъ даже до предъ весну, почему и думалы мы что изъ того ничего не будетъ, аднакъ вскоре самымъ дѣломъ сие открылось, и велѣно 1767 года въ февралѣ мѣсеце, чтобъ какъ наискорѣ полкъ Ахтырской съ генераломъ маіоромъ Подгоричаниномъ выступыть, и слѣдовалбы въ Кіевъ гдѣ о дальшемъ маршированіи дано ему будетъ отъ генерала губернатора повелѣніе.

Подгоричанинъ хотя и произведенъ генераломъ маіоромъ, но считался еще того Ахтырскаго полка полковымъ командиромъ, а подполковникъ у него что былъ изъ казачьихъ полковниковъ Бѣрски, тотъ по старосты лѣтъ своихъ взялъ отставку, почему въ Ахтырскомъ полку состояла того чина ваканція.

Для чего при семъ виступленіи Подгоричанинъ отозвался своимъ сообщеніемъ пропысавъ, что онъ яко генералъ маіоръ конечно будетъ имѣть еще какие полки или деташаментъ въ своей командѣ, почему и не достанетъ ему времени по внутренности полка управлять, и должно быть другому старшему по нѣмъ, на кого бы онъ вращеніемъ полка положитца могъ, и проситъ обопределеніи къ нему изъ нашихъ слободскихъ гусарскихъ полковъ подполковника, и притомъ сообщеніи приложилъ Подгоричанинъ къ Щербынину и писмо партикулярное, о чемъ я опосля узналъ, и проситъ именно чтобъ мени къ нему определить.

Я какъ такой командираціи не сподѣвался то и не было у мени къ походу подлежащаго всего еквипажа въ готовности, а вдругъ какъ я получилъ отъ Щербынина ордеръ коимъ пропысывается, что я

въ полкахъ Слободскихъ состою старшимъ подполковникомъ, то и принадлежитъ по старшинству на меня итти съ Ахтырскимъ полкомъ въ походъ, яко въ ономъ полку подполковника нѣтъ, и чтобы я какъ анскорые выступилъ и явился бы у генерала манора Подгоричанина, о чемъ за известные а также чтобы меня изъ Харьковскаго полка выключить и отъправить, посланъ я къ моему полковнику отъ Щербинина ордеръ, а на другой день уже и Подгоричанинъ прилагаетъ ко мнѣ съ нарочнымъ свое повелѣніе, извѣщая о присланіи къ нему отъ Щербинина сообщеніи что я откомандированъ въ Ахтырской полкъ, и буде по короткости времени не успею тотчасъ выступить то чтобы вслѣдъ за нимъ доганялъ полкъ по тракту левскомъ, яко онъ со всѣмъ чрезъ три дня въ повеленой походъ выступаетъ.

Такая нечаяно со мною премена что здѣлалась принесло мнѣ великую печаль, не для того что въ походъ итти, а болѣе тѣмъ что ожидать свой полкъ, въ коемъ я уже привыкъ и много труда понесъ преходить въ чужой безъ ни какова авантажа и понести убытокъ въ исправленіи мундира по цвету и форме того полка, а ктому своего полковника оставить и растатца съ нимъ съ коимъ имѣлъ обовъ велику, и были всегда во всѣмъ согласны, для чего чтобы съ нимъ выдѣтца и преговорить поехалъ я изъ своей квартиры къ нему, і засталъ его весьма печальнаго, сожалѣя о нашей разлукѣ, даже плакалъ какъ меня увидѣлъ, я также будучи тѣмъ тронутъ не могъ съ слезъ воздержатца, упомыная адынъ другому какъ согласны были, хорошо всегда между собою обходились а довелось таперь разгаватца, и говоримъ что естли бы такой походъ намъ обеймъ съ полкомъ нашимъ случился, тобы съ радостью шли и ни мало бы ни чемъ не скорбыли, напоследокъ когда уже пременить нѣчимъ то удобно было повиноватца повелѣнію.

Простились мы адынъ съ другимъ по дружески, приказалъ онъ состоящему у меня въ командѣ капитану принять екскадронъ, что совершивши поспешалъ я поскорѣе исправитца сколько можно было а скорую руку успѣтъ, і выехалъ февраля месеца дватцать шестого дня.

Я какъ обо всѣмъ сего моего сочинения обещаю самую истину говорить, то и хачу о свойстве и поведеніи полковника Николая Ивановича Чорбы здѣсь упомянуть, что онъ во первыхъ былъ во всемъ праведливъ и любилъ правду, и былъ совершенной человекъ и воинъ

великъ и знающъ своего дѣла, но толко одно разве въ порокъ сказать что натурою чрезвычайно былъ жестокъ, и то ему несколько вредило, а въпротчемъ не найдется нинто чтооь чего худаго оъ нѣмъ могъ сказать.

По выездѣ моемъ изъ Харьковскаго полка надобно мнѣ было заехать въ городъ Кременчукъ, и преправить чрезъ Дитирь супругу свою и остальной экипажъ къ теще моей въ Новую Сербыю, а отъ-тѣль предъпринялъ я путь свою къ Кіеву, и поспешалъ чтооь догнать Ахтырской полкъ коего уже засталъ я въ Кіевѣ марта демотога числа.

Явился я того же дня къ генералу маиору Подъгоричанину онъ меня увидѣвши весьма радъ былъ, и сказываетъ что чрезъ два дня будемъ маршировать за границу въ Польшу, и что соединимся съ отъраженнымъ корпусомъ; которой также маршируетъ и уже чрезъ границу выше Кіева въ Польшу вступилъ, но что сия экспедиція значить о томъ яко дѣло секретное онъ Подъгоричанинъ еще ничего не зналъ.

На завтрешны день поехали мы оба въ крепость къ генералу губернатору Воейкову, а сего господина въ первое тогда имѣлъ честь видѣть и здѣлатца ему знакомымъ, онъ принялъ меня ласково и приятно, разговаривалъ со мною по немецки, и нашолъ я ево весма и на всѣ языки учонаго человѣка, но несчастье его (къ чему въвезенъ долженъ быть подверженъ) что онъ былъ старъ лѣтамы, то потому и не въмодѣ состоялъ какъ обыкновенно о старыхъ людяхъ разсуждаютъ и скоро человѣкъ зайдетъ лѣтъ за пятьдесятъ тотъ уже и не годитца, и критикуютъ малодые ветреныи и что не такъ старики выступилъ, не такъ одѣтъ, не то говорить, и тому подобное, такіе думки о старыхъ людяхъ въселялись по несчастью во многихъ господахъ, а не воображаютъ въ себѣ что и самы такими же будутъ, и не хотятъ помыслить что старому человѣку а паче заслуженному какъ по лѣтамъ такъ и по службѣ, его должно и надлежить честь и почтеныя воздавать, о чемъ скажу я что старей и практикованой воинъ заслуживаетъ всегда похвалу своего имени, отъ коего всякой молодой вступивши въ службу рекрутъ яко еще слѣпой не ведущій ничево долженъ отъ добраго стараго салдата принимать науку и повыноватца его наставленію, а не полагацца на книжку носимую въ карманѣ какъ я таковыхъ много видѣлъ, что изъ книжки новеллы считая что ужъ всеи знаютъ, и командираны вѣдрутъ быть

гать, а въ самомъ дѣлѣ и отъводнаго караула поставитъ не умѣть и тѣмъ попадались въ великіе ошибки, кои прежде ни чѣмъ ишъ не практиковали, а старались болше отъ своего детского возраста какбы за ранѣе успѣвать узнать картижную игру и быть особенъ къ другимъ забавамъ, и по привычке критиковать старшихъ, какъ и того почтеннаго господина Воейкова, о коемъ я и речъ о повелѣ. Мнѣ тогда какъ я выше сказалъ приехавши къ нему уржанъ я былъ при столе обѣдать, довелось слышитъ отъ сидящаго возлѣ меня нѣкоего молодого знакомаго мнѣ челоуѣка каторой лъ ужъ въ чинѣ подполковничѣмъ, критикуя за столомъ разговѣ Воейкова, шептнулъ мнѣ на ухо назвавъ такова достойнаго подына неприличнымъ чести ево именемъ, каковы слова меня ма удивили, на то отвѣчалъ я ему слушаи какбы ты мнѣ неакомъ и не былбы другъ, то бы я тебя за такіе слова разѣругалъ, ѣ ты говорю я ему можешъ и помыслить о томъ и такъ поногъ старость сего господына; онъ потомъ устыдился ексузуя себя ѣ шутѣль.

Послѣ обѣда вѣставши и за стола вошли мы всѣ въ другіе кои, посѣдѣлы тамо еще не много, потомъ приказалъ генералъ-губернаторъ призвать своего секретаря, каторому какъ пришло нѣчто сторонѣ генералъ приказалъ, онъ пашолъ и чрезъ полчаса идетъ задъ и несетъ писмы въ рукахъ, кои генералъ-губернаторъ взявши шолъ сънымъ въ свой кабинетъ, куда потомъ и генерала Подъгоричанина позвали, и небавывшись болѣе какъ четверть часа вымъ Подъгоричанинъ держа вруке свернутую бумагу, а то было порету ордеръ, что ему генералъ губернаторъ далъ съ наставленемъ куда маршировать, какъ я опосля оной читалъ чтобъ слѣдогъ Полскою украиною до местечка Житомира, и тамъ соединитца генераломъ маиоромъ Петромъ Кречетниковымъ, каторой и корпусымъ камандиромъ есть; въ слѣдже за Подъгоричаниномъ вышелъ ѣ кабинета и генералъ губернаторъ, у коего мы отъклонясь помы на Подолѣ на квартиру.

Въ вечеру того жъ дня, объявленъ полку маршъ, почему завшны день выступили и на марше чрезъ крепость смотрелъ генегъ губернаторъ полкъ, и съ тѣмъ тотже день успѣлы выехать за шыцу въ Польшу, гдѣ ночлегъ въ первомъ селѣ взяли и раздахъ гъ учинили, 1767 года.

великъ и знающъ своего дѣла, но только одно разве въ порокъ сказать что натурою чрезвычайнаго былъ жестоко, и то ему несколько вредило, а въпротчемъ не найдется никто чтобы чего худаго объ немъ могъ сказать.

По выездѣ моемъ изъ Харьковскаго полка надобно мнѣ было заехать въ городъ Кременчукъ, и преправить чрезъ Днѣпръ супругу свою и остальной экипажъ къ теще моей въ Новую Сербыю, а отъ-тѣль предпринялъ я путь свою къ Киеву, и поспешалъ чтобы догнать Ахтырской полкъ коего уже засталъ я въ Киевѣ марта девятаго числа.

Явился я того же дня къ генералу майору Подгоричанину отъ меня увидѣвши весьма радъ былъ, и сказываеъ что чрезъ два дня будемъ маршировать за границу въ Польшу, и что соединимся съ отъраженнымъ корпусомъ; которой также маршируетъ и уже чрезъ границу выше Киева въ Польшу вступилъ, но что сия экспедиція значить о томъ яко дѣло секретное онъ Подгоричанинъ еще ничего не зналъ.

На завтрашній день поехали мы оба въ крепость къ генералу губернатору Воейкову, а сего господина въ первое тогда нѣтъ чести видѣть и здѣлать ему знакомымъ, онъ принялъ меня ласково и приятно, разговаривалъ со мною по немецки, и нашолъ я его веселымъ и на всѣ языки ученаго человѣка, но несчастье его (къ чему въсѣкъ долженъ быть подверженъ) что онъ былъ старъ лѣтами, то потому и не въ модѣ состоялъ какъ обыкновенно о старыхъ людяхъ разсуждаютъ и скоро человѣкъ зайдетъ лѣтъ за пятьдесятъ тотъ уже и не годится, и критикуютъ малодушные и что не такъ старикъ выступилъ, не такъ одѣтъ, не то говорить, и тому подобное, такія думки о старыхъ людяхъ въселялись по несчастію во многихъ господахъ, а не воображаютъ въ себѣ что и самы такими же будутъ, и не хотятъ помыслить что старому человѣку а паче заслуженному какъ по лѣтамъ такъ и по службѣ, его должно и надлежитъ чести и почтеніе воздавать, о чемъ скажу я что старому и практикованному воину заслуживаетъ всегда похвалу своего имени, отъ коего молодой вступивши въ службу рекрутъ яко еще сдѣланъ не вѣдущій ничево долженъ отъ добраго стараго саванта принимать напутіе и повиноватца его наставленію, а не полагать на кинжалъ пошлую въ карманѣ какъ я таковыхъ много въ войскахъ имѣлъ, что въ войскахъ воевалы считая что ужъ все знаютъ, и командирамъ въ...

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Съколы великую тягость трудовъ въ жизни своей челоуѣкъ перенести можетъ, и какъ ничто не возпрепятствуетъ въ томъ что кому быть назначено.

Я въ первыхъ двухъ частяхъ сей моеи повѣсты изъяснилъ о всѣхъ своихъ приключенияхъ, что и гдѣ со мною прежде встрѣчалось—и счастьемъ и несчастьемъ происходило и казалосбы того быть деоволно, но нѣтъ, а надобно еще далѣ продолжаты и сносить определенное, какъ сие не во власти челоуѣка состоятъ, то и долженъ всякъ итытъ въ ту путь куда судьбына ведетъ.

Почиталъ я всегда за наипервѣишій себѣ долгъ, чтобы службою во всякихъ случаяхъ оказывать своему Государю истинную ревность и усердие и потому пашолъ въ походъ, о коемъ въ сей части изъяснено будетъ, употребляемъ отъ главныхъ камандировъ въ важныхъ и секретныхъ делахъ.

Сей паходъ по дѣламъ предъпрятя о устроистве Полши отъкрыло съперва великие труда преходамы и форсированными маршами съ адного края Полши на другой, и въскоре потомъ здѣлалася конфедерация, каковыхъ съ зачала было две, первая въ ползу речи посполытой Полской коя была съ согласиемъ стороны Россійской, а другая потомъ въскоре въ слѣдующей 1768 годъ учинилася на Украинѣ противная названная возмутительная Варская и предались туркамъ подъ защиту, чрезъ что возгорѣлась и вся Полша и были противны, что и было притчиною несчастливому къ Полше кровопролитию, а къ тому подали оны самы поводъ къ собранью на Украинѣ полской великому скопыщу Гаидамаковъ, кои свирепствовали и резали въ жилищахъ и на распутияхъ

безъ разбора жидовъ и поляковъ, и ворвались было въ границы татарскіе къ местечку Балты, изъ чего на послѣдокъ родилась преужасная съ поляками и съ турками съ Россіею война и продолжалась несколько лѣтъ, какъ о томъ въ своемъ мѣстѣ показано будетъ.

Я какъ отъ зачала моеи юности по выходѣ изъ училища всегда имѣлъ склонность вести о всякихъ приключившихся достопамятныхъ дѣлахъ кои случились мнѣ знать записомъ, а при томъ и о своей жизни каково было лѣтъ моихъ теченіе писалъ, и служа первѣе въ своемъ настоящемъ отечествѣ въ Австріи, а потомъ вышедъ въ Россію, о чемъ въ первыхъ двухъ сѣи моеи повѣсты частяхъ есть подробно объяснено, такъ по тому обычаю не преставаля я вести изъ года въ годъ всему приключившемуся денные записи и дождался по благости вышняго и до сего времени, что и сочинило у меня таковыхъ записокъ тетрады болшіе, кои чтобы неостались безъгласными положить здѣлать изъ всего того своеручное историческимъ порядкомъ описаніе, которое со временемъ можетъ быть окажется каму читать въ удовольствіе, для чего таперъ по сѣи части въ описанніи пущусь какъ въ широкое море плаваніемъ, и хачу пояснить какъ о себѣ самомъ такъ и о томъ воинѣ о коемъ я выше упомянулъ, при коемъ я самъ имѣлъ честь присудствовать и по должности своемъ деиствовать, какова была съ великими предъпріятіями началомъ и продолженіемъ съ достопамятными произшествіями, какъ въ разсужденіи ее деиствія такъ и о причинѣ оныя весьма пространно будетъ видно, о чемъ изъ приложенийъ здѣсь въключенныхъ манифестовъ и другихъ писемъ изъясняется.

Два наисилнѣйшія и могущественные государства объявили адінъ другому войну, то-есть нарушеніемъ мира Порты отоманская къ Россіи: и отъкрыли деиствующій театръ на суше и на моряхъ къ зрѣнію целому свѣту.

Я не ошибусь какъ сказать что подобнаго дѣиствія отъ времени Александра Великаго еще нигдѣ не было, каково Россія произвела и сама адна доказала: моря-океаны всеи

ки и Среди-земное, также Африка, Азия, и берега Египѣтскіе суть тому свидѣтели.

Европа не можетъ сказать чтобъ чѣмъ либо пособствовала, а оставалась въ гнѣздахъ своихъ съ ненавистію ко-симъ толко зрѣніемъ и была болшъ желаніемъ добротна къ оторонѣ противнои.

Алжиръ и Тунисъ ужаснулысь видѣвши приплившеи въ округъ Европы и отирающійся о ихъ берега огнедишущи флотъ російскаго флага, съ водруженнымъ мечемъ въ страну моря Средиземнаго, и не скажетли еще болшъ Арципелагъ и Морея і истребленные и съсоженные целаго флота Турецкаго подь Чесмою, не сутлы то героичества первѣишие образцемъ целому свѣту, кои увенчалы Россію лаврами сияющими.

Мы увидимъ еще долѣ каково деиствие было и на сухѣ въ Молдавии, Безарабый, и въ Валахій и по обеимъ сторонамъ Дуная, а также въ Криму, на Кубаны, и въ Грузіи, какова ужасная обширность тѣхъ земель обнята была войсками російскими и усилъвалы вездѣ победоноснымъ оружіемъ врага своего поражать, и сколько о важныхъ и многочисленѣхъ деиствияхъ упоминать буду столько же еще невсостояній о всѣхъ въ подробность изъяснить, яко таковыхъ происходило не-исчетно.

Я не хочу ничего увеличивать или толко адну свою сторону хвалить а противную хулить, а буду болѣе справедливость наблюдать и говорить какъ самымъ дѣломъ было и сколько мнѣ извѣстно.

О туркахъ никто сказать не можетъ, чтобъ оны не были храбрые люде, но что не имѣють между собою подлежащаго устройства, послушания, и регулы, а дисциплины нimalo, и служатъ воинѣ иной изъ точной храбросты а другіе за добычию или изъ другога какова интереса, и остаетца на службѣ въ армии по то время покуда ему не наскучить или вчемъ либо неудача ему будетъ, и потому ищетъ случаи какбы удалыцца і иттыть назадъ, а командующихъ надъ собою

также практикованныхъ и знающихъ людей мало имѣютъ, и тѣмъ во многихъ случаяхъ возчувствовали свои уроны (а при всѣмъ томъ еще и гордость пребезумѣрная).

Въ семъ походѣ отъ зачала и до конца войны продолжалъ я службу восемь лѣтъ, былъ первѣ въ чинѣ подполковника и полковымъ командиромъ, а потомъ и настоящимъ полковникомъ произведенъ, и командовалъ гусарскимъ полкомъ, имѣлъ командѣ своей много кратъ часть воиска кавалерискихъ полковъ и пехоты, понесъ труда великии.

Служба же моя признаваема была отъ командировъ моихъ съ приписаніемъ чести и похвалы великои, чрезъ что удостоился получить письмо своеручное отъ великои Императрицы Екатерины второй съ объявленіемъ за мои дѣла Монаршего своего благоволенія и удостоенъ военнымъ орденомъ святаго великомученика и победоносца Георгія.

По окончаніи же турецкои войны и по возвращеніи въ Россію былъ у истребленія и уничтоженія 1775 года Сечи Запорожской и потомъ удостоился получить на жалованье мнѣ по службѣ деревни за собствено ручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ грамоту; продолжая еще службу и дослужась до генеральскаго чина, а за тѣмъ будучи уже подъ время старости остался на послѣдокъ по многимъ трудамъ на своемъ покое, подъ все Высочайшею Монаршею милостію.

Я въ концѣ второй части сей моей повѣсти сказалъ, что прошедшаго 1767 года съ Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ пашолъ въ Польшу въ паходъ, и что въ Киевѣ будучи данъ секретны ордеръ отъ генерала губернатора Воейкова генералу майору Подъгоричанину, и что на завтрашны день мы изъ Киева выступили и того же дня успѣли за границу выехать на ночлегъ въ полской Украинѣ въ первомъ за границею селѣ у князя Шуйского.

А отъ туда выступили мы марта 14 числа и продолжали маршъ къ местечку Житомиру, гдѣ и корпусъ весь соединился подъ командою генерала майора Петра Кречетникова, онъ приказалъ какъ и мы тудажъ прибыли чтобъ полкъ Ахтырской въ назначенныхъ тамо близости квартахъ расположился и ожидать дальшаго повелѣния.

Въ тѣхъ квартирахъ простаялы недели две, а между тѣмъ не оставилъ я побывать и у нашего главнаго надъ корпусомъ командира и старался узнать его свойства, яко онъ тогда въ великой доверености состоялъ, и были иногда случаи что онъ со мною говорилъ, однако не нашолъ я въ нѣмъ дальнѣго ничево окроме что былъ человекъ служивой а безъ никакихъ другихъ наукъ, но пысець великъ на своемъ природномъ языкѣ.

Потомъ помаршировалъ корпусъ вовнутрь земли далѣ къ городу Бродамъ, въ томъ городѣ командующій корпусомъ генералъ занялъ свою квартиру, а полки расположились въ другихъ по близости местахъ гдѣ простаялы дни десеть.

Вступления нашего въ Польшу притчину никто съ перва не зналъ, а состояло въ секретѣ у тѣхъ особъ коимъ та экспедиция доверена, а какъ къ предъпріятію дѣла пришло время, тогда корпусъ

нимы ласкаво и заводять съ начальни-
комство, и яко сия положеная на меня
важная важность и секретъ, а отъ кор-
пуса я находитца буду, тоде для та-
кого чинъ генералъ, вы яко надежны штабъ
ваша сия довереность на васъ въ ту на-
значенные съ успѣхомъ и вѣрностью, и то де
большую рекомендацію къ чести вашей.

Вѣдь еще и то генералъ чтобъ имѣть всякую
вѣсть, чтобы иногда не могло отъ какихъ-либо
противниковъ воспослѣдовать какова тайнаго на

писаніи отъ командующаго корпусомъ генерала мнѣ
исхалъ какъ наискорѣе въ путь, а чтобы экскад-
ронъ гусарскаго полка въ команду мою дать о томъ
яко къ генералу майору Подгоричанину, и ка-
когоже приказъ посланъ, чтобы и оны съ старши-
ны человекъ не медленно у меня явились.

Всѣмъ отъ генерала свое отъправленные и отъ-
сѣвши на почту поехалъ въ полкъ куда тотже день
яко я то сообщенные генералу Подгоричанину о коман-
дую гусарскаго эскадрона и докладываю ему, что я съ
тѣмъ командированъ по той секретной экспедицій,
и тогда хотя и былъ въ чинѣ генерала майора, но
настоящимъ полковымъ командиромъ Ахтырскаго полка
и то врученное отъ меня сообщение осердился жестоко,
и команду командирацію я самъ искалъ и хатѣлъ быть отъ пол-
ка, эскадрона мнѣ не далъ и меня самого не отпу-
стилъ къ командующему корпусомъ въ отвѣтъ сообщеніе
имѣлъ чрезъ нарочнаго, что онъ меня въ такую командира-
посылать не можетъ, яко я ему для управления по полку на-
а также и эскадрона чтобъ оторвать отъ полка въ такую
командирацію дать не можетъ, пропуская что лошады оста-
его отъчета и что отъ форсированаго марша пропасть мо-
тѣмъ у него въ полку умалитца фронтъ, и по такимъ резо-
убовалъ Подгоричанинъ чтобъ повелѣно было въ ту коман-
и вместо меня отъправить отъ полка Ахтырскаго адного ман-
ихъ три на лицо есть, изкоторыхъ адинъ можетъ съ тѣмъ
ими казаками итти а эскадронъ чтобъ оставить.

нашъ распределенъ весь на часты и разосланъ въ разные места, повѣты, и войводства по Полше, а меня потребовалъ командующій корпусомъ къ себѣ (куда я и поехалъ), и прибывши къ нему далъ онъ мнѣ секретной ордеръ и наставление определить мнѣ въ команду особои деташаментъ, изъ полка Ахтырскаго адынь екскадронъ и двеста казаковъ Донскихъ, вручилъ при томъ мнѣ генералъ несколько печатныхъ экземпляровъ на полскомъ и французскомъ языкахъ.

Сіи экземпляры имѣли свое название декларация о гваранцій Ея Величества Государины Императрицы Екатерине второй, о защите благоденствия, волности закона полскаго и десидентовъ въ Полше живущихъ.

То вско вручивъ мнѣ генералъ приказываетъ притомъ чтобы ехать какъ наискорѣе и форсированными маршами на Украинну полскую въ войводство Брацлавское въ судебное местечко Виницу, и назначивъ мнѣ день и число въ которое я тамъ долженъ быть конечно, открывъ мнѣ секретъ сего дѣла и за чѣмъ я туда посылаю, и что на то же время тудажъ прибудетъ полскон генералъ поручикъ онже есть и подъячиши лытовски графъ Потоцки, у коего, чтобы я явился и съ нимъ во всемъ дѣле разумеяся, и что онъ по приездѣ своемъ открыть въ томъ войводстве конфедерацию пользную къ сторонѣ нашей, но о семъ ежели иногда я прежде туда поспѣю, чтобы никому несказывать а ожидать онаго графа Потоцкаго; а тѣ печатныя деклараций раздавалбы я проездомъ во всѣхъ городахъ и местечкахъ начальникамъ и въ ихъ канцеларій для ведома.

Ещежъ приказано мнѣ ежели я на марше гдѣ и въ какихъ местахъ усмотрю какои отъ Поляковъ съездъ и собранные военныхъ людей и команды, то чтобы остановился и спрашивалбы ихъ начальники что такое собранные значить и къ чему оное дѣлаетца, коимъ чтобы учтивымъ образомъ и по приятельски совѣтовать военныхъ людей разпустить по своимъ местамъ куда оны принадлежать, а другия разоиты бы по домамъ и били бы съ покоемъ, и давати имъ тѣ экземпляры (сие было кажетца слышкомъ чтобы имъ указывать).

Во время жъ открытыя подъячимъ лытовскимъ графомъ Потоцкимъ тои конфедераций приказываетъ мнѣ генералъ, чтобы и я притомъ былъ и старался бы всеми мерами довести до того Господь Поляковъ къ подъяси данныхъ мнѣ при томъ ордерѣ особаыхъ пунктовъ, но при томъ поступать и наблюдать, дабы не подавать притчины въ какомъ-либо Полякамъ недово

жаловатца, и обходитца съ ними ласкаво и заводить съ начальниками того воеводства знакомство, и яко сия положеная на меня экспедиция есть особливо великая важность и секретъ, а отъ корпуса весьма въ дальнѣмъ разстояніи я находитца буду, тоде для такова важнаго дѣла, говорилъ мнѣ генералъ, вы яко надежны штабъ афицеръ выбраны, и полагаетца сия довереность на васъ въ ту надежду что вы все сие исполните съ успѣхомъ и вѣрностью, и тоде самое послужить вамъ въ болшую рекомендацію къ чести вашей.

Наконецъ приказываетъ еще и то генералъ чтобъ имѣть всякую военную предосторожность, чтобы иногда не могло отъ какихъ-либо съ полскои стороны противниковъ воспослѣдовать какова тайнаго на мена нападения.

Всѣ сій наставленій отъ командующаго корпусомъ генерала мнѣ вручены и велѣно ехать какъ наискорѣе въ путь, а чтобы ~~скаж~~ ронъ Ахтырскаго гусарскаго полка въ команду мою дать ~~и т.д.~~ написалъ сообщенные къ генералу майору Подъгоричанину. ~~и~~ ~~а~~ закамъ Донскимъ тоже приказъ посланъ, чтобъ ~~и оны съ штаб~~ нами своими двести человекъ не медленно у меня ~~явятся~~.

Такова отъ Подгоричанина ошибка была велика и сказать что и не по долгу службы, и ежели бы о томъ командующій корпусомъ генералъ представилъ далѣ, то бы конечно Подгоричанинъ подвергнулъ себя великому отъѣзду, но какъ командующій то оставилъ а написалъ отъ себя Подгоричанину выговоръ, и велѣлъ конечно какъ наискорѣе меня съ ескадрономъ отъправить.

Подгоричанинъ получа таковъ выговоръ отпустилъ меня съ великимъ своимъ неудовольствиемъ, и зашолъ чрезъ то съ командующимъ генераломъ въ несогласіе, не зная того что вскоре и въ слѣдъ за моимъ отъездомъ еще и другіе ескадроны потаковымиже надобностямъ разкомандированы будутъ, и остался онъ только съ однимъ ескадрономъ да лытаври на время.

На другой день поутру рано я съ своимъ detaшментомъ изъ местечка Зборова (такъ оное называлось гдѣ полкъ квартиры имѣлъ) выступилъ и отъправился въ путь, не зная ни дороги ни гдѣ есть то Брацлавское воеводство и местечко Винница куда мнѣ слѣдовать велѣно, а спрашивать о томъ не приказано и пробывать самому не дѣлая о своемъ марше публикацій и не давая о томъ ни кому знатъ а содержать въ секретѣ, по чему и принужденъ помогать себя отъ карты, изъ которой могъ видѣть гдѣ и въ какой сторонѣ я подградусомъ то Брацлавское воеводство и местечко Винница лежатъ, итакъ слѣдовалъ я съ перва отъ местечка одного до другаго держась болшой дороге, но все то было весьма криво и съ накладомъ яко Хоманова мапа кою я тогда имѣлъ несколько была не верна.

Въ одинъ же день наехалъ я въ вечеру въ одномъ селѣ прускую команду при коей былъ одинъ гусарскій капитанъ, едетъ онъ съ покупными лошадми изъ Украины полскою і изъ Татарій отъ стороны местечка Балты; я о семъ уведавъ остановился тамъ нарочадно для того чтобъ покормить лошадей, а друго и то было мнѣ и добно чтобъ поразговоритца съ симъ капитаномъ, сказывая ему и я для такоиже покупки лошадей еду въ украинскіе полскіе мѣста и просилъ его чтобъ показалъ мнѣ свой маршрутъ гдѣ и въ какихъ мѣстахъ онъ былъ, и гдѣбы лошадей купить было снискать можно.

Сей добрый офицеръ тотъ часъ вынулъ свою записную книжку и показалъ мнѣ все украинскіе города і местечка, при чемъ и воеводство Брацлавское и то местечко Винница о коемъ и вся моя

ость состояла чтобъ узнать было написано, также мыли и разъясненіе по тракту одъ места до места было отъмечено.

Я тотъ маршрутъ по дозволенію капитана себѣ списалъ и по лу уже въперіодъ прямую свою путь, и простясь съ капитаномъ ехалъ тую жъ вечеръ далѣе и на всю ночь.

Марши чинилъ я по короткости назначенного мнѣ срока весьма пикне и форсомъ и ночлеговъ нигдѣ не дѣлалъ а толко что отъ-сѣ часа на два и на три покудова лошади покормить, коимъ я за въ сутки слышкомъ давалъ и потомъ ехалъ и день и ночь, отъ-о и подлино лошады у меня такъ ослабелы, что некоторыхъ при-жденъ былъ бросить и нанимать для оставшихъ отъ ныхъ пе-хъ гусаръ и для седелъ подводы, и отъѣхавши уже большъ поло-ни дароги уведомылся я на попасе гдѣ лошадеи кормылъ въ карч-отъ жыда, что есть въ перелы по дороге мыли за полторы горо-тъ Латычевъ прозываемои, тамде собралось множество полскихъ яхтъ и при ныхъ и воиско есть, но тотъ жидъ не умѣлъ мнѣ ска-тъ о чембы то собрание было и что оное значить.

Сій весты услишивши я отъ жида задало мнѣ было о томъ ду-тъ, и принужденъ на томъ местѣ, подъ видомъ ночлега яко ужъю подъ вечеръ, простоятъ всю ночь до свѣта, а минутъ того ме-было неможно, то чтобы въ ночное время естлы туда нечаяно командою заеду не надѣлать тревоги разсудылъ такъ здѣлать и бождать.

По утружъ на разсвѣте предъпринялъ я мои маршъ далѣ и бехавши ужо подъ тотъ городокъ остановился съ приезда при-чме, было то по утру часъ въ начале девяты, спрашиваю арен-я тои карчмы о началнике того города, какъ его зовутъ и домалы, на что жидъ отвѣчалъ что де тутъ таперъ господъ много и кто-ду имы первѣишій того онъ не знаетъ.

Мнѣ ужъ по сему извѣстію не осталось болѣе чего ожидать и мя упускать а надобно было поскорей о такомъ собраніи узнать оное значить, для чего тотъ часъ послалъ туда къ нимъ афи-а, и даю о себѣ знатъ объявивъ подъ видомъ будто для покупки ладеи проежаю съ своего командою на украинское мѣста, и что ановился здесь при городѣ чтобъ немного отъпочинуть, при чемъ казалъ афицерю объявить и то, что ежелы есть свободное имъ время бы и я самъ къ нимъ зашолъ, имѣю чѣто въ ихъ ползу тому

собранию извѣстить (а то разумѣлъ я подать имъ ту печатную декларацию и при томъ случае узнать причину ихъ собранія).

Еще жъ офицеру моему приказалъ чтобы онъ проездомъ своимъ чрезъ городъ примечалъ на удѣце, какое тамъ имѣетца войско и многоль онаго обозрѣтъ ему будетъ можно.

Афицеръ мой съ двумя гусарами туда поехалъ, а я остался при командѣ дожидаясь обратно того афицера каторой скоро и возвратился, и рапортуетъ мнѣ что онъ какъ туда въ городъ въехалъ нашолъ много шляхты въ собранію въ одномъ домѣ, коимъ какъ скоро о себѣ далъ знать, то въпустили его туда въ собраніе и на его объявление отвѣчали, что имъ приятно будетъ меня видѣть и новостъ какую я имъ объявить имѣю рады будутъ слышать, воискаже говорить мой афицеръ видѣлъ на улицахъ и во дворахъ довольно, но всію розношорстное надворное (по ихъ обыкновенію что всякъ шляхта, инои самъ двухъ кафтановъ не имѣетъ а по нѣсколько жолныровъ держитъ), а другихъ какихъ командъ воиска короного тотъ мой афицеръ не видалъ.

Я не медлено взявъ съ собою одного афицера и адного ундеръ-афицера, двухъ гусаръ и двухъ казаковъ поехалъ въ городъ къ тому собранію, куда какъ я вошелъ принялы оны меня видомъ довольно приятнымъ, засталъ-я ихъ всѣхъ около адного большаго стола сидящихъ, но столко были спесивы что ни адинъ съ стула не всталъ, я подошедъ къ верхнему углу стола считая что тамъ долженъ быть между всѣми старши, вижу что въ первомъ мѣстѣ сидитъ адинъ духовной чиновной съ большимъ на шее крестомъ, а по сторонамъ его еще двое духовныхъ чиновъ, а остальные всѣ панове полякове, спрашиваю я у всѣхъ вообще съ кѣмъ бы мнѣ говорить и кто изъ нихъ въ томъ собраніи есть старши, на что отвѣчалъ адинъ указывая мнѣ того крестоносца, назвавъ его каноникомъ и что онъ есть духовная особа и старши, да еще адного показалъ мнѣ изъ предсѣдающихъ назвавъ онаго паномъ поручникомъ Речи Посполитой, а прочіеде мы всѣ ровніе шляхта и паны того повѣта.

Моежъ напротивъ того было къ нимъ объявление что еду я по украинскимъ полскимъ мѣстамъ гдѣ сищу лошади покупать, а при томъ говорю я имъ имѣю повелѣныя чтобы проездомъ моимъ раздавать въ городахъ и въ судебныхъ мѣстахъ новую учинѣную декларацию отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Всероссійской Екатерины второй о гвараціи служащую въ пользу

всего общества полскаго государства, которое здѣсь аднымъ печатнымъ экземпляромъ представляю, и подавъ тому что паномъ поручникомъ мнѣ сказано, онъ то отъ меня принявъ и подаетъ тому канонику, каторой вѣставши съ стула что и всѣ здѣлали и сталъ въ слухъ читать, а по прочтеніи было имъ такова новость всѣмъ къ удивленію и стали говорить, чтобы та гваранция и декларанция такова значила, яко мы и такъ на своей волности остаемся.

Мнѣ до сихъ рѣчей не было дальѣи надобности вѣходить съ ними въ разговоръ, а желалъ болѣе узнать о ихъ собраніи и зачѣмъ оны тутъ, да приступить къ нимъ своимъ спросомъ я такъ въ другъ немогъ, а ожидалъ время.

Между тѣмъ всѣ оны того заседания вѣстали и было ужъ время къ обѣду, къ чему въ другомъ пакое видно было что и столъ надѣкрить, и какъ я наиболшъ съ тѣмъ каноникомъ имѣлъ разговоръ, то пригласилъ онъ меня остатца съ ними отобедать, въ чемъ я не отъказался.

Селы мы за столъ, дали мнѣ место въ переды стола возлѣ каноника, съ коимъ я будучи за обедомъ имѣлъ случаи и далъ въ разговоръ воитыть, и мало по мало завелъ я речъ о ихъ собраніи похваляя ихъ обычаи, какъ оны всегда и во всѣмъ согласуютца и собираютца для совѣтовъ, какъ и таперъ говорилъ я ему вы конечно также здѣсь собрались для какихъ нѣбудъ совѣтовъ, на что отвѣчалъ мнѣ каноникъ что де мы собрались по церковному дѣлу, яко въ томъ городѣ заложенъ новой костіолъ, то чтобы о доходахъ къ выстройке онаго учинить общее распоряженіе, и завтра де уже хотѣть вся шляхта разѣехатца по своимъ домамъ.

О семъ услышивши я, было то ужъ для меня сведеніемъ довольно, почему и невходилъ болшъ съ нимъ въ разговоръ, а спешилъ далъ ехать въ свою путь, и по окончаніи обѣда простясь со всѣми поехалъ къ своей командѣ, и потомъ не медля предпринялъ свой маршъ.

Отътуда должно мнѣ было на другой день проехать чрезъ городъ Межибожь, тамъ у воротъ стоящей караулъ хатѣ было меня остановить, аднакъ какъ я сказалъ что имѣю нѣчто въ томъ городѣ объявить и на малое время въ ономъ останавлиюсь, при чемъ спросилъ караулнаго ундеръ-афицера о начальнике того города и домалы онъ, на что караулы отвѣчалъ что городъ сей принадлежитъ вои-

Посланой же отъ меня капитанъ, какъ къ тому старосте чрезъ местечко туда и обратно проехалъ и ко мнѣ возвратился, сказываетъ что вездѣ по улицамъ и водворахъ много полской шляхты и военныхъ людей видѣлъ, и останавливалы его спрашивая зачѣмъ приехалъ и какое дѣло имѣть, и словами иной довольно грубыми отъзывалось, а на то не смотрѣлъ хотя иногда изъ досадою по ихъ грубости (какъ оны съперва всѣ таковы были) съносилъ и пропускалъ мыма, не хатѣлъ съ ними никакой зацепки имѣть, а старался еще болшѣ оказывать имъ учтивость мою и приятство въ словахъ и въ обхожденіи и тѣмъ доводилъ ихъ къ тихости (Поляки люди таковы сколько горды столько же и мягки, естли съ ними человекъ обойтца умѣетъ, а въ случае нужды бываютъ весьма робки).

Тотъ день прошелъ у меня съ покоемъ, поставилъ я свой караулъ и людей никуда не распускалъ, а пустылъ вездѣ ехо что я для покупки лошадей приѣхалъ, нанялъ жидовъ человека два факторовъ далъ имъ немного денегъ чтобъ оны въ околышныя мѣста поехали для покупки таковыхъ лошадей, а для надобности къ поставке съестныхъ припасовъ мяса и хлеба на мою команду уговорилъ также двухъ жидовъ, кои о томъ взяли на себя старатца и потребное доставлять, хотя то было въ два дорого, однако понуждѣ надобно было оными пользоваться, а потомъ какъ жители того местечка увидѣлы что мы за всю хорошо плотимъ денги, то стали и самы тѣми днями приносить кто что на продажъ имѣлъ и нанесли всего и слышкомъ отъ чего у насъ на нашей площадки здѣлался торгъ и безъ нужды доставали потребное.

Я ужъ живу въ местечке Винице двое сутки а о подычащемъ Лытовскомъ графе Потоцкомъ ничего не знаю, а спрашивать объ немъ не смѣю, дабы тѣмъ своего дѣла не повредить, и тако въ великихъ размышленіяхъ провожу время и хатѣлъ было къ своему главному командыру отъправить о томъ куръра.

На третейже день къ вечеру заехалъ комитъ полской адынъ господинъ на каретѣ съ слугами своими (и довольно пышно) былъ онъ въ томъ местечки въ собраніи и едетъ домой, а домъ его отъ местечка разстояніемъ всего верты две въ селѣ Петничанахъ, сей господинъ объявляетъ мнѣ о себѣ что онъ есть того Брацлавскаго воеводства хоронжи и называется по фамыліи Грохольски, человекъ онъ показался мнѣ весьма приятенъ, говоритъ мнѣ какде онъ съ многими русскими господами имѣетъ знакомство и ползуетца ихъ приязню, то вчислѣ протчихъ своихъ приятелѣи желаетъ также и меня имѣть,

и потомъ просилъ на завтрашны день къ себѣ отобедать, я на ту его учтивость согласился и общалъ къ нему быть, и съ тѣмъ онъ поехалъ.

Послѣжь его отъезда поздно уже въ вечеръ пришлоу ко мнѣ полской адинъ офицеръ въ немецкомъ мундире и въ плаще инькогнито самъ одинъ, и говорилъ понемецки изърядно, просить меня чтобъ наодинъ со мною говорить, я пошолъ по двору съ нымъ прохаживатца и спрашиваю какое дѣло до меня имѣть, и кто онъ таковъ, на что отъвечалъ что онъ есть капитанъ и называетца по фамылій Мислецки, и служить у войводы Киевскаго графа Потоцкаго, коего есть волость и дворъ въ здешнѣмъ воинстве, также и солдатъ держить надъ комы онъ командуеъ и придворе графскомъ въ местечке Браиле состоящемъ досмотръ имѣть; и то объявивши о себѣ сей капитанъ винулъ письмо запечатанное подаетъ мнѣ и говорить я де къ вамъ тихонко пришлоу и нарочно такъ ночью чтобъ меня никто не приметъ, а сие пысмо говоритъ онъ подычашего Лытовскаго графа Потоцкаго, который состоитъ въ ближнѣмъ по кровы свойстве съ моимъ господиномъ войводоу Киевскимъ, ето де письмо чрезъ нарочнаго ко мнѣ прислано объявляетъ капитанъ и велѣно податъ оное вамъ самымъ въ руки, а болѣе никому о томъ не сказывать и приездъ гравски содержать въ секретѣ, господинже подычаши находитца таперь на Подолу въ своей тамъ деревнѣ, какъ онъ въ такой далнѣи изъ Варшавы дороге поутрудился, то для того дня на три или на четыре вѣзалъ свои отдыхъ, а васъ тамо о своемъ приездѣ уведомлѣниемъ упреждаетъ.

Извѣстные сие принесло мнѣ несколько въ моихъ мысляхъ облехчение какъ я было о приездѣ гравскомъ позасуетылся, я вѣзавши то пысмо какъ было на дворе очень темно и читать онаго неможно, пашолъ съ тѣмъ капитаномъ въ мою станцію каторая была въ адон на краю мужичей избе, велѣлъ податъ огня сталъ то пысмо читать кое было писано понемецки.

Графъ пишетъ прямо на мое имя и чинъ мой въ адресе упоминаетъ, о чемъ ужъ онъ зналъ что я тамъ буду и что я въ чинѣ подполковничемъ состою, понеже при выездѣ ево изъ Варшавы дано ему отъ нашего полномочнаго російскаго посла князя Репнина знатъ, графъ уведомляетъ меня тѣмъ писмомъ что онъ находитца въ своей деревнѣ, упомыная и о томъ какде таперь есть въ местечке Виннице большой шляхетской съездъ по судебнымъ общимъ дѣламъ и упователно что ужъ скоро и кончитца будетъ, то чтобы упредить нежелъ шляхта разъежатца стануть. проситбы тѣхъ господъ, однако весма субтильнымъ образомъ, чтобы теченые ихъ засѣдания занимывать то есть отъло-

жить на четыре дня, а между тѣмъ и я поспешу писать графъ на тотъ срокъ въ Выницу приехать, причемъ о его приездѣ чтобъ никому не сказывать.

Сие письмо я прочитавши не объявляю тому капитану что графъ пишетъ, но какъ онъ отъ графа въ доставленномъ ко мнѣ того письма имѣлъ доверенность, то потому и я его почелъ постояннымъ человекомъ, и сталъ снымъ говорить, спрашивая что при семъ болшомъ шляхетскимъ собраніи желалбы я ведать кто есть между ими здѣсь голова, и каво оны наиболше слушаютъ; на сей мой запросъ сказалъ мнѣ капитанъ что здѣсь есть старикъ князь Четвертински, да хоронжи речи посполытой сего воиводства Грохолски, коего вся шляхта отъмено почитаетъ, онде почты наиболше во всѣмъ первенствуетъ, таковъ отвѣтъ отъ капитана принесло мнѣ тотъ часъ на память что то есть конечно тотъ самой Грохолски, каторой меня на завтрешны день просилъ къ себѣ обедать, и думаю въ себѣ что къ стати будетъ завтрешны день между разговорами сие дѣло въ пользу употребить.

Капитанъ не много у меня бавылся и при отходѣ говорить что онъ снеститъ и едетъ на всю ночь для приуготовления графу встречи, и спрашиваетъ что я ему во отвѣтъ на то письмо объявить имѣю, я болше ничево сказать не имѣю, говорю я ему, кроме что всио то старатца буду исполнить, о чемъ графъ ко мнѣ пишетъ, но между тѣмъ прошу я какъ скоро графъ будетъ сюда чтобъ меня хотя за несколько часовъ прежде извѣстить, капитанъ обещалъ то дѣлать и стѣмъ поехалъ.

По отъездѣ сего капитана надобно было мнѣ подумать, какимъ бы образомъ подоитить моимъ требованьемъ къ тому собранію чтобъ теченіе своихъ судебныхъ дѣлъ отложить, и чтобы не принесло имъ какой противности, для чего будучи въ великихъ размышленіяхъ, я ту ночь весма мало спалъ, а составлялъ мислямы что и какъ предпринять, и положилъ адресоватца первѣе къ тому хоронжему Грохолскомъ.

По утру въ часу седмомъ посилаю я афицера къ хоронжему на домъ съ прозбою, чтобы онъ здѣлалъ приязнь, какъ поедетъ въ собранные заехалбы на часъ ко мнѣ, имѣю нѣчто нужное ему объявить, афицеръ мой туда поехалъ и возвращаетца скоро назадъ съизвѣстиемъ что хоронжи обещалъ ко мнѣ заехать.

Хажу я по двору дожидаясь Хоронжего а между тѣмъ кон-
пую въ голове что съ нимъ говорить, и выглядываю скоро ль при-
ездъ его будетъ, и ужъ часъ десятой въ началѣ алы онъ едетъ
пряма ко мнѣ къ воротамъ тамъ остановился, я поспешилъ его въстре-
тить, онъ вышелъ изъ своего полукаретка подошелъ ко мнѣ видомъ
приятнымъ, спрашиваетъ чего я ему приказать имѣю.

Я на ту его учтивость отвѣчалъ что моего приказанія ни ка-
кова нѣтъ, а только говорю я ему что я васъ государь мой съ перва-
раза моего съ вами свиданія заключилъ найтить въ особе вашей
себѣ пріятеля и ни мало несумнѣваюсь что въ томъ могъ оши-
биться, для чего хачу вамъ объявить что таперышни мой сюда при-
ездъ состоитъ въ важномъ дѣлѣ въ пользу вашего цѣлаго общества а,
но не могу такъ скоро успѣть сего вамъ отъкрыть, а надобно мнѣ
въ моихъ писменныхъ дѣлахъ имѣть время на четыре дня, и тогда
надобно быть въ сей шляхты въ собранію, нинѣ жъ къ тому дѣлу
есть лучшая удобность какъ ваши судебныя порядки здѣсь произво-
дятся и всѣ шляхетство сего войводства собралось, то и не надобно
бы другой трудъ въ собраніи предъпринимать а можетъ вся та на-
добность нинѣ кончитца, для чего и прошу васъ, говорю я ему, какъ
вы таперь въ засѣданыя ваши туда едете, то чтобы теченіе судеб-
ныхъ вашихъ дѣлъ замышловать дня на четыре, о чемъ не оста-
ете объявить всему обществу.

Хоронжи мой какъ я ему сие сказалъ потупивъ не много глаза по-
молчалъ задумавшись, а потомъ отвѣчалъ, ваше де требованіе есть
несколько съ трудностію и не знаю можно ль то будетъ здѣлать, ибо
вы самы знаете что наша шляхта волность свою наблюдаетъ, и не
суть во всѣхъ людей нравы ровніе, то чтобы иногда не было въ
томъ противности когда я имъ самъ собою ваше требованіе объ-
явлю, а совѣтую за лучшее чтобы вы въ часу адинадцатомъ прислали
туда въ собраніе съ тѣмъ объявленіемъ каго изъ своихъ афице-
ровъ, а что съ моей стороны принадлежить то готовъ я вамъ слу-
жить, и съ тѣмъ онъ поехалъ.

Мнѣ ужъ и нельзя было инаково здѣлать и казалось что и ре-
зонъ есть такъ здѣлать какъ хоронжи советуетъ, почему призвалъ
я къ себѣ моего капитана, приказываю ему чтобы онъ въ адинатца-
томъ часу туда въ то собраніе пошелъ, и твержу ему, что онъ го-
ворить будетъ (сїи слова): я присланъ отъ командира моего вашему
всему Брацлавскаго войводства благородному обществу здѣсь соб-

равшемуся объявить прозбу, чтобы учинили ту склонность отложить теченные вашихъ судебныхъ дѣлъ дня на четыре, яко приездъ нашъ сюда есть важность въ пользу вашего всего общества, но не можно намъ успѣть такъ скоро сего объявить, а требуетъ надобность въ приуготовленны писменнымъ дѣламъ времени дня на четыре.

Съ симъ моимъ наставлениемъ капитанъ мой туда пашолъ и далъ тому собранью о себе знать, кои тотъ часъ его въ присудствие къ себѣ въпустили, когда господамъ присутствующимъ то объявлялъ съ чѣмъ онъ присланъ, тогда въ отвѣтъ сказано ему, а первой на то отозвался хоронжи Грохолски къ протчимъ предъ сидящимъ своимъ словомъ, что де сие намъ можно здѣлать и узнаемъ какое то будетъ дѣло, на чемъ и всѣ согласились и дали мнѣ знать что оны къ тому приступили, и до того срока свои дѣла отложили.

Хоронжи Грохолски въ проездъ свой обратно домой уже не заежалъ самъ ко мнѣ, а прислалъ своего человѣка сказать, что меня къ обѣду будетъ ожидать, и пришлѣтъ свою карету за мною, и просить чтобы я изъ офицеровъ своихъ каво съ собою възялъ.

Спустя мало, потомъ карета его цугомъ и свершникомы ко мнѣ пришла, я възялъ капитана своего и порутчика поехали туда къ нему, онъ съ женою принялы насъ весьма ласкаво, столъ у него былъ учрежденъ довольно вельколѣпно и на серебре, у стола играла ево придворная музыка, домъ каменной стариной архитектуры, садъ регулярной, а за садомъ роща предлиная.

Послѣ обеда хадыли мы по саду и по роще проводили время въ разныхъ разговорахъ, хозяинъ насъ угощалъ пытиемъ умерено и давалъ волю, чего у другихъ господъ Поляковъ редко бываетъ.

При тѣхже нашихъ разговорахъ хатѣлъ хоронжи жестоко знать о моемъ дѣле, за чѣмъ я къ нымъ приехалъ, и какое дѣло объявить имѣю, для чего онъ съперва закидывалъ слова стороною невыдетлы чего отъ меня, но какъ сего я не здѣлалъ а отъходилъ дискурсомъ въ другіе кое какие матеріи, то напоследокъ сталъ онъ меня пряма о томъ спрашивать, обнадѣживая меня своимъ честнымъ словомъ что никому о семъ онъ сказывать не будетъ, и что въ случай надобности можетъ мнѣ быть рука въ помочь.

Я ему отвѣчалъ что на сей день ничего о томъ прошу неупомынять, а вы говорю я ему будте увѣрены что первымъ вы будете узнать сие дѣло, толко потерпите дня четыре или можетъ быть и прежде здѣлаетца, и я поспешу конечно васъ извѣстить а на сей часъ не могу болѣе ничего говорить.

Онъ хатѣлъ было еще о томъ повторять свои слова, но я что— бы иногда ево не оскорбыгъ принужденъ отъклонитца у него и говорю, не погнѣвайтесь государь мой что я не имѣю далѣ времени бавытца и принужденъ васъ оставить, поспѣшаю къ своимъ дѣламъ чтобы приуготовытъ оныя къ показанью вамъ и съ тѣмъ я паехалъ къ своей камандѣ.

На завтрешны день чтобы показать выдѣ приходящимъ ко мнѣ Полякамъ, какъ оны любопытни и всего много спрашиваютъ и слышать хотятъ, то расположилъ я во округъ себя кое какие свои бу маги яко бы дѣлами занятъ, и что не имѣю времени съ ними проводить разговоры, говорю имъ что вотъ зачинаю приуготовлять дѣло къ показанью въ ваше собрание, о чемъ я просилъ чтобы обоядали на четыре дня.

Симъ способомъ избавылся я отъ ихъ находовъ, а то непростано адна партия толко что выдетъ, а другая уже приходить и всякъ хочеть знать въ периодъ притчину моего туда приезда, и ежели бы были люде отъ достоинствъ почотные, тобы еще лехче съ ними обойтытца было можно; а то по болшой часты палистранты, голыши, а иные и со вѣмъ пыяние, а другие какова нибудь господина изъ надворныхъ ево службы, тѣ соберутца челоувѣкъ по несколько придутъ и заводятъ такие странные запроси чего и пысать здесь не можно, а въобще почты вѣсѣ спрашиваютъ меня природно илы я Руськой илы какой иностраной, и много ль въ Россіи войска и скороль имъ мы отъдадымъ Киевъ, и что оны конечно то имѣтъ хотятъ и возмутъ, и тому подобные много коио какие дискурси заводятъ хотѣлы, каковы запроси мнѣ было наскучили, а чтобы ихъ къ себѣ не допущать въходить, то и того здѣлать не хотѣлось, а надобно было съними обходитца ласково, и тако я подъ видомъ будѣто много дѣла имѣю, по тѣмъ моимъ бумагамъ разсматривать и пысать, принужденъ былъ сидеть надъ ними попустому, чтобы толкъ отъ приходящихъ такихъ гостейъ избавитца и на томъ провелъ всемя дня три.

На четвертой же день зацепились оны за меня и присланъ мнѣ одъ того собранья спросъ, требуютъ чтобы ихъ извѣсты тогожь дня буду я имъ объявыгъ о томъ что я къ собранью да знать, яко оны судебное свое течение отъложили на мое слово на четыре, для чего и хотятъ знать притчину онаго дѣла, и что онъ того же дня открывають вьновъ свое заседание и окончивъ хотятъ разжежатца по своимъ домамъ.

На сей спросъ отговорился, я что никакъ еще на тотъ день мы писменимы дѣламы не могу исправитца но завтра конечно я къ нимъ въ собранные буду, и дѣло съ собою принесу.

Съ тѣмъ я того ко мнѣ присланого выпроводилъ, и остался въ кихъ думкахъ и что дѣлать не зная, а положилъ напоследокъ еще того дня и чрезъ ночь извѣстия отъ Подъчашего Лыкаго ко мнѣ не будетъ, то послать къ нему скорей съ писмомъ себѣ нарочнаго и уведомить его что шляхта намерена разъѣзжа, а между тѣмъ принужденъ здѣлать другой оборотъ къ удерлю ихъ хотя еще адынь день, а то положилъ я чтобы завтра въ собранные пойтить и подать имъ хотя изъ тѣхъ печатныхъ иплярровъ адынь, и тѣмбы предъ ними себя оправдять, ибо я приезда моего о томъ еще никому не объявлялъ потому что то было самому Подъчашему графу Потоцкому, яко маршалокъ новой федерации въ собраніи всей шляхты публиковать.

Однако таковы мои размышлѣнныя того же дня въ вечеру рѣшились ибо приехалъ ко мнѣ изъ местечка Браилы нарочной двора юды Киевскаго казакъ посланной съ писмомъ отъ того капитана лецкого, каторой первѣе у меня былъ, онъ уведомляетъ меня что Подъчашин Лытевски графъ Потоцки въ местечко Браилу присѣлъ, и что завтра на вечеръ къ намъ въ Виницу будетъ.

Я сему извѣстію весьма обрадовался и дождавшись утра пошелъ рано афицера къ хоронжему Грохолскому уведомляю его какъ ему обещалъ что онъ первѣе всѣхъ узнаетъ притчину моего сюда езды, то потому таперь извѣщаю его что Подъчашин Лытовски графъ Потоцки къ вечеру сего дня будетъ здѣсь, и что тотъ самой приездъ есть обстоятельство моего сюда прибытія, о чемъ далѣе казываю я моему офицеру чтобы хоронжему сказать, что я съ нимъ буду говорить.

Хоронжи Грохолски тотъ часъ прискакалъ ко мнѣ самъ съ великою желаностію чтобы скорей обо всѣмъ услышнить, тутъ ужъ я открылъ что Подъчашин Лытовски графъ Потоцки съвоимъ примѣмъ будетъ въ воиеводствѣ Брацлавскомъ откритъ конфедерацию ползу общества, и сие сказавъ ему, поспешилъ скорей о приездѣ Подъчашего чтобы также въ то шляхетское собранные дать знать, и иногда оны по своимъ домамъ не разъехались.

Я пришедъ къ нимъ поутру въ девять часовъ, говорю имъ горы мои я просилъ васъ чтобы вы судебные ваши дѣла отъло-

жили на четыре дня, и вы то здѣлали, за что приношу вамъ мою благодарность, а что принадлежитъ до дѣла о коемъ я тогда сказалъ что объявить вамъ имѣю, то сево дня о томъ вы всѣ узнаете отъ господина Подъязшего Лытовскаго, графа Потоцкаго, которой нарочито для такова важнаго дѣла въ пользу всѣго вашего общества сюда изъ Варшавы едетъ, и въ вечеру конечно сево дня здесь будетъ.

Всѣ то собрание почти изъумились услышавъ отъ меня что такой большой господинъ къ нымъ едетъ, и не которыми образомъ ему верить не хотѣли, я имъ отъвѣчаю ежели въ чемъ иногда вы о приездѣ его сумнѣваетесь, то пошлите въ местечко Браилу, вы тамъ его еще застанете или по дороге сюда едущаго встренете, оны здѣлали послали и встретили графа.

Мало потомъ спустя въ часу двенадцатомъ приехалъ изъ Браила тотъ капитанъ Миелецки для занятыя графу квартиры кою и приказалъ очистить въ монастыре Езуитскомъ, и притомъ всѣмъ объявилъ о приездѣ графскомъ, на сие уже извѣстныя вся шляхта стала собиратца къ тому монастырю чтобъ учинить графу приемъ и встречу, яко онъ есть человѣкъ чина большаго, а притомъ цѣлое то воиводство къ фамилии Потоцкихъ имѣютъ особливую привязанность и почтенныя, какъ я самъ то довольно приметить могъ.

Въ часу въ четвертомъ послѣ полдня приехали графскіе люди и кухня въ периодъ, а потомъ вслѣдъ за ними и остальной, графской экипажъ и лошады, все то предвѣщало великолѣпныя и огромность, ибо накладеныхъ фуръ по четыре лошады, и другихъ повозокъ, было всего около двадцаты, а также и слугъ разныхъ должностейъ человѣкъ до тридцаты, всѣ въ своемъ порядкѣ, предъ конями былъ адынъ начальной изъ шляхты, коего называли маршалокъ двора графскаго.

Я при квартире графской поставилъ пешей караулъ двадцать четыре человѣка гусаръ при афицере, разставилъ часовыхъ и дожидаясь приезда графскаго.

Въ часу седмомъ подъ вечеръ графъ приехалъ, свита у него была въ несколькихъ каретахъ и каляскахъ, и конвой изъ драгуновъ воиводы Киевскаго что въ местечке Браиле находятца рота целая, какъ скоро графъ подъехалъ къ воротамъ монастырскимъ, где и квартера назначена то остановился и сълѣзъ изъ кареты, тутъ вся ожидающаяся шляхта почты на землю учинили предъ нымъ свой уклонъ, подошли толпою къ нему, кто въ руки кто въ полы отъ

кафтана целуютъ и говорятъ иніе короткую речъ, а другіе такъ поздравляя его съчастливымъ для ныхъ приездомъ.

На то время стоялъ я предъ своимъ карауломъ по близы кварталы графской, и какъ онъ приближился то афицеръ стоя съ голою саблѣю у своего места сказалъ на караулъ и трубачи заиграли, графу-тѣмъ отъдана честь, а я подошедъ несколько шаговъ къ нему встречу подаю рапортъ о состояніи своей каманды (но то было несколько числомъ увеличено), докладываю о себѣ, ибо прежде я съ графомъ не имѣлъ свиданія и знакомства, онъ принялъ отъ меня рапортъ и благодарить за учинѣнную ему честь, но какъ онъ былъ несколько закивать то и нада было минуту лишнюю пообождать, покуда всіо выговорить, потомъ взялъ меня за руку и повелъ съ собою въ пакой, называя меня при первомъ томъ свиданіи съ-
нимъ товарищемъ, сказывая при томъ какъ онъ слышилъ при отъправленіи изъ Варшавы отъ нашего Россійскаго полномочнаго посла князя Репнина, о томъ что я здѣсь при немъ буду, и какъ онъ тѣмъ продолжалъ графъ, много доволенъ что при семъ случаи имѣеть ту честь меня узнать, по немецки говорилъ онъ довольно хорошо.

Ту вечеръ не долго то шляхетское собранные тамъ бавилось, графъ у ныхъ ексузовался что въ дороге поутрудился, а просилъ всѣхъ чтобы на завтрешны день были въ собраніи тутъ въ церкви въ монастыре, сказавъ притомъ что онъ имѣеть объявить дѣло въ воиводстве Брацлавскомъ въ пользу отечества и всего общества народа Полскаго.

Шляхта вся разошлись по своимъ квартирамъ, а меня графъ удержалъ у себя на ужине, а между тѣмъ наединѣ сомною имѣлъ разговоръ о дѣле каторое онъ открытъ будетъ обществу, и притомъ еще говорить мнѣ, я де знаю что у васъ есть пункты даные вамъ коимъ завтре надобно быть подписанымъ, каковы и я имѣю, такъ прошу оныя показать мнѣ поутру дабы съвестъ съ Полскимъ что я имѣю и посмотримъ нѣтли иногда какой разницы, да еще прошу васъ говорить графъ какъ завтре войдемъ въ засѣданые то подать мнѣ печатную декларацию кою уповаю что также вы имѣете при себѣ, а о протчемъ къ доведеную до надлежащаго порядка въ подпысе тѣхъ пунктовъ чтобы оставить на его попеченіе, но притомъ присудствіи говорить графъ чтобы изъ моихъ подкомандныхъ никто большъ не былъ окроме меня адного, дабы иногда не сочла шляхта за какое нибудь принужденые и тѣмбы не испортить дѣла, я все

сие что графъ говорилъ выслушалъ и обещалъ такъ здѣлать, и съ тѣмъ разошлись.

По утру въ часу восмомъ пашолъ я къ графу, нашолъ его уже одѣтого и весма въ богатомъ платьѣ, показалъ я ему мои пункты кои и съвели съ имеющимися у него на Полскомъ языкѣ кои были во всѣмъ съходны; содержаные жъ оныхъ было благодарность отъ всѣго воиводства Брацлавскаго, о той деклараціи и о учиненной отъ Ея Величества Государини Императрицы Екатерины второй, гваранцій о ползѣ и защите всего Полскаго государства, въ ихъ волюности закона католикаго, и десидентовъ въ Полше живущихъ, и что оны ту гваранцію принимаютъ съ великою благодарностью въ знакъ Высочайшей Ея Величества милости.

Потомъ стала шляхта собиратца, иные вошли къ графу въ палату а другіе собирались въ церкву.

Въ часу адинадцатомъ въ началѣ пашолъ графъ въ препровожденіи всѣхъ почетныхъ шляхтъ въ церковь, гдѣ поставленъ былъ длинной столъ надкрытъ краснымъ сукномъ, а въ округъ оного въ три ряда поставлены стулья и скамейки.

Скоро графъ вошелъ въ церковь, тотъ часъ ударили органы и началась служба, послѣ коей всѣ духовные вышли изъ церкви и двери затворили, тогда графъ подошедъ къ верхнему месту того стола указывая всѣмъ чтобы занимали места по старшинству своему какъ оны между собою о томъ разумѣютца, а мнѣ показалъ графъ возлѣ себя съ левой стороны занять стулъ, потомъ какъ на свои места всякъ сталъ, тогда виналъ я ту печатную декларацію подаю графу, и говорю ему уже по полски чтобы рѣчь мою всѣмъ разумѣть было можно, и зачалъ говорить, первѣе изспрашиваю отъ всѣхъ здѣсь присутствующаго общества, чтобы принято было мое объявленные съ уваженіемъ яко дѣло есть слѣдующее въ пользу всѣго вашего общества и отечества.

Присланъ я сюда въ Брацлавское воиводство отъ главной моей командѣ съ тѣмъ чтобы объяродовать и опубликовать уинѣнну отъ Ея Величества моей Всѣмилостивѣйшей Государини Императрицы всероссійской Екатеринѣ второй, для всѣхъ Полскаго королевства и всѣхъ обыватѣй во ономъ живущихъ декларацію и гваранцію; а какъ вы господинъ графъ нинѣ здѣсь находитца извольте, говорю я ему, а также и всѣ благородное шляхетство сего Брацлавскаго воиводства здѣсь въ собраніи предъстоитъ, причѣмъ и я честь имѣю

предоставить, то прошу, Ваше Государство приказать моему первоначальному избранцу Афанасию, принять сию декларацию от меня и почитать данною ему же обществу поблагодарить, надюсь я при этом, что благородное сие общество не оставит за толь Высочайшую къ вамъ оказанную отъ Ея Величества милость принесть монарху вашу благодарность, и оно на письмѣ подать мнѣ дабы я къ означенному месту могъ доставить.

Граф, ту декларацию от меня принял и подаетъ того Бра-
вского воеводства ресенту, (значить принудительнаго места секре-
ры) призываетъ ему графъ, чтобы читать въслухъ велегласно.

«**По прочтении той декларации, зачалъ графъ говорить свою речъ и на началъ повернуть лицо свое къ собранію, слѣдующее:**

«Намъ обывателямъ отечества нашего есть весьма нужно чтобы
состояние общественное какъ нинѣ во многихъ пунктахъ
въ внутренности портѣ, которая не только въ управленіи заве-
ла, но и воности наша древная чувствуетъ нарушение, и но-
итъ вообще тягость, а дабы таковы тягости съ себя снѣять, и по-
состояние наша въ цвѣтущее благоденствие для нашего об-
щаго блага, воности вери и закона, и единоты, по обычаямъ пра-
диковъ нашихъ, и тѣмъ на всегда въпредѣ пользоваться могли, то
должно должно намъ дѣлать изъ предпріятіямъ нашимъ под-
изъ содѣланныхъ Государей одну сторону, чрезъ кою можемъ
маемое достигнуть, а какъ ко всему сему она учинѣная отъ Ея
личества Императрицы Всероссийской гваранция яко отъ нашей
личества Императрицы, есть то самое изъясненіе слѣдующее въ
нашего общества, и по своей высокой милости, Ея Величе-
са сама собою къ намъ отъзываетца и обещаетъ чинить во вся-
случаяхъ поспѣшу и помочь, намже изъ всѣхъ протчихъ сусѣ-
кто въ помощь такъ полезенъ быть не можетъ какъ Россія,
то что обширную границу съ нею имѣемъ, а друго по націи Сла-
вянскаго языка сродство между нами есть, почему таковы наши
жизны дѣла и надобности ни кѣмъ болѣе не могутъ быть под-
даны какъ Россіи, коя намъ и ту гваранцію изъяснила, то и
мы всѣ вообще такову высокую милость съ великимъ ува-
женіемъ принять и принести за то Ея Величеству нашу благодар-
ютъ, аже яко обыватель по владѣнію моему въ сѣмъ воинводстве
столицѣмъ, будучи сведомъ о многихъ дѣлахъ кои приготавливаютца
къ устройству нашему, то для того поспѣшилъ къ вамъ мои сер-
дечныя словеса чтобы съ вами положить советъ общественны и учи-

нить совѣтъ обо всемъ принадлежащемъ что къ ползѣ обществу нашему слѣдовать можетъ, для чего надобность требовать чтобы первое съконфедероватца и потомъ выбрать объявляя и великимъ голосамы той конфедерациі маршалка, что сево дня и должно быти и назначить ту особу каво за благо разсудитъ.

По окончаніи сей речи что графъ говорилъ тогда вся шляхта стоя еще на ногахъ приняла графское объявление за благо и благодарять графа за ево толь великое о общество стараніе, а первой изъ всѣхъ отозвался въ выборе маршалка той новой конфедерациі своимъ голосомъ хоронжи Грохолски, представилъ обществу и показывая на графа что де мы ничто лучше слѣдовать къ достиженію всего желаемаго не можемъ, какъ ежели согласимся на томъ чтобы ясновѣлможному пану Подъчашему быть маршалкомъ.

Послѣ сего первого голоса былъ второй голосъ отъ князя Четвертинскаго, а потомъ и всѣ вообще на томъ утвердили, прося графа чтобы онъ то достоинство на себя принималъ, и что оны во всемъ предъпріятіи полагаютца на него.

Графъ благодарить всему обществу за ту учинѣнную ему честь и приказано секретарю подать чернилицу и бумагу, и писать первое тотъ учинѣнной отъ войводства Брацлавскаго маршалку выборъ, коего подписали по согласію общему, двадцать четыре главныхъ того войводства господъ, а за тѣмъ напысана маршалку на то достоинство присяга коя подынесена для подписи графу.

Графъ принявъ оную и приступилъ собственноручно къ олтарю прочесть самъ предъ всѣми въслухъ, и потомъ подписалъ; а за тѣмъ подынесено графу трость или жезлъ маршалски, коего принявъ графъ въ руку и поклонился съ онымъ всему собранію уверяя своими словами, что онъ по силѣ учинѣнной присяги и возложенной отъ сего войводства на него доверенности будетъ до смерти отечества во всемъ наблюдать правду, а по любви къ отечеству своему и въ ползу всего общества старатца долженъ повиноватъ.

Потомъ селы всѣ вьокругъ стола, а другіе кои были нижнимъ шляхта каковыхъ собралось множество стали на ногахъ, и всѣмъ кто хотѣлъ или имѣлъ чего говорить то объявлялъ, о чемъ ежели бы всею описывать, то бы чтеніемъ упустить время по пустому.

Напоследокъ чтобы еще сократить, а приступити къ предъпріятію дѣла и совершити то за чѣмъ я. прислава, (о. лану а. лану)

Графъ, сунувъ въ руку всѣ собраныя къ подписанію) для того, дабы можно было оныя поскорѣе отъправитъ. Графъ, тотъ часъ ударилъ своимъ жезломъ, которой предъ нимъ лежалъ, дабы знакъ, чтобы отъ многихъ глаголовъ поутишица, отъ чего было уже и слышкомъ шуму, по коему, отъ графа знаку всѣ стало тихо и замолкли ожидая что еще сказано будетъ.

И потому, вынулъ графъ имѣющіеся тѣ у него пункта (каковы были на подскомъ языкѣ заготовлены въ двойнѣ), и сталъ говорить что дабы всѣмъ вообще, мои любезные братцы и обыватели отечества нашего, надлежитъ, таперь при зачаче сего нашего союза, и сей новой конфедерации учинить первѣе благодарность Ея Величеству Императрице Всероссійской за тогъ велико оказаную намъ милость, о коей въ деклараціи выражено, и что мы остаемся подъ гваранціею Ея Величества, то для того подыношу здѣсь пункта кои изъясняютъ отъ нашего общества сего воеводства что тѣмъ будучи даволны приносимъ нашу благодарность, а что сие всѣмъ нами учинено, и та декларація съ удовольствіемъ нашимъ принята, то здѣсь тѣмъ нашимъ собраннымъ присутствующимъ сей господинъ подполковникъ войскъ русскаго, (указывая графъ на меня) которой сюда потому къ вамъ присланъ, можетъ и отъ себя для вѣрности по своей командѣ о томъ довести и засвидѣтельствовать.

И то объявивъ графъ подастъ тѣ пункта секретарю и приказываетъ читать, да слухъ ведегласно, о коихъ по прочтеніи отозвалось было несколько голосовъ что о десидантахъ имѣють сумнительство какъ въ той деклараціи изъясняется, и что онымъ не принадлежить тѣмъ правомъ ползватца на какомъ остаются прямые сыны отечества въ законѣ католичкомъ состоящие, а о прочемъ во всѣмъ оны съ великою благодарностью по той деклараціи остаются даволны.

Изъ сего мало не зашумѣли и всѣ прочіе, и вижу я что дѣло идетъ почти къ раздору, то чтобы ускорить, (нежелъ всѣ по своему обычаю крикнуть не позволяя) взглянулъ я на хорошаго Грохотскаго а также и на старика князя Четвертинскаго, подалъ имъ знакъ своимъ чтобы оны успокоились, почему хорошии тотъ часъ вставши съ стула объявляютъ собранію что де мы уже выбрали маршіала нашего общества какъ и всѣ мы, и онъ конечно таперь приездомъ своимъ

отсѣлъ въ Варшаву, будетъ при открытіи генеральной конфедераціи знать къ чему сие дѣло клонится и можеть изъ того знать исследовать какая опасность или нѣтъ, то не лучше ли сегоднѣ же сказать на него какъ онъ заблагоразсудитъ.

Графъ съ своей стороны на слова Грохотскаго сталъ говорить уверяя общество о своей къ нимъ преданности и о томъ любви къ отечеству какову онъ имѣетъ и что конечно не останется во всякихъ случаяхъ ползу онаго наблюдать.

Сие увещаніе принесло въ протчихъ несколько склонность къ успокоенію и ужъ не такъ жестоко о томъ противоречить стали, и видя что на то графъ яко маршалокъ согласенъ, то ужъ и протчіе все приступили и стали подписывать, первѣе подписались графъ а за нимъ и другіе, а подписавши вручили мнѣ графъ акинъ, а другіе такнѣмъ удержалъ онъ у себя.

Потомъ приказано чтобы позвать старшего ректора того езуитскаго монастыря съ протчими духовными, кои какъ прежде, тогда графъ и со всемы присутствующими вѣставши съ стульемъ ободаетъ графъ тому началнику и духовенству о учинѣнной новой конфедераціи и далъ имъ читать ту печатную декларацию, и подписавше благодарные пункта, а за тѣмъ сказалъ графъ чтобы отпѣть тутъ въ церкви благодарной молебень, почему тотчасъ и зачалось пѣніе съ музыкою церковною и при возгласіи на латинскомъ языкѣ: Te Deum Laudamus; то есть тебѣ Бога хвалимъ, ударили дѣтаври и органы а на дворе зачалась палба изъ мелкаго ружья той драгунской роты что съ графомъ въ конвое пришла, а притомъ изъ церковныхъ четырехъ мартиръ три раза выстрелено, тутъ ужъ духовенство пришло маршалку поздравленіе и говорили некоторые предъ графомъ вою речъ.

По окончаніи всей сей церковной церемоніи просилъ графъ встать къ себѣ на обѣдъ, и съ тѣмъ вышли изъ церкви, и проводилъ графа въ его покои, а мимо ходомъ отдалъ графу караулъ моего ескадрона честь.

Я тотчасъ написалъ короткой рапортъ приложивъ при ономъ и съ подписанные пункта отпавилъ нарочно афидера по почтѣ къ главнокомандующему корпусомъ генералу-майору Петру Ивановичу Хвостеникову, причемъ также приложилъ по сферости того моего управленія не большое партикулярное къ генералу оному съ извѣщеніемъ о добротѣ графа къ нашей сторонѣ также и о хоро-

даже Грохотскому, что онъ былъ мнѣ въ подмыслии думатое на-
дежду и помогаю много.

«Транспортъ мой успѣлъ быть первымъ изъ всѣхъ прочіихъ дота-
шенистовъ, и въ пункта отправления отъ генерала въ Варшаву, къ
необходимому тамъ нашему русскому полномочному послу князю
Николаю Васильевичу Репнину, за которой такъ учинившей мною успѣхъ
благодарности.

«Тотъ день покуда все то кончилось, и какъ вышли изъ цер-
квы было ужъ часъ въ началѣ четвертой после полудня, столъ
у графа былъ поставленъ одинъ, въ большой залъ, (что по монастыр-
ски называется Refectorium) надкрытъ на тридцать на шесть ку-
вертовъ, вся посуда на серебре и сервисъ весьма хорошъ, при комъ я и
афиеры мой место имѣли, а въ другомъ также большомъ паксе по-
ставлены были еще два длинные стола, тамъ ужъ прочіе мѣстные
шляхты заняли места свои, коней мотло достатка, а другіе многіе
и на ногахъ стояли и ели что какъ кто могъ.

«У перваго стола слуги графские услуживали двенадцать лаке-
евъ, шесть официантовъ, четыре гусара, два арапа, и два егера, и
и все въ богатой ливреи были одѣты.

Во время стола играла собственная графская музыка на разныхъ
инструментахъ, и какъ первой букаль съ однимъ венгерскимъ гра-
фомъ, поднесенъ, то онъ вставши съ стула отозвался ко мнѣ, что
онъ пріятъ за здоровые Ея Величества Императрицы Всероссийской
и да есть всѣмилостивѣйшая Государиня и гварантка полскаго госу-
дарства, тогда зачалась на дворе палба, первѣе отъ моего эскадро-
на которой тутъ былъ приведенъ и построень, а за нимъ изъ мар-
тиръ и мелкаго ружья отъ графскихъ драгуновъ, и тако продолжа-
лось далѣе то за здоровые пытие и не другимъ какимъ виномъ а всею
венгерскимъ даже до самаго вечера, тутъ ужъ было напоследокъ
большая часть пьяныхъ, а особливо изъ мелкой шляхты слишкомъ
много, кой обкружа графа валялись по землѣ у его ногъ.

На томъ тотъ день и до одинъ дватаго часа въ ночь безъ пре-
рванно такъ происходило, а потомъ большіе паны разошлись по сво-
имъ квартирамъ, а мѣлочъ остались во всю ночь, бурлили и ва-
лялись по двору до самаго свѣта.

«По утру въ часу десятомъ было опять въ державы собранные,
сно ужъ было нѣкъ собственная надобность, и некоторые чиновники и

другая шляхта подавала графу записки яко маршалу и съобщала общественнымъ нуждамъ, кои онъ принималъ и начиналъ исполнять по своей резолюции, и мнѣ также оны дообщи обо войнѣ разсуждали, что въ той дѣлѣ, конфедерация принадлежитъ и обо дѣлѣ учинить продолжалъ, и записано по дунитамъ, еще продолжалось до завтра, да въ полдень, потомъ даша до въ графскѣ, дакомъ и былъ, сталъ такъ какъ и вчера, после обеда графъ много дариъ часами, та бакерками, перстнями, а мелкую шляхту денгами и не оставилъ ни одного чтобы каму чего не далъ, а мнѣ графъ подарилъ верховую аглицкую лошадь, да на ескадронъ далъ сто червонныхъ а караульному офицеру часы золотые, и казакамъ по полъ рубли на каждаго.

На трети день у графа стала болшнаго не было, а по утру, да по въ тотъ день да въ уже пресыномъ дзверемъ своимъ въ прстечко, и домъ былъ изрядной, то прислалъ графъ, къ мнѣ своему дзверцакаго съ уведомленьемъ что послѣ полдня хочеть графъ, да въ шляхтою учинить мнѣ визитъ, и кажде обычаи есть, чтобы гостѣй попочавать, а вы сюда заехали на лехе, и привасола, съ собою не завезлы тоде для того прислаеть графъ вамъ вина венгерскаго одну бочку а другую французскаго, а ту посылку принималъ и поблагодарилъ.

Обедалъ я тотъ день у себя съ моими офицерами дома, и приуготовлялъ къ принятию пришедшихъ къ себѣ гостѣй.

Въ часу четвертомъ извоилъ графъ съ прочими гостями ко мнѣ притытъ, а гостѣй моихъ принялъ и подчовалъ присланнымъ мнѣ виномъ яко бы своимъ собственнымъ, и было того дабыло, что чего я напоследокъ какъ мелочь препыла въ великой бѣды былъ, что недоволю въ тотъ день во и на другой со двора нейдуть а причать дай пыть.

Графъ на четвертой день паяхалъ и при отъездѣ обьявилъ мнѣ что онъ едетъ въ Варшаву, и что тамъ какъ соберутца всѣ маршалки той новочинной по воиводствамъ конфедерации, тоде тогда отъкрытца въ Варшавѣ генералная конфедерация, а потомъ будутъ сенники въ тѣхже воиводствахъ на которое время говоритъ графъ что опять онъ сюда будетъ, и тогда выбирать стануть депутатовъ, или пословъ отъ воиводства, кои должны ехать въ Варшаву для установления и отъкрытия генералнаго сейма, и говоритъ еще графъ что де я думаю и вы о томже отъ своей каманде получите повелѣнья и надѣюсь еще васъ здѣсь по приездѣ моемъ видѣть, въ кое время можетъ быть что всеи лучше будетъ нежели тамъ было.

...и проводилъ графа къ нему, а въ дѣлѣ своемъ не было никакой
доверчивости, и въ простотѣ своей даже не замечалъ, что
идетъ къ своему врагу.

При открытіи сей нашей конфедерациі показавъ себя графъ
духомъ великимъ, и предвѣщало нечто большое, его намереніе
хоть и скрыто было но предпріятіе его подавало видъ величе-
ственной, а о томъ много-кратъ помышлялъ и заключаю что чему ни-
будь да быть большому, а особливо какъ онъ часто въ разговорахъ
упоминалъ о правленіи по внутренности что есть порокъ и против-
нство правамъ ихъ волнѣности и отечеству, эти слова наислабѣе
пошли мнѣ обаяніемъ, какъ и увидѣлъ что графъ тѣмъ дѣлами
хотѣлъ быть нѣмѣ съ ахилѣевою пятою (которой у воеводы Киев-
ского вѣдѣны состоятъ въ доверенности и онъ тутже при откры-
тіи сей конфедерациі присудствовалъ) разговоры часто находилъ и
графа проводилъ онъ до местечка Брамы гдѣ и оставалъ во дворѣ
воеводы Киевскаго, дожидаясь обратнаго графскаго приезда, то я съ нимъ
въ время моего тамо пребыванія познакомился и съ нимъ дружба,
назывался сей господинъ по фамиліи Ортински, я нарочно ѣздилъ
иногда туда къ нему въ гости и выходя изъ нѣмъ въ разные разго-
воры, наконецъ ужь довелъ его до того что онъ мнѣ открылъ всѣ
свои секретъ, и говоритъ что де всѣ Подольскіе фамиліи а особливо
воевода Киевскій все первоначальны той фамиліи, имѣютъ наудоволь-
ствие въ составленіи короля полякаго Станислава Понятовскаго,
и даже того де танеръ при открытіи сей конфедерациі считалъ за
необходимость и въ память къ исполненію своего камерерія убитіемъ
отъ русскаго старшины яварандою, чтобы тѣмъ способомъ короля
Понятовскаго свергнуть съ престола Польскаго, а на его место воз-
становить короля доводу Киевскаго, и потому де танеръ го-
сподина Подольскаго Литевскаго принялъ на себя сие достоинство, былъ
маршалкомъ сей конфедерациі, и по собраніи въ Варшавѣ всего об-
щества старатца онъ будетъ пригласить къ тому господинъ сенаторовъ
въ достиженію того ихъ намѣренія.

Такой предметъ у насъ господа были основательны такъ да-
леко и даже простиралъ мысли мои въ ту надежду что не-
которые отъ стороны русскаго будутъ имѣть въ томъ поддѣлку,
о чемъ однако оны ошиблись, и въ чемъ что впоследствии было
явлено даде.

Я въ томъ местечкѣ Бранце оставалъ въ ожиданіи послѣдствіи
моего съ тѣмъ подписанными пунктами турьера, который на чѣмъ

той неделѣ ко мнѣ возвратился и привезъ отъ главнокомандующаго корпусомъ генерала ко мнѣ ордеръ, въ коемъ предписано мнѣ ожидать вторителнаго приезда въ местечко Виницу господина Подчащего Литовскаго графа Потоцкаго, и что это время ко мнѣ презъ нарочнаго курьера данно будетъ знать какое еще дѣло предпринять и исполнить должно, а притомъ прислано ко мнѣ на покупку фуража и провианта потребное число денегъ, а равно и экстраординарной суммы триста рублей кои употреблять велѣно на посылку курьеровъ и на угощенные иногда тамошнихъ господъ.

Жилъ я въ местечке Винице всего три мѣсяца на дѣла между тѣмъ ни какова дѣла а только для препровождения времени упражнялся въ экзерциціи моего эскадрона, забавлялся также по дѣсу за охотой, ездилъ по гостямъ, какъ я со всѣми господами съезжался и часто оны у меня бывали чѣмъ и вошолъ я къ нимъ въ любовь, и тѣмъ всякъ изъ нихъ радъ былъ меня у себя имѣть, до послѣднихъ за мною свои экипажи, просили въ гости, отъ чего я не отказывался, дѣлалъ имъ въ томъ удовольствіе и проводилъ время съ ними весело.

Напослѣдокъ отъ главнокомандующаго корпусомъ генерала присланъ ко мнѣ курьеръ, каторой привезъ ордеръ и при ономъ предложены особливые пункты съ предписаньемъ что въ томъ Франциска въ войноводствѣ должно учинить бытъ отъ шляхетства собраніе открыть сеймикъ, на коемъ чтобъ выбрать двухъ депутатовъ и отправить въ Варшаву на генеральной сеймъ, но притомъ отрясти чтобъ я старался конечно привести всю шляхту того войноводства къ выбору обоихъ братьевъ Грохоловскихъ первой хоронимъ, а другой подыстолю войноводства, на которое время къ открытію того сеймика пишетъ генералъ что приедетъ опять ко мнѣ господинъ Подчащий Литовски графъ Потоцки, а до прибытія его содержать мнѣ это дѣло въ секретѣ.

О семъ хотя никому ничего я и не сказывалъ но необходимо надобно было уведомить на периодъ о таковыхъ выборахъ, какіе въ томъ прежнихъ временъ у господъ Полакковъ бывали бывши, дабы узнавъ сіе могъ я свои мери предпринять, для чего и зашелъ я къ той сторонѣ съ господиномъ хоронимъ Грохоловскимъ разговаривая говорю ему что у васъ слишкомъ и нѣтъ чего нового и будучи, знаю, скоро въ Варшавѣ открыватца генеральной сеймъ и кто бы изъ главнымъ маршалкомъ выбранъ, и что думаю надобно бытъ теперь въ Варшавѣ большому собранію.

Хоронжи мнѣ на мои слова скоро отвѣчалъ, и говорить что правда надобно быть въ Варшавѣ сеиму, и какде слышно что уже генеральная конфедерация кончилась и выбранъ на оной генеральнымъ маршалкомъ князь Радзивилъ, тоде потому нада ожидать скоро и большаго сеима, однако не прежде тому быть покуда на периодъ изъ всѣхъ мѣстъ целаго нашего государства не соберутца туда послы, кои должны быть выбраны во всѣхъ войводствахъ и поветахъ, собранные для выбору тѣхъ пословъ должно быть на периодъ опубликовано и день назначенъ когда собыратца, и собранные будутъ имѣть свои разсужденїи обо всѣмъ что до общества принадлежитъ, а также на то время долженъ быть сюда нашъ маршалокъ каторой насъ съконфедеровалъ и онъ приехавши отккрытъ эдѣсь яко доверенная особа по королевскому повелѣнїю въ нашемъ войводствѣ сеимыкъ, и учинить выборъ тѣмъ посламъ, каторые потомъ снабжены будутъ отъ общества инъструкцією и отъправлятца въ Варшаву.

Я вислошавъ всѣ сїи отъ хоронжего слова говорю еще ему ежели приедетъ сюда нашъ маршалокъ господинъ Польчаши и отккрытъ сеимыкъ и на ономъ будутъ вибыратца послы, то каво вы думаете на таково посолство выбрану быть, онъ на то мнѣ сказалъ что де того на периодъ угадать нельзя потому что у насъ въ такихъ выборахъ бывають иногда споры велики, ибо всякъ желаетъ приобрести ту честь, для чего де мелкая шляхта много мешають кои идиобщася къ которому нибудь изъ насъ большому держа его сторону, хотя бы иногда другие и не хотѣли на того выборъ учинить каво оны хотять но въ разсужденїи нашей волности и обыкновеннаго слова де позволямъ, то и удерживаетъ таково достоинство тутъ на кова большъ голосовъ припадетъ.

Мнѣ ужъ сего что хоронжи сказалъ было довольно разумѣть въ чемъ та ихъ общественная связь состоитъ, однако хотѣлъ я еще и объ нѣмъ самомъ узнать каковихбы мысли онъ былъ естли бы о томъ ему отккрытъ что я отъ команды въ виборе его повелѣние имѣю, а къ тому еще болѣе была моя въ томъ надобность чтобы его дружбою къ себѣ приласкать и подкрепитьъ себя дабы въ моемъ предпрїятїи былъ мнѣ кто нибудь рука въ помощь, ибо мнѣ тѣ присланные пункта вертѣлись непрестано въ голове, о коихъ чтобы при отккрытїи сеимыка вся шляхта захотѣла принять и подписатца я жестоко о томъ сумнѣвался, яко важность велика, то и долженъ я былъ упредить могущіе иногда быть споры и старатца привести

шляхту на свою руку, для чего и зачалъ я далѣ разговоръ вести съ хоронжимъ и говорю ему, ну ежели таковъ выборъ посолства отъ здешняго войводства припадетъ на васъ то будете ли вы тѣмъ довольны.

Онъ отвѣчалъ какже небыть доволну, мнѣбы говорить онъ сие здѣлало большую честь и подалобы предъ протчими первенство, такъ говорилъ я ему ежели вамъ угодно то въ то время какъ здесь будетъ отъкриватца сеймыкъ постараюсь я чтобъ васъ въ послы vybrать и отъправить въ Варшаву, онъ на тотъ мой къ нему отъзывъ былъ весьма доволенъ и сталъ еще просить моего въ томъ вспоможенія, общалъ съ своей стороны взаимное делать естлы въ чемъ была моя надобность, я ему повторилъ мое обещание и далъ твердое слово.

Изъ сего что хоронжи говорилъ было то уже на первомъ случаѣ въ моемъ предъпріятіи подкрепленія довольно, и онъ сталъ ко мнѣ совсѣмъ дружелюбенъ, и даже что нѣкоторые секреты своихъ общественныхъ разговоровъ мнѣ объявлялъ, что къ упрежденію въ моихъ предъпріятіяхъ послужило мнѣ много.

Я ужъ приобрелъ сего господина сторону къ себѣ надеждою крепко, но брата его меншаго подѣстолаго Брацлавскаго хотя и знаю и онъ бывалъ у меня, однако я у 'него въ домѣ не бывалъ, яко онъ особно отъ брата въ другой местности жилъ, и потому дальней дружбы съ нимъ еще не имѣлъ, то и надобно мнѣ было и его также къ себѣ пригласить, яко извѣстно что онъ не есть свойственъ натурою съ братомъ а много упорливъ, а также что на своемъ полскомъ языкѣ онъ на правахъ великой знатокъ, отъ коего я несколько сумнѣвался дабы иногда онъ не былъ мнѣ противенъ, для чего говорю я къ хоронжему что видишь вотъ какъ я еще хочу вамъ оказать мою дружбу, и намеренъ старатца чтобы и братъ вашъ подѣстола былъ общъ съ вами избранъ въ посолство въ Варшаву, и ежели вамъ то есть угодно, такъ можете ему подѣ секретъ о томъ дать знать, однако не сказываю я ему еще ничего о томъ что такое я повелѣніе объ нихъ обоихъ отъ команды своей имѣю, сдѣлалъ предъ ними такую маску нибы то я самъ собою такъ произвестъ хочу, и тѣмбы болѣе ихъ къ себѣ въ привязаность привестъ.

Хоронжи какъ я ему о томъ сказалъ что и брата его въ выборѣ въ послы хочу старатца, былъ тому очень радъ и брата своего о семъ извѣстилъ, который ко мнѣ скоро пріѣхалъ и услышавши отъ

меня то самое здѣлался уже обще съ братомъ своимъ хоронжимъ наровнѣ мнѣ друзьями, и были на всякъ случай къ моей сторонѣ сѣклоны.

И тако я на томъ положеныи остался ождая прибытія подъяча-
шего Литовскаго, а между тѣмъ зачалъ я знакомытца съ мелкою шлях-
тою, дабы всио приготовить за благовременно слѣдуемо въ ползу къ
сторонѣ моей надобности, яко та мелкая шляхта суть люде такие
кои въ своихъ собраныяхъ по ихъ волности могутъ много и хороша-
го и худаго здѣлать, для чего призывалъ я ихъ къ себѣ угащивая
напыткомъ чего оны весма принимать любили, а многихъ бедныхъ
изъ моей экстраординарной суммы дарылъ денгами иному на сапоги а
инымъ червонца по два и по три и болѣе смотря по его свойству и
что прилично кому дать, изъясляя тѣмъ мое къ нымъ доброжелате-
ство и что знакомство радъ имѣть со всѣми, какъ говорю я имъ есть
время свободное и я въ войводстве вашемъ нахожусь и сколько уже
времены здѣсь живу, то и не хотѣлъ оставить чтобъ со всѣми вами
не познакомытца, и то есть мое наибольшее удовольствіе когда при-
ятелѣи себѣ наиду, хваля ихъ обычаи и храбрость, и что я самъ
какбы радъ навсегда между ими быть, оны всѣмъ тѣмъ будучи да-
вольны возвышали меня своими похвалными словами до небесъ и го-
товы были на всио приступыть чтобы толко я имъ дѣлать приказалъ.

Таковы гости уже опосля и незванные ко мнѣ почты всякой день
наведивались и съвежихъ другихъ съ собою приводили и дѣлали мнѣ
свои визиты (однако за интересомъ) коихъ я всегда принималъ лас-
ково, поилъ и подъячалъ даже что допыяна напивались и тутъ иные
и чрезъ ночь валялись.

Изъ сихъ голышевъ я ужъ примѣчалъ кто можетъ быть полезенъ
къ сторонѣ моей, съ таковыми болшъ и разговоры имѣлъ и держалъ
ихъ наготове какъ дѣло въ надобности придетъ.

Такимъ образомъ устроилъ я въ запасъ къ достижению своего
предъпріянія и уже болшая часть шляхты моя рука были, и мнѣ
такъ казалось что дѣло мое совершенно будетъ съ желаемымъ успѣ-
хомъ, но потомъ чуть и мало вся моя надежда не пропала, ибо при-
открытіи сеймики и публикованныхъ пунктовъ явились затрудненыи
какъ о томъ ниже видно будетъ.

Подъчаши Литовскіи графъ Потоцкіи скоро потомъ къ намъ
приехалъ и остановился въ местечке Браиле въ доме воеводы Киевскаго,

о чемъ мнѣ далъ знать, а въ воиводство учинилъ публикацію значивъ о собраніи всѣхъ шляхты день въ который съездъ долженъ быть и онъ на тоже время въ местечко Виныцу прибылъ.

Въездъ его былъ ниже нимаго съходенъ противъ прежняго и всего то состояло экипажъ карета одна, кухня и две повоски по четыре лошады да несколько человекъ слугъ, онъ показалъ выдъ жалостной и невеселой, мы всѣ думалы неболены такъ онъ было лице свое пременилъ.

Квартирою сталъ въ томже езуитетскомъ монастыре гдѣ и прежде былъ но такъ какбы партикулярно приехалъ безъ всякаго великолѣпия, вся шляхта уже собралась и дожидалась его на улице, также и я его тутже встрѣтилъ предъ монастыремъ у воротъ, и въ честь такъ какъ и прежде ему караулъ отъ моего ексадрона поставилъ, принялы его всѣ господа съ великими уклонами и препроводилы въ покои.

Бавылся я у него въ поздую вечеръ дожидаясь покудова всѣ другіе разошлись, а потомъ объявляю ему что я уже о томъ что его сиятельство къ намъ сюда приедетъ и сеимыкъ въ здѣшнемъ воиводствѣ яко маршалокъ откритъ и пословъ въ отсылке въ Варшаву выбрать будетъ имѣю отъ команды моей увѣдомлѣние, онъ тотчасъ пресекъ мою речъ и говорить я де чаю что вы уже имѣете и такое повелѣныя ково имено и въ послы назначить, а также и пункты къ подпыси къ вамъ думаю присланы, на то сказалъ я ему что такъ есть и докладываю что о исполненни сего предъписано мнѣ что возложено на васъ, и вы говорю я ему конечно не оставите. въ томъ здѣлать такое расположенныя каторое будетъ знакомъ вашего усердія къ волѣ ея величества нашей Всероссійской государынѣ, въ честь и похвалу вашего собственнаго имени.

Онъ на то отвѣчалъ другъ мой вы правда хотите и желаете того чего можетъ быть общество здѣшнѣе едвамы будутъ на то согласны, яко дѣло важности такой есть каторое отечеству нашему неспосно и болѣе къ погибелы служить можетъ нежелъ къ ползе, а завтреде увидимъ что далъ покажетца, и то выговоривъ отъвратыся протчъ и пошолъ въ другой покой.

Такова встрѣча была мнѣ почти ударъ большой, зная ежелы по предъписаному мнѣ повелѣнью неудастца такъ здѣлать что могу потерпѣть невыное нареканіе и сочтетца за мою оплошность, и въ тѣхъ размышлѣнныхъ пообождалъ я еще тамъ покудова графъ опять ко мнѣ вы-

шелъ, тутъ я сталъ повторять ему о предъпринятій дѣла, выхваляя его особу какъ всио благоразумно было устроено прежде при откритіи здесь и конфедерацій, и какъ главная наша команда тѣмъ всѣмъ доволна и что конечно о томъ его усердіи и къ ея величеству нашей государынѣ донесено, и какъ таково дѣло болшой доверенности ему приписуетца, а потому что оказали говорилъ я ему вы господинъ графъ толь великій знакъ прежде вашего усердія то и теперь надѣюсь, что конечно неоставите доказать въ честь и въ славу вашего имени и въ ползу своему отечеству чтобы предъпринятое дѣло привести въ совершенство, и то всио выговаривши представляю еще ему чтобы завтрашны день какъ сеймыкъ откритоца неоставилбы при выборе пословъ отъ войводства здешняго выбрать таковыхъ какбы могли при главномъ сеиме въ Варшавѣ быть въ ползу общества и отечества вашего, тѣмбы принести честь особливую войводству здешнему, а яко таковы послы должны быть люди знающіе вопервыхъ въ своихъ собственныхъ правахъ и законовъ, и соглашатца на основаніи прежде учинѣнной здесь конфедерацій начесть и генеральная въ Радомѣ конфедерация свое основание положила, то чтобы въ противность оной не было нонѣшнымъ предъпринятымъ въ деле какой розницы, для чего сколько времени я здесь нахожусь говорилъ я графу были случаи доволны обознатца со всѣми здешними господами, о коихъ немогу иначе сказать какъ что суть люди съ достоинствами и наравнѣ аднѣ какъ и други, изъ между коихъ какъ мнѣ кажетца ваше сиятельство весмабы потрафилы естлы завтрашны день вы яко маршалокъ положите первы свои голосъ въ выборе пословъ на обѣихъ господъ Грохолскихъ, а нѣ говорю я графу люди бывалие между большими господами и сложенные хорошаго кои уповаю что возложенаго на ныхъ отъ общества дѣла не испортуютъ нимало.

Графъ слушалъ мои слова что я ему говорилъ очень вѣнятно и отвѣчаетъ, чтоде я сколько слыть моихъ есть буду о всѣмъ томъ старатца что вы теперь говорить изволяте привести въ желаемы вами успѣхъ и о выборе господъ Грохолскихъ на посолство могу васъ тѣмъ обнадежить какъ я и самъ на ныхъ мое мнѣніе полагаю, но въ подысе тѣхъ пунктовъ кои къ вамъ присланы не знаю что вамъ сказать, понеже сие дѣло есть прискорбной намъ пунктъ.

Я еще мои слова представлялъ графу выражая адно и другое въ похвалу его имени естлы онъ приложить свое старинны и доведеть дѣло къ благополучному окончанію, и подыношу ему переводъ на полскомъ языкѣ съ тѣмъ присланныхъ мнѣ пунктовъ кои завтра

при открытіи сеймыка подписать должно онъ ихъ отъ меня принялъ и прочелъ, и подаетъ обратно, сказанъ притовъ что и онъ также имѣть, а сій чтобъ я ему завтра въ присутствіи подалъ, и между тѣмъ дѣла будетъ онъ о томъ имѣть свои разсужденій (и натома какъ уже часть адинатцаты въ ночь время въ разговорахъ нашихъ продолжилось то я оставилъ его съ пакоемъ и самъ пошелъ на квартиру).

Признаюсь тебѣ читателю мой что я ту всю ночь ниже глазъ моихъ не затворилъ и спать неляговился, такъ тревожили меня мысли мои всю ту ночь и до самого утра.

Я какъ скоро разсвело послалъ къ господамъ Грохотскимъ просить ихъ къ себѣ, оны приехали было то рано въ часу восьмомъ, мы вошли въ разговоры одно и другое между прочимъ сказываю я имъ что оны оба въ посольство будутъ выбраны и что я о томъ уже у господина маршалка сгезы направилъ и что онъ дѣлать обещалъ.

Такимъ моимъ объявленіемъ сій господа были много довольны, а теперь говорю я имъ хочу вамъ объявить пункта кои надобно вамъ старатца сево дня при открытіи сеймыка чтобъ подписаны были, и вы тѣмъ самымъ докажете свое усердіе въ ползу начатого дѣла, и приобретете честь своему имени, какъ я о томъ что вы окажете свою склонность не оставляю чрезъ нарочнаго курьера донести главному командѣ, и вы говорю я имъ по прибытіи въ Варшаву надѣятца можете получить за то благодарность отъ нашего полномочнаго посла въ Варшавѣ пребывающаго.

Сіи господа стали тѣ пункта читать и всю хорошо имъ показалось кроме только третяго пункта, что о дисидентахъ, и послѣднихъ въ ономъ выраженныхъ словъ; говорятъ мнѣ что сій терминъ суть великой важности и не знаемъ мы какъ къ сему приступить и что еще на то общество наше говорить будетъ чрезъ что опасатца должно великаго не согласія и споровъ, на послѣдокъ по многимъ моимъ къ нимъ увещаваніямъ обещалы и положили на томъ что въ присутствіи на объявленные въ обществе сихъ пунктовъ не будутъ оны противоречить, а примечать стануть на какую сторону прочихъ господъ голосъ клонитца будетъ, дабы иногда неподтвергнуть себя въ общество какому-либо подозренному, и съ тѣмъ пашлы оны туда гдѣ имъ собиравца надобно.

Я тотъ часъ послалъ еще призвать тихонка къ себѣ некоторыхъ уже прежде мною приласканныхъ и на коихъ несколько положитца могъ изъ мелкой шляхты, коимъ не много я открылъ дѣла а

только одну поверхность, уговоривъ ихъ при томъ чтобы оны сколько можно между собою наблюдали тишину, и не билобы въ собраніи по ихъ обычаю шуму и крику, и говорю чтобы въ условіяхъ болѣе смотрѣли на господъ Грохольскихъ яко оны суть люде почотные и знающіе въ своемъ дѣле порядокъ, то чтобы соотвѣтствовали своимъ голосамъ и оны на чемъ тѣхъ господъ Грохольскіе согласны будутъ, а также и господинъ маршалокъ говорю я имъ не оставитъ конечно все то здѣлать что къ ползе общества принадлежитъ, такъ по тому чтобы и вы не прекословили и были бы на то согласны.

Сіи часто бывалые прежде у меня гости принялы таково отъ меня наставленіе правда съ охотою, но та беда что ужъ иной успѣлъ не много нагрѣтца да и тутъ у меня еще водки просятъ, я имъ принужденъ здѣлать удовольствіе, хотъ не великою порціею но однако сумнѣвался чтобы иногда не здѣлали конфузій и раздору, для чего еще я имъ напоминалъ о томъ благочиніи какое имъ наблюдать должно и чтобы на томъ утвердились.

Оны все то обещалы исполнить и обнадѣжили что ошибки не будетъ, яко имъ ужъ не въ первое при такихъ собраніяхъ быть и оны свои обычаи знаютъ и чтобы я ни мало о томъ несумнѣвался, и съ тѣмъ отъ меня вышли.

Часъ ужъ десятой въ началѣ пашолъ и я къ графу, засталъ его уже одевшись самъ еще одинъ былъ въ своемъ шакое, принялъ онъ меня ласково, говорили мы о дѣле кое начато будетъ. однако еще не примѣчаю чтобы онъ съклонъ былъ на требованіи наши, между тѣмъ стали уже и другіе приходить и мало погодя собралысь всѣхъ господъ къ нему; въ часу адинатцатомъ пошлы въ церковь слушалы службу коя не долго насъ забавыла, а потомъ затворили двери, сѣлы около приуготовленнаго большаго стола всѣхъ по своимъ мѣстамъ, мнѣ показалъ графъ сестъ возлѣ себя съ левой стороны, потомъ говорилъ онъ речъ свою яко маршалокъ къ обществу что намъ сего дня надлежитъ учинить нашимъ союзомъ общи советъ и по силѣ заключеной предъ симъ въ здешнѣмъ воиводствѣ конфедерацій отъкрыть таперъ сенмыкъ, и учинить выборъ двомъ особамъ отъ нашего общества въ посолство кои отъправлены будутъ при нашей общей инъструкціи въ Варшаву на генералны сеймъ, что и отъдаю таперъ на волю всего общества како заблагоразсудите на то посолство избрать, или балантировкой или такъ только однимъ общимъ условіемъ.

Господа присудствующие то висушавъ зачалы между собою о томъ говорить и советовать, а потомъ вѣсталъ съ стула старикъ князь Четвертински докладываетъ обществу не лучше ль будетъ, говорилъ онъ, положитца на яснѣ велможнаго пана маршалка ково онъ заблагоразсудить то тѣ да и будутъ отъ нашего воиводства посланы, къ сему приступили и всѣ протчiе, объявивъ графу что возлагають тотъ выборъ на него.

Графъ вѣставши благодарить обществу за тогъ велико оказаную ему честь, говорить ко всѣмъ: високо урождены господа здѣсь присудствующие и мои любезные собратыя, приступаемъ мы таперъ къ дѣлу такому которое зависить важности великой, изъ чего ожидаемъ и надѣмся къ достиженю благоденствiя, мыра и тышпынъ въ любезномъ отечествѣ нашемъ но конецъ того еще неизвѣстенъ, для чего таперъ необходимо надлежитъ намъ зачатое дѣло порядкомъ и силою волности нашей кончить, послы отъ воиводства нашего кои сей день избраны будутъ къ отъправленю въ Варшаву на генеральной сеймѣ должны быть снабжены инъструкциею съ предъписаниемъ имъ чтобы оны яко сыны отечества наблюдали всякую справедливость, защищали бы на генеральномъ сеимѣ отечество, веру, законъ и волность нашу древнюю, ежели бы въ противность тому могло что примечено быть, а что таковъ выборъ пословъ возлагаете на меня то кладу къ вашему удовольствию мои голосъ на високоурожденыхъ господъ Грохолскихъ здѣсь присудствующихъ, пана хоронжего и пана подьстолего, кои уповаю суть достойны такой доверенности и могутъ свою услугу доказать обществу, для чего ежели вы всѣ на то согласны, то снабдѣтъ ихъ инъструкциею и отъправитъ въ Варшаву.

Всѣ господа на тотъ выборъ приступили и сказали что тѣмъ довольны, а мелкая шляхта коихъ позады стояла толпа большая закричалы зѣгода, а чтобы тотъ выборъ былъ и на пысѣ учинѣнъ и всѣмы присудствующими подьпысанъ, о томъ приказалъ графъ секретарю чтобы по ихъ формѣ написать.

Между тѣмъ покудова то заготовлялось, графъ вѣсталъ и говорить къ обществу что онъ на минуточку имѣетъ надобность изъ присудствия отлучитца для пересмотренiя нѣкоего дѣла слѣдуемаго еще къ объявленю, и оборотясь ко мнѣ говорить прошу изъволыте со мною.

Я вѣсталъ незная чтобы то значило, графъ пашолъ мимо олтара чрезъ маленькiе дверцы кои выходили туда къ его покоямъ, онъ

вошедъ къ себѣ затворилъ дѣры, тамъ не было болѣе никоу какъ толю насъ два.

Онъ зачалъ мнѣ говорить: любезной мой господинъ подполковникъ немогдѣ я удержатца, чтобъ вамъ не сказать что дѣло предъпринятое таперъ намы есть истинная нашей націй погибель, ежели вы тѣхъ слѣдствіевъ не знаете каковы намъ приготавливаютца то сказываю сие я вамъ подь секретъ, ибо всѣ тѣ обнадѣживаный кановы были прежде учинѣной намы конфедерацій выходятъ со всѣмъ не въ ту форму какъ тогда говорено и пришло таперъ время на семъ нашѣмъ собранію что я соглашаюсь здѣлать, а оно есть въ противность всѣхъ нашихъ правъ и законовъ и какъ сказать, говорилъ графъ, отечество свое измѣнить хочу, дѣлая толю одну угодность въ желаній сторонѣ Россійской, а къ тому еще и для вашей собственной особы ибо я знаю, что тѣ пункта каторіе къ вамъ присланы ежели мы не подпишемъ и не внесемъ оныя выбраннымъ нинѣ посламъ въ инъструкцію, что можете вы чрезъ то быть несчастливы, я де знаю строгосты службы вашей каковы оны, а труда ваши сколко вы стараетесь мнѣ извѣстно, и для того единственно хачу учинить вамъ подькрепление чтобы камысія ваша сочтена была добрымъ стараніемъ, но при всѣмъ томъ хотя мы тѣ пункта, говоритъ графъ, сево дня и подпишемъ однако помните мое слово что изъ того ничего не будетъ, и вы увидите каковъ огонь на генералномъ сеиме изъ сего дѣла вазгоритца и будетъ напоследокъ мятежъ и кровопролитіе велико, вы не думайте продолжалъ графъ свои слова чтобъ изъ того не вышла великая война, всѣ сие говорилъ онъ съ наполненіемъ въ глазахъ слѣзамы напоследокъ заплакалъ и отъворотылся къ окошку утирая платкомъ слѣзы свои.

Такова неподѣванная встрѣча и слова сего господина были мнѣ ужасному удивленію, я остолбенѣлъ незная что отвѣчать, и въ самомъ дѣле думаю въ себѣ ежели тѣхъ пунктовъ подписать не примутъ, то действительно я могу понести невыное нареканье и сочтено можетъ быть будетъ что я мало о томъ старался, для чего собравшись съ мыслями приступилъ я къ графу съ моею къ нему благодарностью за его обо мнѣ такіе хорошие мысли, а притомъ докладываю что слова его я повсе странно разумѣю, ставъ на томъ крепко что то не можетъ быть и что конечно кто нибудъ его накриво извѣстилъ, а лучше будетъ чтобъ вы, говорилъ я ему, ни о чемъ не сомнѣвались, упоминая ему декларацию и гваранцію публикованую отъ ея величества нашей государинѣ на чемъ чтобъ и положитца и ожидать бла-

гополучнаго на генералномъ сеймѣ въ Варшавѣ всему тому окончанная, и мятежу или войнѣ чтобъ могло быть о томъбы нимаго недумалъ ибо Россія болѣе желаетъ съ своими сусѣдами имѣть тишину нежели въходить въ несогласій, докладывая еще ему какие мы проежающіе съ деташаментами командиры имѣемъ строжайшій подтвержденный о наблюденій истинной дружбы съ обывателями здешней земли, а то и другое сколько мнѣ тогда въ голову пришло ему представлялъ, чтобъ только тѣмъ сколько нибудь его унять и привести въ лучшіе мысли, однако то не пособило ибо мой графъ на томъ утвердился что мнѣ сказалъ, и едва только что могъ далѣ отъ слезъ воздержатца пашолъ опять туда въ собранные.

Выборъ посламъ уже заготовленъ и прочлы въ слухъ велегласно и поднесено графу подписать а за нымъ и всѣ прочіе тоже сделали.

Дошолъ уже тотъ часъ что писать посламъ инструкцію о коей зачинають присудствующіе уже говорить и составлять условія на чемъ оной быть, въ которую надлежитъ и тѣмъ моимъ пунктамъ быть вынесеннымъ, я ихъ винялъ подыношу графу вѣставши съ стула говорю мои слова: вы господинъ графъ яко маршалокъ сего войводства и глава сего собрания прошу принять отъ меня сій пункты, которые отъ моеи главной командѣ ко мнѣ присланы кои слѣдуютъ быть вынесены въ ту инструкцію нинѣ сочиняемую для отправления на генеральной сеймѣ въ Варшаву ново выбранныхъ отъ здешняго войводства господъ пасловъ, а яко сій пункты не есть что иное какъ только одна благодарность отъ всего здѣсь присутствующаго благороднаго общества ея величеству нашей Всероссійской Императрице, за ту оказанную высокую милость къ республике речи посполытой Полскои, которая изъявлена въ деклараций и гваранцій отъ ея величества, что уповаю и вы милостивы государы (оборотясь я ко всѣмъ присутствующимъ) не инаково сие примите, а точно знакомъ вашей склонности и уваженіемъ сколь много для васъ вообще ея императорское величество простираетъ свою милость въ защищеній вашей волности, правъ и закона, и будучи вы всѣмъ тѣмъ подкреплены и такову руку въ помочь себѣ имѣетъ, то и надлежитъ вамъ на томъ положить и принести ея величеству свою благодарность.

Пункта мои были писаны въ двоинѣ на рускомъ и на полскомъ языкахъ, изъ коихъ тѣ что попольски были графъ принялъ и подавъ секретарю читать въ слухъ велегласно.

Таперь то ужъ ожидать что будетъ, пункта мои какъ прочлы и увидѣлы силу оныхъ то и возгорелось къ собранію великимъ не-

удовольствиемъ и были голоса разные, иные вовсе къ тому приступить и подписать не хотѣли, толкуя то въ противность своей воли и закону и что десидентамъ никакова преимущества дать не хотятъ яко оны не суть католики, другіежь разумѣли таково требованіе а особливо на концѣ третьяго пункта какъ изъяснено что не иначе значить говорили оны а точно подвергнуть себя въ подданство Россіи и останутца невольниками.

Я ужь съ моей стороны при такомъ шуму и разногласіи не хотѣлъ ничего говорить и мешатца въ ихъ голоса, а оставилъ имъ волю покуда оны между собою преговорили, дабы иногда не дѣлать еще болшъ между ими жару, а толко что поглаживалъ часто на господъ Грохольскихъ показывая имъ тѣмъ знакъ чтобъ оны хотя въ посредство выступили, ибо какъ завелось споры то оба оны приметить было можно что жестоко наготово стояли чтобъ также тѣ пункта оспаривать, а особливо меншой братъ подстола былбы первой на то не довольнъ, естлибы толко небыло уже такъ дѣлано что оны въ послы избраны и потому остались оны оба неутралны и почти не говорили ничего.

Моиже добрые всѣгдашніе прежде гости, голыши, позадѣ стоящие мелкая шляхта, кои при такихъ случаяхъ по ихъ обыкновенію много вреда могутъ дѣлать, а особливо таковы что по породѣ значутъ въ почотѣ и всякихъ случаяхъ при общемъ собраніи наравнѣ съ прочими волей голосъ имѣють, а бедны и поместныя мало или и вовсе иной не имѣють, и ужь оны между таковыми что мелкая шляхта именуетца первенствуютъ, то тѣ на коихъ я по знакомству также часто поглаживалъ и остались въ молчаніи что пособило въ моемъ желаніи много.

На послѣдокъ какъ сей шумъ немного поутишился то докладываю я графу и прошу его чтобъ онъ яко маршалокъ вошелъ въ сие дѣло и не оставилбы привести ко окончанію, ибо и онъ ни къ одной ни къ другой сторонѣ ничего не говорилъ а молчалъ, дожидаясь на чемъ собрание положить свое мнѣніе, такъ по той моей прозбѣ ударилъ графъ жезломъ своимъ маршалскимъ о полъ подавая тѣмъ знакъ чтобъ престали шумѣть а послушалибы его слова что онъ будетъ говорить.

Потомъ какъ все поутишилось то началъ онъ говорить и въ собранные представлять упомыная изданную отъ ея императорскаго величества Всероссийской Государини гваранцію и декларацию что по оной прежде приступили и съконфедеровались и что потому уже

ставляетъ болѣе шесты сотъ верстѣ, ехалъ поспешно, и на марше гѣ вышелъ на большую Варшавскую дарогу съехался на одномъ мѣстѣ нечаянно съ полкомъ своимъ, который съ генераломъ Подъго- аннымъ также къ Варшавѣ слѣдовалъ, и ужь я отъ полка не вѣлъ отлучатца а шолъ съ онымъ въ мѣстѣ, покуда уже дошли мѣстечка Виланова, и тамъ командующаго корпусомъ генерала Четникова нашолъ и явился къ нему, отъ коего приказано чтобы вѣ шихъ со мною казаковъ къ ихъ командѣ отпустить а самому атца при полку.

Корпусъ нашъ соединившись расположился тамъ по близкимъ мѣстамъ на кантониры квартирахъ гдѣ и простаялы восемь дней, а командующи корпусомъ генералъ поехалъ въ Варшаву, яко сей го- ромъ отъ Виланова толко верстѣ пятнадцать разстояниемъ состоятъ.

Резонъ собранія туда нашего корпуса былъ тотъ, чтобы войско не было близъ Варшавы на всякъ случай для того, что генерал- сеимъ уже предпринять, почему въ одинъ вечеръ приказано корпусу выступить и собратца всѣмъ тую жь ночь подъ городъ Вар- шаву что и здѣлано со всякою тихостью такъ что никто ниже ма- нѣше въ городѣ о томъ не зналъ.

Мы окружили Варшаву съ нашего приезда съ левой стороны рѣки Вислы, и заняли всѣ выезды подъ городомъ своими пикетами такъ что никто изъ города ту ночь выехать не могъ и всѣхъ еду- щихъ въ городъ и изъ города останавливали и удержали до свѣта, такъ что приметытъ было можно что въ ту ночь въ городѣ нѣчто предпринято будетъ.

На другой же сторонѣ Варшавы за рекою Вислою подъ фаршта- томъ Прагою было также наше войско, изъ пехотныхъ и кавалер- скихъ полковъ, отъделеное отъ корпуса Смоленскаго вступившаго въ Литву подъ команду генерала майора князя Прозоровскаго, кои дошли туда предъ тѣмъ и стали лагеремъ.

Сеймже генералны тѣмы днями зачался и продолжался уже не- сколько дней своимъ собраньемъ, но не съ успехомъ въ нашемъ же- ланый, ибо сильныя противности и споры отъ стороны некоторыхъ магнатовъ по тѣмъ пунктамъ нашего требованія произошли а особ- ниво о десидентахъ, что имъ преимуществъ на равнѣ съ прочими въ законѣ католикомъ состоящими дать не хотѣлы, къ чему наибо- лѣе противны были изъ сенаторовъ быскупъ Краковски-Солтыкъ (онъ же есть и князь Сиверски) да полны хетманъ графъ Ржевуски

и генеральная конфедерация въ Радоме совершилась, тоде и таперь, говорилъ графъ, находить онъ занужно чтобъ приступыть къ сему дѣлу и принесть ея величеству должную благодарность, а тѣ пункта хотя и вънесть посламъ въ инструкцію, но съ тѣмъ напротиво того объяснениемъ, чтобы оны будучи на генералномъ въ Варшаве сеймѣ имѣли великое разсмотрѣныя какъ о сохраненіи нашей древней вѣковности такъ вери светой католицкой, дабы все то оставалось въ отчужестве нашемъ непоколебимо безъ нарушения и безъ всякой опасности, и чтобы слѣдующее о десидентахъ оны соглашались голосомъ своимъ противъ прочихъ таковыхже туда на сеймъ генералны собравшихся отъ цѣлага нашего государстве пословъ, и наиболѣебы смотрѣли какие голоса будутъ отъ господъ сенаторовъ нашихъ и отъ духовенства и потому чтобы и оны свои голоса слѣдующе отъ сего воиводства дады.

Таперь ужъ едва по сему отъ маршалка объявленію господа присудствующіе на томъ согласились, а мелкая шляхта закричала згода, згода, то есть быть потому, потомъ приказано секретарю чтобы тѣмъ самими терминами какъ графъ говорилъ писать посланіи инструкцію въ кою и тѣ пункта отъ меня даны вънесены и подыписаны, а съ оныхъ за подписаніемъ секретаря и обенхъ пословъ господъ Грохольскихъ мнѣ коныю дады.

Сие дѣлалось 1767 года августа 14-го дня.

И тако сеймыкъ нашъ кончился и собранные изъ церкви вышли въ препровожденіи маршалка въ его пакои, было то ужъ часть четвертой съ полѣдня.

Столъ былъ у графа поставленъ довольно великъ но совѣтъ не то что прежде при отккрытіи конфедерацій было; я селъ поскорѣ написалъ короткой рапортъ, приложивъ при ономъ и ту данную мнѣ съ инструкцій коныю, отъправилъ чрезъ курьера къ главнокомандующему корпусомъ генералу Кречетникову, спрашивая притомъ что мнѣ далъ приказано будетъ дѣлать; маршалокже нашъ Подъчашин Литевски Графъ Потоцки на другой день оставя насъ поехалъ въ свою путь.

Курьеръ мой очень скоро возвратился ко мнѣ съ повелѣніемъ чтобы я съ моимъ detaшментомъ какъ наискорѣе по приложенному маршруту слѣдовалъ прямо къ Варшавѣ и соединитца съ корпусомъ при местечке Выланове, я получа таковое повелѣніе тотъ часъ изъ Вилицы вступилъ и предъпринялъ такую дальнюю дорогу которая

составляетъ болѣе шести сотъ верстъ, ехалъ поспешно, и на марше какъ вышелъ на большую Варшавскую дарогу съехался на одномъ ночлеге нечаянно съ полкомъ своимъ, который съ генераломъ Подгоричаниномъ также къ Варшавѣ слѣдовалъ, и ужь я отъ полка не хатѣлъ отлучатца а шолъ съ онымъ въ мѣстѣ, покудова уже дошлы до мѣстечка Виланова, и тамъ командующаго корпусомъ генерала Кречетникова нашолъ и явился къ нему, отъ коего приказано чтобъ бывшихъ со мною казаковъ къ ихъ камандѣ отпустить а самому остатца при полку.

Корпусъ нашъ соединившись расположился тамъ по ближнимъ селамъ на кантониръ квартирахъ гдѣ и простаялы восемь дней, а командующи корпусомъ генералъ поехалъ въ Варшаву, яко сей городъ отъ Виланова толко верстъ пятнатцать разстояниемъ состоятъ.

Резонъ собранныя туда нашего корпуса былъ тотъ, чтобъ войско наше было близъ Варшавы на всякъ случай для того, что генералъ сеймъ уже предъпринять, почему въ одинъ вечеръ приказано корпусу выступить и собратца всѣмъ тую жь ночь подъ городъ Варшаву что и здѣлано со всякою тихостью такъ что никто ниже малѣйше въ городѣ о томъ не зналъ.

Мы окружили Варшаву съ нашего приезда съ левой стороны реки Вислы, и заняли всѣ выезды подъ городомъ своими пикетами такъ что никто изъ города ту ночь выехать не могъ и всѣхъ едущихъ въ городъ і изъ города останавливали и удержали до свѣта, о чемъ и приметить было можно что въ ту ночь въ городѣ нѣчто предъпринято будетъ.

На другой же сторонѣ Варшавы за рекою Вислою подъ фаршта томъ Прагою было также наше войско, изъ пехотныхъ и кавалерскихъ полковъ, отъделеное отъ корпуса Смоленскаго вступившаго въ Литву подъ команду генерала майора князя Прозоровскаго, кои пришли туда предъ тѣмъ и стали лагеремъ.

Сеймже генералны тѣмы днями зачался и продолжался уже несколько дней своимъ собраніемъ, но не съ успехомъ въ нашемъ желаній, ибо сильные противности и споры отъ стороны некоторыхъ магнатовъ по тѣмъ пунктамъ нашего требованія произошлы а особливо о десидентахъ, что имъ преимуществъ на равнѣ съ прочими въ законѣ католицкомъ состоящими дать не хотѣлы, къ чему наиболѣе противны были изъ сенаторовъ быскупъ Краковски-Солтыкъ (онъ же есть и князь Сиверски) да полны хетманъ графъ Ржевуски

и генеральная конфедерация въ Радоме совершилась, тоде и тамъ говорилъ графъ, находить онъ занужно чтобъ приступить къ сдѣлу и принести ея величеству должную благодарность, а тѣмъ пун хотя и вынести посламъ въ инструкцію, но съ тѣмъ напротивъ т объяснениемъ, чтобы оны будучи на генералномъ въ Варшаве сей имѣли великое разсмотрѣныя какъ о сохраненіи нашей древней вѣности такъ вери светой католической, дабы все то оставалось въ с чествіи нашемъ непоколебимо безъ нарушенія и безъ всякой опас сты, и чтобы слѣдующее о десидентахъ оны соглашались голосо своимъ противъ протчихъ таковыхже туда на сеймъ генералны бравшихся отъ цѣлаго нашего государства пословъ, и наиболѣе смотрели какіе голоса будутъ отъ господъ сенаторовъ нашихъ и духовенства и потому чтобы и оны свои голоса слѣдующіе отъ с воеводства дады.

Таперъ ужъ едва по сему отъ маршалка объявленію господа ц судствующіе на томъ согласились, а мелкая шляхта закричала з да, згода, то есть быть потому, потомъ приказано секретарю ч бы тѣмъ самими терминами какъ графъ говорилъ писать посл инструкцію въ кою и тѣ пункта отъ меня даны внесены и по писаны, а съ оныхъ за подписаніемъ секретаря и обенхъ посло господъ Грохольскихъ мнѣ копыю дады.

Сие дѣлалось 1767 года августа 14-го дня.

И тако сеймыкъ нашъ кончился и собранные изъ церкви въ въ препровождены маршалка въ его пакои, было то ужъ част вертой съ полѣдня.

Столъ былъ у графа поставленъ довольно великъ но сове то что прежде при отккрытіи конфедерацій было; я селъ п напысалъ короткой рапортъ, приложу при он омъ и ту данн съ инструкцій копыю, отыправылъ чрезъ курѣра къ главно ющему корпусомъ генералу Кречетникову, спрашивая при мнѣ далъ приказано будетъ дѣлать; маршалокже нашъ П Литевски Графъ Потоцки на другой день оставя насъ по свою путь.

Курѣръ мой очень скоро возвратился ко мнѣ съ по тобъ я съ моимъ детаментомъ какъ наискорѣя по ц маршруту слѣдовалъ прямо къ Варшавѣ и соединитца с при местечке Выланове, я получа таково повелѣніе . т Виынцы виступылъ и предпринялъ такую дальную д

и сынъ его староста Долынски, (каковой былъ выбранъ на посолство отъ войводства Вдлынскаго) а къ тѣмъ также въ согласіе и быскупъ Киевски, по фамиліи Залуски, коихъ никакъ оспорить и согласить было не можно, къ коимъ и всѣ ихъ собранные почты большъ клонилось на подаваемые отъ нихъ голоса, для чего и принужденъ былъ нашъ полномочны пасолъ въ Варшавѣ состоящій князь Николаи Василичъ Репнинъ въ ту ночь тѣхъ господъ възять подъ арестъ и вывести изъ города вонъ, и тѣмъ бы пановъ Поляковъ привести въ послужанные.

Такова камысія для възятыхъ сихъ господъ препоручено было находящимся тогда при посолствѣ вѣнтрѣ города при квартирѣ посолскои съ особливою командою двумъ полковникамъ Игельштрему, и Каро; Игельштремъ подстерегъ (а то видно что ужъ было направлено какбы узнать) когда быскупъ Краковски въ глубокую вечеръ пашолъ пешкомъ со двора самъ одинъ инькогнито въ домъ господина Мнишека, для учинѣнія хазяину и хозайке своего визита, тогда полковникъ Игельштремъ вѣслѣдъ за нимъ туда же пашолъ, оставя на улицѣ карету на то приуготовленную и несколько человекъ салдатъ, а самъ еще съ двумя служивыми вошедъ въ пакои, однако учтивымъ образомъ и безъ шуму, коего какъ увидѣлы было то быскупу чрезъвычайно противно, и хозайки того дома также, и незналы чтобы то значило, а болѣе того какъ Игельштремъ могъ быть такъ дерзновенъ и въ поздомъ вечернѣе время туда незваной притытъ, однако сие размышление прекратилось тѣмъ когда Игельштремъ подошедъ къ быскупу объявилъ ему арестъ, и просить его чтобы онъ съ нимъ шолъ.

Бискупъ не хотѣлъ съперва тому поверить и гордо отвѣчалъ, знаетлы онъ съ кѣмъ говорить, и чтобы власть такую имѣлъ чтобы надъ нимъ то здѣлать, на что отъ Игельштрема въ отвѣтъ сказано что онъ всио то знаетъ какова онъ есть особа и что съ бискупомъ Краковскимъ говорить, однако между тѣмъ пожаловалбы онъ выходить.

Сего еще быскупу было мало и хатѣлъ поупорствовать, но что время не позволяло съ нимъ много разговоры вестъ то Игельштремъ възявши его подъ руку сказавъ изволте со мною итытъ, я васъ беру съ честью, а буде нѣтъ то поступлю съ вами уже инаково бывывъ ему и то что на дворе дожидаетца таковы кои и безъ прозбы его поведутъ.

На таково объявление быскупъ спужался видя себя уже противца не въ силахъ, сказалъ толко какбы сие хотя во дворе моемъ было здѣлано а не въ чужемъ доме, а то значило что у него своихъ салдатъ на карауле тамъ стояло болѣе ста человѣкъ.

И тако простясь господинъ быскупъ того дома съ хазяикою пашоль по лѣснице въ низъ, гдѣ ужъ его дожидались, и посода въ карету тотъ часъ приставленной на то афицеръ повезъ чрезъ реку Вислу въ состоящей тамо нашъ лагерь, гдѣ и поставили на приуготовленную (солдатской жизни квартиру) палатку подъполковника Чернышева, тамъ ужъ и часовыхъ отъ гранадеръ къ нему два человѣка како обыкновенно съ штиками поставлено.

На тотже часъ и въ адно почты время и полковникъ Каро подстерегъ едущаго изъ театра съ оперы сина Хетманскаго старосту Далынскаго, остановивъ его на улице (имѣвъ также несколько человѣкъ при себѣ служивыхъ, а команда настоящая стояла въ преулке немного въ сторонѣ) и подошедъ къ каретѣ отворилъ дверци объявляеть Каро сему господину арестъ, и что еще надобно и отца его о томже извѣстить, то чтобы онъ пожаловалъ говорилъ ему Каро о семъ довести батюшки своему самъ и безъ тревоги ежилы инаково не хотеть жизнь свою въ опасность подвергнуть.

Ибо Хетманъ былъ въ доме, и яко старои человѣкъ положился заранѣе спать, а на дворе у себя имѣлъ на карауле собственныхъ драгунъ рота цѣлая при капитане, для чего полковникъ Каро ежелибы съ командою самъ туда на дворъ пошолъ тобы была въ городѣ тревога и дошлобы можетъ быть до худого, и потому надобно было чтобы первѣе взять сина, а онъ ужъ самъ гостѣи на дворъ поведеть и батюшку своего разбудить.

Таково объявленные полковникъ Каро сему господину на улице сказавъ селъ тотчасъ къ нему въ карету, поехали и приказалъ такъ здѣлать какъ я више сказалъ и чтобы ихъ на дворе караулъ не тревожился и не подавалбы никакова къ шуму знака и разбудилбы отца своего.

Оны такимъ образомъ възъехали на дворъ, то караулные тотчасъ было затрвожились и афицеръ выскочилъ приказываетъ салдатомъ стать въ ружье, а самъ подбежалъ къ каретѣ на встречу, но какъ дано ему знакъ чтобы тыше и не тревожилбы, и онъ узналъ по словамъ Хетманскаго сина приказывающаго ему, то и остановился, почитая

и синъ его староста Долински, (каторой былъ выбранъ на посолство отъ войводства Вдлынскаго) а къ тѣмъ также въ согласіе и быскупъ Киевски, по фамылій Залуски, коихъ никакъ оспорить и согласить было не можно, къ коимъ и всѣ ихъ собранные почты большъ клонилость на подаваемые отъ ныхъ голоса, для чего и принужденъ былъ нашъ полномочны пасолъ въ Варшавѣ состоящій князь Николай Василиевичъ Репнинъ въ ту ночь тѣхъ господъ взять подъ арестъ и вывести изъ города вонъ, и тѣмбы пановъ Поляковъ привести въ послушанные.

Такова камысія для взятыхъ сихъ господъ препоручено было находящимся тогда при посолствѣ внутрѣ города при квартирѣ посолскои съ особливою командою двумъ полковникамъ Игельштрему, и Каро; Игельштремъ подстерегъ (а то видно что ужъ было направлено какбы узнать) когда быскупъ Краковски въ глубокую вечеръ пашолъ пешкомъ со двора самъ одинъ инькогнито въ домъ господина Мнишека, для учинѣнія хазяину и хозяйке своего визита, тогда полковникъ Игельштремъ вѣслѣдъ за нимъ туда же пашолъ, оставя на улице карету на то приуготовленную и несколько человекъ салдатъ, а самъ еще съ двумя служивыми вошедъ въ пакои, однако учтивымъ образомъ и безъ шуму, коего какъ увидѣлы было то быскупу чрезъвычайно противно, и хозяйки того дома также, и незналы чтобы то значило, а болѣе того какъ Игельштремъ могъ быть такъ дерзновенъ и въ поздомъ вечернѣе время туда незваной притытъ, однако сие размышление прекратилосъ тѣмъ когда Игельштремъ подошедъ къ быскупу объявилъ ему арестъ, и просить его чтобы онъ съ нимъ шолъ.

Бискупъ не хотѣлъ съперва тому поверить и гордо отъвечалъ, знаетлы онъ съ кѣмъ говорить, и чтобы власть такую имѣлъ чтобы надъ нимъ то здѣлать, на что отъ Игельштрема въ отвѣтъ сказано что онъ всио то знаетъ какова онъ есть особа и что съ бискупомъ Краковскимъ говорить, однако между тѣмъ пожаловалбы онъ выходить.

Сего еще быскупу было мало и хатѣлъ поупорствовать, но что время не позволяло съ нимъ много разговоры вестъ то Игельштремъ взявши его подъ руку сказавъ изволте со мною итытъ, я васъ беру съ честыю, а буде нѣтъ то поступлю съ вами уже инаково объявивъ ему и то что на дворе дожидаютца таковы кои и безъ прозбы его поведутъ.

На таково объявление быскупъ спужался видя себя уже противца не въ силахъ, сказалъ толко какбы сие хотя во дворе моемъ было здѣлано а не въ чужемъ доме, а то значило что у него своихъ салдатъ на карауле тамъ стояло болѣе ста человѣкъ.

И тако простясь господинъ быскупъ того дома съ хазяикою нашою по лѣснице въ низъ, гдѣ ужъ его дожидались, и посодя въ карету тотъ часъ приставленной на то афицеръ повезъ чрезъ реку Вислу въ состоящей тамо нашъ лагерь, гдѣ и поставили на приуготовленную (солдатской жизни квартиру) палатку подполковника Чернышева, тамъ ужъ и часовыхъ отъ гранадеръ къ нему два человѣка како обыкновенно съ штиками поставлено.

На тотже часъ и въ адно почты время и полковникъ Каро подстерегъ едущаго изъ театра съ оперы сина Хетманскаго старосту Далынскаго, остановивъ его на улице (имѣвъ также несколько человѣкъ при себѣ служивыхъ, а команда настоящая стояла въ преулке немного въ сторонѣ) и подошедъ къ каретѣ отворилъ дверци объявляеть Каро сему господину арестъ, и что еще надобно и отца его о томже извѣстить, то чтобы онъ пожаловалъ говорилъ ему Каро о семъ довести батюшки своему самъ и безъ тревоги ежилы инаково не хотеть жизнь свою въ опасность подвергнуть.

Ибо Хетманъ былъ въ доме, и яко старои человѣкъ положился заранѣе спать, а на дворе у себя имѣлъ на карауле собственныхъ драгунъ рота цѣлая при капитане, для чего полковникъ Каро ежелибы съ командою самъ туда на дворъ пошелъ тобы была въ городѣ тревога и дошлобы можетъ быть до худого, и потому надобно было чтобы первѣе взять сина, а онъ ужъ самъ гостѣи на дворъ поведеть и батюшку своего разбудить.

Таково объявленные полковникъ Каро сему господину на улице сказавъ селъ тотчасъ къ нему въ карету, поехали и приказавъ такъ здѣлать какъ я више сказалъ и чтобы ихъ на дворе караулъ не тревожился и не подавалбы никакова къ шуму знака и разбудилбы отца своего.

Оны такимъ образомъ въѣхали на дворъ, то караулные тотчасъ было затревожились и афицеръ выскочилъ приказываетъ салдатою стать въ ружье, а самъ подбежалъ къ каретѣ на встречу, но какъ дано ему знакъ чтобы тыше и не тревожилбы, и онъ узналъ по словамъ Хетманскаго сина приказывающаго ему, то и остановился, почитая

что приехалъ по обыкновенію дзмой; командаже съ порожою каретою остановилась у воротъ на улицѣ.

Каро пошолъ съ своимъ арестантомъ въ верхъ по лѣсницѣ и у двери на спалнѣ стучить стали, и сынъ батюшку отъзываетъ, а Хетманъ разбудившись и узнаетъ сына своего голосъ, догадался тотъ часъ (яко необыкновенное ночью время пришло) что то какое нибудь важное дѣло значить, отворилъ двери и увидѣлъ сына своего въ препровожденіи приехавшаго съ нимъ такова ассистента тотъчасъ заплакалъ, и говоритъ что сынъ мой любезной ты конечно несчастливъ, на что полковникъ Каро прекратилъ ихъ разговоръ объявляетъ Хетману арестъ и далъ ему толко времени чтобы поскорѣя одѣтца, беретъ его и съ синомъ въ низъ по лѣсницѣ и посадя въ приуготовленную карету въ препровожденіи конвоя повезъ чрезъ городъ просто на Вислу реку и преправившись доставилъ въ лагерь подъ особливую палатку и приставлены часовые.

Осталось еще взять и быскупа Киевскаго Залускаго, коего Игельштремъ успѣлъ въ домѣ разбудить въ чемъ дальнѣи трудности не состояло яко у него собственныхъ салдатъ и караула на дворе не было, но какъ уже зоря разниматца стала и народъ по улицамъ ходить зачалъ то и невозможно было его чрезъ городъ туда куда и протчихъ вестъ, а привезено его на сию сторону гдѣ мы съ нашимъ корпусомъ въ округѣ города стоялы, а что палатокъ мы не имѣлы то поставили его въ состоящую тамо позады нашего фрунта цигелню при коеи была адна изба, и тотъчасъ командированъ адинъ отъ нашего полка екскадронъ при капитанѣ Подгоричанинѣ съ конемъ и сеи арестантъ отъправленъ уже въ округъ на другой превезъ что подъ Вилановымъ на Вислѣ реке состоитъ, и тамъ тою стороною отъвезено его тудаже въ лагерь гдѣ и протчие.

Стала уже зоря разниматца а я какъ много утрудился и всю ту ночь были въ марше и приехавши къ городу долго на ногахъ стоялы, а время осенѣе и холодно, то я объвернувшись плащемъ положился на правомъ флангѣ своего полка на землю хатѣлъ немного заснуть, и лышь толко что загрѣлся и дремать зачалъ, какже въ другъ адютантъ нашъ полковой прибежавши тронулъ меня рукою и будить, объявляя чтобы я скорѣя къ генералу Подгоричанину явился, каторомъ тамъ подъ цигелню также лежалъ.

Я скорѣя вскочивши поспешилъ къ генералу, онъ приказываетъ мнѣ чтобы я сеи часъ ехалъ въ городъ и явилсябы у командующаго корпусомъ генерала Кречетникова на дворе посолскомъ.

Мнѣ сій вѣсти не иное что предвѣщало и думаю въ себѣ что кончѣе опять будетъ мнѣ какая нибудь новая командирація какъ я въ томъ и неошибся.

Я сѣвши на лошадь поскакалъ въ городъ и явился къ генералу, онъ видно также ту ночь мало или и ничево не спалъ ибо засталъ я его совсѣмъ въ формѣ своего мундира, ходить по горнице, и уви-дѣвъ меня говорить что вы командированы для препровождения секретныхъ арестантовъ, и знаете говорилъ генераль что вамъ сия камысія рекомендаціею особливою къ чести вашей служить будетъ, яко вы нарочито на такое важное дѣло выбраны, и то сказавъ взявъ свою шляпу, говорить паидемъ къ господину послу.

Разъстояние всѣго до посолскихъ пакоевъ было только чрезъ несколько горницъ, господинъ пасоль князь Николай Василевичъ Репнинъ объявляетъ мнѣ какъ велика важность есть въ томъ, что сій господа упомыная ихъ по именамъ взяты сѣи ночи подъ арестъ, коихъ таперъ препроводить надлежить въ Литву въ городъ Вилну, къ состоящему тамо съ войскомъ нашимъ генералу порутчику Нумерсу, отъ коль далѣ препроводимы будутъ куда надлежить; а вы господинъ полковникъ говорить мнѣ господинъ пасоль какъ де я известенъ о вашей честности и хорошемъ вашемъ поведеніи, и что вы и предъ-симъ въ наложенныхъ на васъ также важныхъ дѣлахъ доказали верно-стью своею всегда хорошие успѣхи и яде тѣмъ много доволенъ, то и таперъ сию довереность говорилъ пасоль возлагаю на васъ яко на надежнаго штабъ-афицера, что вы наилучше исправить то можете, и сихъ арестантовъ доставите туда какъ вамъ сказано, но притомъ подтверждаю вамъ говорилъ пасоль что въ семъ случае состоятъ вся честь и жизнь ваша подвержена, естли вы ихъ какимъ нибудь образомъ изъ рукъ своихъ упустите.

На содержаніежъ оныхъ въ дороге столонъ и на уплату подьводъ даетца вамъ денегъ пять сотъ червонныхъ, а о прѣчемъ будетъ вамъ ордеръ съ наставленіемъ, указавъ пасоль на генерала Кречетныкова что тотъ его превасходительство Петръ Никитычъ о всемъ томъ васъ снабдитъ будетъ, и съ тѣмъ вы завтра въ вечеру виступитъ изволите.

Денги сказанные пять сотъ червонныхъ мнѣ тотчасъ отъ посолскаго секретаря виданы, и я на оныя въ тотъ день и завтра, всю подлежащее къ столу въ дороге испуылъ, какъ вины разные такъ и съестное въ запасъ и со излишествомъ заготовилъ, ибо такъ велѣно

что сій господа хотя и арестанты суть, и наблюдать должно надъ ними строгость и сохранение, но однако столѣмъ въ дороге чтобъ хорошо содержаны были, для чего уже я и денегъ не жалѣлъ дабы только было всего въ дороге довольно.

Ящики разные заказать скорей здѣлать и всю поклажу вложить а на то данна со двора посольскаго большая адна фура а что въ оную немогло вмѣститься то еще въ прибавокъ две повозки были.

Повара жъ два человѣка съ подлежащею кухонною посудой и столовымъ приборомъ прислано ко мнѣ отъ князя Прозоровскаго, и тако къ завтешнему моему отъезду было у меня всю исправлено.

По утру жъ дано мнѣ въ команду адинъ эскадронъ гусаръ отъ нашего Ахтырскаго полка съ капитаномъ Георгиемъ Подгоричаниномъ, тотъ самый что быскупъ Киевскаго въ лагерь препроводилъ какъ я выше сказалъ, да ктому еще сто человѣкъ Донскихъ казаковъ, и шесть офицеровъ отъ корпуса кои сидеть будутъ приставами съ арестантами въ дороге, также вручено мнѣ отъ генерала Кречетникова ордеръ.

Подъ вечеръ преправился я чрезъ рѣку Вислу, на ту сторону за фарштатъ Прагу, гдѣ арестанты мои въ лагерѣ содержатца, я остановилъ команду на левомъ флангѣ а самъ явился къ генералу князю Прозоровскому, коему наложена была камиссія о заготовленіи артилерискихъ лошадей и о доставленіи въ лагерь со двора посольскаго трехъ новыхъ каретъ для арестантовъ, и то всю отъдано мнѣ на руки, и было ужъ совсѣмъ къ отъезду готово.

Генералъ Прозоровскій при наступившемъ вечеру взялъ меня съ собою, пашлы въ лагерь первѣе къ быскупу Краковскому, было съ нами еще трое нашихъ штабъ-офицеровъ два полковника да хазинъ той палатки подполковникъ Чернышевъ, мы всѣ вошли въ палатку намы быскупа на постелѣ спящего, князь Прозоровскій его разбудилъ и сказываетъ ему что отъправляетца въ дорогу и что въ препровожденные препоручаетца онъ на руки указавъ князь на меня.

Бискупъ вставши изъ просоня протираетъ глаза и слушаетъ что ему говорятъ ехать, потомъ спросилъ куда жъ меня вѣсть хатые, на то отвѣчалъ князь что сей господинъ подполковникъ есть вашъ провожаты и онъ знаетъ куда васъ вѣсть надобно, а вы извольте встать и ехать, сій послѣдніи слова ему весьма не понравились, онъ какъ еще сидѣлъ на постелѣ сказалъ только, что лучше хатѣлъ еще спать нежелъ ехать, а тамъ далѣе подымалъ голову по-

глядѣлъ на всѣхъ насъ видомъ суровымъ, вздохнулъ и заплакалъ и съ тѣмъ вышелъ изъ палатки вонъ.

Карета ужъ была подвезена въ каторую онъ съ великою досадою вошелъ и селъ, считая что только онъ одинъ сидеть въ ней будетъ, но какъ еще два пристава къ нему вошли капитанъ да поручикъ и селы съ нимъ, то еще пуще ему досадно было, однако прменить того было нельзя, затворили карету и вывели изъ лагера къ дароге поближе, тамъ остановили покудова и другихъ тудажъ привезено, и также имъ князь меня показалъ что въ препровожденных моемъ состоятъ будутъ, и такимъ образомъ вывезены всѣ изъ лагера, Хетманъ съ синомъ посажены вмѣстѣ и къ нимъ еще два афицера, а Киевскому быскупу также два афицера, кареты же одна за другою поставлены въ такую дистанцію, чтобъ оны одинъ за другаго не знали и видется бы не могли, что и афицерамъ съ ними сидящимъ приказано не сказывать кто взять и кто едетъ.

Ко всякои же каретѣ приставленъ былъ особои конвой изъ гусаръ и казаковъ по несколько человѣкъ, арестанти же мои надобно знать что слугъ собственныхъ ни у аднаго не было что имъ весьма было прискорбно, для чего я ужъ на другой день определялъ каждому на услугу хорошихъ людей гусаръ по одному человѣку, а также и афицерские денщики услуживали отъ тѣхъ афицеровъ что при нихъ приставамы были, къ тому жъ еще были одѣты весьма лехко, ибо какъ ихъ взыли то въ томъ оны и въ дарогу едутъ, у быскупа Краковскаго вся одежда состояла суртукъ сиренкои аглицкой, камзолъ шюсовои шитои узорцемъ тоненкимъ сребреннымъ, на голове картузъ чорнаго бархата да штаны чорные бархатные жъ и сапоги на ногахъ аглицкие тутъ и всею, а у тѣхъ другихъ то же всею лехкое было, а время осенее наступило и ночи стали холодные, то и надобно было ихъ снабдить на тотъ часъ чужою одежою, для чего князь Прозоровски велѣлъ у штабъ-афицеровъ собрать шубы и дать на день на другой въ займы въ дарогу, покудова пришаѣтца въ слѣдъ за мною ихъ гардеробы.

Итакъ будучи у меня уже совсѣмъ въ готовности, предъпринялъ я путь по той темной ноче весьма прискорбно, не зная еще что и въ дароге послѣдовать можетъ, ехалъ я предъ командою своею верхомъ въпереди, а капитану съ подлежащимъ числомъ гусаръ и казаковъ приказалъ я ехать позады всѣхъ, и быть на всякъ часъ готовъ къ отпору военною рукою ежели бы иногда въ отънятій арестантовъ было отъ Поляковъ какое на насъ покушеные.

Мы отѣхавъ отъ лагера не болѣе какъ съ полъ мыла събылись съ дороге, яко не болшою дорогою ехать приказано, а направлятъ проездъ свои проселѣшныи дарогами и тѣмбы слѣдъ свои прятать, дабы не такъ скоро въ городѣ могло быть известно куда и въ какую сторону сѣи арестанты повезены, въ проводники же дано два жида верхамы, оны съ места отъ лагера повелы просто поперекъ болшой дороге обънадеживая меня что дарогу знаютъ и чтобы только я за ними держался, но исправность и знаніе ихъ не долго послужило, вижу я что оны путатца стали и завелы въ рвы и въ коно какіе ямы что мало я самъ на одномъ мѣстѣ съ лошадыю не въ валылся, а гусарь два человекѣ по сторонамъ каретъ едущіе со всѣмъ въ валылись, кареты тоже стали прекачиватца и доходить до худого что и ехать далѣе не можно, для чего принужденъ остановитца, жида жъ мои ужъ признаютца что заблудили и чтобы дать имъ время покудова дарогу найдуть, я то принужденъ сделать посилаю съ ними ундеръ-афицера и двухъ гусаръ искать дарогу а за тѣмъ мало погоды вернулись и повелы уже я и самъ не знаю куда, но только что изъ тѣхъ рововъ вышли и было далѣе ехать ровно, да не примечаю чтобы по дороге а такъ чистимъ полѣмъ едемъ, а на то время и счастье такое было что ночь темна и ниже ни мало чего видѣтъ не можно, на послѣдокъ приехали мы опять подъ нашъ лагерь отъкудова первее выехали и слышу я ужъ отъ себя не далеко что часовые отъкликиваютъ ночной обходъ рундомъ.

Я догадался что мы опять заблудили и принужденъ остановитца не ехать ближе къ лагеру чтобы не наделать тревоги, а жида мои служалысь и говорятъ что ужъ оны не знаютъ гдѣ таперь стоимъ.

Съ такою досадою была мнѣ та ночь что жизни своей не радъ былъ, я принужденъ моихъ жидовъ попридержать къ себѣ поближе чтобы не ушли, кои препужалысь до крайности и такъ что и говорить не могутъ, и думаю въ себѣ какъ еще оны уидуть въ такую темноту то останусь я на томъ мѣстѣ безъ проводниковъ до света что и принеслобы конечно командиру моему неудовольствие, и былобы мнѣ нареканые, для чего я сталъ жидовъ моихъ уговаривать словами ласкавыми чтобы оны не боялись. и что имъ ничего худого не здѣлаетца а толкобы поехали съ гусарами поискать дарогу, какъ таперь говорю я имъ пришли мы къ лагеру то поидите въ округъ сего мѣста и узнайте по приметамъ съ какой стороны мы пришли и возьмите опять отъ лагера свое примечаніе покудова видите на ту дарогу коя намъ надобна.

Оны послушались и немного стали подобрее, я съ ними послалъ такъ какъ и прежде ундеръ-афицера и еще четырехъ гусаръ и двухъ казаковъ, напоследокъ чрезъ часть места вернуться съ извѣстіемъ что нашли дорогу и повелы туда.

Ехали мы по той дороге немного полѣмъ а тамъ далѣ показались кустарники, а за тѣмъ болшой лѣсъ и болото изливающее изъ Висли реки, но не было то съпасностию что грунтъ пещаной и вода неглубока и кареты шли безъ остановки, а выехавъ далѣ изъ леса говорить мои проводники что тутъ дорога ровная и способная, хоть деревья стоячие и видны но редкие и ехать можно поспешнѣе.

Я приказалъ ехать на рысяхъ дабы успѣть въ ту ночь окошко нибудь отдалытца отъ города, ибо велѣно какъ можно поспешать и два дни хотя ночлеговъ не делать и всю проселочными дорогами пробыратца чтобы насъ навстрѣчи никто не могъ видать, и такъ что только изъ леса выехали и поспешали на рысяхъ, какже въ другъ на зарѣ закричали стои, стои, я тутъ спужался и пришло мнѣ на память что конечно есть съ зады какая нибудь противная догоня, велѣлъ тотъ часъ свои въ переды командѣ построитца, а самъ поскакалъ назадъ чтобы узнать причину о томъ что кричать куда какъ прибежалъ вижу карету быскупа Киевскаго повалилась бокомъ и лежитъ на землѣ, которая будучи самая задняя и какъ рисию ехала то по темноте ночи погонщики неусмотрѣлы и наехали на одну лежащую близъ дороги калоду и карету опрекинули.

Быскупъ изъ кареты едва витаскалы и ушибся бедной въ голову крепко, счастье что порчи другой не было окроме что стекла у окошекъ побыли, чтожъ дѣлать стоять далѣ нельзя, карету подыняли и посадя арестанта хоть и безъ стеколь остались окошка (на кои я потомъ купылъ шкуру и здѣлалъ занавеси) предъпринялы путь далѣ и приехали на разсвѣте въ адно село, гдѣ были карчмы четыре тамъ остановились чтобы лошадей немного покормить и напоить, а попутчикамъ также здѣлать маленькой отдыхъ.

Я велѣлъ поскорѣ очистить три карчмы кои были получша а хазяева выслать вонъ, и прокурить избы порошками коихъ я нарочно на такую надобность въ Варшавѣ купылъ и повезъ съ собою, а потомъ въвелъ моихъ арестантовъ туда; имъ показала первая такая встрѣча и притомъ что кварталы невеликолѣпны странно, яко люди большіе и отъ роду можетъ быть въ такихъ простыхъ избахъ не бывалы, а особливо быскупу Краковскому досадно было, о чемъ экскурзо-

вался я предъ ними что на сей часъ лучшихъ квартиру не случилось а, впредъ надѣяща что будетъ выгодаѣ.

Между тѣмъ повара мои какъ имъ было отъ меня приказано изъ коней адинъ отъ меня былъ искусенъ изъготовилъ и подали кофе съ молокомъ и чаю также сыръ и масло хлебъ белон, и водки двухъ трехъ сортовъ всю то моимъ арестантамъ на подкрѣпление желудка поднесено, но всѣмъ порознь и оны ничево адинъ про другава не знаютъ.

Хетманъ съ синомъ приступили къ тому охотно также и быскупъ Кіевски былъ тѣмъ доволенъ и елъ и пилъ изърядно, но быскупъ Краковски нимало ничего принятца не хотѣлъ, а вошедъ изъ кареты въ карчму то непрестано ходить по горнице смотреть на меня и на приставленныхъ часовыхъ видомъ суровымъ, прекусивая губами слова коими по приметъ жестоко бранить хотѣлось, а далъ зачалъ уже говорить упоминая Короля своего и другихъ своихъ союзниковъ називая ихъ довольно ругателно что столко были слѣпы говорилъ онъ, и допустилы Москалѣвъ изъ столычнаго города его вывести, къ семже словамъ зачалъ еще упоминать и нашего полномочного посла князя Раппина съ некоторымъ непристойнствомъ что слушалъ я съ перва съ досадою великою, но какъ еще не обозналысь то далъ ему несколько волю покудава его тотъ жаръ мынетъ, а потомъ приступылъ къ нему съ учтивостію говорю чтобъ онъ всю то оставылъ а лучше будетъ для его здоровья принять чего нибудь покушать и подкрѣпить себя въ дороге, тѣмъ уже я его съклонилъ и взялъ чашку кофе, а болѣе ничего не хотѣлъ.

Потомъ чрезъ часа полтора какъ уже лошадей покормилы и заложили въ кареты (ибо я тѣмъ аднѣмъ артилерискими лошадми безъ премены ѣхалъ два дни) то докладываю я быскупу чтобы пожаловалъ витыть и ехать.

Какже мои быскупъ возгорѣлся еще пуще и говорилъ, что ехать нѣтъ я не поеду, а хочу сево дня здесь остатца, и требуетъ чернилицы и бумаги чтобъ писать въ Варшаву къ своему дворецкому о присылке къ нему камердинера и платья, и чтобъ дать съ тѣмъ писмомъ нарочнаго, упоминая что съ нымъ поступлено жестоко и онъ утрудился, възглядывая при томъ на меня говоритъ разве вы не знаете какая особа я есмь и что я есмь Князь Сиверски, сенаторъ, и быскупъ Краковски, отвечаю я ему на его требованье что у меня никакой канцеларій нѣтъ и потому чернилицы и бумаги дать не могу, а о его чинахъ и достоинствѣ я ужъ знаю, но между тѣмъ говорю я ему оставте вы

всю то на сие время въ сторону а пожалуйста видите сядте въ карету и поедемъ далѣ.

Онъ и на тѣ мои слова былъ столко свирепъ что нимало не-скланялся (а говорить разве ти маешь таки указъ же бы мнѣ мен-чицъ) и то сказавъ селъ на лавку говорить что нѣтъ не поеду, и по-вторяеть свои слова что разве имѣешь такое повелѣние чтобъ меня мучить, называя еще варварами.

На то сказалъ я ему не думайте вы о такой суровости чтобъ повелѣние было васъ мучить, но повелѣние я имѣю такое чтобъ ско-ро ехать.

Однако думаю я въ себѣ какбы онъ зналъ о седмюхъ пунктѣ моего ордера какова тамъ о его жизни ужасная сентенция положена, тобы конечно позабылъ теперъ объ одной толко ездѣ сопротивитца.

Таково его сопротивленные что ехать не хочетъ принужденъ я сократить и ужь безъ церемоній даю ему разумѣть что то не состо-ить вовласты его, и вы должны повиноватца говорю я ему яко аре-стантъ и творить волю повелѣвающаго, а ежели и за симъ не хотите съ доброю волю, то нехорошо будетъ какъ я долгъ свои на то упо-треблю и вы тогда конечно послушаете, и указываю ему чтобъ выходилъ.

Изъ сего уже онъ могъ разумѣть что оно значило и такъ согласился выйти и селъ въ карету.

Выехалъ я изъ того села и время было хорошее, послалъ въ периодъ своихъ поваровъ сказалъ имъ куда ехать, было то также село небольшое и въ ономъ состоялы какъ о томъ я разведаль карч-мы жидовские, велѣлъ тамъ очистить и приуготовить настоящий абѣдъ, и на трехъ квартахъ чтобъ столы надкрыты были.

Езда наша тотъ день была поспешна и приехали туда въ часу вовторомъ съ полдня, застали всю заготовлено какъ я приказалъ и блюда стали на столъ ставить; хотяжъ мои Краковски быскупъ (при коемъ я наибольшъ всегда находылся яко онъ всѣхъ другихъ опаснѣе былъ) еще неперестаетъ злытца и глеть на всѣхъ насъ видомъ су-ровымъ, но что пооголодалъ и пораструсился въ дароге то принялся однако за хлебъ и за соль и обедалъ хорошо, вины разные я ему подносилъ что его удивыло и несподѣвался того въ дороге имѣть, принималъ и пылъ но наибольшъ держался шанпанскаго.

Послѣжъ обѣда зачалъ онъ опять свое вольтѣ, упомяная обѣа въ нелогѣ у варваровъ, а къ тому еще поноситъ нашего посла князя Репнина.

Я сколько его не уговаривалъ чтобъ онъ отъ того престалъ представляя ему, что онъ яко большой такой господинъ говорить слова непристойныя а сатисфакцій никакой изъ того не имѣеть а болѣе тѣмъ толко себя опорочаетъ, но какъ и то онъ не уважалъ а простиралъ еще болѣе, то ужъ я вышелъ изъ терпѣнья и говорю ему безъ церемоній: слушай господинъ быскупъ, вы видно мало разумѣете что есть нашъ Россійской полномочны пасолъ, знаетелы вы противъ како вы такие поносителныя слова говорите, и знаетель вы что князь Репнинъ всио то дѣлаетъ что ему отъ Монархины нашей приказано, а вы ежелибы были съ покоемъ а непротивны тобы не были таперь здесь, а я яко есмь службы Россійской верной слуга то и нехочу болѣе отъ васъ такихъ словъ слышитъ и запрещаю вамъ въ предъ о томъ говорить, ибо вы ничто иное таперь не значите какъ толко что есте арестантъ и подъ властью довереною на меня состоите, то и будте съ покоемъ совѣтую я вамъ и повинутесь тому званью въ какомъ вы таперь есте, а иначе съ вами за такую вашу поступку можетъ худо быть.

За симъ уже онъ потише сталъ и оставилъ болѣе Репнина упоминать, а толко что иногда своихъ Поляковъ побранивалъ приписывая имъ стыдъ и были слышны что допустилы изъ столычнаго города такъ его вывести, чѣмъ ужъ онъ меня не могъ досадить, а слушалъ я иногда то отъ него заместо забавы, но и то мало по мало у него изъ головы изъчезло и зачалъ обходиться поучтивее и ласково, однако сие было умышленно и съ хитростью какъ о томъ далѣ видно будетъ.

Тотже день какъ я въ томъ селѣ остался ночевать, ибо мнѣ надобно было артилерійскихъ лошадей отпустить обратно и заготовить на ездѣ нашу обывательскихъ лошадей и покудова оныя собраны, то и успѣлъ посланой въслѣдъ за мною афицеръ меня нагнать, каторой привезъ для арестантовъ отъ ихъ домовъ данное по требованью нашего посла какъ зимнѣе платье, постелы, рубахи, и обувь, такъ и денегъ коихъ однако невелику суму составляло, и то всио я по регистру за рукамы ихъ управителейъ принялъ и кому чего слѣдовало раздалъ, а данные при отъправленій ихъ изъ лагера въ займы афицерскіе шубы отобралъ и отъправилъ съ тѣмъ афицеромъ обратно.

По утру рано вѣставши поподъчевалъ я моихъ арестантовъ кофимъ и чаемъ, отъправилъ поваровъ въ періодъ гдѣ ночлегъ будетъ для заготовленія тамо обеда, ибо я расположился такъ чтобъ маршъ дѣлать всякой день въ одну упряжку, и гдѣ обедъ назначенъ

быть, тамъ чтобы ужь и ночевать, понеже съ камандою и съ обозомъ естли бы дѣлать въ полдень попасть, тобы по наступившему уже осенему времени езда наша могла быть весма медлительна, и такъ выехали мы и продолжали маршъ часу до одиннадцатаго, потомъ остановился, съехавъ не много съ дороги въ сторону въ право и въ лѣво съ каретами подъ прикрытиемъ конвоя и по за кустарникамы чтобы мои господа адинъ другаго видѣть не могли, подынесъ имъ водки веиновою и другихъ лыворовъ также хлебъ белой, сиръ и масло свежое, оны принималысь за то охотно закусили порядочно, а затѣмъ не долго бавясь поехали далѣ, и продолжали путь часу до втораго съ полдня тамъ ужь было то село гдѣ ночлегу быть назначено, застали вси исправлено какъ я приказалъ, столы на трехъ мѣстахъ надкрыты и обедъ готовъ.

Обедалы всѣ порядочно и съ аптитомъ, подано также было къ столу подорожной десертъ изъ овощи какіе я могъ достать въ Варшавѣ и заедки, что моимъ пановамъ показалось приятно, и стали повеселѣе.

И такимъ образомъ во все время моего марша было всякой день, но при всѣмъ томъ имѣлъ я трудъ сверхъ силы моей кидатца непрестано къ тремъ партіямъ и смотрѣть за ними, я ужь о своей камандѣ въ продовольствіи фуражемъ и хлебомъ, какъ того чрезъ Литву по бедности той землѣ доставать весма трудно было, а особливо еще когда съ опасностью проездъ продолжается и платитъ за вси сълышкомъ, о томъ я не говорю чтобы еще не много значило лижбы только достать можно было, но арестанты мои болѣе всего меня озабочивали, ибо по всѣмъ приметамъ оны надѣялысь твердо что конечно ихъ собратыя Поляки не оставятъ на томъ чтобы ихъ не выручить, или догонкою или вѣстречою, или бы какимъ нибудь образомъ самымъ изобрестъ способъ къ уходу, а особливо быскупъ Краковски на то великіе приметы подавалъ, онъ часто въ дароге въ лѣсныхъ мѣстахъ хатѣлъ пешкомъ халить что иногда я ему и позволялъ, но всегда спешивалъ гусаръ челоуѣка по четыре чтобы вѣслѣдъ за нымъ хадилы, а къ тому еще по сторонамъ гдѣ лѣсъ посланы казаки по несколько челоуѣкъ для прикрытия дароги, что ему было противно, или какъ случитца проехать чрезъ какое село и мимо постоялыя дворы гдѣ обыкновенно бывають за всегда люде, то мои Краковски быскупъ хатѣлъ вси то видѣть и показатца съ своимъ на голубой лентѣ крестомъ і изъ кареты давать рукою чрезъ окошко смотрящимъ благословеній, и тѣмъ хотя изъавитъ что его везутъ, одна-

ко ему нельзя было того дѣлать, разъ въ проездъ адной карчмы удалось а болѣе нѣтъ, ибо стекель въ окошкахъ чрезъ жилию поднимать я афицерамъ съ нымъ сидящимъ приказалъ не дозволять, а къ тому еще и конвойная команда съ обѣихъ сторонъ окошка закрывала, отъ чего зрители, коимъ случалось при дароте быть, никакъ его видѣть не могли о чемъ онъ жестоко не былъ доволенъ.

Также и то не было ему приятно что съверхъ тѣхъ двухъ афицеровъ кои за всегда съ нымъ на ночлегахъ въ адной избе спали, но еще и по два гусара съ голыми саблями и при заряженныхъ карабинахъ въ ночное время тутже въ избе на часахъ что становлятца было ему до крайности противно, о чемъ онъ много просилъ чтобъ отменить, предъставляя что ему дѣлаетца тѣмъ безпокойство, а особливо какъ часовые сменяютца то всегда его разбудиваютъ и тѣмъ не имѣетъ своего покоя, а довольно де и того для вашего надо мною караула говорилъ онъ что афицеры со мною въ адной же избе спать, уверяя притомъ что онъ уходить не намеренъ.

На такову его прѣзбу, а также что и тѣ афицеры къ тому приступили свидѣтельству о томъ какъ и быскупъ что говорить, согласился я на то чтобъ часовыхъ въ ночное время въ избе не ставить, а ставылъ ихъ въ сенцахъ, однако чтобы не могло быть иногда какой хитрости дѣлалъ я самъ обходъ всякую ночь раза по два, и надобно знать что я во всю дарогу не раздѣвался и былъ всегда остороженъ, сверхже того приказывалъ я моему ундеръ афицеру котораго я съ довереностыю въперіодъ въ должности квартирмейстера отпращивалъ, чтобъ онъ въ тѣхъ квартерахъ гдѣ арестанты поставлены будутъ дѣлалъ всегда при занятіи оныхъ и до нашего присада маленькую въ окошке дырочку въ какомъ нибудь онаго угла, коя бы ни мало не могла быть приметна, а толко бы я при обходѣ могъ чрезъ оную во внутрь заглядѣть, ибо свеча хотя всякую ночь при нихъ и горитъ, но быскупъ Краковски въ своей квартире всегда самъ какъ спать ляговитца закрывалъ окошма салфеткою, а еще и то что мало когда въ ночь раздѣвался, и былъ всегда наготове какъ нибы всякой часъ каво ожидается, и выходылъ иногда такъ одѣтой изъ избы на дворъ и ходылъ взадъ и въ періодъ по двору, и отлучался несколько въ сторону и всю разсматривалъ, и терпѣтъ того не могъ чтобъ часовой за нымъ хадылъ.

Съ верхже того закрывалъ еще всякую ночь свою постель присланнымъ къ нему съ платьемъ маленькимъ шелковой матеріи павилономъ, подъ конимъ сидя нощію на постелѣ и зажегши восковую све-

чу каковы также съвиткамы болшымы къ нему были изъ Варшавы присланы, и тако часъ илы и болѣе читалъ книжку, каковы приметы и подавалы резонъ мнѣ объ немъ сумнѣватца, онъ подь видомъ того читанія книжки, обманывалъ съперва много и даже болшъ какъ до половины дороги, покуда я ужъ узналъ что онъ предъпринялъ дѣлать, какъ о томъ далѣ будетъ видно.

Ундеръ афицеръ мой тотъ каторой въ переды всегда едетъ и кварталы занимается, какъ више я говорилъ, заготовлялъ всякой разъ въ кварталѣ быскупна Краковскаго въ уголку у окошка сънызу какъ ему я приказалъ дирочку- илы стеклушка не много проломить илы раму буравчикомъ провертыть и такъ безъ приметы оставить чтобы то место какъ быскупъ по своему обычаю закриваетъ ночью окошка салфетками было свободно, и не мешало бы хотъ аднымъ глазомъ заглядѣть и видѣть что тамъ во внутрѣ дѣлаетца, что я всякую ночь при обходѣ и дѣлалъ, и вижу всегда съ вечера что до позда быскупъ сидитъ подь павилономъ и читаетъ книжку.

Онъ тѣмы днямы между разговорами со мною зачалъ проситъ чтобы ему объявить о тѣхъ другихъ двухъ каретахъ кто тамъ сидитъ, и конечно де въ ту ночь въ Варшавѣ говоритъ онъ какъ меня възялы, то взято еще каво нибудъ изъ господъ и таперъ веземъ оныхъ съ собою.

О таковой ево прозбе надобно было мнѣ первѣе не много подумать и соглашатца съ тѣмъ данымъ мнѣ повелѣніемъ, въ которомъ запрещено толко о томъ чтобы оны не были вѣместѣ а порознѣ, что я и наблюдалъ, а чтобы адынъ о другомъ не знали въ томъ не предвидѣлъ я важности никакой, ибо сие ни опасности ни противности принестъ не можетъ, для чего разсудылъ я чтобы моему просителю здѣлать удовольствые, и сказалъ ему о томъ чего онъ знатъ желалъ.

Сие его весма овеселыло и говоритъ что попутчикамъ такимъ радъ и надѣетца что когда нибудъ вѣместѣ будутъ, при томже говоритъ еще и сій слова что мена взялы то была важность велика и какбы сказать и резонъ, ибо не могбы вашъ Россійской пасолъ князь Репнынъ ничево предъуспѣтъ въ своемъ предъпринятіи здѣлать если бы я былъ на волѣ; также и хетмана съ синомъ что взято, то и то было князю Репнину здѣлать надобно, понеже и сій люде суть въ голосахъ свои первые, но быскупна Киевскаго тово ужъ говоритъ онъ я не знаю за что взято, и насмѣявшись сказалъ разве что вамъ въ дароге около него естъ лишны трудъ, и что вамъ съестъ и попьетъ, а болѣе никакой важности въ немъ не состоятъ.

При сихъ словахъ повторять мой Краковски быскунъ еще и другую прозбу чтебъ допустытъ ему съ нимы видѣтца.

Вотъ ужъ сего было отъ него и съ лишкомъ, я къ тому не хотѣлъ было согласитца, уговаривая его чтобы онъ то требованные оставилъ, обнадеживъ что конечно оны въ скоросты будутъ всѣ вмѣстѣ, и что тогда время имъ будетъ довольно свободное въ разговорахъ себя удовлетворять.

Однако проситель мой усиленно приступилъ съ прозбою о томъ, что ужъ не могъ я вопреки ему отказать, согласился, и говорю что свиданія формалнаго никакъ здѣлать вамъ не могу и не сего дны, разве въ удовольствіе ваше завтра и на марше то здѣлаю чтебъ вамъ съ нимы видѣтца, чѣмъ уже онъ былъ доволенъ и благодарилъ.

Поутру при выездѣ изъ того села велѣлъ я первѣе быскуну Киевскаго каретѣ ехать въ періодъ, и отъехавъ несколько на чистомъ полѣ остановилъ, а тамъ приказалъ подъехать каретѣ быскуну Краковскаго и поставить въ рядъ съ первою а съ правой стороны въ рядже съ оними подвезлы и Хетмана съ синомъ, и такимъ образомъ дозволилъ имъ въ каретахъ видѣтца между собою, кака я тутъ была съперва радость у нихъ, что несповѣдано видѣлись а тамъ и плакать стали, и было бы сего еще много естли бы время дозволяло на томъ мѣстѣ стоять долго, для чего прекратилъ я ихъ разговоры велѣлъ ехать, и потомъ иногда при таковыхже съ ночлѣговъ выездахъ давалъ имъ мымоездомъ видѣтца, но говорить болѣе между собою имъ не позволялъ.

Въ адинже вечеръ какъ я обходъ мои здѣлалъ, и не приметывъ болѣе ничево окроме то что и прежде, быскунъ сидѣлъ и книжку читалъ, а офицеры тѣ что при нѣмъ раздѣвшись леглы спать, но что низко и на землѣ лежали то ихъ я чрезъ ту въ окошке дырочку не могъ видѣтъ а слышу толко что еще не заснулы и не что по межъ собою говорятъ, я то погледѣлъ и потомъ пашолъ на свою квартиру, и такъ какъ пришолъ снялъ толко съ себя саблю велѣлъ принесть немного сѣна и послать на лаве, прикрылъ оное плащемъ, а шубою на верхъ себя лѣгъ не раздевавшись спать, и было ужъ заснулъ, какже меня изъ самага лучшаго сна разбудило, почувствовалъ что рукою меня человекъ трогаетъ и зоветъ, свеча хотъ на землѣ и горѣла у меня и могбы видѣтъ кто ко мнѣ пришолъ *) но что

*) Здѣсь прерывается переписанная на бѣло рукою самага Пшчевича рукопись «Извѣстія» и начинаются черныя листы, не сшитыя въ тетрадь и къ

изъ просоня и нечаяно то было, такъ я въскочивши испужался до крайности, стою на ногахъ протыраю себѣ глаза и пришолъ немного въ себѣ, подумалъ что ныбудъ да есть важное когда меня будутъ, и нѣтлы съ ночнаго пикета чего, и вижу предъ собою что тотъ самой ундеръ-афицеръ о коемъ я више говорилъ стоитъ, а ему я всегда приказывалъ чтобъ онъ послѣ моего вечерняго объхода самъ около полъночъ погледѣлъ около часовыхъ и чрезъ окошко примечалбы спитли арестантъ, и потому сей ундеръ-афицеръ и пришолъ съ рапортомъ сказывая что изъвольте поскорей самы посмотрѣтъ, я де послѣ вашого вечерняго объхода вотъ таперъ тамъ былъ у Быскупа Краковского и видѣлъ чрезъ окошко что онъ пишетъ, и для того де я поспешилъ и васъ разбудылъ.

Такова новына показаласть мнѣ черна, незнаю кто бы ему перо и чернилицу далъ а онъ того у себя не имѣлъ, и писать имено приказано ему и никому изъ сихъ арестантовъ не позволятъ, я услышавши то отъ ундеръ-афицера поспешилъ скорей туда чтобъ видѣтъ, и вижу чрезъ ту у окошка дырочку что такъ, Быскупъ мой закрившись павилономъ сидитъ на кровати и пишетъ, у негожъ было прислано изъ Варшавы съ платьемъ маленькои бюро на съкладныхъ ножкахъ, въ коемъ было бритвы, мыло, и еще коно какие спирты, что я какъ ему по регистру протчие вещи отдавалъ видѣлъ, но чернилицы и пера не было, и тотъ бюро въ ночное время ставылъ всегда онъ предъ себя подъ павилономъ и служило ему за место столыка, на коемъ клалъ свою восковую свечу и книжку, то и тогда онъ на ономъ писалъ, и мнѣ толко тѣнь его отъ свечи чрезъ павилонъ видна и довольно, даже вижу какъ рукою по бумаге водить и чернило перомъ достаетъ, на сие я погледѣлъ мынутъ две, три не подавалъ знака никакова чтобъ его не спужать и не спортытъ его дѣла, отышолъ тихонка протчъ и съ тѣмъ его оставылъ ожидая что изъ того еще далъ будетъ.

Афицера же что тамъ въ избе не могъ я примѣтитъ, спавылъ оны илы нѣтъ потому что ниско на землѣ лежалы и мнѣ невидно, изъ просоня такъ вскочивши испужался до крайности подумавъ что ныбудъ да есть важное когда меня будутъ.

При отходѣ моемъ приказалъ я моему ундеръ-афицеру чтобъ онъ еще пообождалъ и присматривалъ долголь еще Быскупъ писать

сожалѣнію не доводяще до конца всего разсказа. Отсутствуютъ также и документы, которые не разъ Пищевичъ обѣщалъ приложить къ своему сочиненію.

будеть и по утру чтобъ мнѣ о томъ отъапортовалъ при чемъ подтвердилъ ему чтобъ онъ ни кому ни слова о томъ не оказывалъ и держалбы сие въ тайнѣ.

По утру рано приходитъ мой ундеръ-афицеръ и сказываетъ что Быскупъ писалъ непрестано после меня еще съ полтъчасы и потомъ престалъ и въкладалъ то писаное въ тотъ предъ собою бюро и затваривъ загасилъ также свою восковую свечу и легъ спать.

И какъ было къ выезду всено готово и моимъ арестантамъ принесено кофе то я зашолъ къ Быскупу и пылъ тамъ у него также кофе при чемъ спрашиваю о его здоровьи и каково ему было въ ночи и спалъ ли хорошо, онъ отвѣчалъ веселымъ духомъ что ни одну ночь небыло ему такъ спокоенъ какъ таперъ и что лиогокъ и здоровъ, капитана жъ итого другаго афицера что при немъ состоялъ также спрашиваю я что каковы имъ и спалыъ хорошо и не былоу у нихъ таракановъ и клоповъ какъ у меня что было, на то отвѣчали что нѣтъ а было имъ хорошо.

Мы потомъ выехали и продолжали путь какъ обыкновенно до втораго часа и тамъ гдѣ назначено обѣдать заночевали.

А въ вечеру я по моему обыкновенью дѣлалъ въ поздую ночь обходъ и глядѣлъ чрезъ окошко на Быскупа, коего по прежнему нашолъ что подъ павилономъ читалъ книжку, но уже я недовералъ а приказалъ тому моему ундеръ-афицеру чтобъ онъ пообождалъ и наведася бы опять что Быскупъ дѣлать будетъ и не зачнетлы опять писать и съ тѣмъ пашолъ я на свою квартиру.

Съпустя съ полтъчасы прибежалъ мой ундеръ-афицеръ а репортуетъ что Быскупъ оставилъ книжку и зачалъ писать, я поскорѣя туда и смотрю чрезъ ту приуготовленную у окошка дырочку вижу что такъ Быскупъ пишетъ и съ тѣмъ пашолъ я на свои квартиру идучи думаю въ себе дабро найдужъ я твою канцелярию не останется оно на томъ какъ ты думаешь.

Таперъ оставимъ его спокоемъ не будемъ ему мешать пуцан онъ свое дѣло совершить, а потомъ дондетъ оно совсѣмъ изъготовленное до рукъ нашихъ, а станемъ говорить о тѣхъ другихъ господахъ какъ оны въ дороге обращались.

О Быскупе Киевскомъ говорить нѣчего онъ человекъ былъ уже въ лѣтахъ и драхлон, молчалъ болшъ нежели говорилъ, а что иногда и говорилъ то было почты полуумное разве гдѣ какая речъ къ стату

придетъ, и наевшись и напившись разденетца порядочно и ляжетъ отдыхать и на томъ всю его дѣло было.

Хетманже человекъ былъ также старой и тихой учтивъ, скромнень, и благообразенъ, слова его приятны, ни о чемъ не досадовалъ а полагался на свою судьбину, а сынъ его староста Долински послѣдую отцу обходился весьма ласково и яко человекъ молодой былъ веселъ, однако и объ ныхъ сумнѣватца мнѣ было надобно, ибо и оны оба такъ какъ и Быскупи Краковски ночью не раздѣвались и были всегда одѣтые, также что Хетманъ бороду запустылъ и бритца не хотѣлъ, ужъ борода ему на вершокъ отъросла, о чемъ я ему несколько разовъ говорилъ чтобъ того не дѣлалъ и чтобъ вибрился, на что отвѣчалъ что неволнику въ такой формѣ должно быть, чѣмъ также подавалъ онъ мнѣ резонъ чтобъ надъ нымъ имѣть крепкое смотрение, и тако приближились мы уже подъ городъ Гродно отъ коего разстояниемъ ночлегъ взяли въ одну мылю.

Городъ сей великъ довольно и народа въ немъ много а мыновать мнѣ его было нельзя понеже подъ нимъ река Нѣманъ, чрезъ кою надобно провозитца на поромахъ, опасности же тутъ въ моемъ проезде не могло быть понеже тамъ стоялъ отъ войскъ нашихъ генералъ Измаиловъ съ кавалерскими полками, къ коему я тотъчасъ послалъ съ афицеромъ рапортъ уведомляя его, какихъ людей я препровожу и прошу его чтобъ пособствовалъ толко о поромахъ, между тѣмъ покудова мой афицеръ возвратился подоспѣла уже и ночь, а генералъ сказалъ афицеру что онъ не-совѣтуетъ мнѣ тутъ преправлятца чрезъ городъ арестантовъ провозить, яко народа въ городѣ много и чтобы какова безпокойство послѣдовать немогло, а ехалбы я пониже города за две мыли на другой перевозъ и тамбы преправился.

Я тотъ часъ послалъ другога афицера съ проводникомъ на всю ночь туда чтобъ тотъ перевозъ осмотрѣть, и то отъправивши неляговился я уже спать, а учредылъ свои пикеты и люди всѣ при лошадахъ были также караулъ какъ должно поставилъ, и ужъ какъ ночь горазда наступила дѣлалъ обыкновенной обходъ первѣе зачалъ отъ Быскупна моего Краковского и усмотрелъ чрезъ дырочку у окошка что опять пишеть, и приметылъ точно что афицеры будни были и не спали ибо одинъ изъ нихъ лежа на землѣ кашлялъ, я пообождалъ несколько дожидаясь что изъ того писана еще далѣ будетъ, которое онъ сократылъ и сталъ конверты дѣлать и печатать, сего ужъ для меня было довольно оставивъ тутъ моего ундеръ-афицера съ приказаньемъ чтобы еще приметилъ на чемъ конецъ будетъ, а самъ па-

пошлъ къ другимъ арестантамъ конхъ уже нашолъ я спящихъ, и съ тѣмъ вернулся къ своей квартирѣ.

Идучи жъ я мимо квартиру первую дождалъ меня тамъ въ сторонѣ мой ундеръ-афицеръ, сказываетъ что Бискупъ выходилъ и ходилъ по двору и подьходилъ къ другой тутъ по близы избе да кликалъ къ себе капитанского денщика и говорилъ нѣчто съ нимъ и потомъ вернулся въ свою избу и денщикъ съ нимъ и тамъ легли спать, я услышавъ въ избу сие заглядѣлъ у окошко вижу, что овеча на землѣ горитъ и денщикъ вѣзлѣвъ на печь тамъ лежитъ что прежде ни однажды не было, денщикже тотъ былъ того самого капитана каторон при Бискупѣ находилца и услуживалъ Бискупа, а гусара что я ему предъ тѣмъ было на услугу приставилъ того онъ имѣтъ не хотѣлъ объявляя что квартири случаютца теснѣе и повернутца всѣмъ нѣгде и что тотъ денщикъ адинъ его потребности исправить можетъ, на чемъ и такъ и оставилъ.

Таперь доходитъ дѣло до денщика и разсуждать инаково ненадобно и писма конечно у него а думаю что и капитанъ въ томъ есть участныкъ, но что денщикъ тамъ въ избе легъ спать и не могу его на тотъ часъ имѣтъ а тревожить въ ночь нехотѣлось то оставилъ до утра, и съ тѣмъ пашолъ въ препровожденіи того ундеръ-афицера на свою квартиру.

По утру рано было у меня дѣло прежде нежели протчіе повставалы первѣе приставилъ смотрѣтъ денщика, чтобъ его въ руки вѣзати и ожидалъ покудова выдетъ, а ктому было у меня дѣло что посланой мой афицеръ отъ того другаго превоза возвратился и рапортуетъ что преправлятца тамъ никакъ не можно, ибо паромъ толко адинъ да и то маленкой и каретъ нетокмо всѣхъ но ниже адну вѣместытъ невозможно, и такъ по сему принужденъ я сего афицера тотъ часъ послать опять къ генералу и доложить ему что преправа моя по необходимости должна быть подъ городомъ.

Онъ на то отвѣчалъ что я могу дѣлать какъ мнѣ угодно и что ему до моеи камыси дѣла нѣтъ, а покудова то было въ задъ и въ периодъ преездка и порома осмотрены и заготовлены то ужъ принужденъ въ томъ селъ дневать и остатца до утра.

Мои же бискупъ тотже день всталъ ранѣе обыкновеннаго и онъ уже знаетъ что предъ нами городъ Гродно есть и чрезъ оной ехать будетъ надобно, то и посилаетъ за мною спрашиваетъ будемли скоро ехать, и узнавъ о дневаніи, зачалъ просить чтобъ позволить послать

въ периодъ въ городъ денщика Крюкова (а онъ его прозвалъ Крюковъ) чтобъ наитыть прачку и дать помытъ рубахъ кои могутъ до утра поспѣть и онъ насъ тамъ въ городѣ встренетъ, и датбы ему подводу.

На то я ему отвѣчалъ что съ охотою пажалуи извольте его отъправить и подвода сейчасъ будетъ готова, и вотъ паиду я и пришла оную сюда, а вы говорю я ему извольте приуготовить вашу посылку и чтобъ Крюковъ былъ готовъ.

Я поспешилъ скоряе къ своей квартире приказываю моему ундеръ-афицеру давъ ему еще надежныхъ двухъ гусаръ велѣлъ имъ поскоряе ехать верхамы въ периодъ хоть за четвертъ мыли и дождать на дороге едущаго денщика Крюкова, взять подъ караулъ и тотъ часъ изътребовать отъ него какие ему отъ Быскупа даны письма принять оныя къ себе и привезть сюда ко мнѣ, а денщика также привезть но скрыто и въ округъ села чтобъ никто не видѣлъ.

Ундеръ-афицеръ мой поехалъ, а подводу заготовленную отослалъ я къ квартире Быскупской на кою селъ денщикъ и поехалъ, а тамъ ужъ его дождалы и здѣлано такъ какъ я приказалъ и письма въ аднои конверте найдены.

Между тѣмъ какъ скоро денщикъ выехалъ то я тотъчасъ того капитана отъ Быскупа съ тѣмъ другимъ афицеромъ онъ же и былъ его братъ сменилъ, коихъ я предъ темъ ни мало не знавалъ, отданы мнѣ были при отъправлении отъ князя Прозоровскаго, и взявши ихъ прочъ представилъ къ Быскупу другихъ досмотрщиковъ на коихъ уже я получше надѣятца могъ.

Быскупу моему былъ то ударъ не малъ посылаетъ за мною и просить къ себѣ, но я не пошолъ и сказалъ что дѣла много имѣю и нѣтъ времени.

Денщикъ какъ увидѣлъ приуготовленные на него батоги признался тотъчасъ что онъ купилъ у жида чернилицу и перо досталъ и Быскупу далъ и за то получилъ четыре червонца и что о томъ и его капитанъ зналъ, а бумаги я ему говорить денщикъ не приносилъ и не знаю гдѣ онъ ее взялъ.

Но о томъ я опосля узналъ что Быскупъ употребилъ къ писаную бумагу такову, которая у него была между платѣмъ преложена, простая.

Капитанъ же еще не знаетъ что денщикъ его взять и письма найдены, я велѣлъ его къ себѣ призвать спрашиваю знаетлы онъ о

томъ что Быскунъ уже сколько ночей пышетъ и отъ кудава ему чернелица и перо, онъ на то сталъ изгавариватца что того не было и не можетъ статца яко онъ при нѣмъ былъ приставомъ и онбы видѣлъ ежелибы то правда была, я ему отвѣчаю чтобъ не таилъ и лучше для него будетъ сказать правду онъ и на то было зачалъ отпыратца, но я прекратилъ его слова и велѣлъ денщика въ колодке привести и письма показалъ, о чемъ денщикъ повторилъ и его улычилъ, капитапа хотель я тутъ арестовать но онъ видя свою беду упалъ предо мною просилъ помылованья и признался, не хочу я его упоминать какъ зовутъ, а были и онъ и братъ его изъ пехотныхъ полковъ и оба Немцы.

Конвертъ надѣписанъ былъ по полски и приказано чтобъ отдать тамъ въ городѣ въ монастырь езуитской началнику супериору. я его распечаталъ и нашелъ не болшую цедулку въ коеи пишетъ Быскунъ о себѣ, что его везутъ яко невольника и заклиняетъ ранами Христовими чтобъ приложенной другою конвертъ отъправить какъ можно скорей и чрезъ нарочной въ Варшаву двора его къ маршалку Валегорскому, и на той цедулке подѣписалъ свое имя.

Я и тотъ другой конвертъ распечаталъ и прочелъ въ коемъ писано по полски на несколькихъ ласкуткахъ много, и составляло бы то болѣе адного целого листа, а первоначальная материя упоминаетъ и говорить неволя моя какъ вижу продолжаетъ безъ препоны и страданыя свое сносить терпеливо ибо оное есть за веру, въ протчемже во всемъ томъ писаныи не было въжного ни чего а почты на релацію походить онъ наиболѣе о марше и ездѣ писать, и какъ ево кормить и поятъ хорошо и нужды втомъ не имѣеть.

Писма жъ сіи какъ оныя не составлялы никакой важности и чтобы не здѣлать сего капитапа если бы оныя по камандѣ представить не счастливымъ, то удержалъ я ихъ у себя кои и таперъ имѣю между протчими своими бумагами, капитапа жъ я съ братомъ его отлучилъ и определялъ къ другому дѣлу съ приказаньемъ, чтобъ оны во всю дарогу Быскупу на глаза не показывались а денщика возылъ арестованаго въ колодке.

По утру рано какъ всио было къ отъезду готово и парома на сеи сторонѣ моимъ афицеромъ приуготовлены, то выехали мы съ нашего ночлега и прибыли подъ городъ на преправы, и тотъчасъ чрезъ реку преправлятца стали, способъ намъ былъ хорошъ что четыре болшия порома имѣлы и тѣмы могли скоро пребратца на ту сторону.

Городъ сей возлѣ самой рѣки состоитъ несколько на висотѣ, и видно что ужъ о нашемъ приездѣ жители извѣстны были, для чего толпаны народъ стекался и глѣдѣлы, и многіе хотѣлы и къ самымъ каретамъ подходить и благословенныя отъ быскуповъ взять но сіе ихъ намеренныя было тщетно, ибо конвойныя по обѣимъ сторонамъ каретъ такъ густо были приставлены что никто сидящихъ моихъ арестантовъ видѣть не могъ, я тутъ видѣлъ глупость что по сторонамъ дароги, многіе люди и жоны упали на колена, держа чотки въ поднятыхъ рукахъ, читали молитвы и съ тѣмъ поехали мы далѣ, однако не чрезъ самой городъ, а взяли немного въ право, во округъ другими преулками, которыхъ афицеръ мой въпереды посланой сискалъ и тѣмъ провелъ и выехали за городъ.

Я на часъ заехалъ къ генералу Измаилову чтобъ съ нимъ видѣтца яко прежде не имѣлъ чести его знатъ и доложить ему хатѣлъ почитая за долгъ что я проезжаю и арестантовъ уже вывезъ за городъ.

Онъ принялъ меня учтиво и ласково, а при томъ говорить, что отъвагу велику я здѣлалъ, и какъ могъ осмелытца здѣсь преправитца яко городъ болшой и народа въ немъ есть много изъ чего надобно было, говорилъ онъ, первѣе подуматъ какбы на случаи какои тревоги можно было охранить, и могло бы изъ того вытѣть велика конфузія.

На то отвѣчалъ я, что преправа сия была мнѣ нужна и неминуема, чрезъ кою уже я преправился благополучно, а конфузій и замешательству чтобъ послѣдовать могло, ны мало не сумнѣвался по тому говорю я ему, что ваше превосходительство здѣсь съ войскомъ находитца изъволите, и конечно въ случаи неоставилибы помочь дать, а сверхъ того и команда моя не допустила бы надъ собою стида здѣлать, я отъклонясь у него поехалъ въ слѣдъ за командою, кои меня за городомъ дождалысь, и предъпринялъ путь свою далѣ.

Я тутъ приказалъ ундеръ-афицеру моему, чтобъ посланные отъ быскупа Краковскаго съ денщикомъ вчерашны день въ городъ для мытія завязанные въ солфетке три рубахи отъдать въ карету быскупу при чемъ сказать, что то ему мымоездомъ дано отъ человѣка какова-то монастыра, и что приежающій съ оными нарочно присланой заболѣлъ жестоко и остался въ городѣ.

Быскупъ то принялъ и заскорбѣлъ чрезвычайно, даже во всю дорогу въ тотъ день мнѣ сказивалы сидящія съ нимъ досадовалъ и непреста-

но о денщике упомыналъ и гдѣ онъ остался и чтобы послать его привести, однако я въ переды того что онъ говорить и суестьца не слышу и ехалъ свою дарогу куда надобно.

Отъ Гродна дорога была большъ лѣсиста и болотна и много безпокойна для чего и нельзя мнѣ было съ такими тяжелыми каретами ехать по сторонамъ проселочными дорогами а принужденъ уже былъ держатца большой дороге, по которой хотя и случались местечки но я оные всегда проезжалъ и становился налегамы въ селахъ и въ деревняхъ, какъ и въ тотъ день я здѣлалъ.

Надобно же сказать что я у моего друга быскупа Краковского уже два дни не бывалъ не видѣлся, для чего въ тотъ день какъ на квартиру стали пашолъ я къ нему, онъ тотчасъ зачалъ о денщике спрашивать говорить гдѣ Краковъ (такъ имя онъ ему далъ въместо Крюкова), на то отвѣчалъ я что заболѣлъ въ городѣ какъ мнѣ сказано и что послано за нимъ и говорю что уповаю севодня его привезутъ, и тѣмъ я его немного успокоилъ, однако въ тотъ день разовъ несколько онъ о своемъ Кракове спрашивалъ.

Между тѣмъ чтобы его провезъ и оставилбы онъ болѣе обьѣмъ спрашивать, то призвалъ я къ себѣ одного моего афицера заставилъ его написать на имя мое письмо, якобы оное прислано отъ генерала Измаилова чрезъ того нарочно посланого о коемъ я быскупу сказалъ будто за денщикомъ посланъ, и тѣмъ письмомъ будто генералъ мнѣ даетъ знать что заболѣвшаго въ городѣ денщика Крюкова по его жестокой болѣзны нельзя было въ слѣдъ за мною отъправыть, коего приказалъ онъ отъвестъ въ гошпиталь и тамъ для пользования находитца будетъ до моего обратнаго приезда ежели выздоровиетъ и то письмо запечатавъ въ конвертъ, призвалъ адного моего капрала отдаю ему и говорю чтобы онъ селъ на одну мужицку телѣгу, и подвечеръ какъ я буду у быскупа, то бы онъ приехалъ просто предъ квартиру быскупа и тамбы мнѣ то письмо подалъ съ объявленіемъ, что оное дано ему отъ генерала Измаилова и что денщика по его болѣзны съ собою привести немогъ.

Такимъ образомъ и письмо мнѣ тутъ у быскупа подано, которое я предъ нимъ распечаталъ и рассмотрѣлъ и подаю афицеру тутъ представленному чтобы онъ предъ быскупомъ прочелъ, и тѣмъ ужъ его уверылъ и остался я спокоенъ, однако онъ жестоко было зажурился и всю задумавшись сидѣлъ но я никакова вида не подавалъ чтобы писмы его у меня были.

Вотъ таперъ бискупъ станеть въ квартиру дѣлать, онъ зачалъ чрезвычайно около меня, даже желалъ чтобы целомъ поводилъ разговоры о разныхъ матеріяхъ, я волостные и бывалъ всякой день у него и вѣвалъ и просиживалъ съ нимъ сколько мнѣ въходилъ съ нимъ въ дискурсъ и сказать правду, векъ онъ былъ разумной и учонъ на разныхъ ятно съ нимъ вестъ разговоръ какъ онъ уже отъ суровосты отъсталъ и былъ во вѣмъ съклонъ и тихъ, вѣ подробности дискурсомъ своимъ въходилъ много кратъ ныхъ дѣлахъ и судылъ во вѣмъ хорошо (но врагъ а то умышлѣно).

Онъ меня какъ уже далеко со мною пообознался спрашивалъ, природной ли я руской или какой иностранной и какъ приметъ по моему прозванію что надобно мнѣ Венгру быть и какова я закона, и давнѣе служу и тому подобное много како чего спрашивалъ.

Я ему на всіо то отвѣчалъ что я не Венгеръ а природны Сербинъ выежи съ абшигомъ изъ службы цесарской и закона греческаго исповеданія и служу въ Россіи уже давно давольно, онъ на то съспросилъ какъ велико намъ есть жалованные, я и то въ удовольствіе сказалъ чему онъ много дивовался упомыная что противъ трудной такой нашей службы жалованные имѣемъ не велико, и что у ныхъ всякой господинъ своимъ придворнымъ афицерамъ большъ даетъ.

Таково его разсужденіе я моимъ отвѣтомъ прекратилъ и говорю что служба императорская не объ одномъ жалованьи состоитъ, но честь велика и можетлы вашихъ господъ служба о коеи вы упоминаете быть на ровнѣ съ нашею службою, хотя бы оны сколько своимъ названнымъ афицеромъ денегъ давали, но сие есть партикулярство такъ какбы мои или чіи другой слуга былъ.

Онъ потомъ сталъ рассказывать о своей власти и господствѣ въ какомъ онъ въ Полше почитаетца, и что есть владѣтели князь Сиверскіи, и какая обширность его владѣнія и доходы до полумиліона червонныхъ ежегодно имѣетъ, и какъ въ великой естимѣ состоитъ у папы Римскаго и что въ скоросты было бы ему достоинство гардинала дано какъ де о томъ уже отъ туда есть къ нему известіе, если бы толко таперъ говоритъ онъ не помешало мнѣ сие несчастые что я въ неволю взять.

Потомъ сталъ просить чтобъ позволютъ ему проходитьца немного по двору, и меня тоже просилъ съ собою, я согласился на то и вышли по за дворомъ къ текущему ручею тамъ место было свободное где ходить было можно, мы оба пошлы но за нами не много вотьдалъ шло еще два человека гусаръ.

Онъ зачалъ опять повторять свои маетности и доходы считать, но при томъ говорить что жъ мнѣ и ползы, оноде служить толко покудова я живъ, а наслѣдниковъ тѣкихъ не имѣю каму бы могло въ потомство быть полѣзно, а разве была бы то къ вашей сторонѣ говорить онъ мнѣ какъ я васъ вижу достойную особу и вы бы всѣмъ тѣмъ еще при жизни моей воспользоватца могли естлы согласитца хотыте.

Сие я вислоушавъ, разумѣть могъ въ какую цѣль онъ то говорить, и отвѣчаю ему несколько съ пренебреженіемъ чтобъ на сие время о томъ не помышлялъ, ибо обстоятельства ваши говорю я ему таперъ такие что вамъ самымъ всио то что имѣете будетъ надобно, а лучше взять терпѣные и ожидать своего освобожденія, какъ можетъ быть со временемъ вы то и получите.

Онъ прехватывъ мои слова какъ о освобожденный я сказалъ и говорить что освобожденные мое зависитъ единствено таперъ отъ васъ, ежелы ту мылость со мною здѣлать хотыте и меня выпустить то я кленусъ честыю своею, что всио мое изъ доходовъ годовыхъ будетъ ваше и лучше де всего какбы со мною вмѣстѣ удалытца изъволены алы гдѣ прикажете получить.

Тутъ ужъ я съгорѣлъ тронуло меня жестоко, остановился и говорю ему съ сердцемъ, слушаи быскупъ богатство твое и честь твоя видно ни куды не годно, какъ ти могъ осмелитца меня такую хитростыю пробовать, знаешлы ти говорю я ему что не токмо твое всио именные но и всю вашу Полшу не пременю я на свою честь, такъ велико я оную почитаю и хранию чтобъ не была повреждена, не доволно лы тебѣ разумѣтъ говорю я ему изъ того толко одного что сколко въ воиске моей монархины состоитъ разныхъ чиновъ и доволное число состояло оныхъ на то время въ Варшаве какъ тебя подѣ арестъ възялы, однако изъ между всѣхъ меня адного выбрано въ такую довереность что васъ арестантовъ къ препровожденною въ такой далнѣи дароге отъдады мнѣ на руки, такъ чтобы я такую честь и вѣрность свою хотѣлъ пренебrecъ безъ честы и согласитца на твою не годную пропозицію, такъ не думай о томъ чтобъ ты во мнѣ могъ то сискать и стидисъ словъ своихъ, и сие я ска-

завѣ повернулся назадъ и говорю ему изъвольте въ свою квартиру итѣть.

Быскупъ мои послѣ моихъ къ нему словъ устыдился и весь покраснѣлъ, и что я отъвернулся и шагнулъ назадъ итѣть, то онъ сталъ просить чтобъ на минуту остановитца, я сталъ и говорю чужѣ вамъ еще болшѣ надобно, на то зачалъ онъ говорить и просить, чтобъ его въ томъ простылъ, предоставляя что освобожденные бы ево было ему конечно приятно и о такой желаносты ни кто права не имѣетъ его осудить, для чего по такой нуждѣ осмелылся мнѣ о томъ напомнить, а вы велможны панъ (такъ онъ меня тогда назвалъ) имѣете разумъ и знаете какъ велика человеку есть нужда, когда помочы себѣ желаетъ и что принужденъ метатца искать оной, что и дерзнулъ было искать въ вашей милосты но когда верность ваша такъ велика и не дозволяетъ вамъ къ моему желанію съклонитца то ужъ принужденъ остаюсь послѣдовать своей судьбынѣ, а васъ покорно прошу простыть меня и не имѣть злои воли, и сие выговаривъ подынялъ руки и глаза къ небу и говорить о счастлива Императрица Россійская что такихъ особъ въ войскѣ своемъ имѣетъ и нѣсть чуда что всеи преодолеваетъ, и заплакавши сказалъ еще, что ужъ таперъ какъ изъволяте власть ваша надо мною.

Меня ужъ и сие тронуло сожалѣя что онъ залылся слѣзами, обратился къ нему и говорю оставте вы всю сию печаль, возложите надежду лучше на Всевишняго и ожидайте себѣ милосты отъ Ея Величества нашей Государыни, не отъчаявайтесь ни мало, будьте великодушни, сносите терпеливо, и надѣйтесь получить свое освобожденные честнымъ образомъ, а не такъ какъ вы намерились было приобрести, voidите вы самы въ себя что чины и достоинство ваше должны вы хранить, и сколько бы много говорю я ему вы себя тѣмъ обесчестили если бы такимъ образомъ освобожденные себѣ получили, такъ совѣтую я вамъ ожидайтъ сносно, а время всеи само собою принесетъ, престанте суетитца и будьте съ покоемъ.

Онъ ужъ послѣ сего моеи къ нему проповеди потупылъ голову, замолчалъ и съ тѣмъ вернулысь мы къ своему месту, и далѣ престалъ онъ уже съ своими замашками и болѣе мнѣ ни о чемъ такомъ не говорилъ.

Мы продолжали путь еще несколько дней и приблизились къ городу Вилнѣ и мыли за две остановы въ адномъ селѣ ночевать тамже и дневалъ, а того жъ дня нашего туда приезда послалъ я въ

Вилну чрезъ нарочнаго афицера къ генералу порутчику Нумерсу рапортъ, коимы уведомляю его о моемъ приездѣ и спрашиваю какимъ образомъ прикажетъ арестантовъ въ городъ въвестъ, онъ уже о томъ прежде моего прибытія чрезъ письмо отъ полномоченаго нашего посла изъ Варшавы князя Репнина былъ уведомлѣнъ, и по тому присилаетъ бывшаго при нѣмъ за плацъ-майора подполковника Кулѣбакина, чтобъ со мною условитца какимъбы образомъ то здѣлать и арестантовъ въ городъ въвестъ чтобы не было тамошнымъ жителямъ извѣстно, и суетытца о томъ Кулѣбакинъ сказиваетъ что городъ весьма великъ и народа въ нѣмъ очень много, то чтобы иногда не воспослѣдовало какой тревоги и не было бы нападенія, отчего можетъ быть дошлобы въ защищенные и кровопролитые.

Я его на то спрашиваю что разве нѣтъ въ городѣ нашего войска чтобъ то могло такъ опасно быть, онъ отвѣчалъ что батальона два гренадеръ въ городѣ стоятъ, я на то насмѣлся и говорю съ двумя батальонами гренадеръ не токмо Вилну но и всю Литву привести въ послушаніе можно, и когда такъ какъ вы говорите что трудность въ томъ есть то должите генералу не соизволыти онъ возложить сие дело на меня и я ужъ самъ ихъ въ городъ въвезу.

Мой товарищъ господинъ подполковникъ Кулѣбакинъ, который мнѣ давно знакомъ былъ, на то мое объявленныя согласился и былъ тому радъ спрашиваетъ при томъ какимъ образомъ намерень я то здѣлать чтобъ умѣлъ генералу сказать, я ему отвѣчаю чтобы еще севодня прислать ко мнѣ сюда адного хотя ундеръ-афицера, который бы меня повелъ къ тѣмъ воротамъ куда въехать надобно, а при воротахъ уповаю караулъ нашъ есть, то чтобы при тѣхъ воротахъ были въ готовности три афицера верхамы кои на квартиры поведутъ и толко и всенъ есть надобности, а о прочемъ будетъ мое старанье, но и то скажите генералу, говорю я ему что я со всѣю командою не буду въ городъ въезжать а оставляю оную у воротъ, а толко при каретахъ будетъ человека по четыре гусаръ и я при ныхъ буду ехать къ тому жъ чтобъ на каждой квартире были столы накрыты и ужинъ готовъ, а я отъсудова въ наступившую сево дня ночь введу, всенъ то мои другъ Кулѣбакинъ что я ему сказалъ апробовалъ за хорошо и простясь со мною поехалъ обратно (а я приуготовилъ подводы и состоялъ къ отъезду въ готовности дожидаясь толко ночи и того ко мнѣ изъ города провожатого).

А подъ вечеръ какъ тотъ присланный проводникъ уже ко мнѣ прибылъ то я не медля выступилъ, ночь мнѣ послужила хорошо что

мѣсяцъ свѣтылъ и дорога была поспѣшна, приездъ мой былъ къ городскимъ воротамъ предъ самую полночь, команду я свою оставилъ на полю за воротами взявъ только съ собою при каждой каретѣ по четыре человека гусаръ въѣхалъ въ ворота.

Караулъ нашъ сталъ у ружья и тѣ афицери какъ я Кулѣбакину сказалъ встрѣтили меня верхамы, каторіе уже знали какими улыцами ехатъ повелы кажды свою карету, куда надобно, а я держался впереди предъ каретою быскупа Краковского.

Ехали мы всѣ вмѣстѣ весьма тихо безъ стуку и безъ шуму и приехали предъ ворота той квартиры гдѣ быскупу Краковскому быть, его ввели на верхъ, а тѣ протчіе также введены тутже на той улице не далеко, гусаръ моихъ конвоинныхъ отослалъ я назадъ къ командѣ, а самъ остался тутъ у быскупа Краковского куда уже и подполковникъ Кулѣбакинъ пришолъ.

Столъ былъ надкрытъ и блюда стали носить, но что слугъ другихъ не было а носилы блюда приставленные тутъ караулные гренодери и люде отъмено были хорошии съ ихъ наваксеними бакенъ-бартамы и одѣты чисто, то мой быскупъ стоитъ на нихъ махнулъ только головою сказалъ своимъ полскимъ языкомъ (нѣхцалембы я такихъ комординеровъ мацъ).

Послѣ ужина оставили мы быскупа спочивать и я пашолъ на отведеную мнѣ квартиру, а по утру пашолъ къ генералу съ моимъ докладомъ, что арестанты привезены въ городъ и каму прикажетъ съ рукъ моихъ принять.

Генералъ сей также былъ мнѣ отъ прежняго времени довольно знакомъ, принималъ меня ласково и былъ любопитенъ о всемъ томъ знать какъ сихъ арестантовъ въ Варшавѣ взято и не былоли при томъ какой тревоги, я ему обо всемъ пресказалъ и остался у него обедать, а потомъ приказалъ подполковнику Кулѣбакину отъ меня арестантовъ принять, а я чтобы еще пообождалъ съ командою для три для приему и отвозу на корпусъ нашъ присланой изъ Москвы на жалованье казны.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе отъ редакціи, I—IV стр.

ЧАСТЬ I.

Къ благосклонному читателю, 1—2 стр.—Время и мѣсто рожденія С. С. Пишчевича, стр. 3.—Первоначальное ученіе въ Петроварадинѣ и Вѣнѣ, 4.—Пробываніе въ Сегединѣ, 5.—Переѣздъ въ Есскъ для опредѣленія къ канцелярскимъ занятіямъ, 6.—Генералъ-губернаторъ маркизъ де-Гвадани и Гофъ-кригсъ-ратъ-концепистъ фонтъ-Малеръ, 6—7.—Отъѣздъ фонтъ-Малера въ Вѣну, а отца П—ча въ походъ противъ Французовъ, 7.—Описание Сербской подунайской милиціи, 8.—Баронъ Тренкъ и его полкъ, 9.—Опредѣленіе П—ча въ канцелярію Славонскаго Подунайскаго полка, 10—11.—Оберъ-кригсъ-коммисаръ фонтъ-Клейнъ и смотръ Славонскаго полка въ Печуѣ, 11—12.—Назначеніе П—ча полковымъ адъютантомъ, 13.—Обѣдъ у католическаго архіепископа, подарившаго П—чу верховаго коня, 14.—Выступленіе въ походъ, 15.—Описаніе Штиріи, 16—17.—П—чъ начинаетъ вести журналъ ежедневнымъ приключеніямъ, 17.—Переходъ черезъ Штирію и вступленіе въ Верхнюю Австрію, 18—19.—Угощеніе въ Кремскомъ монастырѣ, 20—22.—Переходъ чрезъ Баварію и раздыхъ въ лагерѣ подъ Енгельштадтомъ, 23.—Вступленіе въ Виртембергъ и представленіе герцогинѣ, мужъ которой командовалъ нѣкогда въ Бѣлградѣ, 24—25.—Прибытіе къ Рейну и первая стычка съ Французами, 26—28.—Переходъ чрезъ Рейнъ и атака Французскихъ шанцовъ, 29—30.—Отецъ П—ча раненъ, 31.—Вступленіе въ Ельзасъ, 32.—Кутежъ въ попутномъ трактирѣ и ночныя приключенія, 33—35.—Лагерь подъ Ворисомъ, 36—37.—Неудачная осада форта Луи, 38—39.—Походъ подъ Страсбургъ и мелкія стычки, 40—41.—Случай строгихъ военныхъ каръ за грабежи въ неприятельской землѣ, 42—43.—Смягченіе ихъ главнокомандующимъ, принцемъ Карломъ Лотарингскимъ, 44.—Опасная стычка съ Французами 45—47.—Слухъ о гибели отца П—ча и побѣдка сына на поле битвы, 48—50.—Неожиданная встрѣча съ отцомъ, 51.—Сраженіе подъ Цабертомъ, 52—53.—Преслѣлованіе Французовъ Тренкомъ, 54.—Отступленіе Австрійской арміи къ Рейну и болѣзнь П—ча, 55—56.—Переправа чрезъ Рейнъ подъ выстрѣлами, 57.—Донось на отца П—ча и арестъ его, 58.—Допросы и полковое совѣщаніе въ пользу арестованнаго, 59—

60. Ходатайство молодого П—ча за отца предъ фельдмаршаломъ графомъ Баденъ, 61—62.—Оправданіе отца П—ча, 63—64.—Ненависть между нѣмецкими и сербскими офицерами въ милиціи, 65.—Зимнія квартиры въ Оберъ-Шальцъ, 66—67.—Жизнь у барона Шенбрунъ въ с. Мильдахъ, 68.—Смерть Карла VII и заключеніе мира, 69.—Возвращеніе на родину, 70.—Коммиссія для закрытія ландмилицкихъ Сербскихъ полковъ ввѣри Венгрии и для учрежденій регулярныхъ полковъ по Турецкой границѣ, 71.—Коммисаръ фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Енгельсгофенъ и знакомство П—ча съ нимъ, 72.—Производство П—ча въ поручики и поѣздка его съ Енгельсгофеномъ по Ландмилицкимъ землямъ, 73.—Отъѣздъ Енгельсгофена въ Вѣну и поѣздка П—ча въ Петроварадинъ и Карловцы, 74.—Знакомство съ патриархомъ Арсеніемъ Іовановичемъ Шакабентомъ и его роднею, 75—76.—Обрученіе, по настоянію матери, съ одною изъ племянницъ патриарха, Дафиною Рашковичъ, 77—79.—Преждевременная смерть матери П—ча, 80.—Конфирмація Маріи Терезіи на учрежденіе граничарскихъ полковъ и назначеніе П—ча сперва въ Сремскій, а потомъ въ Славонскій гусарскій полкъ, 81.—Женитьба отца П—ча на вдовѣ капитана Зорича, 82—83.—Свадьба самого П—ча и первая разлука съ женою, 84.—Интриги Венгерскихъ магнатовъ противъ Сербской ландмилиціи и граничарскихъ полковъ, 85.—Новый объѣздъ барономъ фонъ-Енгельсгофеномъ Славоніи и переѣзны въ оличномъ составѣ полковъ, 86.—Поѣздка П—ча къ отцу, свиданіе съ Петромъ Шевичемъ и намѣреніе перейти въ русскую службу, 87.—Переговоры Шевича съ Енгельсгофеномъ объ увольненіи П—ча, 88.—Вызовъ П—ча въ Темешваръ и переговоры его съ Енгельсгофеномъ по тому же дѣлу, 89—91.—Полученіе П—мъ увольненія изъ австрійской службы и принятіе его Иваномъ Шевичемъ въ русскую службу, 92.—Исключеніе П—ча изъ Славонскаго полка, 93.—Доносъ Оберъ-критсъ-коммисара Гарчули въ Вѣнскій Гофъ-кригсъ-ратъ на распоряженіе Енгельсгофена, 94—95.—Приказъ изъ Вѣны объ арестѣ П—ча, отсылка его въ крѣпость Ессекъ и нарядженіе слѣдствія по его дѣлу, 95.—Представленіе Ессекскому губернатору, 96.—Десятидневные допросы въ мѣстномъ аудиторіатѣ, 97.—Двухмѣсячное ожиданіе рѣшенія по произведенному слѣдствію, 98.—Приказъ явиться къ Енгельсгофену въ Темешваръ и объявленіе тамъ П—чу повелѣнія объ оставленіи его въ австрійской службѣ съ повышеніемъ въ чинѣ, 99—100.—Нѣмецкій текстъ конфирмаціи, 101.—Неудача венгерскихъ интригъ противъ учрежденія граничарскихъ полковъ, 102.—Генеральный смотръ послѣднихъ графомъ Сербелони, 103.—Недовольство П—ча назначеніемъ въ Бродскій пѣхотный полкъ, 104.—Пожаръ въ ротной квартирѣ, 105—106.—Поѣздка П—ча къ отцу и тестю, 107—108.—Возвращеніе въ Бродъ, подача графу Сербелони просьбы о переводѣ въ гусарскій полкъ и отказъ въ ней, 108—110.—Новая поѣздка П—ча къ тестю и смерть послѣдняго, 111—113.—Намѣреніе П—ча добиваться самому увольненія въ Россію и совѣщаніе о томъ съ отцомъ, 114—116.—Письмо въ Бродскій полкъ о намѣреніи оставить службу въ ономъ, 117.—Отъѣздъ чрезъ Темешваръ въ Пештъ и оттуда въ Вѣну, 118—120.—Знакомство съ греческими купцами въ Вѣнѣ, 121—122.—Посѣщеніе русскаго посольства при содѣйствіи нѣжинскаго купца, 123.—Неудачное свиданіе съ секретаремъ посольства Черневымъ, 124.—Отчаяніе П—ча и второе свиданіе съ Черневымъ, 125—129.—Знакомство съ Волковымъ и барономъ Ашемъ, 130.—Подозрительное посѣщеніе П—ча сербскимъ народнымъ секретаремъ Павломъ Ненадовичемъ, 131.—Третье свиданіе съ Черневымъ и представленіе послу графу

Кейзерлигу, 132.—Внезапный приходъ къ П—чу унтеръ-офицера дворцовой стражи для опроса о его личности и цѣли прибытія въ Вѣну, 133—134.—Поспѣшный переѣздъ П—ча на другую квартиру, 135.—Четвертое посѣщеніе русскаго посольства, 136—138.—Пріѣздъ въ Вѣну майора Славонскаго гусарскаго полка Марка Продановича и посѣщеніе его П—мъ, 139—140.—Встрѣча у Продановича съ Павломъ Ненадовичемъ, 141—142.—Пятое посѣщеніе русскаго посольства и переѣздъ туда на житье, 143—145.—Жизнь въ посольствѣ, 146—147.—Переходъ въ русскую службу и полученіе паспорта, 148.—Поѣздка съ Волковымъ въ Греческую церковь, 149.—Переѣздъ на прежнюю квартиру, 150.—Посѣщеніе Продановича и объясненіе съ Ненадовичемъ, 151—153.—Отъѣздъ въ Вѣны въ Петроварадинъ, 154—155.—Свиданіе съ полковникомъ Бродскаго полка, 156.—Объѣздъ родня и прощаніе съ Петроварадинскимъ комендантомъ, 157—158.—Путь чрезъ Венгрію, 159—161.—Пріѣздъ въ Токай и знакомство съ русскимъ агентомъ майоромъ Жолобовымъ, 161—162.—Путь чрезъ Польшу, 163.—Пріѣздъ на Русскую границу, 164.

Ч А С Т Ь II.

Предисловіе къ читателю, 165—168.

Пріѣздъ въ Кіевъ и первыя знакомства въ немъ, 169—170.—Поѣздка въ Москву, представленіе вице-президенту Военной Коллегіи С. О. Апраксину, 171.—Челобитная о зачисленіи въ полкъ Шевича, 172—173.—Представленіе Пипера-трицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и придворный балъ, 174—175.—Взаимная вражда между руководителями Сербскаго переселенія въ Россію, Хорватомъ, Шевичемъ и Прерадовичемъ, 176—178.—Черногорскій владыка Василій Петровичъ въ Москвѣ и его проектъ выселенія Черногорцевъ въ Россію, 179—181.—Стараніе владыки и майора Ст. Петровича склонить П—ча къ участію въ этомъ дѣлѣ, 182—184.—Поселеніе Сербскихъ полковъ въ Бахмутской провинціи, 185.—Постройка первыхъ жилищъ, 186—187.—Странствующие торговцы среди поселеній, 188.—Хозяйство поселенцевъ и ихъ обычные занятія на новыхъ мѣстахъ, 189—193.—Отъѣздъ Петровича въ Вѣну по Черногорской комиссіи, 194.—Поѣздка П—ча въ Бахмутъ и Петербургъ, 195.—Свиданія съ С. О. Апраксинымъ и П. С. Сумароковымъ, 196—197.—Свѣдѣнія о первыхъ Сербскихъ переселенцахъ въ Россію, 198—199.—Тяжба между Перичемъ и Хорватомъ, 200—201.—Соперничество Перича съ П—чемъ за майорскій чинъ, 202—203.—Неудачныя искательства П—ча въ Военной Коллегіи, 204—209.—Намѣреніе отпа П—ча выѣхать въ Россію и хлопоты самого П—ча о томъ, 210—216.—Командировка П—ча въ Австрію, 217—218.—Отъѣздъ П—ча въ Венгрію и встрѣча на пути съ отцомъ, 219.—Задержка П—ча венгерскими властями въ Еперіесѣ (Пряшовѣ), 220—221.—Письма П—ча о томъ въ Токай къ Жолобову и Вѣну въ русское посольство, 222—223.—Свиданіе съ пограничнымъ комиссаромъ графомъ Старай и напрасныя объясненія съ нимъ, 224—228.—Присылка изъ Вѣны паспорта и выѣздъ изъ Еперіеса въ Кашау (Кошицу), 229.—Убіиство ватмейстеромъ Крестичемъ своего слуги и отдача его подъ венгерскій судъ, 230—231.—Хлопоты П—ча по этому дѣлу и освобожденіе Крестича, 232—238.—Дальнѣйшій путь П—ча и несчастіе съ его сыномъ въ Токай, 239—242.—Пріѣздъ въ Петроварадинъ и свиданіе съ старымъ комендантомъ, 243—245.—Неудачная дѣятельность Петровича по Черно-

горской комиссiи до прiѣзда П—ча, 246—248.—Участіе въ ней Карловацкаго свѣдѣка Ивана Балевича и бѣгство его въ Россію при помощи П—ча, 249—255.—Дѣятельность П—ча по Черногорской комиссiи, 256—260.—Отъѣздъ П—ча съ новобранцами изъ Словоніи и хлопоты съ ними, 261—262.—Разсказъ о неудачахъ Черногорскаго владыки по дѣламъ той же комиссiи, 263—265.—Приключеніе въ Польскомъ мѣстечкѣ Поволочье, 266—268.—Прiѣздъ въ Кіевъ и волненія среди новобранцевъ, 269—270.—Поѣздка П—ча въ Петербургъ и рапортъ Сенату, 271—272.—Зачисленіе П—ча въ придворную службу, 273—275.—Новая поѣздка въ Австрію съ порученіемъ къ послу и для покупки лошадей ко двору, 276.—Встрѣча въ Бердичевѣ съ Черногорскимъ владыкою и его свитою, 277—279.—Уговоры П—ча владыкою взять на себя испорченное дѣло вывода Черногорцевъ въ Россію, 280—284.—Путь чрезъ Пештъ въ Вѣну и пребываніе въ ней, 285—286.—Поѣздка въ Митровицу за женой и потомъ въ Трансильванію для покупки лошадей, 287.—Осмотръ конныхъ заводовъ баронессы Вешелени и ухаживаніе ея за П—чемъ, 288—292.—Осмотръ коннаго завода графа Микша и жизнь въ его семьѣ, 293—315.—Обратный путь чрезъ Венгрію въ Россію съ семействомъ и купленными для двора лошадьми, 316—318.—Несчастіе постигшее П—ча въ Карпатахъ близъ Верхняго Свѣдѣка и гибель его жены съ сыномъ отъ наводненія, 319—328.—Розыскиваніе погибшихъ и погребеніе, 329—333.—Вторичный перѣздъ чрезъ Карпаты въ Польшу, 334—336.—Отдыхъ въ Дуклѣ, 337.—Карантинъ на Русской границѣ и приключеніе съ лошадьми въ Васильковѣ, 338—341.—Столкновеніе съ экономомъ Печерской Лавры изъ-за сѣнокосовъ, 342—344.—Прiѣздъ въ Кіевъ, представленіе генералъ-губернатору П. И. Стрешневу и объясненіе съ Печерскимъ архимандритомъ Лукою, 345—347.—Поѣздка въ Москву и осмотръ лошадей дворцовою конторою, 348—349.—Новыя старшіи Черногорскаго владыки и его новобранцевъ склонить П—ча къ принятію ихъ подъ свое начальство, 350—355.—Отъѣздъ въ Петербургъ и представленіе А. В. Олсуеву и графу А. И. Шувалову, 356—359.—Челобитная о поместныхъ П—чемъ несчастіяхъ и аудіенція у Императрицы, 360—362.—Добрыя отношенія А. В. Олсуева къ П—чу, 363—364.—Опредѣленіе П—ча Сенатомъ, по проскамъ Черногорскаго владыки, командиромъ Черногорскихъ переселенцевъ, 365—366.—Несогласіе П—ча на то и жизнь его въ Петербургѣ, 367—368.—Интриги генерала Хорвата по черногорскому дѣлу въ Москвѣ, 369—370.—Прiѣздъ Хорвата въ Петербургъ и его ухаживаніе за П—чемъ, 371—376.—Назойливость свѣты Хорвата, 377—379.—Совѣщанія П—ча съ А. В. Олсуевымъ, кн. Н. Ю. Трубецкимъ и графомъ П. И. Шуваловымъ, 380—382.—Прiѣздъ Хорвата къ П—чу и предложеніе жениться на его племянницѣ, 383—385.—Составленное Хорватомъ и подписанное П—чемъ прошеніе въ Сенатъ о переводѣ П—ча въ армію, 386—387.—Неудовольствіе А. В. Олсуева такимъ поступкомъ П—ча и нѣрные неудачи послѣдняго по службѣ, 388—391.—Назначеніе П—ча премьеръ-маіоромъ въ Богарскій гусарскій полкъ и отъѣздъ Хорвата въ Новую Сербію, 392—393.—Прiѣздъ австрійскаго маіора Подгоричанина въ Петербургъ, его представленіе вице-канцлеру графу Воронцову чрезъ П—ча и нѣрные успѣхи по службѣ, 394—396.—Неудачное хожденіе П—ча по дѣламъ Хорвата и отъѣздъ въ Москву, 397—399.—Прiѣздъ П—ча въ Миргородъ и описаніе домашней жизни Хорвата, 400—401.—Дурное управленіе Новой Сербіи Хорватомъ, 401—402.—Зависимость П—ча отъ маіора Шинтомъ, начальникомъ Хорватской канцеляріи, 402—403.—Ходъ дѣлъ

въ этой канцелярии, 404—405.—Намѣреніе Хорвата опредѣлить П—ча въ канцелярію, 406—407.—Законство П—ча съ майоромъ Бонковичемъ, открывшимъ ему планы Хорвата, 408.—Напрасныя объясненія П—ча съ Хорватомъ, 409—411.—Обищать П—ча Хорватомъ какъ по службѣ, такъ и по сватовству на племянницѣ, 412—413.—Приказъ отъ Хорвата о принятіи П—чемъ Болгарскаго полка, 414.—Переводъ въ Македонскій полкъ, 415.—Формированіе и обмундировка обоихъ полковъ, 416—417.—Назначеніе П—ча презусомъ въ комиссію для изслѣдованія злоупотребленій при формированіи новыхъ полковъ, 418—419.—Возмущеніе въ Македонскомъ полку по провѣскѣ самого Хорвата, 420—422.—Новыя интриги Хорвата противъ П—ча, переведеннаго съ своимъ полкомъ въ Бѣлую Церковь, 423—424.—Разныя неистовства и своевольства Хорвата, 425—426.—Назначеніе Македонскаго полка въ заграничный походъ, 427—428.—Переводъ П—ча обратно въ Болгарскій полкъ противъ его желанія, 429—430.—Удержаніе денегъ у П—ча Хорватомъ и отъѣздъ послѣдняго въ Петербургъ по случаю восшествія на престолъ Петра III, 431—433.—Женитьба П—ча на племянницѣ Хорвата, 434—437.—Неудача Хорвата въ Петербургѣ и назначеніе слѣствія надъ нимъ, 438—441.—Челобитная П—ча на Хорвата и поѣздка его въ Москву, 442—443.—Интриги Подгоричанина противъ П—ча, 444—445.—Переводъ П—ча въ Сербскій гусарскій полкъ, 446.—Паденіе Хорвата, 447.—Новая челобитная П—ча и новыя неудачи, 448—449.—Служба въ Сербскомъ полку и реформа гусарскаго строя, 450—454.—Жизнь въ отпуску у родныхъ жены, 455—458.—Поѣздка въ Смоленскъ и командировка въ Сумскій гусарскій полкъ, 459—461.—Передача нѣсколькихъ эскадроновъ Сербскаго полка въ Сумскій и переводъ П—ча въ Харьковскій полкъ, 462—463.—Формированіе новыхъ Слободскихъ полковъ, 464—467.—Смотръ Харьковского полка гвардіи майоромъ Щербининымъ, 468—471.—Смотръ Сумскаго полка, 472—474.—Шпы у помѣщика генерала Сафонова и ссора между военными, 475—477.—Переводъ П—ча въ Ахтырскій полкъ, 478—479.—Походъ въ Польшу, 480—481.

Ч А С Т Ъ III.

Предисловіе, 483—488.

Походъ въ Польшу, 489.—Командировка П—ча къ вождю готовившейся конфедераціи графу Потоцкому, 490—491.—Маршъ П—ча съ его отрядомъ отъ Зборова до Винницы, 492—495.—Первые дни пребыванія въ Винницѣ и первый знакомства, 496—497.—Письмо графа Потоцкаго, 498.—Переговоры съ хорунжимъ Грохольскимъ и сношенія съ мѣстнымъ шляхетскимъ съѣздомъ, 499—502.—Пріѣздъ графа Потоцкаго и встрѣча его, 503—505.—Засѣданіе шляхетскаго съѣзда и объявленіе конфедераціи, 506—507.—Рѣчи Потоцкаго и объясненія П—ча, 508—510.—Шпы у графа Потоцкаго и у П—ча, 511—512.—Отъѣздъ Потоцкаго и дальнѣйшее пребываніе П—ча въ Винницѣ, 513—514.—Сношенія П—ча съ братьями Грохольскими и подборъ партій изъ мелкой шляхты, 515—517.—Возвращеніе Потоцкаго, 518—520.—Избраніе депутатовъ отъ Брацлавскаго воеводства на генеральный сеймъ, 521—522.—Объясненія Потоцкаго наединѣ съ П—чемъ, 523.—Составленіе инструкцій депутатамъ и закрытіе сеймика, 524—526.—Отъѣздъ Потоцкаго въ Варшаву, 527.—Генеральный сеймъ и арестъ вождей оппозиціи, 528—

530.—Призывъ П—ча къ русскому послу князю Рѣпинну и порученіе ему отвезти арестованныхъ въ Вильну, 531.—Сборы въ путь и неудачное странствіе въ первый день, 532—535.—Хлопоты съ Краковскимъ епископомъ Салтыкомъ во время пути, 536—542.—Подкупъ Салтыкомъ двухъ офицеровъ нѣмецкаго происхожденія и унтеръ-офицера Крюкова, 543—545.—Попытка Салтыка списаться съ настоятелемъ іезуитскаго монастыря въ Гроднѣ, 546.—Мѣры П—ча противъ того, 547—550.—Неудачная попытка Салтыка подкупить самого П—ча, 551—553.—Пріѣздъ въ Вильну и сдача П—чемъ плѣнниковъ русскимъ военнымъ властямъ, 554—555.

Поправка. Въ Предисловіи отъ редакціи на стр. II, строка 11 сверху, напечатано: Александръ *Пителовичъ* Пишчевичъ, вмѣсто *Платоновичъ*.

189

190

191

192

193

194

365-366

367-368

369-370

371-372

DK
23
.P57

DK 23 .P57 C.1
izviesitie o pokhozhenii Simeo
Stanford University Libraries

3 6105 036 596 604

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

